ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ЛОИС МАКМАСТЕР БУДЖОЛД

Проклятие Шалиона

Проклятие Шалиона
Лоис Макмастер Буджолд

Аннотация
Лоис Буджолд. Проклятие Шалиона
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29

Аннотация

Лоис Макмастер Буджолд известна в первую очередь своим удостоенным трёх премий «Хьюго» научно-фантастическим сериалом о приключениях Майлза Форкосигана — циклом, переведённым на десятки языков и покорившим миллионы читателей.

Однако ценители «фэнтези» знают и **иную** Буджолд — автора удивительных, необычных «литературных легенд», каждая из которых была, есть и остаётся истинной жемчужиной жанра.

Мир «меча и магии».

Мир высоких Домов, сражающихся меж собою уже столь давно, что и причин-то этих войн уже никто не помнит.

Мир таинственного колдовского Проклятия, обрушившегося на Дом Шалион. Проклятия, избыть которое в силах лишь странный, покрытый шрамами человек, однажды уже за Шалион — умиравший.

Лоис Буджолд
Проклятие Шалиона

Автор выражает свою признательность профессору Уильяму Д. Филипсу-младшему за «Историю 3714», четыреста долларов и самые лучшие и с толком потраченные десять недель из всех когда-либо проведённых мной в школе; Пэт — «Да брось ты, всё получится!»; Врид — за игру в слова, в результате которой прото-Кэсерил, моргая и спотыкаясь, впервые выбрался на свет божий из глубин моего подсознания; а ещё, полагаю, коммунальным службам Миннеаполиса за тот горячий душ в холодном феврале, в котором плоды первых двух позиций внезапно вступили во взаимодействие в моей голове, чтобы сотворить новый мир и всех населяющих его людей.

Глава 1

Кэсерил услышал всадников ещё до того, как увидел их. Он оглянулся через плечо. Разбитая просёлочная дорога у него за спиной, спускаясь по склону небольшого холма, который казался чуть ли не горой среди здешних продуваемых всеми ветрами равнин, утопала в грязи, как всегда поздней зимой в Баосии. Впереди дорогу пересекал ручей, слишком мелкий и узкий, чтобы кто-нибудь потрудился перекинуть через него мостки. Ручей бежал сверху, с объеденных овцами пастбищ на холме. Судя по тому, как быстро приближались топот копыт, позвякивание сбруи, звон бубенцов, скрип сёдел и эхо беззаботно перекликавшихся голосов, те, кто догонял Кэсерила, не были ни фермерами с упряжкой, ни развозчиками, неспешно ведущими в поводу своих мулов.

Из-за поворота выехала кавалькада; всадники, несколько дюжин молодых людей, скакали по двое, в полном обмундировании. Не разбойники… Кэсерил с облегчением перевёл дыхание и расслабился. Разбойникам, правда, нечем было

бы у него поживиться — разве что позабавились бы. Он отступил с дороги и повернулся, чтобы посмотреть на отряд.

Посеребрённые кольчуги всадников, служившие скорее для красоты, чем для защиты, сверкали в лучах утреннего солнца. На голубых камзолах красовалась вышитая белая эмблема леди Весны. Серые плащи развевались на ветру, как знамёна. Застёгнуты они были серебряными, до блеска надраенными пряжками. Церемониальные гвардейцы, не воины. Заляпать эти одежды кровью Кэсерила они вряд ли пожелали бы.

Колонна приблизилась, и капитан, к его удивлению, вскинул руку. Всадники резко остановились, ехавшие в хвосте наскочили на тех, кто скакал впереди. Старый конюх отца Кэсерила, увидев такое, был бы оскорблён в лучших чувствах и разразился бы горестными причитаниями. Мальчишки. Впрочем, ему до них дела нет.

— Эй, ты, старина! — окликнул Кэсерила капитан, перегнувшись через луку седла остановившегося рядом знаменосца.

Кэсерил, хотя и был на дороге один, чуть не обернулся в поисках того, к кому относились эти слова. Похоже, его приняли за местного крестьянина, идущего на рынок или ещё по каким

делам. Впрочем, таковым он, должно быть, и выглядел в своих поношенных, облепленных грязью башмаках и дешёвых разномастных одёжках, наверченных поверх друг друга для защиты от холодного, пронизывающего до костей юго-восточного ветра. И за каждую из этих грязных тряпок Кэсерил был благодарен всем богам годового цикла. Подбородок его покрывала двухнедельная щетина. Да уж, только «эй, ты!» к нему и обращаться. Капитан оказался ещё довольно вежлив. Но… почему «старина»?

Капитан указал вперёд, на перекрёсток дорог, и спросил:

— Это путь на Валенду?

Когда это было?.. Кэсерил задумался, подсчитывая в уме пролетевшие годы, и сам поразился. Семнадцать лет! Семнадцать лет назад он в последний раз проезжал по этой дороге, отправляясь не на парад, а на настоящую войну, в свите провинкара Баосии. Хотя и уязвлённый тем, что пришлось трястись на мерине, а не гарцевать на боевом жеребце, он был исполнен тогда такого же тщеславия, самонадеянности и гордости, как эти юнцы, взирающие сейчас на него свысока. «Сегодня я был бы рад даже ишаку, пусть и пришлось бы подбирать ноги, чтобы не волочились

по грязи». И Кэсерил, оглянувшись на солдат, улыбнулся, ничуть не сомневаясь, что в карманах роскошных мундиров у большинства из них лежат весьма тощие кошельки.

Всадники морщили носы, словно от него воняло. Перед Кэсерилом им нечего было стесняться — это не лорд и не леди, вольные щедро осыпать их милостями; наоборот, рядом с ним они сами чувствовали себя аристократами. И взгляды, которые он на них бросал, вероятно, казались им восхищёнными.

Кэсерил испытывал искушение направить отряд по неверному пути, к какому-нибудь коровнику, или на овечью ферму, или ещё куда-нибудь — куда там ведёт эта дорога. Однако шутить с церемониальной гвардией Дочери накануне Дня Дочери не стоило. Людей, собравшихся под священными военными стягами, сложно заподозрить в обладании таким качеством, как чувство юмора, а Кэсерил вполне мог ещё столкнуться с ними, поскольку сам шёл в тот же город. Он прочистил горло, которое ему не приводилось напрягать, обращаясь к людям, со вчерашнего дня.

— Нет, капитан. Дорога на Валенду отмечена каменным указателем, это примерно в паре миль впереди.

Когда-то, во всяком случае, было так.

— Вы сразу узнаете это место.

Кэсерил высвободил из-под плаща руку и показал вперёд. Пальцы ему, правда, выпрямить так и не удалось — словно когтистой лапой взмахнул, а не рукой. В застывшие, негнущиеся суставы тут же голодным зверем впился холод, и Кэсерил поспешно спрятал руку обратно в складки тёплой накидки.

Капитан кивнул широкоплечему знаменосцу, который, уложив древко знамени на согнутую в локте руку, пальцами другой начал копаться в кошельке в поисках монетки помельче. Наконец он выловил парочку и извлёк их на свет. Тут лошадь под ним дёрнулась, и монета — золотой реал, не медная вайда — выскользнула из его руки и упала в грязь. Он глянул ей вслед с ужасом, но тут же взял себя в руки и сделал равнодушное лицо. Спешиться и рыться в поисках её в грязи под взглядами своих товарищей он не мог — ведь он же не нищий крестьянин, каким, на его взгляд, был Кэсерил. И знаменосец вздёрнул подбородок, ожидая в качестве утешения, что Кэсерил сейчас на потеху всем бросится за нежданным подарком судьбы в чавкающую жижу.

Вместо этого тот поклонился и произнёс:

— Пусть столь же щедрое благословение леди Весны осенит вас, молодой господин, сколь щедры оказались вы сами по отношению к бездомному бродяге.

Если бы юный солдат отличался большим умом, он заметил бы насмешку в словах Кэсерила, и тот получил бы хороший удар плёткой по лицу. Но это было маловероятно, судя по быкообразной внешности гвардейца, ибо таковая редко предполагает наличие разума, не уступающего мощностью мускулатуре. Лишь капитан раздражённо скривился, но ничего не сказал, только покачал головой и жестом приказал колонне двигаться дальше.

Если знаменосец был слишком горд, чтобы копаться в грязи, то Кэсерил для этого слишком устал. Он подождал, пока проедет багажный обоз, затем обслуга, и только когда скрылись из виду замыкавшие отряд мулы, с трудом наклонился и выловил маленькую искорку из студёной воды, набравшейся в след от лошадиного копыта. Шрамы на спине болезненно натянулись. «О боги! Я действительно двигаюсь, как старик!» Он выдохнул и выпрямился, чувствуя себя скрюченным столетним дедом. Или дорожной грязью, которую оставляет за собой Отец Зимы, когда покидает

мир, — подсохшей сверху, но жидкой внутри.

Он протёр монету — маленькую, хоть и золотую — и достал свой пустой кошелёк. Уронил тонкий металлический диск в голодный кожаный рот и услышал одинокое звяканье. Затем вздохнул, спрятал кошелёк. Теперь разбойникам снова есть чем поживиться. Появилась причина опасаться. Он вышел на дорогу и задумался о своей новой ноше. Почти не ощутимой. Почти. Золото. Искушение для слабых, утомительная обуза для мудрых… чем оно было для того здоровенного волоокого знаменосца с неомрачённым раздумьями челом, смущённого своей случайной щедростью?

Кэсерил окинул взглядом однообразный пейзаж. Ни деревьев, ни других укрытий было не видать, только редкие кусты, голые ветви которых казались на солнце серыми, росли по берегам протекавшей неподалёку речушки. Единственным более или менее пригодным убежищем была заброшенная ветряная мельница, стоявшая на холме слева от дороги. Крыша её провалилась, крылья сломались и сгнили. Но… хоть что-то.

Кэсерил свернул налево и начал взбираться на холм. Не холм — пригорок по сравнению с теми горами, что он преодолел неделю назад. Подъём,

однако, отнимал последние силы, и Кэсерил чуть не повернул обратно. Ветер здесь задувал сильнее, толкал в грудь, свистел над землёй, вороша серебристо-соломенные пучки высохшей прошлогодней травы. Кэсерил укрылся от жестокого ветра внутри мельницы и, держась за стену, с трудом поднялся по шаткой скрипучей лестнице наверх. Выглянув в окошко, он увидел внизу на дороге скачущего обратно всадника. Не гвардеец — кто-то из слуг. В одной руке он сжимал поводья, а в другой держал здоровенную дубину. Хозяин послал, дабы вытрясти из бродяги нечаянно утраченный золотой? Всадник скрылся из виду, но через несколько минут появился снова, явно пребывая в недоумении. Он остановился у грязного ручейка и привстал на стременах, оглядывая пустынные окрестности. Затем, разочарованно покачав головой, пришпорил коня и ускакал вслед за отрядом.

Кэсерил вдруг заметил, что смеётся. Было так странно и непривычно, что плечи его сотрясаются не от холода, не от жалящих ударов плетью, не от страха. И не менее странным было ощущение в душе пустоты, отсутствия… чего? Разрушительной зависти? Страстей? Желаний? Он не хотел больше следовать за солдатами, он не хотел вести

их за собой. Не хотел быть их частью. Он смотрел теперь на все эти шествия и парады, как смотрят на глупые скоморошьи игрища на рыночной площади.

«Боги, как же я устал! И голоден».

До Валенды осталось ещё с четверть дня пути, а там он сможет разменять у ростовщика свой золотой реал на более ходовые медные вайды. Сегодня ночью, с благословения леди, он будет спать на постоялом дворе, а не в сарае. Купит себе горячей еды, побреется, примет ванну…

Кэсерил отвернулся от окна, и когда глаза привыкли к царившему вокруг полумраку, он вдруг увидел, что внизу, на каменном полу, лежит человек. От ужаса у него перехватило дыхание, но почти сразу же он понял, что живой человек не может лежать в столь неестественной позе. А мертвецов Кэсерил не боялся. Ни мертвецов, ни причины их смерти, какой бы она ни была. Да…

Кэсерил спустился. Хотя тело лежало неподвижно, он выковырял из пола, прежде чем приблизиться, расшатанный камень и зажал его в руке. Мертвец оказался полным мужчиной средних лет, судя по седине в аккуратно подстриженной бороде. Лицо побагровевшее и вздутое. Задушен? Но на шее не видно никаких следов.

Одежда простая, но очень изящная. Хотя и слегка не по размеру — маловата. Коричневая шерстяная мантия и чёрный длинный плащ с прорезями для рук, окантованный серебристым шнуром, могли принадлежать богатому купцу или младшему лорду, приверженцу строгого стиля. Или честолюбивому учёному. Но в любом случае не фермеру, не крестьянину. И не солдату. Кисти рук лиловато-жёлтого оттенка, тоже опухшие, без мозолей и — тут он посмотрел на собственную левую руку, два пальца которой с отсутствующими концевыми фалангами свидетельствовали о проигранном споре с захлестнувшим их когда-то тросом — без повреждений.

На мужчине не было никаких украшений: ни цепочек, ни колец, ни медальонов, хотя одет он был богато. Может, до Кэсерила здесь успел побывать какой-нибудь любитель поживиться?

Кэсерил стиснул зубы и, с трудом преодолевая боль во всём теле, наклонился над трупом. Одежда была вовсе не мала, просто тело тоже невероятно раздулось, как лицо и руки. На такой стадии разложения зловоние должно было бы затопить всю мельницу и ударить Кэсерилу в ноздри, когда он только просунул голову в дверь. Но вони не было. Только едва уловимый запах

мускуса, дыма свечей и пота.

Первой мыслью Кэсерила было, что беднягу убили и ограбили на дороге, а затем притащили сюда, но её пришлось отбросить, ибо, осмотревшись, он заметил на полу вокруг тела пять восковых пятен от сгоревших до основания свечей — красного, синего, зелёного, чёрного и белого цветов. А ещё — разбросанные травы и пепел. Тёмная бесформенная горка перьев оказалась дохлым вороном со свёрнутой головой, а чуть поодаль он обнаружил трупик крысы — её маленькая шейка была перерезана. Крыса и ворон, принесённые в жертву Бастарду, богу несвоевременных катастроф и бедствий: торнадо, землетрясений, ливней, наводнений, а также убийств…

«Хотел ублажить богов, а?»

Глупец, похоже, пытался практиковать смертельную магию и заплатил обычную для этого цену. Один?

Ни к чему не прикасаясь, Кэсерил поднялся на ноги и обошёл зловещую мельницу изнутри и снаружи. Ни узлов, ни плаща и никаких других вещей, сложенных где-нибудь в углу, он не нашёл. У противоположной от дороги стены, судя по следам и ещё влажному навозу, совсем недавно

была привязана лошадь — или лошади.

Кэсерил вздохнул. Это, конечно, не его дело, но бросить покойника, не оказав ему прощальных почестей, было бы нехорошо. Только боги знают, сколько ему придётся здесь пролежать, пока тело не обнаружит кто-нибудь ещё. Это явно был достойный человек — сразу видно. Не бездомный бродяга, чьего исчезновения никто не заметит. Кэсерил поборол соблазн потихоньку спуститься на дорогу и продолжить путь, словно он никогда не находил никакого трупа. Вместо этого он направился по тропинке от задней стены мельницы туда, где наверняка должны были находиться ферма и люди. Не пройдя и нескольких минут, он увидел шедшего навстречу крестьянина с ослом в поводу, нагруженным дровами и хворостом. Крестьянин остановился и с подозрением уставился на Кэсерила.

— Леди Весны да благословит ваше утро, сэр, — вежливо поздоровался Кэсерил. Какой ему вред от того, что он назовёт крестьянина «сэром»? Во время своего ужасного рабства на галерах он вынужден был пресмыкаться перед неизмеримо более низкими людьми.

Фермер, рассмотрев бродягу, вяло взмахнул рукой в ответном приветствии и пробормотал,

глотая буквы:

— Блааслови тя леди.

— Ты живёшь здесь неподалёку? — спросил Кэсерил.

— Ага, — ответил крестьянин. Он был средних лет, упитанный, в простой, но добротной одежде. И ступал по земле уверенно, как её хозяин, хотя, может, и не являлся им.

— А я вот… — Кэсерил указал на тропинку у себя за спиной, — сошёл с дороги, хотел укрыться и передохнуть немного в той мельнице, — он не стал вдаваться в детали и объяснять, почему это ему поутру вдруг понадобилось искать укрытие, — и нашёл мертвеца.

— Ага.

Кэсерил, насторожившись, подумал, что, возможно, поторопился расстаться с камнем.

— Ты знаешь о нём? — спросил он.

— Видал его лошадь, была там привязана утром.

— А-а… — Теперь он мог спокойно спуститься к дороге и продолжить путешествие без всякого ущерба для своей совести. — А ты не знаешь, кто этот бедняга?

Фермер пожал плечами и сплюнул.

— Не местный, вот и всё, что я знаю. Я как по-

нял, что за чертовщина творилась тут прошлой ночью, так сразу позвал нашу настоятельницу из храма. Она забрала его вещи — чтоб не пропали — и будет держать у себя, пока за ними не придут. Его лошадь у меня в конюшне. А здесь всё надо сжечь, вот как. Настоятельница сказала — нельзя, чтобы он долежал до заката. — Он указал на кучу хвороста и поленья на спине своего осла и, затянув покрепче связывавшую их верёвку, двинулся дальше по тропе. Кэсерил зашагал с ним рядом.

— Как ты думаешь, что он там делал? — спросил он чуть погодя.

— Ясное дело что, — хмыкнул крестьянин, — вот и получил по заслугам.

— Хм… а кому он это делал?

— Откуда мне знать? Пусть храм разбирается. Я просто не хочу, чтобы такое творилось на моей земле. Ходят тут… заклятия сеют. Выжгу их огнём, а заодно спалю и эту проклятую мельницу, так вот. Нехорошо оставлять её стоять, уж очень близко от дороги. Притягивает, — он зыркнул на Кэсерила, — всяких.

Кэсерил помолчал ещё немного, потом спросил:

— Ты хочешь сжечь его вместе с одеждой?

Фермер окинул Кэсерила взглядом с ног до го-

ловы, оценивая бедность его обносков.

— Я до него дотрагиваться не собираюсь. И лошадь бы не взял, да жаль было оставлять бедную тварь помирать с голоду.

Кэсерил неуверенно спросил:

— Ты не возражаешь, если я тогда заберу эти вещи?

— А чего ты у меня спрашиваешь? С ним вот и договаривайся. Ежели не боишься. Мне-то всё равно.

— Я… я помогу тебе с ним.

Фермер моргнул.

— Ну, это хорошо бы.

Кэсерил понял, что фермер донельзя обрадовался, что ему не придётся одному возиться с трупом. Правда, таскать большие и тяжёлые поленья у Кэсерила не было сил, но посоветовать, как уложить их в мельнице таким образом, чтобы огонь разгорелся сильнее и спалил остатки здания дотла, — это он мог.

Крестьянин с безопасного расстояния наблюдал, как бродяга раздевает труп, стягивая с закоченевших членов вещь за вещью. Тело раздулось ещё больше. Кэсерил стащил с покойника тончайшей работы исподнюю рубашку, и освобождённый живот вспучился до пугающе

огромных размеров. Но заразным тело не было, да и запах до сих пор отсутствовал. Даже странно. Кэсерил задумался, что будет, если не сжечь труп до заката, — он лопнет? И если лопнет — что выйдет из него… или войдёт? Он встряхнул головой, отгоняя странные мысли, и быстро сложил одежду. Грязи на ней почти не было. Туфли оказались слишком малы, их он оставил. Затем вместе с фермером они уложили тело среди дров.

Когда всё было готово, Кэсерил опустился на колени, закрыл глаза и прочитал погребальную молитву. Не зная, кто из богов забрал себе душу умершего, хотя и несложно было сделать соответствующие выводы, он обратился сразу ко всем пяти членам Святого Семейства:

— Милосердия Отца и Матери, милосердия Сестры и Брата, милосердия Бастарда, милосердия всех пяти — о Величайшие! — мы покорнейше просим милосердия. Какие бы грехи ни совершил покойный, он заплатил за них сполна. Милосердия, Величайшие!

«Не справедливости, пожалуйста, не справедливости. Мы все были бы глупцами, моля о справедливости. Милосердия!»

Закончив молитву, Кэсерил встал и огляделся. Подумав, поднял ворона и крысу и положил их

маленькие трупики рядом с телом человека — у его головы и ног.

Боги нынче явно улыбались Кэсерилу. Интересно, во что это выльется.

Столб густого жирного дыма поднимался над мельницей, когда Кэсерил вновь зашагал по дороге в сторону Валенды с одеждой мертвеца, связанной в тугой узел за спиной. Хотя она была значительно чище и опрятнее лохмотьев Кэсерила, он справедливо рассудил, что прежде чем натянуть её на себя, надо найти прачку и хорошенько отстирать своё приобретение. Он почти слышал, мысленно отсчитывая прачке за труды медные вайды, их грустное позвякивание, но что поделаешь!..

Прошлую ночь Кэсерил провёл в сарае, стуча зубами от холода. Его ужином стала половина вонючего заплесневелого хлеба, вторую половину он съел на завтрак. Примерно три сотни миль прошёл он от порта Загосур на побережье Ибры до самой середины Баосии, центральной провинции Шалиона. Преодолеть это расстояние так быстро, как рассчитывал, ему не удалось. Приют храма Милосердия Матери в Загосуре занимался помощью людям, извергнутым — во всех смыслах этого слова — морем. Сердобольные служители

Приюта вручили Кэсерилу кошелёк, который истощился раньше, чем путник достиг конечной цели. Окончательно он иссяк буквально на днях. Ещё денёк, подумал Кэсерил, даже меньше. Если только он будет в силах переставлять ноги ещё день, то сможет достичь убежища и укрыться в нём.

Когда он начинал своё путешествие, голова его была полна планов, как он во имя былых времён попросит вдовствующую провинкару о месте в её владениях. Но по дороге амбиции его значительно поубавились, особенно когда он пересёк горы и вступил на холодные высоты центрального плато. Может, управляющий замка или старший конюх дадут ему работу в конюшне или на кухне, и тогда вовсе не придётся беспокоить великую леди. Если удастся получить место помощника на кухне, то не нужно будет даже называть своё имя. Кэсерил сомневался, что хоть кто-нибудь ещё помнит его по тем чудесным временам, когда он служил пажом у покойного провинкара Баосии.

Мечты о тихом, спокойном местечке у кухонного очага, о жизни без имени, когда не надо будет подчиняться никому более грозному, чем кухарка, и выполнять поручения более жуткие, чем принести воды или дров, влекли Кэсерила

вперёд, наперекор последним зимним ветрам. Видения отдыха, равно как и мысль, что каждый шаг удаляет его от кошмаров моря, манили и заставляли идти почти без остановок. Долгими часами на пустых дорогах Кэсерил придумывал себе подходящие для будущего безвестного существования имена. Но теперь ему, похоже, не придётся шокировать обитателей замка нищенскими обносками.

Ведь Кэсерил выпросил у крестьянина одежду мертвеца и благодарен им обоим — и фермеру, и покойнику.

«Да. Да. Покорнейше благодарен. Покорнейше».

Город Валенда раскинулся на невысоком холме, как яркое покрывало в красную и золотую клетку: красными были его черепичные крыши, жёлтыми — каменные стены домов, и равно сверкали на солнце те и другие. Кэсерил даже зажмурился при виде этих сочных, таких родных красок своей родины. Дома в Ибре были белыми — и слишком яркими в жаркий северный полдень, сверкающими и слепящими. А этот жёлтый песчаник придавал домам, городу, да и всей стране замечательный, приятный глазу оттенок. На вершине холма, как настоящая золотая корона,

высился замок провинкара; его отвесные стены показались Кэсерилу колышущимися в воздухе.

Остановившись посреди дороги, затаив дыхание, он смотрел на замок некоторое время, затем двинулся дальше, невзирая на дрожь в измученных ногах, столь быстрым шагом, каким не мог идти и в начале своего путешествия.

Для торговли на рынках время было уже позднее, улицы, ведущие к главной площади, были почти безлюдны и тихи. У ворот замка он подошёл к пожилой женщине, у которой вряд ли нашлись бы силы напасть на него и ограбить, и спросил, где можно найти ростовщика, чтобы разменять деньги. Ростовщик в обмен на маленький реал отсыпал Кэсерилу вожделенный груз медных монет и рассказал, где найти прачку и общественную баню. По дороге Кэсерил задержался, лишь чтобы купить масляную лепёшку у встречного уличного торговца, и проглотил её на ходу.

У прачки он заплатил за услуги и выторговал напрокат пару льняных штанов, тунику и сандалии, в которых и поспешил вниз по улице к бане, оставив в красных умелых руках женщины свои облепленные грязью башмаки и одежду. В бане брадобрей аккуратно подстриг ему бороду

и волосы, а Кэсерил в это время наслаждался неподвижностью и покоем в самом настоящем — о блаженство! — кресле. Мальчик-слуга подал чай. Затем Кэсерил прошёл во внутренний дворик и ожесточённо намыливал и скрёб себя всего мочалкой и душистым мылом, а мальчик периодически окатывал его из бадьи тёплой водой. В радостном предвкушении Кэсерил поглядывал на огромную деревянную кадку с подбитым медью дном. Она была наполнена водой, внизу горел огонь. Такая ванна могла вместить шесть человек, но поскольку время было неурочное, вся она оказалась в распоряжении одного Кэсерила. Он мог валяться и отмокать в ней хоть весь день, пока прачка приводит в порядок его вещи. Мальчик забрался на табурет и поливал воду ему на голову. Кэсерил поворачивался под струёй и фыркал от удовольствия. Он открыл глаза и заметил, что слуга пялится на него, разинув рот.

— Ты… ты что, дезертир? — выдавил мальчик.

Ох… Он забыл про свою спину, про красные длинные рубцы на теле — следы последней порки надзирателей рокнарских галер. Здесь, в Шалионе, подобным зверским образом наказывали немногих преступников, и в число таковых входили армейские дезертиры.

— Нет, — твёрдо ответил Кэсерил, — я не дезертир.

Изгой — это верно. Возможно, жертва предательства. Но пост он не оставлял никогда, даже при самых страшных обстоятельствах.

Мальчик зажал рот ладонью, со стуком уронив на пол деревянную бадью, и выскочил наружу. Кэсерил вздохнул и залез в ванну.

Как только он погрузил своё ноющее тело в горячую воду до подбородка, во дворик влетел банщик и грозно зарычал:

— Вон! Убирайся отсюда, ты!.. Ну!

— В чём дело? — Кэсерил выбрался из ванны, испугавшись, что банщик выволочет его из воды за волосы.

Банщик швырнул ему его одежду и, мёртвой хваткой вцепившись в руку, яростно потащил через внутренние помещения прямо к выходу.

— Эй-эй! Подожди! Что ты делаешь? Я же не могу выйти на улицу нагишом!

Банщик резко развернулся и выпустил руку Кэсерила.

— Живо напяливай своё барахло и проваливай! У меня почтенное заведение! Не для таких отбросов, как ты! Убирайся в свой бордель, мойся со шлюхами! Или смывай грязь в реке!

Измученный Кэсерил, с которого текла на пол вода, натянул тунику, влез в штаны и попытался, застёгивая их, одновременно впихнуть ноги в сандалии, когда банщик снова схватил его и вытолкнул на улицу. Кэсерил повернулся, и дверь ударила его по лицу. Тут его осенило — в Шалионе наказывали плетьми ещё за одно преступление: изнасилование девственницы или мальчика. Лицо его запылало.

— Но я… это совсем другое… меня продали в рабство пиратам Рокнара…

Его затрясло. Он хотел постучать в дверь и объяснить всё-таки этим людям, откуда у него рубцы.

«О-о моя бедная честь!»

Банщик — отец мальчика, догадался Кэсерил.

Он засмеялся. И заплакал одновременно. В голову пришла пугающая мысль: у него же нет никаких доказательств, и если он даже заставит выслушать себя, где гарантии, что ему поверят? Он вытер глаза мягким льняным рукавом. Ткань пахла чистотой и свежестью, словно только что из-под утюга. Это напомнило ему о том, что когда-то и он жил в доме, а не в канавах. Как будто тысячу лет назад.

Совершенно убитый, он поплёлся обратно к

выкрашенной в зелёный цвет двери прачечной. Колокольчик мягко звякнул, когда он боязливо вступил внутрь.

— У вас найдётся уголок, где я мог бы посидеть, мэм? — спросил он, когда пухленькая хозяйка выкатилась на звон колокольчика. — Я… закончил раньше, чем… — Голос у него сорвался.

Она с улыбкой пожала плечами.

— Почему же нет? Пойдёмте со мной. Ах, подождите. — Она нырнула под стойку и, выпрямившись, протянула ему маленькую — с ладонь Кэсерила — книжицу в хорошем кожаном переплёте. — Вам повезло, что я проверила карманы прежде, чем замочить одежду. Иначе она бы уже превратилась в кашу, уж можете мне поверить.

Кэсерил машинально взял книжку. Должно быть, та была спрятана во внутреннем кармане толстой шерстяной мантии покойника. В спешке сворачивая на мельнице одежду, он её не заметил. Книгу следовало отдать настоятельнице храма, где лежало и всё остальное, принадлежавшее мертвецу.

«Ну, сегодня-то я точно туда не пойду. Отдам, когда смогу».

Теперь же он просто сказал:

— Спасибо, мэм.

И последовал за хозяйкой во внутренний дворик, очень похожий на тот, который он только что вынужден был так стремительно и позорно оставить. Во дворе находился глубокий колодец, а в центре тоже располагался огромный чан над огнём. Четыре молодые женщины тёрли бельё на стиральных досках и полоскали его в лоханях. Хозяйка указала ему на скамейку у стены, куда он и сел, недосягаемый для разлетавшихся под бойкими руками прачек водяных брызг. Некоторое время он тихо наблюдал за мирной размеренной работой. Было время, когда он не удостаивал взглядом краснощёких деревенских девушек, храня пламенные взоры для утончённых леди. Почему он раньше не понимал, как прекрасны прачки? Крепко сбитые, весёлые, они словно исполняли какой-то танец и казались добрыми, такими добрыми…

Наконец любопытство победило, и Кэсерил решил заглянуть в книгу. Может быть, там указано имя умершего владельца? Открыв её, он увидел испещрённые рукописными строчками страницы. Изредка попадались и рисованные диаграммы. Всё было зашифровано.

Кэсерил прищурился и, поднеся книгу поближе к глазам, от нечего делать занялся расшифровкой.

Записи были сделаны в зеркальном отображении, с помощью замены букв — сложная система. Но случайно короткое слово, трижды встретившееся в тексте, дало ему ключ к разгадке. Владелец книги выбрал самый простой, детский шифр — просто сдвинул все буквы алфавита на одну позицию, не потрудившись даже переставлять их в слове и менять систему по ходу записей. Однако… это был не ибранский язык, на диалектах которого говорили в самой Ибре, Шалионе и Браджаре. А дартакан — на нём говорили в самых южных провинциях Ибры и в Великой Дартаке, за горами. Почерк был ужасный, правописание — того хуже, а знакомство с дартаканской грамматикой практически отсутствовало. Дело оказалось сложнее, чем представилось было Кэсерилу. Ему потребуются перо и бумага. И немного покоя, тишины и света, если он хочет разобраться, что тут к чему. Могло быть и хуже, если бы язык оказался плохим рокнари.

Фактически было ясно, что в книге велись записи о магических экспериментах. Вот и всё, что Кэсерил пока мог сказать. Достаточно, чтобы обвинить и повесить беднягу, если бы тот уже не помер. Наказание за практикование — нет, за попытки практикования! — смертельной магии

было суровым. За успешное её использование наказывать уже никого не приходилось, ибо, насколько Кэсерилу было известно, каждый, кто прибегал к помощи демонов смерти, оплачивал их услуги собственной гибелью, составляя компанию своей жертве. Если связь между колдующим и Бастардом вынуждала последнего послать одного из своих слуг в мир, тот возвращался либо с обеими душами, либо с пустыми руками.

Исходя из этого, где-то в Баосии прошлой ночью умер кто-то ещё… Естественно, смертельная магия не пользовалась в народе популярностью. Уж слишком двустороннее оружие. Убить — значит быть убитым. Нож, меч, яд, удавка — да всё что угодно — более удобные и эффективные орудия, если убийца, конечно, желает пережить свою жертву. Но от отчаяния или вследствие заблуждений люди всё же иногда прибегали и к этому способу. Да, книгу нужно обязательно отправить сельской настоятельнице, чтобы она передала её повыше, по назначению — случай подлежит расследованию. Брови Кэсерила сошлись на переносице, и он, выпрямившись, захлопнул книгу.

Тёплый пар, размеренный плеск воды, голоса прачек, а также крайняя усталость соблазнили Кэсерила прилечь на бок, свернувшись на

скамейке и подложив под щёку таинственные записи, временно оказавшиеся в его распоряжении. Он только прикроет глаза на минутку…

Проснувшись, он потянулся, услышал, как хрустнули шейные позвонки. Пальцы сжимали что-то шерстяное… кто-то из прачек набросил на него одеяло. В ответ на эту трогательную заботу у Кэсерила вырвался невольный благодарный вздох. Поднявшись, он обнаружил, что двор почти весь уже укрыт тенью. Ему удалось проспать большую часть дня. А разбудил его стук его вычищенных до блеска ботинок о каменный пол дворика. Хозяйка прачечной сложила стопку свежевыглаженной одежды — и новой, и его прежних обносков — на соседнюю скамейку.

Вспомнив реакцию мальчика, Кэсерил смущённо спросил:

— Не найдётся ли у вас комнаты, где я мог бы переодеться, мэм?

«Без посторонних взоров».

Она добродушно кивнула, провела его в скромную спальню в задней части дома и оставила одного. Через небольшое окошко туда проникал свет клонившегося к закату солнца. Кэсерил разобрал ещё слегка влажные вещи и с отвращением взглянул на то, в чём ходил последние недели.

Окончательный выбор ему помогло сделать овальное зеркало в углу, самое богатое украшение комнаты.

Вознеся ещё одну благодарственную молитву душе покойного, чьё неожиданное наследство пришлось так кстати, он надел чистые хлопковые штаны, тонкую рубашку, коричневую шерстяную мантию — ещё тёплую после утюга — и, наконец, чёрный, сверкающий у лодыжек серебром плащ. Для худого, измождённого тела Кэсерила одежда оказалась даже великовата. Он сел на кровать и натянул ботинки — стоптанные, со стёртыми подошвами, они явно нуждались не только в толстом слое ваксы. Он не видел своего отражения в зеркале большем и лучшем, чем кусок отполированной стали уже… три года? А тут — настоящее стекло, наклоняющееся так, что можно увидеть поочерёдно верхнюю и нижнюю половину тела. Кэсерил оглядел себя с ног до головы.

Из зеркала на него смотрел незнакомец. «Пятеро богов! Когда пробилась седина в бороде?» Он коснулся подбородка дрожащими пальцами. Хорошо хоть, свежеподстриженные волосы ещё не начали пятиться ото лба к затылку. Вот и ладно. Если бы Кэсерилу пришлось гадать, к какому сословию относится этот человек в

зеркале — торговец он, лорд или учёный, — он бы сказал, что учёный. Преданный своей науке, слегка не от мира сего. Чтобы указывать на более высокую социальную ступень, одежда требовала дополнений в виде золотых или серебряных цепей, пряжек, красивого, украшенного драгоценностями пояса и толстых, переливающихся самоцветами колец. Но она и так была ему к лицу. В любом случае бродяга исчез. В любом случае… такой человек не станет просить места на кухне замка.

На последние вайды он собирался переночевать на постоялом дворе и отправиться в замок провинкара утром. Но вдруг банщик пустил слух, который уже разнёсся по городу? Тогда ему откажут в любом почтенном и безопасном пристанище…

«Нет, надо идти сейчас».

Он должен отправиться в замок немедленно.

«Я не переживу ещё одну ночь в неведении».

До того, как падёт тьма.

«До того, как падёт тьма отчаяния на моё сердце».

Он спрятал записную книжку во внутреннем кармане, где она, по-видимому, и находилась раньше. Оставив стопку старой одежды на крова-

ти, повернулся и вышел из комнаты.

Глава 2

Уже сделав последний шаг к главным воротам замка, Кэсерил пожалел, что не имел возможности обзавестись мечом. Появление безоружного визитёра не вызвало тревоги у двух стражников в зелёной с черным форме гвардейцев провинкара Баосии. Однако и значительности в их глазах отсутствие оружия ему не прибавило. Кэсерил приветствовал одного из них — с сержантской бляхой на шляпе — сдержанным кивком. Подобострастие, мысленно представляемое им ранее, было бы уместным, если бы он входил через задние ворота, а не главные. Сейчас же благодаря стараниям прачек он мог даже назваться своим настоящим именем.

— Добрый вечер, сержант. Я здесь для встречи с управляющим замком, сьером ди Ферреем. Меня зовут Люп ди Кэсерил, — сказал он, предоставив сержанту догадываться, вызывали его в замок или он явился без приглашения.

— По какому делу, сэр? — вежливо, но непреклонно поинтересовался сержант.

Плечи Кэсерила выпрямились; он и сам не по-

нял, из какого уголка подсознания выплыл ответ, отчеканенный его собственным голосом:

— По его делу, сержант.

Тот автоматически отдал честь.

— Да, сэр!

Кивком велев своему напарнику сохранять бдительность, он жестом пригласил Кэсерила следовать за ним через открытые ворота.

— Сюда, пожалуйста, сэр. Я спрошу, примет ли вас управляющий.

Сердце Кэсерила сжалось, когда он окинул взглядом широкий, мощённый булыжником двор за воротами. Сколько подошв он стёр на этих камнях, выполняя различные поручения для владельца замка? Старшина пажей всё жаловался, что разорится на покупке сапог, пока провинкара, смеясь, не спросила, неужели тот предпочёл бы ленивого пажа, протирающего штаны вместо обуви? Если так, то она найдёт парочку специально, чтобы доставить ему удовольствие…

Вдовствующая провинкара всё так же управляла своими владениями — бдительно, твёрдой рукой. Форма стражников была в отличном состоянии, двор чисто выметен, а аккуратно высаженные растения покрыты яркими пышными цветами — послушно распустившимися как раз

накануне завтрашнего праздника Дня Дочери.

Стражник указал Кэсерилу на скамейку у стены, нагретую благословенным дневным солнцем и ещё хранившую тепло, а сам направился к служебным помещениям, чтобы послать за управляющим кого-нибудь из слуг. Он не прошёл и полпути, когда его товарищ у ворот возвестил:

— Принцесса возвращается!

— Принцесса возвращается! Шевелитесь! — крикнул сержант слугам и зашагал быстрее.

Конюхи и слуги высыпали из многочисленных дверей, выходивших во двор. За воротами раздались топот копыт и подбадривающие выкрики. Первыми под арку с совершенно неподобающим леди триумфальным гиканьем влетели две девушки на взмыленных и заляпанных грязью лошадях.

— Тейдес, мы тебя обскакали! — закричала одна из них, оглянувшись через плечо. На ней был синий бархатный жакет для верховой езды и в тон ему шерстяная юбка в складку.

Чуть растрёпанные вьющиеся волосы, выбившиеся из-под шляпки с лентами, были светлыми, но без рыжины — в лучах заходящего солнца они сияли глубоким янтарным цветом. У неё был улыбающийся щедрый рот, белая кожа и любо-

пытные свинцово-серые глаза, искрившиеся в данный момент смехом.

Её более высокая спутница, запыхавшаяся брюнетка в красном, обнажила в улыбке блестящие белые зубы и согнулась в седле, пытаясь отдышаться.

Следом за ними в ворота влетел, погоняя блестевшего от пота вороного скакуна с развевающимся шёлковым хвостом, совсем юный кавалер в коротком алом жакете. По бокам от него скакали два конюха с мрачными лицами, а позади — нахмуренный господин. У мальчика были такие же кудрявые волосы, как у первой всадницы («Брат и сестра? — подумал Кэсерил. — Скорее всего…»), только чуть порыжее, и широкий рот с более пухлыми губами.

— Гонка закончилась у подножия холма. Ты сжульничала, Исель! — выпалил он.

Она скорчила рожицу, словно говоря своему царственному брату: «Ой-ой-ой». И, прежде чем слуга успел подставить скамеечку, выскользнула из седла, ловко приземлившись на ноги.

Её темноволосая подруга также спешилась, предвосхитив помощь конюха, и передала ему вожжи со словами:

— Выгуляйте хорошенько этих бедных живот-

ных, Дени, чтобы они как следует остыли. Мы их совсем замучили.

И, словно извиняясь за это, чмокнула свою лошадь в белый нос и достала из кармана угощение.

Последней, примерно с двухминутным отставанием, в ворота въехала краснолицая пожилая женщина.

— Исель, Бетрис, помедленнее! Не торопитесь! О-ох, Мать и Дочь, девочки, вы не должны скакать галопом через всю Валенду как умалишённые!

— Мы уже и не торопимся. На самом деле мы вообще уже остановились, — логично возразила брюнетка. — Мы не можем опередить ваш язык, дорогая, как бы ни старались. Он слишком скор даже для самой быстрой лошади Баосии.

Пожилая женщина обречённо вздохнула и подождала, пока конюх подставит ей скамеечку.

— Ваша бабушка купила вам чудесного белого мула, принцесса. Почему вы не ездите на нём? Это куда удобнее.

— И куда как ме-е-едленнее, — смеясь, поддразнила девушка. — Кроме того, бедняжку Снежка вымыли и вычесали для завтрашней процессии. У конюхов сердце бы разорвалось, прокатись я на нём по грязи. Они хотят всю ночь продержать его

завёрнутым в простыни.

Вздохнув, пожилая женщина позволила груму помочь ей спуститься. Оказавшись на земле, расправила юбку и потёрла ноющую спину.

Мальчик удалился в окружении толпы суетливых слуг, а девушки, не обращая внимания на недовольное бормотание сопровождавшей их женщины, наперегонки побежали к двери. Она последовала за ними, сокрушённо покачивая головой.

Добежав до двери, девушки чуть не столкнулись с появившимся на пороге полным мужчиной средних лет в строгой чёрной одежде, который без всякого укора, но достаточно твёрдым голосом произнёс:

— Бетрис, если ты ещё хоть раз погонишь своего жеребца галопом на холм, как сегодня, я его у тебя отберу. Тогда ты сможешь тратить свою чрезмерную энергию, догоняя принцессу бегом.

Она быстро присела в книксене и невнятно пробормотала что-то вроде:

— Да, папа.

Янтарноволосая девушка тотчас пришла на выручку подруге:

— Пожалуйста, не сердитесь на Бетрис, сьер ди Феррей. Это я виновата. Когда я поскакала вперёд,

у неё не оставалось выбора, и она последовала за мной.

Бровь сьера ди Феррея приподнялась, и он с лёгким кивком ответил:

— Тогда, принцесса, вам следует подумать о том, какая слава будет у командира, который втягивает своих подчинённых в сомнительные предприятия, зная, что сам избежит наказания.

Девушка прикусила губу и, бросив на управляющего взгляд из-под ресниц, тоже сделала книксен. Затем подруги проскользнули внутрь. Их старшая спутница, благодарно кивнув, двинулась следом за ними.

Кэсерил узнал управляющего ещё прежде, чем того назвали по имени, по связке ключей на отделанном серебром поясе. Управляющий приблизился к Кэсерилу, тот встал и поклонился.

— Сьер ди Феррей? Меня зовут Люп ди Кэсерил. Я прошу аудиенции у вдовствующей провинкары, если… если она удостоит меня своим вниманием. — Голос у него при виде нахмурившихся бровей управляющего сорвался.

— Я вас не знаю, сэр, — ответил тот.

— Милостью богов, провинкара может помнить меня. Я когда-то служил здесь пажом, — он обвёл рукой двор, — в этом замке. Когда прежний

провинкар был ещё жив.

У Кэсерила было такое чувство, что куда бы он ни пришёл, всюду окажется чужаком.

Глубокая морщина между седыми бровями немного разгладилась.

— Я узнаю, примет ли вас провинкара.

— Это всё, о чём я прошу.

Всё, о чём он осмеливался просить. И когда управляющий скрылся в дверях, Кэсерил снова сел на скамейку, нервно сплетя пальцы. Через несколько мучительных минут неизвестности, в течение которых проходящие мимо слуги искоса с любопытством поглядывали на него, он увидел, что управляющий возвращается. Ди Феррей смущённо взглянул на Кэсерила и сказал:

— Её милость провинкара примет вас. Следуйте за мной.

Тело закоченело от сидения на холоде, и Кэсерил, проходя за управляющим внутрь, споткнулся. Ему не нужен был проводник. В его памяти всплыл план помещений, каждый поворот. Через этот холл, по выложенному жёлтой и синей плиткой полу, вверх по этой, а потом по той лестницам, через внутренний коридорчик с белыми стенами — и вот она, комната у западной стены, где провинкара любила сидеть по

вечерам, поскольку в это время суток здесь было светлее всего для вышивки или чтения. Кэсерил вынужден был наклонить голову, так как дверь оказалась слишком низкой, — раньше ему не нужно было этого делать. Наверное, единственное изменение.

«Но не дверь же стала меньше!»

— Вот этот человек, ваша милость, — нейтрально представил Кэсерила управляющий, предпочтя не упоминать названного ему имени.

Вдовствующая провинкара сидела, обложившись подушками, в широком деревянном кресле. На ней было строгое тёмно-зелёное платье, соответствующее и её высокому статусу, и положению одновременно, однако вдовьим чепцом она пренебрегла. Волосы были красиво стянуты в два узла и связаны зелёными лентами, скреплёнными зажимами с бриллиантами. Рядом сидела компаньонка — тоже вдова, судя по одежде, — примерно одних лет с провинкарой. Компаньонка отложила своё шитьё и, взглянув на Кэсерила, недоверчиво нахмурилась.

Молясь, чтобы не споткнуться на непослушных ногах, Кэсерил опустился на одно колено и склонил голову в знак уважения. От одежд провинкары веяло ароматом лаванды. Он посмотрел

на неё снизу вверх, в надежде отыскать на её лице признаки узнавания. Если она его не узнает, он действительно станет никем.

Она откинулась назад и в изумлении прижала ладонь ко рту.

— Пятеро богов, — прошептала леди. — Это и вправду вы. Милорд ди Кэсерил. Добро пожаловать в мой дом, — и протянула руку для поцелуя.

Кэсерил проглотил комок в горле и, задохнувшись от волнения, наклонился к её руке. Когда-то рука эта была изящной и белой, с восхитительными перламутровыми ногтями. Сейчас же тонкую пергаментную кожу покрывали старческие коричневые пятна, суставы разбухли, только ногти были по-прежнему ухожены, как в давние времена. Провинкара не вздрогнула и вообще не подала виду, что заметила, как выкатившиеся из глаз Кэсерила две горячие слезинки капнули на тыльную сторону её ладони. Только уголки губ слегка приподнялись в печальной улыбке. Рука выскользнула из его пальцев и коснулась седой прядки в его коротко остриженной бороде.

— Боже мой, Кэсерил, неужели я так постарела?

Он сморгнул слёзы и поднял на неё взгляд. Нет, он не станет плакать, как неразумное дитя…

— Прошло много лет, ваша милость.

— Тс-с… — Она легонько хлопнула его рукой по щеке. — Вы должны были сказать, что я ничуточки не изменилась. Разве я не научила вас, как нужно лгать женщине из вежливости? Столь важную вещь я упустить просто не могла.

Она кивнула в сторону своей компаньонки.

— Позвольте представить вам мою кузину, леди ди Хьюлтер. Тесса, познакомься с милордом кастилларом ди Кэсерилом.

Краешком глаза Кэсерил заметил, что управляющий облегчённо вздохнул, расслабившись, скрестил на груди руки и опёрся спиной о косяк. Всё ещё стоя на колене, Кэсерил вежливо поклонился леди ди Хьюлтер.

— Вы — сама любезность, ваша милость, но я больше не владею Кэсерилом — ни замком, ни землями, принадлежавшими моему отцу, так что я не ношу титул кастиллара.

— Не глупите, кастиллар. — Её мягкий голос стал твёрже. — Мой дорогой провинкар лежит в земле уже десять лет, но пусть демоны Бастарда сожрут любого, кто осмелится именовать меня титулом меньшим, чем провинкара. Мой дорогой мальчик, не позволяйте никому видеть вас проигравшим и сдавшимся.

Кэсерил посчитал неосторожным высказать вслух, что титул этот теперь по праву принадлежит невестке провинкары. Нынешний провинкар, её сын, и его жена наверняка сочтут эти слова несправедливыми.

— Для меня вы всегда будете великой леди, ваша милость, перед которой все мы преклоняемся, — ответил Кэсерил.

— Лучше, — удовлетворённо отметила она, — значительно лучше. Что мне нравится — так это мужчины, которые умеют шевелить мозгами. — Она повернулась к управляющему. — Ди Феррей, принесите кастиллару стул. И ещё один для себя… а то маячите там, как чёрный ворон. Меня это нервирует.

Управляющий, привыкший, видимо, к подобному обращению, улыбнулся и пробормотал:

— Конечно, ваша милость.

Он пододвинул Кэсерилу резное кресло, буркнув что-то вроде: «Не угодно ли милорду присесть?», и, принеся из соседней комнаты стул для себя, устроился чуть поодаль от своей госпожи и её гостя.

Кэсерил поднялся с колена и, усевшись в кресле, вновь утонул в благословенном комфорте. Он осторожно начал:

— Это не принца ли и принцессу, возвращавшихся с прогулки, я увидел по прибытии в замок, ваша милость? Я не побеспокоил бы вас своим вторжением, если бы знал, что они у вас гостят, — просто не осмелился бы.

— Они не в гостях, кастиллар. Они теперь живут со мной. Валенда — маленький спокойный городок, а… моя дочь не вполне здорова. Ей здесь значительно лучше, чем в окружении шумного двора. — В её взгляде он заметил усталость.

Пятеро богов, так леди Иста здесь? Вдовствующая рейна Иста — быстро поправил себя Кэсерил. Когда он только поступил на службу к провинкару Баосии, нескладный, как и всякий юнец в его летах, младшая дочь провинкара была уже вполне сложившейся женщиной несколькими годами старше его. К счастью, даже в том неразумном возрасте он был не настолько глуп, чтобы поведать кому-нибудь о своей безнадёжной в неё влюблённости. Её вскоре сыгранная свадьба с самим реем Иасом — для неё первый брак, для него второй — казалась достойной долей при её красоте, несмотря на значительную разницу в возрасте супругов. Кэсерил предполагал, что Иста довольно скоро овдовеет — однако не ожидал, что настолько скоро.

Нетерпеливо щёлкнув пальцами, провинкара как будто стряхнула с себя усталость и спросила:

— Ну а вы? Последнее, что я слышала о вас, — это что вы служили адъютантом у провинкара Гуариды.

— Это было… несколько лет назад, ваша милость.

— А что привело вас к нам? — Она оглядела его и нахмурила брови. — И где ваш меч?

— А, это… — Его рука машинально коснулась левого бока, где не было ни пояса, ни меча. — Я лишился его… Когда марч ди Джиронал повёл войска рея Орико на север во время зимней кампании… три?.. да, три года назад… он назначил меня комендантом крепости Готоргет. Потом те злоключения с ди Джироналом… войска Рокнара взяли крепость в осаду. Мы держались девять месяцев. Впрочем, вы знаете. Клянусь, в Готоргете не осталось ни одной живой крысы — к тому моменту, когда мы получили известие о том, что ди Джиронал подписал договор и нам было приказано сложить оружие и сдать крепость нашим врагам, мы съели всех. — Кэсерил выдавил улыбку. Левой рукой судорожно сжал край плаща. — Единственным утешением могло служить лишь то, что наша крепость обошлась рокнар-

скому принцу в триста тысяч золотых реалов дополнительных расходов, согласно договору, плюс значительно большая сумма, потраченная при девятимесячной осаде. — «Слабое утешение для потерянных нами душ». — Рокнарский генерал потребовал меч моего отца — как он сказал, чтобы меч напоминал ему обо мне. Тогда я видел свой клинок в последний раз. Потом… — Голос Кэсерила, окрепший было за время рассказа, вновь сорвался. Он прокашлялся и продолжил: — Произошла какая-то ошибка, путаница. Когда доставили деньги — выкуп за пленных — и список подлежащих освобождению, моего имени в нём не оказалось. Рокнарский интендант клялся, что ошибки быть не может, поскольку количество освобождаемых строго соответствовало присланной сумме, но… ошибка всё же где-то была. Все мои офицеры оказались на свободе… меня же вместе с остальными пленными отправили в Виспинг, на продажу в рабство корсарам, на галеры.

У провинкары перехватило дыхание. Управляющий, который во время рассказа всё больше наклонялся вперёд, в сторону Кэсерила, выпалил:

— Но вы, конечно же, протестовали!

— О пятеро богов! Конечно. Я протестовал всю дорогу до Виспинга, протестовал, когда меня тащили по сходням на корабль и когда приковывали к веслу. Я протестовал, пока мы не вышли в море, а потом… я научился не протестовать. — Он снова улыбнулся. Улыбка была скорее гримасой, клоунской маской, скрывающей боль. По счастью, никто не увидел в его слабости недостойного поведения. — Я плавал то на одном корабле, то на другом в течение… долгого времени. — Как он высчитал позже, восемнадцать месяцев и восемь дней. В то время дни сливались для него в одно непрерывное мучение. — А потом мне несказанно повезло: мой корсар зашёл в воды Ибры, а волонтёры на ибранских судах гребли значительно быстрее, чем мы, так что нас вскоре догнали.

Двоих гребцов свирепые рокнары обезглавили за то, что те случайно — или намеренно? — выпустили из рук вёсла. Один из них сидел рядом с Кэсерилом — был его соседом по веслу в течение долгих месяцев, — и кровь его брызнула в лицо Кэсерилу. Не следовало вспоминать об этом — Кэсерил вновь ощутил на губах её вкус. После того как корабль был захвачен, ибранцы тащили за ним по воде привязанных полуживых рокнаров,

пока тех не пожрали огромные морские рыбы. Многие освобождённые рабы добровольно вызвались помогать грести. Кэсерил не мог. Недавняя порка — почти свежевание — и несколько часов за бортом в солёной воде сделали его совершенно беспомощным. Поэтому он просто сидел на палубе, содрогаясь от боли, и всхлипывал.

— Добрые ибранцы высадили меня на берег в Загосуре, где я пролежал больным несколько месяцев — знаете, как это бывает, когда внезапно исчезает напряжение, в котором человек прожил долгое время. — Он улыбнулся извиняющейся улыбкой. Его колотила лихорадка, пока не поджила спина. Потом началась дизентерия, потом — малярия. И в течение всего этого времени из глаз его почти безостановочно катились слёзы. Он плакал, когда служитель храма приносил ему обед. Когда солнце вставало. Когда оно садилось. Когда под ногами прошмыгивала кошка. В любое время, без всякого повода.

— Меня принял Приют храма Милосердия Матери. Когда я почувствовал себя лучше — когда он перестал плакать и служители решили, что он не сумасшедший, просто душа его не выдержала жестоких испытаний, — мне дали немного денег, и я отправился сюда. Я был в пути три недели.

В комнате стояла мёртвая тишина.

Он поднял голову и увидел гневно сжатые губы провинкары. И пустой желудок его свело от ужаса.

— Я просто придумать не мог, куда мне ещё пойти! — тут же стал оправдываться он. — Я сожалею. Мне очень жаль.

Управляющий, как будто даже не дышавший всё это время, шумно выдохнул и сел прямо, не отводя взгляда от Кэсерила. Глаза компаньонки провинкары были расширены.

Дрожащим от гнева голосом провинкара произнесла:

— Вы — кастиллар ди Кэсерил. Они обязаны были дать вам лошадь. Они обязаны были дать вам эскорт.

Кэсерил, испытав невероятное облегчение, разжал стиснутые кулаки.

— Нет-нет, миледи! Этого было… достаточно. — Он понял, что её гнев направлен не на него. Ох… В горле встал комок, глаза затуманились…

«Нет. Не надо. Только не здесь…»

Он торопливо продолжил:

— Я готов служить вам, миледи, если вы найдёте для меня какое-нибудь дело. Я знаю, что… пока ещё могу немногое.

Провинкара, подперев рукой подбородок, задумчиво смотрела на него. Через минуту она сказала:

— Будучи пажом, вы замечательно играли на лютне.

— О-о… — Кэсерил непроизвольно попытался спрятать руки, но тут же, виновато улыбнувшись, вновь положил их на колени. — Думаю, что теперь уже не смогу, миледи.

Она наклонилась вперёд, и взгляд её остановился на мгновение на его левой руке.

— Да, пожалуй. — Закусив губу, она снова откинулась в кресло. — Помню, вы прочли все книги в библиотеке моего покойного мужа. Старшина пажей неоднократно жаловался на вас по этому поводу, пока я не велела оставить вас в покое. Как я помню, вас привлекала поэзия и сами вы были не чужды вдохновения.

Кэсерил, однако, сомневался, что сможет теперь удержать перо в правой руке.

— Уверен, что когда я отправился на войну, Шалион счастливо избавился от плохих стихов.

Она пожала плечами.

— Ну, Кэсерил, я, право, уже боюсь предлагать вам какое-либо занятие. Я не уверена, что в бедной Валенде найдётся достойное вас место. Вы

были придворным, курьером, командиром, комендантом…

— Я перестал быть придворным с тех давних пор, когда был ещё жив рей Иас, миледи. В бытность мою командиром… я участвовал в проигранной нами битве при Далусе, а потом чуть ли не год гнил в тюрьме Браджара. В бытность комендантом… мы проиграли осаду. Как курьера, меня дважды чуть не повесили, посчитав шпионом. — Он вздохнул. («И три раза подвергали пыткам, пытаясь заставить заговорить».) — Теперь же… что ж, теперь я умею грести. И знаю пять способов приготовления блюд из крыс.

«И прямо сейчас съел бы какое-нибудь из них».

Кэсерил не знал, что прочла провинкара по его лицу, пока её острые мудрые глаза изучали его. Может, страшную усталость, но он надеялся, что голод. Он убедился, что она увидела именно голод, когда леди улыбнулась и сказала:

— Тогда поужинайте с нами, кастиллар, хотя, боюсь, мой повар не сможет предложить вам крыс. Их не слишком хорошо готовят в мирной Валенде, да и не сезон. Я подумаю о вашей просьбе.

В знак благодарности он только кивнул, боясь, что голос вновь подведёт его.

Зимой в замке обедали днём, стол обычно накрывали в большом зале. Ужин был не столь обилен, и по велению экономной провинкары к столу подавались мясные блюда, оставшиеся от обеда. Однако, к её чести, следует заметить, что были они замечательно вкусны и предлагались с большим количеством превосходного вина. Жарким летом порядок менялся: на обед готовили что-нибудь лёгкое, а основной приём пищи происходил после заката, когда баосийцы всех сословий собирались во дворах своих домов поужинать при свечах.

За стол в уютной комнатке нового флигеля рядом с кухнями сели всего восемь человек. Провинкара заняла место в центре, посадив Кэсерила на почётное место по правую руку. Он смутился, обнаружив, что сидит по соседству с принцессой Исель, а принц Тейдес расположился через стол от неё. Но напряжение его спало, когда, улучив момент, принц прицелился в свою старшую сестру хлебным катышем. Военные действия, впрочем, были немедленно пресечены строгим взглядом бабушки. В глазах принцессы вспыхнул мстительный блеск, но, как заметил Кэсерил, её подруга Бетрис, сидевшая по другую сторону стола, вовремя её отвлекла.

Затем леди Бетрис с дружелюбным любопытством улыбнулась Кэсерилу через стол, явив милые ямочки на щеках, и уже собралась было заговорить, но тут принесли чашу с водой для омовения рук. Тёплая вода пахла вербеной. Руки Кэсерила дрожали, когда он опускал их в чашу и вытирал потом льняным полотенцем. Но он справился с этой слабостью, как только убрал руки со стола. Место прямо напротив него за столом пока пустовало.

Кэсерил кивнул на него и неуверенно спросил у провинкары:

— Вдовствующая рейна присоединится к нам, ваша милость?

Она скорбно поджала губы.

— К сожалению, Иста не вполне здорова сегодня. Она… чаще всего ест у себя в комнате.

Кэсерил почувствовал неловкость и решил попозже спросить у кого-нибудь, что же такое с рейной, что так беспокоит её мать. Видимо, это было нечто давнее, о чём уже не говорилось вслух, либо слишком болезненное для обсуждений. Давнее вдовство избавляло Исту от недомоганий и опасностей, столь частых у молодых женщин и связанных с беременностью и родами, но ведь бывают и другие болезни…

Иста была второй женой Иаса. Она вышла замуж за мужчину средних лет, уже имевшего взрослого сына и наследника Орико. Некоторое время, много лет назад, Кэсерил служил при дворе Шалиона, но Исту тогда мог видеть только издалека. В начале своего замужества она казалась счастливой и любимой — свет очей своего мужа. Иас до безумия обожал дочь Исель, делавшую первые шаги, и ещё грудного Тейдеса.

Их счастье было омрачено предательством лорда ди Льютеса, которое, по мнению большинства, и явилось основной причиной преждевременной кончины глубоко опечаленного этим обстоятельством немолодого уже рея. Кэсерил не мог не заинтересоваться, болезнь ли в действительности подвигла Исту покинуть двор её пасынка или некие политические мотивы. Хотя, согласно сведениям из разных источников, рей Орико оказывал уважение своей приёмной матери и был добр к сводным сестре и брату.

Кэсерил откашлялся, пытаясь заглушить бурчание пустого живота, и обратил внимание на господина — судя по всему, старшего воспитателя принца, — сидевшего за дальним концом стола рядом с леди Бетрис. Провинкара царственным кивком головы выразила своё желание, чтобы он

прочитал молитву Святому Семейству на благословение еды. Кэсерил надеялся, что процесс этот будет быстрым и они незамедлительно приступят к трапезе. Загадка пустого стула разрешилась с появлением опоздавшего управляющего сьера ди Феррея, который, коротко извинившись перед всеми за задержку, устроился на своём месте.

— Я задержался с настоятелем храма ордена Бастарда, — пояснил он, когда на стол поставили хлеб, мясо и сушёные фрукты.

Кэсерил, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не накинуться на еду как изголодавшийся пёс, издал вежливое, заинтересованное «М-м-м?» и взял первый кусок.

— Весьма настойчивый и многоречивый молодой человек, — продолжил ди Феррей.

— Что ему нужно теперь? — спросила провинкара. — Ещё пожертвований для приюта подкидышей? Мы им отправили посылку на прошлой неделе. У слуг в замке больше не осталось ненужной одежды.

— Им нужны кормилицы, — ответил ди Феррей, прожёвывая мясо.

Провинкара фыркнула:

— Не из моего же замка!

— Нет, но он хотел, чтобы я оповестил наших

слуг, что храму требуются кормилицы. Он надеется, вдруг у кого-нибудь найдётся родственница, согласная на такую благотворительность. Им на прошлой неделе подкинули ещё одного малыша, и настоятель полагает, что это не последний случай. Особенно теперь, в это время года.

Орден Бастарда соответственно своей теологии причислял нежеланных детей, то бишь бастардов, а также детей, рано оставшихся сиротами, к прочим несвоевременным бедствиям, за которые отвечал их бог. Приют для подкидышей и сирот храма Бастарда был главной заботой ордена. Кэсерилу вообще-то всегда казалось, что бог, управляющийся с полчищами демонов, должен уметь без труда выколачивать денежные пожертвования на добрые дела.

Из осторожности он разбавил вино водой — на пустой желудок оно могло сразу ударить в голову. Провинкара ободряюще кивнула ему, но тут же, торжественно осушив полбокала неразбавленного виноградного напитка, начала спорить на этот счёт со своей кузиной.

Сьер ди Феррей продолжал:

— Настоятель, однако, рассказал интересную историю. Догадайтесь, кто умер прошлой ночью?

— Кто, папа? — пришла на выручку его дочь.

— Сьер ди Наоза, известный дуэлянт.

Кэсерилу имя ничего не сказало, но провинкара хмыкнула.

— Вот и славно. Мерзкий человек. Я его у себя не принимала и считаю глупцами тех, кто это делал. Неужели его наконец кто-то одолел?

— Вот тут-то и начинается самое интересное. Он был убит при помощи смертельной магии. — И, пока поражённый шёпот облетал стол, ди Феррей неторопливо отпил вина. Кэсерил же застыл с полупрожёванным куском мяса во рту.

— Храм собирается расследовать эту тайну? — поинтересовалась принцесса Исель.

— Мне кажется, никакой тайны здесь нет, это скорее трагедия. Примерно год назад ди Наозу на улице случайно толкнул единственный сын провинциального торговца шерстью. Кончилось это, как обычно, дуэлью, которая, по свидетельству очевидцев, была попросту кровавым убийством. Тем не менее очевидцев и след простыл, когда безутешный отец погибшего юноши решил подать на ди Наозу в суд. Ходили также слухи о продажности суда, но, опять же, только слухи.

Провинкара хмыкнула. Кэсерил кое-как проглотил свой кусок и проговорил:

— Продолжайте, пожалуйста.

Приободрившись, управляющий продолжил:

— Торговец был вдовцом, и юноша был не только единственным его сыном, но вообще единственным ребёнком. Кроме того, молодой человек только собрался жениться. Смертельная магия — грязное дело, но я не могу не посочувствовать бедному торговцу. Хотя, может, и богатому… Однако он в любом случае был слишком стар, чтобы обучаться фехтованию с целью превзойти ди Наозу в этом искусстве. Вот он и обратился к тому, что считал единственным верным путём для достижения цели. Весь последующий год он изучал тёмные искусства — где он черпал сведения на эту тему, остаётся загадкой для храма. Он забросил своё дело и полностью посвятил себя магии. А вчера ночью забрался в развалины заброшенной мельницы в семи милях от Валенды, где попытался вызвать демона. И, клянусь Бастардом, ему это удалось! Его тело было обнаружено там сегодня утром.

Богом всех естественных и своевременных смертей и стихийных бедствий в соответствующее им время года, а также богом правосудия был Отец Зимы; в дар Бастарду вместе с внесезонными природными катастрофами и несвоевременными смертями он передал покровительство над

палачами. Ну и конечно же, покровительство над целым рядом прочих грязных дел в придачу. «Похоже, торговец обратился за помощью куда следовало». Кэсерилу вдруг показалось, что записная книжка у него в кармане стала весить чуть ли не десять фунтов. И что она сейчас вспыхнет огнём прямо под одеждой.

— Мне он совсем не нравится, — заявил принц Тейдес. — Он поступил как трус!

— Да, но чего же ещё ожидать от торговца? — заметил его наставник со своего конца стола. — Люди этого сословия не приучены с детства блюсти кодекс чести, как благородные господа.

— О, но это так грустно, — возразила Исель. — Я имею в виду сына, который собирался жениться.

Тейдес презрительно фыркнул.

— Женщины! Вы только и думаете, что о свадьбах. Но что является большей потерей для государства? Какой-то торгующий шерстью денежный мешок или искусный фехтовальщик? Каждый такой дуэлянт — славный солдат для своего рея!

— Как подсказывает мне жизненный опыт, это не так, — сухо проронил Кэсерил.

— Что вы имеете в виду? — грозно повернулся к нему Тейдес.

Кэсерил слегка замялся и пробормотал:

— Извините, я встрял в вашу беседу.

— Нет уж поясните. В чём разница? В чём разница между хорошим солдатом и искусным дуэлянтом? — настаивал Тейдес.

Провинкара тихо хлопнула ладонью по столу и выразительно взглянула на Кэсерила.

— Продолжайте, кастиллар.

Тот пожал плечами и, вежливо кивнув мальчику, пояснил:

— Дело в том, принц, что солдат убивает ваших врагов, а дуэлянт — ваших союзников. Догадайтесь сами, кого предпочтёт иметь мудрый командующий в своём лагере.

— О! — выдохнул Тейдес и умолк, глубоко задумавшись.

Похоже, не было особой срочности в передаче записной книжки властям, как не было в этом деле и особых хлопот: Кэсерил мог сообщить о ней настоятелю храма Святого Семейства здесь, в Валенде, завтра утром, после того как пролистает её сам. Книжку надо расшифровать; некоторым дешифровка кажется скучным и утомительным занятием, но для Кэсерила это всегда было развлечением. Он подумал, не следует ли из вежливости предложить свои услуги в качестве дешифров-

щика. Дотронулся до мягкой шерстяной мантии, во внутреннем потайном кармане которой покоилась книга, и в очередной раз порадовался, что помолился за покойного перед его спешным сожжением.

Бетрис, сведя тонкие тёмные брови, поинтересовалась:

— А кто был судьёй, папа?

Ди Феррей поколебался мгновение и пожал плечами:

— Достопочтенный Вриз.

— А-а… — протянула провинкара, — этот, — и сморщила нос, словно учуяв нехороший запах.

— Может, дуэлянт ему угрожал? — спросила принцесса Исель. — Правда, судья мог попросить о помощи или арестовать ди Наозу…

— Сомневаюсь, что даже ди Наоза был настолько глуп, чтобы угрожать судье провинции, — сказал ди Феррей. — Хотя свидетелей он, возможно, запугал. С Вризом же можно было прибегнуть к иному способу. Вриз всегда был… гм… приверженцем более мирных методов убеждения, — и, отправив в рот кусочек хлеба, он недвусмысленным жестом потёр подушечками большого и указательного пальцев.

— Если бы судья выполнил свою работу честно

и смело, торговцу не пришлось бы прибегнуть к смертельной магии, — медленно проговорила Исель. — Вместо одного — два человека мертвы и прокляты… А будь ди Наоза казнён по закону, у него оставалось бы время очистить душу перед встречей с богами. И как же этот человек до сих пор остаётся судьёй? Бабушка, ты можешь что-нибудь предпринять?

Провинкара поджала губы.

— Назначение судей провинции не входит в мою компетенцию, моя дорогая. Так же, как и их смещение. Однако департамент наведёт порядок, я уверяю тебя. — Она отпила вина и посмотрела на внучку. — В Баосии у меня большие привилегии, дитя моё, но не власть.

Исель взглянула на Тейдеса, потом на Кэсерила и словно эхо повторила давешний вопрос брата:

— А в чём разница?

— Право управлять и обязанность покровительствовать — это одно, и совсем другое — право принимать покровительство, — ответила провинкара. — К сожалению, между провинкаром и провинкарой разница не только в окончании слова.

Тейдес хихикнул:

— Это как между принцем и принцессой?

Исель повернулась к нему и сдвинула брови:

— О! И как ты предлагаешь сместить продажного судью — ты, привилегированный мальчик?

— Достаточно, вы оба! — строго сказала провинкара, в голосе которой явно послышались интонации бабушки. Кэсерил спрятал улыбку. Здесь, в этих стенах, она мудро правила по законам более древним, чем сам Шалион. Здесь было её собственное маленькое государство.

Разговор перешёл на менее острые темы. Слуги внесли сыр, пирожные и браджарское вино. Кэсерил наелся до отвала и понял, что пора остановиться, иначе ему станет плохо. Золотое десертное вино могло заставить его разрыдаться прямо за столом. Его подавали неразбавленным, и Кэсерил постарался ограничиться одним бокалом.

В конце трапезы снова прочли молитву, и принца Тейдеса, словно коршун птенца, утащил на занятия его воспитатель. Бетрис и Исель были отправлены вышивать. Они, весело пересмеиваясь, выбежали из столовой, за ними неторопливым шагом вышел ди Феррей.

— Они что, и впрямь смирно усядутся за вышивание? — недоверчиво поинтересовался Кэсерил, провожая взглядом исчезавшее в дверях облако

юбок.

— Они будут ёрзать, шептаться и хихикать, пока не выведут меня из себя, но вышивать, как ни странно, умеют, — ответила провинкара, сокрушённо покачивая головой, что не соответствовало доброму любящему выражению её глаз.

— Ваша внучка — прелестная юная леди.

— Мужчинам определённого возраста, Кэсерил, все юные леди кажутся прелестными. Это первый признак старости.

— Это правда, миледи. — Его губы растянулись в улыбке.

— Она выжила двух гувернанток и, похоже, вот-вот сживёт со свету третью. Ну, фигурально выражаясь, конечно. Бедняжка завалила меня жалобами на девочек. А ещё… — голос провинкары стал тише, — Исель нужно быть сильной. Однажды её увезут далеко от меня, и я не смогу больше помогать ей… защищать её…

Привлекательная, живая, юная принцесса была не игроком, а пешкой в политике Шалиона. Везение для неё заключалось в высоком и выгодном государству политически и экономически замужестве, что не обязательно предполагало счастье. Самой вдовствующей провинкаре повезло в личной жизни, но на её памяти было несчётное

количество браков, в которых высокородные женщины так и не познавали любви. Неужели Исель отправят в Дартаку? Или выдадут замуж за кого-нибудь из кузенов, наиболее приближённого к правящему семейству Браджара? Боги не позволят, чтобы её продали в Рокнар в обмен на временное перемирие с архипелагом.

Провинкара искоса поглядывала на него при свете свечей.

— Сколько вам сейчас лет, кастиллар? Кажется, вам было около тринадцати, когда ваш отец прислал вас на службу моему дорогому провинкару.

— Примерно так, ваша милость.

— Ха! Тогда вам следует сбрить с лица эту омерзительную растительность. Она старит вас лет на пятнадцать.

Кэсерил считал, что его больше состарило рабство на галерах, но вслух сказал только:

— Надеюсь, моё объяснение не слишком рассердило принца, миледи.

— Мне кажется, оно заставило юного Тейдеса остановиться и подумать. Его воспитателю такое не часто удаётся. К сожалению. — Она побарабанила по скатерти тонкими длинными пальцами и осушила свой бокал вина. Поставив его на стол, леди добавила: — Не знаю, где вы остановились в

городе, кастиллар, но я отправлю пажа за вашими вещами. Сегодня вы остаётесь у нас.

— Благодарю, ваша милость, и с признательностью принимаю ваше предложение. — Благодарность богам, о, пять раз благодарность богам. Он принят, хотя и временно. Кэсерил замялся, смущённый. — Но… э-э… беспокоить вашего пажа нет необходимости.

Она изумлённо вскинула брови.

— Это как раз то, для чего мы их держим. Как вы сами помните.

— Да, но… — он коротко улыбнулся и указал на себя рукой, — это весь мой багаж.

В её глазах мелькнула боль, и Кэсерил добавил:

— Это значительно больше, чем было у меня, когда я сошёл на берег с ибранской галеры в Загосуре.

Тогда на нём были лишь лохмотья да язвы. В приюте лохмотья сожгли сразу же.

— В таком случае мой паж, — произнесла она не терпящим возражения тоном, — проводит вас в ваши покои, милорд кастиллар.

И добавила, поднимаясь со стула с помощью кузины-компаньонки:

— Мы ещё поговорим с вами завтра.

Комната, предназначавшаяся для почётных гостей, находилась в старом крыле. В ней когда-то ночевали принцы, наслаждаясь её абсолютным и совершенным комфортом. Кэсерил сам прислуживал таким гостям сотни раз. Кровать с мягчайшей периной была застелена тонким бельём из отбелённого льна и покрыта пледом искусной работы. Не успел ещё паж удалиться, как пришли две горничные, принесли воду для умывания, полотенца, мыло, зубочистки, роскошную ночную рубаху, колпак и тапочки. Кэсерил рассчитывал спать в рубашке, доставшейся ему по наследству от покойного торговца.

Это было уже слишком. Кэсерил сел на край кровати с рубахой в руке и тихо всхлипнул. С трудом сдержавшись, чтобы не расплакаться при свидетелях, он жестом отослал насторожившуюся прислугу и пажа.

— Что это с ним? — услышал он их перешёптывание, когда они удалялись по коридору. По щекам его покатились слёзы.

Паж раздражённо ответил:

— Сумасшедший, наверное.

После короткой паузы до Кэсерила снова донёсся голос горничной:

— Ну, тогда он почувствует себя здесь как дома,

верно?..

Глава 3

Доносившиеся до комнаты звуки — голоса во дворе, стук и звон кастрюль — разбудили Кэсерила ещё затемно, в предрассветной серости. Он в панической растерянности открыл глаза и, как обычно, не сразу смог вспомнить, где находится. Но нежные объятия пуховой перины вскоре убаюкали его снова и увлекли в дрёму. Он парил между сном и явью, и вяло проплывали в голове разрозненные мысли. Это не жёсткая скамья. Нет безумной качки вверх-вниз. Вообще никакого движения, о пятеро богов, какое блаженство. Какое мягкое тепло под его изуродованной спиной.

Празднование Дня Дочери будет проходить от рассвета до заката. Возможно, он проваляется на перине до самого ухода обитателей замка на праздничное шествие, а потом неторопливо встанет. Пошатается по двору и окрестностям, посидит на солнышке вместе с замковыми котами. А если проголодается… ему вспомнились те далёкие дни, когда он был ещё пажом и хорошо знал, как подольститься к кухарке, чтобы получить лакомый кусочек.

Его сладостные ленивые мечтания прервал резкий стук в дверь. Кэсерил вздрогнул, но снова расслабился, услышав мелодичный голос леди Бетрис:

— Милорд ди Кэсерил! Кастиллар! Вы проснулись?

— Одну минуту, миледи, — отозвался он. Перекатился на край кровати, нехотя расставаясь с обволакивающими глубинами перины. Босые ноги оберегал от холода каменного пола плетёный коврик. Расправив на бёдрах пышные складки длинной ночной рубахи, Кэсерил направился к двери и приоткрыл её.

— Да?

Она стояла в коридоре, держа в одной руке свечу, защищённую от ветра стеклянным колпаком, а в другой — стопку одежды и кожаную перевязь. Под мышкой у неё был ещё какой-то побрякивающий свёрток. Бетрис уже надела праздничный наряд бело-голубых тонов: голубое платье и белый плащ, доходивший до щиколоток. Её тёмные волосы были украшены венком из цветов и листьев. Бархатные карие глаза весело сияли в отблесках свечи. Кэсерил не удержался и улыбнулся в ответ.

— Её милость провинкара желает вам благо-

словенного Дня Дочери, — провозгласила она и толкнула ногой дверь. Кэсерил отскочил в сторону, и дверь распахнулась. Загруженная Бетрис вошла в комнату, протянула ему свечу и, пробормотав что-то вроде: «Вот, подержите пока», тяжело плюхнула на кровать свою ношу. Стопку голубой и белой одежды, а также меч с поясом. Кэсерил поставил свечу у изножья кровати.

— Она посылает вам эту одежду и просит, если вы не возражаете, присоединиться к домашним в зале предков за утренней молитвой. Потом мы разговеемся… она сказала, вы знаете, где это обычно происходит.

— Да, конечно, миледи.

— Я тут спросила папу про меч. Он говорит, что не много найдётся превосходящих его клинков, и это честь для вас. — Она с интересом посмотрела на него. — Правда, что вы участвовали в последней войне?

— Гм… в которой?

— Вы были больше чем на одной? — Глаза её широко раскрылись.

«На всех случившихся за последние семнадцать лет, полагаю».

Хотя нет. Он пропустил последнюю кампанию против Ибры, сидя в тюрьме Браджара, и

не участвовал в той глупой экспедиции в поддержку Дартаки, потому что был крайне занят, подвергаясь пыткам и издевательствам рокнарского генерала, с которым как раз воевал тогда провинкар Гуариды. Кроме этих двух, за последнее десятилетие он, пожалуй, больше ничего не пропустил.

— Здесь и там, в течение нескольких лет, — туманно ответил он и вдруг смутился, обнаружив, что, кроме тонкого льна ночной рубахи, нет других преград между его наготой и взглядами девушки. Кэсерил отступил назад и, скрестив руки на животе, попытался улыбнуться.

— Ох, — сказала она, заметив его жест, — я вас смутила? Но папа говорит, что у солдат нет стыда и скромности, поскольку в походах они вынуждены жить все вместе.

Она вновь посмотрела на его покрасневшее лицо. Кэсерил ответил:

— Я беспокоился о вашей скромности, миледи.

— О, всё в порядке, — сказала Бетрис, беззаботно улыбнувшись.

Она словно и не собиралась уходить.

Он кивнул в сторону стопки одежды.

— Я не хотел бы помешать семье во время церемонии. Вы уверены?..

Она всплеснула руками и изумлённо уставилась на него.

— Но вы должны принять участие в процессии вместе с нами, и вы должны, должны, должны присутствовать при подношении даров в День Дочери в храме. Принцесса в этом году играет роль леди Весны. — Она даже привстала на цыпочки для убедительности.

Кэсерил, глядя на неё, широко улыбнулся.

— Ну хорошо-хорошо, если вам так угодно. — Как он мог противостоять столь очаровательному напору? Принцессе Исель скоро шестнадцать; сколько же, интересно, лет Бетрис? «Слишком юна для тебя, приятель!» Но ведь можно хотя бы смотреть на неё с чисто эстетическим восхищением и благодарить богинь за её красоту и свежесть. Цветок, украшающий мир.

— А кроме того, — продолжила леди Бетрис, — вас просила провинкара.

Кэсерил зажёг от её свечи свою и вернул светильник девушке, намекая этим жестом, что ей следует оставить его одного, чтобы дать возможность переодеться. При свете двух свечей она стала выглядеть ещё прекраснее, а он, несомненно, — ещё безобразнее. И тут, когда Бетрис повернулась к выходу, Кэсерил вспомнил о во-

просе, который вчера не давал ему покоя весь вечер.

— Подождите, леди…

Она с любопытством оглянулась на него.

— Мне не хотелось бы беспокоить провинкару или задавать этот вопрос в присутствии принца и принцессы… но что с рейной Истой? Боюсь по незнанию ляпнуть что-нибудь не к месту…

Свет в её глазах померк. Она пожала плечами.

— Она… слаба. И нервничает. Больше ничего. Надеемся, ей полегчает, когда будет больше солнца. Летом ей всегда лучше.

— Как долго она живёт со своей матерью?

— Последние шесть лет, сэр. — Она сделала книксен. — Мне пора бежать к принцессе Исель. Не опаздывайте, кастиллар! — и, снова согрев его своей улыбкой, Бетрис выпорхнула в коридор.

Кэсерил не мог представить себе, что эта юная леди может хоть куда-нибудь опоздать. Он покачал головой и всё ещё с улыбкой на губах повернулся взглянуть на свой новый наряд. Да, в смысле улучшения своего внешнего вида он явно идёт в гору. Туника из голубого шёлка, штаны из плотного тёмно-синего льна, белый шерстяной плащ до колен — всё отглаженное, чистое, ни малейшего намёка на пятнышко. Должно

быть, праздничная одежда ди Феррея, ставшая ему маловатой, а может, даже и вещи самого покойного провинкара. Кэсерил оделся, подвесил меч — такая знакомо-незнакомая тяжесть — и поспешил через сумеречный внутренний двор к залу предков.

Было сыро и холодно, стёртые подошвы башмаков скользили по булыжнику. В небе ещё мерцали последние звёзды. Кэсерил потянул на себя тяжёлую дверь в зал и заглянул внутрь. Свечи, полумрак… опоздал? Но когда он вошёл внутрь и глаза привыкли к темноте, Кэсерил увидел, что ещё не поздно — наоборот, слишком рано. Перед рядами маленьких семейных мемориальных плит горело всего полдюжины свечей. Две укутанные в плащи женщины сидели на передней скамье, наблюдая за третьей.

Перед алтарём, распростершись, раскинув руки, лежала вдовствующая рейна Иста. Вся поза её выражала глубокую мольбу. Пальцы сжимались и разжимались, царапая камни. Ногти на них были обкусаны до крови. Некогда густые золотые волосы её, теперь тусклые и потемневшие, рассыпались веером вокруг головы. Рейна лежала столь неподвижно, что на мгновение Кэсерил решил было, что она уснула. Но на её бледном

лице, прижатом щекой к каменному полу, горели тёмные немигающие глаза, полные непролитых слёз.

Это было выражение самой горькой скорби и печали. Кэсерил видел его на лицах людей, сломленных в застенках и на галерах не только телом, но и духом. Видел и в собственном взгляде, отразившемся в пластине полированной стали, когда служитель Приюта Матери, выбрив его нечувствительное лицо, поднёс ему это импровизированное зеркало: смотри, мол, так ведь лучше? Но Кэсерил был абсолютно уверен, что рейна никогда не бывала в жутких зловонных темницах, никогда не ощущала ударов бича и никогда, безусловно, ни один мужчина не поднимал в ярости на неё руку. Что же тогда? Он стоял в недоумении, закусив губу, боясь вымолвить слово.

Позади послышались шаги. Кэсерил обернулся и увидел вдовствующую провинкару в сопровождении кузины. Провинкара приветствовала его движением бровей; Кэсерил коротко кивнул в ответ. Ожидавшие рейну женщины, заметив провинкару, вздрогнули и, вскочив со скамьи, быстро присели в глубоком реверансе.

Провинкара прошла между рядами скамеек и

печально посмотрела на дочь.

— Ох, бедняжка. Давно она здесь?

Одна из женщин снова поклонилась.

— Она встала ночью, ваша милость. Мы подумали, что лучше позволить ей прийти сюда, чем удерживать. Вы же сами говорили…

— Да-да, — отмахнулась провинкара. — Ей удалось хоть немного поспать?

— Один или два часа, миледи.

Провинкара вздохнула и опустилась на корточки рядом с дочерью. Её голос смягчился, властные нотки исчезли. Кэсерил впервые услышал в нём возраст.

— Иста, доченька, вставай и возвращайся в постель. Сегодня другие помолятся за тебя и всех нас.

Губы распростёртой перед алтарём женщины дважды шевельнулись, прежде чем послышались слова:

— Если боги слышат… А если слышат, то не отвечают. Они отвернулись от меня, мама.

Старая правительница провела рукой по её волосам.

— Сегодня помолятся другие, — повторила она. — Мы заменим свечи и попробуем снова. Позволь своим леди уложить тебя в постель. Ну,

вставай.

Рейна всхлипнула, моргнула и неохотно поднялась на ноги. Движением головы провинкара велела женщинам увести рейну Исту из зала. Кэсерил внимательно смотрел ей в лицо, когда она проходила мимо, но не заметил следов долгой болезни. Иста, похоже, даже не увидела Кэсерила — ни единого проблеска узнавания не промелькнуло в её глазах. Он был для неё просто бородатым чужаком. Да и с чего бы ей помнить его? Всего лишь один из дюжин пажей, которых она видела в Баосийском замке и за его пределами за долгие годы.

Провинкара проводила дочь взглядом. Кэсерил стоял достаточно близко, чтобы услышать, как она тихонько вздохнула. Он низко поклонился.

— Благодарю вас за праздничную одежду, ваша милость. Если… — он замялся, — если я могу хоть что-нибудь сделать, чтобы облегчить ваше бремя или бремя, давящее на вдовствующую рейну, располагайте мной.

Она улыбнулась и, взяв его за руку, ладонью другой своей руки мягко похлопала Кэсерила по запястью, ничего не ответив. Затем она подошла к восточному окну и открыла ставни навстречу занимавшемуся персиковому рассвету.

Тем временем леди ди Хьюлтер меняла свечи вокруг алтаря, собирая огарки в специально принесённую корзину. Провинкара и Кэсерил присоединились к ней. Когда дюжины свежих восковых свечек были установлены в подсвечниках, гордо выпрямившись в них, как солдаты на параде, провинкара отступила на шаг и удовлетворённо кивнула.

Тут зал предков начал наполняться домочадцами, и Кэсерил скромно устроился в задних рядах. Повара, слуги, охотники, старшая экономка, управляющий — все в своих лучших нарядах бело-голубых цветов — заходили и рассаживались на скамейках. Потом вошла леди Бетрис, сопровождавшая принцессу Исель, уже одетую в наряд леди Весны, чью роль она исполняла сегодня. Они обе заняли места на передней скамье, изо всех сил стараясь не хихикать и не шушукаться. За ними появился настоятель городского храма Святого Семейства, чью чёрно-серую мантию Отца тоже сменила сегодня бело-голубая Дочери. Настоятель провёл короткую службу в честь благополучно окончившегося сезона и лежащих в земле предков хозяев замка и с первым боязливо заглянувшим в окошко лучом восходящего солнца торжественно погасил горевшую свечку

— последний огонёк во всём замке.

Затем все вышли во двор, где стояли столы с холодным завтраком. Холодным, но отнюдь не скудным, и Кэсерилу пришлось напомнить себе, что невозможно за один день вознаградить себя за три года лишений. Тем не менее, когда привели белого мула для Исель, он успел наесться до отвала.

Мул также был украшен лентами и цветами, вплетёнными в тщательно расчёсанные хвост и гриву. Попона была вышита символами леди Весны. Исель в храмовом одеянии, с янтарным водопадом волос, ниспадавшим на плечи из-под короны из цветов и листьев, была осторожно, чтобы не помять наряда, подсажена в седло, все складочки платья ей помогли тщательно расправить. Услугами пажей она на сей раз не пренебрегла, отметил про себя Кэсерил. Настоятель взялся за синий шёлковый повод и зашагал к воротам. Провинкару посадили на спокойную гнедую кобылу с белоснежными носочками, тоже украшенную лентами и цветами. Её вёл под уздцы управляющий. Кэсерил, предложив руку леди ди Хьюлтер, последовал за ди Ферреем. Остальные домочадцы, собиравшиеся участвовать в шествии, присоединились к процессии. Вся ве-

сёлая толпа двинулась вниз по улицам города к древним восточным воротам, где формально и начиналась праздничная церемония. Здесь уже ожидали несколько сотен человек, включая примерно пятьдесят всадников из гвардейцев леди Весны, прибывших из разных принадлежавших провинции земель. Кэсерил прошёл прямо перед носом того знаменосца, который вчера уронил в грязь золотой, но парень посмотрел на него не узнавая — только вежливо поклонился его шелкам и клинку. А также преобразившим его стрижке и ванне, предположил Кэсерил.

«Как до странного легко ослепляет нас поверхностный блеск. Боги, конечно же, смотрят в самую суть».

Его раздумья были прерваны началом торжества. Настоятель передал поводья мула Исель в руки пожилого господина, исполнявшего роль Отца Зимы. Во время зимней процессии юный новый Отец, занимающий место правящего бога, был бы одет в тёмный, строгий и аккуратный наряд, словно судья, и ехал бы на вороном жеребце, которого вёл бы покидающий мир, одетый в лохмотья Сын Осени. Сегодняшнее же одеяние Отца Зимы было хуже даже обносков, выброшенных вчера Кэсерилом, а борода, волосы и

поблёскивавшая среди них плешь были посыпаны пеплом. Он улыбался и перешучивался с Исель, она смеялась. Церемониальные гвардейцы примкнули к шествию, и процессия начала свой путь по улицам Валенды. Несколько служителей храма шли среди гвардейцев и толпы, следя за тем, чтобы во время песнопений исполнялись только канонические тексты, а не вульгарные народные вариации. Горожане, не участвовавшие в шествии, стояли по сторонам дороги и бросали цветы и травы. Незамужние женщины пробирались к мулу, стремясь прикоснуться к одеждам Дочери, чтобы она в этом сезоне послала им хорошего мужа, затем отбегали, хихикая и весело смеясь. После продолжительной прогулки — хвала небесам, погода выдалась вполне весенняя, не то что в один памятный год, когда в праздничный день на город обрушились буря и ливень, — процессия направилась к храму, находившемуся в самом сердце города. Храм, окружённый садом и низкой каменной стеной, располагался на городской площади. Он был выстроен в форме четырёхлистника вокруг центрального внутреннего дворика. Стены, выложенные из местного песчаника, отливали золотистым цветом в лучах солнца, крыша рдела местной же черепицей. В

каждом из крыльев находился алтарь бога одного из времён года, круглая башня Бастарда возвышалась отдельно, за крылом, где был алтарь его Матери.

Когда Исель сошла с мула и была проведена в портик, леди ди Хьюлтер потащила Кэсерила вперёд. Он заметил, что леди Бетрис заняла место по другую руку от него. Она вытягивала шею, провожая взглядом Исель. Кэсерил ощутил нежный запах цветов её венка, смешанный с тёплым ароматом волос Бетрис, — словно благоухание самой весны. Толпа сдавила их и протолкнула вперёд, в широкую дверь.

Во дворе Отец Зимы выбрал последний пепел из погасшего священного огня и высыпал его на себя. Служители уже спешили с новыми дровами, благословлёнными настоятелем. Усыпанный пеплом старик направился к выходу под шутки, лёгкие пинки и возгласы «брысь-брысь!». Вслед ему летели клочки белой шерсти, символизирующие снежки. Год, когда можно было бросать настоящие снежки, провожая Отца Зимы, считался неудачным. Затем воплощённой в Исель леди Весны вручили церемониальный кремень, дабы разжечь новый огонь. Она опустилась на колени на специально подложенную подушечку

и забавно закусила губу, сосредоточась на своей миссии. Когда Исель разложила священные травы, все затаили дыхание — процессу разжигания огня сопутствовала по меньшей мере дюжина различных суеверий. Например, крайне важным считалось, с какой попытки удастся его разжечь.

Три стремительных удара, сноп искр, дунове-ние юного дыхания — и родился тонкий язычок пламени. Настоятель быстро, пока случайный порыв ветра не погасил нежный алый цветок, перенёс новорождённый огонь Весны на его место. Всё прошло благополучно. Послышался облегчённый вздох толпы. Маленький огонёк превратился в священное пламя; Исель, улыбаясь, поднялась на ноги. Её серые глаза сверкали, как разожжённый ею молодой огонь.

Леди Весны проводили на трон правящего бога, и начался её царский труд: сбор ежесезонных даров храму, с помощью которых он будет поддерживать своё существование в следующие три месяца. Каждый глава дома выходил вперёд и протягивал леди маленький кошелёк с монетами или другой дар, который она благословляла, а секретарь храма, сидевший справа от Исель, заносил сумму в списки. Даритель в обмен получал горящую лучинку — новый огонь для своего

дома. Первым, согласно рангу, подошёл управляющий провинкары. Его кошелёк, переданный в руки Исель, был тяжёл от золотых монет. За ним подходили другие мужчины. Исель улыбалась, принимала и благословляла; настоятель улыбался, передавал лучину и благодарил; секретарь улыбался, записывал и складывал.

Стоявшая рядом с Кэсерилом Бетрис выпрямилась… Чего-то ждёт? Затем вцепилась ему в левую руку и зашептала на ухо:

— Сейчас будет тот мерзкий судья Вриз. Смотрите!

Мужчина средних лет с суровым выражением лица выступил вперёд с кошельком в руке и, натянуто улыбнувшись, прогундосил:

— Дом Вриза подносит свой дар богине. Благословите нас в наступающем сезоне, миледи.

Исель скрестила руки на коленях. Вздёрнула подбородок и, глядя прямо на Вриза, сказала чистым звучным голосом:

— Дочь Весны принимает только дары, идущие от чистого сердца. Она не принимает взяток. Достопочтенный Вриз, ваше золото значит для вас больше всего остального. Можете оставить его себе.

Вриз отступил на полшага, его рот открылся и

так и остался разинутым, глаза округлились от изумления. Стоявшие у трона онемели, и тишина, прокатившись волной по толпе, накрыла храм, только у дальней стены зашушукались: «Что?.. Что она сказала?.. Я не слышал… Что?..» У настоятеля вытянулось лицо. Секретарь ошарашенно посмотрел на него. Хорошо одетый мужчина, стоявший позади судьи, подавил смешок, готовый сорваться с губ, и улыбнулся, но улыбка эта не имела ничего общего с весельем — она была скорее выражением удовлетворения вселенским правосудием. Бетрис привстала на цыпочки, чтобы лучше видеть, и прошипела что-то сквозь зубы. Горожане торопливо объясняли друг другу, что произошло, и удивлённые восклицания всплёскивались над толпой, как распускающиеся весенние цветы.

Судья повернулся к настоятелю, протягивая свой дар ему; тот протянул было руки, но под твёрдым взглядом Исель вынужден был опустить их. Настоятель покосился на принцессу и уголком рта (однако недостаточно тихо) прошептал:

— Леди Исель, вы не можете… так нельзя… богиня ли говорит вашими устами?

Исель наклонила голову и ответила:

— Она говорит в моём сердце. Разве в вашем не

слышен её голос? Кроме того, я испросила у неё согласия, когда разжигала огонь, и она дала мне его. — Она наклонилась, чтобы увидеть следующего дарителя, и кивнула. — Вы, сэр?..

Волей-неволей судья отступил назад, давая дорогу. Служитель, которого настоятель сверлил глазами, встрепенулся и жестом пригласил судью отойти, дабы обсудить происшествие. Но его попытка придвинуться и принять-таки кошелёк была пресечена холодным и резким взглядом Исель. Служитель спрятал руки за спиной и виновато поклонился судье Вризу. Сидевшая по другую сторону двора провинкара яростно тёрла переносицу большим и указательным пальцами, неотрывно глядя на внучку. Исель только вздёрнула подбородок ещё выше и продолжала обменивать благословения богини на дары.

Среди приносимых даров вместо кошельков всё чаще стали появляться куры, яйца и прочие мелочи, но благословение и новый огонь вручались дарителям всё с той же доброжелательностью. Леди ди Хьюлтер и Бетрис присоединились к провинкаре, сидевшей на скамейке, Кэсерил же встал позади скамьи вместе с управляющим, который одарил дочь подозрительным хмурым взглядом. Толпа постепенно рассеивалась, а

принцесса всё исполняла свой священный долг перед народом, благословляя и прядильщика, и угольщика, и нищего — который вместо дара спел песенку — тем же ласковым голосом, каким благословляла первых людей Валенды.

Гроза, которую предвещало лицо провинкары, разразилась лишь тогда, когда обитатели замка вернулись домой. Гнедую кобылу правительницы вёл Кэсерил, мула Исель твёрдой рукой держал за повод управляющий. Кэсерил собирался по прибытии в замок передать лошадь заботам грумов и тихо исчезнуть, но провинкара коротко приказала:

— Кастиллар, дайте мне руку.

Она крепко взялась за неё и, сжав губы, добавила:

— Исель, Бетрис, ди Феррей — останьтесь.

Она кивнула в сторону зала предков.

По окончании церемонии Исель оставила одеяние леди Весны в храме и снова была теперь просто очаровательной девушкой в бело-голубом наряде. Нет, поправил себя Кэсерил, увидев, как решительно она подняла подбородок, — просто принцессой. Он, придержав дверь, пропустил всех в зал. «Прямо как в те времена, когда был пажом», — подумал было Кэсерил, но тут управ-

ляющий остановился и пропустил вперёд его.

Тихий пустой зал был озарён тёплым светом свечей, которым суждено было сегодня догореть дотла. Маслянисто поблёскивали полированные деревянные скамьи. Провинкара прошла в комнату и повернулась к девушкам — те под её суровым взглядом придвинулись друг к другу и взялись за руки, ожидая бури.

— Так. Ну, кому принадлежала эта идея?

Исель выступила на полшага вперёд и присела в книксене.

— Мне, бабушка, — сказала она почти — но не совсем — таким же ясным и чистым голосом, каким говорила в храме.

Потом, повинуясь движению строго сдвинутых бровей правительницы, добавила:

— Хотя Бетрис придумала испросить согласия при разжигании огня.

Ди Феррей набросился на дочь:

— Ты всё знала и ничего мне не сказала?

Бетрис тоже присела в книксене, как Исель — с абсолютно прямой спиной, — и с достоинством ответила:

— Как я поняла, меня приставили к принцессе Исель помощницей, компаньонкой и правой рукой. А не шпионкой, папа. Если моя верность

должна принадлежать не принцессе, а кому-то другому, мне об этом ничего не говорили. «Храни её честь ценой собственной жизни», — так сказал ты, — и добавила, слегка смягчившись: — К тому же если бы пламя не занялось с первой попытки, этого могло и не произойти.

Ди Феррей со вздохом отвёл глаза от философствующей дочери и, посмотрев на провинкару, беспомощно пожал плечами.

— Ты старше, Бетрис, — произнесла та. — Мы надеялись, что ты окажешь на Исель сдерживающее влияние. Научишь её вести себя как положено благовоспитанной девушке. — Она поджала губы. — Так Битим, охотник, объединяет молодых собак в одну свору со старыми, чтобы те учили щенков. Надо было отправить вас к нему, а не приставлять этих бесполезных куриц-гувернанток.

Бетрис заморгала глазами и снова присела.

— Да, миледи.

Провинкара окинула её пристальным взглядом, подозревая насмешку. Кэсерил закусил губу.

Исель набрала в грудь воздуха.

— Молча потакать несправедливости и закрывать глаза на людское горе, которое приводит к проклятию души, чего можно было бы избежать…

если так положено вести себя благовоспитанной девушке, то этому меня никогда не учили.

— Ну разумеется, нет! — сказала провинкара. Голос её наконец смягчился, и в нём прозвучало сожаление. — Но правосудие — это не твоя задача, сердце моё.

— Люди, чьей задачей оно является, открыто пренебрегают им. Я не молочница и не прачка. И если у меня больше привилегий в Шалионе, то и обязанностей больше! И настоятель, и леди ди Хьюлтер не раз говорили мне об этом.

— Я говорила об учёбе, Исель, — слабо запротестовала леди ди Хьюлтер.

— А настоятель говорил о послушании и покорности, Исель, — добавил ди Феррей. — Они не имели в виду… не рассчитывали…

— Не рассчитывали, что я восприму их слова всерьёз? — сладко пропела она.

Ди Феррей смутился. У Кэсерила же невинность и сила духа девушек, отважное пренебрежение опасностью, как у щенков, с которыми сравнила девушек провинкара, вызывали симпатию. Он от души был признателен судьбе, что не должен участвовать в этом разбирательстве.

Ноздри провинкары затрепетали.

— Обе марш в свои комнаты и оставайтесь там!

Я засадила бы вас читать псалмы в наказание, но… Позже я решу, позволить ли вам спуститься к обеду. Идите! — Она нетерпеливо взмахнула рукой. — Милая ди Хьюлтер, проследите, пожалуйста, чтобы они благополучно добрались до своих покоев.

Кэсерил тоже направился к выходу, но она остановила его столь же нетерпеливым жестом.

— Кастиллар ди Кэсерил, на минуту, пожалуйста.

Леди Бетрис с любопытством стрельнула глазами через плечо, Исель же вышла не оглянувшись, с высоко поднятой головой.

— Ну, — устало вздохнул ди Феррей, — в конце концов, мы же надеялись, что они подружатся.

Когда шаги за дверью стихли, провинкара позволила себе печально улыбнуться.

— Увы, да.

— Сколько лет леди Бетрис? — поинтересовался Кэсерил, не отрывая глаз от закрывшейся двери.

— Девятнадцать, — ещё раз вздохнул её отец.

«Что же, её возраст не слишком отличается от его собственного, — подумал Кэсерил, — чего нельзя сказать, конечно, о жизненном опыте».

— Я действительно считал, что Бетрис окажет на принцессу положительное влияние, — доба-

вил ди Феррей, — а получилось, кажется, совсем наоборот.

— Вы что же, обвиняете мою внучку в том, что она портит вашу дочь? — лукаво спросила провинкара.

— Скажем, скорее вдохновляет. Э-э… вы думаете, лучше их разлучить?

— Это вызовет море слёз и стенаний. — Провинкара утомлённо села, жестом пригласив мужчин последовать её примеру. — Не заставляйте скрипеть мою бедную шею.

Усевшись, Кэсерил зажал ладони между колен в ожидании последующего разговора, каким бы он ни оказался. Не напрасно ведь его попросили остаться. Провинкара задумчиво смотрела на него несколько минут, потом проговорила:

— Кэсерил, как на ваш свежий взгляд, что тут можно сделать?

Брови Кэсерила поползли вверх.

— Я обучал солдат, миледи, и никогда не имел дела с воспитанием молодых девушек. В этом я совершенно ничего не понимаю — не моя стихия. — Он колебался некоторое время и добавил, почти противореча сам себе: — Мне кажется, поздновато учить Исель трусости. Однако можно обратить её внимание на то, от каких ничтожно

малых и неподтверждённых свидетельств она отталкивалась, верша свой суд. Откуда такая уверенность, что судья действительно виновен настолько, как о нём говорят? Из сплетен и слухов? Даже самые убедительные свидетельства могут лгать и вводить в заблуждение. — Кэсерил вспомнил реакцию банщика на «свидетельство» своей спины. — Сегодняшних событий это уже не изменит, но, возможно, научит её сдерживаться в будущем, — и добавил более сухо: — А вам следует быть осмотрительнее в выборе тем, обсуждаемых в её присутствии, особенно если это слухи.

Ди Феррей кивнул.

— В присутствии любой из них, — уточнила провинкара. — Четыре уха, один ум — или один заговор. — Она закусила губу и прищурилась, глядя на Кэсерила. — Кастиллар… вы говорите и пишете на дартакане, я не ошибаюсь?

Кэсерил, растерявшись от внезапной перемены темы, захлопал ресницами.

— Да, миледи…

— И на рокнари?

— Мой… э-э… культурный дворцовый рокнари слегка подзаржавел, а вот вульгарный более чем свободен.

— А география? Вы знаете географию провин-

ций Шалиона, Ибры и Рокнара?

— Пятеро богов, кому, как не мне, знать географию! Места, которые я не проскакал верхом, я прошёл пешком, где не прошёл пешком — там меня протащили. География въелась в мою шкуру. Да ещё я проплыл, работая вёслами, вокруг половины архипелага.

— И вы пишете, шифруете, ведёте книги — делали отчёты, отвечали на письма, вели бухгалтерию и занимались логистикой…

— Рука у меня, возможно, немного дрожит теперь, но да, я делал всё это, — ответил он с нарастающим беспокойством. К чему эти расспросы?

— Да! Да! — Она хлопнула в ладоши, и Кэсерил вздрогнул. — Сами боги послали вас сюда! И пусть меня сожрут демоны Бастарда, если у меня не хватит ума надеть на вас хомут!

Кэсерил непонимающе улыбнулся.

— Кэсерил, вы говорили, что ищете место. У меня есть на примете одно. Специально для вас. — Она победно выпрямилась. — Секретарь-наставник принцессы Исель!

Кэсерил почувствовал, что у него непроизвольно отвисла челюсть. Он тупо переспросил:

— Что?

— У Тейдеса уже есть секретарь, который ведёт его книги, пишет его письма, когда необходимо… пора и Исель иметь собственного управляющего. Ей нужен мост между её женским миром и внешним, с которым ей так или иначе придётся иметь дело. Кроме того, ни одна из этих квохчущих гувернанток никогда не умела держать её в руках. Она нуждается в мужском авторитете, да, именно так. У вас есть положение, есть опыт… — Провинкара… оскалилась — другого слова для столь пугающе радостного выражения её лица он подобрать не смог. — Что вы об этом думаете, милорд кастиллар?

Кэсерил сглотнул непонятно откуда взявшийся комок в горле.

— Я… э-э… думаю… я думаю, если бы вы предложили мне бритву, чтобы я сразу перерезал себе горло, мы сэкономили бы много времени и сил. Пожалуйста, ваша милость.

Провинкара фыркнула.

— Хорошо, Кэсерил, прекрасно. Мне очень нравятся мужчины, которые не склонны недооценивать ситуацию.

Ди Феррей, поначалу настороженный, теперь смотрел на Кэсерила с неподдельным интересом.

— Полагаю, вы сможете заинтересовать её изучением дартакана. Вы были там в отличие от всех этих глупых тёток. — Провинкара говорила с нарастающим энтузиазмом. — Да и заняться рокнари тоже не помешает, хотя я молюсь, чтобы это ей не понадобилось. Почитайте ей поэзию Браджара — я помню, она вам когда-то нравилась. Что до манер — вы служили при дворе, вам ли этого не знать. Ну? Да ладно вам, Кэсерил, не смотрите на меня, как потерявшийся телёнок! Вы справитесь легко. Эй, не думайте, что я не вижу, как тяжело вы были больны. — Она вытянула руку ладонью вперёд, словно пресекая его возражения. — Вам придётся отвечать не более чем на пару писем в неделю. Даже меньше. И вы были кавалеристом, так что от прогулок верхом не застонете, а я избавлюсь от нытья этих неуклюжих клуш, у которых от седла вечно мозоли на филеях. Что же касается ведения бухгалтерии — ну, после управления крепостью для вас это просто детские забавы. Так что скажете, дорогой Кэсерил?

Перспектива была одновременно и соблазнительной, и пугающей.

— Не могли бы вы послать меня вместо этого в осаждённую крепость?

Радость на её лице погасла. Она наклонилась и

мягко похлопала его по колену. Затем, вздохнув, сказала дрогнувшим голосом:

— Будет и это, и довольно скоро.

И вновь умолкла на некоторое время, изучая его.

— Вы спрашивали, можете ли вы чем-нибудь облегчить мою ношу. Я отвечаю — практически нет. Вы не можете вернуть мне молодость, не можете исправить… многое.

Кэсерил подумал о нездоровье её дочери, об этом тяжком грузе на плечах старой женщины.

— Но ведь вы можете сказать мне одно маленькое «да»? — Она просила его. Это было ужасно.

— Ну конечно, миледи, я в полном вашем распоряжении. Просто… просто это… вы уверены?..

— Вы не чужой здесь, Кэсерил. И я отчаянно нуждаюсь в человеке, которому могла бы доверять.

Сердце его растаяло. А может, мозги. Он поклонился.

— Тогда я ваш.

— Не мой — Исель.

Кэсерил посмотрел на провинкару, потом на задумчиво нахмурившегося ди Феррея и вновь перевёл взгляд на женщину.

— Я… понимаю.

— Надеюсь, что да. И именно поэтому, Кэсерил, вы будете рядом с ней.

Глава 4

Так Кэсерил на следующее утро оказался перед дверью в классную комнату девушек. Его привела туда сама провинкара. Это была маленькая солнечная комната на верхнем этаже восточного крыла замка, который занимали принцесса Исель, леди Бетрис, гувернантка и горничная. Принц Тейдес тоже занимал верхний этаж, только не в этом крыле, а через двор, в новом здании напротив. Покои принца, как подозревал Кэсерил, были спланированы гораздо удобнее, и камины в них были получше. В классной комнате Исель стояли два маленьких столика, пара кресел, одинокий полупустой книжный шкаф и несколько этажерок. Когда туда вошёл Кэсерил, ощутивший себя под этим низким потолком неуклюжим великаном, в комнате сразу стало тесно. Гувернантке пришлось забрать шитьё и удалиться в соседние покои, оставив открытой дверь.

Кэсерил понял, что у него будет не одна ученица, а целый класс. Принцесса не может оставаться наедине с мужчиной, пусть даже он и старше

её. Кэсерил не знал, что думают обе леди о его назначении, но втайне он испытывал облегчение. Этот женский уют, покой и тишина были настолько далеки от пережитого на рокнарских галерах, что трудно даже представить. И душа его исполнилась невольной радости.

Провинкара представила Исель нового секретаря-наставника: «Как у твоего брата», и это, видимо, действительно оказалось неожиданным подарком, поскольку принцесса, удивлённо поморгав глазами, приняла его без всяких возражений. Судя по её оценивающему взгляду, в том, что её будет учить мужчина, она усмотрела привлекательную новизну и повышение собственного статуса. Леди Бетрис тоже, как не без удовольствия заметил Кэсерил, казалась скорее заинтересованной, чем безразличной или враждебной.

Он не сомневался, что выглядит вполне достойно учителя благодаря элегантной мантии торговца и отделанному серебром поясу, на котором сегодня не было меча. Кэсерил принёс на урок все книги на дартакане, которые смог отыскать во время беглого осмотра библиотеки покойного провинкара, — примерно с полдюжины томов. Он сложил их на один из столиков и одарил обеих

учениц нарочито зловещей улыбкой.

В обучении молодых солдат, коней или соколов главное — сразу же взять инициативу в свои руки и больше её не выпускать.

Провинкара, представив его, исчезла. Кэсерил собирался проверить для начала, какими основами дартакана владеет его ученица, чтобы выработать план дальнейшего обучения. Она прочла ему страницу из одного тома, тема которого была хорошо знакома Кэсерилу: минирование и подкопы в условиях осады. С помощью и подсказками Исель с трудом продралась через три сложных абзаца. Кэсерил задал несколько вопросов на дартакане, дабы выяснить, что из прочитанного она поняла, и в ответ услышал только невразумительное шипение.

— У вас ужасное произношение, — откровенно резюмировал он, — дартаканец с трудом понял бы, что вы хотите сказать.

Она подняла голову и прожгла его глазами.

— Моя гувернантка говорит, что я объясняюсь вполне прилично. И что у меня мелодичные интонации.

— Да, вы говорите, как южноибранская рыбачка, жующая свой товар. О, они тоже говорят очень мелодично. Но любой дартаканский лорд — а

все они помешаны на гордости своим жутким языком — рассмеётся вам в лицо. — По крайней мере именно так однажды произошло с Кэсерилом. — Ваша гувернантка льстит вам, принцесса.

Она нахмурилась.

— Надо понимать, сами вы никогда не льстите, кастиллар?

Её тон и манеры были несколько резче, чем он ожидал. В ответ, не поднимаясь с кресла, он отвесил ей короткий ироничный поклон.

— Уверяю вас, я не совсем мужлан. Но если вы предпочитаете, чтобы вам лгали, не давая тем самым возможности достичь когда-нибудь совершенства в изучаемом предмете, такого учителя, я думаю, найти не составит труда. Не в каждой темнице решётки на окнах. Есть и такие, что удерживают пленника мягкой периной и сладкой едой. Королевские.

Ноздри Исель затрепетали, губы сжались в тонкую линию. Кэсерил подумал, что привёл сомнительное сравнение и был слишком резок. Она ведь всего-навсего нежное создание, ещё почти девочка… Может, следует быть поосторожнее — ведь если она пожалуется провинкаре, он может потерять…

Она перевернула страницу.

— Ну, — произнесла ледяным тоном, — продолжим.

О пятеро богов, точно такой взгляд разочарованной ярости он видел у юнцов, которые поднимались с земли, выплёвывая грязь изо рта, и становились потом его лучшими лейтенантами. Может, всё не так уж и сложно. Усилием воли он вернул лицу строгое выражение и, нахмурившись, кивнул.

— Продолжайте.

Час пролетел легко и почти незаметно. Правда, легко для него. Когда Кэсерил заметил, что принцесса трёт виски и морщинки между её бровями сделались глубже — что не имело отношения к обиде и злости, — он решил забрать у неё книгу.

Леди Бетрис, сидевшая всё это время рядом с Исель и беззвучно шевелившая губами, продолжила чтение. Кэсерил попросил её повторить упражнение. По сравнению с принцессой Бетрис читала быстрее, но, увы, страдала той же болезнью: жутким южноибранским акцентом, доставшимся девушкам от прежней учительницы. Исель внимательно вслушивалась в исправления.

Всем уже пора было обедать, но ему нужно было решить ещё один вопрос. Об этом его на-

стоятельно просила провинкара. Когда девушки потянулись и собрались было встать, он откинулся на спинку кресла и кашлянул.

— Вчера в храме… это был очень эффектный жест, принцесса.

Пухлые губы её изогнулись в улыбке, а большие глаза сощурились от удовольствия.

— Спасибо, кастиллар.

Он позволил себе улыбнуться.

— Да уж, удар так удар. Он даже не мог ничего сказать в ответ. Судя по смеху в зале, присутствующие были очарованы.

Она смущённо потупилась.

— Взятки и продажность — главные болезни в Шалионе, а я ничего не могу поделать. Так что этого ещё мало.

— Что ж, то хорошо, что хорошо сделано, — и он кивнул с обманчивой сердечностью. — А скажите, принцесса, какие шаги вы предприняли, чтобы удостовериться в виновности этого человека?

Она уже гордо вскидывала подбородок, но вдруг замерла.

— Но ведь сьер ди Феррей… рассказал о нём. А я не сомневаюсь в его честности.

— Сьер ди Феррей сказал только — я напом-

ню вам в точности его слова, — он сказал, что *слышал*, будто *говорят*, что судья взял взятку у дуэлянта. Он не ссылался на подтверждение слухов, полученное из первых уст, и не претендовал на истинность сказанного. Вы не разговаривали с ним после обеда, чтобы выяснить все подробности?

— Нет… если бы я только заикнулась об этом, мне бы запретили даже думать о наших планах.

— И тогда вы решили поговорить об этом с леди Бетрис. — Кэсерил кивнул темноглазой девушке.

Выпрямившись, Бетрис устало ответила:

— Потому-то я и посоветовала загадать на пламя.

Кэсерил пожал плечами.

— Да-да, загорится ли пламя с первого раза. Но ваша рука молода, сильна и ловка, леди Исель. Разве вы не были уверены, что пламя в любом случае загорится сразу?

Её брови сошлись на переносице.

— Горожане аплодировали…

— Ну конечно! Примерно половина из тех, кто обращается к судье, выходят от него разочарованными и рассерженными. Но это ещё не значит, что с ними обошлись несправедливо.

Стрела попала в цель, судя по изменившемуся

выражению её лица. И наблюдать это превращение победительницы в проигравшую было не слишком приятно.

— Но… но…

Кэсерил вздохнул.

— Я не сказал, что вы ошиблись, принцесса. На этот раз. Я только отметил, что вы скакали впотьмах. И если не врезались в дерево, то это была лишь милость богов, а не следствие вашей осторожности.

— Ох…

— Вы могли оклеветать честного человека. Или бросить тень на правосудие. Не знаю. Ведь ни то, ни другое не было, кажется, вашей целью.

Она снова охнула, теперь едва слышно.

А до ужаса практичная часть ума Кэсерила заставила его добавить ещё:

— Не важно, были вы правы или нет, но вы создали себе врага и оставили его в живых — у себя за спиной. Великая благотворительность. И отвратительная тактика.

Проклятие! Этого не следовало говорить нежной девушке. Кэсерил еле удержался, чтобы не зажать себе рот ладонью — жест, совершенно неуместный для мудрого наставника.

Брови Исель взлетели и застыли так на несколь-

ко секунд; брови Бетрис — тоже.

После долгого и задумчивого молчания Исель спокойно произнесла:

— Я благодарю вас за добрый совет, кастиллар.

Он ободряюще кивнул. Хорошо. Если этот сложнейший вопрос решён благополучно, значит, в том, что касается его ученицы, он на полпути к успеху. А теперь, благодарение всем богам, к щедрому столу провинкары…

Исель снова села и сложила руки на коленях.

— Вы ведь мой секретарь, так же как и наставник, верно, Кэсерил?

Он вновь откинулся на спинку кресла.

— Да, миледи. Вам нужна помощь с письмами? — и чуть не продолжил — после обеда?

— Помощь. Да. Но не с письмами. Сьер ди Феррей говорит, вы служили верховым курьером, это правда?

— Да, когда-то давно я служил провинкару Гуариды, миледи. Когда был моложе.

— Курьер — это шпион. — Взор её стал оценивающим.

— Необязательно, хотя трудно порой… убедить людей в обратном. Мы были доверенными посыльными. Конечно, не предполагалось, что мы будем держать глаза закрытыми и не станем

докладывать о том, что видели.

— Очень хорошо. — Подбородок Исель снова взлетел вверх. — Тогда моим первым заданием вам, как моему секретарю, будет наблюдение. Я хочу, чтобы вы выяснили, совершила я ошибку или нет. У меня нет возможности запросто спуститься в город и расспросить людей — я должна оставаться на холме, на моей, — она скорчила гримаску, — мягкой перине. Но вы, вы можете сделать это, — и она посмотрела на него с выражением смутившего Кэсерила доверия.

Желудок его вдруг стал пустым и гулким, как барабан, и это не имело отношения к отсутствию в оном еды. Видимо, он выполнил поручение провинкары слишком хорошо.

— Я… я… прямо сейчас?

Она смущённо поёрзала в кресле.

— Нет, но как только появится возможность.

Кэсерил проглотил комок в горле.

— Я сделаю всё, что в моих силах, миледи.

По пути в свою комнату этажом ниже Кэсерила преследовали воспоминания о тех днях, когда он служил в этом замке пажом. Он мнил себя великим фехтовальщиком, будучи самую малость искуснее полудюжины прочих отпрысков знатных родов, разделявших с ним обязанности

и занятия. Однажды прибыл ещё один юный паж — сердитый коротышка; учитель фехтования пригласил Кэсерила скрестить с вновь прибывшим клинки в тренировочном бою. К тому времени Кэсерил овладел парочкой хитрых приёмов, в том числе и одним замысловатым обманным движением, в результате которого, будь мечи настоящими, он срезал бы уши большинству своих приятелей. Он испробовал этот финт на новеньком и остановился в восторге, когда плоское тупое лезвие коснулось головы соперника. И только когда Кэсерил перевёл взгляд вниз, он увидел, что тренировочный меч новичка согнулся чуть ли не вдвое, упёршись в его обвязанную защитными подушками грудь.

Тот паж быстро пошёл вверх и стал преподавателем фехтования при браджарском дворе. К этому времени Кэсерил уже перестал претендовать на звание мастера меча — его интересы были настолько широки, что он просто не мог посвятить всего себя одному занятию. Но он никогда не забывал тот миг, когда, опустив глаза, увидел упиравшийся в его грудь меч.

Он удивился, что первый урок с Исель вызвал к жизни это старое воспоминание. Живые крохотные искорки воли и энергии, горящие в таких

непохожих глазах… как же звали того пажа?..

На кровати у себя в комнате Кэсерил увидел пару появившихся за время его отсутствия туник — свидетелей тех дней, когда управляющий был ещё молод и строен. Убирая одежду в сундук, он вспомнил о записной книжке торговца, которая так и лежала вместе с плащом в этом же сундуке. Вытащил её было, подумав, что можно отнести её в храм и сегодня после обеда, но потом положил обратно. Возможно, среди зашифрованных строчек ему удастся найти ключ к задаче, которую поставила перед ним Исель, — какие-нибудь убедительные доказательства виновности или, наоборот, невиновности судьи. Конечно, надо прочесть книжку, прежде чем отдать.

После обеда Кэсерил ненадолго забылся блаженным сном. Он только успел вернуться в явь и пребывал в чудном умиротворённом состоянии, когда раздался стук в дверь — сьер ди Феррей принёс бухгалтерские книги и сметы из комнаты принцессы. Следом вошла Бетрис, держа в руках коробку с письмами: их следовало привести в порядок и рассортировать. Таким образом, оставшуюся часть дня Кэсерил провёл за перекладыванием сложенных как попало бумаг, знакомясь попутно с их содержанием.

Финансовые отчёты были просты и понятны. Среди них были счета за покупки безделушек и недорогих драгоценностей, списки принятых и вручённых подарков; более подробный список дорогих ювелирных изделий, унаследованных принцессой и полученных в дар. Гардероб. Верховая лошадь Исель и мул Снежок, их сбруя, парадные попоны. Закупками тканей и мебели ведал прежде бухгалтер провинкары, но теперь это стало одной из обязанностей Кэсерила. Леди столь высокого положения, как Исель, обычно отправлялись к жениху с целым обозом ценных и необходимых вещей. Кэсерил надеялся только, что это будет не корабль. Может, ему следует включить и себя в список приданого принцессы?

Он представил себе следующую запись: «Секр. — наставн., 1 шт. Подарок бабушки. Возраст 35 лет. Сильно пострадал при доставке. Стоимость…»

Поездка к жениху была, как правило, путешествием в один конец, хотя мать Исель — вдовствующая рейна — вернулась… надломленной. Кэсерил старался не думать об этом. Леди Иста беспокоила и озадачивала его. Говорят, безумие — беда многих знатных родов. В роду Кэсерила таких случаев не было — взамен душевных за-

болеваний семья его страдала от финансовых кризисов и неудачных политических альянсов. Не грозит ли Исель унаследовать болезнь матери?.. Скорее всего нет.

Корреспонденция Исель оказалась скудной, но интересной. Среди первых писем — ласковые короткие послания от бабушки, писанные ещё до того, как рейна Иста переехала вместе с детьми под её крышу. В них то и дело встречались расплывчатые просьбы быть хорошей девочкой, слушаться маму, читать молитвы, помогать заботиться о маленьком братике. Несколько записок от дядей и тёток — других детей провинкары. Оставшуюся часть писем представляли регулярно высылаемые поздравления с днём рождения и праздниками от её сводного брата.

У Исель не было родственников со стороны отца, кроме рея Орико. В своё время Иас с сыном были единственными уцелевшими представителями семьи. Письма рей явно писал собственноручно — Кэсерил не мог поверить, чтобы Орико держал секретаря, который царапает как курица лапой. И хотя чувствовалось, что рей прилагает все силы, чтобы быть добрым и ласковым с ребёнком — он даже рассказывал о зверинце, который держит у себя в крепости, — звучали его

послания несколько официально.

От этого приятного занятия Кэсерила оторвал паж, который принёс сообщение, что принцесса и леди Бетрис собираются выехать верхом и ждут, что Кэсерил присоединится к ним. Он быстро пристегнул одолженный ему меч и поспешил во двор. Лошади были уже осёдланы. Кэсерил почти три года не ездил верхом; он попросил подать специальную скамеечку, чтобы сесть в седло, и паж бросил на него удивлённый и презрительный взгляд. Кэсерилу дали чудесное спокойное животное — того гнедого, на котором выезжала с девушками гувернантка. Эта несчастная, избавленная ныне от мучений и крайне сим обстоятельством довольная, высунулась из окна, когда небольшая кавалькада подъезжала к воротам, и помахала им вслед платочком.

Всё оказалось куда проще, чем ожидал Кэсерил, — они всего лишь спустились к реке и вернулись обратно. А поскольку он объявил, что во время прогулки разговоры будут вестись только на дартакане, то в довершение ко всему удалось насладиться ещё и тишиной.

А потом — ужин, после ужина — в свою комнату, примерять и развешивать новые, подаренные ему вещи и пытаться расшифровать первые стра-

ницы дневника того бедного мёртвого глупца. Однако очень скоро веки Кэсерила налились свинцом. Он рухнул на кровать и проспал до утра как бревно.

Всё шло столь же мирно, как и началось. По утрам — уроки с двумя юными леди: дартакан или рокнари, геометрия, арифметика, география. Для занятий по географии Кэсерил стянул у воспитателя Тейдеса хорошие карты и развлекал принцессу и её подругу несколько подредактированными рассказами о самых своих экзотических похождениях по Шалиону, Ибре, Браджару, Великой Дартаке и пяти вытянутым вдоль северного побережья, вечно враждующим провинциям Рокнара.

Последние его впечатления от Рокнарского архипелага — глазами раба — подверглись ещё более строгой редакции. Откровенную скуку и нежелание заниматься рокнари — ученицы его зевали до боли в челюстях — он излечил тем же лекарством, которым потчевал в своё время парочку других своих учеников, юных пажей при дворе Гуариды. Он пообещал леди знакомить их с одним из рокнарских ругательств (не из самых грубых, разумеется) за каждые выученные двадцать слов придворной речи. Пользоваться

этими ругательствами в дальнейшем девушками, конечно, не предполагалось, но понимать, что говорится в их присутствии, им не помешало бы в любом случае. Подруги краснели и очаровательно хихикали.

Кэсерил ответственно отнёсся к своему первому поручению — собрать доказательства виновности или невиновности судьи. Опираться на слова ди Феррея он не мог, поскольку тот никогда не сталкивался с судьёй на профессиональной почве. Несколько походов в город в надежде отыскать кого-нибудь, кто помнил бы Кэсерила по старым временам — семнадцать лет назад — и мог бы поговорить с ним откровенно, также не принесли особого успеха. Единственным, кто его узнал, оказался пожилой пекарь, который многие годы продавал сладости всему пажескому корпусу замка. Но пекарь был мягким, любезным человеком и в жизни не вёл никаких тяжб и судебных процессов.

Тогда Кэсерил с удвоенной энергией углубился в книжку торговца, тратя на её расшифровку всё своё свободное время. Как ему удалось понять с немалым облегчением, несколько первых, поистине омерзительных экспериментов по вызову демонов Бастарда не удались. Имя покойного ду-

элянта ни разу не упоминалось, но по некоторым деталям нетрудно было догадаться, о ком идёт речь. Имя же судьи не всплывало вовсе.

Но не успел Кэсерил распутать этот клубок и наполовину, как дело из его неопытных рук перешло в руки придворного следователя провинкара Баосии. Следователь прибыл в Валенду из делового Тариона, куда сын вдовствующей провинкары перенёс столицу сразу по принятии наследства отца. Как подсчитал Кэсерил, времени до прибытия следователя прошло ровно столько, сколько требовалось, чтобы провинкар получил письмо от матери, распечатал и прочёл его, отправил приказ в канцелярию юстиции Баосии, после чего следователь собрался в путь вместе со своими подчинёнными. Да, вот они, привилегии. Кэсерил подозревал, что провинкару волновал не столько вопрос правосудия, сколько то, что был нажит враг.

На следующий же день выяснилось, что судья Вриз, спешно собрав пожитки, исчез, сбежал с двумя слугами. Камин в покинутом им доме был полон пепла от сожжённых бумаг.

Кэсерил сказал Исель, что это ещё не является окончательным доказательством вины, но и сам мало тому верил. С другой стороны, ему не

давала покоя мысль — а вдруг в тот день устами Исель *действительно* говорила богиня. Боги, как считали учёные-теологи Святого Семейства, действовали тайным образом — через мир, а не в нём. Даже в случаях таких ярких, исключительных чудес, как исцеление, или тёмных, таинственных катастроф и смертей каналы, по коим входит в мир людей добро или зло, должна открыть свободная воля человека. Кэсерил встретил за свою жизнь нескольких человек, которые, как он подозревал, воистину могли общаться с богами. Но таких было мало. Чаще попадались люди, просто верившие, что способны на это. Рядом с теми и другими ему всегда было как-то… неуютно. Кэсерил искренне надеялся, что Дочь Весны удалилась к себе, удовлетворённая происшедшим в храме. Или хотя бы просто удалилась…

Исель редко бывала в покоях младшего брата, отделённых от её собственных внутренним двориком, и общалась с ним обычно только во время трапез или прогулок верхом. Однако Кэсерил не сомневался, что детьми они были значительно ближе друг другу, пока процесс взросления не развёл их по разным мирам — миру мужчин и миру женщин.

Суровый секретарь-наставник принца, сьер ди

Санда, казалось, весьма досадовал на то обстоятельство, что к Кэсерилу обращаются, используя ничем не подкреплённый титул кастиллара. Всякий раз — за столом или в процессии — он торопился занять более почётное место, в качестве извинения улыбаясь столь неискренне, что это более походило на вызов. Кэсерил попытался было объяснить ди Санде, что тому не о чем беспокоиться, но вряд ли попытка удалась — ди Санда только улыбнулся в ответ своей лицемерной улыбочкой. Однажды во время урока он ворвался в классную комнату и потребовал обратно свои географические карты с таким видом, словно ожидал, что Кэсерил сейчас вступит с ним в бой за эти сверхсекретные государственные документы. Кэсерил же вернул пособия со словами благодарности, и ди Санда вынужден был в смущении удалиться.

Леди Бетрис прошипела сквозь стиснутые зубы:

— Ну и хмырь! Он ведёт себя как… как…

— Как один из наших котов, — пришла на выручку Исель, — когда во двор забредает кот-чужак. Что вы такого сделали, Кэсерил, что он так на вас взъелся?

— Уверяю вас, что у него под окном я не мо-

чился, — не подумав, ответил Кэсерил. Бетрис тихо захихикала и метнула беспокойный взгляд в сторону гувернантки — не услышала ли та их наставника.

Ох, ну чем он только думает! Это уж совсем не для девичьих ушек. Хихикают… Могло быть хуже. Он до сих пор ещё не был уверен в прочности своего положения и в том, что девушки хорошо к нему относятся, хотя пока они не жаловались на него провинкаре, несмотря на пытки дартаканом.

— Полагаю, он вбил себе в голову, что я хочу занять его место, — проговорил Кэсерил, — и не может расстаться с этой мыслью.

Когда Тейдес только родился, перспектива унаследовать трон Орико была для него более чем нереальной. Однако с годами, когда стало ясно, что жена рея не сможет родить ребёнка, при дворе Шалиона к Тейдесу начал быстро возрастать интерес — возможно, и нездоровый. Вероятно, это было одной из причин, вынудивших Исту оставить двор и столицу и увезти детей в спокойную, мирную Валенду. Мудрое решение.

— О нет, пожалуйста, Кэсерил! — протянула Исель. — Останьтесь с нами. Это куда лучше и интереснее!

— Безусловно, — уверил он.

— Да и вообще вы в два раза умнее ди Санды и в десять раз больше повидали. Почему вы переносите его нападки так… так… — Бетрис замялась в поисках нужного слова, — спокойно, — сказала она наконец.

И отвернулась на мгновение, словно боясь, как бы он не решил, что она хотела произнести другое, менее лестное для него слово.

Кэсерил хитро улыбнулся своим неожиданным защитницам.

— Как думаете, стал бы он счастливее, если бы я представлялся ему лишь мишенью для его глупостей?

— О да…

— Ну вот вы и ответили на свой вопрос.

Бетрис открыла рот и снова закрыла его. Исель коротко хихикнула.

Тем не менее однажды Кэсерил ощутил сочувствие, даже сострадание к ди Санде, когда наставник принца, бледный и трясущийся, ворвался как-то утром к нему в комнату с тревожной вестью, что его царственный подопечный исчез: его нет ни в конюшне, ни на кухне и ни в одном закоулке замка. Кэсерил взял меч, готовясь выехать с остальными на поиски, и мыслен-

но уже делил город и окрестности на сектора, взвешивая одновременно вероятность нападения разбойников, опасность утонуть в реке… а городские соблазны? Не вырос ли уже Тейдес настолько, чтобы наведаться в бордель?

Прежде чем Кэсерил успел поделиться своими соображениями с ди Сандой, который думал только о разбойниках, как во двор въехал сам предмет волнений, грязный и потный, с переброшенным через плечо луком, привязанной к седлу убитой лисой, в сопровождении мальчика-грума. Тейдес с неподдельным ужасом уставился на готовый к отправке отряд.

Кэсерил, не успевший ещё взобраться в седло, уселся, держа в руках поводья, на скамеечку возле лошади и с интересом наблюдал, как четверо взрослых мужчин пытают мальчика.

«Где вы были? Почему вы так поступили? Почему никого не предупредили?» — Тейдес, стиснув зубы, выносил допрос довольно терпеливо.

Когда ди Санда сделал перерыв, чтобы набрать в грудь воздуха, Тейдес отвязал добычу и бросил её Битиму-охотнику буркнув:

— Вот. Снимите шкуру. Я хочу этот мех.

— Мех в этом сезоне никуда не годится, юный лорд, — строго ответил Битим. — Шерсть тонкая

и линяет. — Он показал пальцем на тёмные, разбухшие от молока соски лисицы. — И это очень плохо — отнимать у детей мать в сезон Дочери. Мне придётся опалить ей усы, не то её дух будет всю ночь преследовать моих гончих. И где щенки? А? Вам следовало забрать их тоже — жестоко бросать малышей умирать с голоду. — Тяжёлый взгляд его обратился на мальчика-грума.

Тейдес снял с плеча лук и расстроенно пробормотал:

— Мы искали нору, но так и не смогли её найти.

— Ладно, — отмахнулся ди Санда и набросился на грума: — А ты… ты же знал, что должен был меня предупредить! — Он осыпал мальчика ругательствами, которые не смел употребить в адрес принца, и закончил приказом: — Битим, отстегайте этого мальчишку за его глупость и наглость!

— С удовольствием, милорд, — угрюмо произнёс Битим и зашагал к конюшням, держа в одной руке лисицу, а другой ухватив за шиворот грума.

Два старших конюха завели лошадей в стойла, и Кэсерил облегчённо вздохнул — скачки отменялись, а завтрак, наоборот, маячил в перспективе. Ди Санда, чей испуг сменился гневом, конфиско-

вал лук и повёл своего удручённого подопечного в дом. Прежде чем захлопнулась входная дверь, Тейдес выкрикнул последний аргумент в свою защиту:

— Но мне так скучно!..

Кэсерил подавил смешок. Пятеро богов, какой это мучительный и тяжёлый возраст для любого мальчика! Подросток исполнен энергии и жажды деятельности и в то же время скован по рукам и ногам не понимающими его желаний взрослыми, вынужден подчиняться их глупым идеям — даже мысли нельзя допустить о том, чтобы улизнуть чудесным весенним утром с молитвы на охоту… Кэсерил взглянул на небо, уже очистившееся от утреннего тумана. Покой, царивший в замке провинкары, являвшийся бальзамом для души Кэсерила, для бедняги Тейдеса был самым настоящим ядом.

Ди Санда вряд ли примет какой бы то ни было совет от Кэсерила, столь недавно принятого на службу. Но Кэсерилу было ясно, что ди Санде в случае, если тот надеется занять высокий пост при взрослом Тейдесе, следует в корне изменить своё отношение к воспитаннику, ибо Тейдес, буде всё так и продолжится, избавится от своего наставника при первой же возможности.

И всё же, на взгляд Кэсерила, ди Санда был достаточно разумным человеком. Другой с подобными амбициями на его месте потакал бы принцу во всех его слабостях, вместо того чтобы сдерживать безрассудные порывы. Кэсерилу довелось видеть парочку отпрысков благородных семейств, избалованных своими воспитателями донельзя… Но не в Баосии. Пока провинкара у дел, Тейдес избавлен от встреч с такими паразитами. С этой приятной мыслью Кэсерил и поднялся на ноги.

Глава 5

Шестнадцатилетие Исель праздновали в середине весны, спустя шесть недель после приезда Кэсерила в замок Валенды. Подарком принцессе из столицы от сводного брата Орико оказалась замечательная серая в яблоках кобыла. Кэсерил подумал, что это поистине королевский подарок. И ему не пришлось писать ответного письма, поскольку Исель была так довольна, что благодарность свою выразила в письменном виде собственноручно и отправила послание с курьером, который сопровождал подарок.

Но Кэсерил после этого события вдруг ощутил себя объектом пристального внимания и опеки со стороны Исель и Бетрис, и это его даже несколько смущало. Маленькие знаки внимания в виде лучших фруктов и овощей за столом — для улучшения его аппетита; забота о том, чтобы он пораньше ложился спать и обязательно выпивал на ночь вина — но не слишком много; кроме того, обе леди стали приглашать его на прогулки по саду. Что это означает, он не понимал, пока ди Феррей не пошутил как-то в разговоре с провин-

карой, при котором присутствовал и Кэсерил, что девочки, мол, так заботятся о хрупком здоровье своего наставника, что отказались даже от безумных скачек верхом. Кэсерил, поначалу возмутившись, потом едва удержался, чтобы не начать подыгрывать — захромать, например… Женское участие — слишком приятная штука, чтобы над ним насмехаться.

А началось всё с одной из верховых прогулок. Стояла хорошая погода, Кэсерил тоже чувствовал себя неплохо, и привычное напряжение отпустило его. Скоро лето, жизнь потечёт и вовсе размеренно и вяло. Наблюдая, как его воспитанницы нахлёстывают коней, скача по оврагам и по извилистому берегу реки в тени свежей листвы, он слегка расслабился и тоже пустил коня вскачь. И надо же было такому случиться, что именно его лошадь, испугавшись внезапно показавшейся из зарослей оленихи, отпрыгнула в сторону и сбросила седока на груду камней. У Кэсерила при падении перехватило дыхание. Он упал на спину, от боли выступили слёзы на глазах. Два склонившихся над ним перепуганных девичьих личика расплывались на фоне слепящего солнца и зелёной листвы.

При помощи девушек и поваленного дерева

ему удалось взгромоздиться обратно в седло. Обратный путь к замку был неторопливым и вполне благопристойным — гувернантка была бы в восторге, — если бы не терзавшее девушек чувство вины. Бег времени остановился, от муки мир в глазах Кэсерила казался искажённым. Тело периодически сводило судорогой, но больше всего его терзала жгучая боль в спине. Добравшись наконец до двора, он сосредоточился на подставленной ему скамеечке, конюхе и избавлении от проклятой лошади. Спешившись, на мгновение опустил голову и упёрся лбом в седло, пряча гримасу боли.

— Кэс!

Знакомый голос донёсся до него как из небытия. Он поднял голову и огляделся. Широко раскинув руки, к нему бежал атлетически сложенный темноволосый мужчина, одетый в элегантную красную парчовую тунику и красные же высокие сапоги для верховой езды.

— Пятеро богов, — прошептал Кэсерил. — Палли?

— Кэс! Кэс! Целую руки, целую ноги! — Мужчина набросился на него и чуть не повалил, дословно исполнив первую часть своего приветствия, а вторую заменив медвежьими объятиями. — Кэс,

приятель! Я думал, что ты погиб!

— Нет-нет… Палли… — Он почти забыл про боль. Схватил друга за руки и повернулся к Исель и Бетрис, спешившихся и передавших лошадей грумам. Девушки смотрели на них с неприкрытым любопытством.

— Принцесса Исель, леди Бетрис, позвольте вам представить — сьер ди Паллиар, моя правая рука в Готоргете. Пятеро богов, Палли, что ты здесь делаешь?

— Я собирался спросить тебя о том же, причём с большим на то основанием! — ответил Палли, поклонившись обеим леди, которые поедали его глазами со всевозрастающим интересом. Два года после Готоргета сделали своё дело, молодой человек снова обрёл блистательный вид, хотя к концу разрушительной осады все они выглядели как ободранные вороны. — Принцесса, миледи, приветствую вас… Но я теперь марч ди Паллиар, Кэс.

— О, мои соболезнования. — Кэсерил удручённо покачал головой. — Мои соболезнования. Это недавняя утрата?

Палли слегка склонил голову.

— Почти два года прошло. Старика хватил удар, когда мы вынуждены были сдать Готоргет, но он продержался, пока я не добрался до дома благода-

ря тому, что был сезон Отца Зимы. Он узнал меня, и я провёл с ним его последние дни, рассказал о кампании — он благословил тебя перед смертью, хотя мы оба были уверены, что ты давно в ином мире. Кэс, приятель, куда же ты подевался?

— Меня… не освободили.

— Не освободили? Как так? Как могли тебя не освободить?

— Вкралась какая-то ошибка. Моего имени не было в списке.

— Но ди Джиронал сказал, что рокнарцы оповестили его, будто ты умер от лихорадки.

Улыбка Кэсерила стала жёсткой.

— Нет, меня продали на галеры.

Палли встряхнул головой.

— Ничего себе ошибка! Но это же невозможно…

Кэсерил скорчил гримасу и толкнул его в грудь. Палли понял и замолчал, но гнев в его глазах не угас. Взглядом он дал понять Кэсерилу: «Хорошо, поговорим позже». Тут к ним подошёл улыбающийся ди Феррей, и оба повернулись к нему.

— Милорд ди Паллиар с её милостью провинкарой пили вино в саду, — объяснил управляющий, — присоединяйтесь, Кэсерил!

— Благодарю.

И Палли с Кэсерилом направились вслед за ди Ферреем через двор, вокруг дома к небольшому участку, где садовник провинкары выращивал цветы. Она любила сидеть там в хорошую погоду. Пройдя немного, Кэсерил начал отставать. Палли замедлил шаг и вопросительно посмотрел на друга. Провинкара ожидала их с мягкой улыбкой на устах, устроившись в тени розового куста, усыпанного ещё не раскрывшимися бутонами. Она указала им на принесённые слугами кресла. Кэсерил, скривившись и застонав сквозь зубы, опустился в одно из них.

— Демоны Бастарда, — следя за ним внимательным взглядом, пробормотал Палли, — рокнарцы не оставили на тебе живого места?

— Да нет, не совсем. Леди Исель… уф-ф… похоже, решила довершить незаконченное ими, — ему наконец удалось откинуться на спинку, — и ещё эта проклятая глупая лошадь.

Тут без приглашения явились обе юные леди, и провинкара нахмурилась.

— Исель, вы скакали галопом? — громовым голосом спросила она.

Кэсерил вступился за девушек:

— Нет-нет, миледи, во всём виновата моя лошадь — она решила, что на неё напал какой-то

ужасный хищный пожиратель кобылиц, и отпрыгнула в сторону. Ну а я не успел отпрыгнуть вместе с ней. Пришлось упасть. Не беспокойтесь, всё в порядке, спасибо.

И он принял бокал вина у слуги и быстро выпил, опасаясь расплескать. Мерзкая дрожь в теле, хвала богам, начала проходить.

Исель подарила ему благодарный взгляд, не оставшийся, впрочем, незамеченным её бабушкой. Провинкара недоверчиво фыркнула. В качестве наказания она отправила девушек переодеваться:

— Исель, Бетрис, марш к себе и оденьтесь для ужина. Мы провинциалы, но не дикари.

Отосланные юные леди понуро потащились из сада, с любопытством оглядываясь через плечо на необыкновенного гостя.

— Но как ты оказался здесь, Палли? — спросил Кэсерил, когда обе изгнанницы скрылись за углом.

Палли, тоже провожавший их глазами, вздрогнул, словно проснувшись. «Закрой рот, приятель, — весело подумал Кэсерил, — мне тоже пришлось через это пройти».

— О! Я направляюсь в Кардегосс, знаешь, шаркать ножкой при дворе. Мой отец дружил со

старым провинкаром и, когда проезжал мимо Валенды, всегда заглядывал сюда — вот и я по его примеру послал вестового с запиской. Ну а миледи, — он кивнул провинкаре, — любезно согласилась меня принять.

— Я бы обиделась на вас, если бы вы не заехали, я так давно не видела ни вас, ни вашего отца. Мне очень жаль, что он покинул наш мир.

Палли снова кивнул и обратился к Кэсерилу:

— Мы собирались дать отдых лошадям и не торопясь отправиться завтра утром — погода слишком хороша, чтобы спешить. На дороге полно паломников. Нас оповестили, что холмы кишат разбойниками, но увы, нам ни одного не удалось найти!

— Вы их искали? — удивился Кэсерил. Его мечтой на протяжении всего долгого пути до Валенды было не наткнуться на бандитов.

— Эй! Я же теперь лорд-дедикат ордена Дочери в Паллиаре, да будет тебе известно. Что называется, надел отцовские сапоги. У меня есть определённые обязанности.

— Ты ехал с солдатами Дочери?

— Скорее с багажным обозом. Всё завалено книгами, собранной рентой, проклятым оборудованием и прочими тыловыми штучками.

Игрушки командующего — сам знаешь, ты же меня этому и учил. Одна часть славы на десять частей дерьма.

Кэсерил ухмыльнулся.

— С таким удачным соотношением? Да на тебе благословение!

Палли оскалился в ответ и с благодарностью взял предложенные ему сыр и печенье.

— Я расположил своих людей внизу, в городе. Но ты, Кэс! Ребята из Готоргета спрашивали, не встречался ли я с тобой. Ты должен был дать мне знать! Я чуть не упал, когда миледи поведала мне, что ты шёл — пешком! — от самой Ибры и выглядел словно мышь, недоеденная котом.

Провинкара пожала плечами, когда Кэсерил укоризненно стрельнул в неё глазами.

— Последние полчаса я тут рассказывал им военные истории, — продолжил Палли. — Как твоя рука?

Кэсерил пошевелил пальцами.

— Лучше. Значительно. — Он поспешил сменить тему: — А в связи с чем ты едешь ко двору?

— Ну, у меня после смерти отца ещё не было возможности формально войти в должность и предстать перед реем Орико. Кроме того, я должен представлять орден Дочери в Паллиаре при

вступлении в должность его нового священного генерала.

— Генерала? — переспросил Кэсерил.

— А, так Орико всё-же решил этот вопрос? — вступил в беседу ди Феррей. — После смерти старого генерала, я слышал, все знатные семьи Шалиона пытались получить это место.

— Могу себе представить, — усмехнулась провинкара. — Вполне доходный и могущественный орден, хотя и не такой, конечно, как орден Сына.

— О да! — ответил Палли. — Об этом ещё не объявили, но всем известно — генералом станет Дондо ди Джиронал, младший брат канцлера.

Кэсерил вздрогнул и отпил вина, чтобы скрыть свой испуг. После долгой паузы провинкара сказала:

— Странный выбор. Обычно от генерала святого военного ордена ожидают большей… большей аскетичности.

— Но, — поразился ди Феррей, — ведь канцлер Мартоу ди Джиронал уже является генералом ордена Сына! Два генерала в одной семье? Это опасная концентрация власти!

Провинкара прошептала:

— Кроме того, Мартоу должен стать провинкаром, если молва не лжёт. Как только старый ди

Илдар прекратит своё жалкое существование.

— Я не слышал такого, — в голосе Палли послышалось беспокойство.

— Да, — сухо подтвердила провинкара, — семья Илдара не слишком рада. Они рассчитывали, что титул провинкара перейдёт к одному из племянников.

Палли пожал плечами.

— Братья Джиронал делают карьеру в Шалионе благодаря расположению рея Орико. Полагаю, будь я умнее, я бы тоже примкнул к их свите и двигался наверх вместе с ними.

Кэсерил нахмурился, делая вид, что разглядывает вино в бокале, и проронил, чтобы сменить тему:

— Какие ещё новости ты слышал?

— Ну, пару недель назад наследник ибранского престола снова поднял знамёна Южной Ибры против старого лиса, своего отца. Все думали, что поражение в кампании прошлым летом образумит молодого принца, но нет.

— Наследник слишком много на себя берёт, — сказала провинкара. — Есть ведь и ещё один сын.

— В последнее время Орико поддерживает наследника, — заметил Палли.

— За счёт Шалиона, — пробормотал Кэсерил.

— Мне кажется, что Орико загадывает на будущее. Ведь в конце концов, — Палли снова пожал плечами, — наследник победит. Рано или поздно. Так или иначе.

— Но сейчас это будет грустная победа для старика, если его сын проиграет, — задумчиво произнёс ди Феррей. — Думаю, они загубят массу человеческих жизней, а потом начнётся всё сначала. Игры на куче трупов.

— Мрачное занятие, — провинкара сжала губы, — ничего хорошего из этого не выйдет. Эй, ди Паллиар, расскажите-ка что-нибудь хорошее. Есть же какие-нибудь хорошие новости? Скажите мне, что жена Орико ждёт ребёнка.

Палли печально покачал головой.

— Насколько мне известно, нет, леди.

— Ну, тогда пойдёмте ужинать и больше не будем говорить о политике. Моя старая голова начинает от неё болеть.

Пока Кэсерил сидел, у него свело мышцы, несмотря на выпитое вино, и, пытаясь подняться, он едва не упал. Палли, озабоченно хмурясь, поддержал его под локоть.

Кэсерил удалился умыться и переодеться. И насладиться в одиночестве подсчётом своих

синяков.

Ужин был щедрым и вкусным. Ди Паллиар, который никогда не был неуклюж за столом — и манеры имел прекрасные, и беседу умел поддержать, — завладел вниманием всех, от лорда Тейдеса и леди Исель до последнего пажа, столь увлекательные истории слетали с его уст. Несмотря на вино, голова его оставалась ясной, и из него сыпались только забавные истории, героем которых в основном был он сам. Во время рассказа о том, как он последовал за Кэсерилом в ночную вылазку против рокнарских сапёров и как они вдвоём на месяц отбили у врага охоту к активным действиям, слушатели только переводили расширенные глаза с Кэсерила на Палли и обратно. Им явно нелегко было представить себе скромного, никогда не повышающего голос секретаря принцессы грязным, окровавленным и ползающим по камням с кинжалом в руке и со злобным оскалом. Кэсерилу было неуютно под этими взглядами. Ему хотелось стать невидимкой. Дважды Палли пытался вовлечь его в беседу, и дважды он ловко ускользал, не желая ничего рассказывать. Палли, осознав бесплодность своих попыток, сдался.

Трапеза текла неспешно и закончилась поздно.

И наконец настал тот час, которого так ждал и страшился Кэсерил: когда все разошлись спать, Палли постучал в его дверь. Кэсерил впустил его и, придвинув скамейку к стене, бросил на неё подушки. Сам же устроился на кровати, которая, как и её хозяин, при этом тихонько застонала. Палли сел, уставился на Кэсерила в неярком свете свечей. Затем начал с отличавшей его прямотой:

— Ошибка, Кэс? Ты хорошо подумал об этом?

Кэсерил вздохнул.

— У меня было девятнадцать месяцев на размышления, Палли. Я рассмотрел каждую возможность, даже самую ничтожную. Я думал об этом, пока меня не начало тошнить.

Палли спросил в лоб:

— Ты считаешь, что рокнарцы решили отомстить тебе, спрятав от нас и сообщив, что ты мёртв?

— Я так думал поначалу.

«Если не принимать во внимание, что я видел список».

— Или кто-то преднамеренно вычеркнул тебя из списка? — настаивал Палли.

Список был написан рукой Мартоу ди Джироналом.

— Это был мой окончательный вывод.

Палли выдохнул:

— Низкий, грязный предатель! После всего, что мы перенесли… чёрт побери, Кэс! Когда я прибуду ко двору, я расскажу об этом ди Джироналу. Он самый могущественный лорд Шалиона, боги свидетели. Вместе, уверен, мы доберёмся до задницы этого…

— Нет! — Кэсерил в ужасе подскочил на подушках. — Не надо, Палли! Даже не заикайся ди Джироналу, что я существую! Не обсуждай это, не упоминай обо мне — если мир считает, что я мёртв, так даже лучше. Если бы я знал, что всё обстоит именно так, я бы остался в Ибре. Просто… забудь об этом.

Палли пристально посмотрел в глаза другу.

— Но… Валенду вряд ли можно назвать краем света. Всё равно люди узнают, что ты жив.

— Это спокойное мирное место. Я никому здесь не мешаю.

Многие в Готоргете были столь же смелы, как Палли, многие были куда сильнее, но любимым лейтенантом Кэсерила он стал из-за своего ума. Этому уму достаточно было получить единственную ниточку, чтобы начать быстро разматывать весь клубок. Глаза Палли сузились, поблёскивая в отсвете пламени свечи.

— Ди Джиронал? Сам? Пятеро богов, чем же ты ему так насолил?

Кэсерил поёрзал, устраиваясь поудобнее.

— Думаю, это не личное. Полагаю, это была лишь маленькая… услуга кому-то. Маленькая незначительная услуга.

— Тогда правду знают ещё двое. О боги, Кэс! Кто же этот второй?

Палли будет раскапывать и разнюхивать — теперь Кэсерилу его не остановить, что ни делай. Он не бросит работу ума на полпути и уже начал собирать головоломку.

— Кто мог тебя так ненавидеть? Ты всегда был самым дружелюбным и мирным человеком. Ты даже отказывался от дуэлей, а побеждённым врагам никогда не предлагал унизительных для них условий и — демоны Бастарда! — даже в шутку не заключил ни единого пари! Маленькая незначительная услуга! Что могло руководить человеком, чтобы так жестоко поступить с тобой?

Кэсерил потёр лоб. Голова начала болеть, но вовсе не от выпитого вина.

— Страх. Так я думаю.

Палли удивлённо скривил рот.

— И если станет известно, что и ты кое-что знаешь, они будут бояться тебя тоже. Я совсем

не хочу, чтобы это коснулось тебя, Палли. Я хочу, чтобы ты оставался в стороне.

— Если это действительно столь сильный страх — я бы даже сказал, ужас, — то один тот факт, что мы встречались и разговаривали, уже делает меня в их глазах подозрительным. Их страх плюс моё невежество — о боже, Кэс! Не посылай меня в бой с завязанными глазами!

— Я больше никого не хочу посылать в бой! — Ярость и решительность, прозвучавшие в голосе Кэсерила, удивили даже его самого. Глаза Палли расширились. Однако Кэсерилу внезапно пришло в голову использовать неуёмное любопытство Палли против него самого. — Если я расскажу тебе, что и откуда я знаю, ты дашь мне слово — твоё слово! — что оставишь это и не будешь пытаться ничего разузнать и ни словом не упомянешь ни о том, что я тебе расскажу, ни обо мне? Ни намёка, ни рискованных игр?..

— В общем, вести себя тише воды ниже травы, как это делаешь ты? — сухо спросил Палли.

Кэсерил хмыкнул — то ли весело, то ли печально.

— Именно так.

Палли опёрся спиной о стену и в раздумье ущипнул себя за губу.

— Торгаш, — наконец ласково произнёс он, — заставляешь меня купить кота в мешке и даже не даёшь взглянуть на него. Вдруг там вовсе и не кот?

— Мр-р-р.

— Я просто хочу совершить равноценный обмен… о проклятие, ладно, ладно! Я всегда знал, что ты не бросишь нас на неизведанную территорию и не направишь в заведомую засаду. Я поверю твоим суждениям, а ты — в мою рассудительность и осторожность. Таким будет моё слово.

Очень, очень умелый контрудар. Кэсерил не мог не восхититься им. Он вздохнул.

— Что ж, хорошо.

Какое-то время он сидел молча, словно собираясь с мыслями и не зная, с чего начать. Этот рассказ никогда ещё не звучал вслух, хотя мысленно был повторён столько раз, что слова должны были бы слетать с уст без запинки.

— История достаточно короткая. Впервые я встретил Дондо ди Джиронала четыре, нет, теперь уже пять лет назад. Я тогда на стороне Гуариды участвовал в маленькой приграничной кампании против безумного рокнарского принца Олуса — помнишь, он ещё имел привычку

закапывать своих противников по пояс в экскременты и сжигать живьём? Через год после тех событий его убили собственные охранники.

— О да. Я слышал о нём. Говорят, его засунули в дерьмо вниз головой.

— Есть несколько версий его кончины. Но в то время он ещё правил. Лорд Гуариды загнал его войска — кучку разбойников — в холмы у самой границы, им некуда было деваться. Лорда Дондо и меня послали как парламентариев доставить Олусу ультиматум и обговорить контрибуции и условия освобождения пленных. Дела на переговорах пошли… плохо. И Олус решил, что доставить его ответ лордам Шалиона может и один посыльный. Он поставил нас с Дондо друг перед другом в своей палатке, окружив дюжими солдатами с мечами. Нам был предоставлен выбор: либо снести мечом голову своему товарищу и доставить её вместе с ответом принца в лагерь лорда Гуариды, либо, если мы откажемся от боя между собой, остаться обоим без голов, каковые катапультируют затем в сторону наших позиций.

Палли открыл рот, но всё, что он мог сказать, было:

— А-ах.

Кэсерил перевёл дух.

— Выбор первому предоставили мне. Я отказался от меча. Тогда Олус прошептал мне своим странным вкрадчивым голосом: «Вы не выиграете эту игру, лорд Кэсерил». Я ответил: «Знаю, принц. Но я могу сделать так, что вы её проиграете». Он немного помолчал, затем рассмеялся. И повернулся к Дондо, который уже был зелёным, как покойник…

Палли нахмурился, но не прервал рассказ, а жестом попросил Кэсерила продолжать.

— Один из солдат ударом под колени сбил меня с ног, схватил за волосы, и голова моя оказалась на скамейке. Дондо нанёс удар.

— По руке того солдата? — уточнил Палли.

Кэсерил заколебался.

— Нет, — наконец вымолвил он, — но Олус в последний момент подставил свой меч. Меч Дондо ударился о лезвие и соскользнул. — У Кэсерила до сих пор стоял в ушах скрежет металла о металл. — Я отделался здоровенным чёрным синяком на шее. Он не сходил примерно месяц. Два солдата отобрали у Дондо меч, а потом нас посадили на коней и отправили в лагерь Гуариды. Когда мне привязали руки к седлу, подошёл Олус и прошипел: «Теперь увидим, кто проиграет».

Возвращались мы молча. Когда показались наши позиции, Дондо впервые обернулся ко мне и сказал: «Если ты кому-нибудь расскажешь об этом — я убью тебя». На что я ответил: «Не беспокойтесь, лорд Дондо, за столом я рассказываю только *забавные* истории». Лучше бы я промолчал. Хотя… может, и это не помогло бы.

— Он обязан тебе жизнью!

Кэсерил покачал головой и отвёл взгляд.

— Я видел его душу нагой, корчащейся от страха. Сомневаюсь, что он когда-нибудь простит мне это. В общем, я молчал, и он тоже. Я думал, что всё уже закончилось. Но потом был Готоргет, а потом… потом то, что было после Готоргета. Теперь я проклят дважды. Если Дондо узнает, что я жив и прекрасно понимаю, почему оказался рабом на галере, — как ты думаешь, сколько будет стоить моя жизнь? Но если я ничего не скажу, ничего не сделаю такого, что бы напомнило ему… может, он забыл обо мне? Я всего лишь хочу, чтобы меня оставили в покое в этом мирном тихом месте. У него же наверняка и без меня врагов хватает. — Кэсерил снова перевёл взгляд на Палли и напряжённо произнёс: — Даже не упоминай обо мне в присутствии Джироналов. Никогда. Ты не слышал этой истории. Ты со мной едва знаком.

Если ты хоть немного любишь меня, Палли, оставь всё как есть.

Губы Палли сжались. Кэсерил надеялся, что он не забудет о клятве.

— Как скажешь, конечно, но… проклятие! Проклятие! — Он долго смотрел на Кэсерила в полумраке комнаты, словно пытаясь прочитать что-то по его лицу. — Это не только из-за этой жуткой бороды. Ты действительно изменился.

— Я? Ну да.

— Как… — Палли отвёл глаза, потом снова взглянул на Кэсерила, — насколько всё было ужасно? На самом деле? Там, на галерах?

Кэсерил пожал плечами.

— Мне повезло. Я выжил. Многие — нет.

— Рассказывают массу страшных историй. Говорят, над рабами издеваются, что их всячески… унижают…

Кэсерил почесал свою обруганную Палли бороду.

— Истории недалеки от истины, но рассказчики порой преувеличивают — исключения выдают за правило. Лучшие капитаны обращались с нами, как хороший фермер со своей скотиной, даже заботились немного. Еда, питьё… гм… упражнения на свежем воздухе, более-менее приличные усло-

вия и даже чистота, чтобы избежать эпидемий. Неразумное избиение выводит человека из строя, он не может грести, как ты понимаешь. Бывало, конечно, и такое, но физическое… гм… насаждение дисциплины практиковали в основном на берегу, в порту. В море достаточно моря.

— Не понял.

Кэсерил поднял бровь.

— Зачем портить шкуру, когда можно сломать бунтарский дух, просто выбросив человека за борт, где его трепыхающиеся конечности станут чудесной приманкой для хищных рыб? Рокнарцам нужно было только чуток подождать, и мы бросались вплавь за кораблём, плача и умоляя, чтобы нас вернули в рабство, к вёслам.

— Ты всегда был хорошим пловцом. Это, должно быть, очень помогало тебе? — В голосе Палли опять зазвучала надежда.

— Боюсь, наоборот. Те, кто камнем шли ко дну, уходили милосердно быстро. Подумай об этом, Палли. Я думал. — Он вспоминал это до сих пор, вскакивая в постели, когда в кошмарном сне вода смыкалась над его головой. Или ещё хуже… когда он оставался на плаву. Был случай — однажды надсмотрщик развлекался, наказывая купанием одного беднягу ибранца, и тут внезапно налетел

ветер. Капитан поспешил в порт, чтобы успеть до шторма. Он отказался сделать круг и подобрать раба, а надсмотрщика за небрежность наказал тем, что вычел стоимость гребца из его жалованья. Надсмотрщик долго ещё ходил с кислой рожей.

Палли с минуту молчал, округлив глаза, потом выдохнул:

— Ох.

Именно «ох».

— Когда я только попал на судно, меня часто били из-за моей гордости и моего языка — тогда я ещё считал себя лордом Шалиона. Позже меня… избавили от иллюзий.

— Но… тебе ведь не пришлось… я имею в виду… они не использовали тебя… не унижали, как… ну…

Было слишком темно, чтобы разглядеть краску на щеках Палли, но Кэсерил понял, что его беспокоит и о чём он столь сбивчиво пытается спросить — не насиловали ли Кэсерила. Кэсерил мягко улыбнулся.

— Боюсь, ты путаешь рокнарцев с дартаканцами. Эти легенды представляют собой чьи-то домыслы. Рокнарский еретический культ Четырёхбожия полагает преступными необычные

виды любви, которыми управляет Бастард. Рокнарские теологи считают Бастарда демоном, как его отец, а не богом, как его святая мать, и объявляют нас всех дьяволопоклонниками. Это глубокое оскорбление как для леди Лета, так и для бедного Бастарда — разве он просил о своём рождении? Рокнарцы пытают и вешают обвиняемых в содомии, а лучшие рокнарские капитаны никогда ни нанимают таких людей в команду и не терпят рабов с подобными наклонностями.

— А-а… — Палли облегчённо вздохнул. Но он не был бы собой, если бы не додумался спросить: — А худшие капитаны?

— Эти могут всё. Со мной такого не случилось — вероятно, я был слишком костляв. Жертвами становились молодые рабы, почти мальчики… и мы обычно знали об этом. Старались быть помягче с ними, когда они возвращались на свои скамьи. Некоторые из них плакали. Некоторые учились пользоваться своим положением ради поблажек… кое-кто из нас делился с ними едой. Этим беднягам всегда угрожала опасность, поскольку капитан мог избавиться от них в любой момент — как от свидетелей своего греха.

— У меня волосы встают дыбом. Я думал, что знаю всё об этом мире, но… Ты по крайней мере

избежал худшего.

— Не знаю, что хуже, — задумчиво проговорил Кэсерил. — Однажды со мной позабавились так чудовищно, что рядом со мной те мальчики могли бы показаться счастливчиками. И никто из рокнарцев при этом не рисковал быть повешенным за содеянное. — Кэсерил никогда ещё не рассказывал об этом — ни добрым служителям храмового приюта и, уж конечно, никому из окружения провинкары. Подобную историю он просто не мог поведать до сих пор ни одному человеку. Он почти нетерпеливо продолжил: — Мой корсар совершил ошибку, напав на браджарское торговое судно, — сопровождавшие его галеры он заметил слишком поздно. Когда мы начали отходить, я потерял сознание от жары и выронил весло. И чтобы от меня была хоть какая-то польза, надсмотрщик вытащил меня из оков, раздел и, привязав запястья к щиколоткам, вывесил голого за кормой. Так он насмехался над нашими преследователями. В корму и в перекладину, на которой я болтался, вонзались стрелы браджарских лучников. Уж не знаю, браджарцы ли плохо целились или это была милость богов, но я не закончил жизнь со стрелами в заднице. Может, преследователи думали, что я — рокнарец, ко-

торый решил поиздеваться над ними, а может, хотели положить конец моим унижениям.

Заметив расширившиеся глаза Палли, Кэсерил опустил самые жуткие и гротескные подробности.

— Ты знаешь, что в последние месяцы осады Готоргета мы жили в постоянном ужасе, пока не привыкли к нему, как и к той вечной боли в животе, которую мы научились не замечать, но которая от этого никуда не девалась.

Палли молча кивнул. Кэсерил продолжил:

— Но тогда я понял кое-что… странное. Я даже не знаю, как объяснить…

У него до сих пор не было случая выразить словами то, что он испытал.

— Я понял, что есть нечто за пределами страха. Когда тело, душа и рассудок уже не в состоянии выдерживать больше этот страх — мир, время… всё меняется. Сердце бьётся всё медленнее, тело перестаёт потеть… словно впадаешь в какой-то священный транс. Когда меня подвешивали, у меня от страха и стыда текли слёзы — столь сильным было отвращение к происходящему. Когда же браджарцы в конце концов повернули назад, и надсмотрщик снял меня, обожжённого солнцем до волдырей, и швырнул на палубу, я… смеялся.

Я хохотал так, что рокнарцы решили, будто я спятил. Весь мир стал… другим, совсем новым. Конечно, «весь мир» был длиной в несколько дюжин шагов и сделан из дерева, да ещё и раскачивался на воде… а время этого мира отмерялось боем склянок… И я рассчитывал теперь вперёд на часы своей жизни, как иные рассчитывают на годы, причём загадывал не больше чем на час. Все люди стали добры и прекрасны — каждый по-своему, — и рокнарцы, и рабы, с благородной или мужицкой кровью в жилах… всё равно. И я был другом им всем и улыбался. Я больше не боялся. Правда, старался всё-таки не терять больше сознания за веслом.

Голос Кэсерила зазвучал тише, задумчивее.

— С тех пор, когда в моё сердце приходил страх, я только приветствовал его — это убеждало меня, что я не сумасшедший. Или по крайней мере иду на поправку. Страх — мой друг. — Он поднял глаза и улыбнулся короткой, извиняющейся улыбкой.

Палли сидел прямой, напряжённый, с застывшей, как гримаса на лице, улыбкой. Тёмные глаза его округлились и стали похожи на плошки. Кэсерил громко рассмеялся.

— О пятеро богов, Палли, прости меня. Я не хотел нагрузить тебя, словно осла, тюками своих

исповедей с тем, чтобы ты унёс их от меня подальше. — А может, потому он всё и рассказал, что Палли завтра в любом случае покинет замок. — Это было бы слишком тяжким бременем. Прости меня.

Палли отмахнулся от извинений, словно отгоняя назойливую муху. Шевельнул губами, сглотнул и только после этого смог выговорить:

— А ты уверен, что это был не солнечный удар?

Кэсерил хохотнул:

— О конечно, и солнечный удар у меня тоже был. Но если он не убивает сразу, то исцеляешься через пару дней. А это длилось… не один месяц.

Вплоть до последнего случая с тем ибранским мальчиком, над которым рокнарцы собрались поиздеваться, что закончилось для Кэсерила жестокой поркой.

— Мы, рабы…

— Хватит! — крикнул Палли, запустив пальцы в волосы.

— Что «хватит»? — озадаченно переспросил Кэсерил.

— Хватит говорить — мы, рабы! Ты — лорд Шалиона!

Кэсерил скривил губы в странной улыбке. За-

тем мягко произнёс:

— Мы, на вёслах, — лорды? Потные, мочащиеся под себя, изрыгающие проклятия и рычащие господа? Нет, Палли. На галерах мы были не лордами и простолюдинами. Мы были даже не людьми, скорее животными, и кто лучше — определялось не рождением или кровью. Я знал человека величайшей души — то был обыкновенный дубильщик, и если бы его встретил, то расцеловал бы его сапоги, радуясь, что он ещё жив. Мы — рабы, мы — лорды, мы — дураки, мы — мужчины и женщины, мы — смертные… это одно и то же, Палли. Все равны для меня теперь. Ведь все мы — игрушки в руках богов.

Палли после долгого молчания резко сменил тему разговора, перейдя к обсуждению походных проблем эскорта из военного ордена Дочери. Кэсерил с удивлением обнаружил себя дающим привычные советы по лечению потёртостей на конских шкурах и болячек на копытах. Вскоре Палли удалился — или сбежал — к себе. Кэсерил остался наедине со своей болью и воспоминаниями и улёгся в постель. Несмотря на выпитое вино, сон не шёл. Страх мог быть его другом — он не обманывал Палли, чтобы успокоить того, — но братья Джиронал уж точно не были ему друзьями.

«Рокнарцы сообщили, что ты умер от лихорадки» — ложь вопиющая, но умная, и теперь её уже не проверить. Здесь, в тихой Валенде, он защищён. В безопасности.

Он надеялся, что предостережения его помогут Палли сохранять осторожность при кардегосском дворе и не вступать в старую, поросшую мхом трясину. Кэсерил сел в постели и прочёл молитву леди Весны — за Палли. Помолился и остальным богам. А потом — и Бастарду, за избавление на сегодняшнюю ночь от всего, связанного с морем.

Глава 6

На празднике в честь прихода лета леди Весны изображала уже не Исель, ибо роль эта предназначалась для молодой женщины, только что вышедшей замуж. С трона царствующей богини сошла скромная, застенчивая новобрачная, уступив место леди Лета — столь же скромной замужней женщине, носившей под сердцем дитя. Кэсерил заметил краем глаза, что настоятель храма Святого Семейства облегчённо вздохнул, когда церемония, не отмеченная на сей раз никакими сюрпризами, подошла к концу.

Жизнь замедлилась. Ученицы Кэсерила — так же как и их учитель — вздыхали и зевали в душной классной комнате, когда послеполуденное солнце, казалось, прогревает каменные стены насквозь. Наконец он решил, что в жару после обеда занятий проводить не будет.

Как и предсказывала Бетрис, рейне Исте летом стало лучше. Она чаще появлялась за столом и почти каждый день сидела с компаньонкой в саду провинкары под фруктовыми деревьями. Ей, однако, не позволяли взбираться на голово-

кружительно высокие, обдуваемые прохладным ветром крепостные стены, облюбованные Исель и Бетрис — девушки прятались там от жары и назойливых взрослых, которым лень было карабкаться по лестницам.

Изгнанный из спальни удушливой жарой, от коей язык так и вываливался изо рта, словно у страдающего одышкой пса, Кэсерил направился в сад в поисках прохладного местечка. С собой он взял одну из немногих ещё не прочитанных им книг из библиотеки покойного провинкара — «Пятилистник души: Об истинных методах кинтарианской теологии» Ордолла. Не то чтобы ему хотелось её прочесть, но он надеялся, что с книгой на коленях будет выглядеть как подобает учёному наставнику, даже если вздремнёт ненароком. Обойдя розовые кусты, он остановился, обнаружив возле своей любимой скамейки сидевшую в кресле рейну Исту и её компаньонку, склонившуюся над пяльцами. Женщины подняли на него глаза. Кэсерил, отмахнувшись от пролетавшей мимо любопытной пчелы, поклонился леди и принёс извинения за неожиданное вторжение.

— Подождите. Кастиллар ди… Кэсерил, да? — тихо проговорила Иста. Собравшийся было

удалиться Кэсерил вопросительно посмотрел на неё. — Как успехи моей дочери?

— Чудесно, миледи, — ответил он, склонив голову. — Ей замечательно даются арифметика и геометрия, и она весьма… гм… упорна в изучении дартакана.

— Очень хорошо, — немного рассеянно кивнула Иста, — очень хорошо, — и на секунду отвела взгляд.

Компаньонка продолжала работать над пяльцами. Леди Иста не вышивала. Кэсерил слышал, как служанки шептались, что она с компаньонками почти полгода трудилась над вышивкой для храма, а когда работа была почти готова, внезапно сожгла её в камине своей комнаты. Правда то была или нет, но сегодня леди Иста держала в руках не иглу, а розу.

Кэсерил заглянул ей в лицо.

— Простите… Я давно собирался спросить вас, миледи, не помните ли вы меня по тем давним дням, когда я служил пажом у вашего отца? Хотя вряд ли это возможно, через столько-то лет. — Он осмелился улыбнуться. — Тогда у меня ещё не было бороды.

Чтобы как-то помочь ей вспомнить, Кэсерил прикрыл ладонью нижнюю часть лица. Иста

улыбнулась в ответ и произнесла:

— Мне очень жаль, но у моего покойного отца было так много пажей…

— Конечно, он ведь был великим лордом. Впрочем, не важно. — Кэсерил, чтобы скрыть замешательство, переложил книгу из одной руки в другую и виновато улыбнулся.

Компаньонка Рейны, порывшись в коробке с нитками, что-то недовольно проворчала и обратилась к Кэсерилу:

— Милорд ди Кэсерил, если это не очень обременит вас, не могли бы вы остаться с миледи ненадолго, пока я схожу к себе и поищу катушку тёмно-зелёного шёлка?

— С удовольствием, миледи, — автоматически ответил Кэсерил, потом смущённо кашлянул. — А… — Он посмотрел на Исту, которая одарила его полным иронии взглядом. Непохоже было, что рейна может вдруг забиться в конвульсиях, закричать или начать бредить. Кэсерил кивнул леди-компаньонке, и та, поднявшись с кресла, взяла его под руку и отвела на несколько шагов в сторону.

— Всё будет в порядке, только не упоминайте лорда ди Льютеса, — быстро прошептала она ему на ухо, привстав на цыпочки. — Побудьте

с ней, пока я не вернусь. Если она заговорит о ди Льютесе, тогда… не оставляйте её одну, — и поспешила прочь.

Сиятельный лорд ди Льютес в течение тридцати лет был ближайшим советником покойного рея Иаса: друг детства, товарищ по оружию, весёлый собутыльник. За это время Иас отметил его всеми возможными почестями и привилегиями, сделав провинкаром двух областей, канцлером Шалиона, маршалом своей личной гвардии и генералом богатого и могущественного военного ордена Сына. Завистники и недоброжелатели даже распускали слухи, что ди Льютес был истинным реем Шалиона во всём, кроме титула, а Иас был его рейной…

Кэсерил иногда задумывался, было ли это слабостью или мудростью со стороны Иаса — позволить ди Льютесу делать всю грязную работу, оставив себе лишь имя Иас Добрый. Хотя нет, поправился Кэсерил, Иас Сильный. Не Иас Мудрый, не — боги свидетели — даже Иас Счастливый. Именно ди Льютес устроил вторую свадьбу Иаса, женив его на леди Исте, вероятно, в попытке пресечь сплетни среди благородного сословия Кардегосса о неестественной любви между реем и его давним другом. Однако…

Через пять лет после заключения этого брака ди Льютес потерял расположение Иаса, его милость, все свои привилегии — внезапно и навсегда. Обвинённый в измене, он умер под пытками в застенках Зангра — огромной резиденции рея в Кардегоссе. За пределами двора Шалиона ходили слухи, что изменой этой была любовь ди Льютеса к молодой рейне Исте. В более узких кругах поговаривали, что рейна в конце концов убедила своего мужа уничтожить ненавистного соперника.

Так или иначе, но проблема треугольника разрешилась. Жуткая геометрия смерти свела количество его вершин к двум, а когда по прошествии менее чем года скончался и сам Иас, вершина осталась всего одна — Иста. Иста же забрала детей и покинула Зангр — или была изгнана из него.

Ди Льютес. Не упоминайте ди Льютеса. Не вспоминайте, таким образом, об истории Шалиона на протяжении последних полутора поколений. Так вот.

Кэсерил вернулся к Исте и немного опасливо сел в кресло, покинутое удалившейся за нитками леди. Иста принялась ощипывать розу, но не взволнованно, а аккуратно и неторопливо,

выкладывая лепестки круг за кругом в форме скручивающейся спирали, так что они образовывали новую розу у неё на подоле.

— Прошлой ночью меня навестил покойник, — сказала Иста. — Хотя это был всего лишь сон. Вам когда-нибудь снится такое, Кэсерил?

Кэсерил сморгнул и, решив, что признаков какого-либо припадка не заметно, да и непохоже, чтобы рейна была не в своём уме, ответил:

— Иногда мне снятся мать и отец. Такие же, как и при жизни… и мне бывает жаль просыпаться, потому что это означает потерять их снова.

Иста кивнула.

— Этим-то сны-иллюзии и печальны. Но правдивые сны просто жестоки. Их внушают нам боги, Кэсерил.

Кэсерил нахмурился и склонил голову набок.

— Все мои сны растворяются, как дым или туман, стоит столько проснуться.

Иста наклонилась над оставшейся без лепестков розой — теперь она аккуратно отделила покрытые золотистой пыльцой тычинки и выложила их в центре импровизированного цветка на подоле.

— Правдивые сны ложатся свинцом на сердце и теснят грудь. Их тяжесть погружает душу в

тоску. Правдивые сны остаются с нами наяву и не дают покоя. От них не избавиться — это так же бесполезно, как и пытаться вернуть слетевшее с языка обещание. Не доверяйте снам, кастиллар. Как и людским обещаниям. — Она подняла лицо. Взгляд её был полон решимости.

Кэсерил смущённо откашлялся.

— Ну, миледи, это было бы по меньшей мере глупо. Но мне приятно время от времени видеть отца. Я ведь не могу встретиться с ним никаким иным способом.

Леди Иста улыбнулась загадочной улыбкой.

— Вы не боитесь покойников? Своих покойников?

— Нет, миледи, не во снах.

— Может, ваши покойники не слишком ужасны?

— По большей части нет, мэм, — согласился он.

Высоко в замке распахнулось окно. Из него выглянула компаньонка рейны, чтобы удостовериться, что с её подопечной всё в порядке. Убедившись, что леди ведёт спокойную беседу, женщина снова скрылась в глубине комнаты.

Кэсерилу хотелось знать, как проводит время рейна. Она, кажется, не вышивает; непохоже, чтобы она много читала или играла на каком-нибудь

инструменте; музыкантов она тоже не держала. Кэсерил несколько раз заставал её за молитвой — в течение нескольких недель Иста проводила часы в зале предков или за переносным алтарём, установленным в её комнате. Иногда, довольно редко, компаньонки и ди Феррей сопровождали её в городской храм, когда там бывало безлюдно. В то же время рейна могла неделями не обращаться к богам, словно позабыв об их существовании.

— Вы находите утешение в молитве? — поинтересовался Кэсерил.

Она посмотрела на него и снова тихо улыбнулась.

— Я? Я не нахожу утешения ни в чём. Боги посмеялись надо мной. Моё сердце и душа находятся у них в плену, мои дети — узники судьбы. А судьба в Шалионе сошла с ума.

— Гм… я полагаю, есть более страшные темницы, чем в этом спокойном солнечном замке, миледи.

Брови её поднялись, она выпрямилась.

— О да. Вы бывали когда-нибудь в Зангре, в Кардегоссе?

— Да, в юности. В последнее время не доводилось. Огромная резиденция. Половину того времени, что я пробыл там, я блуждал по коридо-

рам в поисках нужного зала.

— Странно… я тоже там терялась. Знаете, там полно привидений.

— Я бы не удивился, — согласно кивнул Кэсерил. — Это естественно для больших крепостей… ведь сколько народу погибает при строительстве и во время осад. И жители Шалиона умирали в этой крепости, а ещё прежде — рокнарские каменотёсы, первые короли и те, кто был до них и кого уже никто не помнит.

Зангр был обителью множества поколений правителей, благородных мужчин и женщин, скончавшихся в нём кто естественной, а кто и таинственной смертью.

— Зангр старше самого Шалиона. Конечно, в нём… накопилось много всего.

Иста начала медленно выкладывать в ряд шипы со своей розы; выходило нечто похожее на зубья пилы.

— Да, именно *накопилось*. Очень верное слово. Зангр накапливает зло и бедствия, словно отстойник — так же как его водосточные канавы и желоба накапливают дождевую воду. Вам следует избегать Зангра, Кэсерил.

— У меня нет никакого желания ни служить, ни жить при дворе, миледи.

— А мне когда-то страстно хотелось. Всем сердцем. Знаете, наиболее чудовищные проклятия богов падают на наши головы, как ответ на наши же молитвы. Молитвы — опасное занятие. Думаю, их должно запретить, — и она стала неспешно очищать стебель от тонкой зелёной кожицы, снимая её длинными узкими полосками и оголяя белую сердцевину.

На это Кэсерилу нечего было сказать. Замявшись, он лишь улыбнулся.

Иста провела пальцами по белому прутику.

— Лорду ди Льютесу предрекали, что он утонет на вершине горы. И потому он никогда не боялся плавать, не важно, сколь злы и неистовы были волны — ведь каждый знает, что на вершине гор нет воды, она вся стекает в долины.

Кэсерил в панике сглотнул слюну и беспокойно оглянулся, не идёт ли леди-компаньонка. Но той видно не было. Лорда ди Льютеса, как говорили, пытали водой, под пытками он и умер в темнице Зангра. Глубоко под каменными стенами замка, но в то же время значительно выше уровня Кардегосса. Кэсерил облизнул пересохшие губы и проговорил:

— Знаете, я не слышал об этом, когда он был жив. Я думаю, это пророчество выдумали позже,

чтобы история казалась страшнее и загадочнее.

Губы рейны изогнулись в самой странной улыбке, когда-либо виденной Кэсерилом. Она сняла со стебля последнюю остававшуюся на нём зеленоватую нить кожицы, присовокупив её к остальным, уже разложенным на подоле частям розы, и аккуратно прижала всю конструкцию ладонью.

— Бедный Кэсерил! Как вам удалось стать таким мудрым?

От необходимости придумывать достойный и безопасный ответ, который помог бы перевести беседу в другое русло, Кэсерила избавило появление компаньонки. В руках у неё был целый моток цветных шёлковых ниток. Кэсерил вскочил и поклонился рейне.

— Возвращается ваша милая компаньонка…

Он поклонился приблизившейся леди, которая встревоженным шёпотом спросила:

— Она была в здравом рассудке?

— Да, совершенно, в своём роде…

— И ничего о ди Льютесе?

— Ничего… существенного.

Действительно, ничего такого, о чём следовало бы сообщить.

Дама облегчённо вздохнула и, изобразив безза-

ботную улыбку, прошла к своему креслу. Села и защебетала о том, сколько ей пришлось перерыть шкатулок и ящиков в поисках нужных ниток. Иста смотрела на неё с выражением тоскливой покорности. Кэсерилу пришла в голову мысль, что мать Исель и дочь провинкары не может страдать слабоумием.

Если Иста разговаривала с окружавшими её людьми такими же таинственными фразами, как с ним, то немудрено, что ходили слухи о её безумии, хотя… ему сказанное ею показалось не бессвязным бредом, а шифром, к которому нужно только подобрать ключ. Правда, что-то не совсем нормальное в этом тоже было…

Кэсерил хлопнул ладонью по книге и отправился искать более спокойное местечко в тени.

Лето неспешно продвигалось вперёд ленивым шагом; тело и душа Кэсерила пребывали в блаженной расслабленности. Страдал только бедняга Тейдес, измученный жарой, бездельем и своим наставником. Одним из немногих оставшихся у него развлечений была утренняя охота на кроликов в окрестностях замка. Таковое занятие приветствовали и одобряли все местные садовники. Характер мальчика — решительный, пылкий, неутомимый — совершенно не соответ-

ствовал этому времени года. Кэсерилу казалось, что если кто на земле и мог быть воплощением Сына Осени — бога охоты, войны и прохладной погоды, — то это был именно Тейдес.

Кэсерил слегка удивился, когда по дороге в обеденный зал встретил принца с его секретарём-наставником, раскрасневшихся и поглощённых жарким спором.

— О, лорд Кэс! — обратился к нему Тейдес. — Скажите, разве учитель фехтования старого провинкара не водил пажей на скотобойню убивать молодых быков, чтобы приучить их не бояться в настоящей схватке? Он ведь занимался не только этими… этими танцами на площадке для поединков?

— Ну да…

— Вот видите! Я же говорил вам! — крикнул принц своему наставнику.

— Но мы практиковались и на площадке, — немедленно добавил Кэсерил на тот случай, если учитель принца нуждался в поддержке.

Секретарь скривился.

— Борьба с быком — это старая деревенская традиция, принц. Это неподобающий спорт для высокородных. Вы же кавалер, в конце концов, а не ученик мясника!

В замке провинкары в настоящее время не было преподавателя фехтования, поскольку она считала, что ди Санда вполне способен заменить такового. Кэсерил пару раз наблюдал за учебными поединками и признавал за секретарём принца достаточное мастерство во владении мечом и высокую точность ударов. Но его мастерство было скорее спортивным, благородным. Если он и владел грубыми, обманными приёмами боя, то подопечному своему их не показывал.

Кэсерил кисло усмехнулся.

— Наш мастер не ставил перед собой цель воспитать из нас джентльменов — он готовил нас быть солдатами, и я убедился в действенности его методов. Ни одно из полей сражения, где мне довелось побывать, не напоминало площадку для поединков, это были настоящие бойни. Да, это жестокий и уродливый способ обучения, но мы усвоили главное…

Сам Кэсерил довольно быстро научился поражать быка мечом насмерть столь же ловко и безболезненно, как это делают мясники-профессионалы.

— Благодарение богам, на поле боя нам не приходилось потом поедать тех, кого мы убили, разве что лошадей порой.

Ди Санда фыркнул и обратился к Тейдесу:

— Мы можем выехать с соколами завтра утром, милорд, если сохранится хорошая погода. И если вы справитесь со своим уроком по картографии.

— Дамское развлечение — соколы и голуби! Что мне эти голуби? — со страстью в голосе отозвался Тейдес. — При дворе кардегосского рея охотятся осенью на диких кабанов в дубовых рощах. Вот это настоящий мужской спорт! Говорят, кабаны очень опасны.

— Абсолютно верно, — подтвердил Кэсерил. — Крупные самцы способны завалить собаку и даже лошадь. Или человека. Они куда проворнее, чем кажется.

— Вы охотились в Кардегоссе? — восхищённо глядя на него, спросил принц.

— Да, я бывал там с милордом ди Гуарида несколько раз.

— В Валенде нет кабанов, — вздохнул Тейдес. — Но у нас есть быки! Хоть что-то. Всё лучше, чем голуби… или кролики!

— О, охота на кроликов — тоже обычная тренировка для солдата, — утешительно произнёс Кэсерил. — На тот случай, если придётся охотиться на крыс, чтобы не умереть с голоду. Приёмы те же самые.

Ди Санда метнул на него испепеляющий взгляд. Кэсерил улыбнулся и, поклонившись, покинул их, предоставив Тейдесу терзаться наедине с наставником.

Во время обеда Исель завела свою версию той же самой песни, только власть, к которой она обращалась, была представлена её бабушкой, а не наставником.

— Бабушка, такая жара! Разве мы не можем ходить на речку, как Тейдес?

В разгар лета дневные верховые прогулки принца в сопровождении воспитателя, пажей и грумов были заменены купанием в отгороженном выше по реке бассейне, за чертой города. Там купались ещё в бытность Кэсерила пажом. Леди, безусловно, на такие прогулки не допускались. Несколько раз Кэсерилу пришлось вежливо отклонить приглашение присоединиться к компании, мотивируя отказ обязанностями перед своей воспитанницей. Истинной причиной, однако, была необходимость раздеваться и обнажать следы прошлого, начертанные у него на спине. Он ещё слишком хорошо помнил недоразумение с банщиком.

— Конечно, нет! — отрезала провинкара. — Это совершенно неприлично!

— Но не с мужчинами же, — настаивала Исель. — Мы бы ходили только с гувернантками. — Она повернулась к Кэсерилу. — Вы рассказывали, что раньше женщины из замка тоже ходили на реку.

— Прислуга, Исель, — строго уточнила бабушка, — более низкие по рангу. Для тебя это неподобающее занятие.

Исель надула губы и скрестила руки на груди — раздосадованная, покрасневшая, но решительная. Бетрис, напротив, казалась бледной и сдавшейся. Подали суп. Все сидели и с отвращением смотрели на поднимавшийся над тарелками пар. Поддерживая традицию — как и всегда, — провинкара взяла ложку и отправила в рот недрогнувшей рукой первую порцию супа.

Кэсерил вдруг сказал:

— Но ведь леди Исель умеет плавать, ваша милость? То есть, я хочу сказать, её этому учили в детстве?

— Конечно, нет, — ответила провинкара.

— Ох, — пробормотал Кэсерил, — пятеро богов.

Он оглядел присутствующих. Рейна Иста сегодня осталась у себя. И потому, не обнаружив за столом особо чувствительных персон, он решил, что можно продолжить:

— Это напомнило мне об одной ужасной трагедии.

Глаза провинкары подозрительно сощурились, но она промолчала. Только Бетрис заинтересованно спросила:

— Да? Что за трагедия?

— Это случилось, когда я служил у провинкара Гуариды, во время кампании против рокнарского принца Олуса. Рокнарцы пересекли границу под покровом ночи, во время бури. Мне было приказано эвакуировать леди из замка ди Гуариды до того, как город будет окружён. Перед рассветом, проскакав уже полночи, мы переправлялись через реку. Брод был довольно глубокий. Лошадь одной из фрейлин провинкары оступилась, девушка упала в воду. Течение было очень сильным, оно подхватило её и пажа, который бросился на помощь, и быстро понесло их прочь. К тому моменту, когда я развернул наконец своего коня, они уже скрылись из виду… Мы нашли тела только на следующее утро. Река была неглубокая, но леди, не умея плавать, слишком испугалась. Если б она имела хоть какие-то навыки, трагедии можно было бы избежать и падение в воду оказалось бы всего лишь неприятным эпизодом. Три жизни были бы спасены…

— Три? Вы сказали — три? — переспросила Исель. — Леди, паж…

— Она была беременна.

— О!

За столом воцарилась гнетущая тишина.

Провинкара потёрла щёку и пронзила Кэсерила взглядом.

— Это правдивая история, Кэсерил?

— Да, увы, — вздохнул он. Он ещё помнил, каким синим было лицо девушки, холодным и неподвижным — тело и как тяжелы были мокрые насквозь одежды… На душе же у Кэсерила было ещё тяжелее. — Я должен был поставить в известность её мужа.

— Ух, — выдохнул ди Феррей. Несмотря на своё пристрастие к застольным беседам, поддержать сейчас разговор он не решился.

— Не хотелось бы мне пережить такое ещё раз, — добавил Кэсерил.

Провинкара издала странный звук и отвела взгляд. Через мгновение она сказала:

— Моя внучка не может плавать в речке нагишом, извиваясь, как какой-нибудь угорь.

Исель выпрямилась.

— О-о, ну конечно же, мы будем в льняных рубашках!

— Это правильно. В случае крайней нужды одежду обычно снимать некогда, — поддержал принцессу Кэсерил.

Бетрис тихо пробормотала:

— И тогда мы будем стучать зубами от холода дважды: сначала — пока купаемся, потом — пока сохнем.

— Может ли какая-нибудь леди из замка научить принцессу? — поинтересовался Кэсерил.

— Никто из них не умеет плавать, — отрезала провинкара.

Бетрис согласно кивнула.

— Они способны только перебраться вброд через лужу, — и с надеждой посмотрела на него. — А вы можете научить нас плавать, лорд Кэс?

— О да! — хлопнула в ладоши Исель.

— Я… гм… — Кэсерил замялся. Рубашку, правда, при таких обстоятельствах ему снимать не придётся, и не надо будет ничего объяснять. — Полагаю, да… если ваши гувернантки тоже поедут с нами, — он кинул взгляд на провинкару, — и если ваша бабушка позволит мне.

После долгого молчания провинкара сердито проворчала:

— Надеюсь, вы не продрогнете там до костей.

Исель и Бетрис благоразумно сдержали вопль

радости, но одарили Кэсерила благодарными взглядами. Он задумался, не решили ли они, что он выдумал всю эту историю с ночными утопленниками ради них.

Первый урок был дан в тот же день. Кэсерил стоял посередине речки на случай, если его подопечные с перепугу пойдут ко дну, не успев замочить волос. Страх его поубавился, когда через некоторое время девушки расслабились и сами перестали бояться воды. Они, естественно, были более плавучими, чем Кэсерил, хотя месяцы за столом провинкары не прошли даром, стерев с его бородатого лица следы измождённости и чрезмерной худобы.

Его старания были вознаграждены. К концу лета девушки плавали и ныряли как утки. Кэсерил просто сидел на камнях у берега по пояс в воде, на всякий случай внимательно наблюдая за ними. Это сидение в воде было необходимо Кэсерилу не только для того, чтобы освежиться. Ему пришлось признать, что провинкара была права — плавание действительно неподобающее занятие. Тонкий лён, намокнув, прилипал к молодым стройным телам девушек, словно смеясь над скромностью, ради которой и был надет. Впечатление от увиденного Кэсерил и пытался всячески

скрыть от своих жизнерадостных учениц. Мокрая одежда плотно облегала не только тела девушек, она выдавала и его принадлежность к другому полу, подчёркивая его — гм! — вполне восстановившееся и отнюдь не хрупкое здоровье. Оставалось только молиться, чтобы девушки ничего не заметили. Исель, кажется, и не замечала. Но что касается Бетрис, он был не вполне в этом уверен. Сопровождавшая их пожилая леди Нан ди Врит, отклонив предложение тоже научиться плавать, ограничивалась тем, что прогуливалась по камешкам, застёгнутая на все пуговицы, не приподнимая даже длинную, до щиколоток, юбку. Она явно всё замечала и с трудом сдерживала хихиканье. Благодарение богам, леди, похоже, доверяла Кэсерилу и уважала его, потому и не смеялась вслух, и не обсуждала подобные детали с провинкарой. Так ему, во всяком случае, казалось.

Кэсерил со смущением сознавал, что его влечение к Бетрис с каждым днём неуклонно возрастает. Не до такой, конечно, степени, чтобы подсовывать ей под дверь записки с глупыми стишками — благодарение богам за то, что сохранили в здравии его рассудок! — но вот поиграть бы на лютне под окном… Гм, как замечательно,

однако, что теперь для него это было практически невозможно! Хотя сходить с ума можно по-разному, и не от всех таких возможностей он был застрахован…

Бетрис улыбалась ему — это правда, он не обманывал себя — и была добра с ним. Однако она улыбалась и своей лошади и с нею тоже была добра. Вряд ли её дружеское расположение было настолько глубоким и прочным, чтобы даже в мечтах возводить на нём фундамент прекрасного замка, вносить туда кровать под льняными покрывалами и пытаться войти самому. Хотя… она действительно улыбалась ему.

Он много раз пытался отделаться от этой навязчивой идеи, но она снова и снова донимала его — вместе с прочими милыми мечтами, — особенно во время занятий на реке. Но он больше не будет строить из себя дурака, чёрт возьми! Возбуждение, столь его смущавшее, было признаком того, что силы и здоровье полностью восстановились, но что ему с того? У него, как и тогда, когда он был пажом, нет ни кола, ни двора, ни денег. А надежд — и того меньше. Он был бы безумцем, лелея мечты о любви, хотя… Отец Бетрис — дворянин и тоже не имеет земли. Живёт на то, что получает на службе у провинкары. Он наверняка

не станет презирать себе подобного.

Нет, презирать Кэсерила он, конечно, не будет. Ди Феррей умный человек. Но он достаточно умён, чтобы, учитывая красоту своей дочери и её близость к принцессе, надеяться в будущем на куда более удачного мужа для неё, чем несчастный Кэсерил. Да взять любого отпрыска кого-нибудь из местных дворян — хоть и тех, что сейчас служат здесь пажами. Конечно, Бетрис считает их сопливыми щенками, но ведь у них могут быть старшие братья, наследники хотя и скромных, но состояний…

Сегодня Кэсерил вынужден был забраться в воду до самого подбородка и изо всех сил стараться не смотреть, как Бетрис карабкается на камни в этой своей мокрой, прозрачной рубашке, с повторяющими все соблазнительные изгибы тела мокрыми чёрными волосами и, вытянувшись в струнку, ныряет в реку. Девушки брызгались и громко смеялись. Дни делались короче и прохладнее, по ночам становилось даже холодно. Праздник пришествия Сына Осени был уже не за горами. Всю прошлую неделю даже купаться было уже нельзя — должно быть, немного осталось тёплых денёчков, а потом купания прекратятся вовсе. Это послеобеденное летнее развлечение

девушкам скоро заменят верховые прогулки и охота. А к нему, как верный пёс, вернётся его здравый смысл. Вернётся ли?..

Солнце садилось, поднялся холодный ветер, и девушки выбрались на каменистый берег, чтобы успеть обсохнуть перед возвращением домой. Кэсерил так замёрз, что не в состоянии был заводить с ученицами разговор на дартакане или рокнари. Он натянул плотные брюки для верховой езды, новые ботинки — подарок провинкары — и застегнул пояс с мечом. Подтянув подпруги, Кэсерил снял с лошадей путы и, подведя их к своим леди, помог девушкам забраться в седла. Маленькая кавалькада тронулась в путь. Наконец, после многочисленных вздохов и взглядов через плечо на оставшуюся позади серебристую водную гладь, всадники начали подниматься на холм к замку. Кэсерил, поддавшись неясному порыву, стиснул ногами бока своей лошади и поравнялся с Бетрис. Она кинула на него быстрый взгляд. Но язык его словно прилип к нёбу — от недостатка то ли смелости, то ли ума, а может, и того и другого. Того и другого, решил он. Они с леди Бетрис вместе ежедневно сопровождали Исель. Если попытки ухаживания с его стороны будут сочтены неуместными, не испортит ли это

непринуждённость и лёгкость их отношений, возникшие за последнее время, что он служит принцессе? Нет… он должен, обязан, и он скажет что-нибудь прямо сейчас! Но лошадь Бетрис, завидев ворота замка, перешла на рысь, и момент был упущен.

Когда они въехали во внутренний дворик и копыта лошадей застучали по булыжникам, из боковой двери с криками: «Исель! Исель!» выскочил Тейдес.

Кэсерил увидел кровь на одежде мальчика и потянулся было за мечом, но тут же расслабился и вздохнул с облегчением. Вслед за Тейдесом во двор вышел его наставник ди Санда, весь в пыли и недовольный. Внешний вид принца объяснялся уроком фехтования на бойне Валенды. И не ужас был причиной его возбуждённых криков, а восторг. Обращённое к сестре круглое лицо принца светилось от радости.

— Случилась самая-самая замечательная вещь! Угадай какая!

— Как же я угадаю… — со смехом начала она.

Мальчик нетерпеливо отмахнулся, и новость сама слетела с его губ:

— Только что прибыл курьер от рея. Тебе и мне предписано явиться ко двору и провести осень в

Кардегоссе! А мама и бабушка не приглашены! Как здорово, Исель! Мы сбежим из Валенды!

— Мы едем в Зангр? — округлила глаза Исель. Она соскользнула с седла, взяла брата за руки и отвела его в сторону.

Бетрис, приоткрыв рот в предвкушении неведомого, возбуждённо наклонилась в седле.

Их гувернантка нахмурилась, не испытывая, как видно, особого восторга по поводу услышанной новости. Кэсерил перехватил взгляд сьера ди Санда. Тот стоял с мрачным видом, плотно сжав губы.

В животе у Кэсерила всё похолодело и сжалось. До его сознания дошло — принцессе Исель велено явиться ко двору, и стало быть, её собственный маленький двор отправится в Кардегосс вместе с нею. Включая её первую фрейлину и правую руку — Бетрис.

И её секретаря.

Глава 7

Караван принца и принцессы приближался к Кардегоссу по южной дороге. Лошади упрямо карабкались наверх, отыскивая ровные участки пути между скалами. Из-под ног их то и дело скатывались вниз камни.

В лицо Кэсерилу ударил резкий порыв ветра, и ноздри его раздулись. Холодный дождь, прошедший прошлой ночью, очистил и освежил воздух. Клубящиеся сине-стальные тучи относило к востоку, где они сбивались плотным слоем над горизонтом. Свет с запада пронизывал их, как меч. Зангр, возвышавшийся на высокой горе прямо над местом, где сливались два речных потока, как властелин этих рек, плоскогорий, дальних вершин и всего живого и сущего вокруг, сверкал в лучах солнца на фоне тёмных отступающих туч, подобно расплавленному золоту. Его башни жёлтого камня, увенчанные зубчатыми коронами и похожими на железные шлемы крышами, походили на армию отважных солдат. Излюбленное место правителей Шалиона в течение многих поколений, Зангр выглядел как крепость, а не

дворец — он был создан для войны и посвящён войне, как создаются и посвящаются военным орденам армии.

Принц Тейдес торопил своего вороного коня вслед за лошадью Кэсерила. Лицо его горело нетерпением, жаждой приключений и опасностей. Жаждой свободы. «Однажды эта величественная крепость может стать его владением», — подумал Кэсерил. А иначе зачем рею Орико, отчаявшемуся получить наследника от своей жены, призывать к себе младшего брата?

Исель придержала свою серую в яблоках кобылу и пристально посмотрела на замок.

— Странно, я помню его каким-то более… могучим, огромным.

— Подождите, пока подъедем ближе, — сухо посоветовал Кэсерил.

Сьер ди Санда, ехавший в авангарде, дал знак двигаться вперёд, и обоз, состоявший из всадников и нагруженных мулов, снова тронулся в путь по грязной разбитой дороге: две особы королевской крови, два секретаря-наставника, леди Бетрис, слуги, грумы, вооружённые гвардейцы в чёрно-зелёных цветах Баосии, запасные лошади, Снежок, имя которого теперь казалось насмешкой, и внушительный багаж. Кэсерил, не

раз сопровождавший караваны с женщинами, был приятно удивлён тем, как ловко и умело Исель управлялась с помощью Бетрис со своим двором. Весь путь из Валенды они проделали за пять дней, точнее, за четыре с половиной. И ни одной задержки, без которых подобные поездки не обходятся, не произошло по причине женских капризов.

На самом деле и Тейдес, и Исель, покинув стены замка провинкары, сразу понеслись галопом и мчались на предельной скорости до тех пор, пока не замолкли в их ушах душераздирающие стоны рейны Исты. Исель даже зажала уши ладонями и гнала лошадь во весь опор, убегая от столь необычного проявления материнского горя.

Новость, что её дети должны отбыть ко двору, повергла вдовствующую рейну если не в бездну безумия, то в глубочайшее отчаяние. Она рыдала, и молилась, и упрашивала. Ди Санда рассказал Кэсерилу по секрету, что рейна разыскала его незадолго до отъезда и попыталась подкупить, чтобы он сбежал куда-нибудь с Тейдесом — не пояснив, куда и каким образом. Он описал её речи как бессвязное бормотание, почти бред, и сказал, что сама она выглядела как припадочная, с пеной на губах.

Иста говорила и с Кэсерилом, придя к нему, когда тот паковал седельные сумки в своей комнате вечером накануне отъезда. Их разговор совсем не походил на бред, и в словах рейны не было и следа бессвязного бормотания.

Она долго изучающе разглядывала его и неожиданно спросила:

— Вы боитесь, Кэсерил?

Кэсерил подумал и честно ответил:

— Да, миледи.

— Ди Санда — дурак. Вы по крайней мере нет.

Не зная, как реагировать на подобное заявление, Кэсерил вежливо наклонил голову. Рейна вздохнула. Глаза её на усталом измождённом лице казались огромными.

— Защищайте Исель. Если вы когда-нибудь хоть немного любили меня, защищайте Исель. Поклянитесь, Кэсерил!

— Клянусь.

Её глаза прожигали насквозь, но, к его удивлению, к сказанному она ничего не добавила.

— От чего именно я должен защищать её? — осторожно спросил Кэсерил. — Чего вы боитесь, леди Иста?

Она молча стояла в свете свечей.

Кэсерилу пришла на ум фраза Палли, оказав-

шаяся в своё время весьма действенной:

— Леди, пожалуйста, не посылайте меня в бой с завязанными глазами!

Её губы приоткрылись было, но она лишь покачала головой, развернулась и выскочила из комнаты. Её компаньонка, взволнованная до крайности, в отчаянии всплеснула руками и последовала за ней.

Несмотря на воспоминания о болезненной реакции Исты на отъезд детей, Кэсерил немного воспрянул духом, видя оживление и радостное возбуждение Тейдеса и Исель по мере приближения к заветной цели путешествия. Дорога подошла к реке, омывавшей Кардегосс, и вела теперь вдоль берега. Вокруг росли деревья, впереди с основным руслом реки Кардегосс сливался её второй рукав. В долине задувал холодный ветер. На другом берегу высилась отвесная скала высотой более трёхсот футов. Здесь и там маленькие деревца пытались пустить корни в её трещинах, а камни внизу покрывал мох.

Исель остановилась и подняла голову, глядя на крепость. Кэсерил тоже придержал лошадь и остановился рядом с ней. Отсюда не видно было сделанных руками человека укреплений, размещённых на созданной самой природой

крепостной стене.

— Ох, пятеро… — выдохнула Исель.

— …богов, — завершила за неё фразу подъехавшая к ним Бетрис.

— Зангр за всю его историю ни разу не взяли штурмом, — сказал Кэсерил.

Плывшие по реке жёлтые листья — предвестники осени — кружились в тёмном потоке. Все трое снова послали коней вперёд, по направлению к одним из семи городских ворот, к которым вела гигантская каменная арка, соединявшая берега реки, словно мост. Кардегосс делил с крепостью отрезанное двумя водными потоками плато. Городские стены, тянувшиеся по краям обрыва, казалось, образовывали корпус корабля, на носу которого возвышался Зангр. В ясном свете холодного дня город не выглядел зловещим. Рынки и разбегавшиеся от них боковые улочки были пестры от цветов, фруктов, овощей и прочих товаров и полны народу.

Кавалькада подъехала к огромной храмовой площади, на каждой из пяти сторон которой возвышалась резиденция одного из священных орденов пяти богов. Богословы, служители и дедикаты сновали туда-сюда и походили скорее на суетливых чиновников, нежели на аскетич-

ных религиозных деятелей. В центре площади высилось здание знакомой формы, в виде четырёхлистника с отдельно стоявшей башней — храм Святого Семейства, куда более внушительных размеров, чем его уменьшенная «домашняя» копия в Валенде.

К вящему неудовольствию сгоравшего от нетерпения Тейдеса, Исель приказала остановиться и послала Кэсерила во внутренний двор храма, дабы поднести дар леди Весны в благодарность за успешное путешествие. Служитель с признательностью принял деньги и с любопытством уставился на Кэсерила; тот быстро пробормотал невнятную молитву и поспешил обратно к своей лошади. Двигаясь в сторону Зангра, они проехали по улице, застроенной богатыми домами из камня с ажурными, но прочными железными решётками на окнах и дверях. Дома были высокие, прямоугольной формы, похожие друг на друга. Рейна Иста жила в одном из таких в первые годы своего вдовства. Исель возбуждённо присматривалась к ним и, сконфузившись, отметила три дома, похожих на тот, где она провела часть своего детства. И дала Кэсерилу слово узнать точно, где именно ей довелось жить в то время.

Наконец они добрались до внушительных

ворот Зангра. Естественная расселина, пересекавшая плато, была глубже любого крепостного рва. Нижний уровень каменной стены на другой её стороне образовывали огромные валуны — неправильной формы, но так плотно пригнанные друг к другу, что между ними нельзя было просунуть лезвие ножа. Выше была более тонкая рокнарская работа — ярус камней, похожих на покрытые резными геометрическими узорами куски сахара. Далее шли ряды камней помельче, вздымавшиеся столь высоко, словно человек состязался с богами, воздвигшими на лице Шалиона огромные скалы. Зангр был единственной крепостью из всех, где побывал Кэсерил, глядя на которую снизу вверх, он всегда ощущал головокружение.

В вышине прозвучал горн, и солдаты в форме рея Орико отсалютовали, когда караван въехал через подвесной мост под узкую каменную арку, ведущую во внутренний двор. Леди Бетрис натянула поводья и остановилась, оглядываясь с приоткрытым ртом. Во дворе высилась прямоугольная башня, самое новое из строений Зангра — память о правлении рея Иаса и лорда ди Льютеса. Кэсерила всегда занимал вопрос, были ли гигантские размеры башни воплощением их

мужской силы… или воплощением их страхов. Чуть дальше за этой башней стояла ещё одна, почти такая же высокая, цилиндрической формы, примыкавшая к одному из углов главного жилого здания. Её крытая черепицей крыша была продавлена, а верхняя часть каменной кладки обожжена и разрушена.

— Великие боги, — прошептала Бетрис, глядя на эту изувеченную великаншу, — что здесь произошло? Почему её не отремонтировали?

— А-а, это, — начал Кэсерил поучительным тоном — больше для придания уверенности себе самому. — Это башня Фонсы Мудрого, ставшего после смерти известным как Фонса Истинно Мудрый. Говорят, он имел обыкновение проводить на ней всю ночь, пытаясь прочитать по звёздам будущее Шалиона. Однажды грозовой ночью, когда он занимался смертельной магией, направляя заклятие на Золотого Генерала, на крышу внезапно пали сильнейшие вспышки света и огня. Занялся пожар, который невозможно было погасить до самого утра, несмотря на сильный ливень.

Когда рокнарцы впервые напали с моря, они при первом же своём жестоком броске захватили большую часть Шалиона, Ибры и Браджара. Добрались даже до Кардегосса, до самых южных

скал. Дартаканцы были в ужасе. Но из праха древних королевств и грубой колыбели холмов появилось новое племя, сражавшееся не одно поколение за то, чтобы отвоевать утраченное в первые годы нашествия рокнарцев. Воины-воры, они создавали экономику своего племени за счёт набегов; богатства их были не нажиты, а украдены. С течением времени рокнарцев оттеснили обратно на север, к морю, и в память об их жестокости остались развалины замков. В конце концов владения завоевателей сжались до пяти вечно враждующих провинций на северном побережье.

Золотой Генерал — Рокнарский Лев — хотел изменить историю. Войнами, хитростью, вероломством, с помощью выгодного брака он в течение десяти лет объединил пять провинций впервые за всё время существования Рокнара. Едва достигнув тридцатилетия, он обрёл такую власть, что сумел собрать огромную армию для очередного похода на юг, угрожая смести всех еретиков-кинтарианцев — приверженцев Пятибожия, поклоняющихся дьяволу-Бастарду — с лица земли, выжечь их огнём и мечом. Отчаявшиеся и разрозненные Шалион, Ибра и Браджар проигрывали сражение за сражением.

Попытки устранить Рокнарского Льва проваливались одна за другой; надежды призвать на помощь против Золотого Генерала смертельную магию также не увенчались успехом. Фонса Мудрый, всесторонне изучив дело, рассудил, что Золотой Генерал, по всей видимости, избран одним из богов. Фонса за время войны с северянами потерял пятерых сыновей и наследников. Иас — последний и самый юный из его сыновей — вёл жестокую борьбу с захватчиком в горах на последних подступах к Кардегоссу, блокируя подходы к городу. Однажды грозовой ночью, взяв с собой только настоятеля храма Бастарда, бывшего его доверенным лицом, и верного пажа, Фонса вошёл в свою башню и запер за собой двери…

Наутро после пожара придворные Шалиона вытащили из башни три обуглившихся тела, и только разница в росте позволила отличить настоятеля от пажа и пажа от рея. Потрясённый и испуганный двор замер в ожидании. Курьер, отправленный на север с печальной вестью о постигшей Шалион утрате, встретился в пути с курьером от Иаса — он вёз на юг весть о победе. Тризна и коронация в стенах Зангра справлялись одновременно.

Кэсерил вновь оглядел стены башни и подъе-

хал поближе к Бетрис.

— Когда принц — уже рей — Иас вернулся с войны, он приказал заложить кирпичом все нижние окна и двери башни покойного отца и заявил, что никто больше не должен туда входить.

Тут с верхушки башни взметнулась тёмная зловещая тень, и Бетрис, вскрикнув, испуганно прикрыла лицо руками.

— С тех пор там гнездятся только вороны, — заметил Кэсерил, запрокинув голову вслед удалявшемуся чёрному силуэту на фоне яркого синего неба. — Я уверен, это те самые священные птицы, которых кормят во дворе своего храма жрецы Бастарда. Умные создания. Служители приручают их и учат говорить.

Исель, подъехавшая к ним, чтобы послушать историю своего деда, спросила:

— А что они говорят?

— Да так, не слишком многое, — ответил Кэсерил с лёгкой усмешкой. — Я никогда не слышал, чтобы словарь птицы включал в себя более трёх разных криков. Хотя некоторые служители уверяют, что вороны способны на большее.

Оповещённые посланным вперёд гонцом, навстречу гостям уже спешили слуги и грумы. Управляющий замком сам подставил скамеечку,

чтобы принцесса Исель могла спешиться.

Возможно, осознав собственную значимость при виде склонившегося перед ней седого старика, она поборола себя и сошла с лошади с грацией истинной леди. Тейдес бросил поводья поклонившемуся груму и с сияющими глазами оглядывался по сторонам. Управляющий быстро обсудил с ди Сандой и Кэсерилом дюжину практических вопросов, от размещения по конюшням лошадей и грумов до — Кэсерил усмехнулся про себя — размещения по покоям принца и принцессы.

Затем управляющий проводил царственных отпрысков в их комнаты в левом крыле главного здания, за ними следовала вереница нагруженных багажом слуг. Тейдесу и его окружению предоставили пол-этажа; Исель и спутницам — этаж над ними. Кэсерилу отвели комнату на мужском этаже, в самом конце коридора. Он задумался, не означает ли это, что он должен охранять ведущую к владениям леди лестницу.

— Отдохните и освежитесь, — сказал управляющий. — Рей и рейна встретятся с вами на торжественном ужине в честь вашего прибытия. Будет весь двор.

Слуги принесли воду, хлеб, фрукты, сыр и вино,

словно пытаясь убедить гостей из Валенды, что в ожидании ужина голодная смерть им не грозит.

— А где сейчас мой царственный брат и его жена? — поинтересовалась Исель.

Управляющий поклонился.

— Рейна отдыхает. Рей в своём зверинце — это его любимое место успокоения и утешения.

— Мне бы тоже хотелось взглянуть на зверинец, — задумчиво проговорила Исель. — Он часто писал мне о нём.

— Скажите ему об этом. Рей будет рад показать его вам, — с улыбкой заверил её управляющий.

Женская компания почти сразу занялась выбором туалетов на вечер — помощь Кэсерила вряд ли им требовалась. Он велел слуге принести к нему в комнату сундук с вещами и отослал его. Оставшись один, Кэсерил бросил седельные сумки на кровать и, порывшись в одной из них, извлёк письмо провинкары, которое та просила передать рею Орико лично в руки тотчас по прибытии. Кэсерил задержался, лишь чтобы смыть с рук дорожную грязь и бросить короткий взгляд в окно. Глубокая расщелина проходила прямо под окнами; сквозь кроны деревьев поблёскивала вода.

По дороге к зверинцу он сбился с пути лишь од-

нажды. Зверинец располагался за стенами, дорога к нему проходила через сад, рядом с конюшнями. Место, где он находился, нетрудно было обнаружить по характерному резкому запаху. Кэсерил остановился, войдя в каменное здание, дал глазам постепенно привыкнуть к прохладной темноте. Немного освоившись, пошёл дальше. Бывшие стойла были переоборудованы в клетки для пары замечательных лоснящихся чёрных медведей. Один спал на куче чистых золотистых опилок, другой уставился на незваного гостя, приподняв морду и старательно принюхиваясь. По другую сторону прохода размещалось несколько странных животных, незнакомых Кэсерилу, — они были похожи на высоких длинноногих коз, но с вытянутыми изогнутыми шеями, нежными влажными глазами и пышным мягким мехом. Неподалёку он увидел вольер с дюжиной крупных птиц всех цветов радуги — они сидели на ветках, воркуя; другие, помельче, но тоже пёстрые, щебетали в клетках, развешанных вдоль стен. Напротив птичника в одной из комнат он наконец обнаружил людей: грума и какого-то весьма полного мужчину, который сидел прямо на столе, скрестив ноги, и держал за украшенный бриллиантами ошейник взрослого леопарда. Кэ-

серил увидел, как этот человек приближает лицо к самой пасти огромной кошки, содрогнулся и замер на месте.

Мужчина тщательно вычёсывал зверя скребком. Леопард ворочался на столе, подставляя то один, то другой бок — процесс этот ему явно нравился, — и во все стороны летели клочья жёлтой с чёрным шерсти. Кэсерил был так поражён видом леопарда, что в ухаживавшем за ним человеке не сразу признал рея Орико.

Двенадцать лет, прошедших с того дня, когда Кэсерил видел рея в последний раз, были к правителю не слишком милосердны. Орико никогда не был красавцем, даже в пору своей юности. Ростом чуть ниже среднего, со сломанным ещё в детстве при неудачном падении с лошади коротким носом — теперь этот нос выглядел, как расплющенный гриб. Когда-то рыжевато-каштановые волосы поблекли и поредели, хотя ещё слегка вились. Но меньше на его теле стало только волос — само тело весьма раздобрело. Лицо бледное и рыхлое, веки потяжелели и обвисли. Он шикнул на свою пятнистую кошку, которая потёрлась головой о его тунику, отчего клочья вычесанной шерсти так и взметнулись в воздух. Леопард энергично лизнул шёлк розовым языком, похожим на

махровую мочалку, и оставил на внушительном животе правителя длинное тёмное пятно. Рукава одежды рея были высоко закатаны, на руках виднелось больше дюжины свежих и старых царапин. Кошка на секунду осторожно коснулась зубами оголённого предплечья, но не сомкнула челюсти. Кэсерил расслабил сжатые пальцы и, сняв руку с рукояти меча, откашлялся.

Рей повернул голову, Кэсерил пал на одно колено.

— Сир, я несу вам исполненное почтения приветствие от вдовствующей провинкары Баосии и письмо от неё. — Он протянул послание и добавил на случай, если рею ещё не доложили: — Принц Тейдес и принцесса Исель благополучно прибыли в Зангр, сир.

— О да. — Рей подал знак пожилому груму, который тут же подошёл и принял письмо с благодарным поклоном.

— Её милость вдовствующая провинкара велела передать письмо лично вам в руки, — неуверенно сказал Кэсерил.

— Да-да, минуту, — прокряхтел Орико и с заметным усилием — ему мешал живот — наклонился вперёд, чтобы быстро обнять кошку и пристегнуть к её ошейнику серебряную цепочку. Рей

ещё раз шикнул, и леопард послушно спрыгнул со стола лёгким движением. Орико спустился на пол с куда меньшей грацией. — Сюда, Умегат.

Так явно звали грума, а не леопарда, поскольку именно грум шагнул вперёд и, передав господину письмо, взял взамен серебряную цепочку. Умегат провёл зверя по проходу и бесцеремонно втолкнул его коленом в клетку. Кэсерил, когда кошка оказалась взаперти, вздохнул с облегчением.

Орико сломал печать, и на чисто выметенный — если не считать свежевычесанной шерсти леопарда — пол посыпались кусочки воска. Он жестом приказал Кэсерилу подняться с колен и начал медленно пробираться через изящную паутину написанных рукой провинкары строк. Рей то подносил лист ближе, то отдалял его от глаз, беззвучно шевеля губами. Кэсерил по старой курьерской привычке сложил руки за спиной и спокойно ждал либо последующих вопросов, либо позволения уйти.

Так, ожидая, он рассматривал слугу — должно быть, старшего над грумами. Даже если не принимать во внимание его имя, по крови он явно был потомком рокнарцев. В молодости Умегат был высок, теперь же немного ссутулился. Кожа, наверняка загорелая и золотистая прежде,

побледнела и приобрела с возрастом оттенок старой слоновой кости. Глаза и рот окружали глубокие морщины. Поседевшие бронзовые волосы, заплетённые от висков в две косы, соединялись, по древнему рокнарскому обычаю, на затылке в одну. Это придавало ему вид истинного рокнарца. В Шалионе было довольно много метисов, в роду самого Орико насчитывалось несколько рокнарских принцесс, как с шалионской, так и с браджарской сторон. Видимо, от них рей унаследовал цвет своих волос. На груме была ливрея служащих Зангра: туника, лосины, плащ до колен с вышитым символом Шалиона — королевским леопардом, опирающимся на стилизованный замок. Грум выглядел гораздо более чистым и опрятным, чем его господин.

Орико закончил читать и вздохнул.

— Рейна Иста огорчилась, да?

— Она, естественно, опечалена разлукой с детьми, — осторожно ответил Кэсерил.

— Этого я и боялся. Ничего не поделаешь. Я не могу позвать её сюда. С ней слишком… сложно. — Он потёр нос тыльной стороной ладони и со свистом втянул в себя воздух. — Передайте её милости провинкаре, что она пользуется у меня особым уважением и что её внуки находятся под

защитой их брата.

— Я собирался написать ей сегодня вечером, сир, чтобы сообщить о нашем благополучном прибытии. Я передам ваши слова.

Орико коротко кивнул, снова потёр нос и пристально взглянул на Кэсерила.

— Мы с вами знакомы?

— Я… не думаю, сир. Я недавно назначен вдовствующей провинкарой на должность секретаря принцессы Исель. В юности служил у покойного провинкара Баосии пажом, — добавил он в качестве рекомендации. Он не стал говорить о своей службе у ди Гуариды — это могло напомнить рею невзначай о том, что Кэсерил был не просто одним из людей провинкара. Отчасти выручали борода и седина, появившаяся с тех пор в волосах, да и более жилистая, чем прежде, фигура… если Орико его не признал, может, остальные тоже не станут приглядываться? Интересно, как долго в таком случае ему удастся сохранять инкогнито? Увы, имя менять уже слишком поздно.

Орико удовлетворённо кивнул и взмахом руки отпустил Кэсерила со словами:

— Тогда вы будете на ужине. Передайте моей прелестной сестре, что я с нетерпением жду встречи с ней вечером.

Кэсерил поклонился и покинул зверинец.

Он шёл к воротам Зангра, задумчиво покусывая нижнюю губу. Если сегодня на приёме будет присутствовать весь двор, канцлер марч ди Джиронал — правая рука Орико и второй после него человек в Шалионе — тоже скорее всего придёт. А где марч, там и его братец, лорд Дондо.

«Может, они и не вспомнят меня».

Прошло уже больше двух лет со сдачи — позорной продажи — Готоргета и ещё больше времени — с того неприглядного эпизода в лагере безумного принца Олуса. Существование Кэсерила всегда было не более чем досадной помехой для этих могущественных лордов. Они не знают, что он понял, что на галеры его продали в результате предумышленного подлого предательства, а не по случайной ошибке. Если Кэсерил не сделает ничего такого, чтобы привлечь к себе внимание, они могут и не вспомнить ничего, и он будет спасён.

«Мечты идиота».

Плечи Кэсерила ссутулились, и он ускорил шаг.

Вернувшись к себе, он приготовил было коричневую шерстяную мантию и чёрный плащ, чтобы переодеться для вечера, но прибежавшая

с верхнего этажа запыхавшаяся служанка передала ему распоряжения по поводу одежды от его высокопоставленной подопечной. Поэтому Кэсерил нарядился в менее строгие синие тона: голубая туника, синий шёлковый камзол и тёмно-синие штаны, перешедшие к нему по милости провинкары. Одежда ещё хранила запах трав, которыми была пересыпана от моли. Сапоги и меч дополняли наряд — всё, что требуется придворному; не важно, что Кэсерила не украшают ни кольца, ни цепи.

По просьбе изнывавшего от нетерпения Тейдеса Кэсерил поднялся проверить, готовы ли дамы, и обнаружил, что в своей одежде замечательно вписывается в их общество. Исель была в любимом тонком бело-голубом платье и в накидке, а Бетрис и гувернантка — в синем и тёмно-синем соответственно. Исель украшали скромные, подходящие для молодой девушки простые капельки бриллиантов в ушах, небольшая брошь на лифе платья, тонкий сверкающий поясок и всего два узких кольца. На Бетрис тоже поблёскивало несколько позаимствованных у принцессы драгоценностей. Кэсерил расправил плечи, слегка пожалев о простоте собственного туалета, и собрался вести вниз свой маленький отряд.

Они вышли почти сразу, после всего лишь семи-восьми — «Ах, погодите минутку» — задержек, чтобы поправить платья и украшения, и спустились по лестнице к Тейдесу и его свите, состоявшей из ди Санды, капитана баосийской гвардии, охранявшего их в пути, и старшего сержанта — двое последних в парадных мундирах, с мечами, рукояти которых были украшены драгоценными камнями. Шелестя одеждой и позвякивая украшениями, все последовали за пажом, присланным, чтобы проводить гостей в тронный зал.

Задержались ненадолго в приёмной, где их выстроили по порядку, согласно произнесённым шёпотом инструкциям управляющего Зангра. Затем двери широко распахнулись, и управляющий торжественным громким голосом объявил:

— Принц Тейдес ди Шалион! Принцесса Исель ди Шалион! Сьер ди Санда… — и далее по списку в строгой ранговой очерёдности: — Леди Бетрис ди Феррей, кастиллар Люп ди Кэсерил, сьера Нан ди Врит!

Бетрис скосила лукавый карий глаз на Кэсерила и прошептала, почти не шевеля губами:

— Люп? Ваше первое имя *Люп?*

Кэсерил посчитал себя вправе не отвечать. Зал

был полон придворных — леди и кавалеров, всё вокруг сияло и сверкало, воздух был насыщен духами, любопытством и возбуждением. Кэсерил рассудил, что его одежда смотрится здесь скромно, но вполне уместно — в чёрно-коричневом наряде он выглядел бы вороной в стае павлинов. Даже стены были обиты красным шёлком.

В конце зала, на возвышении, обрамлённом красными же шёлковыми занавесями, на витых креслах сидели рука об руку рей Орико и его рейна Сара. Орико выглядел значительно лучше, чем днём, — умытый, причёсанный, в чистой одежде и даже со слегка нарумяненными щеками; тяжёлая золотая корона на голове придавала ему почти королевский вид. На рейне Саре была элегантная алая мантия. Она сидела очень прямо. В свои тридцать с лишним она была уже далеко не так свежа и прелестна, как в те годы, когда Кэсерил видел её в последний раз. Выражение её лица было слегка напряжённым — видимо, рейну обуревали смешанные чувства. Из-за бесплодия она оказалась неспособной исполнить свой главный долг перед Шалионом — если, конечно, вина лежала на ней. Когда несколько лет назад Кэсерил приезжал в Зангр, он слышал, что у Орико не было и внебрачных детей. Правда,

тогда этот факт объясняли его исключительной супружеской верностью. Перспективы же Тейдеса как наследника обсуждались только в очень узких кругах.

Тейдес и Исель один за другим подошли к трону и поцеловали руки рею и рейне. Полный формальный поцелуй включал в себя целование лба, рук и ног, но сегодняшняя церемония была не столь официальной. Входившие в свиту принца и принцессы также удостоились чести преклонить колени и поцеловать руки правителю и его супруге. Рука Сары была холодна как лёд, когда Кэсерил почтительно коснулся её губами.

Он встал сразу за Исель, сцепив пальцы за спиной, приготовившись приветствовать длинную вереницу придворных. Никого нельзя было обидеть отказом в любезном приветствии. И когда он узнал приближавшихся к ним двоих мужчин, у него перехватило дыхание и упало сердце.

Марч ди Джиронал был в мундире генерала священного военного ордена Сына — коричнево-оранжево-жёлтого цветов. Он почти не изменился за три года, прошедших с тех пор, как Кэсерил видел его последний раз, принимая из его рук ключи от Готоргета. Всё такой же худощавый, седеющий, с колючим взглядом холодных глаз,

энергичный и неулыбчивый. Широкая перевязь, пересекавшая его грудь, сверкала символами Сына, выложенными из драгоценных камней, — оружием, зверями и винными кубками. На шее висел знак канцлерской должности — толстая золотая цепь. На пальцах поблёскивали три крупных кольца с печатями — его собственного Дома, Шалиона и ордена Сына. Других колец не было — на фоне таких знаков власти драгоценности не могли добавить своему владельцу внушительности.

Лорд Дондо ди Джиронал также был в генеральском мундире — сине-белом мундире ордена Дочери. Более приземистый, нежели брат, но такой же подтянутый и энергичный. Не считая знаков новых привилегий, он выглядел совершенно как прежде, не изменившись за эти три года и ничуть не постарев. Кэсерил думал увидеть его сильно растолстевшим вследствие известной неумеренности за столом, в постели и в прочих наслаждениях, но у Дондо оказался лишь небольшой животик. Блеск драгоценностей на пальцах, не говоря уже об ушах, шее, руках и украшенных золотыми шпорами сапогах, наводил на мысль, что Дондо в отличие от брата не оставил в сундуке ни одной фамильной драгоценности, решив

явить миру всё разом.

Канцлер не задержал взгляд на Кэсериле, словно не узнал его, однако чёрные глаза Дондо опустились долу, пока он ожидал своей очереди, и в ответ на нейтрально-любезный жест Кэсерила он нахмурился. Морщина между бровями стала глубже, но внимание его отвлеклось от Кэсерила, как только марч подал знак слуге принести подарки для принца Тейдеса: отделанное серебром седло и сбрую, охотничий лук тонкой работы и копьё для охоты на кабана с блестящим острым стальным наконечником. Тейдес сбивчиво, но от души произнёс слова благодарности.

Лорд Дондо после формального представления щёлкнул пальцами, и слуга его, державший маленький сундучок, откинул крышку и сделал шаг вперёд. Театральным жестом младший Джиронал извлёк из сундучка невероятно длинную жемчужную нить и высоко поднял над головой, чтобы все смогли её увидеть.

— Принцесса, приветствую вас в Кардегоссе от имени моего священного ордена, моей славной семьи и от своего собственного! Позвольте преподнести вам жемчужную нить, вдвое превосходящую вас в длину. — Он качнул жемчуга в руке. Сложенная вдвое нить действительно

была длиной в рост изумлённой Исель. — Благодарение богам, вы не очень высоки, а то я бы разорился!

В ответ на эту шутку среди придворных послышались смешки. Дондо очаровательно улыбнулся и прошептал:

— Можно?

Не дожидаясь ответа, он шагнул вперёд и, наклонившись, пронёс нить над головой принцессы.

Исель слегка вздрогнула, когда его рука коснулась на мгновение её щеки, но, проведя пальцами по переливающимся каплям жемчуга, лишь улыбнулась в ответ, благодаря за подарок. Лорд Дондо поклонился — слишком низко, кисло подумал Кэсерил, как будто не без тайной издёвки.

Лишь затем Дондо, улучив момент, прошептал что-то на ухо брату. Кэсерил не мог слышать, что именно, но обрамлённые усами и бородой губы Дондо сложились так, словно произнесли слово «Готоргет». Ди Джиронал сверкнул глазами в сторону Кэсерила, но тут братья вынуждены были отойти, чтобы дать возможность приветствовать принца и принцессу следующему придворному.

Через некоторое время Тейдес и Исель оказались почти заваленными подарками, среди

которых были и дорогие, и исполненные значения. Кэсерил автоматически отмечал, кто и что подарил Исель, чтобы впоследствии составить опись. Бетрис решила помочь ему в этом занятии. Придворные увивались вокруг брата с сестрой, словно назойливые мухи вокруг плошки с мёдом. Тейдес пребывал в радостном возбуждении, он чуть ли не хихикал от восторга; ди Санда держался слегка скованно, воодушевлённый и смущённый одновременно. Исель вела себя спокойно и достойно, хотя тоже была заметно возбуждена. Она занервничала только раз, когда ей представили посла одной из северных рокнарских провинций — высокого и золотокожего, со сложной причёской из множества причудливо уложенных косичек. Его изысканные широкие льняные одеяния развевались как флаги, когда он, приблизившись, отвешивал принцессе глубокий поклон. Исель без тени улыбки присела в ответном книксене и поблагодарила рокнарца за прелестный пояс из резных кораллов, жадеита и золотых вставок.

Среди подарков Тейдесу преобладало в основном оружие. Дары же, поднесённые Исель, были по большей части украшениями, хотя среди них оказались и три музыкальные шкатулки тонкой

работы. Наконец подношения были разложены для всеобщего обозрения на столе — под охраной пары пажей, и сливки кардегосского общества потянулись в банкетный зал, где всё уже было готово для торжественного ужина. Принца и принцессу проводили к высокому столу и усадили рядом с Орико и Сарой, с другой стороны к ним подсели братья Джиронал — канцлер слегка натянуто улыбался четырнадцатилетнему Тейдесу, а Дондо явно пытался любезничать с Исель и смеялся над собственными шутками куда громче её. Кэсерил устроился за длинным, стоявшим поперёк комнаты столом неподалёку от своей подопечной. Он обнаружил, что его сосед по столу — ибранский посол.

— Ибранцы хорошо относились ко мне во время моего последнего визита в вашу страну, — не вдаваясь в детали, вежливо заметил Кэсерил после вступительного обмена любезностями. — По какому поводу вы прибыли в Кардегосс, милорд?

Ибранец дружелюбно улыбнулся.

— Вы ведь из свиты принцессы Исель? Ну, кроме безусловного желания присутствовать на осенней охоте на кабанов в здешних лесах, у меня есть ещё поручение от рея Ибры. Я должен убедить рея Орико не оказывать поддержки

наследнику во время очередного восстания в Южной Ибре. Наследник принимает помощь Дартаки, но, полагаю, вскоре он обнаружит, что это палка о двух концах.

— Мятеж наследника — болезненное событие для рея Ибры, — искренне, но без лишней горячности ответил Кэсерил. Старый Лис Ибры в течение последних тридцати лет частенько двурушничал в отношениях с Шалионом и считался сомнительным союзником и опасным противником, и если эта непрерывная война с собственным сыном была платой, взимаемой богами за его хитрость и коварство, то богам стоило быть поосторожнее. — Не знаю, что думает по этому поводу рей Орико, но мне кажется, что поддерживать юность против старости — дело в конечном итоге выигрышное. И рею Ибры, и наследнику следовало бы прийти к согласию, ведь время так или иначе всё расставит на свои места. Для пожилого человека наносить поражение собственному сыну — то же самое, что наносить поражение себе самому.

— Не в данном случае. У Ибры есть ещё один сын. — Посол быстро огляделся и, наклонившись поближе к Кэсерилу, продолжил более тихим голосом: — И наследник не оставляет этот факт без

внимания. Прошлой осенью он даже организовал покушение на брата, но когда оно провалилось, всячески отрицал свою причастность, говоря, что отнюдь не приказывал ничего подобного, что всё по собственному почину сотворили его миньоны, якобы неправильно понявшие слова своего господина. Я так полагаю, что они поняли его слова очень даже правильно. В общем, попытка избавиться от конкурента, благодарение богам, провалилась, и юный принц Бергон избежал смерти. Но чаша терпения отца переполнилась. Теперь между ним и наследником и речи не может быть о мире, тем более что последний снова заваривает кашу в Южной Ибре.

— Это печально, — ответил Кэсерил. — Надеюсь, что они всё же образумятся.

Посол кивнул, улыбнувшись тому, как искусно Кэсерил избегает острых углов, не выказывая предпочтения ни одной из сторон, и перевёл разговор на более нейтральную тему.

Подаваемые блюда были изысканными, разнообразными и весьма сытными, и у Кэсерила вскоре начали слипаться глаза. Гости перешли в зал для танцев, где рей Орико почти сразу уснул в своём кресле, к вящей зависти Кэсерила. Придворные музыканты играли превосходно, как,

впрочем, и всегда. Рейна Сара не танцевала, но выражение её лица смягчилось, а рука отбивала такт по подлокотнику кресла — она явно получала удовольствие от музыки. Кэсерил пристроил своё отягощённое ужином тело у стены, удобно опёршись спиной, и блаженно вздохнул. Он лениво смотрел, как танцуют остальные гости, более молодые или же не так объевшиеся, как он. Ни Исель, ни Бетрис, ни даже Нан ди Врит не страдали от недостатка партнёров.

Кэсерил нахмурился, заметив, что Бетрис танцует уже с третьим, нет, пятым юным лордом. Не только рейна Иста посетила его накануне отъезда из Валенды — поздним вечером к нему заглянул и сьер ди Феррей. «Присмотрите за моей Бетрис, — попросил он. — Если бы с ней была её мать или другая леди постарше, которая могла бы научить её правилам игры в этом жестоком мире, но увы… — Ди Феррей разрывался, боясь, как бы с его единственной дочерью не случилось несчастья, и одновременно надеясь, что ей удастся устроить свою судьбу. — Помогите ей не попасться на удочку какого-нибудь проходимца, негодяя, охотника за приданым или безземельного прихлебателя. Вы знаете, что это за люди. — Вроде него самого? Кэсерил не мог не удивиться. — С

другой стороны, если она встретит достойного, честного и надёжного человека, я только порадуюсь её выбору… ну, если это будет такой человек, как ваш друг марч ди Паллиар, к примеру…»

Вполне достойный пример. Интересно, Бетрис ещё ни на кого не положила глаз? Может, она уже тайно вздыхает по кому-нибудь? По тому же Палли… Увы, Палли не было на вечере — он отбыл восвояси сразу после посвящения ди Джиронала в генералы священного ордена. А Кэсерилу было бы приятно увидеть хоть одно приветливое знакомое лицо среди всей этой толпы. В задумчивости он повернул голову и увидел-таки знакомое, но отнюдь не приветливое, холодно улыбавшееся лицо. Канцлер ди Джиронал отвесил ему лёгкий поклон. Кэсерил выпрямился, оторвав спину от стены, и почтительно поклонился в ответ. Разум его усиленно заработал, разгоняя ленивый туман — следствие съеденного и выпитого за ужином. Через мгновение Кэсерил был уже в состоянии полной боевой готовности. Ну, почти полной.

— Ди Кэсерил. Это вы. Мы думали, вас уже нет в живых.

«Бьюсь об заклад».

— Нет, милорд. Я спасся.

— Кое-кто из ваших друзей боялся, что вы де-

зертировали…

«Никто из моих друзей не мог бояться ничего подобного».

— Однако рокнарцы сообщили, что вы умерли.

— Наглая ложь, сэр, — Кэсерил не стал уточнять, *чья* именно, — они продали меня в рабство на галеры вместе с теми, за кого не заплатили выкуп.

— Какая дикость!

— Да, сэр.

— Это просто чудо, что вам удалось выжить.

— Именно так. — Кэсерил моргнул и улыбнулся. — Но вы же получили обратно деньги, отосланные за моё освобождение? Или их прикарманил какой-нибудь вор? Хотелось бы верить, что никто не смог нажиться на этом обмане.

— Я не помню. Этим занимался интендант.

— Ну что ж, это была ужасная ошибка. Хорошо, что в конце концов её удалось исправить.

— Конечно. Я должен как-нибудь услышать рассказ о ваших приключениях.

— Когда пожелаете, милорд.

Ди Джиронал коротко кивнул, улыбнулся и, явно успокоившись, отошёл.

Кэсерил послал ему ответную улыбку, радуясь своему самообладанию — если, конечно, оно не

было следствием болезненного страха. Как оказалось, он мог улыбаться, улыбаться и улыбаться, вместо того чтобы вцепиться в ненавистное лживое горло.

«Я, кажется, становлюсь настоящим придворным?»

Кэсерил успокоился — самые страшные ожидания не оправдались — и, оставив попытки притворяться невидимкой, направился к леди Бетрис с целью протанцевать с ней хотя бы один тур. Он знал, что высок и неуклюж и совсем не искусен в танцах, но по крайней мере не пьян в стельку в отличие от большинства присутствующих кавалеров, что само по себе давало значительное преимущество. Не говоря уже о преимуществе над Дондо ди Джироналом, который после того, как на некоторое время монополизировал Исель, вдруг удалился со своими приспешниками в поисках более низменных удовольствий или — как втайне надеялся Кэсерил — в поисках пустынного коридора, где мог бы извергнуть из недр своего желудка то, что успел погрузить туда за столом. Глаза Бетрис радостно блестели, когда они с Кэсерилом кружились в танце.

Через некоторое время Орико проснулся, му-

зыканты же устали, и вечер подошёл к концу. Кэсерил мобилизовал пажей, леди Бетрис и сьеру ди Врит помочь перенести подарки Исель в её покои. Тейдес, не интересовавшийся танцами, вполне насладился изобилием разнообразных сладостей. Напитками он как будто тоже интересовался мало, но не исключено было, что ди Санде ещё придётся повозиться до рассвета со своим подопечным, ибо мальчик был всё-таки пьян — не столько от вина, сколько от уделённого ему внимания.

— Лорд Дондо сказал, что кто угодно примет меня за восемнадцатилетнего! — триумфально заявил он Исель напоследок. За последнее лето он сильно вытянулся, обогнав в росте старшую сестру, что служило постоянным поводом для гордости с его стороны и насмешливого фырканья со стороны Исель. Тейдес чуть не летел к своей спальне, распираемый восторгом, едва касаясь ногами земли.

В покоях Исель, когда Кэсерил укладывал подарки в сундук, снабжённый надёжным замком, помогавшая ему Бетрис спросила:

— Так почему вы не пользуетесь своим первым

именем, лорд Кэс? Что вам не нравится в Люпе ?[1] Это же замечательное, настоящее мужское имя.

— У меня с ним связаны неприятные ассоциации. — Он вздохнул и улыбнулся. — Мой старший брат со своими друзьями издевался надо мной, тявкая и подвывая, как волчонок; это доводило меня до истерики… Увы, когда я достаточно подрос, чтобы отколотить его, ему эта игра уже надоела. Жутко нечестно с его стороны.

Бетрис звонко рассмеялась.

— Тогда понятно.

Добравшись до своей спальни, Кэсерил понял, что не в состоянии выполнить данное им обещание написать подробный доклад провинкаре. Раздираемый противоречивыми стремлениями — упасть в постель или всё же выполнить свои долг, — он с тяжёлым вздохом достал перья и воск. И отчёт его оказался куда короче запланированного увлекательного рассказа обо всём происшедшем за это время — всего несколько коротких строчек, завершавшихся словами: «В Кардегоссе всё спокойно».

Он запечатал письмо, отыскал сонного пажа и приказал передать послание любому курьеру,

---

[1] Примечания: 1
Возможно, от лат. «lupus» — волк.

который собирается завтра утром отбыть из Зангра. После чего Кэсерил рухнул на кровать и не пошелохнулся до утра.

Глава 8

Банкет, посвящённый прибытию дорогих гостей, продолжался за завтраком, обедом и ужином на следующий день. Вечерний приём включал в себя маскарад. Изобилие вкусной еды, всякий раз щедро выставляемой на столы, поначалу навевало на Кэсерила печальные думы о том, что чрезмерная полнота рея при таком образе жизни легко объяснима, а потом его стало искренне удивлять, что Орико всё ещё может передвигаться самостоятельно. Наконец поток подарков царственным родственникам постепенно иссяк. Кэсерил внёс все подношения в реестр и задумался, при каких обстоятельствах некоторые из них можно было бы передарить кому-нибудь другому. Ожидалось, что Исель будет щедра.

На четвёртое утро Кэсерил очнулся от безумного сна, в котором он с полными руками драгоценностей метался по замку, не успевая доставить их надлежащим людям в надлежащее время. Протерев глаза и стряхнув с век песок сновидения, он решил, что этот сон — следствие либо креплёных вин Орико, либо большого количества миндаль-

ной пасты в сладостях.

Интересно, какие блюда ему предстоит отведать сегодня. Кэсерил рассмеялся своим мыслям, вспомнив скудный рацион времён осады Готоргета. И, продолжая ухмыляться, выбрался из уютной постели.

Встряхнув тунику, которая была на нём вчера, он вытащил из-за обшлага большой кусок засохшего хлеба. Это Бетрис попросила его припрятать хлеб, когда внезапно начавшийся дождь прервал их послеполуденный пикник на реке. Кэсерил подумал, уж не для того ли и были изначально предназначены эти широченные рукава, чтобы таскать со стола провизию. Он стащил с себя ночную рубашку, натянул штаны и подошёл к тазику для умывания.

Из раскрытого окна донёсся странный хлопающий звук. Кэсерил, вздрогнув от неожиданности, обернулся и увидел одного из воронов, гнездившихся в замке, который расселся по-хозяйски на широком каменном подоконнике, склонив голову набок. Ворон дважды каркнул, а потом издал какое-то странное скрипучее бормотание. Поражённый Кэсерил быстро промокнул лицо полотенцем и, взяв хлеб, медленно приблизился к птице. Настолько ли она ручная, чтобы принять

от него еду?

Ворон, похоже, заметил угощение, поскольку не улетел, а продолжал сидеть на окне. Кэсерил отщипнул кусочек. Блестящая чёрная птица несколько секунд пристально изучала человека, затем резким движением выхватила зажатый между двумя пальцами хлеб. Кэсерил удержался и не отдёрнул руку, когда большой крепкий клюв задел — но не поранил — его плоть. Птица встряхнула крыльями, вытянув хвост, на котором не хватало нескольких перьев. Она пробормотала что-то ещё, снова каркнула. Резкий звук отдался в комнате эхом.

— Ну что ты всё кар-кар, — передразнил Кэсерил. — Нужно сказать Кэс, Кэс!

Несколько минут он развлекался, обучая ворона новому слову, и добился почти сносного «Кэсерил! Кэсерил!» — с забавным птичьим выговором. Ворон, похоже, развлекался тоже. Однако, несмотря на подачки в виде кусочков хлеба, попытки улучшить его выговор увенчались ещё меньшим успехом, чем борьба с неправильным дартаканским произношением Исель.

Урок был прерван стуком в дверь, на который Кэсерил, не поворачивая головы, привычно отозвался:

— Да?

Дверь приоткрылась, ворон подскочил и вылетел в окно. Кэсерил выглянул и секунду следил за его полётом. Птица направилась вдоль высокой, окружавшей замок стены.

— Милорд ди Кэсерил… — Голос замер. Кэсерил оттолкнулся от подоконника и, обернувшись, увидел потрясённого пажа, застывшего с открытым ртом. Он понял, в чём дело, и похолодел. Увлёкшись обучением ворона, он забыл надеть рубашку.

— Да, мальчик? — изо всех сил стараясь казаться равнодушным, Кэсерил потянулся за туникой и неторопливо натянул её на себя. — В чём дело?

Тон его отнюдь не располагал к расспросам и комментариям по поводу годовой давности узоров на спине.

Паж сглотнул слюну и вновь обрёл голос:

— Милорд ди Кэсерил, принцесса Исель просит вас присоединиться к ней в Зелёной комнате сразу после завтрака.

— Спасибо, — холодно ответил он и кивнул, отпуская пажа. Мальчик скрылся за дверью.

Исель попросила сопровождать её во время утренней экскурсии, которая оказалась нечем иным, как обещанным походом в зверинец.

Рей сам вызвался показать племяннице своих любимцев; Кэсерил, войдя в Зелёную комнату, обнаружил там похрапывавшего в кресле правителя, тело которого, видимо, нуждалось в нескольких минутах покоя после обильной утренней трапезы. Орико проснулся и потёр лоб, словно борясь с головной болью. Затем, стряхнув с туники прилипшие крошки, взял со стола завёрнутые в льняную скатерть свёртки и, тяжко вздохнув, повёл сестру, Бетрис и Кэсерила во двор, потом — через ворота и сад.

Во дворе у конюшен они встретили Тейдеса и придворных рея, собравшихся на утреннюю охоту. Тейдес просил об этом с самого прибытия в замок. Лорд Дондо, похоже, взялся исполнить желание мальчика и теперь возглавлял группу, в которую входили ещё дюжина придворных, грумы и загонщики, три своры собак и сьер ди Санда. Тейдес, верхом на своём вороном, радостно приветствовал рея и сестру.

— Лорд Дондо говорит, что ещё слишком рано, чтобы охотиться на кабана, — поведал он им, — листья ещё не опали. Но вдруг нам повезёт?

Грум Тейдеса, следовавший за ним на собственной лошади, был нагружен целым арсеналом, включая новый арбалет и копьё на кабана. Исель,

которую на охоту не пригласили, посмотрела на брата с лёгкой завистью.

Ди Санда довольно улыбался, как и всегда, когда дело касалось благородного спорта. Лорд Дондо гикнул, и кавалькада лёгкой рысью выехала со двора. Кэсерил посмотрел им вслед и задумался, что в этой приятной картине так его смутило. Наконец он понял, в чём дело: всем сопровождавшим принца придворным было не меньше тридцати лет. Никто не поехал с мальчиком из дружеских побуждений, все преследовали личные цели. Если бы хоть у кого-нибудь из этих людей мозги были на месте, он бы уже привёл ко двору своего сына и предоставил бы событиям развиваться своим чередом. Точка зрения, конечно, не бесспорная, но…

Орико обошёл конюшни, леди и Кэсерил проследовали за ним. Ожидавший их старший грум Умегат — явно предупреждённый заранее — стоял у широко распахнутой двери в зверинец. Приветствуя своего господина и его гостей, он склонил голову, увенчанную тщательно заплетёнными косами.

— Это Умегат, — сказал Орико сестре. — Он ухаживает за моим зверинцем. Рокнарец, но очень хороший человек.

Подавив первоначальную настороженность, Исель грациозно поклонилась. И на вполне сносном рокнари (хотя и неверно обратившись к слуге как к воину) сказала:

— Благословение Святых на тебе на весь день, Умегат.

Глаза Умегата удивлённо расширились, а поклон стал ещё ниже.

— И на вас благословение Святых, госпожа, — с чистейшим выговором жителя архипелага, используя вежливую форму обращения «раб — к господину», ответил он.

Брови Кэсерила поползли вверх. Так, значит, Умегат — не шалионский полукровка, как он подумал раньше. Интересно, что за причуда судьбы привела его сюда. Кэсерил сказал:

— Ты далеко от дома, Умегат.

Он воспользовался обращением «слуга — к младшему слуге».

Лёгкая улыбка тронула губы грума.

— У вас хороший слух, господин, это большая редкость в Шалионе.

— Лорд ди Кэсерил обучает меня, — пояснила Исель.

— Тогда вы в надёжных руках, леди. Но, — он вновь обратился к Кэсерилу, на сей раз как «раб

— к учёному», более тонко и почтительно, чем как «раб — к господину», — Шалион теперь мой дом, мудрейший.

— Давай покажем сестре моих животных, — прервал заскучавший от этих языковых изысков Орико. Он протянул руку с льняным узелком и заговорщицки ухмыльнулся. — Я стащил со стола немного мёда для медведей, и он вот-вот протечёт.

Умегат улыбнулся в ответ и провёл их внутрь прохладного каменного здания.

Здесь было ещё чище, чем во время первого визита Кэсерила, и куда как чище, чем в банкетных залах Орико. Рей извинился и вошёл в клетку с медведем. Зверь проснулся и уселся на корточки; Орико тоже опустился на корточки на солому — оба были чем-то похожи друг на друга. Орико развернул салфетки и отломил кусок медового сота. Медведь проглотил его и начал облизывать пальцы рея своим длинным розовым языком. Исель и Бетрис восхищённо разглядывали густой блестящий мех животного, но войти к зверю вместе с Орико желания не выказали.

Умегат повёл их к травоядным, похожим на коз животным, и в эту клетку леди войти отважились, дабы погладить зверей, восхищаясь их

огромными тёмными глазами и пушистыми ресницами. Умегат пояснил, что это веллы, доставленные откуда-то из-за пределов архипелага, и предложил морковь, которую леди и начали, оживлённо хихикая, скармливать животным. Затем Исель отряхнула юбку, и все проследовали за Умегатом к птичьим клеткам. Орико же, увлечённый медведями, махнул рукой, чтобы продолжали без него.

Тут нечто тёмное залетело со двора внутрь зверинца и, шумно хлопая крыльями, уселось Кэсерилу на плечо. Он от неожиданности чуть не выпрыгнул из сапог. Повернув же голову, обнаружил давешнего ворона. О том, что птица была та же самая, свидетельствовали отсутствующие в хвосте перья. Ворон запустил когти в камзол и прокричал:

— Кэс! Кэс!

Кэсерил расхохотался.

— Ох, ну и напугала же ты меня, глупая птица! К сожалению, хлеба у меня больше нет. — Он дёрнул плечом. Однако ворон лишь крепче вцепился в ткань камзола, и не думая улетать.

— Кэс! Кэс! — снова громко прокричал он прямо в ухо Кэсерилу.

Бетрис засмеялась, открыв рот от удивления.

— Познакомьте меня с вашим другом, лорд Кэс!

— Он прилетел ко мне на подоконник сегодня утром, и я пытался научить его нескольким словам. Я и не думал, что мне это удалось…

— Кэс! Кэс! — всё твердил ворон.

— Ах, если бы вы были столь же старательны в изучении дартакана, миледи! — сказал Кэсерил. — Ну, сьер ди Ворон, лети давай. У меня нет хлеба. Ну! Найди себе чудесную тухлую рыбку у реки, или восхитительную дохлую овечку, или ещё что-нибудь… Кыш! — Он наклонил плечо, но птица держалась крепко. — О, они такие жадные, эти замковые вороны. Сельские птицы вынуждены сами искать себе пропитание, а эти ленивцы только и ждут, когда им положат кусочек в клюв.

— Точно, — подтвердил Умегат с хитрой улыбкой, — они настоящие придворные по сравнению с прочими птицами.

Кэсерил подавил смешок и бросил ещё один взгляд на безукоризненного рокнарского — бывшего рокнарского — грума. Конечно, раз Умегат уже давно живёт в Зангре, у него было достаточно времени, чтобы изучить повадки придворных.

— Будь ты посимпатичнее, может, тебе и

удалось ко мне подлизаться. Кыш! — Кэсерил сбросил ворона с плеча, но тот перелетел к нему на голову, запустив когти в кожу. — Ой!

— Кэсерил! — резко крикнул ворон со своего нового насеста.

— Вы, должно быть, мастер по обучению языкам, милорд ди Кэсерил, не иначе, — Умегат улыбнулся ещё шире. — Я слышу тебя, — заверил он птицу. — Если вы немного наклонитесь, милорд, я сниму с вас этого наездника.

Кэсерил послушно нагнулся. Бормоча что-то на рокнари, Умегат пересадил ворона к себе на руку, отнёс его к дверям и подбросил в воздух. Птица улетела, обиженно выкрикивая на лету — Кэсерил облегчённо вздохнул — обычное «кар-р».

Компания подошла к птичнику, где Исель немедленно получила со стороны маленьких пёстрых обитателей клеток столько же внимания, сколько Кэсерил — со стороны ворона. На её рукавах повисли разноцветные пернатые комочки, и Умегат показал, как давать им зажатые в зубах зёрнышки.

Потом они прошли к насесту с большими птицами. Бетрис залюбовалась одной из них, ярко-зелёной, с жёлтой переливающейся грудкой и алой шеей. Птица щёлкнула толстым жёлтым

клювом, подвигала им из стороны в сторону, словно прожёвывая что-то, и высунула узкий чёрный язычок.

— Она у нас недавно, — сказал Умегат. — Мне кажется, у неё была тяжёлая кочевая жизнь. Мы её уже приручили, но на это понадобилось немало времени.

— Она разговаривает?

— Да, но страшно ругается. На рокнари, к счастью. Наверное, её хозяином когда-то был моряк. Марч ди Джиронал привёз её с севера этой весной как военный трофей.

Официальные известия и слухи об этой странной кампании доходили и до Валенды. Интересно, может, и Умегата привезли когда-то сюда как военный трофей? А если нет, то как же он попал в Шалион? Кэсерил сухо прокомментировал:

— Красивая птица, но уж очень неравноценный обмен на три города и контроль над проездом.

— Полагаю, лорд ди Джиронал получил значительно больше всякого добра, чем одна эта птица, — ответил Умегат. — Обоз с вещами, привезённый в Кардегосс, входил в ворота замка больше часа.

— Я тоже имел дело с этими медлительными мулами, — пробормотал Кэсерил, на которого

услышанное впечатления не произвело. — Шалион потерял значительно больше, чем выиграл в этой непродуманной кампании ди Джиронал.

Брови Исель вскинулись.

— Разве мы не победили?

— Смотря что считать победой. Мы сражались с рокнарскими провинциями, не один десяток лет тесня друг друга взад-вперёд от границы. Раньше это была плодородная щедрая земля, а теперь — пустоши. Фруктовые сады, оливковые рощи и виноградники выжжены и заброшены, фермы покинуты, животные одичали или повымерли с голоду… к процветанию государства ведёт мир, а не война. Война только передаёт владение землёй от более слабого более сильному. Ещё хуже, когда купленное кровью продаётся за деньги, а потом его крадут снова, — и он задумчиво и печально добавил: — Ваш дедушка, рей Фонса, купил Готоргет ценой жизни своих сыновей, марч ди Джиронал продал его за триста тысяч реалов. Страшное превращение — когда кровь одних людей становится золотом других. Превращение свинца в золото — ничто по сравнению с этим.

— Может ли на севере когда-нибудь установиться мир? — спросила Бетрис, испуганная его непривычной горячностью.

Кэсерил пожал плечами.

— Нет, пока война приносит прибыль. Рокнарские принцы ведут ту же игру. Это всемирная коррупция.

— Выиграть войну — значит положить ей конец, — задумчиво проговорила Исель.

— Увы, теперь это лишь мечта, — вздохнул Кэсерил. — Разве что рею удалось бы сделать это так, чтобы его дворяне не заметили, что утратили свои будущие доходы. Но нет. Это просто невозможно. Шалион не может в одиночку нанести поражение всем пяти провинциям Рокнара, а если бы и случилось такое чудо, то у нас ведь в любом случае нет обученного флота, чтобы удержать в дальнейшем побережье. Если бы все наши кинтарианские королевства объединились и сражались в течение целого поколения, то один сверхсильный и могущественный рей смог бы воссоединить и подчинить себе всю землю целиком. Но человеческие, духовные и денежные потери были бы огромны.

Исель медленно произнесла:

— Огромнее, чем эти вечные потери на бесконечной, кровопролитной войне, иссушающей жизнь на севере? Заплатить однажды — лишь однажды — и навсегда.

— Но нет никого, кто бы взялся за это. Нет человека, обладающего такой энергией, знанием и волей. Рей Браджара — старый пьяница, таскающийся за придворными дамами, Лис Ибры связан внутренними междоусобицами, Шалион… — Кэсерил заколебался, поняв, что эмоции вывели его на путь откровенности, несовместимой с политикой.

— Тейдес… — начала Исель, и дыхание у неё перехватило. — Может, это станет делом Тейдеса, когда он вырастет.

Кэсерил подумал, что заняться этим делом не пожелал бы никому. Мальчик, правда, обладал необходимыми талантами, но таланты ещё надо развивать и шлифовать не один год…

— Завоевание — не единственный способ объединить людей, — заметила Бетрис. — Есть ещё и брак.

— Да, но никто не может сочетать браком три королевства и пять провинций, — фыркнула Исель. — По крайней мере за один раз.

Зелёная птица, видимо, раздражённая тем, что на неё перестали обращать внимание, неожиданно разразилась непристойной бранью на вульгарном рокнари. Хозяин точно был моряк, решил Кэсерил. Умегат сухо улыбнулся, заметив,

как Кэсерил невольно хмыкнул и вскинул брови, а Бетрис и Исель зажали ладонями рты и, покраснев, переглянулись. Грум мягким движением потянулся за колпачком и надел его птице на голову.

— Спокойной ночи, мой зелёный друг, — сказал он. — Полагаю, ты ещё не готов вежливо беседовать в приличном обществе. Может, лорд ди Кэсерил возьмётся обучить и тебя дворцовому рокнари и положит конец этому безобразию, а?

Кэсерил подумал, что и сам Умегат отлично справился бы с такой задачей. Тут, прервав его мысли, позади послышались быстрые шаги, и в дверях птичника появился улыбающийся рей Орико, стряхивая с одежды на ходу медвежью шерсть. Да, управляющий был прав, решил Кэсерил, когда сказал, что зверинец служит рею утешением. Глаза правителя блестели, лицо разрумянилось, сонливость, с которой он боролся перед выходом из Зелёной комнаты, испарилась.

— Вы должны посмотреть на моих кошек, — сказал он дамам. Все двинулись за ним по каменному коридору, в конце которого он горделиво продемонстрировал клетки с парой обитающих в горах Южного Шалиона изящных золотистых зверей с кисточками на ушах. Рядом сидел редкий

кот той же породы — голубоглазый, белого цвета. Кисточки на его ушах были чёрными. В другой клетке расхаживала пара песчаных лис архипелага — как назвал их Умегат, — очень похожих на мелких, почти бесшёрстных волков с большими треугольными ушами и циничным выражением на мордах. Напоследок Орико подвёл их к своему любимцу, леопарду, выпущенному из клетки и разгуливавшему на длинной серебряной цепочке. Леопард ходил кругами, отираясь у ног рея и издавая странные фыркающе-хрюкающие звуки. У Кэсерила перехватило дыхание, когда Исель по примеру брата вдруг опустилась на корточки и стала гладить кошку, и лицо её при этом оказалось напротив мощных челюстей животного. Круглые янтарные глаза зверя казались ему какими угодно, только не дружелюбными. Принцесса принялись почёсывать тонкими пальчиками пятнистую шкуру на горле леопарда, и тот блаженно сощурился и наморщил от наслаждения кирпичного цвета нос. Однако стоило Кэсерилу присесть рядом, как ворчание кошки стало угрожающим, а короткий взгляд золотистых глаз исключил всякую возможность вольностей с его стороны. Потому Кэсерил благоразумно решил держать руки при себе. Затем рей остался обсу-

дить кое-что с Умегатом, а Кэсерил повёл своих дам обратно в Зангр. По дороге девушки принялись выяснять, кому какой обитатель зверинца понравился больше всего.

— А вы что скажете, какой зверь показался вам самым интересным? — спросила Кэсерила Бетрис.

Он помедлил мгновение, прежде чем ответить, и наконец решился сказать правду:

— Умегат.

Она открыла было рот, чтобы возразить, но, заметив резкий взгляд, брошенный на Кэсерила принцессой, снова закрыла его. И всю дорогу до замка они задумчиво молчали.

Дни становились всё короче, но это не печалило обитателей Зангра, поскольку долгие вечера были прекрасным поводом для разнообразных празднеств. Придворные стремились перещеголять друг друга, предлагая развлечения, не скупясь на выдумку и деньги. Тейдес и Исель были ослеплены великолепием этой жизни, хотя Исель, к счастью, не до конца. Прислушиваясь к замечаниям Кэсерила, которые тот отпускал вполголоса, она начала смотреть глубже, улавливать скрытые намёки и послания, подмечать мотивы, подсчитывать расходы и перспективы.

Тейдес же, насколько мог судить Кэсерил, проглатывал всё целиком, принимая за чистую монету. Следы своеобразного несварения проглядывали, однако, то тут, то там. Тейдес и ди Санда сцеплялись всё чаще, так как ди Санда безуспешно пытался поддерживать дисциплину, к которой приучали мальчика в тихой Валенде. Стычки между братом и его наставником начали беспокоить даже Исель. Кэсерил узнал об этом однажды утром, когда задумчиво любовался из окна видом реки и окрестностей Кардегосса и на него как бы случайно наткнулась Бетрис.

Обменявшись замечаниями о погоде, которая вполне соответствовала сезону, об охоте, тоже вполне удачной для этого времени года, Бетрис резко сменила тему и заговорила о том, ради чего искала его. Она спросила, понизив голос:

— Что за ужасная ссора произошла вчера между Тейдесом и ди Сандой? Мы слышали шум на вашем этаже через открытые окна и даже через пол.

— Гм…

Пятеро богов, как ему ответить на этот вопрос? Это же девушки. Почему Исель не прислала к нему Нан ди Врит? Ну да ладно, лучше грубая правда, чем неверно понятая ложь. И правду эту

куда лучше сказать Бетрис, чем Исель. Бетрис — не ребёнок и к тому же не сестра Тейдеса. Она сама решит, что можно сказать принцессе, а что нет.

— Вчера вечером Дондо ди Джиронал привёл для Тейдеса проститутку. Ди Санда вышвырнул её вон. Тейдес был в ярости. Разгневан, смущён, хотя втайне, возможно, и вздохнул с облегчением. Позже он залил своё горе вином. Вот она, славная дворцовая жизнь!

— Ох, — пробормотала Бетрис. Услышанное, конечно, шокировало её, но, хвала богам, не слишком. — Ох.

Девушка надолго задумалась, глядя на реку внизу. В долине уже собрали почти весь урожай. Потом Бетрис закусила губу и, чуть сощурив глаза, повернулась к Кэсерилу.

— Это… это совершенно не… что-то очень странное есть в том, что сорокалетний мужчина, такой, как лорд Дондо, зависит от четырнадцатилетнего мальчика.

— Зависит от мальчика? Ещё бы не странно. Но если он зависит от принца, от своего будущего рея, источника привилегий, наград, военной поддержки — это уже другое дело. И если Дондо потеряет своё место рядом с наследником, тут

же найдутся трое других, желающих его занять. Это… образ жизни.

Она брезгливо скривила губы.

— Да уж. Проститутка… фу. А лорд Дондо… это же называется сутенёр, да?

— М-м-м… даже хуже. Но Тейдес… нельзя сказать… гм… что он ещё слишком мал. Мужчина должен однажды научиться…

— А брачная ночь недостаточно хороша для этого? Мы вот учимся именно тогда.

— Мужчины… обычно женятся позже. — Кэсерил решил, что лучше бы ему воздержаться от обсуждения этой темы. Кроме того, он вспомнил вдруг, как поздно научился сам, и смутился. — У мужчины, как правило, есть друг, брат, дядя или, наконец, отец, которые объясняют ему, как… гм… вести себя с леди. Но Дондо ди Джиронал — не друг, не брат и не отец Тейдесу.

Бетрис нахмурилась.

— У Тейдеса никого нет. Ну, разве что… рей Орико, который в каком-то смысле и брат, и отец.

Глаза их встретились, и Кэсерил понял, что не стоит говорить вслух: «От чего, впрочем, пользы не много».

Помолчав ещё немного, она добавила:

— И я не могу представить в этой роли ди Сан-

ду.

Кэсерил едва не фыркнул.

— Бедняга Тейдес. Мне тоже не представить такого. — Он поколебался и сказал: — Это опасный возраст. Если бы Тейдес провёл при дворе всю жизнь, он привык бы к здешней атмосфере и не был бы таким… впечатлительным. Или хотя бы приехал сюда, будучи постарше, когда характер уже сложится и окрепнет разум. Двор, конечно, ослепляет в любом возрасте, особенно если сразу попадаешь в центр внимания. Но как бы там ни было, если Тейдес должен стать наследником рея Орико, его нужно уже начинать активно готовить к этому. Учить равновесию между удовольствиями и долгом.

— Разве он готовится? Я этого не вижу. Ди Санда пытается, отчаянно пытается, но…

— Он не в счёт, — мрачно закончил за неё Кэсерил. — В этом-то и беда.

И нахмурив брови, продолжал:

— В замке провинкары ди Санда пользовался её поддержкой и властью, чтобы добиться от мальчика послушания. Здесь, в Кардегоссе, её роль мог бы сыграть рей Орико, но он этим не интересуется. Ди Санда предоставлен в своей борьбе сам себе.

— У этого двора… — Бетрис свела брови, пытаясь выразить словами непривычные мысли, — у этого двора есть центр?

Кэсерил тяжело вздохнул.

— При хорошо поставленном дворе всегда есть человек, обладающий реальной властью. Если не сам рей, то, возможно, его рейна, некто вроде провинкары, кто задаёт тон и поддерживает традиции. Орико… — он не мог сказать *слаб* и не решался сказать болен, — не занимается такими вещами, а рейна Сара… — рейна Сара казалась Кэсерилу призраком, бледным и полупрозрачным, почти невидимым, — тоже не следит за двором. Это приводит нас к канцлеру ди Джироналу. Вот кто дёргает за ниточки, приводя в движение государство, и не желает держать в узде своего брата.

Глаза Бетрис прищурились.

— Так, значит, он подстрекает Дондо.

Кэсерил предостерегающе прижал палец к губам.

— Помните, как Умегат пошутил насчёт замковых воронов? Взгляните на дело с другой стороны. Вы когда-нибудь видели, как стая воронов разоряет чужое гнездо? Одни отвлекают родителей, а другие набрасываются на яйца или птенцов… — Его голос стал резче. — Благодарение

богам, большинство придворных Кардегосса не могут действовать сообща столь же слаженно, как стая воронов.

Бетрис вздохнула.

— Думаю, Тейдес даже не сознаёт, что они вертятся вокруг него вовсе не ради него самого.

— Я боюсь, ди Санда со всем своим здравым смыслом не может говорить с Тейдесом прямо. А ему, чтобы разорвать опутавшую принца паутину лести, следует быть весьма откровенным.

— Но ведь вы же всегда откровенны с Исель, — возразила Бетрис. — Вы говорите: «Посмотрите на этого человека, что он сделает дальше, подумайте, почему он это делает»… Раз двадцать мы ничего не могли понять, только слушали вас, но на двадцать первый раз тоже начали видеть. Разве ди Санда не может так же поступать с принцем Тейдесом?

— На чужом лице грязь всегда заметнее. Эта толпа придворных, по счастью, не давит на Исель с той силой, как на принца. Благодарение богам. Все знают, что её отдадут замуж, может быть, даже за пределы Шалиона. Она в отличие от Тейдеса не станет источником их благополучия в будущем.

На этой печальной ноте они и закончили и

некоторое время не возвращались к этому разговору. Кэсерил был крайне доволен, что Бетрис и Исель избежали большинства подводных камней и скрытых опасностей дворцовой жизни. Развлечения ослепляют, соблазняют, заставляют забыть благоразумие, опьяняют и ослабляют разум, равно как и тело. Для некоторых кавалеров и дам — это безобидная весёлая игра, хотя и довольно дорогостоящая. Для других — система тайных посланий, многозначительных взглядов, полунамёков, серьёзных выпадов и контрвыпадов, правда, не всегда убивающих на месте в отличие от фехтовальных приёмов. Чтобы удержаться на ногах, необходимо отличать игроков от пешек. Дондо ди Джиронал был одним из основных игроков по своему положению, хотя… каждый его шаг был если не направлен старшим братом, то по крайней мере разрешён им.

Нет. Такое нельзя говорить. Об этом можно лишь думать.

Благодаря превосходным музыкантам Орико Кэсерил смог отбросить на время тяжёлые раздумья о придворной морали и насладиться чудесной музыкой на очередном балу. Если рейна Сара и имела своё утешение сродни зверинцу Рея, то это были именно певцы и менестрели Зангра.

Она никогда не танцевала, редко улыбалась, но не пропускала ни одного музыкального вечера, сидя в зале рядом со спящим супругом или в галерее напротив музыкантов за ажурной ширмой, окружённая своими фрейлинами. Кэсерил полагал, что понимает её страсть.

Сам он стоял, опёршись о стену зала, отбивая такт ногой и внимательно следя, как его подопечные кружатся в танце по отполированному деревянному полу. Музыканты и танцоры сделали небольшой перерыв после быстрого танца, и Кэсерил присоединился к раздавшимся из-за ширмы аплодисментам рейны. Внезапно над его ухом раздался голос, который он никак не ожидал услышать:

— Ну, кастиллар, ты неплохо выглядишь!

— Палли! — Кэсерил с трудом сдержался, чтобы не броситься к другу. Вместо этого он отвесил почтительный поклон. Палли, одетый в синие штаны и тунику, в белом плаще военного ордена Дочери на плечах, в отполированных сапогах и со сверкающим на поясе мечом, рассмеялся и столь же церемонно поклонился, затем крепко стиснул руку друга.

— Что привело тебя в Кардегосс? — радостно спросил Кэсерил.

— Рука богини, что же ещё? Ну, и дела тоже — год-то заканчивается. Вообще-то я приехал помочь лорду дедикату провинции Джеррин по его просьбе. Потом расскажу, но… — взгляд Палли обежал полный народа зал, где готовились к новому танцу, — только не здесь. Похоже, ты пережил путешествие ко двору. И вроде немного успокоился, я прав?

Губы Кэсерила скривились.

— Ещё бы. Потом расскажу, но — только не здесь, — повторил он слова Палли. Оглянувшись, он обнаружил, что ни лорда Дондо, ни его старшего брата не видно, но донести братьям об этой встрече и разговоре могли с полдюжины их прихлебателей. Всюду глаза и уши. — Давай-ка поищем местечко попрохладнее.

Они вышли в соседнюю комнату, и Кэсерил подвёл Палли к окну, выходившему на залитый лунным светом внутренний двор. У дальней стены двора сидела парочка, которая, как посчитал Кэсерил, была слишком занята своими делами и не могла расслышать то, о чём они говорят.

— Ну, так что заставило старого ди Джеррина прибыть в Кардегосс? — поинтересовался Кэсерил. Провинкар Джеррина был самым высокородным лордом Шалиона из тех, кто состоял на

службе у священного ордена Дочери. Большинство молодых людей с военными наклонностями посвящали себя служению более могущественному ордену Сына, с его славными традициями борьбы с рокнарцами. Даже Кэсерил в юности хотел посвятить себя Сыну, но передумал… после некоторых событий. Более скромный и малочисленный орден Дочери занимался в основном поддержанием внутреннего порядка: охраной храмов, патрулированием дорог, чтобы обезопасить паломников; борьбой с разбоем, конокрадством, а также содействием в поимке преступников.

— Весеннее очищение. — На мгновение на лице Палли появилось такое же выражение, как у песчаных лис Умегата. — Дурно пахнущая кучка в стенах храма будет наконец убрана оттуда. Ди Джеррин некоторое время подозревал, что вследствие длительной болезни и бессилия старого генерала казна ордена здесь, в Кардегоссе, утекала у казначея сквозь пальцы. И, что примечательно, текла она в его личный кошелёк.

Кэсерил хмыкнул.

— Несчастный.

Палли вскинул бровь.

— Ты не удивлён?

Кэсерил пожал плечами.

— В принципе нет. Подобное происходит сплошь и рядом, когда недостаточно нравственный человек попадает под развращающее влияние власти. Я не слышал ничего конкретного о казначее ордена Дочери, но в Кардегоссе такое не редкость.

Палли кивнул.

— Ди Джеррин больше года собирал свидетельства и доказательства. Мы арестовали казначея и все его *бумаги* два часа назад и под охраной препроводили в камеру. Ди Джеррин завтра утром представит дело на заседании совета ордена. Казначей будет освобождён с его поста и лишён всех привилегий. А затем, не позднее вечера, предстанет перед канцелярией Кардегосса, которая и определит наказание. Вот так! — Палли ударил ладонью по подоконнику в предвкушении триумфального завершения длительного дела.

— Отлично! Ты останешься здесь после процесса?

— Надеюсь задержаться на пару недель, поохотиться.

— О, превосходно!

Будет время поговорить, да ещё с умным и до-

стойным собеседником — двойная роскошь.

— Я остановился в городе во дворце Джеррина и не задержусь долго на этом балу. В Зангр я пришёл только в качестве сопровождения ди Джеррина, пока он отвешивает поклоны и докладывает обстановку рею Орико и генералу лорду Дондо ди Джироналу. — Палли сделал небольшую паузу. — Судя по тому, что ты пребываешь в добром здравии, твои опасения по поводу Джироналов оказались беспочвенными?

Кэсерил помолчал. Задувавший в окно ветер становился всё холоднее. Даже парочка поднялась со скамейки и ушла. Наконец он проговорил:

— Я стараюсь никоим образом не сталкиваться с Джироналами. Ни в каком смысле.

Палли нахмурился и, казалось, с трудом удержал при себе готовую сорваться с уст фразу.

Двое слуг пронесли в сторону бального зала котёл с горячим, сдобренным специями и сахаром вином. Из двери выскочила, хихикая, молодая дама, её преследовал, не отставая ни на шаг, кавалер; оба скрылись за углом, и смех их растаял в воздухе. Звучание музыки возобновилось, разливаясь по галереям, подобно аромату цветов.

Лоб Палли разгладился.

— Леди Бетрис ди Феррей тоже прибыла с принцессой Исель из Валенды?

— А ты разве не видел её среди танцующих?

— Нет… первым, кого я увидел, был ты. Эдакая подпирающая стену жердь. Когда я узнал, что принцесса Исель при дворе, я решил попытать счастье и поискать здесь тебя, хотя, помня наш последний разговор, был не слишком уверен в успехе этого предприятия. Как думаешь, у меня есть надежда заполучить леди Бетрис на танец, пока ди Джеррин шушукается с Орико?

— Ну, если ты считаешь, что у тебя хватит сил пробиться сквозь толпу претендентов… — сухо сказал Кэсерил, взмахнув рукой. — Я обычно терплю поражение в этой борьбе.

Палли, однако, справился без особого труда и вскоре уже умело кружил удивлённую, смеющуюся девушку по залу. Он даже протанцевал круг с Исель. Обе леди, похоже, были очень рады встретить его снова. В перерывах между танцами он успел приветствовать четверых или пятерых знакомых лордов, пока наконец к нему не подошёл паж и не прошептал что-то на ухо. Палли откланялся и удалился, чтобы присоединиться к лорду-дедикату ди Джеррину, покидавшему Зангр.

Кэсерил очень надеялся, что новый генерал лорд Дондо ди Джиронал будет рад и признателен, избавившись от нечестного казначея. Он надеялся на это всем сердцем.

Глава 9

Весь следующий день Кэсерил улыбался в предвкушении визита Палли. Бетрис и Исель тоже радовались приезду молодого человека в Кардегосс и то и дело упоминали его в своих разговорах, что слегка встревожило Кэсерила.

Ну а что? Палли имел землю, деньги, приятную внешность, был обаятельным, надёжным и ответственным человеком. Они с Бетрис составили бы прекрасную пару. Тем не менее Кэсерил невольно пытался устроить всё так, чтобы пообщаться с другом без своих подопечных.

Однако, к разочарованию Кэсерила, вечером Палли при дворе не появился — ни он, ни ди Джеррин. По-видимому, какой-то случай в совете или на заседании одного из комитетов ордена оказался столь запутанным, что они не уложились в запланированное время и вынуждены были задержаться. Если же причиной задержки послужило дело казначея, то пребывание Палли в Кардегоссе, возможно, продлится больше, чем тот рассчитывал первоначально.

Кэсерил увидел Палли только на следующее

утро, когда тот внезапно появился в его кабинете — одной из комнат, занимаемых Исель и её свитой. Кэсерил удивлённо поднял на друга глаза, оторвавшись от записей в бухгалтерской книге. На Палли был дорожный костюм: тёплая туника, высокие сапоги и короткий плащ для верховой езды.

— Палли! Садись… — Кэсерил жестом предложил ему стул.

Палли пододвинул стул к столу и, усевшись напротив Кэсерила, тяжело вздохнул.

— Я только на минутку, дружище. Не могу уехать, не попрощавшись с тобой. Ди Джеррин и весь наш отряд во главе со мной должны покинуть Кардегосс до полудня под страхом отлучения от святого ордена. — Его улыбка была натянутой, челюсти сжаты.

— Что? Что случилось? — Кэсерил выронил перо и отодвинул бумаги в сторону.

Палли провёл рукой по тёмной шевелюре и покачал головой, словно сам не верил происходящему.

— Не могу спокойно говорить об этом. Мне кажется, я просто взорвусь! Всё, что я сумел вчера вечером, — это удержаться и не вытащить меч, чтобы выпустить кишки мерзкому сукиному

сыну. Кэс, они уничтожили дело ди Джеррина! Конфисковали все доказательства, разогнали всех свидетелей, даже не выслушав их показания! Невероятно! Они освободили этого лживого скользкого червяка, казначея, из-под ареста!

— Да кто они?

— Наш священный генерал Дондо ди Джиронал и его… его… ставленники из совета, трусливые шавки, подпевалы — пусть богиня ослепит меня, если мне раньше доводилось видеть такую свору тявкающих дворняжек! О несчастье на её чистые цвета! — Палли стукнул кулаком по колену и крепко выругался вполголоса. — Мы все знали, что в резиденции ордена в Кардегоссе что-то не так. Нам следовало просить рея отправить старого генерала в почётную отставку — он выглядел слишком слабым и больным, чтобы тащить на себе этот воз, — но ни у кого не хватало решительности на такой шаг. Мы думали, что новый генерал, молодой энергичный человек, сможет твёрдой рукой легко навести порядок. Но это… это хуже, чем просто пренебрежение обязанностями. Это активный саботаж! Они отмыли казначея и отослали ди Джеррина… даже не взглянув толком на доказательства — о богиня, а ведь ими было набито два сундука! Бьюсь об заклад, решение

было принято ещё до собрания.

Кэсерил не слышал, чтобы Палли сыпал проклятиями, с тех самых пор, когда упитанный курьер доставил изголодавшемуся, измученному гарнизону Готоргета известие о продаже крепости рокнарцам. Он откинулся на спинку кресла и потянул себя за короткую бороду. Палли продолжал:

— Я подозреваю, нет — уверен, что лорду Дондо хорошо заплатили за такой исход дела. Если только он — не хозяин казначея. А два сундука доказательств теперь пожирает огонь на алтаре нашей леди. Кэс! Наш новый генерал использует святой орден как собственную дойную корову. Один служитель вчера, содрогаясь, рассказал мне, что шесть отрядов Дочери — в качестве хорошо оплаченной услуги — были отправлены им в помощь наследнику в Южную Ибру. Это не в нашей компетенции, не в компетенции ордена! Это хуже, чем красть деньги, — это красть кровь и жизнь!

Раздалось приглушённое «ах!». Оба мужчины резко обернулись в сторону двери, ведущей в покои Исель. Там стояла леди Бетрис, опёршись рукой о косяк, из-за её плеча выглядывала принцесса Исель. Глаза у обеих леди были круглыми

от изумления.

Палли открыл рот и закрыл его снова, затем судорожно сглотнул, вскочил на ноги и поклонился.

— Принцесса. Леди Бетрис. К сожалению, я вынужден вас покинуть. Я возвращаюсь в Паллиар.

— Нам будет не хватать вашего общества, — искренне опечалилась принцесса.

Палли повернулся к Кэсерилу.

— Кэс… — он виновато кивнул, — мне жаль, что я не поверил тебе, когда ты говорил о Джироналах. Нет у тебя никакой мании преследования, ты был прав во всём.

Кэсерил непонимающе заморгал.

— Я думал, ты поверил мне…

— Старый ди Джеррин столь же осторожен, как и ты. Он с самого начала предполагал такое развитие событий. Я спросил его, зачем нам нужен такой большой отряд, чтобы идти в Кардегосс. Знаешь, что он ответил? Он прошептал: «Чтобы выйти из Кардегосса, мой мальчик». Тогда я не понял его шутки и не понимал до сих пор, — Палли горько усмехнулся.

— Вы… вы ещё вернётесь сюда? — спросила Бетрис срывающимся голосом и прижала пальцы к губам.

— Клянусь богиней, — Палли поочерёдно коснулся рукой лба, губ, солнечного сплетения и пупка, затем прижал ладонь с растопыренными пальцами к сердцу в священном кинтарианском жесте, — я вернусь в Кардегосс только на похороны Дондо ди Джиронала. Леди, — он ещё раз поклонился, — Кэс… — схватил за руки Кэсерила и, наклонившись, поцеловал его ладони. Кэсерил ответил ему тем же. — Счастливо оставаться.

Палли развернулся и быстро вышел из комнаты.

Оставшимся показалось, что вышел не один человек, а сразу четверо, так пусто стало без него в кабинете. Бетрис и Исель вошли; первая замешкалась у двери, привстав на цыпочки и глядя, как исчезает за углом его развевающийся белый плащ.

Кэсерил снова взял в руки перо и начал нервно теребить пальцами остро заточенный кончик.

— Ну, как много вам удалось услышать?

Бетрис посмотрела на Исель и ответила:

— Думаю, всё. Он не слишком старался понизить голос.

Она отошла от двери и приблизилась к столу. Лицо её было встревоженным.

Необходимо предостеречь невольно подслу-

шавших их беседу девушек, решил Кэсерил.

— Это дело закрытого заседания совета священного военного ордена. Палли не должен был говорить об этом вне резиденции Дочери.

Исель возразила:

— Но ведь он — лорд-дедикат, член этого совета. Разве у него нет права — обязанности! — говорить об этом, как у любого из них?

— Да, но… увлёкшись, он неосторожно выдвинул против своего генерала серьёзные обвинения, для доказательства которых у него нет… соответствующей власти.

Исель резко взглянула на него.

— Вы верите ему?

— Моя вера — не доказательство, она не считается.

— Но если это правда — тогда совершено преступление, даже хуже, чем преступление. Безжалостное попрание доверия не только рея и самой богини, но и тех, кто поклялся служить и подчиняться им.

«Она видит следствия с обеих сторон! Отлично!»

— Нет, погодите-ка, не так.

— Мы не видели доказательств. Может, совет решил, что они не стоят доверия. Мы не можем

этого знать.

— Если мы не видели доказательств, которые видел марч ди Паллиар, мы можем судить о тех людях и делать выводы, опираясь на полученную от него информацию?

— Нет, — отрезал Кэсерил. — Даже обычный лжец может иногда сказать правду, а честный человек при определённых обстоятельствах бывает вынужден солгать.

Бетрис уставилась на него и после короткой паузы спросила:

— Вы думаете, ваш друг солгал?

— Поскольку он мой друг — нет, конечно же, нет, но… его могли ввести в заблуждение.

— Всё так запутано, — в отчаянии проговорила Исель. — Пойду помолюсь богине, чтобы она помогла нам разобраться и указала путь.

Кэсерил, вспомнив, что произошло, когда она в последний раз советовалась с леди Весны, твёрдо сказал:

— Не нужно просить никакого совета, принцесса. Вы можете непреднамеренно выдать чужой секрет. У вас есть простая обязанность сохранить в тайне всё здесь услышанное. Не выдать ни словом, ни делом.

— Но если это правда, это *важно!* Очень важно,

лорд Кэс!

— Тем не менее нравится вам это или нет, но у нас нет никаких доказательств.

Исель задумчиво нахмурилась.

— По правде говоря, мне никогда не нравился лорд Дондо. Что-то с ним не так. Он странно пахнет, и руки у него всегда такие потные и горячие.

Бетрис добавила с гримасой отвращения:

— Да, и он всё время лапает ими, ф-фу!

Перо сломалось в сжавшемся кулаке Кэсерила. Несколько чернильных капель брызнули на рукав. Заметив это, он отложил обломки в сторону.

— Да? — выдавил он, как ему показалось, безразлично-нейтральным тоном. — Когда это?

— О, да всё время! На танцах, во время обеда, в коридорах. То есть я хочу сказать, здесь многие кавалеры флиртуют, некоторые довольно откровенно, но он… он давит. При дворе полно дам более подходящего для него возраста. Почему он не пробует свои чары на них?

Кэсерил еле удержался от вопроса, кажутся ли ей тридцать пять лет такой же дремучей старостью, как и сорок, но прикусил язык и сказал вместо этого:

— Ему нужно упрочить своё влияние на принца

Тейдеса. Поэтому он пытается обрести расположение его сестры — непосредственно или через её подругу.

Бетрис облегчённо вздохнула.

— Ох, вы думаете, это так? Я чуть с ума не сошла от мысли, что он мог действительно влюбиться в меня. Но если он просто пытается использовать меня ради достижения своей цели, то всё в порядке.

Кэсерил ещё размышлял над её словами, когда Исель сказала:

— Он очень странно представляет себе мой характер, если полагает завоевать мою благосклонность, соблазнив мою подругу. И вообще, мне кажется, не следует позволять ему оказывать влияние на Тейдеса. Я хочу сказать, *такое* влияние… будь оно положительным, разве мы не видели бы уже положительных результатов? Нам нужно, чтобы Тейдес вырос сильным, крепким, с твёрдым характером, упорно учился и расширял свой кругозор.

Кэсерил снова прикусил язык, едва удержавшись от замечания, что Тейдес, общаясь с Дондо, расширит свой кругозор. В некотором смысле. И в определённом направлении.

Исель продолжала, всё больше вдохновляясь:

— Разве не следует Тейдесу изучать основы управления государством? Наблюдая для этого за работой канцелярии, присутствуя на собраниях, слушая послов? А если не управления государством, то хотя бы ведения военных кампаний? Охота — это, конечно, хорошо, но разве не следует ему изучать военные науки, стратегию? Его духовный рацион, похоже, состоит только из сладостей и совершенно не предполагает мяса. Что за рея можно вырастить таким способом?

«Возможно, такого, как Орико, — слабого и болезненного, который не составит конкуренции канцлеру ди Джироналу в борьбе за власть в Шалионе».

Но вслух Кэсерил сказал только:

— Не знаю, принцесса.

— Вот и я не знаю. Откуда мне знать? — Она взволнованно прошлась по комнате. — Мама и бабушка наверняка хотели бы, чтобы я приглядывала за ним. Кэсерил, вы можете выяснить хотя бы, правда ли то, что солдат Дочери отправили к наследнику Ибры? Это не может быть такой уж великой тайной.

Тут она была права. Кэсерил проглотил откуда-то возникший в горле комок.

— Я попытаюсь, миледи. Но если это правда, что

тогда? Дондо ди Джиронал — это сила, с которой следует считаться, которую крайне опасно недооценивать и к которой необходимо относиться с величайшей осторожностью.

Исель пристально посмотрела ему в глаза.

— И не важно, насколько эта сила коррумпирована?

— Чем более коррумпирована, тем более опасна.

Исель вздёрнула подбородок.

— Тогда скажите мне, кастиллар, насколько опасен, по-вашему, Дондо ди Джиронал?

Кэсерил молчал.

«Может, так и сказать: „Дондо ди Джиронал после своего брата — опаснейший в Шалионе человек“?»

Вместо этого он взял новое перо из глиняного стаканчика и начал сосредоточенно затачивать его кончик перочинным ножом. Наконец он проронил:

— Мне не нравятся его потные руки.

Исель фыркнула. От дальнейших расспросов Кэсерила неожиданно спас голос Нан ди Врит. Та звала девушек заняться жизненно важным делом — нанизыванием жемчужных бусинок. И обе юные леди вынуждены были удалиться.

Холодным днём, когда сезон охоты уже миновал, принцесса Исель решила растратить избыток сил, отправившись на прогулку верхом. Она собрала свою немногочисленную свиту и поскакала в дубовую рощу неподалёку от Кардегосса. Следом за серой кобылой принцессы следовали лёгким галопом пара грумов и Кэсерил, бок о бок с леди Бетрис. Кэсерил наслаждался прохладным осенним воздухом, насыщенным запахом опадающих золотых листьев, когда его насторожил приближавшийся сзади топот копыт. Он обернулся через плечо, и под ложечкой у него томительно засосало: их настигал отряд облачённых в маски людей. Всадники испустили воинственный клич. Кэсерил уже почти вытащил меч, когда узнал лошадей и сбрую — те принадлежали молодым придворным Зангра. Мужчины были одеты в живописные лохмотья, а свои оголённые руки и ноги для пущей убедительности тщательно измазали сапожной ваксой.

Кэсерил облегчённо вздохнул и пригнулся к седлу, переводя дух и пытаясь успокоить колотящееся сердце. Они всё же должны были предупредить его заранее. Скалящаяся и хохочущая «шайка» «захватила» принцессу и леди Бетрис и, связав своих пленников, включая и

Кэсерила, длинными шёлковыми лентами, отправилась в сторону «разбойничьего лагеря». Весело смеющийся лорд ди Ринал подъехал к Кэсерилу и в шутку взмахнул мечом, словно собираясь перерезать ему горло. В настоящем бою под этот взмах мог бы угодить подъехавший с другой стороны паж, а меч Кэсерила уже успел бы выпустить кишки ещё одному, маячившему сзади «бандиту». И всё это произошло бы задолго до того, как его попытались бы опутать верёвками. Ну а сейчас все шутили и пересмеивались.

Компания въехала в «разбойничий лагерь» — то была большая поляна, по которой сновали туда-сюда многочисленные слуги из Зангра, также одетые в тщательно разорванные лохмотья, дымились костры и жарилось мясо. Некоторые развлекались, перепрыгивая через огонь. «Разбойницы», «воровки» и довольно привлекательные, аппетитные «нищенки» приветствовали криками возвращающихся с добычей «похитителей». Исель расхохоталась, когда атаман ди Ринал отсёк небольшой локон её густых вьющихся волос и грозно потребовал за него выкуп. Веселье было в самом разгаре, когда на поляну влетел отряд «освободителей» в бело-синих одеждах Дочери во главе с Дондо ди Джироналом.

Разыгралась сцена сражения. Впечатление, однако, было подпорчено несколькими не слишком приятными моментами: в частности, обливанием «раненых» свиной кровью, предварительно набранной в пузыри. Битва закончилась, когда все разбойники были «мертвы» и лежали на земле, основательно залитые содержимым пузырей, а локон принцессы оказался в руках Дондо. Затем придворный, одетый в наряд настоятеля Брата, окропил «покойников» вином и явил чудо воскрешения, и вся компания разместилась на расстеленных на поляне коврах для весёлой трапезы. Кэсерил разделял ковёр с Исель, леди Бетрис и лордом Дондо. Он сидел, скрестив ноги, и жевал оленину с хлебом, наблюдая, как Дондо пытается развлечь принцессу тяжеловесными и недалёкими шутками. Дондо просил Исель наградить его за доблесть локоном в обмен — тут он щёлкнул пальцами, и к нему подбежал паж с красивым кожаным футляром — на пару черепаховых гребней, отделанных драгоценными камнями.

— Сокровище за сокровище, и мы квиты, — заявил Дондо, пряча завиток её волос во внутренний карман у сердца.

— Какой жестокий подарок, — парировала

принцесса, — вы даёте мне эти чудесные гребни, не оставив волос, которые я могла бы ими закалывать. — Она повертела в руках сверкающие изящные вещицы.

— О, вы сможете отрастить себе новые локоны, принцесса!

— А вы сможете вырастить новые сокровища?

— Уверяю вас, для меня это так же легко, как для вас отрастить волосы, — и он пододвинулся к ней поближе и опёрся на локоть, чуть не положив голову к ней на колени.

Улыбка Исель стала холоднее.

— Так, значит, ваша новая должность настолько прибыльна, священный генерал?

— Безусловно.

— Тогда, полагаю, в сегодняшнем представлении вам следовало играть роль атамана.

Дондо слегка нахмурился.

— Если бы мир был устроен иначе, как бы я, по-вашему, смог покупать столько жемчуга, чтобы доставить удовольствие прекрасным дамам?

Щёки Исель покраснели, и она опустила глаза. Дондо торжествующе ухмыльнулся. Кэсерил, стиснув зубы, потянулся за серебряной фляжкой с вином с намерением пролить как бы случайно его содержимое на принцессу. Увы, фляжка ока-

залась пустой. Но, к его облегчению, Исель взяла хлеб и мясо и приступила к еде. Кэсерил заметил, что она отодвинула свои юбки подальше от Дондо, когда устраивалась поудобнее.

С низин уже надвигался вечерний холод и сумрак, когда насытившаяся компания неторопливо двинулась в сторону замка. Исель придержала лошадь и поехала рядом с Кэсерилом.

— Кастиллар, вы уже узнали что-нибудь касательно тех отрядов Дочери, что были посланы в Южную Ибру?

— Один-два человека подтвердили эту информацию, но считать её достоверной я пока ещё не могу. — На самом деле информация была достаточно достоверной, однако Кэсерилу казалось верхом неосторожности сказать об этом Исель прямо сейчас.

Молчаливо нахмурившись, она пришпорила коня и догнала Бетрис.

Этим вечером ужин обошёлся без танцев, и утомлённые кавалеры и дамы рано разбрелись по комнатам — кто спать, а кто посвятить вечер развлечениям в очень узком кругу. Направляясь к себе, Кэсерил увидел, что к нему приближается лорд Дондо.

— Прогуляйтесь со мной немного, кастиллар.

Полагаю, нам нужно поговорить.

Кэсерил с деланным безразличием пожал плечами и последовал за ним, стараясь не обращать внимания на двух верзил, державшихся в нескольких шагах позади. Они вышли из здания и очутились в узкой части крепости, в маленьком внутреннем дворике неправильной формы, выходившем к месту слияния двух рукавов реки. По сигналу Дондо два его приспешника прислонились со скучающим видом к каменной стене.

Кэсерил мысленно прикинул свои шансы. Хоть он и долго болел, месяцы работы на вёслах сделали его жилистые руки куда более сильными, чем это могло показаться со стороны. Дондо, безусловно, отлично натренирован. Его помощники — молодые и крепкие парни. Немного пьяные, но молодые. При соотношении три к одному им, возможно, даже не потребуется вынимать мечи. Бедняга-секретарь, перебрав за ужином, прогуливался по крепостной стене и, поскользнувшись в темноте, упал с трёхсотфутовой скалы в воду; его разбившееся тело, обвитое одинокой водорослью, завтра обнаружат выброшенным на берег ниже по течению. Какой печальный конец.

В настенных держателях горели несколько факелов, бросая оранжевые отблески на камни

мостовой. Дондо приглашающим жестом указал на вырезанную из гранита скамью у внешней стены. Камень ожёг холодом ноги Кэсерила, когда он уселся на гранит, а по шее скользнул студёный ночной ветерок, чуть не заставив его поёжиться. Дондо с тихим вздохом уселся рядом и машинально откинул полу плаща, освободив рукоять меча.

— Итак, Кэсерил, — начал он, — я вижу, вы пользуетесь доверием и авторитетом у принцессы Исель.

— Должность её секретаря это предполагает. А должность её наставника предполагает в ещё большей степени. Я очень серьёзно отношусь к своей работе.

— Это неудивительно — вы ко всему относитесь очень серьёзно. Слишком много положительных качеств, сосредоточенных в одном человеке, могут подвести его, знаете ли.

Кэсерил пожал плечами. Дондо уселся поудобнее, вытянув ноги и скрестив их в щиколотках, словно приготовившись к долгой доверительной беседе.

— Что касается принцессы, — он махнул рукой в сторону жилых помещений замка, — мне кажется, девушке её возраста уже пора интересоваться мужчинами, однако я нахожу её странно холод-

ной. Подобные ей кобылки прямо-таки созданы для любви — у неё прекрасные, столь притягательные для мужчин широкие бёдра. — Дондо сделал недвусмысленный жест руками. — Надо надеяться, она не получила по наследству тех… гм… странностей, коим подвержена её бедная мать.

Кэсерил решил не развивать эту тему и ограничился лишь неопределённым хмыканьем.

— Надо надеяться. Хотя, может, дело вовсе не в этом? Может, кто-то чересчур серьёзный настраивает её против меня?

— Двор полон сплетен. И сплетников.

— Конечно. Да, кстати, Кэсерил, а как вы говорите с принцессой обо мне?

— С осторожностью.

Дондо откинулся назад и скрестил на груди руки.

— Хорошо. Это хорошо. — Он немного помолчал. — Однако я, пожалуй, предпочёл бы, чтобы вы говорили обо мне с теплотой. Да, с теплотой… так было бы гораздо лучше.

Кэсерил облизнул пересохшие губы.

— Исель — очень умная и чувствительная девушка. Она чрезвычайно тонко чувствует фальшь. Лучше оставить всё как есть.

Дондо хмыкнул.

— Ага! Вот оно! Я так и думал, что вы всё ещё точите на меня зуб после той дьявольской дурацкой шутки безумного Олуса.

Кэсерил покачал головой.

— Нет. Всё забыто, милорд. — Близость Дондо, его странный, особенный запах вызвали в памяти Кэсерила чувство отчаяния, лязг металла о металл и последовавший за этим тяжёлый удар по шее… — Это было так давно.

— Ох, до чего же мне нравятся люди с короткой памятью! Хотя… мне кажется, что вы всё-таки относитесь ко мне холодно. Полагаю, вы так же бедны, как и раньше? Некоторые люди, сколько бы ни старались, не могут научиться выживать в этом мире. — С этими словами Дондо принялся с усилием стаскивать кольцо с толстого влажного пальца. Это было тонкое золотое колечко, украшенное крупным, красиво огранённым зелёным камнем. Джиронал протянул подарок Кэсерилу. — Пусть это согреет ваше сердце. И язык.

Кэсерил не шевельнулся.

— Всё, что мне нужно, я получаю от принцессы, милорд.

— Ах, конечно. — Чёрные брови Дондо сошлись у переносицы, глаза сверкнули из-под прищу-

ренных век. — Ваше положение, должно быть, предоставляет вам достаточно возможностей набить карман.

Кэсерил стиснул зубы, пытаясь подавить рвущуюся наружу ярость.

— Если вы отказываетесь верить в мою честность, милорд, то можете принять во внимание будущее принцессы Исель и поверить в то, что разум, которым одарили меня боги, всё ещё при мне. Сегодня у неё небольшие владения, а завтра это может быть целая провинция или даже королевство.

— Ах вот как! Неужели? — и Дондо как-то странно оскалился, а потом громко рассмеялся. — О бедняга Кэсерил! Когда человек отказывается от синицы в руке ради журавля в небе, он может в конечном счёте остаться вообще без ничего. И это умно, по-вашему? — и он положил кольцо на скамью между ними.

Кэсерил развёл руками и, покачав головой, положил их обратно на колени, давая понять, что отказывается от подарка.

— Приберегите свои сокровища, милорд, чтобы купить себе кого подешевле. Уверен, у вас уже есть кто-нибудь на примете.

Дондо забрал кольцо, хмуро поглядывая на

Кэсерила.

— Вы ничуть не изменились. Такой же щепетильный ханжа, как и раньше. Вы очень похожи на этого дурака ди Санду. Хотя чему удивляться — вас наняла одна и та же старуха из Валенды. — Он встал и направился через двор ко входу в замок, на ходу натягивая кольцо обратно на палец. Двое молодцев с любопытством зыркнули на Кэсерила и последовали за хозяином.

Кэсерил, вздохнув, подумал, не купил ли он одно мгновение торжества слишком дорогой ценой. Может, было бы мудрее принять взятку, успокоив этим лорда Дондо. Пусть бы пребывал себе в счастливой уверенности, что ему удалось купить очередного жадного, легко управляемого глупца. Ощутив неимоверную усталость, он поднялся на ноги и побрёл к себе. Когда Кэсерил наконец добрался до спальни и вставил ключ в замочную скважину, мимо, отчаянно зевая, прошёл ди Санда. Они приветствовали друг друга довольно дружелюбно.

— Погодите минутку, ди Санда.

Ди Санда обернулся, удивлённо глядя через плечо.

— Да, кастиллар?

— Вы ведь хорошо запираете свою дверь и всё

время носите ключ с собой?

Брови секретаря принца поползли вверх, и он повернулся лицом к Кэсерилу.

— У меня есть сундук с надёжным замком, в котором я храню все ценные вещи.

— Этого мало. Необходимо запирать дверь.

— Даже если там нечего взять? У меня не так много собственности, которую…

— Нет, не в том дело. Туда, где нечего красть, могут что-нибудь подложить.

Рот ди Санды приоткрылся; мгновение он стоял, не сводя с Кэсерила расширенных глаз.

— Ох, — наконец выдохнул он. И медленно кивнул — почти поклонился — своему коллеге. — Благодарю вас, кастиллар. Я не подумал об этом.

Кэсерил кивнул в ответ и вошёл в спальню.

Глава 10

Кэсерил сидел у себя в спальне при свете свечей с томиком браджарской поэзии — романом в стихах под названием «Легенда зелёного дерева» — и вздыхал от удовольствия.

Библиотека Зангра была знаменита во времена Фонсы Мудрого, но в дальнейшем ни её пополнению, ни уже имевшимся в ней сокровищам не уделялось должного внимания — эта покрытая слоем пыли книга не покидала своей полки с тех самых пор, как на престол вступил рей Иас. Какая роскошь — при достаточном количестве свечей, поздней ночью наслаждаться радующими сердце изысканными рифмами несравненного Бихара! И лёгкое чувство вины — затраты на хорошие восковые свечи в хозяйстве Исель несколько возрастут. Строки молниями пронзали разум и эхом отражались в душе. Кэсерил послюнил палец и перевернул страницу.

Однако не только стансы Бихара порождали эхо и грозовые эффекты. Кэсерил поднял глаза, когда с верхнего этажа до него донеслись приглушённые топот, сдавленный смех, голоса и ещё

какие-то непонятные звуки, проникавшие через толстый потолок. Ну, слава богам, за временем отхода ко сну в покоях принцессы следила Нан ди Врит. Он снова углубился в символы и иносказания поэтической теологии, не обращая внимания на шум, и читал до тех пор, пока до слуха его не долетел пронзительный поросячий визг.

Даже великий Бихар не мог соперничать с такой загадкой. Губы Кэсерила недоумённо скривились, он бережно отложил книгу, встал с кровати — по счастью, он ещё не раздевался, — быстро обулся и со свечой в руке направился в коридор. На лестнице он столкнулся с поспешно спускавшимся Дондо ди Джироналом. Дондо был одет в обычный наряд — синюю шёлковую тунику и шерстяные штаны, только белый плащ свой он держал в руках, равно как и меч в ножнах и пояс. Лицо его пылало. Кэсерил открыл было рот, чтобы вежливо приветствовать священного генерала, но слова под свирепым взглядом ди Джиронала застыли на губах. Дондо пронёсся мимо, не проронив ни звука.

Кэсерил поднялся на этаж Исель и обнаружил свет в коридоре и множество собравшихся там людей. Кроме Нан ди Врит, Исель и Бетрис, присутствовал ещё лорд ди Ринал, один из его

друзей, какая-то дама и сьер ди Санда. Все весело хохотали, сбившись в кучу вокруг чего-то, чего Кэсерилу не было видно. И разбежались в стороны, когда из середины вдруг выскочили Тейдес и паж, пытаясь догнать вывернувшуюся из рук свинью, увешанную лентами и украшениями. Паж настиг её у самых ног Кэсерила, Тейдес триумфально гикнул.

— В мешок, в мешок! — призвал ди Санда.

Он и леди Бетрис подошли к Тейдесу и пажу, державшим свинью, которая корчилась и визжала не умолкая, и помогли запихнуть её в большой холщовый мешок, куда она совсем не хотела лезть. Бетрис наклонилась, чтобы напоследок почесать свинку за ушами.

— Примите мою глубокую благодарность, леди Хрюшка. Вы великолепно справились со своей ролью! Вы несравненны! Но теперь вам пора домой.

Паж взвалил тяжёлый мешок на плечо, отсалютовал компании и, ухмыляясь, поспешил прочь.

— Что здесь происходит? — потребовал объяснений Кэсерил, разрываясь между чувством тревоги и желанием рассмеяться.

— О! Это была замечательная шутка! Вам надо было видеть лицо лорда Дондо!

Как раз это лицо Кэсерил успел хорошо рассмотреть, и зрелище ничуть его не вдохновило. В животе стало странно пусто и холодно.

— Что вы сделали?

Исель пожала плечами.

— Ни мои намёки, ни прямые и понятные объяснения леди Бетрис не смогли заставить лорда Дондо отказаться от намерений затащить её в постель и нисколько не убедили его в том, что к нему не питают горячей привязанности. Тогда мы решили подать ему знак, что Бетрис якобы готова одарить его столь желанной для него любовью. Тейдес помог нам добыть в свинарнике главную героиню спектакля. И когда лорд Дондо под покровом ночи на цыпочках прокрался к постели Бетрис, в которой, как он был уверен, его ожидает трепещущая девственница, он обнаружил там леди Хрюшку!

— Ох, вы оскорбляете бедное животное, принцесса! — воскликнул лорд ди Ринал. — Ведь она, возможно, тоже девственница!

— Я уверена, что так и есть. Иначе с чего бы ей так визжать? — со смехом вступила в разговор державшаяся за его руку дама.

— Жаль только, — ядовито подметил ди Санда, — что она оказалась не во вкусе лорда Дондо!

Признаюсь, я удивлён. По моим сведениям, этот человек готов лечь в постель с кем угодно, — и он искоса взглянул на хохочущего Тейдеса, чтобы проверить, какой эффект произвели на мальчика его слова.

— И это после того, как мы извели на неё полфлакона моих любимых дартаканских духов, — преувеличенно тяжело вздохнула Бетрис. В глазах её сверкало веселье, а в голосе слышалось явное удовлетворение.

— Вы должны были рассказать мне… — начал было Кэсерил и запнулся. Рассказать о чём? Об этой затее? Но ведь ясно же, что он её не одобрил бы. О том, что Дондо продолжал *давить?* Но чтобы сказать ему об этом, девушкам пришлось бы переступить через свою скромность. Кэсерил с такой силой сжал кулаки, что ногти врезались в ладони. Да и что бы он смог сделать, спрашивается? Обратиться к Орико или рейне Саре? Тщетно…

Лорд ди Ринал, улыбнувшись, сказал:

— Это будет лучшая история во всём Кардегоссе за последнюю неделю — ещё бы, ведь у неё такой очаровательный хвостик колечком. Я имею в виду героиню. Над лордом Дондо уже давно никто не подшучивал, и, мне кажется, он заждался своей

очереди. Ох, я до сих пор слышу визг и хрюканье! Бедняга долго ещё не сможет спокойно видеть свинину на столе — ему всё будут мерещиться эти звуки. Принцесса, леди Бетрис, — он низко поклонился, — я благодарю вас от всего сердца.

Двое придворных и дама удалились, наверняка собираясь поделиться новостью со всеми друзьями, которые ещё не успели лечь спать.

Кэсерил, сдержав упрёки, уже готовые сорваться с губ, наконец выдавил:

— Принцесса, это было не слишком мудро.

Исель непонимающе нахмурилась.

— Мужчина в одеждах генерала леди Весны ворует у женщин священное для богини достояние — девственность, так же как он ворует… ладно, вы сказали, пока нет доказательств, что ещё он ворует. А вот у нас было достаточно доказательств, клянусь богиней! Может, хоть это отучит его воровать в моих владениях! Зангр всё же считается двором рея, а не борделем.

— Не переживайте, Кэсерил! — вступился за девушек ди Санда. — В конце концов, Дондо не осмелится отыграться ни на принце, ни на принцессе! — Он оглянулся, ища взглядом Тейдеса. Тот отошёл, подбирая с пола разбросанные свиньёй в попытке бегства ленты. Воспитатель

понизил голос и добавил: — Кроме того, Тейдесу было полезно увидеть своего… э-э… героя в таком нелестном свете. Когда любвеобильный лорд Дондо, поддерживая штаны, опрометью выскочил из спальни леди Бетрис, он обнаружил в коридоре поджидавших его появления свидетелей. Леди Хрюшка чуть не свалила его на пол, пытаясь проскочить между ног. Он выглядел совершенно по-дурацки. Это лучший урок из всех, какие мог бы получить Тейдес за то время, что мы живём здесь. Может быть, нам удастся отыграть немного потерянных ранее в этой войне земель?

— Молюсь, чтобы вы были правы, — осторожно ответил Кэсерил. Он не стал высказывать вслух свою мысль о том, что принц и принцесса — единственные, кому Дондо не осмелится отомстить.

Однако в следующие несколько дней никакой мести за шутку не последовало. Лорд Дондо встречал взгляды и намёки со стороны ди Ринала и его друзей с холодной улыбкой, но не более того. Кэсерил с содроганием спускался к каждой трапезе, ожидая, что к столу принцессы вот-вот будет подана жареная свинина, украшенная ленточками, но этого так и не произошло. Бетрис была спокойна и уверена в себе. Кэсерил — нет. Лорд Дондо уже успел доказать ему, что умеет,

несмотря на свой горячий темперамент, выжидать сколь угодно долго — пока не представится подходящий случай.

К вящей радости и успокоению Кэсерила похрюкивание в коридорах замка прекратилось примерно через две недели после происшествия — хватало и других поводов для шуток и сплетен. Кэсерил начал надеяться, что лорду Дондо всё же пришлось скрепя сердце проглотить столь публично прописанное и влитое ему в рот лекарство, не отплёвываясь. Возможно, его старший брат, канцлер ди Джиронал, значительно более дальновидный, чем основная масса придворных Зангра, подавил желание младшего отомстить каким-либо неподобающим образом. Из внешнего мира поступало огромное количество важных известий: тут и обострение гражданской войны в Ибре, и разбойники в провинциях, и гораздо более раннее, чем обычно, наступление холодов.

Из-за всех этих новостей Кэсерил начал прикидывать, как удобнее перевозить имущество принцессы на случай, если двор решит переехать к месту обычной зимовки, не дожидаясь празднования Дня Отца. Он сидел в своём кабинете, подсчитывая количество мулов и лошадей, когда в дверях появился один из пажей Орико.

— Милорд ди Кэсерил, рей просит, чтобы вы прибыли к нему в башню Иаса.

Кэсерил удивлённо поднял брови, отложил перо и последовал за мальчиком, пытаясь угадать, зачем он мог понадобиться рею на этот раз. За Орико порой замечались некоторые странности и причуды. Дважды он просил Кэсерила сопровождать его в зверинец, где давал поручения, с которыми мог справиться любой из его пажей и грумов, — подержать на цепи зверя, перестелить солому в клетке, поднести корм. Хотя нет — рей также задавал иногда бессвязные вопросы о том, как дела у его сестры Исель, правда, ответ выслушивал не всегда, то и дело отвлекаясь и витая мыслями неведомо где. Тем не менее Кэсерилу удалось рассказать ему о страхе и нежелании Исель быть проданной на архипелаг какому-нибудь рокнарскому принцу; он очень надеялся, что слух рея уловил сказанное, несмотря на сонное и рассеянное выражение лица.

Паж привёл его в длинную комнату на втором этаже башни Иаса, которую, когда двор размещался в Зангре, ди Джиронал использовал в качестве канцелярии. Стены её были увешаны полками, заставленными книгами, папками, бумагами; в углу высилась куча седельных сумок

для курьеров рея — эти сумки запечатывались сургучом. Два стражника, судя по всему, поджидавших их, проследовали за пажом и Кэсерилом внутрь комнаты и вытянулись у дверей. Кэсерил чувствовал на себе их взгляды.

Рей Орико сидел рядом с канцлером за большим, заваленным бумагами столом. Орико выглядел утомлённым. Ди Джиронал — напряжённый и энергичный — сегодня был одет в свою обычную одежду, в которой приходил во дворец; о государственной службе его говорила лишь цепь канцлера на шее. Придворный, в котором Кэсерил узнал ди Марока — он занимался поддержанием в порядке оружия, доспехов и гардероба рея, — стоял по другую сторону стола. Приведший Кэсерила паж провозгласил:

— Кастиллар ди Кэсерил, сир, — затем, бросив взгляд на другого пажа, отступил к дальней стене.

Кэсерил поклонился.

— Сир, милорд канцлер?

Ди Джиронал сжал в кулаке свою серо-стальную бороду, переглянулся с реем, который пожал плечами, и спокойно произнёс:

— Кастиллар, окажите нам любезность, снимите тунику и повернитесь спиной.

Слова застыли в горле колючим холодным комком. Кэсерил стиснул зубы, коротко кивнул и, одним движением стянув с себя плащ и тунику, пристроил их на согнутой руке. Затем по-военному повернулся кругом и замер. За спиной он услышал перешёптывание и юный голос, пробормотавший:

— Да, так и было. Я видел.

Он мысленно охнул. Это тот паж. Да.

Кое-как проглотив комок, Кэсерил подождал, пока краска схлынет со щёк, и снова повернулся кругом. Спросил ровным голосом:

— Это всё, сир?

Орико поёрзал в кресле и сказал:

— Кастиллар, ходят слухи… вас обвиняют… были выдвинуты обвинения, что вы понесли наказание за преступление… изнасилование… в Ибре… что вас высекли.

— Это ложь, сир. Кто меня обвиняет? — Он посмотрел на сьера ди Марока, который стал странно бледным, когда увидел спину Кэсерила. Ди Марок не находился в непосредственном подчинении у братьев Джиронал и не был, насколько знал Кэсерил, одним из прихвостней Дондо… может, его подкупили? Или просто ввели в заблуждение?

В коридоре прозвенел знакомый чистый голос:

— Я тоже увижу моего брата, и именно сейчас! У меня есть на это право!

Стражники Орико расступились, и в комнату влетела принцесса Исель в сопровождении весьма бледной леди Бетрис и сьера ди Санда. Её глаза быстро обежали собравшихся. Затем она вздёрнула подбородок и закричала:

— В чём дело, Орико? Ди Санда сказал мне, что вы арестовали моего секретаря! Даже не поставив меня в известность!

Судя по тихому проклятию, сорвавшемуся с губ канцлера, это вторжение в его планы не входило. Орико замахал полными руками:

— Нет-нет, его не арестовали! Никто не арестован. Мы собрались здесь расследовать выдвинутое против него обвинение.

— Что за обвинение?

— В очень серьёзном преступлении, принцесса, и это не для ваших ушей, — сказал ди Джиронал. — Вам следует покинуть нас.

Не обращая внимание на прозвучавшую в его голосе настойчивость, Исель придвинула кресло и сердито уселась в него, скрестив на груди руки.

— Если это серьёзное обвинение против самого доверенного моего служащего, то это очень даже

для моих ушей! В чём дело, Кэсерил?

Кэсерил слегка поклонился.

— Ходят слухи, распускаемые неизвестным лицом, что шрамы на моей спине появились вследствие понесённого наказания за совершенное мною преступление.

— Прошлой осенью, — нервно вставил ди Марок, — в Ибре.

Судя по расширенным глазам и прерывистому дыханию Бетрис, она хорошо рассмотрела грубые рубцы, покрывавшие всю спину Кэсерила. Губы сьера ди Санда были закушены.

— Могу я одеться, сир? — спокойно спросил Кэсерил.

— О да, конечно!

— Природа преступления такова, — вкрадчиво начал ди Джиронал, — что возникают самые серьёзные сомнения, может ли этот человек быть вашим доверенным служащим, да и вообще служить какой бы то ни было леди.

— Что, изнасилование? — фыркнула Исель. — Кэсерил? О боги, какая чушь! Никогда не слышала более абсурдной лжи.

— Но всё же, — не сдавался ди Джиронал, — вот следы плётки.

— Это подарок, — выдавил Кэсерил, — от над-

смотрщика с рокнарской галеры в ответ на открытое неповиновение. И было это прошлой осенью, но далеко от берегов Ибры.

— Возможно, но… сомнительно, — проговорил ди Джиронал. — Жестокость на галерах вошла в легенды, но никто не поверит, что опытный надсмотрщик может так изувечить раба, чтобы тот не сумел потом работать.

Губы Кэсерила тронула слабая улыбка.

— Я спровоцировал его.

— Каким образом, Кэсерил? — поинтересовался Орико, выпрямив спину и потерев толстый подбородок.

— Обмотав цепь, которой был прикован к веслу, вокруг его шеи и попытавшись удавить. Мне почти удалось. К сожалению, меня оттащили чуть раньше, чем требовалось.

— Святые небеса, вы что, пытались покончить с собой?

— Я… не вполне уверен. Скорее я был вне себя от ярости… ко мне посадили нового соседа по веслу — ибранского мальчика лет пятнадцати. Он сказал, что его похитили, и я поверил ему. Думаю, он был из хорошей семьи — утончённый, с правильной речью, совершенно непривычный к жестокости мира. Он страшно обгорел на солнце,

руки его, стёртые веслом, кровоточили. Испуганный, подавленный, смущённый… он сказал, что его зовут Денни, но не назвал фамилии. Надсмотрщик решил использовать его запретным для рокнарцев способом, и Денни его ударил. Я не успел удержать мальчика. Это было до безумия глупо, но мальчик не понимал… Я подумал… ну… вернее, я не очень хорошо соображал в тот момент… но подумал, что если изобью надсмотрщика, то смогу отвлечь его гнев.

— Отвлечь на себя? — прошептала Бетрис.

Кэсерил пожал плечами. Он сильно ударил надсмотрщика коленом в пах, потом намотал свою цепь ему на шею. После таких упражнений рокнарец не смог бы проявлять любвеобильность с неделю, не меньше. Но ведь неделя пройдёт быстро, и что потом?

— Это был бессмысленный жест. Был бы бессмысленным, если б не случай — на следующий день нас настигла ибранская военная флотилия и все мы были освобождены.

Приободрённый ди Санда сказал:

— Тогда у вас есть свидетели. И, похоже, немало. Мальчик, рабы с галеры, ибранские моряки… Что случилось с мальчиком в дальнейшем?

— Не знаю. Я лежал больной в приюте храма

Матери в Загосуре, и к тому моменту, когда я покинул его, все успели разъехаться.

— Какая героическая история, — сухим тоном отметил ди Джиронал, пытаясь вызвать скептицизм и недоверие слушателей и подчёркивая, что это всего лишь версия Кэсерила. Он нахмурился, мрачным взором окинул присутствующих, на мгновение задержав его на ди Санда и на поражённой Исель. — Однако, полагаю, вам следует отпроситься на месяц и съездить в Ибру, чтобы найти кого-нибудь из этих… э-э… многочисленных свидетелей. Если сможете.

Оставить своих подопечных на целый месяц без защиты? Здесь? А выживет ли он в своей поездке? Или будет убит и похоронен в каменистой земле или в лесу в двух часах езды от Кардегосса, после чего двор сочтёт, что он скрылся, потому что виновен? Бетрис прижала пальцы к побелевшим губам и устремила на канцлера яростный взгляд. По крайней мере она верила его словам, а не его спине. Он почувствовал себя увереннее.

— Нет, — сказал наконец Кэсерил. — Я не поеду. Я даю своё слово, что рассказал правду. Если у вас нет никаких иных доказательств, кроме дворцовых сплетен, я отрицаю эту ложь. Да, а кто же источник слухов? Вы проследили, откуда они

исходят? Кто обвиняет меня — вы, ди Марок? — и Кэсерил сурово посмотрел на придворного.

— Объяснитесь, ди Марок, — предложил ди Джиронал, легко поведя рукой.

Ди Марок задержал дыхание, словно собираясь нырнуть в холодную воду, и начал:

— Мне поведал обо всём один ибранский купец, торговец шёлком. Я закупаю у него ткани для гардероба рея. Он опознал в кастилларе человека, которого, по его словам, били плетьми на лобном месте Загосура, и был крайне удивлён, встретив его здесь. Он сказал, что это было грязное дело… что кастиллар изнасиловал дочь человека, принявшего его под свою крышу и давшего ему приют. Он потому так хорошо и запомнил этот случай, что был поражён низостью преступника.

Кэсерил почесал бороду.

— А вы уверены, что он не обознался и не спутал меня с другим человеком?

Ди Марок резко возразил:

— Конечно, нет — он назвал ваше имя.

Кэсерил прищурил глаза. Вероятность ошибки исключалась — это была открытая ложь, купленная и оплаченная. Но чей язык был куплен? Ди Марока или купца?

— А где теперь этот торговец? — вмешался ди

Санда.

— Повёл свой караван в Ибру, пока не выпал снег.

Кэсерил произнёс мягким голосом:

— Сразу после того, как поведал вам эту историю?

Ди Марок поколебался, словно припоминая. Выпрямил один за другим пальцы, как будто подсчитывая дни.

— Прошло около трёх недель с тех пор, как он уехал. А разговаривали мы с ним как раз перед отъездом.

«Теперь я знаю, кто лжёт».

Губы Кэсерила скривились в ухмылке, глаза были холодны. Торговец действительно существовал и действительно выехал из Кардегосса три недели назад, в этом нет сомнений. Но он уехал задолго до того, как Дондо попробовал подкупить Кэсерила изумрудом, а Дондо не изобретал обходных путей для избавления от своего врага до тех самых пор, пока не сорвалась его попытка дать взятку Кэсерилу напрямую. К сожалению, Кэсерил не мог выставить эти логические построения в свою защиту.

— У торговца шёлком не было причин лгать, — добавил ди Марок.

«А вот у тебя они есть. Только какие?»

— Вы знали об этом серьёзном обвинении более трёх недель, но только сейчас довели его до сведения своего господина? Как это странно, ди Марок.

Ди Марок наградил Кэсерила мрачным взглядом.

— Ибранец уехал, — подвёл черту Орико, — и невозможно выяснить, кто из вас говорит правду.

— Тогда, безусловно, следует отдать предпочтение милорду Кэсерилу, — выпрямившись, отчеканил ди Санда. — Вы можете не знать его, но пригласившая его на службу провинкара Баосии хорошо знает кастиллара. Он служил её покойному супругу шесть или семь лет.

— В юности, — уточнил ди Джиронал. — Люди меняются, знаете ли. Особенно среди ужасов войны. И если существуют хоть малейшие сомнения в человеке, ему не следует доверять столь высокий и, я бы сказал, — он стрельнул глазами в Бетрис, — соблазнительный пост.

Длинное и, должно быть, нецензурное восклицание Бетрис, к счастью, было перебито криком Исель:

— Что за чушь! Среди ужасов войны вы сами

вручили этому человеку ключи от крепости Готоргет, которая была якорем и опорой всего северного фронта Шалиона! Вы доверяли ему тогда, марч! И не он предал ваше доверие.

Челюсти ди Джиронала сжались, и он холодно улыбнулся, вытянув губы в тонкую линию.

— О, каким просвещённым в военном деле стал Шалион, если даже наши юные леди готовы давать нам лучшие стратегические советы.

— Вряд ли у них получится давать худшие, — вполголоса пробормотал Орико. Только странный мелькнувший в глазах канцлера блеск показал, что эти слова достигли его ушей.

Ди Санда озадаченно поинтересовался:

— А как так получилось, что кастиллара не выкупили из плена, как всех его офицеров, когда вы сдали Готоргет, ди Джиронал?

Кэсерил сжал зубы.

«Заткнись, ди Санда!»

— Рокнарцы сообщили, что он мёртв, — коротко ответил канцлер. — Полагаю, таким образом они хотели отомстить. Это пришло мне в голову, когда я узнал, что он ещё жив. Так что если купец говорил правду, у Кэсерила была возможность сбежать от рокнарцев и скрыться в Ибре, где его и… гм… высекли, — он посмотрел на Кэсерила и

отвёл глаза.

«Ты знаешь, что ты лжёшь. Я знаю, что ты лжёшь».

Но ди Джиронал не знал, знает ли Кэсерил, что он лжёт. Это не казалось большим преимуществом. А просто небольшим слабым участком в обороне противника.

— Ну, я вот не понимаю, как исчезновение Кэсерила осталось не расследованным. — Ди Санда пристально посмотрел на ди Джиронала. — Он же был комендантом крепости, первым человеком там.

Исель задумчиво проговорила:

— Если же рассматривать возможность мести, почему вы не подумали о том, что, поскольку Кэсерил дорого обошёлся рокнарцам на поле брани, они постараются поставить его в самые ужасные условия?

Ди Джиронал скривился, явно не обрадовавшись мысли, куда может завести эта логическая линия. Он уселся в своё кресло и отмахнулся от вопросов.

— Полагаю, мы зашли в тупик. Слово против слова, и мы ничего не можем решить окончательно. Сир, я настаиваю на благоразумии. Назначьте милорда Кэсерила на менее значительный пост

или отошлите его обратно в Баосию.

Исель чуть не взорвалась.

— И пусть на нём остаётся обвинение?! Нет! Я протестую!

Орико потёр виски, словно в приступе головной боли, и бросил два коротких взгляда: один на своего застывшего в кресле главного советника, другой на разъярённую сестру. И тихо простонал:

— О боги, как я это ненавижу… — Выражение его лица вдруг изменилось, он выпрямился и сказал: — О! Ну конечно! Есть одно решение… одно-единственное решение… хе-хе… — Он подозвал пажа, приведшего в башню Кэсерила, и что-то прошептал ему на ухо. Ди Джиронал прислушался, но ничего не разобрал. Паж выскользнул за дверь.

— Каково ваше решение, сир? — поинтересовался ди Джиронал.

— Не моё решение, а решение богов. Пусть они скажут, кто невиновен и кто лжёт.

— Неужели вы хотите рассудить их с помощью поединка? — В голосе ди Джиронала явно слышался ужас.

Кэсерил разделял этот ужас — так же как и сьер ди Марок, судя по тому, что кровь отхлынула от

его лица.

Орико сморгнул.

— Нет, у меня иная идея. — Он окинул взглядом ди Марока и Кэсерила. — Хотя они примерно в равных условиях. Ди Марок моложе, конечно, и очень неплох на площадке для поединков, но и опыт тоже кое-чего стоит.

Леди Бетрис посмотрела на ди Марока и беспокойно нахмурилась. Кэсерил тоже — хотя, как он подозревал, и совершенно по другому поводу. Ди Марок, безусловно, был прекрасным фехтовальщиком, но в безжалостном боевом поединке он не продержался бы и пяти минут. Ди Джиронал впервые посмотрел в глаза Кэсерилу, и Кэсерил понял, что он придерживается того же мнения. Желудок его сжался при мысли, что он будет вынужден практически зарезать мальчишку, как телёнка.

— Я не знаю, лгал ибранец или нет. Я знаю только то, что слышал, — устало проговорил ди Марок.

— Да-да, — отмахнулся Орико. — Полагаю, мой план лучше. — Он шмыгнул носом, вытер его рукавом и продолжал ждать. Наступила долгая напряжённая тишина. Она была прервана вернувшимся пажом, объявившим:

— Умегат, сир.

Аккуратно одетый рокнарский грум вошёл в комнату и, с любопытством обежав глазами собравшихся, уверенно направился к своему господину. Он поклонился и спросил:

— Чем могу служить, милорд?

— Умегат, я хочу, чтобы вы вышли во двор и поймали первого священного ворона, которого вы там увидите. Затем принесите птицу сюда. Вы, — Орико кивнул пажу, — пойдёте с ним в качестве свидетеля. А теперь поторопитесь.

Ничем не выразив своего удивления, Умегат снова поклонился и вышел. Кэсерил заметил взгляд ди Марока, обращённый на ди Джиронала, вопрошающий: «Ну, что теперь?» Ди Джиронал сделал вид, что ничего не заметил.

— Так, и как же нам это устроить? А! Я знаю — Кэсерил встанет в одном конце комнаты, ди Марок — в другом.

Глаза ди Джиронала уставились в одну точку, словно он пытался что-то рассчитать. Он кивнул ди Мароку, указывая в сторону распахнутого окна. Кэсерилу пришлось остаться в более тёмной части комнаты, у закрытой двери.

— Вы все, — Орико указал на Исель и её сопровождающих, — встаньте в стороне, вы — свидете-

ли. И вы, и вы, и вы тоже, — это уже стражникам и оставшемуся в комнате второму пажу.

Орико вышел из-за стола и расставил свидетелей в том порядке, какой казался ему подходящим случаю. Ди Джиронал остался на своём месте, поигрывая пером и сердито хмурясь.

Через несколько минут — довольно быстро — вернулся Умегат с сердитым вороном под мышкой и возбуждённым пажом.

— Это был первый ворон, которого вы увидели? — спросил Орико у мальчика.

— Да, милорд, — задыхаясь, ответил паж. — Вообще-то, их там целая стая кружилась над башней Фонсы, так что мы увидели шесть или восемь сразу. Тогда Умегат просто встал во дворе, совсем неподвижно, развёл руки и закрыл глаза. Тогда один ворон сразу спустился и уселся ему на руку!

Кэсерил прищурил глаза, напряжённо всматриваясь — неужто у этой птицы и впрямь не хватает в хвосте нескольких перьев?

— Чудесно! — радостно потёр руки Орико. — Теперь, Умегат, я хочу, чтобы вы встали точно посередине комнаты и по моему сигналу отпустили ворона. Мы посмотрим, к кому он полетит, и всё поймём! Погодите, пусть сначала все помолятся, чтобы боги помогли птице сделать верный

выбор.

Исель склонила голову в молитве, но Бетрис подняла глаза.

— Но, сир, как мы узнаем правду? К кому должен полететь ворон — к невиновному или к лжецу? — и она посмотрела на Умегата.

— Ох, — озадачился Орико, — хм…

— И что, если он просто начнёт летать кругами по комнате? — вставил ди Джиронал.

«Тогда мы узнаем, что боги в таком же замешательстве, как и все мы».

Кэсерил удержался и не произнёс этого вслух.

Умегат, поглаживая птицу, чтобы та успокоилась, слегка поклонился.

— Поскольку правда для богов священна, пусть священная птица полетит к невиновному, сир. — Он не смотрел на Кэсерила.

— Отлично, тогда приступим.

Умегат, в котором Кэсерил заподозрил недюжинный актёрский талант и страсть к театральности, занял позицию точно между двумя испытуемыми и усадил ворона на руку. Несколько секунд он стоял с выражением спокойствия на лице. Кэсерилу было интересно, как поступят боги с какофонией противоречащих друг другу молитв, что читаются сейчас в этой комнате.

Затем Умегат подбросил птицу в воздух и уронил руки. Она каркнула и с шумом расправила крылья. В хвосте её не хватало двух перьев.

Ди Марок широко раскинул руки в надежде, что это может привлечь ворона и тот подлетит к нему. Кэсерил, мысленно зовя «Кэс! Кэс!», задумался над теологическим курьёзом. Он знал правду — что же должна показать эта проверка? Он стоял прямо и неподвижно, чуть приоткрыв рот, и взволнованно наблюдал, как ворон, проигнорировав открытое окно, подлетел к нему и тяжело уселся на плечо. Птица выпустила когти и немного поёрзала, устраиваясь поудобнее.

— Хорошо, — спокойно сказал Кэсерил, — хорошо.

Ворон наклонил голову набок и посмотрел на него блестящими глазами-бусинками.

Исель и Бетрис запрыгали, радостно крича и обнимаясь, напугав бедную птицу, которая сорвалась с плеча Кэсерила и улетела. Ди Санда мрачно улыбался. Ди Джиронал заскрипел зубами, ди Марок заметно побледнел. Орико потёр пухлые ладони.

— Отлично. Дело закрыто. А теперь, во имя богов, пойдёмте обедать!

Исель, Бетрис и ди Санда окружили Кэсерила

и, как почётный караул, вывели из башни Иаса во двор.

— Как вы узнали, что я попал в беду? — спросил он. Машинально взглянув вверх, он не увидел в небе ни одного ворона.

— Паж сказал мне, что сегодня утром вас собираются арестовать, — ответил ди Санда, — я тут же поспешил к принцессе.

Оказывается, ди Санда откладывает из бюджета некоторые средства и оплачивает с их помощью самые свежие новости от различных информаторов…

— Благодарю, что прикрыли мою… — он проглотил слово «спину», — мой тыл. Меня бы уже разжаловали, если б вы не пришли мне на помощь.

— Не стоит благодарности, — отмахнулся ди Санда, — я уверен, вы сделали бы для меня то же самое.

— Моему брату нужен кто-нибудь, на кого опереться, — с горечью проговорила Исель, — иначе он клонится туда, куда дует ветер.

Кэсерилу хотелось одновременно и похвалить её за проницательность, и приостановить её откровения. Он посмотрел на ди Санду и спросил:

— Как долго при дворе циркулировали эти

сплетни?

Он пожал плечами.

— Полагаю, четыре-пять дней.

— Но мы-то услышали об этом только сейчас! — возразила Бетрис.

Ди Санда, извиняясь, развёл руками.

— Наверное, считалось, что это слишком грубые вещи для ваших ушей, миледи.

Исель хмыкнула. Ди Санда выслушал ещё раз слова благодарности от Кэсерила и поспешил на поиски Тейдеса.

Бетрис, которая вдруг посерьёзнела, сказала уверенным голосом:

— Это всё я виновата. Дондо отыгрался на вас за ту шутку со свиньёй. Ох, лорд Кэс, мне так *жаль!*

— Нет, миледи, — успокоил её Кэсерил, — вы тут ни при чём. Это старая история, которая тянется ещё со времён до… до Готоргета.

Он облегчённо вздохнул, увидев, как просветлело её лицо. Тем не менее не смог удержаться и строгим голосом добавил:

— Но шутка со свиньёй, безусловно, не сыграла нам на руку, так что не следует повторять подобные выходки.

Бетрис вздохнула и улыбнулась.

— Ну почему же? Ведь это остановило поползн-

новения Дондо. Он больше ко мне не пристаёт.

— Не могу отрицать успеха, но… Дондо очень влиятельный человек. Я прошу вас обеих — держитесь от него подальше.

Глаза Исель блеснули, и она спокойно сказала:

— Мы тут в осаде, да? Я, Тейдес и все, кто нас окружает.

— Не думаю, — вздохнул Кэсерил, — что всё так уж плохо. Просто будьте поосторожнее, ладно?

Он проводил дам в их покои, но не вернулся к своим расчётам, а снова спустился по лестнице и пошёл через двор мимо конюшен, прямо к зверинцу. Он нашёл Умегата в птичнике. Тот, надев передник, купал маленьких птичек в золе, чтобы у них не было паразитов. Рокнарец взглянул на гостя и улыбнулся. Но Кэсерил не ответил ему улыбкой.

— Умегат, — начал он без преамбул, — я должен знать. Это вы выбрали ворона или ворон выбрал вас?

— Разве это так важно, милорд?

— Да.

— Почему?

Кэсерил открыл было рот, потом снова закрыл. И наконец сказал почти просительно:

— Это ведь была хитрость, не так ли? Вы нароч-

но принесли ворона, которого я подкормил из окна. Ведь боги на самом деле не заглядывали в ту комнату?

Брови Умегата приподнялись.

— Бастард — самый хитрый из богов, милорд. И даже если кто-то где-то слукавил, это ещё не значит, что на вас нет его благословения. — Он немного помолчал. — Я вообще уверен, что только так и бывает.

Он вытащил птичку из золы и, подсыпав зёрнышек из кармана передника, усадил её в ближайшую клетку.

Кэсерил продолжал настаивать:

— Но это ворон, которого я кормил. Конечно, он полетел ко мне. Вы ведь тоже кормили его, да?

— Я кормлю всех священных воронов из башни Фонсы. Так же, как их кормят леди, пажи, и посетители Зангра, и служители, и настоятели всех храмов Кардегосса. Просто чудо, что птицы ещё не разжирели настолько, чтобы разучиться летать. — Ловким движением руки Умегат вынул из клетки следующую пёструю пташку и окунул её в ванночку с золой.

Кэсерил немного отступил, чтобы не запачкаться в золе, и нахмурился.

— Вы — рокнарец. Разве вы верите не в четырёх

богов?

— Нет, милорд, — ответил Умегат. — Хоть я и рокнарец, но я — квинтарианец и исповедую Пятибожие со времён моей юности.

— Вы обратились в эту веру, когда прибыли в Шалион?

— Нет, в то время я ещё был на архипелаге.

— Почему же… почему вас не повесили, как еретика?

— Я сбежал на корабле в Браджар прежде, чем меня схватили.

Морщины между бровями Кэсерила разгладились, он посмотрел на чёткие черты лица Умегата и спросил:

— А кем был ваш отец на архипелаге?

— Недалёкий, полный предрассудков человек. Хотя и крайне набожный.

— Я не это имел в виду.

— Я понял, милорд. Но он умер более двадцати лет назад. Так что теперь это не важно. Я доволен своей нынешней жизнью.

Кэсерил почесал бороду. Умегат достал очередную яркую птичку.

— А как давно вы старший грум в зверинце?

— С самого начала. Около шести лет. Я прибыл вместе с леопардом и первыми птицами. Нас

подарили.

— Кто?

— О, верховный настоятель Кардегосса и орден Бастарда. У рея как раз был день рождения. С тех пор добавилось много интересных животных.

Кэсерил осмыслил сказанное.

— Да, очень необычная коллекция.

— Да, милорд.

— А насколько необычная?

— Крайне необычная.

— Можете рассказать поподробнее?

— Я прошу вас не расспрашивать меня больше, милорд.

— Почему же?

— Потому что я не хочу вам лгать.

— Почему?

«Многие делают это с удовольствием».

Умегат на мгновение задержал дыхание, затем хитро усмехнулся и ответил:

— Потому, милорд, что ворон выбрал меня.

Ответная улыбка Кэсерила стала немного натянутой. Он поклонился Умегату и удалился.

Глава 11

Дня через три, когда Кэсерил выходил из своей спальни, направляясь на завтрак, его догнал запыхавшийся паж и схватил за рукав.

— Милорд… Кэсерил! Управляющий замком… просит вас срочно прийти к нему во двор!

— В чём дело? Что стряслось? — подчинившись явной неотложности дела, Кэсерил быстро зашагал рядом с мальчиком.

— Сьер ди Санда. На него напали прошлой ночью. Разбойники. Его ограбили и ударили ножом!

Кэсерил зашагал быстрее.

— Как тяжело он ранен? Где он лежит?

— Он не ранен, милорд, он убит!

«О боги, нет!»

Кэсерил бросился вниз по лестнице, оставив пажа позади. Он выбежал в главный двор Зангра как раз в тот момент, когда мужчина в плаще полиции Кардегосса — должно быть, следователь — и ещё один, одетый как крестьянин, сняли с мула застывшее тело и уложили его на булыжники мостовой. Управляющий присел на корточки

рядом с телом. Пара стражников взирали на них с расстояния нескольких шагов, не решаясь приблизиться, словно ножевое ранение могло быть заразным.

— Что произошло? — спросил Кэсерил.

Крестьянин посмотрел на его наряд и, стянув с головы шляпу, прижал её к груди.

— Я нашёл его сегодня утром у реки, сэр, когда привёл на водопой скотину. Река там поворачивает, и я частенько нахожу всякие вещи, которые выносит на берег течением. Вот на той неделе нашёл колесо от телеги. Я всегда всё осматриваю. Нет, покойники лежат там не часто, хвала Милосердной Матери. Не считая бедной леди, что утопилась два года назад. — Они со следователем обменялись кивками. — А этот — не-ет, этот на утопленника не похож.

Брюки на ди Санде были ещё мокрыми, но волосы уже высохли. Тунику с него сняли те, кто его нашёл, она была перекинута через спину мула. Речная вода смыла кровь с ран, и они казались просто тёмными разрезами на бледной коже: на спине, на животе, шее. Кэсерил насчитал около дюжины ран, глубоких и безжалостных. Управляющий указал на кусок шнура, привязанного к поясу ди Санды.

— Они срезали кошелёк. Спешили, наверное.

— Это было не простое ограбление, — сказал Кэсерил. — Вот эти два удара должны были уложить его на землю бездыханным. Не было нужды… но они хотели убить его наверняка и убедиться в этом.

Они или он? Определить невозможно, но ди Санда так легко бы не сдался. Значит, они.

— Полагаю, его меч они забрали.

Успел ли ди Санда вообще достать меч? Или его оглушили первым же ударом… человек, который шёл рядом и от которого он не ожидал подвоха?

— Забрали, а может, меч в реке утонул, — ответил крестьянин. — Кабы сталь его ко дну тянула, он бы так быстро до того берега не доплыл.

— На нём были кольца или драгоценности? — спросил следователь управляющего.

— Да, — кивнул тот, — были. И золотое кольцо в ухе.

Теперь их не было.

— Мне нужно подробное описание всех предметов, милорд, — заявил полицейский, и управляющий с пониманием кивнул.

— Вы знаете, где его нашли, — обратился Кэсерил к следователю. — А где на него напали, как вы думаете?

Тот покачал головой.

— Трудно сказать. Где-нибудь в нижних кварталах, наверное.

Низы Кардегосса — и с социальной, и с топографической точек зрения — теснились по обе стороны стены, которая тянулась между двумя рукавами реки.

— Существует около полудюжины мест, где можно сбросить тело прямо в реку с городской стены. Одни из них более пустынные, другие — менее. Когда его видели в последний раз?

— Я видел его за ужином. Он не собирался в город, — сказал Кэсерил. Он подумал, что и в самом Зангре существует пара местечек, откуда легко сбросить тело в реку… — У него сломаны кости?

— Нет, насколько мне кажется, сэр, — ответил следователь. И действительно, на бледном теле не было видно следов ударов о камни и явных переломов.

Допрос стражников показал, что ди Санда вышел из замка один, пешком, незадолго до полуночи. Кэсерил отбросил нереальный план обшарить каждый фут длинных коридоров и тёмных уголков огромного замка в поисках пятен крови. Позже, после обеда, следователь отыскал троих свидетелей, утверждавших, что видели

секретаря принца пьющим в одиночестве вино в одной из таверн нижних кварталов; один свидетель клялся, что секретарь был совершенно пьян. Этого свидетеля Кэсерил с удовольствием допросил бы наедине, в каземате каменного туннеля, ведущего к реке, чьи стены так славно поглощают раздающиеся в нём крики. Возможно, тогда из него удалось бы добыть какие-то крупицы правды. Кэсерил никогда не видел ди Санду пьяным.

Кэсерилу выпало составить опись имущества и подготовить оставшиеся после ди Санды вещи для передачи его старшему брату, проживавшему где-то в провинциях Шалиона. Пока следователь обыскивал нижние кварталы — совершенно бессмысленное дело, Кэсерил был в этом уверен — в поисках предполагаемых разбойников, секретарь принцессы посвятил себя тщательной проверке всех бумаг ди Санды. Но что бы ни привело покойного в нижние кварталы, эту тайну он унёс с собой в могилу — среди бумаг не оказалось ни единого намёка на возможную причину посещения тех мест.

У ди Санда не было никаких близких родственников, которых можно было бы ожидать на похороны; церемонию прощания назначили на следующий день. Присутствовали принц,

принцесса и их приближённые да несколько придворных, пришедших в надежде заслужить благосклонность брата и сестры рея. Церемония, проходившая в зале Сына в храме, была краткой. Кэсерилу стало ясно, каким одиноким человеком был ди Санда: не было даже друзей, которые, склонясь над изголовьем, говорили бы хвалебные речи. Кэсерил был единственным, кто произнёс слова прощания и сожаления; в рукаве он прятал спешно приготовленную и записанную утром на бумаге речь, которую смущение не позволило ему извлечь и прочитать.

Кэсерил отошёл от гроба и пристроился перед алтарём рядом с плакальщиками, давая дорогу служителям храмов со священными животными. Священники были одеты в цвета бога своего храма; они расположились вокруг гроба ди Санды на некотором удалении друг от друга. В сельских храмах для этого ритуала использовались те животные, что были под рукой. Как-то Кэсерилу довелось наблюдать церемонию прощания с дочерью бедняка, на которую прибыл всего один священник с корзинкой, где мяукали пять котят. Принадлежность каждого котёнка определённому богу была отмечена ленточкой соответствующего цвета. Рокнарцы в основном

использовали рыбу — только в количестве четырёх, а не пяти штук. Настоятели Четырёх богов метили рыбин краской и читали выражение высшей воли по следам этой краски на воде. В общем, как бы там ни было, даже самый бедный человек после смерти не был обделён вниманием богов, решавших, к кому из них направится его покинувшая тело душа, и сообщавших об этом через священных животных.

У Кардегосса было достаточно средств для обеспечения своих храмов самыми красивыми и тщательно отобранными по цветам и внешнему виду животными. Служительница Дочери в синих одеяниях держала голубую сойку, вылупившуюся из яйца только этой весной. Представительница храма Матери — вся в зелёном — поглаживала сидевшую у неё на плече яркую зелёную птицу вроде той, что Кэсерил видел в птичнике Умегата. Священник из храма Сына в красно-оранжевой мантии привёл горделивого молодого лиса, чья ухоженная шерсть переливалась, как пламя, в сумрачном сводчатом зале. Рядом с одетым в серое священником храма Отца сидел толстый, исполненный невероятного достоинства старый волк. Кэсерил думал, что служительница Бастарда в её белом плаще прибудет с одним из священных

чёрных воронов башни Фонсы, но вместо этого у неё оказались две сверкающие любопытными глазками белые крысы.

Настоятель храма Святого Семейства обратился к богам с просьбой послать знак, к кому перейдёт душа ди Санды, затем встал в изголовье гроба.

Священники отпустили своих животных. Посланная рукой хозяйки сойка описала круг и вернулась к ней на плечо, так же как и зелёная птица Матери. Лис, освобождённый от серебряной цепи, чихнул и потрусил к гробу. Он вспрыгнул наверх, свернулся клубком рядом с ди Сандой и, положив мордочку ему на грудь, прямо над сердцем, глубоко вздохнул.

Волк, явно очень опытный в подобных делах, даже не двинулся с места, не проявив ни малейшего интереса. Служительница Бастарда опустила своих крыс на каменный пол, но они тут же взобрались обратно и, пробежав по рукаву к её плечу, принялись тыкаться розовыми носиками ей в ухо и цепляться за волосы маленькими лапками, так что их пришлось осторожно отцеплять.

Ничего удивительного. Если человек не был при жизни посвящён иному богу, то души бездетных отходили Дочери или Сыну, а души

родителей — Матери или Отцу. У ди Санды детей не было, а в юности он какое-то время служил военному ордену Сына, так что было совершенно естественно, что душа его призвана Сыном — даже если бы к моменту церемонии семье стало известно, что у покойного где-то растёт внебрачный ребёнок.

Бастард брал к себе души служивших его ордену людей, а также души, от которых отказались остальные боги. Бастард был последним убежищем для тех, кто совершал тяжкие грехи во время своей жизни на земле.

Подчиняясь выбору элегантного лиса Осени, служитель Сына подошёл к алтарю и вознёс молитву, призывающую благословение Сына на отошедшую душу ди Санды. Ряды плакальщиков и прочих присутствующих на церемонии проходили рядом с гробом и клали на алтарь Сына свои скромные дары. Кэсерил чуть не пронзил ладони ногтями, крепко сжав кулаки при виде притворной печали на лице Дондо ди Джиронала. Тейдес был растерян и молчалив, сожалея — как надеялся Кэсерил — обо всех обидных словах, которыми он осыпал сгоряча голову своего строгого, но верного секретаря и воспитателя; его даром был тяжёлый кошелёк с золотом.

Исель и Бетрис также были тихи и спокойны — и в этот момент, и потом. Они не обращали внимания на ходившие при дворе слухи и сплетни, связанные с убийством; девушки с завидным постоянством отказывались от приглашений выйти в город и искали малейшие предлоги, чтобы раз по пять-шесть за вечер заглянуть к Кэсерилу и проверить, всё ли у него в порядке и на месте ли он.

В Зангре шептались об этом таинственном ограблении ди Санды, требуя всё новых и новых, каждый раз более строгих и жестоких наказаний для столь опасных преступников и негодяев, как воры, разбойники и убийцы. Кэсерил молчал. Для него в смерти ди Санды не было ничего таинственного, кроме разве что возможности добыть достаточные и неоспоримые доказательства вины Джироналов. Он снова и снова прокручивал в уме разнообразные способы, но решение не приходило. Он не осмеливался начать открытое расследование, пока не будет ясен каждый шаг и его последствия — в противном случае с тем же успехом и с меньшими потерями он мог сам себе перерезать горло.

Тем не менее, решил он, всё равно какие-нибудь неудачливые разбойники будут ложно

обвинены. Тогда он… что? Стало ли его слово менее весомым и достойным доверия с того момента, как его исполосованная плёткой спина мистическим образом была оправдана вороном Бастарда, а не признана следствием позорного наказания? Большинство придворных искренне поверили в достоверность волеизъявления высших сил, но не все. Несложно было увидеть, кто есть кто, поскольку некоторые кавалеры и дамы отстранялись от Кэсерила при его приближении и избегали его общества. Однако следователь Кардегосса не задержал никаких подозреваемых в нападении на ди Санду, и постепенно слухи, домыслы и перешёптывания о печальном инциденте прекратились. Так перестаёт кровоточить затянувшаяся и зарубцевавшаяся рана на теле и напоминает о себе впредь только болью при резких движениях.

К Тейдесу был приставлен новый секретарь, выбранный среди служителей канцелярии рея самим ди Джироналом-старшим. Это был узколицый парень, полностью подвластный руке канцлера; он никоим образом не пытался сблизиться с Кэсерилом. Дондо ди Джиронал публично вызвался развеять грусть принца с помощью самых восхитительных развлечений.

Насколько восхитительных, Кэсерил мог судить по входившим и выходившим поздней ночью из покоев Тейдеса шлюхам и толпам пьяных приятелей. Однажды Тейдес, видимо, не в состоянии отличить одну дверь от другой, ввалился в комнату Кэсерила, где его вырвало прямо на пол квартой красного вина. Кэсерил провёл его, зелёного, шатавшегося и ничего не соображавшего, к слугам, чтобы те вымыли и уложили своего юного господина. Но самым тревожным, однако, был момент, когда как-то вечером Кэсерил увидел на пальце капитана охраны принца, прибывшего с ними из Баосии, кольцо со знакомым изумрудом. На пальце того самого капитана, который перед выездом из Валенды поклялся матери и бабушке мальчика, поклялся по всей форме — опустившись на одно колено — беречь, охранять брата и сестру ценой собственной жизни… Кэсерил схватил проходившего мимо капитана за запястье. Тот вздрогнул от неожиданности и остановился.

— Милое колечко, — наконец вымолвил Кэсерил.

Капитан освободил руку и нахмурился.

— Мне тоже так кажется.

— Надеюсь, вы не очень дорого заплатили за него. Думаю, изумруд фальшивый.

— Нет, он настоящий, милорд.

— На вашем месте я бы проверил его на подлинность у ювелира, ведь чего только не скажут и не сделают люди ради собственной выгоды!

Капитан прикрыл кольцо ладонью другой руки.

— Это хорошее кольцо.

— По сравнению с тем, что вам пришлось отдать за него, я бы сказал, что это мусор.

Губы капитана сжались. Он отшатнулся и зашагал прочь.

«Если это осада, — подумал Кэсерил, — то мы несём потери».

Погода стала холодной и дождливой, реки вздулись. Сезон Сына неуклонно приближался к концу. Одним промозглым сырым вечером после ужина, когда двор наслаждался игрой музыкантов, Орико наклонился к сестре и прошептал:

— Завтра в полдень приводи своих людей в тронный зал на посвящение ди Джиронала в провинкары. Оденься понаряднее — у меня будет несколько радостных для всего двора объявлений. А! Чуть не забыл — твой жемчуг. Лорд Дондо только вчера вечером жаловался мне, что ты не носишь его подарок.

— Не думаю, что он мне идёт, — ответила Исель.

Она стрельнула глазами в сидевшего неподалёку Кэсерила, затем снова перевела взгляд на руки, сжимавшие складки платья.

— Ерунда! Как может девушке не идти жемчуг? — фыркнул рей и откинулся в кресле, чтобы поаплодировать только что сыгранной пьесе.

Исель молчала до тех пор, пока Кэсерил, провожая леди в их покои, уже не собрался пожелать им спокойной ночи и отправиться зевая к себе. Тогда она взорвалась:

— Я *не* ношу этот жемчуг, потому что он подарен мне вором! Я бы вернула его ордену Дочери, но держу пари, что этот дар оскорбил бы богиню. Этот жемчуг — грязный! Кэсерил, что мне с ним делать?

— Бастард — не слишком прихотливый бог. Передайте его настоятелю для больницы или для сиротского приюта, — предложил он.

— Это страшно раздосадует лорда Дондо. Но он не сможет даже выразить свой протест! Отличная мысль! Передайте жемчуг сиротам от моего имени. А что касается завтрашнего дня — я надену мою красную бархатную накидку поверх белого шёлкового платья. Это достаточно нарядно. И ещё драгоценности, что дала мне мама. Никто не осмелится высказаться против того, что на мне

будут украшения моей матери!

Нан ди Врит задумчиво спросила:

— А что имел в виду ваш брат под «радостными объявлениями»? Вы не думаете, что он уже решил вопрос о вашей помолвке?

Исель остановилась, заморгала, но потом уверенно сказала:

— Нет, не может быть. Это дело долгих месяцев — сначала послы, потом письма, обмен подарками, сборы приданого… в конце концов, моё согласие! Должны написать мой портрет. И у меня будет портрет жениха, кем бы он ни был. Правдивый портрет, без всяких приукрашиваний, написанный художником, которого я выберу сама. Если мой принц толстый, косой, лысый губошлёп — так тому и быть, но я хочу честный портрет.

Бетрис поморщилась.

— Я очень надеюсь, что вам достанется красивый молодой лорд, когда придёт на то время.

Исель вздохнула:

— Это, конечно, было бы замечательно, но большинство великих лордов не таковы. Достаточно и того, чтобы он был здоров — не станем обременять богов молитвами о невозможном. Пусть будет здоров и пусть будет кинтарианцем.

— Очень разумно, — кивнул Кэсерил, приободрённый таким практическим и взвешенным подходом к жизни, который должен был значительно облегчить его жизнь в ближайшем будущем.

Бетрис неуютно поёжилась.

— В последнее время при дворе было слишком много рокнарских послов из всех пяти провинций.

Исель поджала губы.

— Хм…

— Среди высших лордов — приверженцев Пятибожия — выбор невелик, — задумчиво вставил Кэсерил.

— Рей Браджара снова овдовел, — в сомнении закусив губу, высказала своё предположение Нан ди Врит.

Исель отмела его:

— Нет, рею уже пятьдесят семь лет, да и у него есть взрослый женатый наследник. Зачем ему сын от меня, который будет дружественно настроен по отношению к своему дяде Орико — или к своему дяде Тейдесу, — но не будет править своей землёй?

— Есть ещё внук рея Браджара, — сказал Кэсерил.

— Ему всего семь! Мне придётся ждать ещё семь лет!

«Нет, — подумал Кэсерил, — это не годится».

— Да, сейчас слишком рано, а ждать — слишком долго. За семь лет может произойти что угодно. Люди умирают, государства воюют…

— Правда, — согласилась Нан ди Врит. — Ваш отец, рей Иас, помолвил вас, когда вам было два года, с одним рокнарским принцем, но бедный паренёк вскоре подхватил лихорадку и умер. Да. А то бы вас забрали в его провинцию два года назад.

Желая поддразнить, Бетрис сказала серьёзным голосом:

— Рей Ибры тоже вдовец.

Шокированная Исель округлила глаза:

— Но ему же вообще за семьдесят!

— Зато он не толстый. И тебе не придётся его долго терпеть.

— Ха! Он может прожить ещё двадцать лет просто из вредности. Полагаю, он вполне способен на это. Кроме того, его наследник тоже женат. Мне кажется, единственный из всех принцев, кто мне подходит по возрасту, — это его второй сын, а он не наследник.

— В любом случае в этом году вы не будете по-

молвлены с ибранцем, принцесса, — подвёл итог Кэсерил. — Старый Лис не в ладах с Орико из-за его поддержки Южной Ибры.

— Да, но… говорят, все верховные лорды Ибры — отличные военные моряки, — ни с того ни с сего вдруг добавила Исель.

— Ну а Орико какая с этого польза? — хмыкнула Нан ди Врит. — У Шалиона нет ни ярда прибрежных земель.

— Польза нашему берегу, — прошептала Исель, глядя куда-то вдаль.

— Когда мы владели Готоргетом и теми проходами, мы были готовы взять порт Виспинг. Теперь такая возможность упущена. Да… Скорее всего, принцесса, вас хотят выдать за какого-нибудь лорда Дартаки, так что давайте подналяжем на наш дартакан на следующей неделе, а?

Исель скорчила рожицу, но покорно вздохнула, соглашаясь. Кэсерил улыбнулся и, поклонившись, вышел. Если даже Исель не предназначалась правящему рею Дартаки, её могли выдать за одного из приграничных лордов. Кэсерил размышлял об этом, спускаясь по лестнице. К примеру, за кого-нибудь из тёплых северных провинций. Там, где расстояние и власть смогут защитить Исель от… проблем шалионского двора. И чем скорее,

тем лучше.

«Для неё или для тебя?»

«Для нас обоих».

Из того, как Нан ди Врит прикрыла ладонями глаза и потом всплеснула руками, Кэсерил сделал вывод, что принцесса выглядит ослепительно в своих алых нарядах, с густыми янтарными волнами волос, ниспадавшими на спину почти до пояса. Так оно и оказалось. Поскольку ему вчера намекнули, что следует надеть, он был в шёлковой красной тунике, ранее принадлежавшей покойному провинкару, и в белой шерстяной накидке. Нан выбрала неброские чёрно-белые одежды, Бетрис была в своём любимом красном.

Они быстро шли под дождём по мокрым булыжникам внутреннего двора к огромной башне Иаса. Все вороны башни Фонсы спрятались под крышей, не желая мокнуть. Нет, не все — Кэсерил резко отклонился, когда одна глупая птица, у которой не хватало нескольких перьев в хвосте, ринулась к нему через моросящий туман с криком: «Кэс! Кэс!»

Стараясь защитить от грязных брызг свой белый плащ, он прогнал ворона. Тот с печальным криком развернулся и полетел обратно.

Обитый красным шёлком тронный зал Ори-

ко был залит светом укреплённых на стенах светильников, которые доблестно сражались с осенним сумраком; в зале уже ожидали две или три дюжины кавалеров и дам. На Орико были официальные одежды и корона, рейна Сара сегодня отсутствовала. Тейдеса усадили в низкое кресло по правую руку рея.

Принцесса и её свита, поцеловав правителю руку, заняли свои места: Исель — в кресле слева от пустующего трона рейны, остальные встали рядом.

Улыбающийся Орико начал с подарков. Он передал Тейдесу доходные статьи от ещё четырёх городов, чтобы пополнить его бюджет. За это младший брат выразил свою признательность ритуальным целованием рук и короткой благодарственной речью. Вчера вечером Дондо не взял на себя обеспечение принца развлечениями, так что сегодня Тейдес был менее зелёным и болезненным, чем обычно.

Затем Орико призвал к своему царственному колену канцлера. Как и было сообщено накануне, рей вручил ди Джироналу верительные грамоты и меч, получив в обмен присягу, что сделало старшего Джиронала провинкаром Илдара. Несколько младших лордов Илдара преклонили

колена перед новым провинкаром и принесли ему клятву верности. Титул марча, включая все города и владения с их доходами, был передан лорду — ныне марчу — Дондо, что явилось некоторой неожиданностью.

Исель была удивлена, но явно довольна, когда её брат подарил ей в поддержку её бюджета доход от шести городов. Отнюдь не преждевременно — её бюджет до сих пор был значительно беднее, чем у Тейдеса. Она трогательно поблагодарила Орико, а Кэсерил тем временем погрузился в вычисления. Можно ли Исель теперь обзавестись собственной охраной вместо той горстки людей из Баосии, которую она делила с Тейдесом? И может ли Кэсерил сам выбрать охранников? Сможет ли принцесса переехать в собственный дом под охраной своих людей? Исель вернулась в своё кресло и расправила юбки. Настороженность её исчезла, она расслабилась и мягко улыбалась.

Орико откашлялся.

— Я счастлив перейти к наиболее радостному объявлению: самая яркая и… гм… желанная награда. Исель, встань. — Орико тоже встал и протянул руку сводной сестре; озадаченная, но улыбающаяся, она поднялась и снова подошла к нему.

— Марч ди Джиронал, подойдите, — продолжал Орико. Лорд Дондо в полном облачении священного генерала Дочери встал по другую сторону от трея. По рукам Кэсерила пробежали мурашки.

«Что задумал Орико?»

— Мой любезный и верный канцлер и провинкар ди Джиронал просил породнить его дом с моим, и после долгих раздумий я пришёл к радостному для моего сердца решению, — однако радостным он не выглядел. — Он просил руки моей сестры Исель для своего брата, нового марча ди Джиронала. Итак, я объявляю об их помолвке и благословляю их.

Он повернул полную руку Дондо ладонью вверх, положил поверх узкую тоненькую ручку Исель, сжал их вместе на уровне своей груди и отступил на шаг.

Лицо Исель побелело. Она стояла не шевелясь, уставившись на Дондо бессмысленным взглядом, словно не веря своим ушам. Тогда кровь зашумела, почти забурлила в голове Кэсерила, и он с трудом восстановил дыхание.

«Нет! Нет! Нет!»

— В качестве подарка в день помолвки, моя дорогая принцесса… думаю, я угадал, чем бы вам хотелось пополнить своё приданое, — прогово-

рил Дондо и кивком подозвал пажа.

Исель, смерив его холодным взглядом, отвечала:

— Так вы угадали, что мне хотелось город на побережье с хорошим портом?

Дондо, отшатнувшись было, разразился хохотом и повернулся к пажу. Паж откинул крышку обитой кожей шкатулки, открыв взорам серебряную, украшенную жемчугом тиару. Дондо взял её в руки и поднял над головой, показывая всем присутствующим. В углу, где стояли его друзья, раздались аплодисменты. Пальцы Кэсерила сжали рукоятку меча. Если бы он вытащил и взмахнул им… то был бы повержен на землю, не успев ступить и шагу.

Когда Дондо поднял тиару и хотел водрузить её на голову Исель, та дёрнулась, как застенчивая пугливая лошадка.

— Орико…

— Эта помолвка — моя воля и желание, дорогая сестра, — ответил Орико непререкаемым тоном.

Дондо, не горя желанием догонять Исель с тиарой в руках, метнул на рея красноречивый взгляд.

Исель проглотила комок в горле. Было видно, что её мозг судорожно ищет выход из ситуации.

Она не закричала от отвращения и не упала в обморок. Она стояла неподвижно, в полном сознании.

— Сир… Как сказал провинкар Лабрана, когда армия Золотого Генерала преодолела его стены… это полная неожиданность.

По толпе придворных пробежал неуверенный шепоток.

Её голос стал тише, и она прошептала сквозь зубы:

— Вы не сказали мне. Вы не спросили меня.

Орико ответил, тоже не разжимая зубов:

— Мы поговорим позже.

После короткой паузы она приняла ответ со сдержанным кивком.

Дондо завершил возложение тиары, затем поклонился и поцеловал руку невесты. С его стороны было мудро не потребовать ответного поцелуя — по лицу Исель было видно, что она скорее всего укусила бы своего жениха. Придворный священник Орико, в цветах Брата, выступил вперёд и призвал благословение всех богов на помолвленных.

Орико провозгласил:

— Через три дня мы вновь соберёмся здесь, чтобы засвидетельствовать брачные клятвы и

отпраздновать свадьбу. Благодарю вас всех.

— Три дня! Три дня! — воскликнула Исель, её голос впервые за всё время сорвался. — Вы хотели сказать — три года, сир?

— Три дня, — отрезал Орико, — подготовься.

И подозвав слуг, он собрался покинуть зал. Большинство придворных вышли вслед за ди Джироналами, поздравляя обоих. Несколько наиболее любопытных остались, прислушиваясь к разговору брата и сестры.

— Три дня! Да за это время мы не успеем даже послать курьера в Баосию, чтобы получить ответ от мамы и бабушки!

— Твоя мать слишком больна, чтобы приехать, а бабушка должна остаться в Валенде, чтобы присматривать за ней.

— Но я не… — Тут Исель обнаружила, что обращается к широкой спине рея, поскольку Орико, спешно развернувшись, выходил из тронного зала.

Она выскочила за ним в следующую комнату, за ней последовали леди Бетрис, Нан и Кэсерил.

— Но, Орико, я не хочу замуж за Дондо ди Джиронала!

— Леди твоего ранга выходит замуж не по собственному желанию, а исходя из интересов

своего Дома, — жёстко ответил ей брат, когда она забежала вперёд и преградила ему путь.

— Это действительно так? Тогда объясни, какие выгоды получит Дом Шалиона, если ты отдашь меня — швырнёшь меня — младшему сыну младшего лорда? Мой муж должен привести меня к трону своего владения!

— Это привяжет ди Джироналов ко мне и к Тейдесу.

— Скажи лучше — это привяжет нас к ним! Странно односторонние преимущества, как мне кажется.

— Ты не хотела замуж за рокнарского принца — я не отдал тебя, хотя не было недостатка в предложениях. Только нынешней осенью я отклонил два. Подумай об этом и будь благодарна, дорогая сестра.

Кэсерил не понял, просил Орико или угрожал.

Рей продолжал:

— Ты не хотела покидать Шалион. Очень хорошо — ты останешься в Шалионе. Ты хотела выйти за единоверца — я предложил тебе лорда, почитающего Пятибожие, истинного кинтарианца, более того — священного генерала ордена! А если бы, — голос его начал звучать раздражённо, — если бы я отдал тебя каким-либо нашим сильным

соседям, они могли бы использовать тебя, чтобы претендовать на часть приграничных земель. Таким образом, выдавая тебя за ди Джиронала, я пекусь о мирном будущем Шалиона.

— Лорду Дондо сорок лет! Он продажный, наглый вор! Растратчик! Развратник! Орико, ты не можешь так поступить со мной! — Её голос перешёл на крик.

— Я не собираюсь тебя слушать, — сказал Орико и зажал уши руками. — Три дня. Приди в себя и займись своим гардеробом.

Рей бежал от сестры, словно она была рушащейся, пылающей башней.

— Я не стану тебя слушать.

Так он и сделал. Четыре раза в этот день Исель пыталась встретиться с братом, прорываясь к нему в покои. Четыре раза его охрана не пропускала её. В итоге Орико выехал из Зангра и удалился в охотничий домик в глубине дубовых рощ — открытое проявление трусости. Кэсерилу оставалось только надеяться, что крыша в домике протечёт и прольёт ледяной дождь на его царственную голову.

Кэсерил плохо спал в эту ночь. Поднявшись по лестнице на следующее утро, он увидел трёх издёрганных женщин. Похоже, они совсем не

ложились.

Исель — с тёмными кругами под глазами — втащила его за рукав в гостиную и, усадив на подоконник, шёпотом спросила:

— Кэсерил, вы можете добыть четырёх лошадей? Или трёх? Или двух? Или хотя бы одну? Я всю ночь думала об этом. Единственный выход — бежать.

Он вздохнул.

— Я тоже думал всю ночь. Сначала я кое-что проверил. Я попытался покинуть Зангр вечером, но двое гвардейцев рея последовали за мной. Чтобы защитить меня, как они сказали. Я мог бы убить или подкупить одного, но двух — вряд ли.

— Мы можем выехать как будто на охоту, — настаивала Исель.

— В дождь? — Кэсерил махнул рукой на потоки лившейся с неба воды, сквозь пелену которой не было видно даже реки внизу. — Да и если нам даже позволят выехать, то наверняка пошлют с нами целый вооружённый эскорт.

— А если мы оторвёмся от них с самого начала?..

— Допустим, нам это удастся — что дальше? Если — вернее, когда! — они нагонят нас на дороге, то для начала сбросят меня с лошади и отрежут

голову, оставив тело лисам и воронам. А потом отвезут вас назад. И если даже по причуде богов нас не схватят, куда мы можем двинуться?

— К границе. К любой границе.

— Браджар и Южная Ибра тут же отправят нас обратно, чтобы угодить Орико. И пять провинций Рокнара, и Лис Ибры возьмут вас в заложники. Дартака… поди доберись до неё через половину Шалиона и всю Южную Ибру. Боюсь, не получится, принцесса.

— Что же мне делать? — В её юном голоске зазвучало отчаяние.

— Никто не может быть выдан замуж насильно. Обе стороны должны дать свободное согласие перед лицом богов. Если у вас хватит смелости просто сказать «нет», то дальше дело не двинется. Достаточно ли её у вас?

Её губы сжались:

— Конечно, да. Но что потом? По-моему, вы не всё продумали ночью. Полагаете, лорд Дондо так просто и сдастся и на том всё и кончится?

Он покачал головой.

— Если они прибегнут к силе — брак будет считаться недействительным, и все это знают. Держитесь за эту мысль.

В её глазах застыли горе и безнадёжность.

— Вы не понимаете.

Так продолжалось до полудня, а потом в покои принцессы прибыл Дондо собственной персоной, чтобы добиться хотя бы подобия согласия на брак. Двери в гостиную оставались открытыми, но стоявшие возле них вооружённые охранники Дондо удерживали Кэсерила снаружи, а Бетрис и Нан ди Врит — внутри. Кэсерил не разобрал и трети того, о чём громким яростным шёпотом спорили толстый придворный и янтарноволосая девушка, но в конце концов Дондо удалился с выражением жестокой удовлетворённости на лице, а Исель впилась пальцами в подоконник, почти задыхаясь от бешенства и ужаса. Затем она прижалась к Бетрис и выдавила:

— Он сказал… если я не соглашусь, то он всё равно возьмёт меня. Я сказала, что Орико не позволит ему изнасиловать свою сестру. А он спросил: «Почему нет? Он же позволил нам насиловать его жену…» Когда рейна Сара так и не забеременела, а Орико оказался неспособен зачать бастарда, несмотря на всё то множество леди, девушек и шлюх, что они ему приводили, Джироналы склонили его к согласию допустить их в спальню рейны. Дондо сказал, что он и его брат занимались этим каждую ночь в течение

года — оба одновременно или по очереди, пока она не пригрозила покончить с собой. Он сказал, что будет танцевать на мне до тех пор, пока в моём животе не завяжется плод, а если я попробую своевольничать, то он покажет, каким суровым мужем может быть.

Она моргнула полными слёз глазами, взглянув на Кэсерила, и стиснула зубы, чтобы не разрыдаться.

— Он сказал, что живот у меня будет огромным, потому что я маленького роста. Как думаете, Кэсерил, сколько смелости мне понадобится для простого «нет»? И что будет, когда из этой смелости ничего не выйдет? Совсем, совсем ничего?!

«Я думал, что единственное место, где из смелости ничего не выходит, — это рокнарские галеры. Я был неправ».

Он тяжело вздохнул:

— Не знаю, принцесса.

Измученная и отчаявшаяся, Исель объявила пост и принялась молиться. Нан и Бетрис помогли установить в её покоях переносной алтарь и собрали все символы леди Весны, чтобы украсить его. Кэсерил, неотступно сопровождаемый двумя гвардейцами, спустился в Кардегосс и нашёл цветочницу, торговавшую искусственно выра-

щенными фиалками — ведь был совсем не сезон для этих цветов. Вернувшись, он поставил их в вазочку на алтаре. Он почувствовал себя таким глупым и никчёмным, когда принцесса, благодаря, уронила слезинку на его руку. Отказываясь от еды и питья, она лежала, распростершись на полу, посылая богам глубочайшую мольбу — совсем как рейна Иста, когда Кэсерил впервые увидел её в зале предков замка провинкары. Сам Кэсерил часами бродил по Зангру, пытаясь придумать хоть что-нибудь, но в голову шли только ужасные, жуткие мысли.

Позднее тем же вечером леди Бетрис вызвала его в приёмную рядом с кабинетом и сказала:

— Я придумала! Кэсерил, научите меня, как убить человека ножом.

— Что?

— Охранники Дондо слишком хорошо знают вас, чтобы не подпускать близко, но я буду рядом с Исель утром в день её свадьбы, как свидетельница клятв. От *меня* никто не ожидает ничего подобного. Я спрячу нож за корсаж. Когда Дондо приблизится и наклонится, чтобы поцеловать ей руку, я успею ударить его два-три раза, пока меня остановят. Но я не знаю, куда нужно бить, чтобы попасть наверняка. Понимаю, что в шею, но куда

именно? — Она достала из складок юбки огромный кинжал и протянула Кэсерилу. — Покажите мне. Мы потренируемся, пока у меня не начнёт получаться ловко и быстро.

— О боги! Леди Бетрис! Оставьте этот безумный план! Они тут же скрутят вас — а потом повесят!

— Важно лишь то, что сначала я убью Дондо. Потом я с радостью пойду на виселицу. Я поклялась охранять Исель ценой моей жизни. Вот так. — Её карие глаза горели на бледном лице.

— Нет, — твёрдо ответил Кэсерил, отобрав нож. Интересно, где она его добыла? — Это не женское дело.

— Я бы сказала, что это дело того, у кого есть шанс его осуществить. У меня шансов больше. Научите меня!

— Нет, погодите… подождите немного. Я… я попробую что-нибудь предпринять, может быть, что-то и получится.

— Вы можете убить Дондо? Исель молится леди о смерти, своей или Дондо, не важно — лишь бы кто-то из них умер до свадьбы. Но мне важно, кто именно умрёт. Это должен быть Дондо.

— Полностью согласен. Подождите, леди Бетрис. Просто подождите немного. Посмотрим, что я могу сделать.

«Если боги не ответят на ваши молитвы, леди Исель, я попробую сделать это за них».

День накануне свадьбы Кэсерил провёл, выслеживая Дондо в коридорах Зангра, словно кабана в каменном лесу, но ему так и не удалось приблизиться к нему на достаточное расстояние. Во второй половине дня Дондо вернулся во дворец Джироналов в городе, в который — ни через стены, ни через ворота — Кэсерил проникнуть не смог. После второй неудачной попытки пробраться во двор головорезы ди Джиронала вышвырнули его на улицу, сильно избив. Пока один держал настырного секретаря, остальные наносили удары по голове, груди, животу, и в Зангр Кэсерил возвращался, шатаясь как пьяный и опираясь рукой на стены. Гвардейцы рея, от которых ему удалось улизнуть на улицах Кардегосса, отыскали его как раз вовремя, чтобы полюбоваться на сцену избиения и проследить за тем, как он ковыляет обратно. Они ни во что не вмешивались, видимо, подчиняясь приказу.

В приступе внезапного вдохновения Кэсерил направился к тайному подземному ходу, соединявшему Зангр и дворец Джироналов, ранее принадлежавший лорду ди Льютесу. Одни говорили, что Иас и ди Льютес пользовались им

ежедневно для проведения совещаний, другие — что еженощно, для любовных свиданий. Как выяснилось, туннель теперь был столь же тайным, как и главная улица Кардегосса. С обоих концов стояла стража, двери были заперты. Попытки подкупить стражников навлекли на голову Кэсерила проклятия и ругань, а также угрозу ещё одного избиения.

«Ну и убийца же из меня», — горько подумал он, добравшись до своей комнаты и со стоном рухнув на кровать. В голове словно стучал молот, всё тело болело. Какое-то время Кэсерил лежал, не в силах пошевелиться, затем, собравшись с духом, встал и зажёг свечи. Ему следовало бы подняться наверх и повидать своих подопечных, но он боялся, что не выдержит их слёз. А также того, что последует за его признанием в своей неудаче, — новых просьб Бетрис. Ведь если он не смог сам убить Дондо, какое право он имеет отказывать ей в её шансе?

«Я бы с радостью отправился к праотцам, лишь бы не допустить завтрашнего кошмара…»

«Ты действительно так думаешь?»

Он выпрямился. Ему вдруг показалось, что последнюю фразу произнёс не он. Язык слегка шевелился за губами — как бывало обычно, когда

Кэсерил бормотал что-то себе под нос. «Да».

Он кинулся к изножью кровати и, упав на колени, резким движением откинул крышку сундука. Почти зарывшись в аккуратно сложенные, пахнувшие отпугивающими моль травами одежды, он вытащил доставшиеся ему от покойного торговца шерстью плащ и мантию. Развернув тёплую коричневую ткань, он достал книжку с зашифрованными записями, которые так до конца и не разобрал, поскольку срочная необходимость в этом отпала после бегства судьи Вриза. Отдавать записи в храм было уже как-то неловко — потребовались бы объяснения задержки. Кэсерил судорожно открыл книжку и зажёг ещё свечей.

«Осталось мало времени».

Он не разобрал около трети дневника.

«Забудь ты обо всех этих неудачных опытах! Переходи-ка сразу к последним страницам, чего ждать?»

Отчаяние, владевшее торговцем, сквозило даже через плохо зашифрованный дартакан и обретало формы ясного и простого решения. Вот он — ответ! Отвергнув все свои предыдущие измышления и странные эксперименты, он в конце концов обратился не к магии, а к обычной

молитве. Крыса и ворон — только чтобы донести мольбы богу, свечи — чтобы осветить их путь, травы — чтобы укрепить собственное сердце. Он отказался от своей воли, полностью положившись на волю высших сил.

«Помоги мне. Помоги мне. Помоги мне!»

Это были последние занесённые в книгу слова.

«У меня получится», — изумлённо подумал Кэсерил.

А если нет… тогда придёт черёд Бетрис и её ножа.

«Я не проиграю эту игру. Я потерпел поражение практически во всём, за что только брался в жизни. Я не могу проиграть смерть».

Спрятав книгу под подушку и заперев за собой дверь, Кэсерил отправился на поиски пажа.

Он выбрал сонного мальчика, ожидавшего в коридоре окончания ужина в банкетном зале Орико, где отсутствие Исель породило множество разговоров — и не только шёпотом, поскольку первые люди государства тоже отсутствовали: Орико продолжал скрываться в лесу, а Джироналы устроили пирушку у себя во дворце.

Кэсерил выудил из кошелька золотой и поднёс его к лицу, улыбаясь через образовавшийся между большим и указательным пальцами кружок.

— Эй, мальчик, хочешь заработать реал?

В Зангре пажи быстро делались смышлёными; реал — достаточно крупная сумма, чтобы можно было купить на неё некоторые интимные услуги у тех, кто ими торгует. Но и достаточно настораживающая для тех, кто не рискует играть в подобные игры.

— Что я должен сделать, милорд?

— Поймай мне крысу.

— Крысу, милорд? Зачем?

Ах да. Зачем.

«Да затем, что она потребуется мне в обряде смертельной магии против второго по могуществу лорда Шалиона, конечно!»

Нет, не годится.

Кэсерил опёрся плечами о стену и доверительно улыбнулся.

— Когда я был в крепости Готоргет во время её осады три года назад — ты знаешь, что я был её комендантом?.. так вот, пока наш бравый генерал не продал её, мы научились есть крыс. Маленькие вкусные зверюшки, если, конечно, сумеешь наловить достаточно много. И я очень скучаю по вкусу хорошо поджаренного на свече бёдрышка. Поймай мне большую жирную крысу и получишь ещё один реал. — Кэсерил уронил монету

в руку пажа и облизнулся, представляя, каким безумцем должен сейчас выглядеть. Паж слегка попятился. — Ты знаешь, где моя комната?

— Да, милорд.

— Принеси её туда. В мешке. И чем скорее, тем лучше — я голоден. — Кэсерил развернулся и удалился, смеясь. Не притворяясь, а действительно смеясь. Странное, дикое веселье переполняло его сердце, пока он не поднялся к себе и не сел обдумывать свои дальнейшие действия — свою тёмную молитву, своё самоубийство.

Была ночь, ночью вороны не прилетят к его окну, сколько бы прихваченного с собой хлеба он им ни накрошил. Он повертел хлеб в руках. Вороны гнездились под крышей башни Фонсы. Если они не полетят к нему — он сам полезет к ним. Вскарабкается по крышам. Поскальзываясь в темноте? А потом обратно в комнату с трепыхающимся свёртком под мышкой?

Нет. Под мышкой он понесёт крысу в мешке. Если ему суждено будет умереть там, под полуразрушенной крышей, то проделывать обратный путь уже не придётся. Да и смертельная магия ведь уже однажды сработала там, не так ли? Она удалась деду Исель. Вдруг дух Фонсы протянет руку помощи и грешному солдату его внучки?

Башня посвящена Бастарду и его животным, а ночь — особое время для этого бога, особенно дождливая полночь. Тело Кэсерила никто не найдёт и не похоронит. На его останках будут пировать вороны, поминая своего сородича, — достойная цена за жизнь бедняги. Животные невинны, даже жадные вороны; эта невинность делает их всех немного святыми.

Расторопный паж с шевелящимся мешком в руках обернулся значительно быстрее, чем смел надеяться Кэсерил. Он проверил содержимое — толстая, сердито шипевшая крыса весила почти полтора фунта — и заплатил ещё один реал. Паж спрятал монету в карман и зашагал прочь, оглядываясь через плечо. Кэсерил затянул мешок и прижал его к себе.

Переодевшись в одежды торговца (на удачу), он задумался, что надеть на ноги: туфли, сапоги — или идти босиком? Что будет надёжнее на мокрой скользкой крыше? Босиком, решил он. Однако обулся ещё для одного, последнего похода.

— Бетрис! — громким шёпотом позвал он из своего кабинета. — Леди Бетрис! Я знаю, что уже поздно, но не могли бы вы выйти ко мне на минутку?

Она была полностью одета, всё такая же блед-

ная и измученная. Бетрис позволила ему стиснуть свои руки и на мгновение прижалась пылающим лбом к его груди. Тёплый аромат её волос на секунду вернул Кэсерила в Валенду, в храм, где они стояли рядом в толпе на праздновании Дня Дочери. Единственным, что не изменилось в ней с того счастливого дня, была её верность.

— Как принцесса? — спросил Кэсерил.

Она подняла взгляд. Вокруг тускло горели свечи.

— Она без устали молится Дочери. Не ела и не пила со вчерашнего дня. Я не знаю, куда смотрят боги и почему они оставили нас.

— Мне не удалось убить Дондо. Я не смог даже приблизиться к нему.

— Я так и поняла, в противном случае мы бы что-нибудь услышали.

— У меня есть ещё одна идея. Если ничего не получится… я вернусь утром, и мы посмотрим, что можно придумать с вашим ножом. Я просто хотел сказать… если утром я не вернусь, не беспокойтесь обо мне, не ищите — со мной всё в порядке.

— Но вы же не бросаете нас? — Её руки сжались вокруг его запястий.

— Нет, ни за что.

Она моргнула.

— Я не понимаю.

— Всё в порядке. Берегите Исель. И никогда не доверяйте канцлеру ди Джироналу. Никогда.

— Могли бы и не говорить мне этого.

— Да, ещё. Мой друг Палли — марч ди Паллиар — знает правду о том, как я был предан после Готоргета и попал на галеры. Как я стал врагом Дондо… это сейчас не важно, но Исель должна знать, что его старший брат собственноручно вычеркнул меня из списка освобождаемых, приговорив к рабству и смерти. Здесь нет сомнений. Я видел список, написанный им лично — его почерк мне хорошо знаком.

Бетрис прошипела сквозь стиснутые зубы:

— И ничего нельзя сделать?

— Похоже, нет. Если бы удалось это доказать, большинство лордов Шалиона отказались бы воевать под его знамёнами. Возможно, этого было бы достаточно для его падения. А возможно, и нет. Это порох, который должен быть в арсенале Исель. Когда-нибудь она сможет взорвать его. — Он сверху вниз смотрел на обращённое к нему лицо Бетрис — белизна кожи, коралл губ и глубокие, чёрные, как ночь, глаза, огромные в полумраке комнаты. Кэсерил неловко наклонился

и поцеловал её.

Дыхание девушки прервалось, затем она, вздрогнув, рассмеялась и прижала ладонь к губам.

— Ой, простите, ваша борода щекочется.

— Я… это вы простите меня. Палли будет для вас самым лучшим мужем, если, конечно, он нравится вам. Он очень честный и порядочный человек. Как и вы. Передайте ему мои слова.

— Кэсерил, что вы…

В этот момент раздался голос Нан ди Врит:

— Бетрис, где вы? Идите сюда, пожалуйста.

Он должен был уйти, уйти раз и навсегда, забрав с собой все свои сожаления. Кэсерил поцеловал ладони Бетрис и выскользнул за дверь.

Ночное путешествие по крышам Зангра — с жилого корпуса к башне Фонсы — было столь головокружительным и опасным, как и предполагал Кэсерил. Дождь лил не переставая. Луна просвечивала сквозь тучи, но её тусклый свет помогал мало. Крыша была холодной и скользила под босыми замёрзшими ногами. Самым трудным оказался шестифутовый прыжок на крышу круглой башни. К счастью, прыгать пришлось под удобным углом — иначе всё закончилось бы банальным самоубийством при падении на

булыжники двора, где-то там, далеко внизу.

Мешок дёргался в руках, дыхание со свистом вырывалось изо рта. Кэсерила била дрожь после прыжка, он наклонился, упёршись ладонями в крышу, и представил себе, как кусочек черепицы случайно срывается вниз, привлекая внимание стражи к башне…

Затем он стал медленно продвигаться дальше, пока не добрался до разверзшейся в крыше дыры. Усевшись на краю, Кэсерил свесил ноги, но не почувствовал никакой опоры. Он решил дождаться момента, когда луна выйдет из-за туч. Есть ли там пол? Или осталось всего несколько балок? Вороны сонно переговаривались в темноте.

Ждать пришлось около десяти минут, в течение которых он стучал зубами от холода, пытаясь трясущимися руками разжечь вытащенную из кармана свечу. Несколько раз обжёгшись, он наконец запалил маленький огонёк.

Внизу оказались балки и сохранившийся местами пол. После пожара стены отчасти укрепили — наверное, чтобы камни не обрушились кому-нибудь на голову. Кэсерил задержал дыхание и спрыгнул на твёрдый островок прямо под ним. Закрепив свечку, он разжёг от неё ещё одну, затем вынул хлеб и остро отточенный нож Бетрис.

Добыть ворона. Да… Там, в его спальне, это казалось так просто. Воронов даже не было видно в пляшущих тенях.

От шума крыльев над головой, когда ворон уселся на балку, у него едва не остановилось сердце. Вздрогнув, он протянул кусок хлеба. Птица выхватила хлеб и улетела. Кэсерил выругался, сделал несколько глубоких вдохов и сосредоточился. Хлеб. Нож. Свечи. Шевелящийся холщовый мешок. Человек на коленях. Со спокойствием в сердце? Вряд ли.

«Помоги мне. Помоги мне. Помоги мне».

Ворон — или его близнец — вернулся.

— Кэс! Кэс! — негромко прокаркал он, однако от стен отразилось на удивление сильное эхо.

— Да, — выдохнул Кэсерил. — Всё верно.

Он вытащил крысу из мешка, прижал лезвие к её горлу и прошептал:

— Беги к своему господину с моей молитвой.

Резко и быстро он выпустил из неё кровь; тёмная горячая жидкость побежала в ладонь. Кэсерил положил трупик у колена и протянул руку своему ворону, тот уселся на неё и принялся пить крысиную кровь. Маленький чёрный птичий язык испугал Кэсерила, он вздрогнул и чуть не упустил ворона. Прижав птицу к себе, Кэсерил

наклонился и поцеловал её в голову.

— Прости меня. Моя нужда очень велика. Может, Бастард накормит тебя хлебом богов и ты будешь сидеть у него на плече. Лети к своему господину с моей молитвой. — Коротким движением он свернул ворону шею. Птица дёрнулась и затихла; он положил её у другого колена.

— Лорд Бастард, бог правосудия, когда правосудие терпит поражение, бог равновесия, бог всего, что приходит не в своё время, бог моей нужды. За ди Санда. За Исель. За всех, кто её любит, — за леди Бетрис, рейну Исту, старую провинкару. За шрамы на моей спине. За правду против лжи. Прими мою молитву. — Он не имел представления, были ли это правильные слова, да и существовали ли какие-нибудь правильные слова. Дыхание стало прерывистым, наверное, он кричал. Да, точно, он кричал. Потом он словно со стороны увидел себя склонившимся над принесёнными в жертву животными. В животе родилась ужасная, непереносимая боль, сжигавшая внутренности. Ох… Он не знал, что это так больно…

«Всё лучше, чем сдохнуть на галере с браджарскими стрелами в заднице».

Напоследок он вежливо добавил (как молился в детстве, отправляясь спать):

— Мы благодарим тебя, Бог несвоевременного, за твоё благословение.

«Помоги мне. Помоги мне. Помоги мне».

Ох…

Пламя свечей вспыхнуло и погасло. Темнота стала ещё чернее, и всё исчезло.

Глава 12

Кэсерил с трудом открыл глаза; веки были словно намазаны клеем. Он посмотрел вверх, не понимая, где находится. Увидел заключённое в чёрную рваную рамку серое небо. Облизнув пересохшие губы, он попытался сглотнуть. Он лежал на спине под крышей башни Фонсы. Воспоминания ночи обрушились на него.

«Я жив».

«Значит, я проиграл».

Правая рука нащупала неподвижную кучку остывших перьев. Он лежал, погруженный в воспоминания о пережитом ужасе. Страшная режущая боль в животе. Кэсерил дрожал, промёрзший насквозь, весь мокрый и холодный, как труп. Он дышал. Значит, и Донго ди Джиронал тоже дышит. В утро… в утро своей свадьбы?!

Когда глаза немного привыкли к окружающему полумраку, он увидел, что не один — над ним, на балке неподвижно сидело около дюжины воронов. Они пристально смотрели на Кэсерила сверху вниз. Он дотронулся до лица, но не обнаружил кровавых ран — ни одна из птиц ещё не

приступала к трапезе.

— Нет, — дрожащим шёпотом произнёс он, — я не ваш завтрак. Мне очень жаль.

При звуке его голоса один ворон встряхнул крыльями, но никто из птиц не сдвинулся с места. Даже когда Кэсерил сел, птицы не поднялись в воздух.

Было ещё темно, в голове мелькали обрывки странного сна. Он видел себя Дондо ди Джироналом, пирующим с приятелями и шлюхами в каком-то освещённом свечами и факелами зале. На толстых пальцах сверкали кольца. Он был сильно пьян и предвкушал, как лишит Исель невинности, сопровождая свои мысли непристойными жестами, когда… он вдруг закашлялся, в горле запершило, затем возникла нестерпимая боль. Горло распухло, стало невозможно дышать. Красные лица сотрапезников закружились перед его глазами, их смех и шутки сменились паникой при виде его делающегося пурпурным, раздувающегося тела. Крики, опрокинутые винные чаши, пугающий шёпот: «Яд! Яд!»

Ни слова, ни стона не вылетало из отёкшего горла, распухший язык не шевелился. Безмолвные конвульсии, бешеный стук сердца, разрывающая боль в груди и голове, темнота, сменяющаяся кро-

вавыми вспышками перед меркнущим взором…

«Это был только сон. Если я жив, то и он тоже».

Кэсерил снова упал на пол, согнувшись от боли в животе, обессиленный и отчаявшийся. Стая воронов смотрела на него в напряжённой тишине. До него внезапно дошло, что нужно возвращаться, а он совершенно не продумал, как будет делать это. Он мог спуститься вниз до кирпичной кладки и, стоя на куче скопившегося за долгие годы птичьего помёта и прочих отходов, кричать, чтобы его выпустили наружу. Услышит ли его кто сквозь мощные каменные стены? Не примут ли его глухой голос за бормотание воронов или завывание привидений?

Тогда наверх? Тем же путём, что и пришёл?

Наконец он встал, ухватился за балку и подтянулся на руках, пытаясь забросить непослушное тело наверх. Даже теперь вороны не желали улетать. Кэсерил напряг ноющие мышцы и — вынужденный силой спихнуть пару птиц, чтобы было куда встать — поднялся на ноги. Вороны, недовольно встряхнув крыльями, молча подвинулись. Он подоткнул полы коричневой мантии за пояс. Крыша была совсем рядом. Вздохнув, Кэсерил подпрыгнул и, болтая в воздухе босыми ногами, перекинул тело через край дыры. Ту-

ман был такой густой, что двора не разглядеть. Наверное, светает или только-только рассвело, решил Кэсерил. В это серое утро поздней осени некоторые слуги уже должны были подняться. Вороны, вылетая через дыру один за другим, торжественно последовали за Кэсерилом. Они уселись на крыше и, повернув головы, наблюдали за его манёврами.

Он чувствовал на себе их взгляды, когда прыгал на крышу жилого корпуса замка. Они словно ждали его падения, чтобы отомстить за гибель сородича. Должно быть, представляли себе, как ноги Кэсерила соскользнут и он, размахивая руками, полетит вниз к поджидающей на булыжниках смерти. От боли в животе у него снова перехватило дыхание. Смерти он не боялся, может быть, даже и не сопротивлялся бы, а просто спрыгнул вниз — но пугала возможность остаться в живых после падения, калекой с переломанными костями. Только это заставляло его осторожно продвигаться в поисках незапертого мансардного окна. В тумане Кэсерил не мог разобрать, из какого именно окна он выбрался вчера, и пробовал на прочность задвижки каждого. Окно к тому же могли запереть уже после его ухода. Вороны следовали за ним вдоль водосточной трубы, пе-

релетая с места на место. Туман серебристыми капельками оседал на лице, волосах, бороде. Четвёртое окно приветливо распахнулось под его рукой. Кэсерил скользнул внутрь, еле успев прикрыть его за собой — вовремя, чтобы избавиться от своего одетого в чёрное эскорта, два первых представителя которого уже сунулись было внутрь. Одна птица ударилась в стекло грудью.

Спустившись по лестнице к своей спальне и не встретив никого по пути, Кэсерил ввалился в комнату и запер за собой дверь. Покрытый холодным потом, мучимый жуткими спазмами в животе, он достал ночной горшок, куда из него изверглись вселяющие ужас огромные сгустки крови. Его руки дрожали, когда он мылся в умывальнике. Открыв окно, чтобы выплеснуть из тазика наружу кровавую воду, он вспугнул с каменного карниза пару мрачных воронов. Кэсерил крепко запер окно на задвижку.

Покачиваясь и еле держась на ногах, словно пьяный, он подошёл к постели и, рухнув, завернулся в покрывало. Так и лежал, весь дрожа, пока не услышал шаги и тихие голоса разносивших воду, полотенца и ночные горшки слуг.

Проснулась ли уже Исель, чтобы умываться, одеваться и примерять украшения для своей

ужасной свадьбы с Дондо? Спала ли она вообще? Или проплакала всю ночь, моля богов о смерти? Он должен подняться наверх, чтобы оказать посильную помощь. Нашла ли Бетрис другой нож?

«Я не вынесу этого».

Он сжался в комок и закрыл глаза.

Кэсерил ещё лежал в постели, прерывисто дыша, чуть не всхлипывая, когда в коридоре раздались тяжёлые шаги и его дверь с шумом распахнулась. Голос канцлера ди Джиронала прорычал:

— Я знаю — это он! Это должен быть он!

Шаги остановились в изножье кровати, и кто-то сорвал с Кэсерила покрывало. Он повернулся и увидел над собой застывшее в изумлении седобородое лицо ди Джиронала.

— Ты жив! — воскликнул тот. В его голосе звучало негодование.

Полдюжины придворных, в которых Кэсерил узнал приспешников Дондо, склонились над кроватью. Их руки лежали на рукоятях мечей, словно собираясь исправить эту ошибку. Рей Орико, в ночной рубашке, в стареньком плаще, который он придерживал руками у горла, стоял позади остальных. Орико выглядел… странно. Кэсерил сморгнул и протёр глаза. Некое подобие

ауры окружало рея, но не светлой, а тёмной. Орико был словно окружён темнотой — облаком или туманом. Эта аура следовала за всеми его движениями, словно одеяние.

Ди Джиронал прикусил губу. Глаза его прожигали лицо Кэсерила.

— Если не ты, то кто? Должен же был кто-то… кто-то близкий к… Чёртова девчонка! Гнусная маленькая убийца! — Он резко повернулся и вылетел прочь, коротким жестом приказав своим людям следовать за собой.

— Что случилось? — приподнявшись, спросил Кэсерил у Орико, который тоже собрался выходить.

Орико обернулся и, разведя руками, недоумённо ответил:

— Свадьба отменяется. Дондо ди Джиронал около полуночи был убит при помощи смертельной магии.

Кэсерил открыл рот, но всё, что он смог сказать, было слабое «ох». Изумлённый, он упал на подушки, а Орико поспешил за своим канцлером.

«Я не понимаю».

«Если Дондо убит, а я жив… значит, мне не было даровано чудо смерти. Но ведь Дондо убит! Как?»

Только если кто-то вырвал Кэсерила из лап

смерти и сам занял его место. Внезапно он пришёл к тому же выводу, что и ди Джиронал.

«Бетрис?»

«Нет, о нет!»

Он вскочил с постели, тяжело упал на пол, но упрямо поднялся на ноги и потащился за разъярёнными и обескураженными придворными.

Поднявшись в свой забитый людьми кабинет, он услышал рёв ди Джиронала.

— Тогда вытащите её сюда, чтобы я сам мог увидеть её! — рычал тот на взлохмаченную и перепуганную Нан ди Врит, которая закрывала собой проход в покои девушек, грудью защищая от врага последние рубежи. Кэсерил чуть не вскрикнул от облегчения, увидев за спиной Нан сердито нахмурившуюся Бетрис. Если Нан ди Врит была в ночной рубашке, то девушка была полностью одета — в том же зелёном платье, что и накануне вечером, бледная и осунувшаяся.

«Спала ли она? Но она жива! Жива!»

— С какой стати вы подняли такой шум, милорд? — холодно спросила она. — Это совершенно неуместно и несвоевременно.

Рот ди Джиронала приоткрылся, он подался назад. Потом стиснул зубы.

— Где принцесса? Я должен её видеть!

— Она уснула впервые за несколько дней. И я не собираюсь её беспокоить и никому не позволю это сделать. Скоро ей предстоит сменить сон на кошмар наяву! — Ноздри Бетрис затрепетали от неприкрытой враждебности.

Ди Джиронал выпрямился и напрягся.

— Разбудите её, — прошипел он. — Вы можете разбудить её?

«Великие боги! Неужели Исель?..»

Но прежде, чем новый ужас сдавил горло Кэсерила, появилась Исель собственной персоной. Отодвинув своих дам, она решительным шагом подошла прямо к ди Джироналу.

— Я не сплю. Что вы хотите, милорд? — Она кинула взгляд на стоявшего у двери своего брата Орико, затем снова посмотрела на ди Джиронала. Брови её сошлись на переносице, во взгляде забрезжило понимание. Не задав ни единого вопроса, она знала теперь, чья сила принуждала её к нежеланной свадьбе.

Ди Джиронал смотрел то на одну, то на другую женщину — все были бесспорно живы и вполне самостоятельно стояли перед ним. Затем он повернулся к Кэсерилу, который не отрывал глаз от Исель. Вокруг неё тоже была аура, но не такая, как у Орико, а более беспокойная, в ней смешались

глубокие тёмные и светящиеся бледно-голубые пятна, как сполохи в ночном небе далёкого юга, виденном им однажды.

— Кем бы он ни был, — процедил ди Джиронал, — где бы он ни находился, но я найду труп этого мерзкого труса, даже если мне придётся перевернуть весь Шалион.

— И что тогда? — спросил Орико, потерев небритую щёку. — Повесить его?

Он иронично вздёрнул бровь, глядя на бледное от ярости лицо ди Джиронала. Тот стремительно вышел — Кэсерил еле успел подвинуться, чтобы освободить ему путь. Переводя взгляд с Исель на Орико и обратно, он всё сравнивал свои… галлюцинации? Больше ни у кого он не видел ни подобного свечения, ни хотя бы тени вокруг.

«Может, я болен? Может, сошёл с ума?»

— Кэсерил, — нетерпеливо спросила Исель, как только мужчины ушли, а Нан спешно закрыла за ними дверь, — что случилось?

— Прошлой ночью кто-то убил Донго ди Джиронала с помощью смертельной магии.

Её рот удивлённо приоткрылся. Она радостно захлопала в ладоши, словно ребёнок, которому только что пообещали исполнить заветное желание.

— О! О! О-ох, какая чудесная новость! О благодарю тебя, леди, о благодарю тебя, Бастард! Я пошлю на его алтарь гору подарков! Но, Кэсерил, кто же?..

В ответ на подозрительный взгляд Бетрис Кэсерил только пожал плечами:

— Не я, как видите.

«Но не потому, что не пытался».

— А вы… — начала Бетрис и прикусила язык. Кэсерил молча поблагодарил её за то, что она не стала задавать свой вопрос вслух при двух свидетелях, вынуждая его признать себя виновным в страшном преступлении. Да и вряд ли ему нужно было что-то говорить — по блеску её глаз он видел, что она всё поняла.

Исель отступила, чуть не прыгая от облегчения.

— Думаю, я почувствовала это, — сказала она немного удивлённым голосом. — В любом случае что-то я почувствовала. Около полуночи, вы говорите?

Этого ей никто не говорил.

— Какое-то облегчение на душе, словно что-то во мне знало, что мои молитвы услышаны. Но я никак не предполагала подобного. Я просила леди о своей смерти… — Она помолчала и при-

коснулась рукой к бледному лбу. — Или о том, как будет ей угодно. — Её голос стал тише. — Кэсерил… могла я… могла я сделать это? Может, богиня так ответила на мои молитвы?

— Я… я не вижу, каким образом, принцесса. Вы молились леди Весны, разве нет?

— Да, и её Матери — обеим. Но в основном Весне.

— Великие леди дарят чудо жизни, а не смерть — обычно так. Но все чудеса непредсказуемы и загадочны. Боги. Кто знает пределы возможностей богов и их цели?

— Это не ощущалось как смерть, — призналась Исель. — Меня словно отпустило. Я даже смогла немного поесть, и меня не вытошнило. Потом я уснула.

Нан ди Врит согласно закивала.

— И я очень этому рада, миледи.

Кэсерил глубоко вздохнул.

— Что ж, полагаю, ди Джиронал займётся поисками убийцы. Он будет рыскать по всему Кардегоссу в поисках человека, умершего прошлой ночью, да что там Кардегосс — по всему Шалиону, я уверен, пока не выяснит, кто убил его брата.

— Благословение на бедную душу, разрушив-

шую его ужасные планы. — В общепринятом жесте благословения Исель прикоснулась ко лбу, губам, солнечному сплетению и пупку, затем, прижав ладонь к сердцу, широко развела пальцы. — И пусть демоны Бастарда даруют ему прощение во всём, в чём только можно.

— Аминь, — склонил голову Кэсерил. — Будем надеяться, ди Джиронал не обнаружит близких друзей или родственников погибшего, чтобы отомстить им. — Он снова схватился за сведённый отчаянной болью живот.

Бетрис приблизилась к нему, глядя в лицо; протянула было к нему руку, затем, поколебавшись, опустила её.

— Лорд Кэс, вы выглядите ужасно. У вас лицо цвета холодной овсянки.

— Я… болен. Что-то съел. — Он перевёл дух. — Так что сегодня мы готовимся не к печальной свадьбе, а к радостным похоронам. Надеюсь, вы, леди, сумеете сдержать свой восторг на людях?

Нан ди Врит хмыкнула. Исель призвала её к спокойствию и твёрдо произнесла:

— Торжественная скорбь, я вам обещаю. И если моё сердце полно благодарности, а не печали, то об этом догадаются только боги.

Кэсерил кивнул и потёр ноющую шею.

— Обычно жертву смертельной магии предают огню до темноты, чтобы, как говорят священники, лишить потусторонние силы тела, на которое они могли бы оказать влияние. Похоже, такая смерть привлекает призраков. Это будут исключительно стремительные похороны для такого высокого лорда. Всё должно быть подготовлено задолго до вечера. — Загадочная аура Исель вызывала у него головокружение и тошноту. Он сглотнул слюну и отвёл от неё глаза.

— Тогда, Кэсерил, — сказала Бетрис, — умоляю вас, ложитесь пока в постель. Мы все столь неожиданно оказались в безопасности. Вам не нужно ничего больше делать. — Она дотронулась до его холодных рук, коротко сжала их в ладонях и улыбнулась со странным пониманием. Он попытался выдавить из себя ответную улыбку и удалился.

Упав обратно в кровать, он провалялся там почти час, мучимый болью, и всё ещё дрожал в ознобе, когда дверь тихонько отворилась и вошла Бетрис. Она на цыпочках подошла к постели и, наклонившись над ним, положила ладонь на его влажный холодный лоб.

— Я боялась, что у вас жар, — сказала она, — а вы дрожите от холода.

— Я… замёрз… да. Наверное, ночью сползло одеяло.

Она дотронулась до его плеча.

— Ваша одежда промокла насквозь, — заметила Бетрис и прищурила глаза. — Когда вы последний раз ели?

Он не смог вспомнить.

— Вчера утром, кажется.

— Ясно. — На мгновение Бетрис нахмурилась, затем развернулась и вышла.

Через десять минут появилась служанка с большим металлическим листом, на котором дымились горячие угли. Ещё через несколько минут прибыл слуга с ведром горячей воды, которому было приказано вымыть Кэсерила и уложить в постель в сухой тёплой одежде. И это тогда, когда весь замок, казалось, ополоумел, готовясь к похоронам. Всем одновременно — и леди, и кавалерам — требовалось мыться и переодеваться, чтобы предстать на людях во всеоружии. Кэсерил ни о чём не спрашивал. Слуга только-только закончил одевать его, когда снова появилась Бетрис с фарфоровой мисочкой на подносе. Оставив дверь открытой, она уселась на край кровати с ложкой в руке.

— Ешьте.

Это был хлеб, намоченный в горячем молоке с мёдом. Изумлённо открыв рот и проглотив первую ложку, Кэсерил опёрся на подушки.

— Я не настолько болен. — В попытке восстановить своё достоинство он отобрал у Бетрис плошку; она не возражала и сидела на кровати молча, пока он ел. Кэсерил почувствовал, как он, оказывается, был голоден. Всё съев, он понял, что ему больше не холодно.

Бетрис удовлетворённо улыбнулась.

— Теперь цвет вашего лица нравится мне куда больше. Уже не такой призрачный. Хорошо.

— Как принцесса?

— Намного лучше. Она была… совсем убита. А теперь, после того как с её плеч спала эта невыносимая тяжесть, на неё радостно смотреть.

— Да, я понимаю.

Бетрис кивнула.

— Сейчас она отдыхает, пока не пора будет одеваться. — Она забрала из его рук опустевшую плошку, поставила её рядом и понизила голос: — Кэсерил, что вы делали прошлой ночью?

— Ничего. Правда.

Её губы сердито сжались. Но зачем было перекладывать на её плечи этот груз? Признание облегчит его душу, но вдруг ей придётся давать

показания под присягой?

— Лорд ди Ринал говорит, вы заплатили пажу за крысу. Это и заставило, по словам ди Ринала, лорда ди Джиронала ворваться к вам в комнату. Паж сказал, вы хотели её съесть.

— Ну да. Это не преступление, когда человек хочет съесть крысу. Маленький праздник в память об осаде Готоргета.

— Да-а? Но вы же только что сознались, что не ели со вчерашнего утра?

Бетрис поколебалась и продолжала:

— Горничная говорит, что в вашем горшке, когда она выносила его утром, была кровь.

— Демоны Бастарда! — Кэсерил, улёгшийся было на подушки, снова сел. — Есть ли хоть что-нибудь святое в этом замке, не подлежащее обсуждению? Человек что, не может считать своей неприкосновенной собственностью даже ночной горшок?

Она протянула руку.

— Лорд Кэс, пожалуйста, не шутите так! Насколько вы больны?

— У меня болел живот. Теперь всё прошло. Такое случается. И не о чем тут разговаривать. — Он поморщился и решил не рассказывать о своих галлюцинациях. — Кроме того, кровь в горшке

— крысиная. И живот болел из-за того, что я съел эту тварь. Ну?

Она медленно произнесла:

— Хорошая история. Всё вроде бы сходится.

— Ну, так чего же ещё?

— Но, Кэс, люди решат, что вы — странный.

— Что же, добавим это в коллекцию сплетен. Будет соседствовать с той, где рассказывается, как я насилую девушек. Наверное, для достижения необходимого равновесия мне потребуется приписать ещё одно извращение — к примеру, попытки использования смертельной магии. Это приведёт к равновесию на виселице.

Бетрис нахмурилась и выпрямилась.

— Ладно. Я не буду давить на вас. Однако мне интересно, — она обхватила себя руками, — если двое — теоретически — одновременно пытаются прибегнуть к смертельной магии против одного человека, могут ли они оба достигнуть цели и остаться… полуживыми?

Кэсерил пригляделся к девушке — нет, она не выглядела больной — и покачал головой.

— Не думаю. Принимая во внимание, что люди давно и разными способами пытаются использовать смертельную магию, таковое, будь оно возможным, уже наверняка имело бы место в

прошлом. Бастардов демон смерти всегда изображается на храмовых фресках с коромыслом на плечах, на котором висят два одинаковых ведра — одно для души убийцы, другое для души жертвы. — Тут на ум ему пришли слова Умегата: «Я вообще уверен, что только так и бывает». — Не думаю, что демон или сам Бастард может делать выбор.

Бетрис прищурилась.

— Вы сказали, что если не вернётесь к утру, мы не должны беспокоиться и искать вас. Вы сказали, что с вами всё будет в порядке. А ещё вы сказали, что если тела своевременно не сжечь, то ими могут завладеть призраки.

Кэсерил почувствовал себя неуютно и заёрзал в подушках.

— Ну, я просто пытался предусмотреть кое-что — в некотором роде.

— Предусмотреть что именно? Вы собирались уйти, не оставив тем, кто беспокоится о вас, никаких сведений о том, где вас искать и какому богу за вас молиться.

Он откашлялся.

— Вороны Фонсы. Я забрался прошлой ночью в башню, чтобы… э-э… помолиться. Если бы всё пошло… э-э… несколько иначе, то они позаботи-

лись бы о моём теле, как их собратья заботятся о трупах павших на поле брани или затерявшихся в горах овец.

— Кэсерил! — возмущённо закричала Бетрис, но потом снова понизила голос до шёпота. — Кэс, это… это… вы имеете в виду, что полезли туда в одиночку, чтобы умереть в отчаянии, оставив своё тело на растерзание этим… Это ужасно!

Он вздрогнул, увидев слёзы, навернувшиеся на её глаза.

— Ну-ну. Всё не так плохо. Вполне по-солдатски, полагаю. — Он поднял руку, чтобы утешить её, но затем заколебался и не решился дотронуться до неё.

Руки Бетрис стиснули складки платья.

— Если вы ещё хоть раз сотворите что-либо подобное, не сказав мне ни слова, я… я… залеплю вам пощёчину, глупец вы этакий! — Она зажмурилась, пытаясь сдержать слёзы, затем потёрла лицо ладонями и села, выпрямив спину. Голос её вновь обрёл обычное спокойное звучание. — Церемония прощания начнётся за час до заката, в храме. Вы думаете пойти или собираетесь остаться в постели?

— Если вообще буду в состоянии ходить — я обязательно пойду. Я должен там быть. Каждый

враг Дондо будет там только для того, чтобы доказать, что не он повинен в его смерти.

Ритуал прощания с Дондо ди Джироналом привлёк не в пример больше внимания, чем похороны бедного одинокого ди Санды. Сам рей Орико в траурных одеяниях возглавил прибывших из Зангра дворян. Рейну Сару доставили в носилках. Её лицо было непроницаемо, словно выточено изо льда, а одежда была вызывающе яркой, усыпанной украшениями. Остальные пытались не замечать подобного проявления радости.

Кэсерил украдкой смотрел на неё, привлечённый не этим неуместным нарядом, а другой её одеждой — такой же тёмной аурой, как у Орико. Вокруг Тейдеса он видел такую же — она следовала за ним по мощёным улицам города. Чем бы ни являлось это призрачное облако, оно присутствовало вокруг каждого члена царственной семьи. Кэсерилу стало интересно, что бы он увидел, если бы мог взглянуть сейчас на вдовствующую рейну Исту.

Настоятель храма Святого Семейства Кардегосса в пятицветном облачении начал церемонию на заполненном людьми дворе храма. Процессия из дворца Джироналов установила гроб с телом

в нескольких шагах от Очага Богов — круглой каменной платформы, защищаемой от дождя медным куполом, опиравшимся на пять тонких колонн. Сероватый, не дающий тени свет угасающего дня уже собирался смениться сумерками туманного вечера.

Застывшее тело Дондо было обложено цветами и травами для привлечения удачи и защиты — слишком поздно, подумал Кэсерил — и облачено в сине-белые генеральские одежды священного ордена Дочери. На груди лежал меч без ножен, руки сжимали рукоять. Тело не выглядело раздувшимся или изменившим форму — ди Ринал прошептал, что его, верно, плотно обмотали льняными бинтами перед тем, как одеть. Лицо Дондо было значительно более распухшим, чем у одного из его приятелей, виденных Кэсерилом сегодня поутру. Тело придётся сжечь вместе со всеми кольцами, надетыми на толстые, как сардельки, пальцы; снять их под силу только разве мяснику с разделочным ножом.

Кэсерил сумел дойти из Зангра до храма, не спотыкаясь и не шатаясь от слабости, но живот у него снова скрутило и раздуло; пояс давил, мешая дышать.

Кэсерил шёл позади Бетрис и Нан. Исель при-

шлось идти между канцлером и реем Орико во главе процессии; к этому её обязывала краткая помолвка с Дондо. Её аура всё ещё сияла и вспыхивала перед внутренним зрением Кэсерила. Лицо Исель было строгим и бледным. Вид тела Дондо помогал ей удержаться от проявления радости.

Двое придворных выступили вперёд, дабы произнести над покойным слова прощания. Кэсерилу не хотелось слышать эти столь далёкие от истины речи. Канцлер ди Джиронал говорил мало, по его лицу было трудно понять — от горя или от ярости. Он пообещал награду в тысячу реалов тому, кто поможет найти убийцу его брата. На алтарь храма также лёг увесистый кошелёк, словно при помощи этих денег, а также молитв многочисленных священников, служителей, настоятелей и дедикатов Кардегосса покойный мог обрести святость. Внимание Кэсерила привлекла одна из жриц хора — невысокая женщина среднего возраста в зелёных одеждах Матери. Она светилась, словно свеча, прикрытая зелёным стеклом. Один раз она мельком посмотрела на Кэсерила, затем снова перевела взгляд на дирижировавшего священника.

Кэсерил наклонился к Нан и прошептал:

— Вы не знаете, кто эта женщина из служите-

лей Матери — вон там, в конце второго ряда?

Нан ди Врит шёпотом отвечала:

— Одна из акушерок Матери. Говорят, очень хорошая.

— А-а.

Когда выпустили священных животных, толпа замерла. Было не совсем ясно, кто из богов заберёт себе душу Дондо ди Джиронала. Генералами Дочери был и отец, и дед Дондо, да и сам он умер, находясь у неё на службе. В юности Дондо служил в ордене Сына офицером. У него были внебрачные дети, но были и две дочери от его покойной первой жены, оставленные на попечение приюта. И — хотя никто не говорил подобное вслух — если его душу унёс демон Бастарда, она по праву принадлежала и этому богу. Служительница Дочери выступила вперёд и по знаку настоятеля храма Святого Семейства Менденаля отпустила голубую сойку. Птица уселась обратно на рукав, вцепившись коготками в ткань. Служительница вопросительно посмотрела на Менденаля и, повинуясь его нахмуренным бровям и кивку в сторону гроба, попыталась, хотя и без особого желания, ещё раз отправить птицу в полёт. Но птица явно не собиралась никуда лететь. Тогда, под взглядом старшего настоятеля, она взяла

сойку в руки и посадила прямо на грудь Дондо. Но как только служительница убрала руки, сойка подняла хвост, уронила на покойника кучку помёта и с пронзительным криком полетела ввысь. Трое мужчин рядом с Кэсерилом начали перешёптываться, но от смеха их удерживал грозный вид канцлера. Глаза Исель полыхали серо-голубым огнём, она вынуждена была опустить их долу; аура её возбуждённо переливалась.

Служительница, отступив назад и гордо вздёрнув подбородок, следила за парившей в вышине сойкой.

Та уселась на крышу и ещё раз пронзительно закричала. Служительница посмотрела на настоятеля, тот махнул рукой; тогда она вытянула руку, пытаясь призвать птицу к себе.

Зелёная птица Матери тоже отказалась покинуть свою хозяйку. Настоятель Менденаль не решился повторить с позором провалившийся эксперимент и дал служительнице в зелёных одеждах знак, что она может отступить на своё место. Служитель Сына подтащил лиса к самому изножью гроба; зверь наморщил нос и чихнул. Затем, скребя по мостовой чёрными когтями, потянул служителя назад. Настоятель позволил удалиться и ему.

Толстый серый волк сидел неподвижно, вывалив из приоткрытой пасти большой красный язык. Он только тяжко вздохнул, когда его служитель потянул за серебряную цепочку, понуждая его встать. Шёпот пролетел по толпе: волк улёгся на брюхо, широко растопырив лапы. Служитель Отца опустил руки и встал рядом; его взгляд, обращённый к Менденалю, кричал: «Я не имею к этому отношения!» Менденаль не спорил.

Все повернулись к одетой в белоснежную мантию служительнице Бастарда с её крысами. Губы канцлера ди Джиронала сжались и побледнели от бессильной ярости, но он ничего не мог ни сказать, ни сделать. Леди в белом вздохнула и, шагнув к гробу, опустила священных животных на грудь Дондо в знак того, что её бог принимает его отвергнутую остальными богами, проклятую и опозоренную душу.

Как только её руки выпустили шелковистые белые тельца, обе крысы бросились к противоположным сторонам гроба, словно выпущенные из катапульты. Служительница метнулась сначала вправо, потом влево, не зная, за которой броситься. Тем временем одна крыса кинулась в поисках спасения за колонны, а вторая — в толпу. Несколько леди нервно завизжали. По толпе

кавалеров и дам пробежал изумлённый шёпот недоверия и испуга.

— Кэсерил! — Возбуждённая Бетрис дёрнула его за рукав, чтобы он наклонился, и зашептала прямо в ухо: — Что это значит? Бастард всегда забирает отверженных. Всегда. Это его… его работа. Он не может не принять такую душу… то есть, я думала, он всегда принимает таких, как Дондо.

Кэсерил тоже был в недоумении.

— Если никто из богов не взял к себе душу Дондо… значит, она осталась в мире. То есть если она не там, стало быть, она — здесь. Где-то здесь…

Беспокойный призрак, отверженный дух. Отделённый от тела и проклятый.

Церемония зашла в тупик; канцлер ди Джиронал с настоятелем Менденалем отошли за Священный Очаг, дабы обсудить случившееся и придумать подходящее объяснение для ожидающей заинтригованной толпы. Настоятель выглянул из-за Очага, подзывая одного из служителей Бастарда. После короткого совещания одетый в белое молодой человек куда-то убежал. Серое небо над головами темнело. Настоятели, не дожидаясь приказа старшего над ними настоятеля Святого Семейства, дали знак певцам продолжать пение. Наконец ди Джиронал и

Менденаль закончили совещаться. Они вышли к толпе и молча чего-то ждали. Певцы перешли к следующему гимну. Кэсерилу очень захотелось иметь в руках ордолловский «Пятилистник души» или что-нибудь в этом роде, чтобы скрыть зевоту. Увы, книга осталась в Валенде.

Если дух Дондо не был принесён демоном своему господину, где же он тогда? И если демон не смог принести обе души — и убийцы, и жертвы, — где в таком случае отделённая от тела душа этого убийцы? И где сам демон? Кэсерил никогда сильно не увлекался теологией. По непонятным теперь ему самому причинам он всегда считал это занятие ненужным и непрактичным, пригодным разве что для мечтателей и философов. Пока сам не окунулся в этот кошмар.

Скребущий звук снизу заставил его опустить глаза. К нему тянулась священная белая крыса, поднявшись на задние лапки и шевеля розовым носиком. Она потёрлась запачкавшейся мордочкой о щиколотку Кэсерила. Он наклонился и поднял зверька, чтобы отдать потом служителям Бастарда. Крыса с удовольствием устроилась у него в ладонях и лизнула большой палец руки.

К удивлению Кэсерила, посланный настоятелем служитель Бастарда вернулся в сопровожде-

нии Умегата, одетого в своё обычное одеяние с символами Зангра. Умегат прямо-таки поразил Кэсерила. Рокнарец светился, окружённый белой сияющей аурой. Кэсерил зажмурился, хотя и понимал, что видит сияние не обычным зрением, а странным внутренним взором. Белый огонь продолжал двигаться за смежёнными веками. Там — темнота, которая не была темнотой, вон ещё две тени, а вот и сполохи Исель. В стороне — яркая зелёная свеча. Его глаза широко распахнулись. Умегат подошёл к старшему настоятелю, поклонился, представился и отступил с ним в сторону для совещания.

Менденаль подозвал служительницу Бастарда, уже поймавшую одну свою белую подопечную, которую та и передала Умегату. Грум взял крысу в руки и посмотрел прямо на Кэсерила. Затем пошёл к нему, пробираясь с извинениями сквозь толпу придворных, которые кидали на него быстрые взгляды. Кэсерил не мог понять, почему они не расступаются перед сиянием Умегата, как море перед носом корабля. Умегат протянул руку ладонью вверх. Кэсерил непонимающе заморгал.

— Священная крыса, милорд, — мягко поторопил его грум.

— А… — Зверёк всё ещё лизал и покусывал его

пальцы. Умегат отцепил сопротивлявшегося зверька от его рукава, удержав при этом крысу, сидевшую на его собственной ладони, от прыжка в руки Кэсерила. С обеими крысами Умегат неторопливо направился к гробу, где ожидал настоятель храма Святого Семейства. Может, Кэсерил совсем спятил, но ему показалось, что настоятель едва удержался, чтобы не поклониться груму. Придворные Зангра не усмотрели ничего странного в том, что настоятель пригласил на помощь в сём необычном случае самого опытного в обращении с животными слугу рея. Все взгляды были сосредоточены на крысах, а не на рокнарце.

Умегат, держа зверьков в руках, что-то прошептал им и приблизился к гробу Дондо. В течение долгих секунд крысы не двигались и не призывали душу Дондо к своему господину. Наконец, когда они так и не проявили к тому желания, Умегат отступил, покачал головой, извиняясь, и передал зверьков озабоченной служительнице Бастарда.

Затем Менденаль встал на колени между Очагом и гробом и принялся молиться. Вскоре он поднялся на ноги. Служители зажгли укреплённые на стенах светильники — во дворе храма

быстро темнело. Настоятель подал знак перенести гроб с телом Дондо на заранее подготовленное для его сожжения место. Певцы запели псалом.

Исель подошла к Бетрис и Кэсерилу. Она провела тыльной стороной ладони по усталым, окружённым тенями глазам и сказала:

— Мне кажется, я больше не выдержу. Ди Джиронал, если хочет, может смотреть, как поджарят его брата. Уведите меня домой, лорд Кэс.

Маленькая свита принцессы отделилась от основной толпы присутствующих — хотя они были не единственные, кто не захотел присутствовать при сожжении тела — и направилась к воротам храма, чтобы выйти в сырые сумерки осеннего вечера.

Грум Умегат, видимо, поджидавший Кэсерила у колонны, выпрямился и подошёл к ним. Поклонившись, он произнёс:

— Милорд ди Кэсерил, не могли бы вы уделить мне минутку?

Кэсерила почти удивляло, что сияние ауры Умегата не отражается от мокрых булыжников двора. Он кивнул Исель, словно извиняясь, и отошёл с грумом в сторону. Три женщины остались ждать его у ворот; Исель опиралась на руку Бетрис.

— Милорд, сегодня, как только у вас появится

возможность, я очень прошу вас навестить меня.

— Я приду к вам в зверинец, как только провожу Исель в её покои. — Кэсерил замялся. — А вы знаете, что светитесь, как горящий факел?

Умегат наклонил голову.

— Мне говорили это, милорд, те немногие, кто в состоянии видеть свет и тень. Увы, никто не может видеть сам себя. Ни одно из зеркал мира не отражает этого. Только глаза души.

— Там была женщина… она светилась, словно зелёная свеча.

— Мать Клара? Да, она только что говорила со мной о вас. Это лучшая акушерка Матери.

— А что такое эта тень, этот антисвет?

Умегат дотронулся пальцами до губ.

— Не здесь, пожалуйста, милорд.

Губы Кэсерила сложились в молчаливое «о». Он кивнул.

Рокнарец отвесил ему почтительный поклон. Повернувшись, чтобы войти обратно в ворота храма, он оглянулся и добавил:

— Вы сияете словно пылающий город.

Глава 13

Принцесса была так измучена странными похоронами Дондо, что спотыкалась всю дорогу до замка. Кэсерил, оставив Нан и Бетрис, собиравшихся немедленно уложить Исель в постель и попросить слуг принести лёгкий ужин прямо в покои, снова вышел из замка и, очутившись за воротами Зангра, задержался ненадолго, глядя на город. Столб дыма ещё поднимался к небу, Кэсерилу даже показалось, что он различает оранжевые сполохи снизу. Было уже довольно темно, чтобы пытаться разглядеть что-то ещё. Сердце его дрогнуло от испуга, когда, пересекая двор у конюшен, он внезапно услышал у себя за спиной резкое хлопанье. Но это оказались всего лишь вороны Фонсы, опять стаей следовавшие за ним. Он отогнал двоих, пытавшихся усесться ему на плечо, и замахал на них руками, шипя и топая. Птицы отлетели, но продолжали следовать за ним, пока Кэсерил не дошёл до зверинца.

Один из грумов — подчинённый Умегата — ждал его у дверей с зажжённым фонарём. Это был коренастый пожилой человек без больших

пальцев на руках. Он широко улыбнулся Кэсерилу и промычал приветствие. То, что это было приветствием, сделалось ясным по его дружелюбной жестикуляции, ибо язык у него, как и большие пальцы, отсутствовал. Он открыл дверь пошире, чтобы пропустить Кэсерила, и быстро закрыл её, шуганув воронов, которые тоже стремились просочиться внутрь. Грум поймал самого настырного и выставил его на улицу. К фонарю — свече под стеклянным колпаком — была приделана широкая ручка, чтобы бедняге было удобно носить его с четырьмя оставшимися пальцами. Грум провёл Кэсерила по проходу. Звери в клетках прижимались к прутьям решёток, глядя на гостя из темноты. Глаза леопарда светились зелёными искрами; его рычание не было тихим и угрожающим — оно было громким, со странными переливчатыми интонациями, словно зверь хотел что-то спросить своей песней.

Спальни грумов зверинца занимали половину второго этажа; в оставшейся половине хранился разнообразный инвентарь и запасы соломы. Дверь была открыта, свет свечей лился в тёмный коридор. Грум постучал по косяку, и голос Умегата ответил:

— Хорошо, спасибо.

Немой грум поклонился и пропустил Кэсерила вперёд. Тот, наклонив голову, вошёл в узкую комнату с окном, выходившим на двор конюшен. Умегат задёрнул занавеску и обошёл простой сосновый стол, накрытый яркой скатертью, на котором стоял кувшин вина, пара глиняных чашек донышком вверх и блюдо с хлебом и сыром.

— Спасибо, что пришли, лорд Кэсерил. Проходите и садитесь, пожалуйста. Спасибо, Дарис, это всё.

Умегат закрыл дверь. По дороге к столу Кэсерил задержался, разглядывая книжную полку, заставленную книгами на ибранском, дартакане и рокнари. А вот и до боли знакомый корешок с золотыми тиснёными буквами: «Пятилистник души» Ордолла. Кожаный переплёт был истерт от частого использования. На большинстве книг не видно и следа пыли. Теология в основном.

«Почему я ничуть не удивлён?»

Кэсерил опустился на простой деревянный стул. Умегат перевернул чашки, налил в них густое рубиновое вино и, сдержанно улыбаясь, протянул одну гостю. Кэсерил с благодарностью принял чашку, обхватив её ладонями. Руки дрожали.

— Спасибо, мне это сейчас необходимо.

— Представляю себе, милорд. — Умегат взял свою чашку и уселся по другую сторону стола, напротив Кэсерила. Стол, может, и был простым и бедным, но дорогие восковые свечи горели ярко. Свет для читающего человека.

Кэсерил поднёс чашку к губам и выпил вино одним глотком. Умегат тут же наполнил её снова. Кэсерил закрыл глаза и снова открыл. Хоть открывай, хоть закрывай, но Умегат всё равно светился.

— Вы служитель… нет… священник, богослов. Даже настоятель. Правда? — наконец спросил Кэсерил.

Умегат откашлялся.

— Да, ордена Бастарда. Но здесь я не по этой причине.

— А почему?

— До этого мы ещё дойдём. — Умегат наклонился, взял со стола нож и принялся нарезать хлеб и сыр.

— Я подумал… мне показалось… интересно, а может, это боги послали вас сюда, чтобы направлять меня и помогать мне?

Уголки губ Умегата приподнялись в улыбке.

— Неужели? А вот я думаю — что, если это вас послали боги направлять меня и помогать мне.

— Ох. Это… не слишком удачный выбор, — Кэсерил поёрзал на стуле и глотнул ещё вина. — А с каких пор вам так кажется?

— С того самого дня, когда в зверинце ворон Фонсы буквально скакал у вас на голове, крича: «Это он! Это он!» Избранный мною бог, как бы это сказать, любит неясности, но в этом случае было по меньшей мере трудно перепутать и не понять.

— А я тогда светился?

— Нет.

— А когда я… гм… стал таким?

— В промежуток между вчерашним вечером, когда я видел вас в последний раз — вы возвращались в Зангр, ковыляя, как будто свалились с лошади, — и сегодняшним днём, когда я увидел вас в храме. Думаю, сами вы сможете определить точное время лучше меня. Не хотите ли немного перекусить, милорд? Вы не слишком хорошо выглядите.

Кэсерил ничего не ел с тех пор, когда Бетрис в полдень кормила его хлебом с молоком. Умегат подождал, пока гость откусит и прожуёт кусок сыра, затем сказал:

— Одной из моих должностей, когда я в молодости был священником — задолго до того,

как прибыл в Кардегосс, — была должность помощника следователя, занимающегося делами, связанными с использованием смертельной магии.

Кэсерил чуть не подавился; Умегат спокойно продолжал:

— Или чуда смерти, если пользоваться более точными теологическими терминами. Мы раскрыли бесчисленное множество самых разнообразных тайн — обычно это был яд, хотя некоторые… гм… менее умные убийцы иногда пытались использовать методы погрубее. И я объяснял им, что Бастард не казнит грешников кинжалом или молотком. Настоящее чудо смерти куда более тонко и изысканно, нежели может предположить их прямолинейное мышление. Я никогда не сталкивался с подлинным случаем применения смертельной магии, когда жертва была бы невинна. Если быть точным, Бастард склонен скорее к чуду правосудия.

Его голос стал твёрже, решительнее; интонации слуги и мягкий рокнарский акцент исчезли.

— А, — пробормотал Кэсерил, выпив ещё вина. «Это самый разумный человек из встреченных мной в Кардегоссе, а я даже не соизволил обратить на него должного внимания за все эти три

месяца, потому что на нём одежда слуги». Вероятно, Умегат и не стремился обращать на себя чьё бы то ни было внимание. — Знаете, эта одежда грума — словно плащ невидимки.

Умегат улыбнулся и, отпив вина, ответил:

— Да.

— Так… вы теперь следователь?

Всё кончено? Теперь его арестуют, обвинят и казнят, если не за убийство, то за покушение на Дондо?

— Нет, теперь уже нет.

— Так *кто* же вы в таком случае?

К недоумению Кэсерила, Умегат, сощурив глаза, рассмеялся:

— Я святой.

Кэсерил не мигая уставился на него, затем медленно осушил свою чашку. Умегат снова наполнил её. В любом случае Кэсерил не считал этого человека сумасшедшим. Или лжецом.

— Святой. Святой Бастарда.

Умегат кивнул.

— Это… необычное дело для рокнарца. Как так получилось? — Это был глупый вопрос, но вино на пустой желудок затуманило голову.

Улыбка Умегата стала печальной.

— Для вас — только правда. Полагаю, имена

не столь важны. Это было целую жизнь назад. Когда я был молодым лордом на архипелаге, я влюбился.

— И молодые лорды, и молодые простолюдины влюбляются повсюду.

— Моему любимому было тогда около тридцати. Человек ясного ума и доброго сердца.

— О нет. Только не на архипелаге!

— Именно. Тогда я не интересовался религией, а он был тайным приверженцем Пятибожия. Мы собирались вместе бежать. Я добрался до корабля в Браджар, он — нет. Я плохо переносил путешествие — всю дорогу мучился от морской болезни и страдал от отчаяния. Тогда, думаю, я научился молиться. Я ещё надеялся, что он доберётся до Браджара на следующем судне, и мы встретимся в портовом городе, куда и собирались плыть изначально. И только через год, от нашего общего знакомого, рокнарского торговца, я узнал, как мой друг встретил смерть.

Кэсерил взял чашку.

— Как обычно?

— О да. Гениталии, большие пальцы рук — чтобы не мог показывать образ пятого бога… — Умегат дотронулся до лба, солнечного сплетения, пупка и сердца, прижав большой палец к ладони

изнутри в жесте Четырёхбожия, — большой палец символизировал Бастарда. — Они оставили язык, чтобы он мог предать своих товарищей. Он никого не предал. И после долгих пыток принял смерть на виселице.

Кэсерил коснулся лба, губ, солнечного сплетения, пупка и прижал ладонь с широко разведёнными пальцами к сердцу.

— Соболезную.

Умегат кивнул.

— Я долго думал обо всём этом. То есть тогда, когда не напивался до потери сознания, и меня не выворачивало наизнанку, и я не впадал в отупение. Да, юность… Всё даётся непросто. Наконец однажды я подошёл к храму и вступил внутрь. — Он вздохнул. — Орден Бастарда принял меня. Бездомному дали дом, одинокому — друзей, отверженному — честь. И работу. Я был… очарован.

«Настоятель храма».

Умегат опустил кое-какие детали, понял Кэсерил. Сорок лет или около того. Не было ничего удивительного в том, что энергичный, умный, целеустремлённый человек поднялся до такого уровня по иерархической лестнице храма. Непонятно лишь, откуда взялось это сияние вокруг

его тела, словно свет полной луны над снежной равниной.

— Хорошо. Чудесно. Замечательная работа — сиротские приюты, расследования… А теперь объясните всё же, почему вы светитесь. — Вина он явно перебрал. И даже более того.

Умегат потёр шею и слегка потянул себя за косу.

— Вы понимаете, что значит быть святым?

Кэсерил откашлялся, почувствовав себя неуютно.

— Ну, вы, должно быть, весьма добродетельны.

— На самом деле нет. Необязательно быть добрым. Или хорошим. — Умегат криво ухмыльнулся. — Согласитесь, жизненный опыт меняет человека. Материальные устремления становятся несущественными. В конечном итоге наскучивают и гордыня, и тщеславие, и жадность.

— А страсть?

Умегат просветлел.

— Рад успокоить, что страсти почти не страдают. Или, точнее, любовь. — Умегат осушил свою чашку. — Боги любят женщин и мужчин, обладающих великой душой, как художник любит тонкий мрамор. Но это не результат добродетели. Это воля. Воля — вот резец и молоток. Кто-нибудь

показывал вам классическую церемонию чаши по Ордоллу?

— Это когда настоятель весь обливается водой? Впервые я услышал об этом, когда мне было десять лет. Тогда меня очень забавляло, что он обольёт себе туфли, но мне было всего десять. Боюсь, наш настоятель храма в Кэсериле был склонен к безделью.

— Ну так посмотрите, вряд ли вы заскучаете. — Умегат перевернул пустую чашку донышком вверх и поставил её на стол. — Человек обладает свободной волей. Богам нельзя вмешиваться в это. Сейчас я налью вино в чашку через донышко.

— Нет, не тратьте вино! — запротестовал Кэсерил, когда Умегат потянулся за кувшином. — Я видел это раньше.

Умегат ухмыльнулся и сел обратно.

— Но вы понимаете, насколько бессильными могут быть боги, если самый низкий раб способен изгнать их из сердца? А если из своего сердца, то и из мира вообще — ведь боги могут добраться до мира только через живые души. Если бы боги смогли проникать куда им заблагорассудится, люди стали бы обычными марионетками. Только если богу удаётся найти такой вход — каковой

может быть предоставлен ему человеком, призывающим его по доброй воле, — бог может влиять на этот мир. Иногда богам удаётся проникнуть сюда через разум животных, но это довольно трудно. А иногда, — Умегат снова поставил чашку на донышко и поднял кувшин, — иногда человеку позволяется открыть богам свою душу и дать им возможность прийти в наш мир. — Он наполнил свою чашку. — Святой — это не добродетельная душа, а пустая. Он — или она — по собственному желанию отдаёт свою волю избранному богу. — Поднеся чашку к губам, Умегат взглянул поверх неё на Кэсерила. Затем выпил. — Вашему настоятелю следовало использовать не воду. Вода не оказывает должного эффекта. Вино. Или кровь. Какая-нибудь более существенная жидкость.

— Хм… — выдавил Кэсерил.

Умегат откинулся на спинку и некоторое время молча изучал его. Кэсерил знал, что рокнарец разглядывает не его тело.

«Ну так скажи мне, что рокнарский отступник, настоятель храма, учёный, посвящённый, святой Бастарда делает тут, прикидываясь грумом в зангрском зверинце?»

Однако вслух он произнёс:

— Что вы здесь делаете?

Умегат пожал плечами:

— То, чего хочет бог, — затем, словно сжалившись при виде растерянного выражения лица Кэсерила, уточнил: — Похоже, он хочет, чтобы я сохранял рея Орико в живых.

Кэсерил вздрогнул и выпрямился, пытаясь справиться с дурманящим голову вином.

— Орико? Он что, болен?

— Да. Государственная тайна, хотя это невозможно утаить от того, кто обладает разумом и острым глазом. Тем не менее… — Умегат приложил палец к губам, призывая никому об этом не рассказывать.

— Да, но… я думал, что лечение — привилегия Матери и Дочери.

— Если бы болезнь рея имела естественные причины — то да.

— А причины не естественны? — Кэсерил заволновался. — Тёмное облако… вы его тоже видите?

— Да.

— И у Тейдеса есть такая тень, и у Исель, и у рейны Сары. Что это за дьявольщина, о которой нельзя говорить?

Умегат поставил чашку на стол, потянул себя за косу и вздохнул.

— Всё началось во времена Фонсы Мудрого и

Золотого Генерала. Полагаю, для вас это лишь история. Я же жил в то отчаянное время. Знаете, однажды мне привелось увидеть генерала. Тогда я был шпионом в его провинции. Я ненавидел всё то, чем он занимался и чего хотел, но… если бы он велел мне, просто сказал единственное слово, думаю, я пополз бы за ним на коленях. Он был больше чем тот, кого просто коснулись боги, больше чем посвящённый, осенённый. Он был воплощением, реализацией высшей воли, посланным в мир в подходящий момент. Почти. До того мига, пока Фонса вкупе с Бастардом не пресекли его жизнь. — Умегат замолчал, углубившись в воспоминания.

Наконец взгляд его покинул прошлое и обратился к Кэсерилу. Улыбнувшись, он вытянул руку, отогнул вверх большой палец и покачал им из стороны в сторону.

— Бастард хоть и самый слабый из Семьи, но он бог равновесия. Это большой палец, что помогает остальным четырём надёжно и ловко держать предметы. Говорят, что если один бог воплотит в себе всех остальных, то истина станет единой, простой, совершенной, а мир вспыхнет светом. Некоторые находят эту мысль привлекательной. Лично я считаю её ужасной, но у меня всегда был

плохой вкус. В то же время Бастард, не связанный с каким-либо одним сезоном, присутствует в каждом из них и оберегает всех нас. — И пальцы Умегата — Дочь, Мать, Сын, Отец — поочерёдно ударились о подушечку большого.

Он продолжал:

— Золотой Генерал был очищающей волной судьбы, которой было предначертано снести весь мир. Душа Фонсы смогла справиться с его душой, но не смогла противостоять великому предначертанию. Когда демон смерти унёс из мира их души, невыполненное предначертание бременем легло на потомков Фонсы — миазмы неудач и мучение душ. Тёмные тени, которые вы видите, — незаконченное дело Золотого Генерала в этом мире, окружившее мраком жизнь его врагов. Его посмертное проклятие, если угодно.

Кэсерил задумался, были ли все неудачные военные кампании Иаса и Орико следствием того, о чём ему поведал Умегат.

— Как… как можно разрушить проклятие?

Умегат вздохнул.

— Мне было сказано, что оно будет снято через шесть лет. Другого ответа я не получил. Может, оно закончится со смертью всех потомков Фонсы.

«Но это… рей, Тейдес… Исель!»

— Или же, — продолжал Умегат, — оно просто иссякнет с течением времени, как струйка яда. Оно должно было убить Орико ещё несколько лет назад. Общение со священными животными очищает рея от разрушающего действия проклятия, но лишь на короткое время. Зверинец помогает бороться с разрушением, но бог так и не объяснил мне почему. — Голос Умегата стал мрачным. — Боги не пишут ни писем, ни инструкций, знаете ли. Даже своим святым. Я просил об этом в молитвах. Часами просиживал с пером, на котором то и дело высыхали чернила, полностью отдаваясь ему во власть. А что он послал мне взамен? Всклокоченного ворона, умеющего произносить одно-единственное слово.

Кэсерил виновато заморгал, вспомнив о бедной птице. Откровенно говоря, он жалел о смерти ворона куда больше, чем о смерти Дондо.

— Вот чем я тут занимаюсь, — подвёл итог Умегат и пристально посмотрел на Кэсерила. — Ну а вы что тут делаете?

Кэсерил беспомощно развёл руками.

— Не знаю. Может, вы мне подскажете? Вы говорите… я теперь свечусь и выгляжу так же, как вы? Или как Исель? Или как Орико?

— Вы выглядите, как ничто из того, что мне довелось видеть с тех пор, как я обрёл внутреннее зрение. Если Исель — свеча, то вы — пожар. На вас… действительно невозможно смотреть спокойно.

— Я совсем не чувствую себя пожаром.

— А чем вы себя чувствуете?

— Вот сейчас? Кучей дерьма. Больным. Пьяным. — Он вылил в рот последние капли вина со дна своей чашки. — У меня ужасная боль в животе, которая то отпускает, то снова накатывает. — Сейчас он не чувствовал боли, но живот всё ещё был раздут. — И я устал. Я не чувствовал себя таким усталым с тех пор, как валялся в приюте Матери в Загосуре.

— Думаю, — осторожно проговорил Умегат, — что очень, очень важно, чтобы вы сказали мне правду.

Губы его улыбались, а серые глаза словно прожигали насквозь. Кэсерилу пришло в голову, что хороший следователь храма и должен быть таким: обаятельным, мастером внушать допрашиваемым доверие. Уметь смягчить их сопротивление выпивкой.

«Ты уже принёс свою жизнь в жертву. Теперь поздно хныкать и сожалеть о содеянном».

— Прошлой ночью я попытался использовать смертельную магию против Дондо ди Джиронала.

Умегат не выглядел ни потрясённым, ни удивлённым.

— Да. Где?

— В башне Фонсы. Я пробрался туда через дыру в крыше. Я принёс собой крысу, а вот ворон… он пришёл ко мне сам. Он не боялся. Я ведь кормил его раньше.

— Продолжайте… — выдохнул Умегат.

— Я перерезал горло крысе, свернул шею бедному ворону и молился, стоя на коленях. Потом была боль. Непереносимая боль. Я не ожидал такого. Я не мог дышать, свечи погасли. Да, и я сказал «спасибо», потому что почувствовал… — Он не мог объяснить словами, что именно он почувствовал, описать это странное спокойствие, словно он безмятежно отдыхал в тот миг в тихом безопасном месте. И остался в нём навеки. — Потом я потерял сознание. Я думал, что умираю.

— А потом?

— Потом… ничего. Я проснулся в предутреннем тумане, больной, замёрзший, чувствуя себя полным идиотом. Нет, погодите-ка… я видел сон. Мне снился кошмар, я видел, как умирал Дондо.

Но я знал, что проиграл. Тогда я встал и полез по крышам, чтобы вернуться в постель. А потом ворвался ди Джиронал…

Умегат побарабанил пальцами по столу, глядя на Кэсерила из-под полуприкрытых век; затем он стал изучать его с закрытыми глазами. Снова открыл их.

— Милорд, можно мне осмотреть вас?

— Хорошо… — На короткое мгновение, пока рокнарец вставал, шёл к нему и наклонялся, Кэсерил испугался некой нежеланной ласки с его стороны, но прикосновения Умегата были точными и профессиональными, как у опытного врача: лоб, лицо, шея, позвоночник, сердце, живот… Кэсерил напрягся, но руки Умегата дальше не двинулись. Когда он закончил осмотр, лицо его было задумчивым. Рокнарец направился к двери, где в углу, в большой корзине, стоял ещё один кувшин с вином, и принёс его на стол. Кэсерил показал жестом, что вина ему больше не нужно, и отодвинул чашку.

— Мне, пожалуй, хватит. Я буду спотыкаться по дороге к себе, если выпью ещё.

— Мои грумы проводят вас чуть погодя. Нет? — Умегат пожал плечами, наполнил свою чашку и сел. Его палец вывел на скатерти маленький узор,

потом ещё и ещё — три раза. Кэсерил не знал, были ли это священные символы или просто нервические движения. Наконец Умегат заговорил:

— Исходя из свидетельства священных животных, ни один из богов не принял душу Дондо ди Джиронала. Обычно это говорит о том, что неприкаянная душа блуждает по миру; родственники и друзья — а также враги — бросаются подносить дары и оплачивать ритуалы и молитвы храма, кто ради самого покойного, кто ради собственной безопасности.

— Уверен, — горько произнёс Кэсерил, — что у Дондо будут все молитвы, какие только можно купить за деньги.

— Надеюсь.

— Почему? Что…

«Что ты увидел? Что ты знаешь?»

Умегат поднял глаза на своего собеседника и вздохнул.

— Дух Дондо захвачен демоном смерти, но богу он не передан. Это нам известно. Я полагаю, что демон смерти не может вернуться к своему господину, поскольку ему помешали забрать вторую, уравновешивающую душу.

Кэсерил облизнул губы и настороженно спросил:

— Как это — помешали?

— Думаю, что в тот момент, когда демон собирался это сделать, он был пленён — схвачен, связан, если вам угодно — другим таинством, происходившим одновременно с первым. Судя по разнообразным цветовым вспышкам в вашей ауре, здесь прослеживается влияние святой милосердной руки леди Весны. Если я прав, служители храма могут спокойно ложиться почивать, так как дух Дондо здесь не остался. Он привязан к демону смерти, а тот, в свою очередь, — ко второй душе, которая неразрывно связана с принадлежащим ей живым телом. — Палец Умегата указал на Кэсерила. — Он здесь.

Челюсть Кэсерила отвисла. Он уставился вниз, на свой болезненный вздувшийся живот, потом перевёл глаза на святого… тот был сам поражён своим открытием. Кэсерил вспомнил не отставших от него теперь воронов Фонсы. Яростный протест вскипел в душе, но с уст не сорвался, будучи остановлен видом сияющей светлой ауры Умегата.

— Но я вчера не молился Дочери!

— Значит, это делал кто-то другой.

«Исель».

— Принцесса говорит, что молилась. Вы видели

её такой, какой увидел сегодня я? — Кэсерил произвёл странные, неописуемые движения руками, не в силах выразить словами то, что видел вокруг Исель. — Это то, что вы видите во мне? Исель видит меня так же, как и я её?

— Она говорила что-нибудь об этом?

— Нет. Но я тоже ничего не сказал.

Умегат снова посмотрел на него.

— Когда вы были на архипелаге, доводилось ли вам видеть ночное море, которого коснулась Мать? Когда в кильватере корабля, в разбегающихся волнах рождается зелёное сияние?

— Да.

— То, что вы видели вокруг Исель, — это в некотором роде кильватер. След прохождения Дочери, шлейф духов в воздухе. То, что я вижу у вас, — не след, а Присутствие. Благословение. Куда более интенсивное. Ваша корона потихоньку меркнет — священные животные уже не будут так очарованы вами через пару дней, — но в центре я вижу плотное сине-сапфировое ядро, внутрь которого мой внутренний взор проникнуть не может. Думаю, это то самое место заточения. — Он сложил ладони, словно держа в них живую ящерку или ещё какую-то мелкую зверюшку.

Кэсерил проглотил слюну и переспросил:

— Так, значит, богиня превратила мой живот в небольшой филиал ада? Один демон, одна грешная душа; они заперты вместе, как две змеи в бутылке.

Он прижал к животу руки с согнутыми напряжёнными пальцами, как будто собираясь вырвать свои внутренности.

— И вы называете это благословением?

Глаза Умегата смотрели серьёзно, а брови сочувственно приподнялись.

— Что такое благословение, как не проклятие, если посмотреть на него с иной точки зрения. Если это хоть как-то вас утешит, мне кажется, душа Дондо ди Джиронала куда менее счастлива вследствие подобного стечения обстоятельств. — После небольшой паузы он добавил: — Однако не могу представить, что это доставляет удовольствие и демону.

Кэсерил чуть не свалился со стула.

— Пятеро богов! Как мне избавиться от этого… этого… этого кошмара?!

Умегат поднял руку, успокаивая его.

— Я посоветовал бы вам… не слишком беспокоиться и нервничать насчёт этого. Последствия могут быть самыми плачевными.

— Плачевными? Как может что-нибудь быть

более плачевным, чем этот ужас?

— Э-э… — Умегат откинулся назад и сложил ладони вместе. — Самый простой путь снять… э-э… благословение — это ваша смерть. Тогда ваша душа освободится от материального тела, и демон сможет улететь к Бастарду с обеими душами.

Холодная волна окатила Кэсерила, когда он вспомнил, что едва не упал с крыши прошлой ночью из-за спазмов в животе. Убежище от пьяного страха он нашёл в спокойной иронии. И сказал, вздохнув:

— О, замечательно. А вы не можете предложить иной способ лечения, доктор?

Губы Умегата скривились, он задумчиво пошевелил пальцами.

— С другой стороны, пропадёт ли благословение, если леди уберёт свою руку? — Он раскрыл руки, словно выпуская птицу. — Тогда, наверное, демон немедленно закончит своё дело. У него нет выбора — демоны не обладают свободной волей. Вы не можете спорить или убеждать его. С ними вообще бесполезно разговаривать.

— Вы хотите сказать, что я могу умереть в любой момент?

— Да. Это как-то отличается от вашей вчерашней жизни? — Умегат склонил голову набок.

Кэсерил фыркнул. И раньше было довольно неуютно, но всё же не так, как сейчас. Похоже, Умегат — весьма смышлёный святой. Этого Кэсерил никак не ожидал. Встречался ли он со святыми раньше?

«Откуда мне знать? Я же столько времени не замечал и этого человека».

В голосе Умегата появилось любопытство учёного:

— На самом деле это могло бы ответить на вопрос, который мучает меня многие годы: в подчинении у Бастарда целый отряд или всего один демон? Если все случаи смертельной магии в мире прекратятся на то время, что демон заключён внутри вас, то это будет доказательством уникальности этой священной силы.

Резкий смех сорвался с губ Кэсерила.

— Хоть чем-то послужу на благо кинтарианской теологии! О господи, Умегат… что же мне делать? У меня в семье никогда не было ни безумцев, ни осенённых благодатью. Я не гожусь для такого. Я не святой!

Умегат раскрыл было рот, потом снова закрыл. И сказал наконец:

— Человек ко всему привыкает. Сноровка приходит с опытом. Поначалу я тоже был не очень

счастлив, но потом втянулся. На сегодняшний день я бы лично посоветовал вам напиться и лечь спать.

— Чтобы проснуться завтра мучимым и демоном, и похмельем? — Хотя Кэсерил представить не мог, что ему вообще удастся лечь и уснуть при таких обстоятельствах.

— Ну, мне это когда-то помогло. Похмелье — недорогая цена за то, чтобы оказаться обездвиженным на какое-то время и не натворить глупостей. — Умегат отвёл взгляд. — Боги не совершают чудес ради нас, они действуют, исходя из своих целей и желаний. Если кто-то становится их инструментом, на это есть высшие причины, а вы — инструмент. И довольно ценный.

Пока Кэсерил безуспешно пытался разобраться, Умегат вновь налил вина в его чашку. Кэсерил уже не сопротивлялся.

Через час или немногим позже два грума направляли его нетвёрдые шаги по мокрым булыжникам двора, потом по лестнице — в его спальню, где и уложили совершенно безвольное тело в кровать. Кэсерил не помнил точно, когда именно ему удалось улизнуть из плена своего изнемогшего сознания, но никогда он ещё не был так рад сделать это.

Глава 14

Кэсерил оценил вино Умегата по заслугам — первую половину следующего утра он провёл, моля о смерти, а не страшась её. Он понял, что муки похмелья подходят к концу, когда страх начал одерживать верх.

Он обнаружил в своём сердце лёгкое сожаление о собственной потерянной жизни. Он повидал значительно больше, чем практически любой человек из окружавших его; у него были возможности, хотя — боги знают — использовал он очень мало из них. Размышляя обо всём этом, он кутался в одеяла и с удивлением пришёл к выводу, что больше всего боится оставить свою работу незавершённой.

Страх, на который у него не было времени, пока он охотился на Дондо, теперь не отпускал. Кто позаботится о его подопечных? Кто будет оберегать их, если он сейчас умрёт? Кому он может их доверить? Бетрис, возможно, обретёт защиту, выйдя замуж за такого надёжного человек, как марч ди Паллиар. Но Исель? Её бабушка и мать — слишком слабы и далеки, Тейдес — слишком

юн, Орико же полностью подчинён канцлеру. Для Исель не было надёжной защиты, пока она не покинет этот проклятый двор.

Новый спазм привлёк его внимание к персональному маленькому аду в животе; Кэсерил тревожно уставился на свои одеяла. Как долго будут продолжаться эти муки? Сегодня утром из него вышло меньше крови, чем вчера. Моргая, он окинул взглядом освещённую послеполуденным солнцем комнату. Боковым зрением Кэсерил всё ещё видел странные галлюцинации — бледные мутные пятна, — появление которых отнёс было за счёт обильного возлияния накануне. Может, это симптом не опьянения, а чего-то иного?

Раздался короткий стук. Кэсерил выбрался из своего тёплого убежища и, слегка согнувшись и держась рукой за живот, подошёл к двери и отпер её. Умегат, держа перед собой запечатанный кувшин, пожелал ему доброго дня и, войдя в комнату, запер дверь за собой. Он всё ещё испускал сияние — увы, вчерашний день вовсе не был странным ночным кошмаром.

— Вот это да! — Грум изумлённо огляделся и замахал рукой. — Прочь! Кыш! Кыш-ш!

Бледные мутные пятна беспокойно заметались по комнате и нырнули в стены.

— Что это такое? — спросил Кэсерил, снова устраиваясь в постели. — Вы тоже их видите?

— Привидения. Вот, выпейте. — Умегат налил жидкость из кувшина в стоявший на умывальнике стаканчик и протянул его Кэсерилу. — Это немного успокоит желудок и прояснит голову.

Уже готовый отказаться, Кэсерил обнаружил, что это не вино, а холодный травяной чай. Он с удовольствием попробовал его. Приятная горчинка напитка оказалась как нельзя кстати. Умегат пододвинул к кровати стул и сел. Кэсерил прикрыл глаза и через несколько секунд снова открыл.

— Привидения?

— Я никогда не видел, чтобы призраки Зангра собирались в одном месте в таком количестве. Наверное, вы привлекаете их, как и священных животных.

— Их видит кто-нибудь ещё?

— Любой обладающий внутренним зрением. Насколько я знаю, в Кардегоссе таких трое.

«И двое из них сейчас здесь».

— Призраки были тут всё время?

— Я вижу их то и дело. Обычно они не так назойливы. Вам не стоит их бояться — они совершенно бессильны причинить вам вред. Старые поте-

рянные души, — и в ответ на непонимающий взгляд Кэсерила он добавил: — Когда случается так, что боги не принимают отделившуюся от тела душу, она блуждает по миру, постепенно переставая осознавать себя и растворяясь в воздухе. Поначалу призраки принимают форму, которой обладали при жизни, но в отчаянии и одиночестве теряют способность её поддерживать.

Кэсерил схватился за живот.

— Ох! — Мысли галопом понеслись сразу по трём направлениям. А что происходит с душами, которые приняты богами? И что именно произошло с духом, столь необычным и ужасным образом заключённым в нём? И… он вспомнил слова вдовствующей рейны Исты. «В Зангре полно привидений». Значит, это не метафора и не безумие, а наблюдение.

Сколько же ещё странных вещей из сказанного ею было не бредом и галлюцинациями, а правдой, тем, что она видела иным зрением?

Он поднял глаза на изучавшего его Умегата. Рокнарец вежливо поинтересовался:

— Как вы себя чувствуете сегодня?

— Днём лучше, чем утром, — потом с лёгкой неохотой добавил: — Лучше, чем вчера.

— Вы ели?

— Ещё нет. Может, позже. — Он потёр рукой подбородок. — Что нового?

Умегат выпрямился и пожал плечами.

— Канцлер ди Джиронал, не найдя в городе никого, на кого можно было бы повесить убийство брата, выехал из Кардегосса на поиски подходящего трупа и возможных соучастников, оставшихся в живых.

— Надеюсь, он не схватит по ошибке кого-нибудь невиновного.

— Его сопровождает опытный следователь храма — этого достаточно, чтобы предупредить подобные ошибки.

Кэсерил обдумал услышанное. После короткой паузы Умегат добавил:

— Ещё военный орден Дочери разослал курьеров ко всем своим лордам-дедикатам, созывая их на совет. Они не собираются позволить рею Орико вновь назначить такого генерала, как Дондо.

— И как же они собираются «не позволить»? С помощью мятежа?

Умегат жестом отринул неуместную мысль.

— Конечно же, нет. С помощью петиции, прошения.

— Хм… я думал, что они протестовали и в прошлый раз, только безуспешно. Ди Джиронал не

захочет потерять контроль над этим орденом и не станет стоять и смотреть, как он ускользает из рук.

— К настоящему времени военный орден получил поддержку всего своего Дома.

— А… что вы делали сегодня с утра?

— Молился, просил совета.

— И получили ответ?

Умегат неопределённо улыбнулся Кэсерилу.

— Возможно.

Кэсерил на мгновение замешкался, подбирая слова.

— У меня есть кое-какая мысль относительно вас. Мне почему-то кажется, что сейчас для меня лишнее — идти в храм и признаваться настоятелю Менденалю в убийстве Донго.

Брови Умегата приподнялись.

— Думаю, — произнёс он, — мне не следует удивляться выбору леди Весны. Вы — остро отточенный инструмент.

— Судите сами, вы — настоятель, опытный следователь. Невозможно вообразить, чтобы вы пренебрегли своими клятвами и дисциплиной. Вы привели меня в совершенно недееспособное состояние, чтобы получить время для доклада и для обдумывания ситуации. — Кэсерил поко-

лебался. — То, что я к настоящему моменту не арестован, явно что-то означает, но вот что именно — я затрудняюсь определить.

Умегат сидел и разглядывал свои руки, лежавшие на коленях.

— Как настоятель, я подчиняюсь вышестоящим. Как святой, я отвечаю только перед моим богом. И если он верит моим суждениям, то я и подавно должен им доверять. Так же как и те, кто стоит выше меня в иерархии храма. — Он поднял глаза, и взгляд его стал неуютно пронизывающим. — Богиня направила ваши стопы на путь служения ей, и это, без сомнения, указывает на то, что она будет оберегать вашу жизнь ежечасно. Храм подчиняется ей. Полагаю, что с полной уверенностью могу обещать вам неприкосновенность со стороны служителей храма.

Кэсерил помолчал, обдумывая сказанное.

— А что же я должен делать?

В голосе его собеседника прозвучали почти извиняющиеся нотки:

— Если судить с точки зрения моего личного опыта — то же, что и обычно. Ваши ежедневные дела.

— Не думаю, что это сильно поможет.

— Да, знаю. — Губы Умегата скривились. — Но

если уж речь зашла о наших повседневных делах — мне пора возвращаться к моим. Орико сегодня нездоровится. Приходите в зверинец в любое время, милорд ди Кэсерил.

— Погодите. — Кэсерил протянул руку к поднимавшемуся со стула Умегату. — Как вы думаете, Орико знает о чудесном свойстве зверинца? Он понимает… знает ли он о своём проклятии? Держу пари, что ни Исель, ни Тейдес не знают об этом. — «С другой стороны, рейна Иста…» — Или рей просто чувствует, что ему делается лучше после общения с животными?

Умегат кивнул.

— Да, Орико знает. Его отец, Иас, на смертном одре рассказал ему всё. Храм сделал множество тайных попыток уничтожить проклятие. Зверинец — единственное, что хоть как-то помогает смягчить ситуацию.

— А что со вдовствующей рейной Истой? Вокруг неё такая же тень, как вокруг Сары?

Потянув себя за косу, Умегат задумчиво нахмурился.

— Я был бы в большей уверенности, если бы мне довелось её увидеть. Семья ди Баосия забрала её из Кардегосса незадолго до моего появления здесь.

— А канцлер ди Джиронал знает?

Морщины между бровями Умегата стали глубже.

— Если и знает, то не от меня. Я часто предостерегал Орико, чтобы он не обсуждал эту тему, но…

— Если Орико и скрывает что-либо от ди Джиронала, то, по-видимому, только это.

Умегат добавил:

— Исходя из случившихся ранее в его королевстве несчастий, Орико верит, что любые его действия будут только во вред Шалиону. Канцлер — это инструмент, посредством которого рей пытается управлять государством, чтобы не навлечь на страну беду своим проклятием.

— Да, только вот интересно: канцлер — это ответ на проклятие, противостоящая ему сила или его часть?

— Поначалу казалось, что первое.

— А потом?

— Потом мы удвоили наши молитвы богам, прося о помощи.

— И что они ответили?

— Похоже, послали вас.

Кэсерил сел, охваченный ужасом. Пальцы впились в одеяло.

— Никто меня не посылал! Я оказался здесь

случайно!

— Я хотел бы на днях обсудить с вами подобные случайности. Когда вам будет угодно, милорд. — Умегат поклонился — в его глазах светилась глубокая надежда, напугавшая Кэсерила так же сильно, как и его слова о святости и о святых — и вышел.

Ещё через несколько часов, проведённых Кэсерилом в постели под одеялом, он решил, что если ему и суждено вскорости умереть, произойдёт это не сегодня.

А если и сегодня, то с этим всё равно ничего не поделаешь. Кроме того, живот ныл и бурчал отнюдь не вследствие сверхъестественных причин. Когда начал угасать холодный осенний день, Кэсерил выбрался из своего уютного гнезда, потянулся, разминая затёкшие мышцы, и, одевшись, отправился на ужин.

Зангр был удивительно пуст и тих. Из-за объявленного траура празднеств и музыкальных вечеров не устраивалось. В банкетном зале тоже было довольно малолюдно, не было никого из свиты Исель и Тейдеса; рейна Сара отсутствовала, а рей, сопровождаемый своим тёмным ореолом, быстро поев, удалился к себе.

Причину отсутствия Тейдеса Кэсерил выяснил

почти сразу, как сел за стол, — лорд ди Ринал просветил его, что принц отбыл вместе с канцлером по делам следствия. Кэсерил задумался над этой новостью. Не продолжает ли ди Джиронал совращение мальчика, столь успешно начатое его покойным братом?

Значительно более строгий и аскетичный по сравнению с Дондо, ди Джиронал-старший не получал удовольствия от разгульного образа жизни. Было невозможно представить его бражничающим с мальчишкой. Но не была ли чрезмерной и надежда, что он решил держать Тейдеса в руках, обращаясь с ним по-отцовски, обучая его управлять государством?

Юный принц изнывал от безделья, любой намёк на мужскую работу уже был бы полезен ему. Однако скорее всего, как казалось Кэсерилу, канцлер просто не отваживался пустить на самотёк своё влияние на жизнь Шалиона в будущем.

Лорд ди Ринал, сидевший напротив Кэсерила, печально оглядел пустынный зал и заметил:

— Все дезертируют. Домой, в свои замки — если они есть, — прежде чем выпадет снег. Подозреваю, празднование Дня Отца будет довольно безрадостным. Сейчас заняты только портные да швеи — шьют и утепляют траурные одежды.

Кэсерил увернулся от летевшего прямо на него призрака, затем наклонился над тарелкой и запил последний отправленный в рот кусочек глотком щедро разбавленного водой вина. Четверо или пятеро бестелесных «поклонников» последовали за ним в банкетный зал и теперь толкались вокруг, словно замёрзшие детишки у камина. Сегодня вечером он машинально выбрал тёмные одежды; вот бы знать, может, ему следовало надеть траурные лавандово-чёрные цвета, как у ди Ринала? Чудовище, угнездившееся у него в животе, сочло бы это лицемерием или знаком уважения? Знало ли оно вообще, что происходит? Как много от омерзительной натуры Дондо сохранилось в этой недавно разлучившейся с телом душе? Ему казалось, что призраки рассматривают его снаружи, а Дондо — мог ли он видеть его изнутри? Кэсерил коротко оскалился — это была альтернатива крику отчаяния, который напугал бы беднягу ди Ринала. Он смог выдавить из себя вежливое:

— Вы остаётесь или уезжаете?

— Скорее всего уеду. С марчессой ди Хирон до Хирона, а там — рукой подать до дому. Пожилая леди рада лишнему клинку в её сопровождении, она даже пригласила меня остаться у неё. — Он

хлебнул вина и понизил голос: — Если даже Бастард не принял к себе Дондо ди Джиронала, значит, он бродит где-то здесь. Правда, некоторые говорят, что он стал привидением во дворце Джироналов, но я на самом деле думаю, он может находиться в любом месте Кардегосса. Дондо всегда был мстительным, а сейчас его, наверное, злоба так и душит. Ещё бы — быть убитым ночью накануне свадьбы, святые боги!

Кэсерил неопределённо хмыкнул.

— Канцлер, похоже, уверен, что использована смертельная магия, но я не удивился бы, если причиной был обыкновенный яд. Теперь уже не узнаешь, так как тело сожгли. Для кого-то это очень кстати.

— Но ведь его окружали друзья. Неужели никто ничего не заметил? Вы там были?

— Это после леди-то Хрюшки? Нет. Благодаря её визгу, я не присутствовал при этой мерзости. — Ди Ринал оглянулся, словно испугавшись, что на него сейчас с яростью накинется призрак Дондо. Того, что рядом с ним витало около полудюжины привидений, он не замечал. Кэсерил с трудом избавился от одного, висевшего прямо перед глазами, стараясь не фокусировать свой взгляд на том, что его собеседнику казалось пустым

местом.

К их столу приблизился ди Марок со словами:

— Послушайте, ди Ринал! Вы слышали последнюю новость из Ибры?

Тут он заметил упёршегося локтями в стол Кэсерила и замялся, слегка покраснев.

Кэсерил кисло улыбнулся.

— Надо надеяться, информация касательно Ибры на этот раз получена из более достоверного источника, Марок?

Ди Марок напрягся.

— Если таковым можно считать собственного курьера канцлера — да. Он примчался очертя голову, когда мой старший портной подгонял траурные одежды Орико — их нужно было выпустить на четыре пальца… в общем, всё официально. На прошлой неделе умер наследник Ибры, совершенно неожиданно — подхватил лихорадку в Южной Ибре. Его сторонники потрясены, они спешат помириться со старым Лисом или спасти свои шкуры, сваливая вину один на другого. Война в Южной Ибре закончена.

— Отлично! — Ди Ринал возбуждённо потянул себя за бороду. — Только вот хорошие это новости или плохие? Для бедной Ибры — лучше не придумаешь, а для Орико… он снова выбрал

проигравшую сторону.

Ди Марок кивнул.

— Говорят, Лис сердит на Шалион за то, что мы поддерживали огонь под котлом, а когда наследнику требовалась помощь — подбрасывали дрова в огонь.

— Может, воинственные настроения старого рея будут похоронены вместе с его первенцем? — без особой надежды высказался Кэсерил.

— Так, значит, у Ибры новый наследник, ещё мальчишка. Как его зовут?

— Принц Бергон, — подсказал Кэсерил.

— Ага, — подтвердил ди Марок. — Действительно, мальчишка. А Лис может помереть в любой момент и оставить его на троне, совершенно не готового править.

— Ну, не так уж он и не готов, — возразил Кэсерил. — Он видел, как велась одна осада и участвовал в снятии другой; скакал в обозе своей покойной матери и выжил в гражданской войне. Да и в конце концов, он сын старого Лиса и просто не может быть глупцом.

— Ну, первый сын таковым и оказался, — возразил ди Ринал, — оставил своих сторонников в столь дурацком положении.

— Умершего от лихорадки нельзя обвинять в

глупости, — не согласился Кэсерил.

— Если это действительно была лихорадка. — Губы ди Ринала недоверчиво скривились от пришедшего ему на ум нового подозрения.

— Что, думаете, Лис отравил собственного сына? — спросил ди Марок.

— Да его шпионы, приятель.

— Ну, тогда он мог бы проделать это давным-давно, чтобы избавить Ибру от войны и беспорядков. — Кэсерил снисходительно улыбнулся и встал из-за стола, оставив ди Ринала и ди Марока предаваться рассуждениям.

Похмелье прошло, и после ужина он почувствовал себя значительно лучше, однако его ещё трясло от накатывающей время от времени слабости — в общем, это было не то состояние здоровья, которое он привык называть хорошим. И поскольку принцесса его не вызывала, Кэсерил решил отправиться спать.

Усталый, не в силах больше бояться, он уснул мгновенно, как только голова коснулась подушки. Тем не менее около полуночи он проснулся как от толчка. В ушах у него ещё стояли крики людей, крики и прервавшийся плач, да ещё жуткие завывания. Кэсерил уселся в постели — сердце у него колотилось — и огляделся в

поисках источника звуков. Ясные и странные — могли они долететь из-за стены Зангра? Или от реки внизу, под окном? Никто в замке, похоже, не отреагировал на шум — ни шагов, ни криков стражников… Немного погодя Кэсерил понял, что звуки раздавались только в его голове, он слышал мучительные завывания не ушами, так же как видел бледные пятна призраков не при помощи физического зрения. Он узнал голос.

Кэсерил снова лёг, тяжело дыша и озираясь, и следующие десять минут силился справиться с охватившим его волнением. Не готовится ли это проклятая душа Дондо вырваться на свободу из удерживающей её руки леди Весны и утянуть его за собой в ад? Кэсерилу хотелось выскочить из постели и в чём есть ринуться к зверинцу, молотить в дверь, чтобы разбудить Умегата и просить святого о помощи — может, Умегат способен что-нибудь сделать с этим? — когда крики вдруг затихли.

Всё произошло примерно в час смерти Дондо, понял он. Может, дух обретал в это время суток какую-то особую силу? Кэсерил не мог сказать, случилось ли что-то подобное прошлой ночью или нет, так как он был совершенно пьян. Этот кошмар мог перепутаться с обрывками прочих

безумных сновидений.

«Могло быть и хуже», — пробормотал он про себя, когда сердце стало биться чуть помедленнее. Дондо мог бы обладать членораздельной речью. Мысль о том, что призрак Дондо будет приходить к нему по ночам и разговаривать с ним — не важно, обвиняя, проклиная его или просто яростно крича, — заставила Кэсерила вздрогнуть. Это будет не в пример ужаснее обычных завываний и сломит его очень скоро.

«Доверься леди. Доверься леди».

Кэсерил принялся шептать разные, не слишком подходившие к случаю и сбивчивые молитвы; постепенно он успокоился и взял себя в руки. Если она так далеко завела его по своему пути, так уж, наверное, теперь не оставит.

Когда Кэсерил уже почти расслабился, ему в голову пришла новая страшная мысль — он вспомнил слова Умегата о возможностях богов в этом мире. Если богиня пришла сюда и овладела его волей, только повинуясь страстному желанию Кэсерила жить, то что же будет, если кто-нибудь окажется в силах своей волей вытолкнуть её из нашего мира, её и её чудо?

Её защита может лопнуть как мыльный пузырь, освободив феномен смерти и проклятия…

Подобные мысли крутились и крутились в голове, не давая уснуть, пока ночь не начала медленно уходить прочь. Квадрат окна спальни уже делался серым, когда сознание вновь милосердно отпустило Кэсерила и он провалился в благословенный сон.

Утомлённый ночными переживаниями и впечатлениями, поздним утром следующего дня Кэсерил поднялся по лестнице на своё рабочее место в покоях Исель. Он чувствовал себя помятым и отупевшим от недосыпа и думал о поджидавшем его ворохе неразобранной корреспонденции и бухгалтерских документов, лежавших пыльными стопками на столе с момента объявления безумной помолвки, без энтузиазма.

Кэсерил обнаружил своих подопечных, погруженных в бурную деятельность. В гостиной, сразу за кабинетом, на столе были разложены все его новые, приобретённые для классных занятий, подробные географические карты. Исель склонялась над ними в глубокой задумчивости. Бетрис, сложив руки под грудью, заглядывала ей через плечо и хмурилась. Обе девушки и Нан ди Врит, сидевшая в кресле за вышивкой, были одеты в традиционные траурные цвета: чёрные с лавандовым. Кэсерил порадовался подобной

осторожности и предусмотрительности.

Войдя в гостиную, он увидел рядом с рукой Исель листки со списками; некоторые пункты в них были вычеркнуты, иные обведены кружком или отмечены галочкой. Воткнув в карту очередную (их уже было там несколько) булавку, принцесса обратилась к Бетрис:

— А лучше всего будет…

Тут она заметила Кэсерила и умолкла.

Тёмное облако, невидимое обычному глазу, всё так же окутывало её; кое-где на нём вспыхивали синие искры. Пятна призраков поспешили — к немалому облегчению Кэсерила — удалиться из его поля зрения.

— С вами всё в порядке, лорд Кэс? — слегка нахмурившись, спросила Исель. — Вы не очень хорошо выглядите.

Кэсерил кивнул, приветствуя их.

— Примите мои извинения за вчерашнее отсутствие, принцесса. У меня были… колики. Сейчас уже почти всё прошло.

Нан ди Врит в своём кресле в углу подняла глаза от шитья и недружелюбно вставила:

— Горничная сказала, что вы валялись весь день с больной головой после весёлой попойки с грумами. Она видела, как вы вернулись после

похорон Дондо — совершенно пьяный и еле переставляя ноги.

Под испытующим взглядом Бетрис Кэсерил извиняющимся тоном пояснил:

— Пьяный — да, но не после весёлой попойки. Этого больше не повторится, миледи.

И немного тише добавил:

— Всё равно это не выход.

— Это же скандал для принцессы! Её секретарь был настолько невменяем, что…

— Тише, Нан, — Исель нетерпеливо прервала проповедь, — оставьте это.

— Что это такое, принцесса? — Кэсерил показал на утыканную булавками карту.

Исель тяжело вздохнула.

— Я тут всё думала, думала… Дни напролёт. В общем, пока я не замужем, надо мною нависает угроза. Не сомневаюсь, ди Джиронал найдёт очередного кандидата, чтобы привязать меня и Тейдеса к своему клану. С другой стороны, мы знаем, что Орико готов выдать меня за младшего лорда Шалиона, если тот попросит моей руки. Моя единственная надежда и убежище — это оказаться замужем. И не за младшим лордом.

Кэсерил согласно кивнул.

— Признаюсь, я и сам думаю так же.

— Да, и скорее, скорее, Кэсерил. Пока меня не предложили кому-нибудь ещё более омерзительному, чем Дондо. — Её голос дрожал от волнения.

— Даже наш дорогой канцлер может испугаться подобной перспективы, — пробормотал Кэсерил, с удовольствием заметив мелькнувшую на лице девушки улыбку. Он закусил губу. — Да, дело важное, но опасность прямо сейчас нам не грозит. Ди Джиронал сам будет препятствовать вашей помолвке с младшим лордом, я уверен в этом. А вашей первой линией защиты должно быть блокирование следующего кандидата ди Джиронала. Хотя если подумать о членах его семьи, мне не очень понятно, кого он может выдвинуть. Оба его сына уже женаты, иначе бы он предложил одного из них вместо Дондо. Или женился бы сам, если бы не был уже женат.

— Жёны умирают, — мрачно произнесла Бетрис, — и иногда весьма своевременно.

Кэсерил покачал головой.

— Джиронал тщательно спланировал свои семейные узы. Его невестки, как и его жена, — это связи с самыми сильными кланами Шалиона, дочери и сёстры могущественных провинкаров. Я не говорю, что он не воспользовался бы случаем заполнить вакансию, но он не посмеет навлечь

на себя подозрение в освобождении таковой. А его внуки только учатся ходить. Нет, ди Джироналу следует выждать.

— А племянники? — спросила Бетрис.

Кэсерил подумал, затем снова покачал головой.

— Это довольно слабая связь, управлять таким союзом непросто. Ди Джироналу нужен подчинённый, а не соперник.

— Я не собираюсь, — сквозь зубы процедила Исель, — ждать ещё десять лет, чтобы выйти замуж за мальчишку на пятнадцать лет моложе меня.

Кэсерил невольно посмотрел на Бетрис — он сам был на пятнадцать лет старше её — и выбросил эту печальную мысль из головы. Кроме того, барьером между ними была теперь не только разница в возрасте.

«Жизнь не обручается со смертью».

— Мы пометили булавками на карте все те места, где есть неженатый правитель или наследник, отсюда и до Дартаки, — сказала Бетрис.

Кэсерил подошёл и окинул взглядом карту.

— Что, даже рокнарские провинции?

— Я хотела охватить все возможности, — вздохнула Исель, — без них… э-э… остаётся не слишком

богатый выбор. Признаюсь, меня не вдохновляет перспектива замужества с рокнарцем: даже если оставить в стороне их еретические идеи Четырёхбожия, то обычай выбирать наследником любого из сыновей — будь он сыном от законной жены или от любовницы — практически не оставляет возможности предсказать, выхожу я замуж за будущего наследника или за будущего трутня-бездельника.

— Или за будущий труп, — добавил Кэсерил. — Половина всех побед Шалиона над рокнарцами явилась результатом того, что кто-то из кандидатов в наследники вонзал своему более удачливому брату-сопернику нож в спину.

— Но тогда остаётся только четверо высокорожденных приверженцев Пятибожия, — вставила Бетрис, — рей Браджара, Бергон из Ибры и сыновья-близнецы высшего марча Джисса, сразу за дартакской границей. Но близнецам всего по двенадцать лет.

— Что же, в этом нет ничего невозможного, — рассудительно проговорила Исель, — но у марча ди Джисса нет реальных причин стать союзником Тейдеса против рокнарцев. У него нет с ними общих границ, и он не страдает от их нападений. Кроме того, он верен Дартаке, которая не заинте-

ресована в том, чтобы создание сильного альянса ибранских государств положило конец вечной войне на севере.

Кэсерилу было приятно услышать отражение собственного анализа политической ситуации из уст своей ученицы; судя по всему, она гораздо внимательнее слушала его на уроках географии, чем ему казалось. Секретарь-наставник ободряюще улыбнулся.

— А ещё, — сердито дополнила Исель, — у Джисса совсем нет выхода к морю. — Её рука медленно двинулась по карте на восток. — Мой кузен рей Браджара довольно стар и, как говорят, слишком много пьёт, чтобы идти на войну. А его внук слишком юн.

— В Браджаре отличные порты, — сказала Бетрис. Помолчала и добавила многозначительно: — Полагаю, рей Браджара долго не протянет.

— Да, но какая тогда от меня польза Тейдесу, я же стану обычной вдовствующей рейной? Даже если я смогу подсказывать своему приёмному внуку, как распоряжаться войсками! — Рука Исель скользнула по карте в другую сторону. — Старший сын Лиса Ибры женат, а младший — не наследник; страну же раздирают гражданские войны.

— Уже нет, — прервал её рассуждения Кэсерил. — Разве вам никто не сказал, что наследник скончался на прошлой неделе? Умер в Южной Ибре от лихорадки. Никто не сомневается, что принц Бергон займёт его место. Он всегда был верен своему отцу.

Исель повернула голову и уставилась на него расширенными от возбуждения глазами.

— Точно! Ну-ка, ну-ка, сколько сейчас Бергону? Пятнадцать, да?

— Ему должно быть чуть больше шестнадцати, принцесса.

— Куда лучше, чем пятьдесят семь! — Её рука мягко двинулась вдоль ибранского побережья по приморским городам, к огромному порту Загосур, где и остановилась, добравшись до булавки с перламутровой головкой. — Что вы знаете о принце Бергоне, Кэсерил? К нему хорошо относятся? Вы видели его, когда бывали в Ибре?

— Сам не видел. Но говорят, он красивый мальчик.

Исель нетерпеливо пожала плечами.

— Всех принцев всегда описывают как красивых мальчиков, если только они не полные уроды. А в таком случае говорят, что у них есть характер.

— Я думаю, Бергон хорошо сложен и уже поэтому должен выглядеть привлекательным и здоровым. Говорят, он прошёл корабельную школу. — Кэсерил увидел, как глаза Исель загорелись юношеским энтузиазмом, и счёл своим долгом добавить: — Но последние семь лет ваш брат Орико на ножах с реем Ибры. Лис недолюбливает Шалион.

Исель сложила ладони.

— Но что может быть лучше для окончания затянувшейся вражды, чем брачный союз?

— Канцлер ди Джиронал будет возражать. Даже если не принимать во внимание его желание связать вас с его семьёй, он не захочет, чтобы у Тейдеса были превосходящие его по силе союзники.

— Ну, с этих позиций он будет возражать в ответ на любое моё предложение. — Исель снова склонилась над картой, её ладони словно обняли Шалион и Ибру, соединив их — две трети земель между морями. — Но если бы я смогла объединить Тейдеса и Бергона… — Её рука вновь заскользила по карте к северному побережью по пяти рокнарским провинциям; булавки с жалобным звоном падали на пол. — Да, — выдохнула она. Её глаза сузились, челюсти сжались.

Когда она снова взглянула на Кэсерила, глаза её вспыхнули. — Я должна немедленно довести это до сведения моего брата Орико, пока не вернулся ди Джиронал. Если мне удастся заручиться его согласием, подтверждённым публично, тогда даже ди Джиронал не сможет ничего предпринять, правда?

— Сначала обдумайте всё хорошенько, принцесса. Просчитайте все возможные последствия. На первый взгляд единственный недостаток подобного союза — это мерзкий свёкор. — Кэсерил поднял бровь. — Но время покажет. И если кто и может переступить через эмоции ради политики, то это старый Лис.

Она повернулась спиной к столу и заходила по комнате туда-сюда, шелестя тяжёлыми юбками. Тёмная аура неотступно следовала за ней.

Рейна Сара разделила проклятие Орико, выйдя за него замуж. Если Исель выйдет замуж за пределы Шалиона, сможет ли она отделаться от зловещего наследия? Или тёмная судьба Золотого Генерала не отпустит её и за границами королевства? Необходимо посоветоваться с Умегатом. И как можно скорее.

Исель остановилась и посмотрела на окно, возле которого несколько дней назад выслушивала

угрозы Дондо. Её глаза сощурились. Наконец она решительно сказала:

— Я обязана попытаться. Я не могу и не хочу плыть по течению к очередной катастрофе и даже не попытаться как-то себе помочь. Я обращусь с прошением к моему царственному брату. Немедленно.

Она направилась к двери, бросив через плечо, как генерал своим войскам:

— Бетрис, Кэсерил — за мной!

Глава 15

После долгих поисков рей Орико, к вящему изумлению Кэсерила, был обнаружен в покоях рейны Сары, где супруги, сидя у окошка за небольшим столом, играли в шарики. Простая детская игра не соответствовала высокому положению лорда и леди, но… они, похоже, играли не для того, чтобы убить время, как понял Кэсерил, а в попытке забыть о своих страхах и бедах.

Кэсерил обратил внимание на одежды Сары. Вместо траурного платья она надела всё белое — праздничные одежды Дня Бастарда, что отмечается раз в два года после Середины Лета Матери. Отбелённый лён был слишком тонок для этого времени года, и рейна, чтобы защититься от пронизывающего холода, куталась в пушистую шерстяную шаль. В этих белых одеяниях она выглядела тёмной, худой и измученной. Её внешний вид был чуть ли не большим вызовом, чем яркие многоцветные убранства на похоронах Дондо. Кэсерил подумал, будет ли Сара носить белый цвет Бастарда на протяжении всего траура. И осмелится ли ди Джиронал протестовать.

Исель сделала книксен, приветствуя брата и его супругу, и встала перед ними, сложив ладони перед собой в знак скромной женственности, чему противоречили её очень прямая, словно стальная, спина и блеск глаз. Кэсерил и леди Бетрис, по обеим сторонам от принцессы, также приветствовали своего правителя. Орико, оторвавшись от игры, ответил сестре кивком. Расправил полы камзола и посмотрел на неё с некоторым смущением. С близкого расстояния Кэсерил заметил следы недавней работы портного: точечки от распоротых швов и вставки невылинявшей ткани. Рейна Сара поплотнее закуталась в шаль и отодвинулась в сторону окна.

После короткой преамбулы Исель перешла прямо к сути своей просьбы начать официальные переговоры по поводу её помолвки с принцем Бергоном. Она подчеркнула возможность сделать первые шаги к миру, залечив тем самым раны, нанесённые поддержкой Орико, оказанной покойному мятежному наследнику, так как ни Шалион, ни измотанная Ибра не в силах были продолжать конфликт. Исель отметила, как удачно соответствуют её возраст возрасту Бергона и её положение — его положению. Не остались упущенными и преимущества для Орико — она

дипломатично не сказала: «А впоследствии и для Тейдеса» — в плане обретения союзника и родственника на ибранском дворе. Принцесса живописно изобразила утомительную сцену нашествия младших лордов с просьбами её руки, чего Орико мог бы избежать, согласившись на её предложение. В общем, немного вдохновения и красноречия — и взгляд рея сделался задумчивым.

Тем не менее Орико, зацепившись за последнюю фразу, возразил:

— Но, Исель, от такого нашествия тебя защищает на некоторое время твой траур. Даже Мартоу… я хочу сказать, Мартоу не станет оскорблять память брата, выдавая замуж его осиротевшую невесту на неостывшем ещё пепле погребального костра.

При слове «осиротевшая» Исель сердито фыркнула.

— Пепел остынет довольно скоро, и что тогда? Орико, тебе не удастся больше заставить меня выйти замуж без моего согласия — моего предварительного согласия, полученного заранее. Я тебе не позволю.

— Нет-нет, — быстро согласился Орико, замахав пухлыми руками. — Это… было ошибкой, теперь

я понимаю. Прости меня.

«Ошибка… сколь мягко сказано…»

— Я не хотел оскорбить тебя, сестра… ни тебя, ни богов. — С лёгким беспокойством рей огляделся по сторонам, словно опасаясь, что кто-нибудь из обиженных богов вот-вот обрушит на него космическую кару. — Я думал, так будет лучше и для тебя, и для Шалиона.

Тут Кэсерила осенило, что, кроме него и Умегата, никто не знает, чьими же стараниями Дондо так безвременно простился — нет, пока ещё не с миром — со своей жизнью. Зато все знали, что принцесса молилась об избавлении от этого брака. Конечно, никто — Кэсерил был уверен — не подозревал и не обвинял её в практиковании смертельной магии, и никто не подозревал и не обвинял его самого, но ведь Исель всё-таки была здесь, а Дондо — ушёл. Все мало-мальски думающие придворные должны быть озадачены и заинтригованы таинственной смертью Дондо, а некоторые — так и очень взволнованы.

— Ни о какой твоей помолвке я более не объявлю без твоего предварительного согласия, — с непривычной твёрдостью в голосе проговорил Орико. — Клянусь своей головой и короной.

Это была торжественная клятва; брови Кэсери-

ла поползли наверх. Орико действительно имел в виду именно то, что сказал. Исель закусила губу и ответила на это обещание лёгким, но многозначительным кивком.

Едва слышный вздох привлёк внимание Кэсерила к рейне Саре. Лицо её на фоне окна оставалось в тени. Но он заметил всё же, как её губы сложились в скептическую усмешку. Кэсерил понял, какую торжественную клятву Орико нарушил по отношению к ней, и отвёл в смущении глаза.

— Опять же, — Орико перешёл к следующему пункту, словно перепрыгнул, переходя через ручей, на следующий камень, — наш траур не позволяет пока начать переговоры с Иброй касательно твоей помолвки. Лис тоже может углядеть оскорбление в подобной поспешности.

Исель нетерпеливо передёрнула плечами.

— Но если мы будем тянуть, кто-нибудь приберёт Бергона к рукам! Принц теперь наследник, он в брачном возрасте, а его отец жаждет безопасности и мира на границах. Лис может скрепить союз своего сына с дочерью высокого марча Джисса, например. Или с благородной леди из Дартаки. Пока мы ждём, Шалион упустит свой шанс!

— Слишком рано. Слишком рано. Я не говорю,

что твои аргументы нехороши, но всему своё время. На самом деле Лис посылал дипломатов вести переговоры о браке; он просил твоей руки несколько лет назад — я уж не помню, для которого сына, — но всё расстроилось, как только в Южной Ибре начались беспорядки. Ничто не вечно. Да и моя бедная мать-браджарка была помолвлена пять раз, прежде чем оказалась замужем за моим отцом, реем Иасом. Успокойся и подожди более подходящего времени.

— По-моему, сейчас время более чем подходящее. Просто отличное. Я хочу, чтобы ты принял решение, огласил его и закрепил договором — до того как вернётся ди Джиронал.

— Ах да. Хм… Вот ещё вопрос. Я не могу пойти на такой серьёзный шаг, не обсудив его с канцлером и другими лордами совета. — Орико задумчиво закивал сам себе.

— Ты давно не советуешься с другими лордами. Я думаю, ты просто боишься сделать что-нибудь такое, что не будет одобрено ди Джироналом. Ну так кто же рей в Кардегоссе — Орико ди Шалион или Мартоу ди Джиронал?

— Я… я… подумаю над твоими словами, дорогая сестра. — Орико быстро замахал руками, выпроваживая её.

Исель ещё несколько мгновений прожигала его взглядом, отчего рей занервничал ещё сильнее, затем коротко кивнула.

— Да, подумайте, пожалуйста, о моей просьбе, милорд. Я спрошу о вашем решении завтра.

После этого обещания — или угрозы? — она снова почтительно присела перед царственными супругами и вышла, уводя за собой Кэсерила и Бетрис.

— Завтра, и послезавтра, и впредь каждый день? — шёпотом поинтересовался Кэсерил, пока она, шурша юбками, сердито шагала по коридору.

— Ежедневно, пока Орико не сдастся, — ответила принцесса сквозь стиснутые зубы. — Внесите это в расписание, Кэсерил.

* * *

Жёлтое зимнее солнце пробивалось через серые облака, когда Кэсерил несколько позднее вышел из Зангра, направляясь к конюшням. Ему пришлось закутаться в тёплый шерстяной плащ, поднять ворот и втянуть голову в плечи, словно черепаха, прячась от сырого промозглого ветра. При каждом выдохе вырывавшийся изо рта пар образовывал перед ним белое облачко.

Он несколько раз дунул такими облачками на тянувшихся к нему призраков, почти невидимых при свете дня, и они пристроились у него за спиной. Булыжники под ногами заиндевели. Подойдя к зверинцу, Кэсерил толкнул тяжёлую дверь, открыв её ровно настолько, чтобы пройти, и сразу же плотно закрыл её за собой. Постояв с минуту, чтобы глаза привыкли к лёгкому полумраку внутри, он чихнул от защекотавшего нос сладковатого запаха сена.

Грум без больших пальцев на руках поставил ведро и поспешил к гостю, кланяясь и издавая приветственные звуки.

— Я пришёл увидеться с Умегатом, — сказал Кэсерил. Низенький пожилой грум снова поклонился и пригласил его следовать за собой. Он повёл Кэсерила по проходу. Красавцы звери в клетках бросились к решёткам, принюхиваясь; песчаные лисы вскочили и возбуждённо залаяли, словно здороваясь с ним.

Комната с каменными стенами в дальнем конце зверинца была переоборудована из сенника в нечто наподобие гостиной, где грумы могли отдыхать и заниматься своими делами. В сложенном из плоских камней очаге весело пылал огонь, изгоняя из помещения холод. Лёгкий приятный

запах дыма смешивался с запахом кожи, полированного металла и мыла. Обивка на деревянных креслах, на которые ему указал грум, приглашая присесть, истёрлась, а старый стол был изрезан и покрыт пятнами. Однако комната была чисто выметена, а на подоконниках застеклённых окон по обе стороны очага красовались надраенные сковородки и кастрюли, блестя полированными боками. Грум что-то промычал и вышел.

Через несколько минут появился Умегат; он насухо вытер руки и одёрнул камзол.

— Добро пожаловать, милорд, — мягко произнёс он. Кэсерила слегка смутило его обращение — «слуга — к господину». В рокнари не существовало грамматической формы обращения секретаря к святому, поэтому он выпрямился в кресле и — в качестве компромисса — поклонился.

— Умегат.

Умегат закрыл дверь, проверив сначала, что в проходе за ней никого нет. Кэсерил наклонился, хлопнул ладонями по столу и быстро заговорил, как разговаривает пациент со своим врачом:

— Вы видели привидения Зангра. А вы когда-нибудь слышали их?

— Нет. А вы? — Умегат подтащил кресло по-

ближе к столу и уселся под прямым углом к Кэсерилу.

— Эти молчат. — Он отпихнул самый настырный призрак, всё ещё вертевшийся рядом. Умегат сжал губы и взмахом руки обратил привидение в бегство. — Я слышал Дондо. — Кэсерил описал своё ночное бдение. — Я решил, что он пытается освободиться. Может у него это получиться? Если хватка богини ослабеет?

— Я уверен, что никакой призрак не может пересилить бога, — ответил Умегат.

— Это… не ответ. — Кэсерил печально вздохнул. Может, Дондо и демон хотят убить его, взяв измором? — Вы не можете посоветовать мне что-нибудь, чтобы он заткнулся? Я пытался прятать голову под подушку, но это не помогло.

— Во всём этом наблюдается некая симметрия, — медленно проговорил Умегат. — Призраков снаружи вы видите, но не слышите, а призрак внутри слышите, но не видите… Если к этому приложил руку Бастард, то, по всей вероятности, для поддержания равновесия. Как бы там ни было, я уверен, что вы остались в живых отнюдь не случайно и ваша защита никак не может внезапно исчезнуть.

Кэсерил задумался. Повседневные дела… да.

Сегодня они повернулись очень любопытным образом. Теперь он заговорил как товарищ с товарищем:

— Послушайте, Умегат, у меня есть одна идея. Известно, что проклятие передаётся в Доме Шалиона по мужской линии — от Фонсы к Иасу и Орико. Но рейна Сара тоже в его власти, хотя не является потомком Фонсы. Проклятие перешло на неё, когда она вышла замуж в Шалион, да?

Морщины на лбу Умегата стали глубже.

— Сара была уже окружена тенью, когда я увидел её впервые несколько лет назад, но, полагаю… да, возможно, так дело и обстоит.

— И с Истой, должно быть, случилось то же самое?

— Наверное.

— В таком случае может ли Исель выйти замуж из Шалиона и оставить проклятие позади? Когда она покинет родную семью и войдёт в семью мужа, неужели проклятие последует за ней, заражая и новую родню?

Брови Умегата поползли вверх.

— Не знаю.

— Но вы не считаете это невозможным? Я подумал, что это может спасти… кое-что.

Умегат откинулся на спинку кресла.

— Возможно. Я не знаю. Я никогда не задумывался над этим, поскольку к Орико этот путь неприменим.

— Мне нужно знать, Умегат. Принцесса Исель подталкивает Орико начать переговоры по поводу выдачи её замуж за пределы Шалиона.

— Канцлер ди Джиронал наверняка будет против.

— Я не стал бы недооценивать силу убеждения принцессы. Она не Сара.

— Вы правы. Ох, мой бедный Орико — он попал в такие тиски!

Кэсерил прикусил губу и надолго задумался, прежде чем задать следующий вопрос.

— Умегат… вы наблюдаете за двором много лет. Всегда ли ди Джиронал был таким… отвратительным казнокрадом или это проклятие постепенно развратило его? Переходит ли проклятие только на человека, находящегося у власти, или любой, кто служит Дому Шалиона, обречён со временем на моральное разрушение?

— Вы задаёте очень интересные вопросы, лорд Кэсерил. — Седые брови Умегата сошлись на переносице. — Хотел бы я иметь на них ответы. Мартоу ди Джиронал всегда был сильным, умным и умелым человеком. Оставим пока в стороне

то, что касается его младшего брата, который славился как искусный воин на поле брани, но не как мудрая голова в мирное время. Когда ди Джиронал только занял пост канцлера, он был подвержен соблазнам и греху жадности и гордыни не более чем любой другой лорд Шалиона.

«Довольно бледная похвала. Однако…»

— Однако, — Умегат, казалось, продолжил мысль Кэсерила, — думаю, что проклятие сказалось и на нём.

— В таком случае… избавление от ди Джиронала не решит проблем Орико? Другой человек — возможно, даже хуже него — поведёт себя на его месте так же?

Умегат развёл руки.

— Проклятие имеет сотни воплощений, извращая и портя всё, что может пойти на пользу Орико. Жена, вместо того чтобы подарить ему наследников, стала бесплодной. Главный советник из честного и верного стал продажным. Друзья лгут, вместо того чтобы говорить правду. Пища ослабляет, а не даёт силы. И так далее.

«Секретарь-наставник из смелого и мудрого становится трусливым и тупым? Или даже обречённым и безумным?..»

Если любой человек, оказавшийся в поле дей-

ствия заклятия, уязвим для него, неужели и Кэсерил обречён стать для Исель таким же бедствием, каким стал для Орико ди Джиронал?

— И Тейдес, и Исель… их замыслы ждёт провал, как и замыслы Орико? Или Орико, будучи реем, несёт особое бремя?

— Думаю, с течением времени проклятие давит на Орико всё сильнее. — Серые глаза рокнарца сощурились. — Вы задали мне не меньше дюжины вопросов, лорд Кэсерил. Позвольте и мне задать один. Как вы оказались на службе у принцессы Исель?

Кэсерил открыл рот и снова закрыл. Мысли его вернулись было к тому дню, когда провинкара смутила его своим предложением стать секретарём-наставником у принцессы. Но нет, ещё раньше случилось кое-что другое… да и до того…

В итоге Кэсерил начал свой рассказ с того, как солдат Дочери уронил нечаянно в грязь золотой реал и как он сам добрался до Валенды. Умегат заварил чай и поставил дымящуюся чашку перед своим собеседником, который приостановил свой рассказ, чтобы смочить пересохшее горло. Затем Кэсерил поведал, как Исель в День Дочери оконфузила продажного судью, и закончил своим прибытием в Кардегосс.

Умегат потянул себя за косу.

— Полагаете, ваши шаги были предрешены так давно? Возможно. Ведь боги — такие скряги, они используют любой мало-мальски подходящий шанс, как только находят его.

— Если боги направляют меня по этому пути, то где же моя свободная воля? Нет, не может быть.

— Ага! — Умегат просветлел, услышав, что Кэсерил затронул его излюбленную теологическую тему. — У меня есть на этот счёт идея, не исключающая ни свободной воли человека, ни божественного промысла. Возможно, вместо того чтобы управлять каждым шагом избранного человека, боги просто посылают по нужному пути сотни или тысячи Кэсерилов и Умегатов, а добираются до конечной цели лишь те, кто выберет этот путь сам.

— Ну и кто же я — первый или последний из предпринявших это путешествие?

— Что же, с уверенностью могу сказать только, что явно не первый.

Кэсерил понимающе хмыкнул. Немного поразмыслив, он вдруг спросил:

— Но если боги послали Орико вас, а Исель — меня (хотя мне кажется, что тот, кто сделал это, изрядно ошибся), кого же они послали оберегать

Тейдеса? Разве нас не должно быть трое? Третий… наверняка посланец Брата, не важно, орудие он, святой или дурак — богам виднее… но неужели все сто защитников мальчика пали в пути один за другим? Может, этот человек ещё не дошёл?

Тут у Кэсерила перехватило дыхание от новой мысли.

— А может, это был ди Санда? — Он наклонился и спрятал лицо в ладонях. — Если я не прекращу эти теологические изыскания, держу пари, снова закончу в доску пьяным. У меня такое чувство, что мой мозг безостановочно крутится и крутится в черепной коробке и меня сейчас просто стошнит.

— Пристрастие к спиртному отнюдь не редкость среди настоятелей и посвящённых.

— И я даже понимаю почему. — Кэсерил запрокинул голову, выливая в рот последние капли чая, и поставил чашку на стол. — Умегат… если бы я был должен спрашивать богов о каждом своём шаге — мудрый ли он, верный ли… и не смел сделать выбор без их согласия… я бы сошёл с ума. Ещё больше, чем сейчас. И закончил бы тем, что скорчился бы в уголке и ничего не делал вообще — разве что пускал слюни и сопли.

Умегат хохотнул — жестоко, как показалось

Кэсерилу, — но затем покачал головой.

— Не следует недооценивать богов. Придерживайтесь добродетели — если сможете понять, в чём она заключается, — и верьте, что возложенная на вас обязанность — это то, чего вы горячо желали. И что ваши таланты — это таланты, которые вы должны предоставить в распоряжение богов, выполняя свою миссию. Верьте, что боги не потребуют от вас того, чем предварительно вас не наградили. Речь идёт не только о вашей жизни.

Кэсерил потёр лицо руками и вздохнул.

— Тогда я приложу все свои силы, чтобы устроить брак Исель, который может избавить её от проклятия. Я обязан верить в свой здравый смысл — почему бы ещё богиня избрала для её защиты рассудительного человека? — Тут он снова вздохнул и вполголоса закончил: — По крайней мере раньше я был рассудительным… — Кэсерил уверенно кивнул (с куда большей уверенностью, чем чувствовал) и поднялся на ноги. — Молитесь за меня, Умегат.

— Ежечасно, милорд.

Уже темнело, когда в кабинет Кэсерила вошла Бетрис со свечой в руке и, пройдясь по комнате, зажгла все светильники, чтобы он мог спокойно работать. Кэсерил улыбнулся и благодарно

кивнул. Она улыбнулась в ответ и задержалась, не спеша возвращаться на женскую половину. Бетрис стояла — как заметил Кэсерил — на том самом месте, где они расстались в ночь смерти Дондо.

— Благодарение богам, всё вроде успокаивается и становится на свои места, — проговорила она.

— Да, понемногу. — Кэсерил отложил перо.

— Я начинаю верить, что всё будет хорошо.

— Да. — Его живот свело болью.

«Нет».

Долгая пауза. Он снова взял в руку перо и макнул в чернила, хотя писать было уже нечего.

— Кэсерил, неужели вам нужно быть уверенным, что вы умрёте, чтобы решиться поцеловать даму? — вдруг спросила Бетрис.

Он вздрогнул, покраснел и закашлялся.

— Мои глубочайшие извинения, леди Бетрис. Этого больше не случится.

Он не осмеливался поднять глаза, чтобы она снова не попыталась сломить его хрупкое сопротивление. Чтобы ей это не удалось.

«О Бетрис, не приноси своё достоинство в жертву моей пустоте».

Её голос стал жёстким.

— Мне очень жаль слышать это, кастиллар.

Он сдержался и не посмотрел на неё. Бетрис вышла.

Прошло несколько дней с тех пор, как Исель начала свою кампанию против Орико. Прошло несколько ночей, ужасных для Кэсерила, когда душа Дондо завывала в своём узилище. Эти «кишечные» беседы действительно оказались еженощными, они оживляли на четверть часа все ужасы той смерти. Кэсерилу не удавалось уснуть до начала полуночного монолога — он мучился в болезненном ожидании — и долгое время после него, пока он трясся от пережитого в очередной раз кошмара. Неудивительно, что лицо его от недосыпания приобрело серый оттенок. По сравнению с ночными песнопениями бледные старые призраки начинали казаться милыми ручными зверюшками. Кэсерилу ничего другого не оставалось, как пить на ночь больше вина, чтобы всё-таки спать и выдерживать кое-как эти терзания.

Орико сносил атаки сестры с меньшей стойкостью. Он пытался улизнуть от неё всяческими способами, но она с завидным упорством находила его в покоях, в кухне, а как-то раз — к ужасу и смущению Нан ди Врит — даже в ванной. Когда однажды на рассвете рей сбежал в охотничий

домик в лесу, Исель последовала за ним сразу после завтрака. Кэсерил с облегчением заметил, что его собственные призрачные преследователи остались позади, видимо, не рискнув покинуть пределы Зангра, словно были привязаны к месту своей гибели.

Быстрый галоп явно радовал Исель; она словно стряхнула с себя всю тоску, печаль и тревогу жизни в замке. День, проведённый в седле на морозном воздухе ранней зимы, поездка туда и обратно — правда, безрезультатная — придали блеск её глазам и румянец щекам. Леди Бетрис тоже взбодрилась. Четыре баосийских гвардейца, выбранные для сопровождения, неторопливо следовали позади. Кэсерил всю дорогу скрывал страшную боль в животе. После чего вечером у него снова пошла кровь, хотя уже несколько дней этого не случалось, а серенада Дондо оказалась особенно изматывающей, так как ухо Кэсерила впервые смогло вычленить из безумных криков отдельные слова. Это не было осмысленной речью, но восклицания казались вполне членораздельными. Что же будет дальше?

Когда Кэсерил устало поднимался на следующее утро в покои Исель, он не мог даже подумать без содрогания о том, чтобы предпринять ещё раз

подобную поездку. Он только устроил ноющее тело в кресле и взялся за бухгалтерские книги, как явилась рейна Сара в белоснежном шерстяном плаще. Изумившись, Кэсерил вскочил на ноги и низко поклонился; она отметила его присутствие лёгким рассеянным кивком.

В кабинет из гостиной Исель донёсся щебет женских голосов. Принцесса радостно приветствовала сноху. Две фрейлины, сопровождавшие рейну, и Нан ди Врит устроились в креслах и принялись за вышивку, обмениваясь свежими слухами, а сама рейна и принцесса удалились в другую комнату. Через полчаса Сара снова проследовала мимо Кэсерила с тем же непроницаемым выражением лица.

Почти сразу в кабинет вышла Бетрис и сказала:

— Принцесса Исель просит вас присоединиться к ней в гостиной.

Её чёрные брови беспокойно хмурились. Кэсерил незамедлительно повиновался.

Исель сидела в резном кресле, обхватив себя руками и тяжело дыша.

— Негодяй! Кэсерил, мой брат — бесчестный негодяй! — воскликнула она, как только он, поклонившись, придвинул кресло поближе.

— Миледи? — переспросил Кэсерил, опускаясь в кресло с величайшей осторожностью, чтобы не вызвать очередного приступа боли, до сих пор ещё не отпустившей его после ночи и возобновлявшейся при каждом резком движении.

— Никакой помолвки без моего согласия — да, конечно!.. И ведь он говорил так искренне! Да, но только и без согласия ди Джиронала тоже. Сара предупредила меня. После смерти Дондо, перед отъездом из Кардегосса в поисках убийцы, канцлер заперся с моим братом и убедил его написать завещание. В случае смерти Орико канцлер становится регентом Тейдеса…

— Полагаю, это можно было предвидеть. Обычно регентский совет — провинкары Шалиона — не позволяет концентрировать власть в одних руках.

— Да-да, я знаю, но…

— Завещание не исключает совет, не так ли? — с тревогой поинтересовался Кэсерил. — Это могло бы возмутить лордов.

— Нет, условия обычные. Но раньше я была под опекой моей бабушки и дяди — провинкара Баосии, а теперь я перехожу под опеку ди Джиронала. И здесь мне не поможет никакой совет! И ещё, Кэсерил… он будет моим опекуном до того

момента, как я выйду замуж, а позволить или запретить моё замужество — целиком в его власти! Он может продержать меня в старых девах до самой смерти, если захочет!

Кэсерил подавил беспокойство и поднял руку.

— Нет, это не совсем так — по возрасту он должен умереть гораздо раньше вас. А ещё раньше Тейдес достигнет совершеннолетия и вступит в свои права рея; тогда он сможет выдать вас замуж по собственной воле.

— Тейдес станет совершеннолетним в двадцать пять, Кэсерил!

Лет десять назад Кэсерил разделил бы её ужас перед таким долгим сроком. Теперь же для него это звучало вполне приемлемо.

— Мне будет уже двадцать восемь!

Ещё на двенадцать лет оставить её под властью проклятия… нет, не годится.

— Он сможет немедленно уволить вас с вашей должности!

«У вас есть ещё одна защитница, которая пока не собирается увольнять меня».

— Да, у вас есть причины для беспокойства, принцесса; однако не нужно волноваться преждевременно — ничего этого не случится, пока жив Орико.

— Сара сказала, что он нездоров.

— Немного нездоров, это верно, — осторожно согласился Кэсерил. — В любом случае он ещё вовсе не стар. Ему чуть больше сорока.

По выражению лица Исель было видно, что она считает такой возраст вполне заслуживающим опасений.

— Он… ему хуже, чем кажется с виду. Так говорит Сара.

Кэсерил немного поколебался.

— Она настолько близка с ним, чтобы знать об этом? Я думал, они отдалились друг от друга.

— Я их не понимаю. — Исель зажмурилась. — Ох, Кэсерил, то, что Дондо говорил мне, было правдой! После разговора с ним я было подумала, что он просто хотел запугать меня столь чудовищной ложью. Сара отчаялась зачать ребёнка и согласилась, чтобы ди Джиронал попробовал, когда… когда Орико уже… больше не мог. Она говорит, Мартоу по крайней мере относился к ней с уважением, но когда и у него ничего не вышло, Дондо настоял, чтобы и ему разрешили попытаться. Дондо был ужасен… он получал удовольствие, унижая Сару.

Но, Кэсерил, Орико знал! Он помог убедить Сару пойти на это. Я не понимаю… Орико ведь не

испытывает такой ненависти к Тейдесу, чтобы предпочесть усадить на свой трон бастарда ди Джиронала.

— Нет, конечно.

И да. Сын ди Джиронала не был бы потомком Фонсы Мудрого. Орико, по всей вероятности, предполагал, что ребёнок вырастет свободным от проклятия, наложенного на владык Шалиона Золотым Генералом. Отчаянная попытка, но, возможно, не лишённая смысла.

— Рейна Сара, — добавила Исель, скривив губы, — сказала, что если ди Джиронал обнаружит убийцу Дондо, она оплатит похороны и постоянные молитвы о его душе в храме Кардегосса, а также назначит пенсию его семье.

— Приятно слышать, — заметил Кэсерил, хотя у него не было семьи, чтобы получать эту пенсию. Он немного нагнулся вперёд и улыбнулся, чтобы скрыть гримасу боли. Значит, даже Сара, не поскупившись на все эти кошмарные подробности, не рассказала девушке о проклятии. А он теперь был уверен, что Сара о нём знает. Орико, Сара, ди Джиронал, Умегат, возможно, Иста, может, и провинкара… И никто не захотел отягощать сердца Исель и Тейдеса знанием о тёмном облаке, нависающем над ними. Кто он такой, чтобы

нарушить этот молчаливый сговор?

«Но ведь и мне никто ничего не говорил. Разве я благодарен им за это?»

И когда же в таком случае защитники Тейдеса и Исель думают сообщить им правду об окружающем их зле? Орико собирается сделать это на смертном одре, как его отец, рей Иас?

Есть ли у Кэсерила право рассказать обо всём Исель, когда её родные решили молчать?

Готов ли он поведать, каким путём он сам узнал об этом?

Кэсерил взглянул на леди Бетрис, усевшуюся в другое кресло и с беспокойством взиравшую на свою встревоженную госпожу. Даже Бетрис, которая была уверена в том, что он сделал попытку применить смертельную магию, не знала, что это ему удалось.

— Я не знаю, что мне делать, — простонала Исель, — Орико бесполезен.

Есть ли у Исель шанс спастись от проклятия, даже не подозревая о нём? Он набрал в лёгкие побольше воздуха, чтобы предложить нечто не совсем обычное.

— Вы могли бы самостоятельно предпринять шаги для устройства вашего брака.

Бетрис вздрогнула и выпрямилась, уставив-

шись на Кэсерила расширившимися глазами.

— Что, тайно? — спросила Исель. — В тайне от рея?

— На самом деле, в тайне от его канцлера.

— А это законно?

Кэсерил вздохнул.

— Брак, заключённый по всем правилам, не может быть расторгнут даже реем. И если подавляющее большинство шалионцев решат оказать вам поддержку — а у ди Джиронала существует довольно многочисленная оппозиция, — то даже попытка расторжения брака станет довольно проблематичной.

А если Исель покинет Шалион и окажется под защитой такого… э-э… практичного свёкра, как Лис Ибры, то позади останутся и проклятие, и интриги. Дело, однако, надо повернуть так, чтобы не сменить роль безвластной заложницы одного двора на аналогичную роль при другом дворе.

«Но зато не при проклятом дворе, не так ли?»

— О, — глаза принцессы зажглись надеждой, — Кэсерил, а это можно устроить?

— Есть трудности практического порядка, — отметил он, — но все они имеют практическое решение. Самое сложное — найти надёжного человека, чтобы он стал вашим посланником. Он

должен иметь голову на плечах, чтобы держать в переговорах с Иброй по возможности наиболее жёсткую позицию, иметь гибкость, чтобы не обидеть Шалион, выдержку и смекалку, чтобы тайно пересечь неспокойные границы, и отвагу, чтобы всё это выдержать и добиться успеха. Ошибка в выборе может быть фатальной.

И вряд ли в фигуральном смысле слова.

Исель сжала руки и нахмурилась.

— Вы можете найти мне такого человека?

— Я обдумаю все варианты.

— Сделайте это, лорд Кэсерил, — выдохнула она, — сделайте.

Леди Бетрис проговорила странно севшим голосом:

— Вам не нужно далеко ходить.

— Я не гожусь на эту роль. — Он сглотнул комок в горле и, вместо того чтобы сказать: «Я могу в любой момент пасть трупом к вашим ногам», объяснил: — Я не могу оставить вас здесь без защиты.

— Мы все подумаем над этим, — твёрдо заключила Исель.

Празднование Дня Отца прошло спокойно. Ледяной дождь поливал Кардегосс и удержал многих обитателей Зангра от участия в город-

ском шествии. Но Орико, подчиняясь своим обязанностям рея, присутствовал на нём и в итоге простудился. Он воспользовался этим, чтобы улечься в постель и никого не принимать. В Зангре всё ещё носили траурные лавандово-чёрные цвета, и праздничный ужин сопровождался духовной музыкой, а не танцами.

Дождь лил не переставая целую неделю. Очередным дождливым днём Кэсерил совмещал работу с учебным процессом, показывая Бетрис и Исель, как следует заполнять и обрабатывать бухгалтерские документы, когда дверь со скрипом распахнулась и робкий голос пажа возвестил:

— Марч ди Паллиар просит разрешения увидеть милорда ди Кэсерила!

— Палли! — Кэсерил повернулся в кресле и вскочил на ноги. Лица обеих его учениц зарумянились от радости. — Я не ждал тебя в Кардегоссе так скоро!

— Я сам этого не ждал, — Палли поклонился девушкам и подмигнул Кэсерилу. Затем уронил монету в ладонь пажа и кивнул; мальчик низко поклонился, благодаря за щедрые чаевые, и удалился.

Палли продолжил:

— Я взял с собой только двух офицеров и скакал

очень быстро; мой отряд из Паллиара следует за нами без спешки, чтобы поберечь лошадей.

Он огляделся по сторонам и пожал широкими плечами.

— Богиня свидетельница! Я и не думал, что пророчествую, когда был здесь последний раз. Это вгоняет меня в дрожь больше, чем проклятый холодный дождь. — Он снял промокший насквозь шерстяной плащ, обнажив бело-голубые цвета Дочери на форменном камзоле, и провёл рукой по блестевшим от дождя черным волосам. Пожав Кэсерилу руку, он добавил: — Демоны Бастарда, Кэс, ты выглядишь ужасно!

Кэсерил, увы, не мог ответить на это: «Да, с одним из этих демонов внутри». Вместо этого он пробормотал:

— Да… думаю, это из-за погоды. Всякий станет вялым и скучным…

Палли отступил на шаг назад и окинул друга взглядом с головы до ног.

— Погода? Когда я видел тебя в последний раз, лицо у тебя не было серым, как скисшее тесто, и чёрных кругов под глазами не наблюдалось, и… и… ты был в отличной форме, а не бледным, всклокоченным и с распухшим животом. — Кэсерил вздрогнул, непроизвольно прикрыв живот,

когда Палли ткнул в него пальцем. — Принцесса, вам следует незамедлительно показать своего секретаря хорошему врачу.

Исель вдруг с удивлением уставилась на Кэсерила и поднесла руку к губам, словно только что разглядела его наконец за последние недели. Примерно так оно и было — её внимание было полностью поглощено случившимися за это время происшествиями. Бетрис, переводя взгляд с одного на другого, закусила губу.

— Мне не нужен врач, — твёрдо и быстро сказал Кэсерил.

«Или ещё какой любитель повыспрашивать. О боги, нет!»

— Так говорят все мужчины, страшась ланцета и клизмы. — Палли легко отмёл его протест. — Одного моего сержанта, у которого назрел нарыв от седла, я отвёл к врачу, подгоняя остриём меча. Не слушайте его, принцесса. Кэсерил. — Его лицо посерьёзнело, и он, прося прощения, отвесил Исель полупоклон. — Можно мне переговорить с тобой с глазу на глаз? Обещаю не задерживать его надолго, принцесса. Дело неотложное.

Исель неохотно даровала своё царственное позволение. Кэсерил, быстро сообразив, в чём дело, повёл друга вниз, в свою комнату. К счастью,

коридор был пуст. Войдя к себе, Кэсерил тщательно прикрыл тяжёлую дверь, чтобы избежать неожиданного вторжения людей. Призраки же поведать об услышанном никому не могли.

Он уселся в кресло, пытаясь скрыть скованность в движениях. Палли расположился на краю кровати, свесив руки между коленями. Плащ он бросил рядом.

— Курьер Дочери добрался до Паллиара весьма быстро, несмотря на распутицу, — отметил Кэсерил, мысленно подсчитав дни.

Тёмные брови Палли удивлённо поползли наверх.

— Ты уже знаешь? Я полагал, что это… э-э… вполне конфиденциальный созыв конклава. Хотя, конечно, как только все лорды-дедикаты прибыли бы в Кардегосс, всё стало бы ясно.

Кэсерил пожал плечами.

— У меня свои источники.

— Не сомневаюсь. Как и у меня. — Палли погрозил ему пальцем. — В настоящее время ты — единственный разумный человек в Зангре, которому я могу доверять. Что, во имя богов, тут произошло? Вокруг смерти священного генерала ходит столько самых невероятных слухов, что понять, где правда, почти невозможно. И как бы

не вдохновляла сия прелестная картина, мне както не верится, что его душу унёс на сверкающих крыльях демон, призванный с небес молитвами принцессы Исель.

— Э-э… да, всё не совсем так. Он просто умер в разгар пьянки в ночь накануне своей свадьбы.

— Хотелось бы верить, что отравился своим же ядовитым лживым языком.

— Почти.

Палли хмыкнул.

— Лорды-дедикаты, которых Дондо привёл в ярость — не только те, кого он пытался безуспешно подкупить, но и те, кто поддался на его речи и теперь устыдился этого, — видят в его смерти знак. Всё возвращается на круги своя. Колесо бытия повернулось. Как только в Кардегосс прибудут все члены совета, мы собираемся сами, не дожидаясь решения канцлера, выдвинуть кандидата на пост священного генерала и предложить его Орико. Или, может быть, список из трёх подходящих кандидатов, чтобы рей мог бы выбирать.

— Не знаю даже, что и сказать. Это тонкий баланс между… — Кэсерил чуть было не сказал «верностью и государственной изменой». — Кроме того, у ди Джиронала наверняка есть своя рука в храме, так же как и в Зангре. Вы же не захотите

ввязываться с ним в настоящий бой.

— Даже ди Джиронал не осмелится оскорбить храм, послав солдат Сына против солдат Дочери.

— Хм… — проворчал Кэсерил.

— В то же время некоторые лорды-дедикаты — не буду пока называть поимённо — планируют пойти ещё дальше. Возможно, собрав и предоставив Орико достаточно доказательств продажности — взяток, растрат и прочего — обоих Джироналов, мы вынудим его сместить ди Джиронала с поста канцлера. Заставим рея поступить твёрдо.

Кэсерил потёр переносицу и встревоженно сказал:

— Заставить Орико поступать твёрдо — это то же самое, что пытаться выстроить башню из взбитых сливок. Я бы не советовал. Он не захочет расстаться с ди Джироналом. Рей полагается на него… куда больше, чем я могу объяснить. Ваши доказательства должны быть очень и очень убедительными.

— Да, и меня к тебе привело отчасти и это тоже. — Палли наклонился к нему. — Ты сможешь повторить под присягой перед конклавом Дочери то, что рассказал мне тогда в Валенде, — как ди Джироналы продали тебя на галеры?

Кэсерил заколебался.

— У меня есть только моё слово, Палли. Этого слишком мало, чтобы сразить ди Джиронала, поверь мне.

— Ну не в одиночку же. Это будет просто ещё одна искра, ещё одна щепка в огонь.

Всего лишь щепка? А хочет ли он участвовать в этой заварухе? Губы Кэсерила скривились в усмешке.

— И у тебя есть определённая репутация, — настойчиво добавил Палли.

Кэсерил вздрогнул.

— Не слишком хорошая, однако…

— Ты что! Все знают об умном секретаре принцессы Исель, человеке, который благоразумен сам и учит благоразумию её… А бастион Готорге-та? И к тому же все знают о твоём безразличии к деньгам…

— Нет, — возразил Кэсерил, — я просто плохо одеваюсь. К деньгам я отношусь очень даже положительно.

— И пользуешься полным доверием принцессы. И не пытаешься использовать меня в своих интересах. И я сам видел, как ты трижды отказывался взять деньги у рокнарцев, когда те предлагали тебе предать Готоргет, хотя ты тогда уже был

полумёртв от голода. Я могу предоставить живых свидетелей этого.

— Ох, ну конечно, я не взял…

— Твой голос услышат в совете, Кэс!

Кэсерил вздохнул.

— Я… подумаю об этом. У меня есть более важные обязанности. Скажи, что я буду говорить на закрытом заседании и только в том случае, если это действительно будет необходимо. Внутренняя политика храма — не моё дело. — Боль в животе заставила его пожалеть о неудачно выбранном выражении.

«Боюсь, что прямо сейчас я занят внутренней политикой самой богини».

Счастливый кивок Палли сказал Кэсерилу, что слова его приняты за более твёрдое согласие, нежели бы ему самому хотелось. Офицер Дочери встал, поблагодарил друга и удалился.

Глава 16

Двумя днями позже Кэсерил спокойно сидел в кабинете, чиня перья, когда вошёл паж и объявил:

— Прибыл дедикат Роджерас. По приказанию принцессы Исель, милорд.

Роджерасу на вид было около сорока, среди его рыжеватых волос уже виднелись залысины, из-под бровей смотрели голубые проницательные глаза. Занятие его легко можно было определить по зелёным одеждам дедиката Госпиталя Милосердия Матери храма Кардегосса, развевавшимся при каждом его стремительном шаге, а ранг — по нашивке на плече. Кэсерил сразу понял, что дело не в болезни кого-нибудь из его подопечных, поскольку в таком случае орден Матери прислал бы врача-женщину. Он тревожно выпрямился и, вежливо кивнув, встал и направился в покои Исель, чтобы оповестить её о визите. Однако обнаружил, что и Бетрис, и принцесса уже стоят в дверях и приветствуют посетителя. Они явно не были удивлены.

Бетрис присела в лёгком книксене в ответ на

почтительный низкий поклон дедиката.

— Вот этот человек, о котором я вам говорила, принцесса. Старший настоятель Матери сказал, что он специализируется на изнурительных болезнях и объездил весь Шалион, изучая их.

Так вот что это значит! Во время вчерашнего визита в храм Бетрис занималась не только молитвами и внесением пожертвований. Исель не нуждалась в том, чтобы её учили плести придворные интриги, как ранее казалось Кэсерилу. Она научилась этому без его участия. Да, его обвела вокруг пальца одна из его же учениц! Кэсерил натянуто улыбнулся, скрывая нарастающий страх. Человек, стоявший напротив, не обладал сияющей аурой, которую могло бы увидеть его внутреннее зрение. Что он мог сказать о самом что ни на есть обыкновенном теле Кэсерила?

Исель посмотрела на врача и радостно закивала.

— Дедикат Роджерас, пожалуйста, обследуйте моего секретаря и доложите мне.

— Принцесса, мне не нужен врач!

«И тем более чтобы он меня обследовал!»

— Что же, тогда мы всего-навсего потеряем немного времени, — рассудила Исель, — которого боги выделяют нам каждый день предостаточ-

но. Как бы мне ни было неприятно принуждать вас, Кэсерил, я приказываю вам следовать за доктором. — В её голосе прозвучала стальная решительность.

Демон бы побрал Палли! И не только за то, что вбил это в её голову, но и за то, что научил, как не дать Кэсерилу ускользнуть. Исель училась очень быстро. Хотя… этот врач либо сможет обнаружить чудесное явление, либо не сможет. В первом случае Кэсерил призовёт Умегата, и пусть святой, используя свои высокие связи в храме, разбирается с этим. А во втором — никакого вреда не будет.

Кэсерил смиренно поклонился, всем своим видом показывая, что тронут таким участием, и повёл своего незваного гостя вниз, к себе в спальню. Леди Бетрис последовала за ними, чтобы убедиться в их благополучном прибытии на место во исполнение воли Исель. Когда Кэсерил закрывал за собой дверь своей комнаты, Бетрис виновато улыбалась, но в глазах её стояла тревога.

Запершись с Кэсерилом, врач усадил его у окна, где принялся считать пульс и заглядывать в глаза, уши и горло. Затем он попросил Кэсерила помочиться в пробирку. Долго изучал жидкость,

встряхивая пробирку и нюхая содержимое.

Он спросил о состоянии кишечника, и Кэсерил был вынужден подтвердить, что время от времени у него бывают кровотечения. Тогда его попросили раздеться и лечь на кровать. Врач выслушал сердце и дыхание, прижав ухо к груди пациента, потом ощупал и простучал быстрыми холодными пальцами всё тело Кэсерила. Кэсерилу пришлось признаться в происхождении рубцов на спине. Комментарии Роджераса свелись к нескольким советам, как можно избавиться от них и связанных с ними неудобств — если Кэсерил, конечно, желает этого и обладает достаточным хладнокровием и терпением. От этих советов волосы вставали дыбом. Кэсерил решил, что предпочтёт подождать. Лучше упасть несколько раз с лошади, чем пережить подобное. Он так и сказал, чем заставил Роджераса рассмеяться.

Но когда доктор приступил к более внимательному и тщательному осмотру живота пациента, улыбка его исчезла. Он прощупал и простучал каждый дюйм, то и дело спрашивая:

— Тут болит? А тут?

Кэсерил, решительно настроенный вытерпеть все издевательства, твёрдо отвечал:

— Нет.

— А если так?

Кэсерил охнул.

— О! Тут немного больно. — И снова начались нажатия, пощипывания, постукивания. Доктор на какое-то время остановился, задержав руку на животе Кэсерила, взгляд его стал задумчивым и рассеянным. Затем он встрепенулся, словно проснувшись, отчего на мгновение стал похож на Умегата.

Роджерас улыбался, пока Кэсерил натягивал одежду, но глаза его были по-прежнему задумчивыми.

Кэсерил ободряюще произнёс:

— Ну же, дедикат, говорите! Я рассудительный человек и не рассыплюсь на части от ваших слов.

— Ах вот как? Что ж, это хорошо. — Роджерас вздохнул и просто сказал: — Милорд, у вас довольно большая опухоль.

— Так вот оно что… — Кэсерил тяжело опустился в кресло.

Роджерас быстро поднял глаза:

— Вас это не очень удивило?

«Не очень, по сравнению с моим последним диагнозом».

Кэсерил подумал, какое облегчение он ощутил бы, если бы его боли были вызваны столь естественными, хотя и ведущими к летальному исходу причинами. Уж опухоли-то, во всяком случае, не завывают среди ночи безумными голосами.

— У меня были подозрения, что с животом что-то не в порядке. Но что это значит? Как вы думаете, чем всё закончится? — Он попытался придать голосу как можно более нейтральное звучание.

— Ну… — Роджерас сел на край кровати и сложил вместе кончики пальцев, — существует множество подобных образований. Некоторые из них бесформенные, расползаются по организму, иные — словно завязаны в узлы, а третьи — как будто заключены в капсулы. Одни убивают быстро, другие существуют долгие годы и почти не доставляют беспокойства. Ваша похожа на заключённую в капсулу, что внушает оптимизм. Это некий особый вид, наподобие кисты, заполненной жидкостью. Я наблюдал одну женщину с такой опухолью в течение двенадцати лет.

— Ох, — проговорил Кэсерил и открыто улыбнулся.

— Её опухоль выросла больше чем на сотню

фунтов к моменту её смерти, — продолжал врач. Кэсерил отшатнулся, но доктор невозмутимо рассказывал. — Были ещё случаи куда более интересные… я видел такое только дважды за годы учёбы — круглой формы масса, в которой при вскрытии обнаружились участки плоти с волосами, зубами и костями. Один раз — в животе женщины, что ещё можно хоть как-то объяснить, но второй раз подобную опухоль нашли в ноге мужчины. Я предполагаю, что эти опухоли были следствием внедрения беглого демона, пытавшегося принять форму человеческого тела. Если бы демону удался его замысел, он, по-видимому, прогрыз бы себе путь наружу и вышел в мир во плоти. Это было бы кошмаром. Мне давно хотелось обнаружить такую опухоль в ещё живом пациенте, чтобы я смог проверить таким образом мою теорию. — Он с интересом взглянул на Кэсерила.

Кэсерилу стоило величайшего усилия не вскочить и не заорать. Он с ужасом посмотрел на свой вздувшийся живот и осторожно отвёл глаза. Раньше он думал о духовном, а не о физическом страдании. Ему не приходила в голову мысль, что они вполне могут сочетаться. Он только и смог выдавить:

— Они что, тоже должны вырасти до сотни фунтов?

— Те две опухоли, что мне довелось исследовать, были значительно меньше, — уверил его Роджерас.

Кэсерил посмотрел на врача в безумной надежде.

— А это можно вырезать?

— О, только у мёртвого человека, — виновато проговорил доктор.

— Но… это возможно? — Если человек достаточно смел, чтобы лечь под нож и хладнокровно подвергнуться такой операции… если эту мерзость можно вырезать быстро — как при ампутации… возможно ли физически избавиться от сверхъестественного, если оно облечено в плоть?

Роджерас покачал головой.

— Из руки или ноги — вероятно. Но это… вы же были солдатом и наверняка видели, что происходит с раненными в живот. Даже если вы переживёте болевой шок от операции, вас через несколько дней убьёт лихорадка. — Голос доктора стал печальным. — Я пробовал такое трижды, и то лишь потому, что мои пациенты угрожали убить себя, если я не попытаюсь. Они все умерли. Я не посмею убить ещё одного хорошего чело-

века. Не мучайте себя мыслями о невозможном. Воспользуйтесь той жизнью, что вам ещё осталась, и молитесь.

«Я молился, и вот к чему это привело…»

— Не говорите принцессе!

— Милорд, — твёрдо ответил врач, — я обязан.

— Но я тоже обязан… только не сейчас! Она не может уложить меня в постель! Я не должен оставлять её одну! — В голосе Кэсерила послышалась паника.

Роджерас поднял брови.

— Ваша верность делает вам честь, лорд Кэсерил. Но успокойтесь! Пока нет никакой необходимости укладывать вас в постель. Кроме того, занятие какими-нибудь несложными делами поможет вам отвлечься от тяжёлых мыслей и подготовить вашу душу.

Кэсерил глубоко вздохнул и решил не объяснять Роджерасу, сколь легка его служба Дому Шалиона.

— Как вам кажется, долго ли ещё я смогу выполнять мою работу?

— До тех пор, пока не решите, что больше не справляетесь, — строго ответил Роджерас. — Пока что вам нужно побольше отдыхать. Чаще, чем вы себе позволяете сейчас.

Кэсерил торопливо кивнул, выражая своё согласие с рекомендациями врача, пытаясь выглядеть одновременно и послушным, и энергичным.

— Есть ещё кое-что важное, — добавил врач, потянувшись, словно собирался встать, но остался сидеть. — Я говорю об этом потому, что вы разумный человек и сможете понять.

— Да? — настороженно спросил Кэсерил.

— Перед вашей смертью — которая произойдёт ещё нескоро, надо надеяться — могу я просить у вас письменное разрешение на изъятие опухоли для моей коллекции?

— Вы коллекционируете подобные мерзости? — Кэсерил скривился. — Обычно люди собирают картины, старинное оружие или статуэтки из слоновой кости. — Обида боролась в нём с любопытством и отвращением. — Хм… а как вы их храните?

— В банках со спиртом, — улыбнулся Роджерас; на щеках его вспыхнул слабый румянец смущения. — Знаю, что это звучит ужасно… но меня не оставляет надежда, что если я достаточно узнаю о них, то когда-нибудь пойму, как извлечь опухоль из человека, не убив его при этом.

— Если это только не кара богов, с которой мы не можем бороться.

— Мы боремся с гангреной, иногда путём ампутации. Мы боремся с воспалением челюстей, удаляя больные зубы. Мы боремся с лихорадкой, прикладывая холод и тепло и обеспечивая больному хороший уход. Любое лечение когда-то применялось впервые. — Роджерас замолчал. Через некоторое время он добавил: — Принцесса Исель относится к вам с несомненным уважением и теплотой.

Кэсерил, не зная, как ответить на это, сказал:

— Я служу ей с прошлой весны, она ещё жила в Валенде. А когда-то давно я служил её бабушке.

— Она не склонна к истерикам? Благородные женщины порой… — Роджерас пожал плечами, опасаясь, как бы слова его не прозвучали неуважительно.

— Нет, — должен был признать Кэсерил. — Никто из её свиты этим не страдает. Совсем наоборот. Но, может, всё же не следует говорить дамам столь прямо?.. Они будут потрясены…

— Нет, сказать нужно, — мягко возразил врач. И поднялся на ноги. — Как же иначе принцесса сможет принять верное решение, не обладая достаточными знаниями?

Точно в цель. Кэсерил смущённо последовал за дедикатом наверх.

Бетрис выглянула в коридор, как только услышала их приближающиеся шаги.

— С ним всё будет в порядке? — спросила она Роджераса.

Роджерас поднял руку.

— Минутку, миледи.

Все вместе они вошли в гостиную, где Исель, напряжённо выпрямившись в резном кресле и прижав ладони к коленям, ожидала их возвращения. Она ответила на глубокий поклон Роджераса коротким кивком. Кэсерилу не хотелось смотреть ей в лицо, но услышать, что скажет врач, — хотелось, и потому он опустился в спешно пододвинутое Бетрис кресло. Роджерас в присутствии принцессы остался стоять.

— Миледи, — обратился он к Исель, снова кланяясь ей, словно принося извинения за своё бессилие, — ваш секретарь страдает от опухоли в животе.

Исель взглянула на него с испугом. Лицо Бетрис побледнело и застыло. Наконец Исель проглотила комок в горле и проговорила:

— Но он… он ведь не умирает? Нет?

И со страхом посмотрела на Кэсерила.

Роджерас отвечал туманно, решив, по-видимому, всё же отказаться от прямоты:

— Смерть приходит ко всем по-разному. Сказать точно, сколько осталось жить лорду Кэсерилу, — это за пределами моих возможностей.

Он посмотрел в сторону и, поймав умоляющий взгляд Кэсерила, поспешно уточнил:

— Нет никаких причин, препятствующих ему оставаться на посту так долго, насколько у него хватит сил. Вы только не должны позволять ему переутомляться. С вашего позволения, я хотел бы осматривать его каждую неделю.

— Конечно, — ответила Исель.

Дав ещё несколько рекомендаций касательно диеты и обязанностей Кэсерила, дедикат вежливо попрощался и покинул покои принцессы.

Бетрис, чьи бархатные глаза застилали слёзы, с трудом проговорила:

— Я и не думала, что всё так ужасно. Кэсерил, я не хочу, чтобы вы умирали!

Кэсерил грубовато ответил:

— Я тоже не хочу, так что нас уже двое.

— Трое, — сказала Исель. — Что мы можем для вас сделать?

Кэсерил, чуть было не ляпнув «ничего», воспользовался моментом и отчеканил:

— Прежде всего будьте так добры, не обсуждайте эту тему с дворцовыми сплетниками. Моё

самое горячее желание — сохранить эту информацию в тайне. Пока это возможно.

Весть о том, что Кэсерил при смерти, могла натолкнуть ди Джиронала на новые догадки по поводу убийства его брата. Канцлер уже скоро должен был вернуться в Кардегосс, наверняка разочарованный бесплодными поисками подходящего трупа и готовый обдумать всё сызнова.

Исель медленно кивнула в знак согласия, и Кэсерилу было позволено вернуться в кабинет, где он безуспешно попытался сосредоточиться на бухгалтерии. После того как Бетрис в третий раз на цыпочках прошлась по кабинету, шёпотом вопрошая, не хочет ли он чего-нибудь — один раз по приказу принцессы и дважды по собственному почину, — Кэсерил понял, что с этим пора кончать. Он перешёл в контратаку, объявив, что настало время для давно заброшенной ими грамматики. Если они так или иначе не собираются оставить его в покое, то ему следует по меньшей мере извлечь хоть какую-то пользу из их присутствия.

Сегодня обе его ученицы были очень милы, послушны и прилежны. Несмотря на то что он давно мечтал о подобном прилежании на уроках, он вдруг понял, что хотел бы, чтобы этого больше

не случалось.

Они повторили большинство грамматических тем, даже нудные наклонения дворцового рокнари. Он вёл себя нарочито резко, чтобы подавить излишнее сочувствие и жалость к себе. Дамы — благословенен будь их гибкий ум — не пытались ему противоречить. К концу урока обе девушки уже вели себя почти как прежде, в спокойные времена, на что он втайне и надеялся, хотя на щеках Бетрис так и не появились столь обожаемые им ямочки.

Исель встала и прошлась по комнате, чтобы немного размять ноги. Она остановилась у окна и уставилась на холодный зимний туман, укрывший расщелину под стенами Зангра. Затем рассеянно потёрла рукав и пробормотала:

— Лавандовый — не мой цвет. Ходишь будто вся в синяках. В Кардегоссе слишком много смертей. Мне бы хотелось, чтобы мы никогда не приезжали сюда.

Посчитав, что согласиться было бы аполитично, Кэсерил просто кивнул и вышел переодеться к обеду.

На улицы и стены Кардегосса пали первые хлопья снега, но после обеда они уже растаяли. Палли сообщал Кэсерилу о прибытии в город

один за другим лордов-дедикатов и в обмен узнавал от своего друга последние дворцовые новости. Кэсерил думал, что если лордам придётся выбирать между храмом и Зангром, Шалион в любом случае проиграет.

Ди Джиронал, а значит, и принц Тейдес вернулись, словно принесённые холодным юго-восточным ветром, что явилось неожиданным неприятным сюрпризом. К облегчению Кэсерила, канцлер возвратился с пустыми руками, с неутолённой жаждой мести. По его лицу невозможно было понять — отчаялся он найти убийцу или приехал, узнав о том, что в Кардегоссе собираются некие силы и делают они это отнюдь не по его вызову.

Тейдес, воротившийся в свои покои в замке, выглядел измученным, исхудавшим и несчастным. Кэсерила это не удивляло. Проверить каждую смерть в трёх провинциях, случившуюся в ночь гибели Дондо, было достаточно тяжело, даже если не принимать во внимание отвратительную погоду.

Пока Дондо устраивал бесконечные увеселения, Тейдес пренебрегал обществом старшей сестры. Теперь же он пришёл навестить её после обеда и не только позволил себя обнять, но и радостно

ответил на сестринские объятия, явно страстно желая поговорить с Исель, чего не случалось уже довольно давно. Кэсерил незаметно ускользнул в свой кабинет и уселся за книги, рассеянно водя по бумаге подсыхающим пером. С тех пор как Орико подарил Исель в качестве приданого доход от шести городов и не забрал свой подарок обратно после гибели жениха, расчёты и документация Кэсерила стали гораздо сложнее.

Он слушал доносившиеся до него через открытую дверь молодые голоса. Тейдес подробно описывал сестре все подробности трудного путешествия: грязные дороги, загнанные лошади, грубые усталые мужчины, ужасная еда, пробирающий до костей холод по ночам. Исель подвела итог голосом, в котором звучала скорее зависть, чем сочувствие, сказав, что эта поездка была хорошей подготовкой для его будущих зимних кампаний. Когда же речь зашла о цели поездки, Тейдес начал обижаться на сестру за её неуважительное отношение к его погибшему герою; Исель же явно не хотелось объяснять ему причины своей глубокой антипатии.

Тейдес до сих пор пребывал в потрясении из-за столь ужасной смерти Дондо, кроме того, он был одним из немногих, кто искренне оплакивал его

кончину. Ну а почему нет? Дондо льстил ему, дарил подарки и уделял много времени. Он ввёл мальчика в новый мир, мир взрослых, во многом опасный и неподходящий для его возраста, но откуда Тейдесу было знать, что пороки взрослых мужчин вовсе не являются их честью и достоинством?

Старший ди Джиронал должен был в сравнении с покойным Дондо казаться холодным и скучным. Ощущение разлада и напряжённости в отношениях между ним и Тейдесом углублялось по мере того, как росло недовольство ди Джиронала безуспешным расследованием. И что ещё хуже, ди Джиронал, который отчаянно нуждался в Тейдесе, был даже не в состоянии скрыть, как мало тот ему нравится, и оставил его на своих подручных — секретаря-воспитателя, охранников и слуг, обращаясь с ним скорее как с обузой, чем как с лейтенантом. И если секретарь и занимался заполнением пробелов в благородном образовании Тейдеса, из рассказа мальчика это никак не явствовало.

Через некоторое время Нан ди Врит попросила молодёжь готовиться к ужину и тем завершила визит Тейдеса. Тот медленно прошёл через кабинет Кэсерила, хмуро разглядывая свои ботинки.

Принц вырос почти таким же высоким, как его сводный брат Орико; его округлое лицо намекало, что он может стать впоследствии таким же широким в плечах и склонным к полноте, но пока мальчик был в отличной форме. Кэсерил перевернул страницу, окунул перо в чернила и, подняв глаза, мягко улыбнулся.

— Как ваши дела, милорд?

Тейдес пожал плечами, но потом развернулся и подошёл к столу Кэсерила. На лице его не было раздражения, оно казалось скорее усталым и взволнованным. Он коротко постучал указательным пальцем по столешнице и уставился на стопку книг и бумаг. Кэсерил переплёл пальцы и бросил на Тейдеса вопросительный взгляд, словно поощряя его начать разговор.

Тейдес вдруг сказал:

— В Кардегоссе что-то не так. Правда?

В Кардегоссе много чего было не так, и Кэсерил не знал, что именно имеет в виду Тейдес. Он осторожно спросил:

— Что заставляет вас так думать?

Тейдес взмахнул рукой и хмыкнул.

— Орико болен и слаб и не управляет государством, как должно. Он слишком много спит, словно старик, но ведь он не настолько стар! И все

говорят, он больше не… — Тейдес слегка покраснел, и жесты его стали ещё беспокойнее, — ну, знаете… не может действовать, как мужчина… ну, с женщиной. Вам никогда не казалось, что в его странной болезни есть что-то неестественное?

После лёгкого колебания Кэсерил отважился сказать:

— Ваши наблюдения абсолютно точны, принц.

— Смерть лорда Дондо тоже была неестественной. Я уверен, что всё это как-то связано.

«А мальчик-то задумывается; отлично!»

— Вам следует поделиться своими рассуждениями с…

Нет, только не с ди Джироналом!

— …с вашим братом Орико. Это самая высшая инстанция, в которую вы можете обратиться.

Кэсерил попытался представить Тейдеса, добивающегося от Орико прямого и честного ответа, и вздохнул. Если Исель не смогла воззвать к его разуму, используя столь убедительные доводы, какие же надежды оставались куда менее красноречивому Тейдесу? Орико будет избегать ответа всеми способами.

Должен ли Кэсерил взять это в свои руки? Не только потому, что речь идёт о государственной тайне, а у него нет полномочий на её разглаше-

ние — он и знать-то о ней не должен. А ещё… о проклятии Золотого Генерала Тейдесу должен рассказать сам рей — а не кто-то в обход его или вместо него.

Он молчал слишком долго. Тейдес наклонился, прищурился и прошептал:

— Лорд Кэсерил, что вы знаете?

«Я знаю, что нельзя больше держать вас в неведении. Ни тебя, Тейдес, ни Исель».

— Принц, мне необходимо поговорить с вами об этом позже. Я не могу ответить вам сегодня.

Губы Тейдеса сжались. Он нетерпеливо провёл рукой по своим волосам цвета тёмного янтаря. Его глаза выражали недоверие, неуверенность и — как подумал Кэсерил — странное одиночество.

— Да, понимаю, — вяло проговорил он и повернулся к выходу. Из коридора донёсся его шёпот: — Я обязан сделать это сам…

Если он имел в виду — посоветоваться с Орико, это было хорошо. Кэсерилу следовало прийти к Орико первым и, если этого будет недостаточно, привести Умегата. Он положил перья на место, закрыл книги, перевёл дыхание, переждал боль, возникшую от резкого движения, и поднялся на ноги.

Получить аудиенцию у Орико оказалось зна-

чительно сложнее, чем ожидалось. Приняв его за посланца Исель с очередным запросом относительно замужества с принцем Ибры, рей скрылся от Кэсерила и послал отделаться от непрошеного гостя своего камердинера. Дело осложнялось тем, что разговор должен был происходить в приватной обстановке — с глазу на глаз — и так, чтобы их не могли прервать. После ужина Кэсерил прохаживался по коридору у банкетного зала, опустив голову и размышляя, как заставить всё-таки рея пойти на разговор, когда кто-то схватил его за плечо и развернул кругом.

Он поднял глаза, и извинения за рассеянность замерли у него на устах. Перед ним стоял сьер ди Джоал, один из оставшихся не у дел громил Дондо — как же зарабатывали себе на карманные расходы все эти пропавшие души? Подкармливал ли их брат Дондо? С ним были сьер ди Марок и ещё какой-то ухмылявшийся приятель.

— Невежа! — проревел ди Джоал, немного переигрывая. — Да как вы осмелились отпихнуть меня от двери?!

— Прошу прощения, сьер ди Джоал, — проговорил Кэсерил. — Я задумался.

С лёгким полупоклоном Кэсерил попытался обойти эту троицу. Но ди Джоал шагнул в сторо-

ну, преграждая Кэсерилу путь к отступлению, и откинул полу плаща, продемонстрировав рукоять меча.

— Я сказал, что вы отпихнули меня. Вы что, считаете, что я лгу?

«Ах, так это ловушка. Понятно».

Кэсерил остановился, его губы сжались. Он устало спросил:

— Чего вы хотите, ди Джоал?

— Приведите свидетелей! — Ди Джоал махнул рукой своему приятелю и ди Мароку. — Он толкнул меня.

Его приятель послушно повторил:

— Да-да, я видел!

Ди Марок смотрел как-то неуверенно.

— Вы расплатитесь со мной за это, лорд Кэсерил! — прошипел ди Джоал.

— Да, я вижу, — сухо ответил Кэсерил. Было ли это пьяной глупостью или заранее продуманной попыткой убить его? Дуэль до первой крови, под крики: «Меч соскользнул, клянусь честью! Он сам напоролся на остриё!» и при огромном количестве купленных свидетелей, чтобы подтвердить непреднамеренность убийства, — проверенная практика и выход для гордых и пылких молодых придворных.

— Я утверждаю, что получу три капли вашей крови, чтобы смыть это оскорбление!

Обычный вызов.

— А я говорю, что вам следует подержать голову в ведре с холодной водой, пока она не остынет, мальчик. Я не дерусь на дуэлях. Понятно? — Кэсерил откинул плащ и показал, что не прицепил меч, собираясь на ужин. — Так что позвольте мне пройти.

— Уррак, одолжите трусу ваш меч! У меня есть два свидетеля. Мы разберёмся прямо сейчас! — и ди Джоал подбородком указал на дальнюю часть коридора, ведущего на главный двор.

Уррак отстегнул свой меч и, оскалившись, бросил его Кэсерилу. Тот поднял бровь, но не руку, и меч в ножнах со звоном упал к его ногам. Он подтолкнул его обратно к владельцу.

— Я не дерусь на дуэлях.

— Я что, должен назвать вас трусом в лицо? — спросил ди Джоал. Его губы приоткрылись, дыхание стало прерывистым в предвкушении драки. Краем глаза Кэсерил увидел пару приближавшихся к ним придворных, привлечённых громкими голосами и торопившихся успеть, чтобы не пропустить самое интересное.

— Называйте меня, как вам больше нравится…

в зависимости от того, сколь полным дураком вы хотите прослыть. Ваш лепет ничего для меня не значит. — Кэсерил вздохнул, пытаясь изобразить равнодушие и усталость, но кровь пульсировала в его жилах всё быстрее. От страха? Нет. От ярости…

— Вы носите титул лорда. Неужели у вас нет чести лорда?

Кэсерил приподнял уголок рта, но отнюдь не в улыбке.

— Неверное понимание чести — это болезнь, от которой успешно лечат надсмотрщики на галерах.

— Что же, тем лучше для вашей чести. Вы же не откажете в трёх каплях крови для меня?

— Конечно. — Голос Кэсерила стал странно спокойным, сердце, только что бешено колотившееся в груди, вдруг замедлило свой бег. Губы растянулись в странной ухмылке. — Конечно, — выдохнул он снова.

Кэсерил поднял левую руку ладонью вверх, а правой резким движением выхватил из ножен на поясе нож. Ещё недавно он резал им хлеб. Рука ди Джоала стиснула рукоятку меча и потянула его наверх.

— Только не здесь! — взволнованно закричал

ди Марок. — Вы же знаете, что надо выйти во двор, ди Джоал! Во имя Брата, у него нет меча… так нельзя!

Ди Джоал заколебался; Кэсерил, вместо того чтобы двинуться к нему, засучил левый рукав и медленно провёл лезвием ножа по своему запястью. Он не почувствовал боли. Показалась кровь, блестящая в свете свечей тёмно-красная жидкость. Она не брызнула опасным для жизни фонтаном, потекла медленно. Странный туман заволок глаза, и всё внимание Кэсерила сосредоточилось единственно на неуверенной ухмылке молодого глупца, который так хотел его крови.

«Ты получишь мою кровь».

Он вернул нож на место. Ди Джоал, уже не очень понимавший, в чём дело, опустил свой меч обратно в ножны и загородился от Кэсерила ладонью. Улыбаясь, Кэсерил поднял руки и двинулся к нему.

Он заставил испуганного ди Джоала попятиться к стене, в которую тот и ударился лопатками со стуком, разнёсшимся по всему коридору. Кэсерил сжал правой рукой горло ди Джоала, затем поднял свою жертву, оторвал от пола и прижал затылком к стене; правым коленом Кэсерил упёрся ему в пах, так что ди Джоал не мог вырваться.

Когда же тот попытался отбиться, Кэсерил поймал в стальной захват и его руку. Побагровевший на глазах юнец не мог даже вскрикнуть, чтобы не привлекать внимания; глаза его стали круглыми и безумно вращались в орбитах, с губ срывался только хрипящий стон. Головорезы Дондо знали, что руки Кэсерила привыкли держать перо; они забыли, что этим рукам довелось много работать вёслами. Ди Джоал перестал дёргаться.

Кэсерил вполголоса прорычал ему в ухо, тихо, но так, что услышали все:

— Я не дерусь на дуэлях, мальчик. Я убиваю, как убивает солдат, как убивает мясник на бойне — быстро, с минимальным риском для себя. Если я решу тебя убить — ты умрёшь, когда я захочу, как я захочу и где я захочу, а ты даже не заметишь удара.

Он отпустил безвольно повисшую руку ди Джоала и, поднеся к его лицу окровавленное левое запястье, прижал его к трясущимся губам своей жертвы.

— Ты хотел три капли моей крови, чтобы удовлетворить свою честь? Так ты выпьешь их.

Кровь размазывалась по лицу, по стучащим зубам ди Джоала, но тот даже не пытался укусить Кэсерила.

— Пей, будь ты проклят! — Кэсерил плотнее прижал руку к его лицу, измазанному кровавыми потёками, и ощутил колкость пробивавшейся на подбородке юнца щетины. В слезах, заполнивших испуганные глаза ди Джоала, отражалось яркое сияние свечей. Кэсерил увидел, что эти глаза начинают туманиться.

— Кэсерил, ради всех богов, позвольте ему вздохнуть! — прорвался сквозь красный туман в сознании Кэсерила тревожный крик ди Марока.

Он ослабил хватку, и ди Джоал судорожно втянул воздух. Удерживая его коленом, Кэсерил сжал окровавленную руку в кулак и сильно ударил его в живот. Ноги ди Джоала судорожно дёрнулись. Тогда Кэсерил отпустил его и отступил.

Ди Джоал упал на пол и скорчился, обхватив руками живот, задыхаясь, кашляя, всхлипывая и даже не пытаясь подняться. Через мгновение его вырвало.

Кэсерил переступил через мешанину вина и непереваренной пищи и пошёл к Урраку, который боязливо пятился от него, пока не наткнулся на дальнюю стену. Кэсерил наклонился к его лицу и мягко повторил:

— Я не дерусь на дуэлях. Но если вы ищете смерти, как взбесившийся бык, заденьте меня снова.

Он развернулся; перед глазами качнулось бледное лицо ди Марока, белые пересохшие губы прошептали:

— Кэсерил, вы сошли с ума?

— Проверьте, — свирепо оскалился Кэсерил.

Ди Марок отступил. Кэсерил зашагал по коридору мимо столпившихся там людей, капли крови, стекая с его пальцев, падали на пол. Он вышел в пронизывающий холод ночи. Захлопнувшаяся дверь заглушила обсуждавшие происшествие голоса.

Кэсерил почти бежал по двору к своим покоям, в убежище; и шаги, и дыхание всё ускорялись — запоздалый страх? Отрезвление? Живот скрутило, когда он поднимался по каменной лестнице. Пальцы тряслись, он не мог попасть ключом в замок. Ключ дважды падал на пол, пришлось держать его двумя руками, чтобы наконец справиться с замком. С трудом закрыв за собой дверь, Кэсерил со стоном упал на кровать. Его призрачная свита, разлетевшаяся во время стычки, ещё не вернулась. Кэсерил повернулся на бок и свернулся калачиком, обхватив разрывавшийся от боли живот. Теперь начало болеть порезанное запястье. Голова тоже решила не отставать.

Ему доводилось видеть берсерков — несколько

раз, в безумстве боя. Он никогда раньше не представлял себе, что подобное состояние возникает изнутри. Никто не упоминал головокружительного восторга, как от вина или занятий любовью. Необычное, но вполне естественное чувство — результат нервного напряжения, близости гибели, испуга, перемешанных вместе в сжатом пространстве и времени. Совсем не сверхъестественное. А что, если эта штука в животе пыталась выбраться, заманить его в ловушку смерти, чтобы освободиться самой…

«Ох».

«Ты знаешь, что ты сделал Дондо. Теперь ты знаешь, что Дондо делает тебе».

Глава 17

На следующий день Кэсерил совершенно случайно обнаружил поздним утром Орико, выходившего из ворот Зангра в сторону зверинца в сопровождении единственного пажа. Кэсерил засунул письма, которые нёс в канцелярию, во внутренний карман камзола и развернулся на сто восемьдесят градусов у самой двери башни Иаса. Камердинер рея ранее отказался потревожить сон своего господина, которому тот предавался после завтрака; видимо, Орико наконец поднялся и отправился в поисках утешения в зверинец, к своим животным. Кэсерилу было интересно, проснулся ли рей с той же головной болью, что и он.

Вышагивая по булыжникам, он перебирал в уме свои доводы. Если рей боится действовать, Кэсерил мог бы возразить, что бездействие — это следствие болезненного влияния проклятия. Если рей будет настаивать, что дети слишком юны, он мог бы заметить, что тогда не следовало привозить их в Кардегосс. Но раз уж они здесь и Орико не может защитить их, он обязан ради

самих детей и ради Шалиона сообщить им об угрожающей опасности. Кэсерил мог позвать Умегата, который подтвердил бы, что рей на самом деле не несёт всё проклятие на себе. «Не посылайте их в битву с завязанными глазами», — попросил бы он в надежде, что отчаянный крик Палли, тронувший в своё время его сердце, убедит и Орико. А если нет…

Если ему придётся взять дело в свои руки — следует ли ему сначала рассказать всё Тейдесу, как наследнику Шалиона, и затем просить его защитить сестру? Или сначала поговорить с Исель, чтобы она помогла ему с более сложным и упрямым Тейдесом? Во втором случае он очень удачно мог бы укрыться за юбками принцессы, при условии, конечно, что выдержит жёсткий перекрёстный допрос, когда та примется дознаваться, каким образом он всё это узнал.

Стук копыт прервал его раздумья. Кэсерил поднял глаза как раз вовремя, чтобы отскочить с дороги выезжавшей из конюшен кавалькады. Возглавлял всадников принц Тейдес на своём вороном жеребце. За ним следовали гвардейцы Баосии и их капитан. На фоне чёрно-лавандовых траурных одежд круглое лицо принца казалось бледным и безжизненным в свете зимнего солн-

ца. Кольцо с зелёным камнем блеснуло на пальце капитана, ответившего Кэсерилу вежливым салютом.

— Куда направляетесь, принц? — окликнул Кэсерил. — На охоту?

Компания действительно была вооружена как для охоты — мечами, луками, копьями и дубинками.

Тейдес придержал затанцевавшего под ним коня и посмотрел на Кэсерила.

— Нет, просто проедемся вдоль реки. Зангр такой… скучный сегодня.

Действительно. Ну а если удастся подстрелить оленя или двух — что же, они готовы принять этот подарок богов. Но никакой настоящей охоты во время траура, разумеется, нет!

— Да, понимаю. — Кэсерил подавил улыбку. — Это будет полезно для лошадей.

Тейдес снова взял поводья; Кэсерил отступил назад, затем вдруг добавил:

— Я поговорю с вами позже, принц, по поводу того, о чём мы беседовали вчера.

Тейдес повернул к нему голову и нахмурился — на согласие это не больно-то походило, но было именно таковым. Кэсерил низко поклонился, и всадники уехали.

Он так и остался согнутым в поклоне, так как в живот ударила резкая невыносимая боль, словно жеребец хорошо подкованным копытом. Дыхание прервалось. Мучительные волны, рождаясь в животе, расходились по всему телу; прожигающие спазмы достигали даже ладоней и ступнёй. Страшное видение, навеянное словами Роджераса, встало перед глазами — чудовище-демон, прогрызающий себе путь наружу. Один или два? Без тел, чтобы привязать к ним свои души, в руках леди, запертые её магией, — могли ли демон и Донго смешаться в единую жуткую сущность? Ведь он различал по ночам только один голос, завывающий в его животе, а не два. Колени Кэсерила ударились о холодные камни двора. Он сделал судорожный вдох. Мир словно заскакал вокруг резкими прерывистыми движениями.

Через несколько минут за его плечом замаячила тень, за которой шлейфом тянулся крепкий запах конского навоза. Чья-то рука легла ему на плечо, и грубый голос пробубнил в ухо:

— Милорд! С вами всё в порядке?

Кэсерил с трудом сморгнул и увидел склонившегося над ним конюха — мужчину средних лет с плохими зубами.

— Не… совсем, — удалось выдавить ему.

— Может, вам следует пойти к себе?

— Да… пожалуй…

Конюх помог ему подняться на ноги и, придерживая под локоть, провёл через ворота к жилому зданию. У подножия каменной лестницы Кэсерил, задыхаясь, проговорил:

— Подождите… немного…

И тяжело осел на ступени.

После неловкой паузы конюх спросил:

— Может, вам привести кого, милорд? Я должен вернуться к работе.

— Это… просто спазм. Сейчас всё пройдёт. Со мной всё будет в порядке, идите. — Боль медленно отступала, оставляя странное ощущение жара.

Конюх неуверенно нахмурился, посмотрел на Кэсерила, затем кивнул и удалился. Кэсерил медленно начал выравнивать дыхание, постепенно обрёл равновесие и смог выпрямить спину. Мир перестал скакать и пульсировать. Даже парочка призраков, пристроившихся у его ног, притихла. Кэсерил посмотрел на притаившиеся в тени лестницы привидения и подумал, какое же холодное и одинокое существование влачат они в своём неизбежном разрушении, теряя всё то, что делало их личностью, мужчинами и женщинами. На что это похоже, когда душа вот так медленно раз-

лагается, — на то, как разлагается, теряя плоть, тело? Осознают ли это призраки или со временем сознание их милосердно гаснет? Легендарный ад Бастарда, в котором грешника ждали самые разнообразные пытки, казался чуть ли не раем по сравнению с этой неприкаянностью.

— Эй, Кэсерил! — Удивлённый голос заставил его поднять голову. Палли, поставив обутую в высокий сапог ногу на первую ступеньку лестницы, вопросительно смотрел на друга. Позади него переминались с ноги на ногу два молодых человека в сине-белых одеждах ордена Дочери и в серых шерстяных плащах для верховой езды.

— Я как раз к тебе. — Палли прищурился. — Что ты делаешь на лестнице?

— Да так, решил передохнуть. — Кэсерил выдавил лёгкую улыбку и поднялся на ноги, хотя ему и пришлось, как бы случайно, ухватиться рукой за стену, чтобы сохранить равновесие. — В чём дело?

— Я надеялся, что у тебя будет время сходить со мной в храм. И рассказать кое-кому об этом, — указательный палец Палли описал несколько небольших кругов в воздухе, — дельце в Готоргете.

— Уже?

— Ди Джеррин прибыл прошлой ночью. Теперь нас вполне достаточно, чтобы принять решение. Ну а поскольку ди Джиронал тоже вернулся в город, пора браться за дело безотлагательно.

Конечно. Кэсерил мог повидаться с Орико и после возвращения из храма. Он посмотрел на двух сопровождавших Палли молодых людей и снова перевёл взгляд на друга, словно спрашивая: «Это надёжные уши?»

— А… — Палли широко улыбнулся. — Позволь представить: мои кузены Ферда и Фойкс ди Гьюра. Они прибыли со мной из Паллиара. Ферда — помощник моего шталмейстера, а его младший брат Фойкс… э-э… мы держим его для поднятия тяжестей. Поклонитесь кастиллару, мальчики.

Тот, что был пониже и поплотнее, по-детски широко улыбнулся, и оба брата вежливо и изящно поклонились. У них с Палли были общие фамильные черты — строгие, чёткие линии челюстей и яркие карие глаза. Ферда был среднего роста, жилистый — настоящий всадник; ноги у него уже были кривоваты. Фойкс по сравнению с братом казался коренастым, широким и мускулистым. Оба выглядели настоящими сельскими лордами — здоровые, весёлые и простодушные. И пугающе юные. Однако слово «кузены», слетев-

шее с губ Палли, ответило на молчаливый вопрос Кэсерила.

Братья двинулись вслед за Кэсерилом и Палли, когда те вышли из ворот Зангра и направились в Кардегосс. Сколь юны они ни были, но глаза их внимательно следили за всем происходившим вокруг, а рукояти мечей словно ненароком выглядывали из-под плащей. Кэсерил обрадовался, что Палли не разгуливает без сопровождения по улицам Кардегосса даже в такой яркий зимний полдень. Он напрягся, проходя мимо каменных стен дворца ди Джиронала, но из-за обитой железом двери не показался ни один вооружённый головорез, чтобы воспрепятствовать их движению. И по дороге на храмовую площадь самая большая компания, которая им встретилась, состояла из трёх служанок. Девушки улыбнулись мужчинам в форме ордена Дочери, захихикали и зашептались между собой. Это слегка встревожило братьев ди Гьюра или по крайней мере заставило их решительнее зашагать прочь.

Огромное здание дома Дочери вытянулось вдоль одной из сторон пятиугольной храмовой площади. Главные ворота предназначались для входа женщин и девушек, составлявших большую часть служителей, священников и

дедикатов Дочери. Мужчины её священного военного ордена пользовались отдельным входом, зданием и конюшней для курьерских лошадей. Коридоры в военном штабе были холодными, несмотря на горящие повсюду свечи и лампы и изобилие на стенах разнообразных ковров и гобеленов, старательно вытканных благородными дамами Шалиона. Кэсерил двинулся было в главный зал, но Палли повёл его по другому коридору и вверх по лестнице.

— Вы не собираетесь в зале лордов-дедикатов? — удивился Кэсерил.

Палли покачал головой.

— Он слишком холодный, слишком большой и слишком пустой. Чувствуешь себя абсолютно незащищённым. Для таких закрытых заседаний и обсуждений мы выбрали комнату, где чувствуем себя сильными. Да и ноги там не мёрзнут.

Палли оставил братьев ди Гьюра в коридоре наслаждаться яркими красками гобелена, на котором была изображена сцена из легенды о деве и кувшине воды — дева и богиня были весьма соблазнительны, — и провёл Кэсерила мимо двух гвардейцев Дочери, пристально посмотревших в их лица и отсалютовавших Палли, в двойные двери, украшенные резными перевитыми лоза-

ми. В комнате за длинным столом сидели около двух дюжин мужчин. Здесь было довольно тесно, но тепло, а главное, как подумал Кэсерил, — достаточно приватно. В дополнение к хорошим восковым свечам свет проникал в комнату сквозь украшенное витражом окно, где любимые весенние цветы леди не сдавались зимней стуже.

Коллеги Палли — лорды-дедикаты в сине-белых ярких одеждах — сидели за столом. Среди них были и совсем молодые, и седобородые, и богатые, и не очень, но всех объединяло серьёзное выражение лиц. Провинкар Джеррина, высокородный лорд Шалиона, сидел во главе стола, у окна. Кэсерил с интересом подумал, как много среди присутствующих шпионов или просто несдержанных на язык людей. Их было слишком много для успешного сохранения тайны, несмотря на все принятые предосторожности.

«Леди, направь их к мудрости».

Палли поклонился и сказал:

— Милорды, это кастиллар ди Кэсерил, который был моим командиром и комендантом крепости во время осады Готоргета. Он пришёл свидетельствовать перед вами.

Палли занял пустовавший стул, а Кэсерил остался стоять. Другой лорд-дедикат привёл его к

присяге: говорить только правду во имя богини. Кэсерил особо рьяно и искренне повторил: «И пусть её руки держат меня и не отпускают».

Ди Джеррин начал задавать вопросы. Он был очень проницателен и, без сомнения, хорошо информирован Палли, так как ему удалось извлечь из Кэсерила весь рассказ о том, что с ним произошло после Готоргета, за считанные минуты. Кэсерил не вдавался в описания особо ярких подробностей. Впрочем, некоторым из присутствовавших они были и не нужны — по сжатым губам стало ясно, как много из недосказанного они поняли сами. Безусловно, кое-кто захотел услышать, с чего началась его вражда с лордом Дондо, и Кэсерилу пришлось неохотно поведать, как он едва не остался без головы в палатке принца Олуса. Считалось невежливым плохо отзываться о покойниках, ведь — теоретически — они не могли защитить своё имя от нападок. В случае с Дондо Кэсерил не был так уверен. В итоге он рассказал всё как можно более сжато и сухо. Несмотря на свою краткость, в течение всего рассказа он упирался ладонями в стол, чувствуя опасное головокружение.

Затем последовали короткие дебаты по поводу поиска свидетелей, что раньше казалось Кэсе-

рилу невозможным. Ди Джеррин, похоже, думал иначе. Но ведь Кэсерил никогда не задумывался о возможности получить показания у выживших рокнарцев или у сестёр ордена Дочери в приграничных рокнарских миссиях.

— Но, милорды, — вставил Кэсерил в одной из коротких пауз в потоке предложений и возражений, — даже если мои слова подтвердились бы двенадцать раз самыми разными свидетелями, мой случай — это пустяки. Совсем не то, с чем стоит выходить против высокопоставленного человека. Это же не предательство лорда ди Льютеса.

— Как раз это не было окончательно доказано, даже до сих пор, — строго проговорил ди Джеррин тихим голосом.

— А что же тогда не пустяки? — вклинился Палли. — Я считаю, боги принимают во внимание не высокое положение, а деяния человека. Мне кажется, что подобное разрушение человеческой жизни — мимоходом, не задумываясь — просто отвратительно.

Кэсерил ещё тяжелее опёрся о стол, молясь лишь о том, чтобы не упасть в обморок и не «разрушиться» в качестве красочной иллюстрации к этой драматической фразе. Палли настаивал,

чтобы его голос был выслушан на совете — что ж, хорошо, но пусть голос его будет голосом осторожности и благоразумия.

— Выбор нового священного генерала, — сказал он, — целиком подпадает под ваши полномочия, лорды. Орико может даже сразу согласиться с вашим предложением, если вы не станете усложнять его задачу. Угрозы же канцлеру Шалиона и священному генералу ордена Сына уже не в вашей компетенции, и я уверен, что вам никогда не убедить Орико встать на вашу сторону. Я рекомендую вам воздержаться от подобного шага.

— Всё или ничего! — выкрикнул кто-то.

— Мы никогда не допустим второго Дондо… — начал другой.

Ди Джеррин поднял руку, призывая к спокойствию.

— Благодарю вас, лорд Кэсерил, и за ваше свидетельство, и за ваше мнение. — Его слова призывали коллег заметить разницу между первым и вторым. — Мы должны закончить собрание в закрытом составе.

Его отпускали. Палли отодвинул стул и поднялся на ноги. Выйдя из коридора вместе с ди Гьюра и пройдя под воротами дома Дочери, Кэсерил обнаружил, что его эскорт так и следует за ним

по улицам Кардегосса, и удивился.

— Разве вы не должны вернуться на совет? — спросил он, когда они свернули с площади на улицу.

— Ди Джеррин расскажет мне обо всём, когда я вернусь, — ответил Палли. — Я хочу доставить тебя к воротам Зангра в целости и сохранности. Я не забыл твой рассказ о бедняге ди Санде.

Кэсерил оглянулся на двух молодых офицеров. Ох. Так вооружённая охрана была не для Палли, а для него. Он решил не обсуждать этот вопрос и поинтересовался:

— А кто самый вероятный кандидат для представления Орико? Ди Джеррин?

— Я выберу его, — ответил Палли.

— Он, похоже, пользуется уважением в вашем совете. У него есть в этом свой интерес?

— Может быть. Но в случае назначения его генералом он собирается передать должность провинкара своему старшему сыну, чтобы полностью посвятить себя ордену.

— О! Это как раз то, что должен был сделать Мартоу ди Джиронал по отношению к ордену Сына.

— Точно. Слишком много постов, и как можно служить хоть на одном из них с полной отдачей?

Они взобрались на холм, петляя по выложенным булыжником мостовым города. Узкие улочки с торговыми рядами сменились просторными богатыми кварталами. Кэсерил снова вспомнил о ди Джиронале, проходя мимо его дворца. Если проклятие искажает и извращает добродетель, что именно оно исказило в Мартоу ди Джиронале? Может быть, любовь к семье, которая переросла в преследование всех, кто к ней не относится? Его доверие к брату Дондо наверняка не раз обращалось в слабость и приводило к поражению. Возможно.

— Ну… надеюсь, разум восторжествует.

Палли сморщился.

— Двор сделал из тебя дипломата, Кэс.

Кэсерил слабо улыбнулся в ответ.

— Я не могу даже сказать, что сделал из меня двор… Ой! — Он метнулся в сторону, когда один из воронов Фонсы вдруг сорвался с крыши и с отчаянным криком камнем бросился вниз, к нему. Птица уселась на мостовую возле его ног, каркая и хлопая крыльями. За ней последовали ещё две. Один ворон уселся на отведённую в сторону руку Кэсерила и, крепко вцепившись в рукав когтями, кричал и раскачивался из стороны в сторону. В воздухе закружилось несколько чёрных перьев.

— Проклятые птицы! — Кэсерил уже начал думать, что вороны потеряли к нему интерес, но вот вам, пожалуйста, они снова здесь со всем своим восторженным энтузиазмом!

Палли, со смехом отскочивший назад, посмотрел наверх.

— Пятеро богов, их что-то встревожило. Над Зангром вьётся целая стая. Смотри, они кружат над замком!

Ферда ди Гьюра приставил ладонь ко лбу и посмотрел туда, куда указал Палли. Там носились вихрем тёмные пятнышки, словно туча чёрных листьев, поднятая ветром. Его брат Фойкс зажал руками уши — вороны продолжали громко каркать у ног — и повысил голос:

— Вот это шум!

Это не священный транс у птиц, понял Кэсерил, они в панике. Сердце заледенело в груди.

— Что-то не так. Скорее!

Для бега в гору у него практически не было сил. И когда они добрались до конюшен, он прижимал руку к разрывавшемуся от боли животу. Над головой его кружились птицы. Сквозь неумолчное безумное карканье воронов едва слышались человеческие крики.

Грум из зверинца, шатаясь, кружил по двору

возле входа, плача и крича; по лицу его текла кровь. Двое гвардейцев Тейдеса в баосийской форме стояли около двери зверинца с мечами наголо, удерживая трёх гвардейцев Зангра, которые нерешительно топтались перед ними, также обнажив клинки, но не отваживаясь вступить в схватку. Вороны выказывали отвагу, граничившую с отчаянием. Они неуклюже пытались царапать и бить клювами баосийцев. Баосийцы, отбиваясь, проклинали их. Две кучки чёрных перьев лежали на камнях — одна неподвижная, другая ещё вздрагивала.

Кэсерил бросился к дверям, рыча:

— Что тут, во имя Бастарда, происходит?! Как вы осмелились поднять руку на священных птиц?

Один из гвардейцев направил на него меч.

— Назад, лорд Кэсерил! Вам нельзя входить! У нас приказ принца!

Губы Кэсерила побелели от ярости, он оттолкнул меч замотанной в плащ рукой и вырвал его у баосийца.

— Отдай сюда, дурак! — Он бросил меч на камни возле гвардейцев Зангра и Палли, побледневшего от ужаса при виде того, как его безоружный друг бросился на клинок. Меч с лязгом упал, и Фойкс наступил на него ногой и прижал своим внуши-

тельным весом, хмуро оглядываясь по сторонам. Кэсерил повернулся ко второму баосийцу, опустившему меч. Тот, пятясь, быстро прокричал:

— Кастиллар, мы делаем это, чтобы защитить жизнь рея Орико!

— Делаете что? Орико там? О чём это вы?

Кошачий рык, донёсшийся изнутри и перешедший в вой и стон, заставил Кэсерила развернуться. Он предоставил растерянных баосийцев гвардейцам Зангра, приободрившимся и почувствовавшим силу, и бросился в тёмный коридор зверинца.

Старый немой грум стоял, согнувшись, на коленях, из его рта вырывались путающие, похожие на вой звуки. Он прижимал к лицу руки без больших пальцев, из-под них тонкой струйкой текла кровь. На звук шагов Кэсерила он поднял голову; испачканный кровью его рот скривился, и он снова застонал. Бегом миновав клетки с медведями, Кэсерил заметил две неподвижные туши с торчавшими из мокрого от крови меха стрелами. Дверь клетки с веллами была распахнута, животные лежали на жёлтой соломе, глядя в пространство широко раскрытыми застывшими глазами. У них были перерезаны горла.

В конце коридора он увидел принца Тейдеса,

который поднимался на ноги над распростёртым телом пятнистой кошки. Принц оттолкнулся от земли окровавленным мечом и опёрся на него, тяжело дыша. Он дико и возбуждённо озирался. Тень нависала над ним, как полуночная грозовая туча. Увидев Кэсерила, он свирепо оскалился.

— Ха! — выкрикнул он.

Капитан баосийцев выглянул из птичника, заметив приближение Кэсерила. В руке его ещё была зажата маленькая пёстрая птичка со свёрнутой шейкой. Кучки разноцветных перьев — мёртвые и умирающие птицы всех размеров — усеивали пол клетки; некоторые ещё беспомощно трепыхались.

— Остановитесь, кастиллар… — начал капитан.

Но слова застыли у него на устах, когда Кэсерил схватил его за тунику и сильным рывком швырнул на пол, под ноги бежавшего позади Палли. Тот бормотал на ходу:

— Бастард плачет. Бастард плачет…

Палли всегда бормотал эти слова в бою, когда меч его без устали поднимался и опускался на вражеские головы, а дыхания на крик уже не хватало. Кэсерил отлично помнил это по Готоргету.

— Взять его, — бросил Кэсерил через плечо и

зашагал к Тейдесу.

Тейдес встретил взгляд Кэсерила, вздёрнув подбородок.

— Вы не можете остановить меня — я сделал это! Я спас рея!

— Что-что-что?… — Кэсерил был настолько потрясён и пребывал в такой ярости, что не мог даже подобрать подходящие слова. — Глупый мальчишка! Это же безумие — это… это… — Он развёл руки в стороны и потряс ими.

Тейдес подался к нему, сверкая зубами в торжествующей улыбке.

— Я разрушил проклятие, чёрную магию, которая делала Орико больным! Она исходила от этих адских животных. То был коварный дар из Рокнара, чтобы медленно отравить рея. И мы убили рокнарского шпиона… я думаю… — Тейдес с некоторым сомнением оглянулся назад.

Только тогда Кэсерил заметил на полу в глубине коридора ещё одно тело. Умегат лежал на боку, столь же неподвижный, как его птицы и веллы. Трупики песчаных лисов валялись неподалёку. Кэсерил не заметил его с самого начала, потому что белое сияние исчезло. Мёртв? Застонав, он бросился к Умегату и упал на колени рядом. Слева голова была рассечена, растрёпанные, бронзовые

с сединой волосы — в запёкшейся крови. Кожа была серой, но из раны ещё сочилась кровь, значит…

— Он ещё дышит? — спросил Тейдес, выглядывая из-за плеча Кэсерила. — Капитан ударил его рукояткой меча, когда он не захотел дать нам дорогу.

— Глупый, глупый, глупый мальчишка!

— Вовсе нет! Это он за всем стоял! — Тейдес кивнул в сторону Умегата. — Рокнарский колдун, посланный иссушить и убить Орико.

Кэсерил сжал зубы.

— Умегат — настоятель храма. Посланный волей Бастарда заботиться о священных животных, данных богом, чтобы сохранять жизнь Орико. И если ты не убил его — то это единственный твой удачный поступок. — Слабое дыхание Умегата стало прерывистым, руки и тело были холодны, как у трупа. Но он дышал.

— Нет… — Тейдес покачал головой. — Вы ошибаетесь, этого не может быть… — но героический энтузиазм на его лице впервые сменился сомнением.

Кэсерил поднялся на ноги, Тейдес немного отступил. Повернувшись к Палли, который — благословение богам — оказался за спиной,

Кэсерил обнаружил рядом с ним Ферду. Молодой человек ошеломлённо оглядывался по сторонам. Палли по крайней мере мог оказать первую помощь раненым.

— Палли, будь за старшего, осмотри раненых грумов, за этим пригляди особенно, — и он указал на угасшее тело Умегата. — Возможно, у него проломлен череп. Ферда!

— Да, милорд?

Форма Ферды должна была служить ему пропуском в храм.

— Беги в храм. Найди старшего настоятеля Менденаля. Не позволяй никому остановить тебя, ты должен встретиться с ним лично. Расскажи, что здесь произошло, и пусть он пришлёт врачей. Скажи, что Умегату нужна помощь акушерки Матери, особенной акушерки. Так и скажи. Он поймёт. Поторопись!

Палли, уже опустившийся на колени рядом с Умегатом, добавил:

— Дай мне твой плащ. А теперь — беги, мальчик!

Ферда протянул плащ своему командиру, развернулся и убежал. Палли начал закутывать шерстяной тканью лежавшего без сознания рокнарца.

Кэсерил повернулся к Тейдесу. Тот чувствовал себя уже весьма неуверенно. Принц отступил к безжизненной туше леопарда — шесть футов от носа до кончика хвоста, — неподвижно лежавшей на полу. Красивый густой мех скрывал раны — о них свидетельствовали только кровавые пятна на боках. Кэсерил подумал об израненном кинжалами теле ди Санды.

— Я убил его моим мечом, потому что он хоть и заколдованный, но всё же королевский символ, символ моего Дома, — пояснил Тейдес. — И у меня хватило на это смелости. Он поцарапал мне ногу. — Он неловко нагнулся и потёр правую голень, штанина на которой и вправду была порвана и испачкана кровью.

Тейдес был наследником Шалиона, братом Исель. Кэсерил не мог желать, чтобы животное перегрызло ему горло. Не должен был по крайней мере.

— Пятеро богов, как вы додумались до такого абсурда?

— Это не абсурд! Вы знали, что болезнь Орико — от колдовства! Я видел это по вашему лицу… демоны Бастарда, да любой бы увидел! Лорд Дондо раскрыл мне тайну перед смертью. Его убили… убили, чтобы это так и осталось тайной — я так

думаю, — но было уже поздно!

— И вы придумали это нападение… сами?

Тейдес гордо вскинул голову:

— Нет, но раз уж я остался один, я взял всё на себя! Мы должны были сделать это вместе — я и Дондо, после его свадьбы с Исель. Разрушить проклятие и очистить Дом Шалиона от его адского влияния. Но это довелось сделать мне одному. Я стал знаменосцем Дондо, его карающей рукой, и нанёс этот последний удар во имя Шалиона!

— О! О! — Кэсерил был вне себя. Но неужели Дондо сам верил в эту чушь? Или это просто был хитрый план — использовать Тейдеса для того, чтобы обессилить или убить Орико? Злая воля или глупость? С Дондо нельзя быть до конца уверенным. — Нет!

— Лорд Кэсерил, что нам делать с этими баосийцами? — раздался голос Фойкса.

Кэсерил перевёл взгляд на обезоруженного капитана, которого держали Фойкс и один из гвардейцев Зангра.

— А вы!.. — зарычал на него Кэсерил. — Тупое орудие, глупец… пойти на столь безумное святотатство и не сказать никому ни слова! Или вы до сих пор на побегушках у Дондо? Взять его и этих людей, посадить в камеру до тех пор, пока… —

Кэсерил заколебался. За всем этим стоял Дондо — о да, он всё-таки довёл дело до беды, оставил свой след! — но в данном случае, как подозревал Кэсерил, Мартоу его не поддерживал. Скорее наоборот. — Пока канцлер не будет поставлен в известность и не примет решение! А вы, — коротким командным жестом он подозвал остальных гвардейцев Зангра, — бегите в канцелярию, или во дворец Джиронала, или куда угодно, где можно найти канцлера ди Джиронала, и расскажите обо всём, что произошло! Попросите его дождаться меня, прежде чем он отправится к рею Орико.

— Лорд Кэсерил, вы не можете арестовать мою охрану! — запротестовал Тейдес.

Кэсерил был единственным здесь, кто обладал если не властью, то силой духа, чтобы отдать следующий приказ:

— Вы пойдёте к себе и останетесь там вплоть до дальнейших распоряжений вашего брата. Я провожу вас.

— Уберите руки! — зашипел Тейдес, когда стальные пальцы Кэсерила сжались вокруг его плеча. Но сопротивляться принц не отважился.

Кэсерил процедил сквозь стиснутые зубы обманчиво-заботливым тоном:

— Ну что вы! Вы ранены, мой юный лорд, и я

обязан доставить вас в ваши покои и отдать в распоряжение врача.

И добавил тихим шёпотом в самое ухо Тейдеса:

— Или я швырну тебя на землю и потащу силком.

Тейдес, собрав остатки достоинства, бросил своему капитану:

— Идите с ними. Я пошлю за вами, как только докажу, что лорд Кэсерил ошибается.

Баосийцев увели. Раненые грумы сгрудились вокруг Палли и Умегата, предлагая свою помощь. Палли оглянулся и ободряюще кивнул Кэсерилу. Кэсерил кивнул в ответ и железной рукой вывел принца из зверинца, подальше от этой жуткой бойни. «Слишком поздно, слишком поздно, слишком поздно…» — отдавалось в его мозгу с каждым шагом. Вороны во дворе уже не летали и не кричали. Они расселись на булыжниках мостовой, растерянные и сбитые с толку, как и сам Кэсерил.

Продолжая придерживать Тейдеса за плечо, Кэсерил провёл его в ворота Зангра, где теперь появилось множество стражников. Тейдес не протестовал, но выражение его лица не предвещало в будущем ничего хорошего. Принц отказался от перевязки и оставлял на камнях кровавый след.

Внимание Кэсерила привлекли фрейлина Сары и паж, вышедшие из дверей башни Иаса.

— Бегом, бегом! — поторопила женщина мальчика, который с совершенно белым лицом бросился к воротам, чуть не сбив по пути Кэсерила.

— Куда, мальчик? — окликнул его Кэсерил.

Паж оглянулся.

— В храм, лорд. Не могу ждать… рейна Сара… рей в беспамятстве! — Он повернулся и ринулся прочь. Стражники уставились на него, потом растерянно посмотрели на башню Иаса.

Плечо Тейдеса под рукой Кэсерила обмякло. Сквозь злость в глазах начал проступать испуг, он смущённо оглянулся, словно ища поддержки.

После минутного колебания, не отпуская Тейдеса, Кэсерил повернулся и направился к башне. Он хотел догнать фрейлину и позвал её, но она уже нырнула в дверь и, похоже, не услышала его, торопливо поднимаясь по лестнице. Войдя внутрь, он заметил, что фрейлина поднялась на третий этаж, к покоям Орико. Кэсерил остановился в центральном коридоре. Показалась рейна Сара в белой накидке; женщина присела перед ней в книксене, затем поспешила дальше.

— Миледи, что случилось? Могу ли я вам помочь?

Она провела рукой по своему испуганному лицу.

— Я даже не знаю, кастиллар. Орико… он читал мне вслух в моей гостиной, пока я вышивала… он иногда так развлекает меня… и вдруг остановился, заморгал и стал тереть глаза, потом сказал, что не видит слов и что в комнате темно. Но темно не было! И тут он упал на пол. Я закричала, позвала моих фрейлин, мы уложили его в постель и послали за врачом в храм.

— Да, мы видели пажа, он бежал со всех ног.

— Хорошо…

— Это удар, по-вашему?

— Не думаю… не знаю. Он немного говорит и может дышать… А что это за шум был там, у конюшен? — Она, не дождавшись ответа, рассеянно повернулась и начала подниматься по лестнице.

Тейдес, чьё лицо стало свинцово-серым, судорожно облизнул губы, но ничего не сказал; Кэсерил развернул его и повёл вниз, во двор.

Голос не слушался принца и тогда, когда они уже поднимались к его покоям. Наконец он смог прошептать:

— Не может быть. Дондо говорил, что зверинец — чёрная магия, рокнарское колдовство, чтобы сделать Орико больным и слабым. Я же видел,

что так оно и было!

— Да, рокнарское колдовство, только белая магия — чудо, которое сохраняло рею жизнь. До этих самых пор, — горько заключил Кэсерил.

— Нет… нет… не так. Дондо говорил…

— Дондо ошибался, — Кэсерил немного поколебался, — или же ему просто хотелось заменить рея, который благоволит его брату, на другого, который благоволил бы ему.

Рот Тейдеса приоткрылся, чтобы запротестовать, но из него не вырвалось ни звука. Кэсерил не думал, что мальчик притворяется — слишком испуганным и потрясённым сделалось выражение его глаз. Единственная отрада, которую принёс сегодняшний день, — Дондо обманул Тейдеса, но не успел испортить его окончательно. Тейдес был всего лишь орудием — не сообщником, не братоубийцей. К несчастью, он оказался орудием, продолжающим действовать и после того, как мастер выпустил его из рук.

«А чья вина в том, что мальчик глотал ложь, если никто не кормил его правдой?»

Болезненный человечек, назначенный секретарём-наставником принца после смерти ди Санды, с удивлением оторвал взор от бумаг на письменном столе, когда Кэсерил привёл Тейдеса

в его покои.

— Присмотрите за своим господином, — резко сказал ему Кэсерил. — Он ранен. Он не должен покидать своих комнат, пока канцлер ди Джиронал не узнает о случившемся и позволит ему выйти.

Чуть наклонившись, он добавил с лёгким удовлетворением:

— Если вы знали об этом безобразии и ничего не сделали, чтобы его предотвратить, канцлер будет в ярости.

Человек за столом побледнел. Кэсерил повернулся к ним обоим спиной. Теперь проверить, как там Умегат…

— Но, лорд Кэсерил… — голос Тейдеса дрожал, — что же мне делать?

Кэсерил, повернув голову, бросил через плечо:

— Молиться.

И зашагал прочь из покоев.

Глава 18

Свернув к лестнице, он услышал наверху торопливые женские шаги — по ступеням спускалась леди Бетрис. Она почти бежала, и её лавандовые юбки развевались.

— Лорд Кэсерил! Что происходит? Мы слышали крики — одна из служанок кричала, что принц Тейдес сошёл с ума и пытался убить зверей рея!

— Он не сошёл с ума — скорее его ввели в заблуждение. Надеюсь. И не пытался, а убил. — Несколькими краткими и горькими фразами Кэсерил живописал кошмар в зверинце.

— Но почему? — Голос у неё сорвался от ужаса.

Кэсерил покачал головой.

— Из-за *лжи* лорда Дондо, насколько я понял. Он убедил принца, что Умегат — рокнарский колдун и использует зверей, чтобы каким-то образом отравлять рея. Всё было как раз наоборот — звери защищали и поддерживали рея, а теперь у него приступ. Пятеро богов, я не могу объяснять всё это на лестнице! Скажите принцессе Исель, что я скоро приду к ней, но сначала я должен навестить раненых грумов. Оставайтесь у себя,

не пускайте Исель в зверинец.

Правда, если Исель не дать какого-нибудь занятия, она сама отыщет для себя дело…

— Позаботьтесь о Саре — она несколько не в себе.

Кэсерил спустился вниз, прошёл мимо места, где его — случайно? внезапно? — скрутил поутру приступ боли. Проклятый дух Дондо не сделал ни малейшей попытки схватить его сейчас.

В зверинце Кэсерил обнаружил, что незаменимый Палли и его люди уже перенесли Умегата и наиболее тяжело раненных в госпиталь Матери. Оставшийся грум пытался поймать перепуганную маленькую сине-жёлтую птичку, чудом упорхнувшую из рук капитана баосийской гвардии и спрятавшуюся за верхним карнизом. Кое-кто из конюхов неумело пытался помочь, а один подбрасывал плащ, надеясь поймать им пичужку.

— Стойте! — Кэсерил подавил панику. Из того, что было ему известно, маленькое пернатое создание оставалось последней нитью, связывавшей Орико с жизнью. Он отправил горе-помощников вынести убитых зверей и сложить их трупы во дворе, а также велел отчистить пол от крови. Затем, взяв в клетке велл горсть зёрен, оставшихся

от последнего прерванного кормления, Кэсерил стал приманивать птичку на руку, посвистывая, как это делал Умегат. К его удивлению, она послушалась и слетела к нему, после чего была водворена в клетку.

— Береги её ценой собственной жизни, — велел он груму. Затем добавил для вящего эффекта: — Если она умрёт — ты тоже умрёшь.

Пустая угроза, а что делать? На грума по крайней мере она как будто подействовала.

«Если она умрёт, и Орико умрёт?»

Это вдруг показалось пугающе правдоподобным. Он повернулся, чтобы помочь вытащить тяжёлые медвежьи туши.

— Нам освежевать их, господин? — поинтересовался один из конюхов, глядя на результаты безумной охоты Тейдеса, грудой возвышавшиеся на булыжниках.

— Нет! Ни в коем случае! — Даже те несколько воронов Фонсы, что ещё кружили в небе, не покушались на окровавленные трупы. — Поступите с ними… как с солдатами рея, павшими в битве. Сожгите или захороните. Но не свежуйте. И во имя всех пяти богов — не ешьте! — Сглотнув комок в горле, Кэсерил положил в общую груду тел двух убитых воронов. — Достаточно святотатства

на сегодня.

И всё же боги оградили Тейдеса от убийства святого.

Топот копыт возвестил о прибытии Мартоу ди Джиронала, наверняка вызванного из дворца Джироналов; за ним вверх по холму следовали, задыхаясь на бегу, четверо посланных за ним гвардейцев. Канцлер легко спрыгнул с храпящей лошади и, кинув поводья поклонившемуся груму, уставился на курган из мёртвых зверей. Тёмный медвежий мех шевельнулся на холодном ветру — единственное движение. Губы ди Джиронала скривились в беззвучном проклятии.

— Что это за безумие? — Он посмотрел на Кэсерила, и глаза его подозрительно сузились. — Вы подбили Тейдеса на это?

Кэсерил мог поклясться, что ди Джиронал не притворяется — тот был совершенно выбит из колеи.

— Я? Нет! Я не имею влияния на Тейдеса, — и Кэсерил добавил: — Вы, похоже, тоже. Он постоянно был у вас на глазах в течение двух недель… и вы не заметили никаких намёков, что он собирается сотворить такое?

Ди Джиронал покачал головой.

— В защиту Тейдеса можно сказать, что он, судя

по всему, был уверен, что этим как-то поможет рею. В том, что у него не хватило рассудительности, виноват его возраст, а в том, что не хватило знаний, — ну, тут вы оба с Орико сослужили и ему, и себе медвежью службу. Если бы он знал правду, он не клюнул бы с такой готовностью на ложь. Я посадил под арест его баосийскую охрану и проводил Тейдеса в его покои до… — «приказа рея» говорить явно не следовало, и Кэсерил сказал: — …до вашего дальнейшего распоряжения.

Ди Джиронал выставил руку ладонью вперёд.

— Погодите. Принц… он вчера уединялся с принцессой. Она не могла настроить его?

— Пять свидетелей скажут, что нет. Включая самого Тейдеса. Он даже не намекнул, о чём думает, — даже не намекнул.

«А должен был, должен был, должен был…»

— Вы пользуетесь большим авторитетом у принцессы Исель, — обвиняюще проговорил ди Джиронал. — Думаете, я не знаю, кто подстрекал её к неповиновению? Даже если я и не выясню причины её столь странной к вам привязанности, я оборву эту связь!

— Да. — Кэсерил обнажил зубы. — Ди Джоал вчера попытался взять в руки нож. В следующий раз он попросит за свои услуги больше. За риск,

знаете ли.

Глаза ди Джиронала сверкнули пониманием; Кэсерил глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. Их взаимная враждебность могла вот-вот вырваться наружу. А Кэсерил в самую последнюю очередь желал внимания ди Джиронала к своей персоне.

— В любом случае здесь нет никакой тайны. Тейдес говорит, что ваш любезный братец Дондо перед смертью затевал устроить эту бойню вместе с ним.

Ди Джиронал отступил на шаг. Глаза его широко раскрылись. Он стиснул зубы.

Кэсерил продолжил:

— И вот что я очень хотел бы узнать — а вы скорее угадаете правильный ответ, нежели я, — знал ли Дондо, чем в действительности был для Орико зверинец?

Взгляд Ди Джиронал впился ему в лицо.

— А вы?

— Сейчас все в Зангре знают, ибо Орико ослеп и упал на пол как раз в тот момент, когда умирали его звери. Сара и её фрейлины уложили его в постель и послали в храм за врачом. — Этим ответом Кэсерил убил сразу двух зайцев — пресёк дальнейшие расспросы и переключил внимание ди Джиронала на рея. Канцлер побледнел, раз-

вернулся и кинулся к воротам Зангра. Кэсерил отметил, что тот не спросил об Умегате. Стало быть, Мартоу знал о влиянии зверинца на рея; но понимал ли он механизм этого влияния?

«А ты?»

Кэсерил покачал головой и повернул в другую сторону — ему предстояла ещё одна утомительная прогулка в город. Госпиталь Милосердия Матери храма Кардегосса занимал старый, переделанный из жилого дома особняк, переданный в качестве пожертвования благочестивой вдовой и располагавшийся недалеко от храмовой площади, на улице сразу за домом Матери. Кэсерил нашёл Палли и Умегата на галерее второго этажа над внутренним двором. Комнату, где они находились, охраняли братья ди Гьюра. Они отсалютовали Кэсерилу и пропустили его внутрь.

Умегат без сознания лежал на кровати. Беловолосая женщина в зелёной одежде храмового врача, склонясь над ним, накладывала швы на рану. Ей помогала знакомая Кэсерилу невысокая пожилая женщина, чьё зеленоватое свечение не имело никакого отношения к её зелёному одеянию. Кэсерил видел этот свет с закрытыми глазами. Старший настоятель храма Кардегосса в пятицветной мантии беспокойно топтался

рядом. Палли прислонился к стене, скрестив на груди руки; его лицо прояснилось при виде Кэсерила, и он оттолкнулся от стены.

— Ну как? — вполголоса спросил Кэсерил.

— Бедняга всё ещё холоден как лёд, — прошептал Палли в ответ. — Думаю, ему хорошо досталось. А что у тебя?

Кэсерил рассказал и ему о том, как Орико почувствовал себя плохо и потерял сознание. Старший настоятель Менденаль подошёл поближе, а лекарка оглянулась через плечо.

— Вам уже рассказали об этом, настоятель?

— О да. Я последую за посланным к Орико врачом, как только смогу.

Если беловолосую женщину и удивило, что настоятеля больше волнует судьба раненого грума, чем судьба впавшего в бессознательное состояние рея, она ничего не сказала, только слегка вздёрнула брови. Она наложила последний аккуратный шов и намочила ткань в тазике, чтобы смыть запёкшуюся кровь с обритой вокруг раны головы. Затем вытерла руки, заглянула под веки Умегата и выпрямилась. Акушерка Матери собрала отрезанную левую косичку Умегата, затем перемыла лежавшие рядом медицинские инструменты и принадлежности.

Старший настоятель Менденаль крепко сцепил пальцы и спросил:

— Ну?

— Что ж, насколько я понимаю, череп не повреждён. Я оставлю рану открытой, чтобы сразу увидеть, если начнётся кровотечение или воспаление. Больше ничего сказать не могу, пока он не придёт в себя. Нужно только держать его в тепле и наблюдать.

— Когда он может очнуться?

Лекарка задумчиво посмотрела на своего пациента. Кэсерил тоже взглянул на него. Аккуратному и утончённому Умегату это зрелище не пришлось бы по вкусу: мятая одежда, наполовину остриженная голова, безвольное неподвижное тело.

Кожа его оставалась мёртвенно-серой и казалась куском старой заношенной тряпки. Дыхание было хриплым. Нехорошо. Кэсерил знал, что люди в таком состоянии могут как выжить и поправиться, так и умереть.

— Не могу сказать, — наконец ответила женщина, словно повторяя мысленный прогноз Кэсерила.

— Тогда оставьте нас пока. Акушерка присмотрит за ним.

— Да, ваше преосвященство. — Лекарка поклонилась и обратилась к акушерке: — Пошлите за мной, если он очнётся или поднимется температура и начнутся судороги, — после чего она собрала свои инструменты.

— Лорд ди Паллиар, благодарю вас за помощь, — сказал настоятель. — Лорд Кэсерил, задержитесь, пожалуйста.

Палли сказал только:

— Всегда к вашим услугам, ваше преосвященство.

И после секундной паузы, с намёком посмотрев на Кэсерила, добавил как бы между делом:

— О, ты же в порядке, Кэс?..

— Пока да.

— Ну, тогда я, пожалуй, вернусь в дом Дочери. Если тебе что-нибудь понадобится, в любое время посылай за мной туда или во дворец Джеррина, и я немедленно приду. Тебе не следует выходить одному. — Он строго взглянул на Кэсерила, чтобы удостовериться, что тот понял его слова как приказ, а не как любезность. Затем Палли поклонился и, открыв дверь перед врачом, последовал за нею в коридор.

Как только дверь закрылась, Менденаль повернулся к Кэсерилу и беспомощно развёл руками.

— Лорд Кэсерил, что нам делать?

Кэсерил вздрогнул.

— Пятеро богов, вы спрашиваете меня?

Менденаль скорбно поджал губы.

— Лорд Кэсерил, я являюсь старшим настоятелем Кардегосса всего два года. Меня избрали, потому что я хороший управляющий и — как я полагаю — потому что хотели уважить мою семью, ибо мой брат, а прежде мой отец были могущественными провинкарами. Я вступил в орден Бастарда в возрасте четырнадцати лет; мой отец сделал тогда щедрое пожертвование, чтобы обеспечить моё продвижение в будущем. Я всю свою жизнь верой и правдой служил богам, но… они не говорят со мной. — Он посмотрел на Кэсерила, затем перевёл взгляд на акушерку Матери — в его глазах стояло странное выражение беспомощной зависти, лишённое какой бы то ни было враждебности. — Когда обычный человек оказывается в одной комнате с тремя святыми… если у него есть хоть капля мозгов, он будет просить у них наставлений, а не пытаться их вразумлять.

— Но я не… — Кэсерил осёкся. Сейчас у него были куда более срочные дела, чем теологические споры по поводу точного названия его нынешнего состояния. Хотя если это было святостью,

то боги, для того чтобы проклясть его, должны были бы превзойти самих себя. — Досточтимая служительница, простите, я забыл ваше имя.

— Клара, лорд Кэсерил.

Кэсерил поклонился.

— Служительница Клара. Вы сейчас видите, вернее, не видите свечения Умегата? Мне раньше не доводилось с таким сталкиваться — может быть, когда человек спит или без сознания, его свечение гаснет?

Она покачала головой.

— Боги всегда с нами — не важно, спим мы или бодрствуем, лорд Кэсерил. Уверена, что сила моего внутреннего зрения значительно уступает вашей, но, бесспорно, Бастард снял сень своего присутствия с просвещённого Умегата.

— О нет, — выдохнул Менденаль.

— Вы уверены? — спросил Кэсерил. — Это не может быть ошибкой нашего с вами внутреннего зрения?

Она посмотрела на него и печально улыбнулась.

— Нет. Я прекрасно вижу ваше сияние. Я увидела вас задолго до того, как вы вошли в дверь. Быть с вами в одной комнате почти больно — ваше сияние невыносимо яркое.

— Значит ли это, что магия зверинца разрушена? — встревоженно всплеснул руками Менденаль. — Нам теперь нечего противопоставить проклятию?

Клара замялась.

— Умегат больше не управляет этой силой. Не знаю, передал ли Бастард его полномочия кому-нибудь другому.

Менденаль с надеждой взглянул на Кэсерила.

— Например, ему?

Она нахмурилась и задумчиво поднесла руку ко лбу, словно защищая глаза от нестерпимого света.

— Если я и святая, как называл меня просвещённый Умегат, то весьма непримечательная. Если бы он в течение многих лет не учил меня, я бы думала до сих пор, что мне просто везёт в моей работе.

Удача, однако, как отметил про себя Кэсерил, его самого отнюдь не баловала с того времени, как он попал в этот созданный богами лабиринт.

— Кроме того, Мать действует через меня только иногда. А лорд Кэсерил… сияет. С того самого дня, как я увидела его на похоронах лорда Дондо. Белый свет Бастарда и голубая чистота леди Весны… оба сразу… постоянное живое присутствие

двух богов, и всё это сплетается с какой-то тёмной субстанцией, суть которой я не могу понять. Умегат увидел бы лучше. Если Бастард и добавил ещё света к тому, что уже было, я не могу этого определить.

Старший настоятель дотронулся до лба, губ, солнечного сплетения, пупка и положил ладонь с разведёнными пальцами на сердце, пожирая Кэсерила голодным взглядом.

— Два бога, два бога одновременно! И в этой комнате!

Кэсерил наклонился и прижал руки к животу; пояс, впивающийся в тело, не давал забыть о таившемся под ним ужасе.

— Разве Умегат не поставил вас в известность о том, что я сделал с лордом Дондо? Разве вы не говорили с Роджерасом?

— Да-да, я имел также и беседу с Роджерасом — он хороший человек, но, конечно, не смог понять…

— Он понял лучше, чем вам кажется. В своём животе я ношу смерть и убийство. Чудовище, которое — насколько я понял — принимает не только психическую, но и физическую форму; чудовище, адская смесь из демона и проклятого призрака Дондо. Оно кричит по ночам голосом

Дондо, используя самые грязные его выражения — язык ди Джиронала и при жизни был грязнее сточной канавы. У него нет иного выхода, кроме как вырваться из меня. Это не святость, это — мерзость.

Менденаль заморгал и отступил. Кэсерил стиснул голову руками.

— У меня кошмарные сны. И жуткая боль в животе. И ярость. А ещё я боюсь, что Дондо просочится наружу.

— О боги, — пробормотал Менденаль. — Умегат сказал только, что с вами не всё просто и что лучше предоставить вас ему.

— Не всё просто, — тупо повторил Кэсерил. — Да, я ещё не сказал вам о призраках?

То, что они казались ему самой малой из его тревог, наверняка тоже кое-что значило.

— О призраках?

— Ну да. Все привидения Зангра следуют за мной по пятам, словно свита, а по ночам толкутся у моей постели.

— Ох, — вдруг обеспокоился Менденаль. — Ой-ой-ой.

— Ой-ой-ой?..

— Умегат не предупреждал вас насчёт призраков?

— Нет… он сказал только, что они не представляют угрозы.

— Ну, в общем, и да, и нет. Они не могут причинить вам зло, пока вы живы. Но, как объяснил мне Умегат, магия леди отодвинула во времени исполнение магии Бастарда, но не отменила его. Таким образом, если… гм… она раскроет свою руку, демон вылетит вместе с вашей душой и душой Дондо, конечно же. И ваша… э-э… оболочка останется с определённой… и опасной пустотой внутри — в теологическом смысле, — чего не происходит при естественной смерти. Тогда призраки попробуют эту пустоту… э-э… занять.

После короткой зловещей паузы Кэсерил поинтересовался:

— Такое бывает?

— Иногда. Сам я видел подобный случай однажды, будучи ещё молодым служителем. Эти потерянные души творят глупости, но их довольно сложно извлечь обратно, если они уже проникли в тело. Их следует сжигать… э-э… живьём — не слишком верное слово. Довольно неприятно, особенно для родственников… они ведь не понимают, в чём дело, ведь это то же самое тело, да и кричит тем же самым голосом… Конечно, это будет уже не ваша проблема — к

тому моменту вы будете далеко отсюда. Но все мы избежим некоторых мучительных моментов, если рядом с вами всегда будет человек, который понимает необходимость сожжения вашего тела до заката… — Менденаль с виноватым видом опустил глаза.

— Спасибо, ваше преосвященство, — с ледяной вежливостью проговорил Кэсерил. — Я добавлю это к предположению Роджераса о демоне, выращивающем для себя плоть в моей опухоли и прогрызающем путь наружу, если мне вдруг снова будет угрожать опасность забыться ночью сном. Хотя, я полагаю, нет причины, по которой не могло бы случиться и то, и другое. Сперва одно, потом…

Менденаль откашлялся.

— Прошу прощения, милорд. Я думал, вам следует знать.

Кэсерил вздохнул.

— Да… Полагаю, следует, — он вспомнил вчерашнюю сцену с ди Джоалом. — Возможно ли… предположим, рука леди ненадолго раскроется. Возможно ли, чтобы душа Дондо проникла в мою?

Брови Менденаля взлетели.

— Я не… Умегат наверняка знает. Ох, как же я

хочу, чтобы он пришёл в себя! Мне кажется, для призрака Дондо — это более быстрый способ обзавестись телом, чем вырастить его, как опухоль. Ведь выращенное будет слишком маленьким. — И слегка разведя ладони, он показал, насколько маленьким.

— Нет, согласно Роджерасу, — сухо возразил Кэсерил.

Менденаль потёр лоб.

— О бедняга Роджерас. Он думал, что я питаю интерес к его теории, когда я задал ему вопрос относительно вас. Конечно, я не стал его разубеждать. О боги, я думал, он проговорит всю ночь! В итоге я пообещал ему кошелёк за усердие в работе, лишь бы только избежать экскурсии по его коллекции экспонатов.

— Я бы тоже заплатил, чтобы этого не видеть, — согласился Кэсерил. Затем спросил с любопытством: — Ваше преосвященство… а почему меня не арестовали за убийство Дондо? Как Умегат уладил это дело?

— Убийство? Так ведь не было никакого убийства.

— Позвольте, человек мёртв, умер от моей руки, от применения смертельной магии… это же тяжёлое преступление.

— Да, понимаю. Невежды пребывают в заблуждении относительно смертельной магии, хотя даже название её не соответствует действительности. Это интереснейший теологический вопрос, знаете ли. Попытки практиковать смертельную магию — это преступление, покушение, тайный заговор. Успешно исполненный ритуал смертельной магии — это уже не смертельная магия как таковая, это чудо справедливости, правосудия, и не может быть преступлением, потому что рука бога уносит жертву — жертв, я имею в виду, — не пошлёт же в таком случае рей своих офицеров, чтобы арестовать Бастарда, не так ли?

— Вы думаете, нынешний канцлер Шалиона согласится с подобной точкой зрения?

— О нет… Именно поэтому Умегат и посоветовал храму не разглашать сведения об этом… столь щекотливом случае. — Менденаль снова забеспокоился и почесал щёку. — Дело даже не в том, что просивший о подобном правосудии смог остаться в живых… да, в теории всё выглядит значительно проще. Две магии. Я никогда не думал о возможности двух чудес одновременно. Беспрецедентно. Леди Весны должна бесконечно любить вас.

— Как погонщик любит мула, несущего его

груз, — горько сказал Кэсерил, — и настёгивает его, чтобы шагал побыстрее.

Настоятель посмотрел на Кэсерила с лёгким испугом и недоумением; служительница Клара понимающе скривила губы. «Умегат хмыкнул бы», — подумал Кэсерил. Он начал понимать, почему рокнарскому святому нравилось беседовать с ним. Только святые могли так шутить насчёт богов, потому что они знали — богам всё равно, шутка это или вопль отчаяния.

— Да, но Умегат считал, что леди сохранила вам жизнь с какой-то необычайной целью. Вы… вы не догадываетесь, с какой?

— Настоятель, я ничего не знаю об этом. — Голос Кэсерила дрогнул. — И я…

— Да? — подбодрил Менденаль.

«Если я скажу это вслух, то рассыплюсь в прах, не сходя с места».

Кэсерил облизнул губы, проглотил комок в горле. Когда ему удалось наконец выдавить из себя какие-то звуки, они оказались хриплым шёпотом.

— Я очень боюсь.

— Ох, — после долгой паузы пробормотал настоятель, — да… я… понимаю, что это может… Ох, только бы Умегат пришёл в себя!

Акушерка Матери смущённо откашлялась.

— Милорд ди Кэсерил?

— Да, служительница Клара?

— Мне кажется, у меня для вас сообщение.

— Что?

— Великая Мать прошлой ночью явилась мне во сне. Я была не совсем уверена, так как во сне часто вижу отражения своих дневных дел и мыслей, а о ней я думаю постоянно. Я собиралась сегодня посоветоваться с Умегатом… Она сказала мне… она сказала… — Клара вздохнула и продолжила уже спокойнее: — «Передай верному посланцу моей Дочери, чтобы он больше всего остерегался отчаяния».

— Да? И что?..

Проклятие! Боги будут теперь посылать ему сообщения через сны других людей? Он предпочёл бы что-нибудь менее загадочное. И более практичное.

— Это всё.

— Вы уверены? — спросил Менденаль.

— Ну… может, она сказала, верному пажу её Дочери. Или коменданту крепости. Или капитану. Или всем четырём сразу… я не очень-то хорошо помню.

— Если это так, то кем могут быть эти остав-

шиеся трое? — озадаченно поинтересовался настоятель.

Воспоминание о словах провинкары, сказанные ему в Валенде, прожгло Кэсерила холодом до самых внутренностей, терзаемых болью.

— Это… я, настоятель. Это я. — Он поклонился Кларе и сказал, с трудом шевеля занемевшими вдруг губами: — Спасибо, Клара. Помолитесь за меня вашей леди.

Она ответила молчаливой понимающей улыбкой и лёгким кивком.

Оставив служительницу Матери ухаживать за Умегатом, старший настоятель Кардегосса извинился и собрался идти к рею Орико. Он смущённо пригласил Кэсерила проводить его до ворот Зангра. Кэсерил был благодарен за приглашение и охотно последовал за Менденалем. Его давешняя ярость и страх уже прошли, оставив после себя слабость и головокружение. На ступенях лестницы колени у него подогнулись, но благодаря тому, что Кэсерил держался за перила, он не упал, а только споткнулся. Менденаль настоял, чтобы Кэсерил устроился в его носилках, а сам пошёл рядом. Кэсерил чувствовал себя полным дураком; он был и смущён, и крайне признателен.

Разговор, которого так страшился Кэсерил,

состоялся только после ужина. Паж передал ему вызов принцессы, и Кэсерил неохотно поднялся в гостиную Исель. Она выглядела усталой, при ней была только Бетрис. Принцесса указала своему секретарю на кресло. Свечи ярко горели, но свет, отражавшийся во всех настенных зеркалах, не мог разогнать нависшую над девушкой тень.

— Как себя чувствует Орико? — первым делом спросил Кэсерил.

Девушки даже не спускались к ужину, оставшись с рейной и лежавшим в постели реем.

Бетрис ответила:

— Вечером он, похоже, успокоился, когда обнаружил, что не совсем ослеп — правым глазом он видит пламя свечи. Но он не может толком помочиться, и врач беспокоится, что отёки будут увеличиваться. А он и так весьма отёкший. Даже распухший.

Она в волнении прикусила губу.

Кэсерил кивнул и обратился к принцессе:

— Вы видели Тейдеса?

Исель вздохнула.

— Да, как раз после того, как канцлер устроил ему хорошую головомойку. Тейдес был слишком разгневан, чтобы рассуждать разумно. Ведёт себя прямо как малое дитя. Жаль, что он уже слишком

большой, чтобы залепить ему пощёчину. Отказывается от еды, швыряет в слуг чем под руку попадёт, а теперь, когда ему позволили покинуть его комнату, не желает выходить. С ним нельзя ничего поделать, пока он в таком состоянии, лучше оставить его в покое. Завтра ему полегчает. — Тут её глаза прищурились, и она сжала губы. — Ну, милорд, а теперь скажите-ка мне, как давно вы знаете о чёрном проклятии, нависшем над Орико?

— Сара наконец-то поговорила с вами, да?

— Да.

— Что именно она сказала?

Исель поведала ему почти точную историю Фонсы и Золотого Генерала, завершавшуюся тем, как от Иаса к Орико перешли по наследству злой рок и неудачи в делах. Но ни о себе, ни о Тейдесе она не упомянула.

Кэсерил задумчиво провёл по подбородку костяшками пальцев.

— Что же, значит, вы знаете примерно половину.

— Меня не устраивает половина, Кэсерил. Я вынуждена делать выбор, не имея нужных для этого знаний, а потом мир будет судить меня и объяснять мои ошибки моей молодостью и при-

надлежностью к женскому полу, как будто это является оправданием невежества. Невежество — не глупость, но очень на неё похоже. А я не люблю чувствовать себя дурой. — В последних словах её отчётливо послышались стальные нотки.

Кэсерил виновато опустил голову. Ему хотелось плакать о том, что он сейчас потеряет. Он так долго молчал вовсе не для того, чтобы огородить её невинность — и невинность Бетрис — от этого знания, и совсем не из страха быть арестованным. Он боялся потерять рай общения с ними, их уважение, и уже чувствовал себя плохо, видя смятение в глазах девушек, готовых услышать от него нечто ужасное.

«Трус. Говори же наконец».

— Впервые я узнал о проклятии через два дня после смерти Дондо от грума Умегата, который, кстати, вовсе не грум, а настоятель Бастарда, святой, управлявший магией зверинца для поддержания жизни Орико.

Глаза Бетрис расширились.

— Ох. Я… он мне всегда нравился. Как он себя чувствует?

Кэсерил махнул рукой.

— Плохо. Всё ещё без сознания. А что ещё хуже — он… — Ему пришлось сглотнуть комок в горле.

«Вот оно». — Он перестал светиться.

— Перестал светиться? — не поняла Исель. — Я и не знала, что он начал это делать…

— Да, я понимаю. Вы не можете видеть его сияние. Это как раз то, о чём я вам не говорил. Смерть Дондо… — Кэсерил глубоко вздохнул. — Это я принёс в жертву ворона и крысу и молился Бастарду о его смерти.

— Ага, так я и думала, — сказала Бетрис, выпрямляясь.

— Да, но вы не знаете, что моя молитва не осталась без ответа. Я должен был умереть той ночью в башне Фонсы. Но была услышана молитва и другого просителя. Исель, полагаю, — и он кивнул принцессе.

Её губы приоткрылись, и принцесса прижала руку к груди.

— Я молилась Дочери, чтобы она освободила меня от Дондо.

— Вы молились, и Дочь освободила меня, — и он горько добавил: — Но не от Дондо. Вы видели, как на его похоронах боги отказались ответить, кто принял к себе его душу?

— Да, и это значит, что он проклят, изгнан, заперт в этом мире, — подтвердила Исель. — Половина придворных боится, что он бродит по

Кардегоссу, и пытается защититься от него разными амулетами.

— Он в Кардегоссе, да. Но не бродит. Большинство неприкаянных душ привязаны к месту своей гибели. Душа же Дондо привязана к его убийце. — Он закрыл глаза, не в силах видеть их побледневшие лица. — Вы знаете о моей опухоли. Только это не опухоль. Вернее, не только опухоль. Во мне находится попавшая в ловушку душа Дондо. Вместе с демоном, который, судя по всему, переносит своё заточение с благословенным спокойствием. Но Дондо не может замолчать. Он кричит на меня каждую ночь. — Кэсерил снова открыл глаза, но не осмелился поднять их. — Все эти магические деяния открыли во мне некое внутреннее зрение. Оно есть у Умегата, у ещё одной маленькой святой Матери в Кардегоссе и у меня. У Умегата… было белое свечение. Мать Клара испускает лёгкий зелёный свет. Они оба говорили мне, что я тоже сверкаю и сияю — белым и голубым светом. — Наконец он заставил себя поднять голову и встретил взгляд Исель. — И я вижу проклятие Орико, как тёмную тень. Исель, послушайте, это очень важно. Не думаю, что Сара знает об этом. Тень не только на Орико — она на вас и на Тейдесе. Похоже, все потомки Фонсы

отмечены этим мраком.

После короткой паузы, сидя прямо и спокойно, Исель сказала лишь:

— Это имеет определённый смысл.

Бетрис исподтишка изучала Кэсерила. Застёжка пояса свидетельствовала, что живот его ничуть не вырос, но под её взглядом Кэсерил чувствовал себя чудовищем. Он немного наклонился вперёд и слабо улыбнулся.

— И как же вам избавиться от этого… призрака? — медленно спросила Бетрис.

— Хм… как я понял, если меня убьют, моя душа выпустит их из моего тела, и демон, выполнив свою миссию, вернётся к господину с обеими душами. Я так думаю. Меня слегка беспокоит, вдруг демон попытается схитрить и заманить меня в ловушку, чтобы я поскорее погиб, — у него-то одна мысль в голове, он хочет домой. Или вдруг рука леди разожмётся — демон тогда освободится и вытащит мою душу из тела. Результат будет одинаковым. — Он решил не пугать девушек теорией Роджераса.

— Но, лорд Кэс, вы не понимаете! Я хочу знать, как избавиться от этого, чтобы вы не умерли!

— Мне бы тоже хотелось это знать, — вздохнул Кэсерил. Он с усилием выпрямил спину и сумел

изобразить довольно естественную улыбку. — Впрочем, это не важно. Я обменял свою жизнь на смерть Дондо по собственной воле и получил то, что должен был получить. Платёж по счёту немного отсрочен, но не отменён. Леди держит меня в живых, чтобы я сослужил ей какую-то службу, закончил какие-то дела. Иначе мне следовало бы покончить с собой от омерзения и завершить начатое.

Исель сузила глаза и выпрямилась.

— Лорд Кэсерил, в таком случае я не освобождаю вас от службы мне. Вы меня слышите?

Его улыбка на мгновение потеплела…

— Ох.

— Да, — сказала Бетрис, — не думайте, что нас начнёт тошнить, потому что в вас… кто-то живёт. То есть… э-э… ведь считается, что мы тоже когда-нибудь разделим наши тела с новым существом и новой душой. И это не делает нас ужасными. — Она немного замялась, приведя такое сравнение.

Кэсерил, несколько смущённый этой параллелью, мягко произнёс:

— Да, но Дондо?

Каждый, кого когда-то убил Кэсерил, жил теперь в его памяти и всюду следовал за ним.

«Так мы носим наши грехи».

Исель вдруг прижала пальцы к губам.

— Кэсерил, он ведь не может выйти, правда?

— Я молюсь леди, чтобы ему это не удалось. Самое страшное — это мысль, что он может просочиться в мой разум. Даже хуже, чем… не важно. Ох, я вспомнил, что должен сказать вам ещё кое-что о привидениях. — Он вкратце повторил слова настоятеля о том, что его тело должно быть сожжено до заката, и объяснил почему. Покончив с этим, он почувствовал странное облегчение. Девушки были испуганы, но слушали внимательно; он подумал, что у них хватит смелости исполнить требуемое. И Кэсерилу стало стыдно, что он сомневался в силе духа своих подопечных.

— Послушайте, принцесса, — продолжил он, — проклятие Золотого Генерала пало на потомков Фонсы, но Сара тоже имеет тёмную тень рока. Мы с Умегатом решили, что она получила её, выйдя замуж.

— Её жизнь из-за этого и впрямь стала ужасной, — согласилась Исель.

— Таким образом, рассуждая логически, вы можете, выйдя замуж, оставить проклятие позади. В любом случае это шанс. Надежда. Мне кажется, нам следует как можно скорее заняться этим вопросом — я хочу, чтобы вы уехали из Кардегосса,

от проклятия, вообще из Шалиона как можно скорее.

— Пока двор в таком смятении, приготовления к свадьбе и переговоры… — Она резко оборвала фразу. — Но… а как же Тейдес? И Орико? И сам Шалион? Неужели я должна бросить всё, как генерал, который, проиграв битву, бежит с поля боя?

— Главнокомандующий отвечает не за одну-единственную битву. Если она проиграна — если генералу не удалось ничего сделать в этот раз, — он должен сохранить силы, чтобы выиграть следующий бой, а потом и всю войну.

Исель в сомнении нахмурилась, обдумывая его слова.

— Кэсерил, как вы считаете, мои мама и бабушка знают о проклятии, об этой чёрной тени, что нависает над нами?

— Насчёт бабушки не скажу — не знаю, а вот ваша мать…

Если Иста видела призраков Зангра, значит, в течение какого-то времени она владела внутренним зрением. Что это может значить?

— Ваша мать кое-что знает, но не имею представления, как много. Достаточно в любом случае, чтобы одна мысль о вашей поездке в Кардегосс приводила её в ужас.

— Я думала, что она просто очень нервная. — Голос Исель упал. — Я считала её сумасшедшей, как шептались слуги. — Она нахмурилась сильнее. — Мне нужно о многом подумать.

Она надолго замолчала. Кэсерил встал и вежливо пожелал обеим дамам спокойной ночи. Принцесса рассеянно кивнула. Бетрис сложила ладони и присела в книксене; в глазах её стояла боль.

— Подождите, — внезапно окликнула его Исель. Кэсерил был уже около двери. Он обернулся; принцесса вскочила с кресла, подбежала к нему и схватила за руки. — Вы слишком высокий. Наклонитесь, — скомандовала она.

Повинуясь, Кэсерил наклонил голову. Принцесса встала на цыпочки. Он изумлённо заморгал, когда юные губы запечатлели традиционный поцелуй на его лбу, затем на каждой ладони; а потом Исель опустилась на пол, вся в ворохе ароматного шёлка, и Кэсерилу оставалось только разинуть рот в немом протесте, когда она с той же непоколебимой решимостью поцеловала и его обутые в сапоги ноги.

— Вот, — сказала она, поднимаясь и вздёргивая подбородок. — Теперь вы свободны.

По лицу Бетрис бежали слёзы. Слишком потря-

сённый, чтобы вымолвить хоть слово, Кэсерил низко поклонился и удалился к себе, к очередному беспокойному бдению в постели.

Глава 19

На следующий день Зангр показался Кэсерилу до странного тихим. После смерти Дондо придворные были встревожены, но и возбуждены при этом и перешёптывались по всем углам. Теперь же стих даже шёпот. Те, у кого не было срочных дел, не показывались вовсе, а те, кому нужно было выполнять свою работу, делали её в торопливой напряжённой тишине.

Исель и Бетрис провели день в башне Иаса с Орико и Сарой. На рассвете Кэсерил и мрачный управляющий замком наблюдали за сожжением и захоронением убитых зверей. Весь оставшийся день Кэсерил чередовал слабые попытки разобраться в ворохе документации на рабочем столе с походами в храмовый госпиталь. Состояние Умегата не менялось, лицо оставалось серым, дыхание — хриплым. Навестив его во второй раз, Кэсерил прошёл в храм, где помолился — распростершись на полу, шёпотом — у каждого из пяти алтарей по очереди. Если он и в самом деле был болен этой болезнью — святостью, будь она проклята, — должно же это хоть чем-то помочь!

«Боги совершают чудеса не ради нас, а только ради самих себя», — так говорил Умегат. Но Кэсерилу казалось, что всякая сделка должна иметь две стороны. Ведь если люди перестанут предлагать богам свою свободную волю, чтобы те могли творить чудеса, что тогда останется делать богам, а?

«Ну, случись такое, для начала я паду мёртвым».

Вот так. Кэсерил долго лежал перед алтарём леди Весны, но слова не шли с языка, даже губы не шевелились. Смущённый, пристыженный, отчаявшийся? В общем, молчал он или говорил, боги отвечали ему одинаковой глухой тишиной все пять раз подряд.

Поднимаясь по холму, Кэсерил встретил ди Джоала и ещё одного из приспешников ди Джиронала, входивших в его дворец, и вспомнил, как Палли настаивал, не разрешая ему выходить одному. Рука ди Джоала стиснула рукоять меча, но не сделала движения высвободить клинок; враги разошлись, обменявшись на почтительном расстоянии вежливыми сухими кивками.

Вернувшись в кабинет, Кэсерил потёр пульсировавшие болью виски и задумался, что делать с замужеством Исель. Принц Бергон Ибранский,

да. Парень как парень, лучше многих других, по мнению Кэсерила. Но последние события при дворе Шалиона не давали возможности вступить в открытые переговоры, следовало отправить секретного посланника. И быстро. Мысленно пробежав список придворных, способных дипломатично решить вопрос, он не смог остановиться ни на ком, кто внушал бы ему достаточное доверие. Перебрав же куда более короткий список тех, кому мог доверять, он не нашёл в нём ни одного опытного дипломата. Умегат был нездоров. Настоятель Менденаль не мог уехать тайно. Палли? Марч ди Паллиар, во всяком случае, знатный дворянин, к нему в Ибре должны отнестись с уважением. Кэсерил попытался представить себе честного Палли, ведущего переговоры с Лисом, и застонал. Может… может быть, послать Палли, подробнейшим образом расписав ему, как и что он должен говорить?..

«Нужда заставляет действовать».

Необходимо завтра же обсудить это с Палли.

Кэсерил на коленях молился перед сном, чтобы боги избавили его от ночных кошмаров, в которых он уже три ночи подряд видел, как Донго обретает у него в животе жизнь и плоть, а потом, одетый в неведомо откуда взявшиеся погребаль-

ные одежды, мечом прорубает себе путь наружу. Должно быть, леди услышала его мольбу; Кэсерил проснулся перед рассветом с головной болью после нового кошмара. На этот раз Дондо удалось посадить душу Кэсерила на своё место, а самому улизнуть, завладев его телом. Затем злодей пробрался в женские покои, в то время как Кэсерилу оставалось лишь беспомощно смотреть. К ужасу Кэсерила, когда он, задыхаясь, вернулся в предрассветный сумрак яви, плоть его была болезненно возбуждена.

Так был ли Дондо заключён в тёмное узилище, куда не проникали ни звуки, ни ощущения? Или он присутствовал при всём, как незримый шпион? Кэсерилу даже не мечталось, что он занимается любовью с Бе… с женщиной, с тех пор как на него свалилось это проклятое колдовство; он представил это сейчас — тесно сплетённый квартет под одеялом, и содрогнулся.

Ему вдруг страстно захотелось выброситься в окно. Он может просунуть плечи и нырнуть вниз; полёт будет прекрасным, а смерть… быстрой. Можно ещё взять нож и полоснуть по запястьям или по горлу, или пронзить им живот, или всё сразу… Он сел, моргая, и обнаружил полдюжины призраков, алчно толпившихся над ним, словно

стервятники над трупом павшей лошади. Он зашипел, отшатнулся и замахал руками, отгоняя их. Будет ли для призраков привлекательным тело с размозжённой головой? С точки зрения настоятеля — вполне. Что ж, самоубийство, похоже, исключалось — из-за этой омерзительной свиты. Страшась уснуть, он выбрался из постели и отправился умываться и одеваться.

Возвращаясь с завтрака в банкетном зале, который посетил исключительно по привычке, Кэсерил наткнулся на лестнице на запыхавшуюся Нан ди Врит.

— Миледи просит вас немедленно подняться к ней, — с трудом проговорила Нан. Кэсерил кивнул. — Не у неё в покоях, — добавила она, увидев, что он, поднявшись на второй этаж, собирается идти выше. — В спальне принца Тейдеса.

— А! — Кэсерил вскинул брови и повернул на половину наследника. Нан поспешила за ним.

Войдя в кабинет — точную копию своего собственного этажом выше, — он услышал в соседней комнате приглушённый голос Исель и крики Тейдеса:

— Я не хочу ничего есть! Не хочу никого видеть! Убирайтесь все!

Гостиная была завалена беспорядочно раз-

бросанными оружием, одеждой и подарками. Кэсерил прошёл в спальню.

Тейдес лежал на спине, всё ещё в ночной рубашке. В спёртом, сыром воздухе стоял запах пота и чего-то ещё. Секретарь-наставник Тейдеса беспокойно топтался по одну сторону кровати, Исель стояла, уперев руки в бока, по другую. Тейдес капризно нахмурился.

— Я хочу спать. Убирайтесь, — он зыркнул на Кэсерила, скривился и показал на него пальцем. — А в особенности я не хочу видеть его!

Нан ди Врит очень по-домашнему сказала:

— Ничего подобного, юный лорд. Вы прекрасно знаете, что бывает, когда со старой Нан говорят таким тоном.

Тейдес, словно повинуясь какой-то старой привычке, тут же сменил капризный тон на жалобное хныканье:

— У меня болит голова.

Исель твёрдым голосом отчеканила:

— Нан, пожалуйста, принесите свет. Кэсерил, я хочу, чтобы вы осмотрели ногу Тейдеса. По-моему, она выглядит странно.

Нан высоко подняла канделябр с ярко горевшими свечами, поскольку серого дневного света, проникавшего через окно, было недостаточно.

Тейдес стиснул было одеяло руками, прижимая его к груди, но под суровым взглядом старшей сестры не осмелился сопротивляться; та выдернула одеяло из его рук и откинула в сторону.

По правой ноге мальчика тянулись три длинные параллельные царапины. Они казались неглубокими и не опасными, но плоть вокруг сильно отекла, кожа натянулась и блестела. По краям ран виднелся желтоватый гной. Кэсерил умудрился сохранить спокойное выражение лица, даже когда заметил красные прожилки, поднимавшиеся выше колена Тейдеса и продолжавшиеся на внутренней поверхности бедра. Глаза мальчика блестели. Он дёрнул головой, когда Кэсерил наклонился к нему.

— Не трогайте меня!

— Лежи тихо! — негромко скомандовал Кэсерил. Лоб Тейдеса под его ладонью пылал.

Он поднял глаза на секретаря и нахмурился.

— Как давно у него температура?

— Только сегодня с утра, полагаю.

— Когда врач осматривал его в последний раз?

— Я не вызывал врача, лорд Кэсерил. Принц швырнул в меня кресло, когда я пытался помочь ему, и перевязал себя сам.

— И вы ему позволили?

От резкого голоса Кэсерила секретарь подскочил. И смущённо пожал плечами:

— Но он так хотел.

Тейдес проворчал:

— Некоторые мне подчиняются. И позже я припомню кто.

Он взглянул на Кэсерила из-под полуприкрытых век и, выпятив нижнюю губу, перевёл взгляд на сестру.

— У него началось заражение. Я прослежу, чтобы к нему немедленно прислали храмового врача.

Тейдес завернулся обратно в свои одеяла.

— Ну, теперь я могу поспать? Если вы не возражаете, конечно. И задёрните занавеску — свет режет мне глаза.

— Да, оставайтесь в постели, — кивнул ему Кэсерил и вышел.

Исель вышла за ним в кабинет и, понизив голос, спросила:

— С ним не всё в порядке, правда?

— Верное замечание, принцесса. Вы всё рассудили правильно.

Она удовлетворённо кивнула; Кэсерил поклонился и направился к лестнице. По потемневшему лицу Нан ди Врит Исель могла и сама понять

наконец, насколько Тейдес не в порядке. Всё, о чём мог думать Кэсерил, спеша вниз по лестнице и через двор к башне Иаса, так это о том, как редко ему доводилось видеть, чтобы кто-нибудь — не важно, насколько молодой и сильный — выжил после ампутации ноги так высоко. Он ускорил шаг.

По счастью, Кэсерил обнаружил ди Джиронала сразу, едва войдя в канцелярию. Тот как раз запечатал седельную сумку с документами и вручил её курьеру.

— Как сейчас дороги? — спросил ди Джиронал у этого сухощавого, жилистого парня, набросившего плащ с нашивкой канцелярии поверх многочисленных шерстяных одежд.

— Грязно, милорд. Будет довольно опасно скакать по темноте.

— Что же, сделайте всё от вас зависящее. — Ди Джиронал вздохнул и похлопал его по плечу. Курьер отсалютовал и прошёл к выходу мимо Кэсерила.

Ди Джиронал посмотрел на своего визитёра.

— Кэсерил.

— Милорд. — Кэсерил отвесил официальный поклон и прошёл внутрь.

Ди Джиронал уселся на край письменного сто-

ла и скрестил на груди руки.

— Вы попытались спрятаться за орденом Дочери и его стараниями свалить меня. Очень глупо, — доверительно сказал он.

Кэсерил нетерпеливо отмахнулся. Он бы больше удивился, если бы ди Джиронал до сих оставался в неведении относительно того, что происходило на совете ордена.

— У вас сейчас куда более серьёзные проблемы, чем те, которые мог бы создать для вас я, милорд.

Глаза ди Джиронала изумлённо раскрылись. Он склонил голову набок.

— Что?

— Как выглядела рана Тейдеса, когда вы её видели?

— Рана? Какая рана? Он ничего мне не показывал.

— На правой ноге — его поцарапал леопард Орико, когда Тейдес убивал несчастного зверя. По правде говоря, царапины неглубокие, но случилось заражение. Кожа у него горит. Вы же знаете, что за горящие полосы тянутся порой от заражённых ран?

— Да, — тревожно пробормотал канцлер.

— У Тейдеса они ползут от щиколотки до паха. И выглядят, как кровавый пожар.

Ди Джиронал вздрогнул.

— Я настоятельно рекомендую вам отослать всю толпу бесполезных для Орико врачей к Тейдесу. Иначе вы можете потерять за одну неделю сразу две царственные марионетки.

Взгляды их столкнулись подобно камню и стали; затем ди Джиронал, резко выдохнув воздух, кивнул и вскочил на ноги. Кэсерил последовал за ним. Ди Джиронал, безусловно, был изъеден завистью и объят гордыней, но он не был некомпетентным глупцом. Кэсерил понимал, почему Орико им дорожил.

Убедившись, что канцлер поднимается по лестнице в покои Орико достаточно быстро, Кэсерил развернулся и направился вниз. Он не имел известий из храмового госпиталя со вчерашнего вечера, и ему хотелось проверить, как там Умегат. Выйдя из Зангра, он прошёл мимо зловещих конюшен. И слегка удивился, увидев немого грума, который шагал по склону холма в его сторону. Заметив Кэсерила, грум замахал руками без больших пальцев и ускорил шаг.

Грум приблизился, запыхавшись и улыбаясь. На его лице виднелись синяки — следы бесполезной борьбы в зверинце, сломанный нос с ободранным кончиком распух. Но глаза грума

сияли, и он чуть ли не пританцовывал вокруг Кэсерила.

Кэсерил поднял бровь.

— Ты выглядишь счастливым… что, Умегат очнулся?

Бедняга неистово закивал. Кэсерил, облегчённо вздохнув, улыбнулся в ответ. Безъязыкий грум что-то забормотал. Кэсерил смог разобрать одно слово из четырёх, чего хватило, впрочем, чтобы понять — грум послан по срочному делу.

Он показал Кэсерилу, чтобы тот подождал его у тихого, опустевшего зверинца, и через несколько минут вернулся с подвязанным к поясу узелком и с книгой в руках, которой он радостно потрясал. Кэсерил понял, что Умегат не только очнулся, но и довольно хорошо себя чувствует, раз послал за своей любимой книгой — то был Ордолл, как не без удивления заметил он.

Радуясь компании немого грума, Кэсерил зашагал вместе с ним в город. Пока они шли, Кэсерил задумался о следах пыток на теле своего спутника, на которые тот, по-видимому, не обращал особого внимания. Это были молчаливые свидетельства мучительных истязаний, выдержанных во имя его бога. Длились эти пытки час, день или месяцы? Была ли рыхлая полнота грума

результатом кастрации, или так сказалась на нём старость? Кэсерил не мог расспросить этого человека. Мычание его было неприятно слушать. Кэсерил не знал даже, был грум шалионцем или ибранцем, браджарцем или рокнарцем. Не знал он, и как его спутник попал в Кардегосс, как долго служил он Умегату, выполняя свои ежедневные обязанности. Грум бодро шагал вперёд с книгой в руке, глаза его блестели. Вот так выглядел верный слуга богов — героический и любимый ими.

Придя в палату Умегата, они застали его полусидящим в кровати с подушками за спиной. Он был бледен и измождён, наполовину выбритую голову покрывали аккуратные стежки швов, волосы были спутаны и походили на крысиное гнездо, губы потрескались, лицо заросло щетиной. Грум порылся в узелке, достал бритвенные принадлежности и победно помахал ими в воздухе. Умегат слабо улыбнулся. Затем, не отрывая головы от подушек, посмотрел на Кэсерила. Он неуверенно вскрикнул и протёр глаза.

Кэсерил проглотил комок.

— Как вы себя чувствуете?

— Голова раскалывается, — с трудом произнёс Умегат. И тихо всхлипнул. Наконец он смог спросить: — Мои прекрасные создания, они *все*

умерли?

Язык Умегата распух, голос звучал надтреснуто, но речь была вполне разборчивой.

— Почти все. Осталась только маленькая синежёлтая птичка. Сейчас она в безопасности, в своей клетке. Я не разрешил никому воспользоваться тушами и проследил, чтобы их сожгли, как погибших солдат. Ещё вчера. Старший настоятель Менденаль позаботился найти достойное место для захоронения.

Умегат кивнул и сжал пересохшие губы. Кэсерил посмотрел на маленького грума — да, он наверняка знал правду, — потом перевёл взгляд на Умегата и, поколебавшись, спросил:

— Вы знаете, что перестали светиться?

Умегат быстро моргнул.

— Я… подозревал. Во всяком случае, вы теперь выглядите для моих глаз куда менее мучительно.

— Вы потеряли внутреннее зрение?

— М-м… внутреннего зрения тут и не надо. Вы живы — значит, рука леди всё ещё держит вас. Я всегда знал, что у меня это был лишь временный дар. Что ж, это было хорошо. — Его голос упал до шёпота. — Очень хорошо. — Умегат отвернулся. — Я должен был пережить и то мгновение,

когда дар будет отнят. Вылетит из моих рук…

«Боги должны были предупредить тебя…»

Маленький пожилой грум, который помрачнел лицом, услышав боль в голосе Умегата, взял книгу и, пытаясь утешить, протянул её своему господину.

Умегат слабо улыбнулся и нежно принял Ордолла.

— В конце концов, у меня осталась ещё моя прежняя профессия, и я могу вернуться к ней, не так ли? — Он открыл книгу на какой-то отмеченной странице и заглянул в неё. Улыбка его вдруг погасла. Голос стал резким. — Это что, шутка?

— Какая шутка, Умегат? Это ваша книга, я видел, как он принёс её из зверинца.

Умегат неуклюже попытался сесть прямо.

— Что это за язык?

Кэсерил подошёл и тоже заглянул в книгу.

— Ибранский, конечно!

Умегат начал листать страницы. Пальцы его дрожали, взгляд скользил по строчкам, дыхание участилось, рот приоткрылся в ужасе.

— Это… это какая-то тарабарщина. Просто… просто… маленькие чернильные закорючки. Кэсерил!

— Это ибранский, Умегат. Просто ибранский.

— Мои глаза! Что-то во мне… — Он сжал лицо руками, протёр глаза и вдруг закричал: — О боги! — и заплакал. — Я наказан!

— Беги за врачом! Приведи врача! — закричал Кэсерил испуганному груму. Тот кивнул и поспешил в коридор.

Пальцы Умегата, сжимавшие книгу, свело судорогой. Кэсерил неуклюже попытался помочь, похлопал его по плечу и забрал книгу. На ней остались следы пальцев Умегата. Рокнарец плакал… не как ребёнок. Детский плач никогда не бывает таким пугающим.

Через несколько бесконечно долгих минут пришла беловолосая лекарка и успокоила обезумевшего от горя настоятеля; он вцепился в неё с надеждой в глазах, так что ей с трудом удалось осмотреть его. Её объяснение, что многие люди оправляются после таких ранений не один день, помогло Умегату обрести некоторое утешение.

Однако ему потребовалось всё его мужество и присутствие духа, чтобы принять результаты дальнейших проверок: когда один из дедикатов по просьбе врача принёс из библиотеки книги на дартакане и рокнари, выяснилось, что Умегат их тоже не может прочесть, а его рука утратила способность писать. Перо выпало из неуклю-

жих пальцев и запачкало чернилами льняные простыни. Умегат спрятал лицо в ладони и простонал:

— Я наказан. У меня отняли мою радость, моё убежище, моё утешение…

— Порой людям удаётся научиться заново делать то, что они забыли, — ободряюще сказала лекарка. — Вы понимаете речь… ваши уши не потеряли навык различать слова, вы не забыли знакомых вам людей. А случается и такое, я видела. Кто-нибудь может читать вам вслух…

Глаза Умегата встретились с глазами немого. По морщинистым щекам грума потекли слёзы. Маленький несчастный человечек прижал кулак ко рту и издал горький, полный отчаяния горловой стон.

Умегат вздохнул и покачал головой, забыв о своих бедах при виде их отражения на лице старика. Он потянулся к груму и сжал его руку.

— Ш-ш, тише. Ну, чем мы теперь не пара? — затем вздохнул и упал на подушки. — Никогда не говорите, что у Бастарда нет чувства юмора. — Глаза его закрылись, то ли от усталости, то ли из желания отгородиться от мира.

Кэсерил подавил собственный страшный вопрос: «Умегат, что же нам теперь делать?» Умегат

был не в состоянии что-либо предпринимать или указывать путь. Может быть, даже молиться не мог? Кэсерил не осмелился просить его помолиться за Тейдеса при таких обстоятельствах.

Дыхание больного стало глубже, и он забылся беспокойным сном. Тихо и осторожно, стараясь не издать ни звука, грум выложил на край стола бритвенные принадлежности и уселся на стул ждать, когда проснётся его хозяин. Лекарка сделала пометки в своих бумагах и вышла в коридор. Кэсерил последовал за ней в галерею, выходившую на внутренний двор. Центральный фонтан в холодное зимнее время не работал, вода в бассейне при сером свете дня казалась тёмной и мутной.

— Он действительно наказан? — спросил Кэсерил.

Женщина размяла свой усталый затылок.

— Откуда я могу знать? Ранения в голову — самые странные из всех. Я наблюдала одну больную, глаза которой были в абсолютном порядке, но которая всё же ослепла после удара по затылку. Я видела людей, потерявших дар речи, и людей, потерявших способность управлять одной половиной тела, в то время как другая половина оставалась им подвластной. Они наказаны? Если

так, то боги злы, а я в это не верю. Я думаю, это случайности.

«А я думаю, боги жульничают».

Он хотел попросить её получше присматривать за Умегатом, но она и так заботилась о нём, а Кэсерилу не хотелось, чтобы лекарка подумала, будто он сомневается в её заботливости и умении. Он вежливо пожелал ей доброго дня и отправился на поиски старшего настоятеля Менденаля, чтобы рассказать ему об опасном ухудшении состояния Тейдеса.

Настоятель Менденаль находился в храме у алтаря Матери, совершая обряд благословения жены богатого торговца кожей и их новорождённой дочери. Кэсерилу пришлось подождать, пока семья возложит на алтарь благодарственные подношения; затем он подошёл к Менденалю и тихо поведал ему новости. Настоятель побледнел и заторопился в Зангр.

У Кэсерила с недавних пор появился свой взгляд на действенность и безопасность молитв, но он тем не менее распростёрся на выложенном каменными плитками полу перед алтарём Матери, думая об Исте. Если надежда на милосердие по отношению к Тейдесу, вовлечённому в святотатственное преступление, а затем брошенному

лордом Дондо, была крайне слаба, возможно, Мать могла бы уделить немного внимания и сострадания его матери Исте. Послание богини Кэсерилу через сон Клары носило довольно милосердный характер. С одной стороны. Хотя оно могло быть и исключительно практическим. Лёжа на отполированном полу, Кэсерил ощущал в животе зловещий комок размером примерно в два его кулака.

Через некоторое время он поднялся и отправился на поиски Палли в старое каменное здание дворца провинкара ди Джеррина. Слуга проводил его в гостевую комнату в задней части дома. Палли сидел за маленьким столиком и что-то писал. Увидев входящего Кэсерила, он отложил перо и указал гостю на кресло напротив. Как только слуга вышел и закрыл за собой дверь, Кэсерил наклонился вперёд и сказал:

— Палли, ты можешь в случае необходимости отправиться в Ибру, как посланец принцессы Исель?

Палли вскинул брови.

— Когда?

— Скоро.

Он покачал головой.

— Если «скоро» означает «сейчас», то навряд

ли. У меня сейчас очень много дел как у лорда-дедиката, кроме того, я обещал ди Джеррину мою поддержку и голос в совете.

— Ты можешь передать свой голос ди Джеррину или другому доверенному лицу.

Палли потёр свою гладко выбритую щёку и издал подозрительное «хм».

Кэсерил мог бы сказать ему, что является святым Дочери и, таким образом, стоит по рангу выше Палли, ди Джеррина и всего священного военного ордена, но тогда потребовались бы сложные и долгие объяснения. Пришлось бы раскрыть тайну проклятия Фонсы. Да и признаться было бы маловато… пришлось бы доказывать как-то своё… странное состояние. Осенённый богом. Отмеченный богом. Изнасилованный богом. Он будет выглядеть ещё большим безумцем, чем рейна Иста. Кэсерил решился на компромисс:

— Я думаю, что это может быть делом Дочери.

— Почему ты так думаешь?

— Просто мне так кажется.

— А мне — нет.

— Погоди, я знаю, что делать. Перед тем как лечь спать, помолись и попроси её послать тебе во сне наставление.

— Я? А почему не ты?

— Мои ночи… слишком заполнены.

— И с каких это пор ты веришь в вещие сны? Мне казалось, ты всегда считал их чепухой и утверждал, что люди обманывают сами себя, доверяя таким снам.

— Недавно… мне пришлось изменить своё мнение. Послушай, Палли, ну сделай это в качестве эксперимента. Чтобы доставить мне удовольствие, если угодно.

Палли уступил.

— Хорошо, помолюсь ради тебя. Что же касается остального… — Он приподнял чёрную бровь. — Ибра? От кого именно я должен хранить это в тайне?

— В основном от ди Джиронала.

— О? Ди Джеррин может заинтересоваться. Там есть что-нибудь для него?

— Думаю, нет, — и Кэсерил, помолчав немного, неохотно добавил: — В некотором роде это секрет и от Орико.

Палли выпрямился, склонил голову набок. Голос его стал тише:

— Поосторожнее, Кэс. Ну-ка скажи, что за хомут ты примеряешь на мою шею? Это государственная измена?

— Хуже, — вздохнул Кэсерил, — теология.

— Что?

— Ох, чуть не забыл. — Кэсерил потёр переносицу, не понимая, болит голова сильнее или нет. — Скажи ди Джеррину, что обо всём происходящем на совете ди Джироналу докладывает какой-то шпион. Хотя он, может, уже понял это, я не знаю.

— Всё хуже и хуже. Тебе удаётся высыпаться, Кэс?

Горький смешок сорвался с губ Кэсерила.

— Нет.

— Знаешь, ты всегда начинаешь выглядеть как умирающий, когда переутомляешься и недосыпаешь. В общем, я никуда не поеду, пока ты будешь кормить меня исключительно тёмными намёками.

— Вскоре тебе представят полную информацию.

— Вот когда я получу полную информацию, тогда и решу.

— Что ж, всё ясно. — Кэсерил вздохнул. — Я поговорю с принцессой. Просто я не хотел предлагать ей человека, который может её подвести.

— Эй! — обиженно вскинулся Палли. — Когда это я кого подводил?

— Никогда, Палли. Именно поэтому я о тебе и

подумал, — усмехнулся Кэсерил и с тихим стоном поднялся на ноги. — Я должен вернуться в Зангр, — и он коротко рассказал о ране Тейдеса.

Лицо Палли приняло озабоченное выражение.

— Насколько он плох?

— Не знаю… — Осторожность пересилила желание быть откровенным. — Тейдес молод, силён, хорошо ест. Не вижу причин, по которым он не смог бы одолеть это заражение.

— Пятеро богов, Кэс, он — надежда своего Дома. Что делать Шалиону, если он не выкарабкается? Ещё и Орико слёг.

Кэсерил замялся.

— Орико… уже какое-то время был нездоров, но я уверен, ди Джиронал даже не предполагал, что оба брата слягут одновременно, в течение одной недели. Можешь сообщить ди Джеррину, что канцлер будет очень занят эти несколько дней. Если лорды-дедикаты хотят подать что-либо на подпись Орико в обход ди Джиронала — сейчас для этого самый подходящий момент.

Он кивал в ответ на призывы Палли соблюдать осторожность, но отказаться от эскорта братьев ди Гьюра ему не удалось. И когда Кэсерил взбирался на холм к Зангру, мысли его, вертевшиеся исключительно вокруг того, как избавить Исель

от проклятия её Дома, постепенно свелись к одной, куда более простой — как бы не свалиться прямо под ноги этим усердным молодым людям и не вернуться домой на их крепких плечах.

По возвращении Кэсерил обнаружил на своём этаже многообещающее столпотворение. Врачи в зелёных одеждах и их помощники-служители входили и выходили. Слуги сновали туда-сюда с водой, бинтами, одеялами, простынями и серебряными кувшинами с загадочными напитками. Кэсерил собрался было узнать, чем он может быть полезен, но тут увидел появившегося из кабинета старшего настоятеля Менденаля с печальным и задумчивым лицом.

— Ваше преосвященство? — Кэсерил тронул его за пятицветный рукав. — Как там мальчик?

— Ах, лорд Кэсерил. — Менденаль встрепенулся и остановился. — Канцлер и принцесса снабдили меня пожертвованиями, чтобы я помолился за принца. Я как раз иду возложить их кошельки на алтарь.

— Вы думаете… молитвы пойдут на пользу? — «Вы думаете, хоть какие-нибудь молитвы идут на пользу?»

— Молитвы всегда идут на пользу.

«Увы, это не так», — хотел возразить Кэсерил,

но придержал язык.

Менденаль, перейдя на шёпот, добавил:

— А ваши могут быть особенно полезными. Сейчас.

Кэсерил этого, однако, не заметил.

— Ваше преосвященство, я ни к одному человеку в мире не испытываю такой ненависти, чтобы посметь навлечь на него результаты моих молитв.

— Ох, — смущённо пробормотал настоятель. Он выдавил улыбку и вежливо попрощался.

Принцесса Исель вышла в коридор и огляделась, ища глазами Кэсерила. Увидев, она подозвала его к себе.

Он поклонился.

— Принцесса?

Она тоже понизила голос — казалось, все здесь говорят шёпотом.

— Речь идёт об ампутации. Вы можете… не могли бы вы помочь держать его, если до этого дойдёт? Полагаю, вы знаете, что нужно делать?

— Конечно, принцесса.

Кэсерил сглотнул. Кошмарные воспоминания о полевых госпиталях всплыли в памяти. Он никогда не мог решить, с кем тяжелее иметь дело — с человеком, который пытается стойко пере-

нести операцию, или с человеком, чей рассудок не выдерживает мысли о предстоящем ужасе. Несравнимо легче, когда пациент ко времени начала операции пребывает в блаженной бессознательности.

— Скажите врачам, что я в их полном распоряжении. Их и лорда Тейдеса.

Он стоял в кабинете, прислонясь к стене, и слышал, как отреагировал мальчик на предложение ампутации. Похоже, Тейдеса можно было отнести ко второй категории пациентов. Он кричал и завывал, что не позволит кучке предателей и идиотов сделать из себя калеку, и швырялся вещами. Успокоил его только другой врач, высказавший мнение, что у принца не гангрена, а заражение крови — нос Кэсерила был вполне согласен с этим — и что в данном случае ампутация принесёт больше вреда, чем пользы. Таким образом, лечение было сведено к обычному кровопусканию, хотя по воплям Тейдеса вполне можно решить, что врачи всё же приступили к ампутации. Несмотря на то что рану промыли и обработали, температура не падала; слуги вёдрами таскали холодную воду, чтобы приготовить ванну в медном корыте, установленном в гостиной. Врачи собирались окунуть в неё Тейдеса.

Всех этих докторов, помощников и слуг было вполне достаточно, чтобы справиться с одним пациентом, и Кэсерил решил на некоторое время удалиться в свой кабинет. Там он развлёк себя, сочиняя едкие письма в городские советы, запаздывавшие с выплатами в бюджет принцессы Исель. Писать пришлось во все шесть городов. В своё оправдание городские советы присылали послания, в которых всё сваливалось на неурожай, разбойников, мор, стихийные бедствия и вороватость сборщиков налогов. Интересно, отдав доходы от этих городов в приданое Исель, рей просто хотел отделаться от наиболее злостных неплательщиков или во всём Шалионе царили такие беспорядки и разруха?

Вошли Исель и Бетрис, они выглядели бледными и измученными.

— Моему брату совсем худо, — призналась принцесса. — Мы собираемся установить алтарь и помолиться до обеда. Может, нам вообще следует отказаться от еды и попоститься?

— Мне кажется, нужны не молитвы других людей, а молитвы самого Тейдеса. И не о выздоровлении, а о прощении.

Исель покачала головой.

— Он вообще отказывается молиться. Он гово-

рит, что не виноват, что вся вина лежит на Дондо, а он никоим образом не хотел причинить Орико вред. И те, кто утверждает обратное, — мерзкие клеветники.

— А кто-нибудь так считает?

— Никто не высказывал этого принцу в лицо, но среди слуг расползаются странные слухи — нам сказала Нан, — ответила Бетрис.

Исель нахмурилась.

— Кэсерил… такое возможно?

Кэсерил поставил локти на стол и потёр разламывающийся от боли лоб.

— Не со стороны Тейдеса. Я верю тому, что он говорит, — это идея Дондо. Что же касается Дондо, насчёт него я готов поверить чему угодно. Посмотрите на дело с его позиций: он женится на сестре Тейдеса, затем помогает Тейдесу взойти на престол, пока мальчик ещё несовершеннолетний. Глядя на Мартоу, Дондо понимает, какой властью обладает человек, сидящий у рея за пазухой. Не знаю уж, как он рассчитывал расправиться с Мартоу, но я уверен, что Дондо метил на место канцлера — возможно, регента — Шалиона. Может быть, даже и рея Шалиона, смотря какую дьявольскую судьбу он уготовил бы Тейдесу.

Исель прикусила нижнюю губу.

— А я думала, что вы спасли только *меня.* — Она коротко дотронулась до плеча Кэсерила и прошла к себе.

Кэсерил сопровождал дам, когда те перед обедом отправились нанести визит Орико. Рею хоть и не полегчало, но и не стало хуже. Он сидел на свежезастеленной кровати и слушал, как рейна Сара читает вслух. Орико с надеждой поведал об улучшении в правом глазу — теперь он, кажется, мог различать им движущиеся предметы. Кэсерил подумал, что водянка — довольно точный диагноз. И без того отёчное тело рея распухло ещё сильнее; бледный след от пальца на его полной щеке был виден ещё долгое время. Исель не стала говорить ему о болезни Тейдеса, но, уходя, задержалась в приёмной с рейной Сарой и рассказала ей всё откровенно. Сара плотно сжала губы и промолчала; Кэсерил решил, что по крайней мере один человек точно не будет молиться за запутавшегося глупого мальчишку.

После ужина температура у Тейдеса поднялась ещё выше. Он больше не сопротивлялся и не жаловался, впал в апатию.

За пару часов до полуночи мальчик как будто уснул. Совершенно измученные Бетрис и Исель наконец покинули его спальню и поднялись к

себе немного отдохнуть.

Ближе к полуночи Кэсерил, будучи не в силах уснуть в ожидании уже ставших привычными криков и приступов боли, вернулся в покои принца. Главный врач собирался дать мальчику жаропонижающий сироп, только что сваренный и доставленный запыхавшимся помощником. Но им не удалось разбудить мальчика.

Кэсерил поспешил наверх и доложил об этом сонной Нан ди Врит.

— Ну, Исель ничем не сможет помочь, — поразмыслив, сказала та. — Бедная девочка только что уснула. Может, позволим ей поспать?

Кэсерил поколебался, затем сказал:

— Нет.

Обе уставшие, встревоженные девушки снова оделись и быстро проследовали в заполненную людьми гостиную Тейдеса. Прибыл канцлер ди Джиронал, вызванный из своего дворца.

Ди Джиронал хмуро взглянул на Кэсерила и поклонился Исель.

— Принцесса, комната больного — не место для вас. — Кислый взгляд в сторону Кэсерила как будто говорил «и вас также».

Исель прищурилась, но ответила спокойно и с достоинством:

— Ни у кого нет на это большего права и большей обязанности.

И после короткой паузы добавила:

— Кроме того, я должна быть свидетельницей вместо нашей матери.

Ди Джиронал вздохнул, что, безусловно, было лучше любых слов.

«Свои пожелания он мог благополучно приберечь для иного места и времени», — подумал Кэсерил. Ему ещё представится масса возможностей.

Ледяной компресс не снижал жара, и даже уколы иголками не будили Тейдеса. Встревоженные врачи покрылись холодным потом, когда тело мальчика вдруг судорожно дёрнулось. Дышал он ещё более прерывисто и хрипло, чем Умегат. В коридоре квинтет пел псалмы — по одному голосу от каждого ордена. Голоса сливались и разносились эхом — пронзительно красивый фон для страшного события.

Затем голоса смолкли. И когда стало тихо, Кэсерил понял, что в спальне больше не слышно громкого, тяжёлого дыхания. Никто не шевелился и не произносил ни слова. Один из врачей с усталым, мокрым от слёз лицом вышел в кабинет и позвал ди Джиронала и Исель выступить в

качестве свидетелей. В комнате Тейдеса послышались и снова затихли голоса.

Оба побледневших свидетеля вышли из спальни. Ди Джиронал был потрясён — по-видимому, как понял Кэсерил, канцлер был уверен, что мальчик выкарабкается. Лицо Исель, белое как мел, ничего не выражало. Вокруг неё злобно клубилась густая чёрная тень.

Все в кабинете повернулись к принцессе, подобно стрелкам компаса. У Шалиона появилась новая наследница.

Глава 20

Красные от усталости и горя глаза Исель были сухи. У Бетрис, которая подошла поддержать её, по лицу катились слезы. И трудно было сказать, кто на самом деле на кого опирался.

Канцлер ди Джиронал прочистил горло.

— Я отнесу эту печальную весть Орико, — и запоздало добавил: — Позвольте мне послужить вам в этом, принцесса.

— Да… — Исель слепо огляделась. — Пусть все эти добрые люди займутся своими делами.

Брови ди Джиронала сошлись на переносице, словно в его мозгу зароились сотни мыслей одновременно и он никак не мог выбрать, на какой из них остановиться. Он посмотрел на Бетрис, потом на Кэсерила.

— Ваш бюджет и ваша свита… их нужно увеличить, чтобы они соответствовали вашему новому положению. Я займусь этим.

— Я не могу думать об этом сейчас. Скоро наступит утро. Милорд канцлер, оставьте меня с моим горем до вечера.

— Конечно, принцесса. — Ди Джиронал покло-

нился и повернулся к выходу.

— Да, — добавила Исель, — прошу вас не посылать гонца к моей матери, пока я сама не напишу ей письмо.

Ди Джиронал обернулся в дверях и, остановившись, ещё раз согласно кивнул.

— Конечно.

Когда Бетрис повела Исель к двери, принцесса на ходу прошептала Кэсерилу:

— Поднимитесь ко мне через полчаса. Я должна подумать.

Он склонил голову.

Толпа придворных в кабинете и гостиной постепенно рассосалась, остался только секретарь Тейдеса, неуверенно и беспомощно переминавшийся с ноги на ногу. Стройный печальный хор голосов в коридоре допевал последний псалом — теперь уже провожая душу из этого мира, затем голоса смолкли, певцы удалились.

У Кэсерила так болели голова и живот, что он не мог понять, какая боль сильнее. Он проскользнул в свою спальню в конце коридора, запер дверь и подвергся бешеной ночной атаке Дондо, который, как сообщило ему сведённое судорогами тело, не мог больше ждать.

Знакомые спазмы, как обычно, согнули его по-

полам, но, что удивительно, Дондо был странно молчалив. Неужели он тоже обескуражен смертью Тейдеса? Если Дондо собирался уничтожить мальчика вслед за Орико, то всё вышло, как он хотел, — правда, слишком поздно, чтобы смерть принца послужила той цели, которую ди Джиронал преследовал при жизни.

Его молчание Кэсерила отнюдь не успокаивало. Обострившееся восприятие говорило ему, что он не избавлен от зловещего присутствия Дондо и дух того по-прежнему заперт внутри. Голодный. Обозлённый. Может, Дондо задумался? Склонность к размышлениям никогда не была его сильной чертой. До сих пор. Возможно, потрясение от собственной смерти уже прошло — и осталось… что? Ожидание. В засаде. Как будто он подстерегает дичь. Что ж, при жизни Дондо был опытным охотником.

Кэсерилу пришла в голову мысль, что если у демона была единственная задача — поскорее заполнить оба свои ведра душами и вернуться к господину, то Дондо наверняка не разделял это стремление. Живот его злейшего врага был для него ненавистной тюрьмой, но ни очистительный ад Бастарда, ни леденящее душу беспамятство отверженных богами призраков

не являлись для него желанной альтернативой. Какой именно вариант существовал ещё, Кэсерилу представить было довольно сложно, но он был совершенно уверен, что если Дондо пытается найти физическую форму и вновь воплотиться в этом мире, то его, Кэсерила, тело более всего подходит для этой цели. Так или иначе. Он положил руки на живот, в сотый раз пытаясь определить, насколько быстро растёт опухоль.

Судороги прошли, миновала мучительная четверть часа в ожидании кошмара. Кэсерил вспомнил о просьбе Исель. Писать письмо Исте, сообщая о трагической смерти её сына, — занятие не из лёгких; неудивительно, что принцесса ждёт от него помощи. Не чувствуя себя готовым к этой миссии, Кэсерил тем не менее считал своей обязанностью выполнить всё, чего бы ни потребовала от него Исель в своём горе. Он выпрямился, встал и отправился наверх.

Исель уже сидела в его кабинете за столом, перед ней были разложены его лучшие перья, бумага, чернила и воск для печатей. По всему кабинету горело множество свечей, разгоняя ночные тени. Бетрис пересчитывала и выкладывала странной маленькой кучкой на квадратный лоскут шёлка украшения: кольца, броши и нить

светлых, блестящих жемчужин, подаренную Дондо, которую Кэсерил не успел ещё отнести в храм.

Исель сидела нахмурившись, глядя на чистый белый лист, и нервно теребила на пальце кольцо с печаткой. Она подняла глаза и тихо произнесла:

— Вы уже здесь? Хорошо. Закройте дверь.

Он запер дверь.

— К вашим услугам, принцесса.

— Молюсь, чтобы это было так, Кэсерил. Молюсь. — Её глаза внимательно рассматривали его.

Бетрис взволнованно проговорила:

— Он так болен, Исель. Ты уверена?

— Я не уверена ни в чём, но времени совсем не осталось. И выбора тоже. — Она тяжело вздохнула. — Кэсерил, я хочу, чтобы завтра утром вы отправились в Ибру как мой посланник, чтобы договориться о свадьбе с принцем Бергоном.

Кэсерил заморгал глазами.

— Канцлер ди Джиронал ни за что не позволит мне уехать.

— Конечно, вы поедете тайно. — Исель нетерпеливо взмахнула рукой. — Сначала поскачете в Валенду — это почти по дороге, — как мой личный гонец, чтобы передать нашей матери известие о

кончине моего брата. Ди Джиронал с радостью согласится на ваш отъезд, он даже выдаст вам курьерский жезл, что позволит вам пользоваться курьерскими лошадьми. Вы же знаете, что уже к полудню он собирается пополнить мою свиту и наверняка наводнит мои покои шпионами.

— Это было ясно с самого начала.

— После того как вы доберётесь до Валенды и выполните своё первое задание, вы не вернётесь в Кардегосс, а отправитесь в Загосур или туда, где сейчас находится принц Бергон. Я же здесь, в свою очередь, буду настаивать, чтобы Тейдеса похоронили в Валенде, в его любимом доме.

— Тейдес не мог дождаться случая, чтобы выбраться оттуда, — заметил Кэсерил, начиная чувствовать головокружение.

— Да, но ди Джиронал этого не знает, не так ли? Канцлер не позволит мне уехать из Кардегосса и вырваться из-под его опеки по любому другому поводу, но он не сможет вслух подвергнуть сомнению святость семейных уз. Я буду просить Сару поддержать мой проект — это первое, что я сделаю утром.

— Вы сейчас в двойном трауре — и по своему брату, и по его. Он не может предложить вам другого кандидата в мужья в течение нескольких

месяцев.

Она покачала головой.

— Час назад я стала надеждой Шалиона. Ди Джиронал не может выпустить меня из рук, если он собирается управлять государством и в будущем. Значение имеет не мой траур по Тейдесу, а тот миг, когда начнётся мой траур по Орико. Именно тогда — но не раньше — я попаду в его власть и буду ему полностью подчинена. Если только прежде не выйду замуж. Уехав из Кардегосса, я не собираюсь возвращаться. По нынешней погоде кортеж с телом Тейдеса будет добираться до Валенды не одну неделю. А если погода будет благоприятствовать поездке, я найду другие способы задержаться. К тому времени, как вы вернётесь с принцем Бергоном, я буду в безопасности в Валенде.

— Подождите, подождите… что я сделаю? *Вернусь* с принцем Бергоном?

— Ну конечно же! Вы должны привезти его ко мне. Сами посудите — если я покину Шалион, чтобы выйти замуж в Ибре, ди Джиронал объявит меня мятежницей и вынудит вернуться во главе иностранной армии. Но если я с самого начала захвачу мою землю, мне никогда не придётся отбивать её обратно. Вы сами научили меня этому!

«Я?..»

Она наклонилась вперёд, чётко выговаривая каждое слово:

— Да, у меня будет принц Бергон, но я не отдам Шалион, чтобы заполучить его, ни пяди земли! Ни ди Джироналу, ни Лису! Это мои условия. Бергон и я предоставим друг другу только почётные короны. Полномочия Бергона в Шалионе будут как у принца-консорта, а у меня в Ибре — как у принцессы-консорты, совершенно одинаковые. Наш будущий сын — будь на то воля Отца и Матери — когда-нибудь унаследует и объединит обе короны. Но моя власть в Шалионе должна быть *моей,* а не властью супруги правителя. Я не собираюсь превращаться в Сару, обычную покинутую жену, не имеющую права слова на собственных советах!

— Лис захочет большего.

Она вздёрнула подбородок.

— Поэтому моим посланником можете быть только вы и никто другой. Если вы не сможете договориться с Бергоном, не ущемляя моего будущего суверенитета, возвращайтесь домой. Тогда, когда Орико умрёт, я сама подниму знамёна против ди Джиронала. — Она сурово сжала губы, чёрная тень клубилась над её головой. — Прокля-

тие там, не проклятие… но я не собираюсь ждать, пока ди Джиронал взнуздает меня, как кобылицу, и поскачет, куда ему вздумается.

Да, у Исель были выдержка, воля и разум, чтобы противостоять ди Джироналу, какими Орико не обладал и какими никогда не обзавёлся бы Тейдес. В её глазах Кэсерил увидел ощетинившиеся копьями армии, возглавляемые Исель; они были черны, словно облака дыма над горящим городом. Вот, значит, как проявится проклятие у этого поколения — не в виде личного несчастья, а в виде гражданской войны между королевой и её дворянами, войны, охватившей всю страну.

А ведь принцесса могла бы отказаться и от Дома, и от проклятия и перейти под защиту Бергона…

— Я поеду, принцесса.

— Хорошо. — Она откинулась назад и провела ладонью по белому листу бумаги. — Сейчас нам нужно составить несколько писем. Первое — ваши верительные грамоты для Лиса. Полагаю, они должны быть написаны моей рукой. Вы имели дело с доверенностями и прочими документами. И должны помочь мне подобрать нужные слова, чтобы я не выглядела невежественной девчонкой.

— Я сделаю всё от меня зависящее, но я же не законник, Исель.

Она пожала плечами.

— Если мы добьёмся своего, у меня будут мечи, чтобы подкрепить мои слова. Ну а если нет — не помогут никакие хитрости законников. Пусть всё будет просто и ясно. Приступим…

Изнурительная четверть часа сосредоточенности, искусанных губ, перечёркиваний, и вот результат — чёткое письмо, которое Исель размашисто подписала и запечатала своей печатью. Бетрис тем временем закончила подсчёт имевшихся в наличии средств — денег и украшений.

— Это все деньги, что у нас есть? — спросила Исель.

— К сожалению, да, — вздохнула Бетрис.

— Ну, тогда ему придётся зайти в Валенде к ювелиру. — Исель завязала драгоценности в узелок и подвинула их через стол к Кэсерилу. — Ваш кошелёк, милорд. Надеюсь, этого хватит, чтобы проделать путь туда и обратно.

— Более чем достаточно, если меня не обворуют.

— Это чтобы тратить, а не хранить. Вы должны произвести в Ибре хорошее впечатление. Приоденьтесь. Кроме того, принц Бергон должен

путешествовать с приличествующими его и моему рангу удобствами, чтобы Шалиону было не стыдно.

— Путешествие будет трудным, я имею в виду — без армии. Я подумаю над этим. Многое зависит от случайностей. Да, чуть не забыл — нам нужно выработать способы связи. Ди Джиронал и его шпионы постараются прочитать все получаемые вами письма.

— О!

— Есть один очень простой шифр, который почти невозможно раскрыть. Для него нужны две одинаковые книги — одна будет у меня, вторая у вас. Слова шифруются тремя числами — номер страницы, номер строки и номер слова в строке, — по которым получатель и находит нужное слово в своей книге. Нет надобности использовать постоянное число для одного слова — лучше поискать номера на другой странице, если возможно. Есть и лучшие шифры, но у нас нет времени выбирать. Правда… у меня нет двух одинаковых книг.

— Я найду две книги до вашего отъезда, — подала голос Бетрис.

— Спасибо. — Кэсерил потёр лоб.

Было безумием бросаться в такую авантюру:

ехать больному, с возможностью кровотечения, зимой через горы. Он может просто упасть с лошади и замёрзнуть в снегах, и его вместе с лошадью и верительными грамотами съедят волки…

— Исель, моё сердце жаждет исполнить вашу волю, но моё тело — это территория, оккупированная врагом. Я боюсь, что могу погибнуть в пути и не выполнить миссию. Мой друг, марч ди Паллиар, — отличный наездник и хороший воин. Могу я предложить его вместо себя?

Исель задумалась.

— Думаю, что в Ибре будет битва умов, за руку Бергона с Лисом придётся сражаться. Это не бой на мечах. И лучше послать в Ибру разум, а меч придержать в Шалионе.

Хорошая мысль — всё-таки Бетрис и Исель не останутся без защиты, при них будет сильный друг… да не один.

— Могу я привести его завтра на наш совет?

Исель переглянулась с Бетрис; Кэсерил не заметил никакого обмена знаками, но принцесса кивнула.

— Да, приведите его ко мне как можно скорее.

Принцесса пододвинула к себе очередной лист бумаги и взяла новое перо.

— Теперь я напишу личное письмо Бергону,

которое вы доставите в Ибру запечатанным. А потом, — из груди её вырвался печальный вздох, — письмо моей матери. Думаю, тут вы мне ничем не поможете. Попытайтесь поспать, пока есть возможность.

Кэсерил поднялся и откланялся.

Подойдя к двери, он услышал, как принцесса мягко добавила:

— Я рада, что именно вы доставите ей эту новость, Кэсерил, а не казённый курьер канцелярии. Хотя это будет очень тяжело. — Она снова вздохнула и принялась писать. Пламя свечей придавало её янтарным волосам вид ореола вокруг сосредоточенного лица. Оставив принцессу в залитой светом комнате, он вышел в темноту холодного коридора.

Кэсерил проснулся на рассвете от настойчивого стука в дверь. Выбравшись из постели и отперев дверь, он увидел на пороге не пажа с поручением, а Палли.

Обычно аккуратный, Палли выглядел так, будто одевался наспех и в темноте; волосы его были всклокочены после сна и торчали в разные стороны. Глаза были расширенными и тёмными, словно бездонные колодцы. Зевающие братья ди Гьюра выглядели заспанными, но довольными;

они улыбнулись Кэсерилу и заняли позиции по обе стороны двери в коридоре, а Палли бесцеремонно ввалился в комнату. Кэсерил взял одну из стоявших у кровати свечей и протянул Ферде, который был повыше ростом, чтобы тот зажёг её от светильника на стене коридора. Затем Ферда передал горящую свечу своему лорду и командиру. Руки Палли слегка дрожали. Но он молчал, пока дверь за ними не закрылась.

— Демоны Бастарда, Кэс! В чём дело? — набросился он на друга.

— Какое именно? — несколько смущённо спросил Кэсерил.

Палли зажёг свечи возле умывальника и повернулся к хозяину.

— Молись о наставлении, сказал ты. Во сне, стало быть. Этой ночью меня во сне убивали пять раз, да будет тебе известно. Всю ночь куда-то скакал. Каждый раз всё ужаснее. В последнем сне меня съели мои же лошади. Да я теперь неделю не сяду верхом — ни на лошадь, ни на мула, ни даже на пони!

— Ох. — Кэсерил заморгал, переваривая услышанное. Как будто всё ясно. — В таком случае я не хочу, чтобы ты ехал.

— Какое облегчение!

— Я должен поехать сам.

— Поехать? Куда? В такую погоду? Сейчас, между прочим, идёт снег.

— Ох, только этого не хватало. Ты ещё не знаешь? Принц Тейдес умер около полуночи от заражения крови.

Лицо Палли вытянулось, рот приоткрылся.

— Это всё меняет в Шалионе.

— Ещё бы. Позволь мне одеться, и пойдём со мной наверх. — Кэсерил торопливо ополоснулся ледяной водой и натянул вчерашнюю одежду.

Наверху они встретили Бетрис, тоже во вчерашнем лавандово-чёрном траурном платье. Было видно, что она так и не ложилась спать. Кэсерил затащил братьев ди Гьюра в свой кабинет, чтобы они не маячили на виду у всех в коридоре, и закрыл их там. Сам же вместе с Палли прошёл в гостиную.

Бетрис коснулась рукой запечатанного пакета на маленьком столике.

— Все письма готовы к отправке… — она кинула взгляд на Палли и замялась, — в Валенду.

— Исель спит? — спокойно спросил Кэсерил.

— Нет, просто отдыхает. Она захочет поговорить с вами. Обоими. — Бетрис на минуту скрылась в спальне, откуда донёсся приглу-

шённый разговор, затем снова вышла с двумя книгами под мышкой.

— Я спустилась в библиотеку рея и нашла два одинаковых тома. Выбрала самые толстые, чтобы было больше слов для выбора.

— Отлично, — сказал Кэсерил и взял одну из книг. Взглянув на неё, он вздрогнул и горько засмеялся. «Ордолл» — гласили золотые буквы на переплёте. «Пятилистник души». — Замечательно. Мне как раз нужно освежить свои теологические познания, — и он положил её рядом с пакетом писем.

Вышла Исель в тяжёлом синем бархатном платье, из-под которого выглядывала белая полоска ночной рубашки. Её янтарные волосы густыми волнами ниспадали на плечи. Лицо было бледным и припухшим от недосыпания, как и у Бетрис. Она кивнула Кэсерилу и Палли.

— Милорд ди Паллиар. Благодарю, что согласились мне помочь.

— Я… э-э… — пробормотал Палли. И взглянул искоса на Кэсерила, словно спрашивая: «На что это я согласился?»

— Он поедет вместо вас? — взволнованно спросила Бетрис. — Вам нельзя ехать, вы же знаете, нельзя.

— Э-э… нет. Палли, вместо этого я прошу тебя служить принцессе Исель и защищать её. Лично. Во имя богов и особенно во имя леди Весны. В этом нет никакой измены — она полноправная наследница Шалиона. Таким образом, ты имеешь честь стать её первым придворным.

— Я… я… я могу принести клятву верности в дополнение к той, что давал вашему брату Орико, леди. Я не могу поклясться в верности вам одной, минуя его.

— Я и не прошу вас быть верной мне в ущерб моему брату. Я прошу только быть верной прежде мне, а уж потом его канцлеру.

— О, тогда конечно. — Палли просиял. — С удовольствием.

Он поцеловал Исель в лоб, затем коснулся поцелуем обеих рук и ног, обутых в тапочки, и, встав на колени, принёс клятву верности лорда Шалиона, засвидетельствованную Кэсерилом и Бетрис. Затем, всё ещё на коленях, он спросил:

— Принцесса, что вы думаете о ди Джеррине как о новом священном генерале ордена Дочери?

— Я думаю… что пока не готова отдать кому-то предпочтение. Но он, с моей точки зрения, в любом случае гораздо больше подходит на этот пост, чем любой кандидат из клана ди Джиронала.

Палли кивнул, одобряя её взвешенные слова, и встал.

— Я ему передам.

— Исель на время похорон Тейдеса потребуется вся практическая помощь, какую ты только сможешь оказать, — сказал другу Кэсерил. — Он должен быть похоронен в Валенде. Могу я предложить ей включить твой паллиарский отряд в траурный кортеж? Это послужит формальным поводом для частых встреч и обеспечит твоё присутствие рядом с ней, когда она покинет Кардегосс.

— О, как вы быстро думаете, Кэсерил, — отметила Исель.

Кэсерил отнюдь не чувствовал себя быстрым. Напротив, ему казалось, что его мысли по сравнению с мыслями Исель понуро плетутся в тяжеленных сапогах, на которые налипло фунтов по двадцать грязи. Власть, перешедшая к ней прошлой ночью, словно освободила некую дремавшую внутри энергию; принцесса загорелась, запылала внутри своего тёмного кокона. Ему казалось, что если он закроет глаза, то увидит, что она действительно светится.

— Но неужели вы должны ехать один, Кэсерил? — печально спросила Бетрис. — Мне это

совсем не нравится.

Исель прикусила губу.

— До Валенды, видимо, придётся. Едва ли в Кардегоссе найдётся кто-нибудь, кому мы могли бы доверить стать его спутником. — Она посмотрела на своего секретаря с сомнением. — А в Валенде моя бабушка, возможно, предоставит вам людей. По правде говоря, вам не следует появляться перед Лисом одному, без сопровождения. Не хочу, чтобы мы выглядели отчаявшимися, — и она горько вздохнула, — хотя так оно и есть на самом деле.

Бетрис потянула её за бархатный рукав.

— А если он почувствует себя плохо в пути? Вдруг опухоль разрастётся ещё? И кто сожжёт его тело, если он умрёт?

Палли вздрогнул.

— Опухоль? Кэсерил! Что ещё за опухоль?!

— Кэсерил! Вы что, не сказали ему? Я думала, он ваш друг! — Бетрис повернулась к Палли. — Он собирается сесть на лошадь и скакать — скакать! — в Ибру с огромной, смертельно опасной опухолью в животе, без всякой возможности получить по дороге помощь! По мне, так это не смелость, а глупость. В Ибру ему поехать придётся, поскольку другой кандидатуры просто нет, но

ведь не одному же!

Палли выпрямился, прижал к губам большой палец и посмотрел на Кэсерила, прищурив глаза. Наконец он проговорил:

— Я так и знал, что ты болен. Ты плохо выглядишь.

— Да, но с этим уже ничего не поделать.

— Хм… а насколько плохо… то есть… э-э… ты…

— Умираю ли я? Да. Сколько мне осталось? Никому не известно. Этим моя жизнь несколько отличается от ваших, как заметил просвещённый Умегат, только и всего. Да и кто хочет умереть в постели?

— Ты. Ты всегда так говорил. Глубоким стариком, в постели, с чьей-нибудь женой.

— С моей желательно. — Кэсерил тяжело вздохнул. — Ну да ладно. — Ему удалось не взглянуть на Бетрис. — Моя смерть — это проблемы богов. Что до меня, я отправлюсь, как только будет осёдлана лошадь.

Кэсерил встал и взял в руки пакет и книгу. Палли взглянул на Бетрис, которая стояла, стиснув сплетённые пальцы, и умоляюще смотрела на него. Он что-то прошептал себе под нос, затем вдруг шагнул к двери в кабинет и резким движением распахнул её. Фойкс ди Гьюра — одно

большое ухо, прижатое к двери, — отскочил и, стремительно выпрямившись, улыбнулся своему командиру. Его брат Ферда, стоявший прислонясь к противоположной стене, фыркнул.

— Эй, мальчики, — мягко сказал Палли, — у меня для вас небольшое дельце.

Кэсерил, одетый в зимний костюм для верховой езды, прошёл через ворота Зангра в сопровождении Палли. Через плечо его был перекинут ремень седельной сумки, тяжёлой от уложенного в неё груза: смены одежды, капельки удачи, теологии и государственной измены.

Братья ди Гьюра уже топтались на конюшенном дворе. По приказанию Палли они успели сбегать во дворец ди Джеррина, переоделись из бело-голубых нарядных мундиров в дорожные костюмы и обули высокие удобные сапоги.

С ними была Бетрис, закутанная в белый шерстяной плащ. Они стояли, сблизив головы; девушка возбуждённо жестикулировала. Фойкс поднял глаза и увидел приближавшегося Кэсерила. Его широкое лицо стало серьёзным и несколько испуганным. Он что-то сказал, Бетрис оглянулась, и разговор резко оборвался. Братья повернулись и поклонились Кэсерилу. Бетрис не отрываясь смотрела на него, словно его лицо

было уроком, который она хотела запечатлеть в памяти.

— Ферда! — позвал Палли. Помощник шталмейстера тут же подскочил к командиру. Палли протянул ему два письма, одно запечатанное, другое — просто сложенное пополам.

— Это, — он вложил в руку юноши сложенное послание, — рекомендательное письмо от меня как от лорда-дедиката ордена Дочери, дающее тебе право пользоваться любой помощью наших сестёр в миссиях и храмах во время этого путешествия. Все счета пусть посылают ко мне в Паллиар. А это, — он вручил второе письмо, — вы должны будете вскрыть в Валенде.

Ферда кивнул и убрал бумаги. Второе письмо передавало именем Дочери братьев ди Гьюра в распоряжение Кэсерила, без всяких комментариев. Их путешествие в Ибру станет для ребят интересным сюрпризом.

Палли обошёл кузенов кругом, окинув их внимательным взглядом.

— Взяли достаточно тёплой одежды? Оружие против разбойников?

Они предъявили наточенные мечи и арбалеты — тетива защищена от сырости, запас стрел большой, механизмы в полном порядке. В воздухе

кружились редкие снежинки и, падая на землю и непокрытые головы людей, тут же таяли, превращаясь в маленькие капельки. Утренний снегопад только прибил пыль в городе. В холмах он наверняка был значительно сильнее.

Из-под плаща Бетрис извлекла что-то белое и пушистое. Кэсерил присмотрелся и понял, что это меховая шапка, какие носили шалионские горцы на юге, — с утеплёнными мехом наушниками, которые можно опускать и завязывать под подбородком. Мужчины и женщины носили почти одинаковые шапки, но эта явно была женской — из белой кроличьей шкурки, с вышитыми золотой ниткой цветочками на макушке.

— Кэсерил, я подумала, что в горах вам это может понадобиться.

Фойкс вскинул брови и осклабился, Ферда фыркнул в кулак.

— Миленькая, — сказал он.

Бетрис покраснела.

— Это единственное, что удалось найти за то время, которое у меня было, — защищаясь проговорила она. — Всё лучше, чем ехать с отмороженными ушами!

— Безусловно, — серьёзно произнёс Кэсерил. — У меня нет тёплой шапки. Спасибо.

Не обращая внимания на скалившихся юнцов, он принял подарок и, опустившись на колено, аккуратно уложил его в седельную сумку. Это был не просто жест признательности Бетрис, хоть он и улыбнулся невольно, услышав, как она шикнула на Ферду. Ничего, когда братья столкнутся с зимним ветром в горах, их веселье быстро увянет.

Из ворот появилась Исель в бархатном плаще такого тёмного фиолетового оттенка, что он казался чёрным. Рядом, ёжась и дрожа, семенил служащий из канцелярии с пронумерованным курьерским жезлом. Ему требовалась подпись Кэсерила в книге учёта. Получив её, чиновник захлопнул книгу и, ссутулившись, быстро побежал обратно в тепло.

— Это ди Джиронал распорядился? — поинтересовался Кэсерил, засовывая жезл во внутренний карман. Жезл давал право его обладателю получать на курьерских постах канцелярии, расположенных вдоль основных дорог Шалиона, еду, свежих лошадей и чистую — правда, жёсткую и узкую — постель.

— Не ди Джиронал. Орико. Он пока ещё рей Шалиона, хотя мне пришлось освежить этот факт в памяти чиновников. — Исель тихо хмыкну-

ла. — Боги с вами, Кэсерил.

— Увы, да, — вздохнул он, прежде чем понял, что это не констатация факта, а прощание и пожелание доброго пути.

Он поклонился и поцеловал её замёрзшие ладони. Бетрис украдкой смотрела на него. Кэсерил поколебался немного, откашлялся и взял её за руки. Пальцы её, когда он прикоснулся к ним губами, обхватили его руки; Бетрис задохнулась на мгновение, но взгляд её был устремлён поверх головы Кэсерила. Он выпрямился и увидел, как съёжились под этим взглядом братья ди Гьюра.

Грум вывел трёх осёдланных курьерских лошадей. Палли пожал руки кузенам. Ферда взял поводья лошади, предназначенной для Кэсерила, — это был мускулистый жеребец, подходивший ему по росту. Крепыш Фойкс поспешил помочь и, когда Кэсерил, усевшись в седло, издал тихий стон, встревоженно спросил:

— С вами всё в порядке, сэр?

Они ещё даже не отъехали; *что* Бетрис им наговорила?

— Да, всё в порядке, — уверил его Кэсерил, — спасибо.

Ферда передал ему поводья, а Фойкс помог прикрепить ценные седельные сумки. Затем Ферда

легко вскочил на своего коня, его брат тоже забрался в седло, и они тронулись в путь. Кэсерил обернулся и увидел, как Исель и Бетрис возвращаются в замок через ворота. Бетрис оглянулась и высоко подняла руку, Кэсерил помахал ей в ответ. Затем лошади повернули за угол, и ворота скрылись из виду. Всадников, перелетая с крыши на крышу, провожал одинокий ворон.

На первой же улице они встретили канцлера ди Джиронала, который медленно ехал из своего дворца в сторону Зангра. Его сопровождали два пеших гвардейца. Судя по всему, он заезжал домой, только чтобы поесть, умыться, переодеться и разобрать наиболее срочную корреспонденцию. Канцлер наверняка спал не больше, чем Исель, — это выдавали его налитые кровью глаза и серое лицо. Ди Джиронал придержал коня.

— Куда это вы собрались, лорд Кэсерил, — он заметил лёгкие курьерские сёдла с эмблемой Шалиона — леопард и замок, — на лошадях моей канцелярии?

Кэсерил слегка поклонился в седле.

— В Валенду, милорд. Принцесса Исель решила, что скорбную весть её матери и бабушке не должен сообщать чужой человек, и отправила курьером меня.

— К безумной Исте, да? — Губы ди Джиронала скривились в ухмылке. — Не завидую вам.

— Да уж. — Кэсерил изобразил в голосе надежду. — Прикажите мне вернуться к Исель, я с радостью повинуюсь.

— Нет-нет. — Теперь усмешка ди Джиронала выражала удовлетворение. — Никто лучше вас не подойдёт для этой печальной миссии. Счастливого пути. Да! Когда вы собираетесь вернуться?

— Ещё не знаю. Исель хотела, чтобы я, прежде чем уехать, убедился, что с её матерью всё в порядке. Не думаю, что Иста спокойно воспримет весть о гибели сына.

— Конечно. Ну что же, будем ждать вас.

«Не думаю».

Обменявшись сдержанными кивками, они разъехались. Кэсерил оглянулся и увидел, что перед поворотом к воротам Зангра ди Джиронал тоже оглянулся. Канцлер знал, что никакая засада не остановит Кэсерила на курьерских лошадях. А возвращение — это другое дело.

«Правда, я не собираюсь возвращаться по этой дороге».

Что ещё? Он мысленно перебрал все возможные несчастья, которые могут посыпаться на них в результате провала. А какова будет его судьба,

если всё получится? Что делают боги с использованными святыми? Он никогда не сталкивался с этим, разве что только в случае с Умегатом… а его случай, прямо скажем, обнадёживал не слишком.

Они достигли городских ворот и въехали на мост через реку. Ворон Фонсы не последовал дальше, он уселся на ворота и несколько раз печально, пронзительно каркнул. Крик его отразился эхом в расщелине. Отвесные стены Зангра вздымались высоко вверх, омываемые снизу тёмными бурными потоками речной воды. Кэсерил с интересом подумал, стоит ли сейчас Бетрис у одного из замковых окон, глядя, как они проезжают по дороге. Он бы не увидел её отсюда — окна слишком высоко, да и в тени.

Его мысли были прерваны стуком копыт. Мимо проскакал возвращавшийся откуда-то курьер, лошадь его блестела от пота и тяжело дышала. Он — вернее, она махнула им рукой. Некоторые канцелярские шталмейстеры предпочитали женщин-курьеров, поскольку те выбирали менее рискованные пути, меньше весили и мягче обращались с лошадьми. Фойкс помахал в ответ и обернулся в седле, провожая взглядом её развевавшиеся на скаку чёрные косы. Кэсерил

подумал, что юноша восхищён не только мастерством наездницы.

Ферда подъехал к Кэсерилу поближе.

— Может, и нам перейти на галоп, милорд? — с надеждой спросил он. — День короток, а кони свежие.

«Ох, пятеро богов, зато я — нет».

Кэсерил вздохнул, терзаемый мрачными предчувствиями.

— Хорошо.

Он ударил коня пятками, и тот перешёл на лёгкий галоп. Дорога, пролегавшая через заснеженный сумрачный пейзаж, убегала, змеясь, в затянутое тучами небо и пропадала в неизвестности.

Глава 21

Они прибыли в Валенду вечером следующего дня. Смеркалось. Город на фоне серого неба казался чёрным. Сгущавшиеся на улицах тени тут и там расцвечивались оранжевыми сполохами факелов и огоньками свечей — искрами жизни и света. Свернув на Валенду, путники уже не могли поменять лошадей, поскольку тут не было почтовых станций — они остались на дороге к Тариону, так что последний перегон был для лошадей долгим и тяжёлым. Кэсерил с удовольствием отпустил поводья и позволил коню идти шагом по городским улицам и вверх по склону холма. Ему так хотелось остановиться, сесть на обочине и не шевелиться несколько дней. Совсем скоро ему предстоит сообщить матери, что её сын мёртв. Из всех испытаний, с которыми он рассчитывал столкнуться по дороге, это было наихудшим.

Они добрались до ворот замка провинкары слишком быстро. Охранники тотчас узнали его и с криками побежали звать слуг. Грум Деми принял его лошадь и первым задал вопрос: «Почему вы здесь, милорд?» Первым, но не последним.

— У меня послания для провинкары и леди Исты, — коротко ответил Кэсерил, наклоняясь к луке седла. Фойкс соскочил с лошади и ожидающе уставился на Кэсерила. Тот неторопливо перекинул ногу через круп и, освободив другую от стремени, спрыгнул вниз. Колени у него подогнулись, и он упал бы, если бы сильная рука не поддержала его под локоть. Они скакали очень быстро. Кэсерил устало подумал, как дорого ему придётся за это заплатить. Он немного постоял, пошатываясь, пока снова не обрёл равновесие.

— Сьер ди Феррей здесь?

— Он с провинкарой в городе, на свадебной церемонии, — ответил Деми. — Я не знаю, когда они собираются вернуться.

— Ох… — пробормотал Кэсерил. Он так устал, что не мог думать. Прошлой ночью он уснул на почтовой станции в те несколько минут, пока его помощники вели его к койке, и спал столь крепко, что даже не слышал Дондо. Ждать провинкару? Он собирался доложить сначала ей, чтобы она решила, как лучше преподнести страшную весть дочери.

«Нет. Это невыносимо. Надо разделаться с этим».

— В таком случае я встречусь с леди Истой.

Потом добавил:

— Лошадей нужно вычистить, накормить и напоить. Это Ферда и Фойкс ди Гьюра из благородной семьи Паллиара. Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы им дали… всё. Мы не ели…

И не мылись, но это и так было очевидно — шерстяная одежда промокла от пота и была заляпана дорожной грязью, руки чёрные, лица в грязных потёках. Пальцы Кэсерила, с рассвета державшие поводья на холодном ветру, не могли справиться с узлами седельной сумки. Фойкс взял это дело на себя и через минуту снял сумку с лошади. Кэсерил взял её, перекинул через руку и сказал:

— Теперь, пожалуйста, отведите меня к леди Исте. У меня для неё письма от принцессы Исель.

Слуга провёл его в новое здание. Они поднялись по лестнице. Слуге пришлось ждать, пока Кэсерил медленно взберётся по ступеням. Его ноги были словно налиты свинцом. Затем слуга и две присматривавшие за Истой дамы пошептались, и Кэсерил вошёл в покои вдовствующей рейны. Воздух был пропитан ароматом сухих цветочных лепестков, комната освещалась свечами и обогревалась камином. Кэсерил почувствовал себя огромным и неуклюжим в этой изящной

гостиной.

Иста в тёплых одеждах сидела на обложенной подушками скамье, её тусклые волосы были убраны в толстую косу, спадавшую на спину. Как и Сару, её окружала чернильная тень проклятия.

«Значит, я угадал».

Иста повернулась к нему, глаза её расширились, лицо застыло. Она наверняка знала, что произошло нечто ужасное, раз он так внезапно появился здесь. Сотни способов осторожно передать ей весть, которые он перебирал по дороге, под взглядом её тёмных огромных глаз вдруг куда-то исчезли из памяти. Любое промедление было теперь жестоким. Он упал перед ней на одно колено и, откашлявшись, сказал:

— Первое. С Исель всё в порядке. Помните об этом.

Он перевёл дух.

— Второе. Тейдес умер две ночи назад от заражения крови.

Две фрейлины, находившиеся в комнате, вскрикнули и прижались друг к другу. Иста же только вздрогнула, словно её пронзила невидимая стрела. Потом она глубоко вздохнула.

— Вы понимаете мои слова, рейна? — засомневавшись, спросил Кэсерил.

— О да.

Уголок её рта приподнялся, но это была не улыбка — гримаса, в которой сквозила жуткая ирония.

— Знаете, когда долго ждёшь чего-то, удар приходит как облегчение. Ожидание закончено. Теперь я могу перестать бояться. Вы в состоянии это понять?

Кэсерил кивнул.

После недолгого молчания, которое нарушали только всхлипывания одной из дам, она спокойно спросила:

— Как это произошло? Он получил рану на охоте? Или как-то… иначе?

— Не… совсем на охоте. Хотя в некотором роде… — Кэсерил облизнул обветренные губы. — Леди, вы видите во мне что-нибудь странное?

— Теперь я вижу только глазами. Я ослепла несколько лет назад. А вы видите?

Кэсерил сразу понял, что она имеет в виду.

— Да.

Иста кивнула и выпрямилась.

— Я так и думала. Сразу заметно, когда кто-то видит тем зрением.

Женщины тут же подошли к Исте и сказали преувеличенно нежными голосами:

— Леди, вам, наверное, пора лечь отдохнуть. Ваша матушка скоро вернётся…

Она послала Кэсерилу многозначительный взгляд через плечо; естественно, женщины решили, что у Исты начинается очередной приступ безумия. А была ли Иста безумной? Хоть когда-нибудь?

Кэсерил подошёл к ним ближе.

— Пожалуйста, оставьте нас. Мне необходимо переговорить с рейной с глазу на глаз об очень важном деле.

— Сэр… милорд… — Дама выдавила фальшивую улыбку и зашептала ему на ухо: — Мы не отваживаемся оставлять её одну в такое время — она может повредить себе.

Кэсерил выпрямился во весь свой немалый рост и, взяв обеих дам под руки, мягко, но непреклонно вывел их из комнаты.

— Я возьму на себя заботу о рейне. Вы можете подождать здесь, в этой комнате, и если вы мне понадобитесь — я вас позову. Хорошо? — Он закрыл двери, не слушая возражений.

Иста ждала неподвижно, двигались только её руки, державшие кружевной носовой платок, который она начала складывать всё более мелким квадратиком. Кэсерил опустился на пол рядом

с ней и скрестил ноги. Лицо рейны было белым как мел, глаза расширены.

— Я видел призраков Зангра.

— Да.

— Более того. Я видел тёмное облако, которое нависло над вашим Домом. Проклятие Золотого Генерала, наследие Фонсы.

— Да.

— Оно сейчас есть и над вами.

— Да.

— И над Орико, и над Сарой. Исель… и Тейдес.

— Да. — Она склонила голову набок и устремила взгляд куда-то вдаль.

Кэсерилу пришло в голову, что она слишком потрясена — ему приходилось видеть, как во время боя люди, получившие смертельную рану, вместо того чтобы пасть мёртвыми или без сознания, ещё двигались какое-то время, а порой и творили совершенно невероятные вещи. Её спокойствие и связная речь — не следствие ли это подобного шока, который вскоре пройдёт, и не надо ли ему подготовиться к взрыву? А была ли речь Исты когда-нибудь бессвязной?

«Может, он просто не понимал её?»

— Орико очень болен. Как я вижу своим внутренним зрением, он уже стал частью этого

чёрного клубка. Но, леди, пожалуйста… пожалуйста, расскажите мне, как вы обо всём узнали? Что, когда и как вы видели? Я должен понять. Потому что я думаю… вернее, боюсь… я получил это видение, то есть оно свалилось на меня для того, чтобы я действовал. Но никто не объяснил мне, что я должен делать. Даже внутреннее зрение не в силах пробиться через этот мрак.

Брови рейны медленно приподнялись.

— Я могу рассказать вам правду, но не могу дать объяснений, ибо как можно дать то, чем не владеешь? Я всегда говорила правду.

— Да, теперь я понимаю. — Он вздохнул. — А вы когда-нибудь рассказывали об этом всё?

Она изучающе глядела на Кэсерила, покусывая нижнюю губу. Дрожащие руки, принадлежавшие как будто другой женщине, а не Исте, которая сидела со спокойным, почти неподвижным лицом, начали разворачивать плотный комочек платка на колене. Она медленно кивнула; голос её, когда она заговорила, был так тих, что Кэсерил наклонил голову набок, прислушиваясь и боясь пропустить хоть слово.

— Всё началось, когда я была беременна Исель. Видения. Внутреннее зрение то появлялось, то исчезало. Я думала, это влияние беременности

— некоторые женщины бывают такими странными, когда носят дитя. Меня убедили в этом врачи, и я успокоилась. На время. Я видела летающих слепых призраков. Видела тёмное облако вокруг Иаса и юного Орико. Я слышала голоса, во сне мне являлись боги, Золотой Генерал, Фонса и два его доверенных помощника, сгоревших в башне. Я видела Шалион, пылающий, как та башня. После рождения Исель всё кончилось. Я решила, что во время беременности была не в себе, а теперь выздоровела.

Глазами самого себя не увидишь, даже внутренним зрением. Ему всё это объяснил Умегат — Кэсерил считал это настоящим подарком. Что было бы с ним сейчас, пытайся он найти объяснение необъяснимому?!

— Потом я снова забеременела… Тейдесом. И видения возобновились, только были гораздо страшнее, чем прежде. Я боялась, что схожу с ума, и это было невыносимо. Только когда я пригрозила покончить с собой, Иас признался мне, что дело в проклятии, и рассказал мне о нём. Он всегда знал правду.

Каково это — когда тебя предаёт тот, кто знает правду, но скрывает её, оставляя тебя в бездне отчаяния и страха?

— Я была в ужасе, осознав, что принесла двух детей в мир, где их поджидала такая опасность. Я молилась и молилась богам об избавлении от проклятия, просила сказать мне хотя бы, как справиться с ним, чтобы не пострадали невинные. Когда я уже была на сносях, ко мне пришла Мать Лета. Это было не видение, и я не спала — всё произошло среди бела дня, я бодрствовала. Она стояла так близко от меня, как вы сейчас, и я опустилась на колени. Я могла дотронуться до её одежд, если бы осмелилась. Её дыхание было, как аромат полевых цветов на летнем лугу. Её лицо было так прекрасно, что мои глаза даже не могли понять её красоту — словно я смотрела на солнце. Её голос был музыкой.

Черты лица Исты смягчились; даже теперь мир и благодать той сцены отразились на её лице — вспышкой красоты, как блик солнца на тёмной воде. Затем брови её снова сошлись, лицо помрачнело, и она заговорила, наклонясь вперёд, сделавшись — если это было возможно — ещё беспокойнее.

— Она сказала, что боги пытаются снять проклятие, потому что оно не принадлежит нашему миру — это последствия их дара Золотому Генералу, которым он неправильно распорядился.

Ещё она сказала, что боги могут снять проклятие только через человека, который по свободной воле трижды отдаст свою жизнь во имя Дома Шалиона.

Кэсерил заколебался. Голос рейны стал таким тихим, что его мог заглушить даже звук его дыхания. Он чувствовал себя дураком и ругал себя за это, но не смог удержаться от вопроса:

— Э-э… а не ошибка ли это — может быть, три человека одновременно, а не один?

— Нет. — Её губы снова скривились в странной, ироничной не-улыбке. — В том-то и проблема.

— Я… не понимаю. Может, это какой-то обман, а не… пророчество?

Она на миг разжала руки, затем опять принялась складывать платок.

— Я сказала Иасу, а он, конечно, рассказал лорду ди Льютесу. От ди Льютеса Иас ничего не скрывал, только от меня. Только от меня.

Любопытство взяло над Кэсерилом верх. Теперь они были товарищами по… святости, или что это там такое, и ему было очень легко разговаривать с Истой. Как святой со святым, душа с душой. Удивительное мгновение хрупкой, почти неуловимой близости, куда более загадочной и полной, чем между любовниками. Он начал понимать,

почему Умегат вцепился в него с отчаянием изголодавшегося человека.

— А какими были в действительности их отношения?

Она пожала плечами.

— Они стали любовниками ещё до моего рождения. Кто я была такая, чтобы судить их? Ди Льютес любил Иаса, я любила Иаса. Иас любил нас обоих. Он так старался принять на себя бремя всех своих погибших братьев и отца — Фонсы. Он сводил себя в могилу этими стараниями и хлопотами, но жизнь всё равно шла наперекосяк — всё было не так, раз за разом.

Она заколебалась, и Кэсерил испугался на мгновение, что неосторожным словом или движением разрушил их близость. Но, похоже, она просто успокаивала… не свои мысли, а своё сердце, так как продолжила рассказ ещё более тихим голосом:

— Я не помню точно, кому первому пришла в голову эта мысль. Мы разговаривали как-то вечером вскоре после рождения Тейдеса. У меня ещё сохранялось зрение. Мы знали, что оба наших ребёнка отмечены тенью и бедняга Орико тоже. «Спасите моих детей, — плакал Иас, уронив голову на стол, — спасите моих детей». Тогда ди

Льютес сказал: «Я сделаю это из любви к тебе, я попытаюсь, отважусь на жертвоприношение».

Кэсерил прошептал:

— Но, пятеро богов, как?..

— Мы обсудили сотни способов, как можно убить человека и вернуть его к жизни, чтобы снова убить. Наконец мы решили остановиться на утоплении. Такой способ казался наименее калечащим, к тому же было много случаев, когда утопленников возвращали к жизни. Ди Льютес даже ездил узнавать об этом поподробнее.

У Кэсерила перехватило дыхание. «Утопление, о боги!» И самым хладнокровным образом… его руки тоже задрожали. Иста продолжала:

— Мы взяли с врача слово держать всё в тайне и спустились в подземелье Зангра. Ди Льютес позволил себя раздеть, связать по рукам и ногам и подвесить вниз головой над огромной бочкой. Мы опустили его в воду… и вытащили обратно, когда он уже перестал двигаться.

— И он умер? — тихо спросил Кэсерил. — Тогда обвинение в измене было…

— Конечно, умер, но не в последний раз. Мы оживили его, довольно быстро и просто.

— Ох.

— Это получилось! — Она сцепила пальцы. — Я

чувствовала — в проклятии появилось что-то вроде трещины. Но ди Льютес… у него не выдержали нервы. Он не захотел тонуть ещё раз. Он кричал, что я пытаюсь убить его из ревности. Тогда мы с Иасом… совершили ошибку.

Кэсерил уже понял, что произошло. Даже закрыв глаза, он не мог избавиться от вставшей перед ними картины. Он заставил себя открыть их и вновь посмотрел на Исту.

— Мы схватили его и совершили вторую попытку насильно. Он вопил и рыдал… Иас засомневался, а я закричала: «Мы должны! Подумай о детях!» И на этот раз, когда мы вынули его из бочки, он был мёртв, и никакие наши молитвы и слёзы не смогли его оживить. Иас был потрясён. Я была в ужасе. Моё внутреннее зрение погасло. Боги отвернулись от нас…

— Значит, обвинение в измене было ложным.

Совершенно ложным.

— Да. Этой ложью мы скрыли наш грех и объяснили, откуда взялся труп. — Она вздохнула. — Но его семье позволили унаследовать его состояние — ничего не конфисковали.

— Да, пострадала только его репутация. Его честь.

Честь, которая, как оказалось, была незапят-

нанной. Ни почестей, ни славы — остался только позор.

— Поначалу мы были потрясены, а потом уже поздно было что-то менять. Думаю, это больше всего угнетало Иаса ещё долгое время спустя. Он не хотел даже искать другого добровольца. А жертвоприношение должно быть добровольным, насильное умерщвление ничего не даст — только осознанная жертва. Иас замкнулся в себе и умер от горя и чувства вины. — Её руки натянули кружево, чуть не порвав платок. — Оставил меня с двумя маленькими детьми, без помощи и защиты от этой… чёрной… тени.

Она содрогнулась, задышала часто и глубоко, но не разрыдалась и не впала в истерику, как испугался было Кэсерил, уже напрягшийся и готовый позвать обеих ожидавших в другой комнате фрейлин.

Потом дыхание её выровнялось; Кэсерил расслабился.

— А вы, — спросила она наконец, — боги коснулись вас?

— Да.

— Сочувствую.

Горькая усмешка исказила его губы.

— О да, — он потёр затылок.

Его очередь исповедоваться. Он мог бы утаить правду. Но не от Исты. Бремя за бремя, рана за рану. Откровенность за откровенность.

— Что вы знаете о короткой помолвке Исель с покойным лордом Дондо ди Джироналом?

— Было два гонца — один за другим, так что мы даже не успели отпраздновать.

— Отпраздновать? Помолвку сорокалетнего с шестнадцатилетней?

Её подбородок вздёрнулся, совсем как у Исель, — у Кэсерила даже перехватило дыхание.

— Между мной и Иасом была ещё большая разница в возрасте.

Ах да. В таком случае у Исты несколько другой взгляд на вещи.

— Дондо — не Иас, миледи. Это был продажный, развратный негодяй, растратчик… и я больше чем уверен, что это он убил ди Санду, возможно, даже собственноручно. Они с братом Мартоу пытались подмять под себя весь Шалион — используя Орико, Тейдеса и Исель.

Иста коснулась рукой своего горла.

— Я встречала Мартоу при дворе. Он хотел стать следующим лордом ди Льютесом. Ди Льютес — ярчайшая, благороднейшая звезда, когда-либо блиставшая при дворе Шалиона. Мартоу вряд ли

достоин был бы чистить ему сапоги. С Дондо я никогда не встречалась.

— Дондо был сущим несчастьем. Я впервые встретился с ним несколько лет назад, и уже тогда он был негодяем. С возрастом же стал ещё хуже. Исель была в ужасе и ярости оттого, что её принуждали к браку с ним. Она молилась богам, чтобы её избавили от этого ужаса, но боги… боги молчали. Тогда за дело взялся я. Я выслеживал Дондо весь день, пытаясь убить ради неё, но так и не смог приблизиться к нему. Тогда я начал молиться Бастарду о чуде смертельной магии. И оно было мне даровано.

Глаза Исты изумлённо раскрылись.

— Почему вы не умерли?

— Полагаю, я всё же умирал. Придя в себя и обнаружив, что Дондо мёртв, а я нет, я не знал, что и думать. Но Умегат объяснил мне, что молитвы Исель призвали ещё одно чудо, и леди Весны освободила мою душу из лап демона, но только на время. Святой Умегат — тогда я ещё думал, что он грум…

Рассказ становился безнадёжно путаным. Кэсерил перевёл дух и поведал сначала об Умегате и зверинце — как они охраняли бедного Орико от проклятия.

— Однако Дондо незадолго до смерти, готовясь к свадьбе с Исель, сказал Тейдесу, что зверинец — злая рокнарская магия, призванная постепенно уничтожить Орико, и Тейдес поверил ему. Пять дней назад, собрав свою баосийскую охрану, принц убил почти всех священных животных Умегата и только по чистой случайности не стал убийцей самого святого. Тейдеса поцарапал умирающий леопард Орико — клянусь, это были обычные царапины! Если бы я только понял… Они загноились, началось заражение. Его конец был… — Кэсерил вспомнил, кому он это рассказывает, — …очень быстрым.

— Бедный Тейдес, — прошептала Иста, отведя взгляд. — Мой бедный Тейдес. Ты родился для того, чтобы тебя предали.

— В любом случае, — завершил Кэсерил, — из-за этого странного взаимодействия чудес демон смерти и душа Дондо заключены в моём теле, в моём животе. Заперты, словно в клетке, в некоем подобии опухоли, судя по всему. Когда они освободятся — я умру.

Искажённое горем лицо Исты разгладилось. Её глаза впились в лицо Кэсерила.

— Это будет уже два, — сказала она.

— А?.. Что?

Её руки оставили истерзанный платок и вцепились в его воротник. Взгляд рейны стал пронзительным, прожигающим насквозь, дыхание снова участилось.

— Вы ди Льютес Исель?

— Я… я… я… — забормотал Кэсерил; в животе похолодело.

— Дважды. Дважды. Но как быть с третьим разом? О… о… — Глаза Исты расширились, зрачки пульсировали. Губы дрожали. — Кто вы такой?

— Я… всего лишь Кэсерил, миледи! Не ди Льютес, я уверен. Я не богат, не силён, не могущественен. И даже не красив, боги свидетели. И не храбр, хотя, если меня загонят в угол, я, пожалуй, буду сражаться.

Она нетерпеливо отмахнулась.

— Отбросьте эти мелочи… обнажённый, связанный, вниз головой. Искренне. Навстречу смерти… не навстречу двум или трём. Одной.

— Я… это безумие. Это не тот путь, с помощью которого я надеюсь разрушить заклятие, уверяю вас.

Пятеро богов, только не утопление.

— У меня другой план спасения Исель.

Её глаза вопросительно остановились на нём, в них ещё сохранялось пугающее дикое выра-

жение.

— С вами говорили боги?

— Нет, я исхожу из здравого смысла.

Она выпрямилась на скамейке, отпустив, к облегчению Кэсерила, его воротник, и озадаченно нахмурилась.

— Здравый смысл? В этом деле?

— Сара и вы вышли замуж за представителей Дома Шалиона и получили их проклятие. Я думаю, Исель может с помощью замужества избавиться от него. Этот выход не годился ни для Орико, ни для Тейдеса, но теперь… Я еду в Ибру, чтобы устроить брак Исель с новым наследником Ибры, принцем Бергоном. Ди Джиронал постарается пресечь эту попытку — ведь это будет означать конец его власти в Шалионе. Исель собирается ускользнуть от него, сопровождая тело Тейдеса в Валенду, где он будет похоронен. — Кэсерил поведал о намерении Исель ехать с траурным кортежем и затем встретиться с Бергоном в Валенде.

— Возможно, — выдохнула Иста, — возможно…

Он не совсем понял, что она имела в виду. Рейна всё ещё смотрела на него очень странно.

— А ваша мать, — сказал Кэсерил, — она знает? О проклятии, о ди Льютесе?

— Я как-то пыталась рассказать ей. Она решила, что я окончательно спятила. Впрочем, не так уж плохо быть сумасшедшей. Есть свои преимущества: не нужно принимать никаких решений — ни что есть, ни во что одеваться, ни куда идти… кому жить, кому умирать… Можете сами попробовать. Просто скажите правду. Скажите людям, что вы беременны демоном и призраком, что ваша опухоль разговаривает с вами, а боги направляют ваши шаги, и увидите, что будет дальше. — Её смех не вызвал у Кэсерила желания присоединиться к веселью. Иста скривила губы. — Не нужно так тревожиться, лорд Кэсерил. Если я повторю вашу историю, вам нужно только опровергнуть мои слова, и все подумают, что безумна я, а не вы.

— Я… думаю, от вас уже достаточно отрекались, миледи.

Она прикусила губу и отвела взгляд. Её трясло. Кэсерил встал и тут вспомнил о сумке.

— Исель написала письма, одно вам, другое — вашей матери, и поручила мне их доставить. — Он залез в сумку, извлёк пакет и протянул Исте предназначенное ей письмо. Руки у него дрожали от голода и усталости. Помимо всего прочего. — Мне нужно пойти смыть с себя грязь и что-нибудь

съесть. К тому времени, когда вернётся провинкара, я, надеюсь, буду уже готов к встрече с ней.

Иста прижала письмо к груди.

— Что ж, тогда позовите ко мне моих фрейлин. Полагаю, теперь мне следует отдохнуть. Больше нет смысла бодрствовать…

Кэсерил резко поднял на неё глаза.

— Исель. Исель — вот причина не спать.

— Ах да. Ещё один заложник, которого нужно освободить. Тогда я смогу уснуть навеки. — Она наклонилась и ободряюще похлопала его по плечу. — Но сейчас мне нужно поспать. Я так устала. Мне кажется, я носила траур все эти годы — заранее, и во мне больше не осталось горя. Все слёзы пролиты.

— Я понимаю, леди.

— Да, вы понимаете. Это так странно.

Кэсерил подошёл к двери и позвал к рейне её всхлипывающих фрейлин. Иста сжала зубы и позволила им наброситься на себя с утешениями. Кэсерил подхватил свою сумку и вышел.

Умывание, переодевание и горячая еда сделали своё дело, восстановили силы Кэсерила, однако мысли его всё возвращались к разговору с Истой. Когда слуги усадили его в маленькой гостиной провинкары, чтобы он дождался хозяйку там, он

почувствовал себя признательным за возможность привести в порядок свои мысли. Для него разожгли огонь в камине. Изнывая от боли в каждой косточке, Кэсерил устроился в обложенном подушками кресле, потягивая изрядно разбавленное водой вино, и изо всех сил пытался не клевать носом. Старая леди вряд ли задержится на свадьбе надолго.

Она и впрямь появилась довольно скоро, в сопровождении своей кузины, леди ди Хьюлтер, и сурового ди Феррея. На провинкаре были зелёные бархатные одежды и украшения, но взглянув на её бледное лицо, Кэсерил понял, что скверные новости уже достигли её ушей. Наверняка проболтался какой-нибудь несдержанный слуга. Кэсерил вскочил и поклонился.

Провинкара схватила его за руки и посмотрела в лицо.

— Кэсерил, это правда?

— Тейдес умер. Внезапно, от заражения. Исель в порядке, — он перевёл дух, — она — наследница Шалиона.

— Бедный мальчик! Бедный мальчик! Вы уже рассказали Исте?

— Да.

— О боги. Как она это восприняла?

«“Хорошо” было неподходящим словом».

Кэсерил выбрал другое:

— Спокойно, ваша милость. По крайней мере она не впала в истерику и не разрыдалась, чего я очень боялся. Я думаю, удары, которые обрушивала на неё жизнь, немного притупили её чувства. Не знаю, что с ней будет завтра. Фрейлины уложили её в постель.

Провинкара вздохнула и стряхнула с ресниц слезинки.

Кэсерил потянулся к седельной сумке.

— Исель поручила мне доставить вам письмо. Здесь есть и письмо для вас, сьер ди Феррей, от Бетрис, у неё не было времени написать много. — Он извлёк два запечатанных послания. — Скоро они обе будут здесь. Исель намерена похоронить Тейдеса в Валенде.

— Ох, — сказала провинкара, взламывая восковую печать, — о, как я хочу её видеть! — Её глаза жадно впились в чернильные строчки. — Короткое, — пожаловалась она. Её седые брови поползли вверх. — «Кэсерил всё объяснит вам», — пишет она.

— Да, ваша милость. Я должен многое вам рассказать, и кое-что из этого — наедине.

Она махнула рукой своим спутникам.

— Идите, я вас потом позову.

Ди Феррей, на ходу вскрывая письмо дочери, вышел из гостиной вместе с ди Хьюлтер.

Шурша юбками, старая леди уселась в кресло и указала Кэсерилу на другое, которое он пододвинул поближе к ней.

— Я должна зайти к Исте, прежде чем она уснёт.

— Постараюсь быть кратким, ваша милость. Я расскажу, что я узнал за этот сезон в Кардегоссе. А через что мне пришлось пройти, чтобы узнать это…

Сможет ли провинкара понять эту цену, крушение его мира, то, что Иста поняла мгновенно… захочет ли она поверить в это?

— …теперь уже не важно. Но старший настоятель Менденаль может подтвердить мои слова, если вы захотите с ним встретиться. Скажите только, что это я послал вас, и он не будет ничего отрицать.

Брови провинкары удивлённо поднялись.

— Почему старший настоятель должен вам подчиняться?

Кэсерил тихо хмыкнул.

— Я выше его по рангу.

Она села очень прямо и поджала губы.

— Кэсерил, прекратите свои глупые шутки. Вы делаетесь таким же непонятным, как Иста.

Да. Иста. Кто же замолвит за неё слово?

— Провинкара… ваша дочь страдает, она опустошена и жаждет покоя смерти. Но она не безумна. Боги не столь милосердны.

Старая леди ссутулилась.

— Её затянувшаяся скорбь мне не слишком понятна. Неужели до неё никто не становился вдовой? Никто не терял детей? Я пережила и то, и другое, но я не рыдала и не стенала годами. Я выплакала своё горе, а потом занялась делами. И если она находится в здравом уме, в таком случае, выходит, её переполняет жалость к себе.

Сумеет ли он заставить провинкару понять, чем отличается горе Исты, не раскрывая тайн, которые она ему доверила? Может быть, поведать ей часть правды?

— Всё началось с великой войны Фонсы Мудрого с Золотым Генералом… — Кэсерил как можно проще и понятнее описал действие проклятия, тяготеющего над Домом Шалиона. Во время правления Иаса было достаточно катастроф и несчастий, так что о смерти ди Льютеса можно было не говорить. Бессилие Орико, продажность его советников, провал его политики и разру-

шение его здоровья — так Кэсерил добрался до последних событий.

Провинкара прищурилась.

— Так это всё из-за рокнарской чёрной магии, да?

— Не совсем… как я это понимаю. Это извращение некоего неописуемого божественного деяния, последствия которого задержались в нашем мире.

Она пожала плечами.

— То же самое. Если оно действует как чёрная магия, значит, это она и есть. Практический вопрос — как от неё избавиться?

Кэсерил не был уверен, что это то же самое. Только верное понимание могло привести к выбору верного пути. Иста и Иас поторопились принять решение, как будто проклятие действительно было магией и от него можно было избавиться с помощью формулы. Механически воспроизвести ритуал.

Она добавила:

— Это каким-то образом связано с теми дикими слухами, что Дондо ди Джиронал умер в результате воздействия смертельной магии?

На это он мог ответить. Кэсерил успел продумать свой ответ заранее и решил как можно

меньше упоминать о сверхъестественном — не говорить о демонах, призраках, святых, внутреннем зрении и других диковинных моментах. Провинкаре хватит и прочих подробностей.

Он начал с помолвки Исель, и хотя и подтвердил использование смертельной магии, но не назвал виновника гибели Дондо, утаив свою причастность к убийству, как он утаил и причастность Исты к смерти ди Льютеса.

Провинкара была не слишком брезглива.

— Если Дондо был настолько отвратительным, как вы говорите, — она наморщила нос, — я буду молиться за неизвестного благодетеля.

— Конечно, ваша милость. Я сам молюсь за него ежедневно.

— Дондо, обычный младший сын, — помолвлен с Исель! О чём думал Орико?

Оставив в стороне подробности, Кэсерил описал зверинец, как предоставленную храмом защиту от разрушительного влияния проклятия на здоровье Орико, держась столь близко к истине, сколь это было возможно. Потом рассказал о тайных политических планах Дондо уничтожить Орико и Тейдеса. Провинкара сжала зубы и коротко простонала, поняв, как жестоко предан был её внук. Однако известие, что Валенда должна теперь

готовиться к похоронам, свадьбе и войне (причём не исключено, что и одновременно), оживило её.

— Исель может рассчитывать на поддержку своего баосийского дяди? — поинтересовался Кэсерил. — Сколько ещё людей вы и он можете собрать против клики ди Джиронала?

Провинкара быстро перебрала всех лордов, которых могла вызвать в Валенду под предлогом похорон, а на самом деле — чтобы вырвать Исель из лап ди Джиронала. Список впечатлил Кэсерила. Следя много лет за политикой Шалиона, леди не нуждалась в карте, чтобы спланировать свои действия.

— Пусть они едут на похороны Тейдеса вместе со всеми людьми, каких им удастся собрать, — сказал Кэсерил. — Больше всего нам необходимо контролировать дороги между Иброй и Валендой, чтобы гарантировать безопасность принца Бергона.

— Это сложно, — заметила провинкара, поджав губы, — там есть земли, принадлежащие лично ди Джироналу и некоторым его родственникам. Вам следует взять с собой отряд. Я соберу для вас людей в Валенде.

— Нет, — медленно произнёс Кэсерил. — Вам потребуется каждый человек здесь, на месте,

когда прибудет Исель, а это может случиться до моего возвращения. И если я возьму с собой отряд, мы не сможем доехать до Ибры так скоро, как требуется. Кроме того, мы не сможем сохранить наши перемещения в тайне. Лучше ехать налегке, быстро и не привлекая внимания. Оставьте отряд, чтобы встретить нас на обратном пути. Да, кстати, чуть не забыл… баосийский капитан, которого вы послали с Тейдесом, продался Дондо — ему нельзя доверять. Найдите способ заменить его по возвращении.

Провинкара свирепо стиснула зубы.

— Демоны Бастарда, я отрежу ему уши!

Они оговорили возможность пересылки шифрованных посланий — от него к Исель и обратно — через Валенду, чтобы создать у шпионов ди Джиронала впечатление, будто он по-прежнему находится в Валенде с бабушкой принцессы. Провинкара взяла на себя заботу обменять на деньги драгоценности Исель по самой высокой цене, чтобы у него было больше наличных для дальнейшего своего путешествия. Затем они обдумали ещё с дюжину разных практических деталей.

— Вы понимаете, — сказал наконец Кэсерил, — я думаю, что это замужество может избавить

Исель от проклятия. Но я не уверен, что это поможет Исте.

Ни Исте, печально блуждающей по замку Валенды, ни Орико в Зангре, слепому и распухшему.

— Даже если это освободит Исель только из паутины канцлера ди Джиронала, я уже буду удовлетворена. Я не верю, что Орико натворил таких дел по собственной воле, — похоже, это возмутило и задело её больше всех сверхъестественных материй, — это же надо — отнять у меня внучку, даже не посоветовавшись со мной!

Кэсерил ущипнул себя за бороду.

— Вы понимаете, что если нам всё удастся, вы станете вассалом собственной внучки? Она будет рейной Шалиона, как и рейной-супругой Ибры.

Её губы скривились в усмешке.

— Это самая безумная часть замысла. Она ведь ещё совсем девчонка! Хотя у неё всегда было больше мозгов, чем у бедняги Тейдеса. О чём думают боги, сажая это дитя на трон Кардегосса?

Кэсерил тихо ответил:

— Возможно, о возрождении Шалиона. На это потребуется очень много времени, вы и я этого уже не увидим.

Провинкара фыркнула.

— Да вы сами ещё почти мальчишка! Дети у власти, дети повсюду — неудивительно, что мир стал таким безумным! Ну… ладно. Нужно готовиться к завтрашнему дню. Пятеро богов, Кэсерил, отправляйтесь спать. Думаю, у меня это сегодня не получится. Вы выглядите как оживший покойник, а в ваши годы это непростительно.

Он поднялся, хрустнув суставами, и вышел. Активная деятельность, которая предстояла провинкаре, могла лишить её последних сил. Потребуется помощь всех её слуг, чтобы она не загоняла себя до полусмерти. Он обнаружил в соседней комнате встревоженную леди ди Хьюлтер и отослал её к кузине.

Кэсерилу выделили его холодную, почётную, привычную уже комнату в основном здании замка. Он с благодарностью скользнул под нагретые одеяла. Чувство было такое, словно он наконец вернулся домой после долгих лет отсутствия. Правда, его новое зрение сделало знакомое место несколько чужим; он изменился, и мир стал выглядеть по-другому… где же он найдёт покой?

Заснуть в эту ночь ему мешал уже не Дондо, несмотря на всё своё призрачное буйство. Кэсерил, пожалуй, успел к нему привыкнуть и в

панику больше не впадал. Теперь его обуревали новые страхи.

Например, воспоминание о жуткой надежде в глазах Исты. А ещё — мысли о завтрашнем дне, когда он сядет на лошадь, каждый шаг которой будет приближать его к морю.

Глава 22

В целях сохранения секретности Кэсерил не без сожаления отказался от привилегий курьера канцелярии. Не стоило давать ди Джироналу в руки подписанные рапорты о его маршруте и конечной цели путешествия. Вооружённый рекомендательными письмами Палли, он со своими спутниками получал свежих лошадей в храмах ордена Дочери. В предгорьях на западной границе им пришлось иметь дело с местным торговцем лошадьми, который продал им крепких, привычных к горным переходам мулов.

Торговец наверняка обеспечил себя на долгие годы, обирая незадачливых путешественников. Ферда посмотрел на предложенных им животных и возмутился:

— У этого запал. А если у этого нет костного шпата, милорд, то я съем вашу шапку!

Хозяин и Ферда немедленно вступили в горячий спор.

Кэсерил, утомлённо прислонившись к жерди загона, мог думать только о том, как ему не хочется садиться верхом — не важно, страдает мул

шпатом или нет — в ближайшую тысячу лет. Наконец он выпрямился и вошёл в загон. Пробрался в середину табуна мулов и лошадей, встревоженных произведённым на скорую руку пленением их товарищей, вытянул руки и закрыл глаза.

— Если будет на то твоя воля, леди, дай нам трёх хороших мулов!

Он почувствовал лёгкий толчок в бок и огляделся. Любопытный мул с прозрачными карими глазами не сводил с него взгляда. Подошли ещё два, прядая длинными ушами; тот, что повыше — тёмно-коричневый с кремовым носом, — положил голову Кэсерилу на плечо и довольно фыркнул.

— Спасибо, леди, — прошептал Кэсерил, а вслух добавил: — Хорошо, пошли.

И направился к выходу. Три мула, посапывая, последовали за ним.

— Мы возьмём этих, — сказал Кэсерил торговцу, который, как и Ферда, молча смотрел на него, раскрыв рот. Торговец первым обрёл дар речи:

— Но… но это мои лучшие мулы!

— Знаю. — Кэсерил вышел из загона; торговец придержал калитку, не выпуская мулов, но те всё равно пытались следовать за Кэсерилом, напирая на загородку грудью и тревожно фыр-

кая. — Ферда, договорись о цене. Я пока прилягу на эту чудную солому. Разбудите меня, когда мулы будут осёдланы…

Его мул оказался здоровым, крепким и спокойным. То что надо — с точки зрения Кэсерила. На опасных горных тропах нет ничего лучше спокойного мула. Горячие скакуны, столь любимые Фердой, хороши на равнинах, а здесь, на головокружительных склонах, они ползли бы ничуть не быстрее, да ещё и подвергали бы опасности жизнь своих седоков, пугаясь узких тропинок. Кроме того, мягкая поступь мула спасала его внутренности от лишней тряски. Почему только богиня, пожаловав своему святому хороших верховых животных, не даровала ещё и погоду получше?

Братья ди Гьюра перестали посмеиваться над изящной шапочкой Кэсерила, не добравшись и до середины склона заснеженной гряды Зубов Бастарда. Он опустил наушники и прикрыл уши пушистым белым мехом, плотно завязав тесёмки под подбородком, ещё до того, как колючая снежная крупа, вздымаемая ледяным ветром, начала беспощадно жечь и жалить их закоченевшие лица.

Кэсерил прищурился, защищая глаза, опустил

голову к самым ушам мула, тяжело ступавшего вверх по извивавшейся между камнями и льдом тропинке, и мысленно прикидывал, сколько ещё осталось до наступления темноты. Они уже должны были быть где-то неподалёку от перевала.

Тут Ферда остановился и, дождавшись, пока Кэсерил поравняется с ним, спросил:

— Милорд, может, нам следует поискать укрытие, чтобы переждать буран?

— Буран? — Кэсерил стряхнул примёрзшие к бороде льдинки и заморгал глазами. Да. Братья впервые покинули пределы родной провинции, а в Паллиаре зимы всегда отличались мягкостью и были скорее сырыми, чем снежными. — Если б это был буран, вы не видели бы ушей собственного мула. Это не опасно, просто неприятно. Скоро пройдёт.

На лице Ферды мелькнул испуг, но он натянул капюшон поглубже и наклонился вперёд. И в самом деле, вскоре они вышли из полосы ветра, и видимость улучшилась; перед ними открылась долина. Бледный солнечный свет, пробиваясь сквозь серебристые облака, падал на длинные пологие склоны. Кэсерил указал вперёд и ободряюще воскликнул:

— Ибра!

Погода улучшилась, словно помогая им спуститься к побережью, но мулы не стали ускорять шаг. Приграничные скалистые горы сменились холмами, округлыми, земляными, между которыми лежали широкие долины. Когда путники оставили позади снега и вершины, Кэсерил с сожалением позволил Ферде обменять их замечательных мулов на более быстрых лошадей. Дороги становились всё лучше, постоялые дворы — всё опрятнее, и через два дня маленький отряд уже добрался до реки, несущей свои воды в Загосур. Они проезжали мимо уединённых ферм, пересекали оросительные каналы, вздувшиеся от зимних дождей, по перекинутым через них мостам и с каждым шагом приближались к цели.

Выехав на простор из речной долины, они увидели возвышавшийся перед ними город: серые стены, выбеленные дома с характерной для этих мест зеленоватой черепицей; крепость, словно короной венчавшая Загосур, и знаменитая бухта у её подножия. А дальше — море, серо-стальное, с бесконечно раскинувшимся вширь горизонтом. Холодный бриз доносил особенный, морской солёный запах, от которого Кэсерил покрылся мурашками. Фойкс же глубоко вдохнул новый для себя аромат. Глаза его загорелись, когда он

сделал этот первый глоток морского воздуха.

Рекомендательное письмо Палли и положение ди Гьюра гарантировали путешественникам убежище в Доме Дочери на храмовой площади Загосура. Кэсерил отправил молодых людей купить, попросить или одолжить форменную одежду ордена, а сам отправился к портному. Его слова, что мастер может назначить цену по своему желанию, если быстро сошьёт приемлемый наряд, вызвали в доме портного бешеную активность, и когда Кэсерил примерно через час выходил оттуда, под мышкой у него был свёрток с весьма сносной копией траурных одежд шалионского двора.

После умывания холодной водой и яростного отдраивания себя мочалкой Кэсерил быстро скользнул в плотную парчовую тунику с очень высоким воротником-стойкой, натянул плотные тёмно-лиловые шерстяные штаны и сверкающие начищенные сапоги. Затем нацепил пояс и меч, которыми, казалось, целую жизнь назад снабдил его сьер ди Феррей. И меч, и пояс были довольно потёртыми, но это придавало им особое благородство. Поверх всего на плечи приятной тяжестью лёг чёрный бархатный плащ с шёлковой подкладкой. Одно из колец Исель, которое он

оставил себе — с плоским аметистом, оправленным в тяжёлое золото, и налезавшее только на мизинец, — говорило скорее о сдержанности его обладателя, чем о бедности.

«Траурные одежды и пробивающаяся седина в бороде, — подумал Кэсерил, — придают ему суровый и достойный вид, чего он, собственно, и добивался».

Вид серьёзного человека. Он достал пакет с ценными дипломатическими письмами и, взяв его под мышку, вызвал своих спутников, уже успевших переодеться в бело-голубое. Они направились по узким петляющим улицам вверх по холму, в логово великого Лиса.

Кэсерил показал управляющему замком письма с печатями, и его с братьями ди Гьюра быстро препроводили к личному секретарю рея, который встретил их стоя в скромной, выбеленной известью комнате, служившей кабинетом, холодной от вечной сырости загосурской зимы.

Секретарь был в средних летах, сухощав и суетлив. Кэсерил приветствовал его полупоклоном, как равный равного.

— Я кастиллар ди Кэсерил, прибыл из Кардегосса со срочной дипломатической миссией. У меня письма к рею и принцу Бергону ди Ибра от

принцессы Исель ди Шалион. — Он продемонстрировал печати, но когда секретарь протянул за ними руку, снова прижал письма к груди. — Я получил их лично из рук принцессы. Она просила меня доставить их и передать лично в руки рея.

Секретарь задумчиво склонил голову набок.

— Посмотрим, что я смогу сделать для вас, милорд. Рея просто осаждают просители — в основном родственники бывших бунтовщиков, — пытаясь обрести его прощение и милость, что довольно сложно сейчас. — Он окинул Кэсерила взглядом с ног до головы. — Думаю, вас никто не предупредил, что рей запретил носить при дворе траур по покойному наследнику, поскольку тот умер нераскаявшимся мятежником. Только те, кто хочет бросить рею вызов, носят эти печальные одежды, но большинство из них делает это… э-э… не здесь. Если вы не хотите вызвать у него гнев, я посоветовал бы вам переодеться, прежде чем вы придёте просить об аудиенции.

Кэсерил вскинул брови.

— Вам ещё не доставили новости из Шалиона? Мы, конечно, скакали быстро, но я не думал, что мы их опередим. Я ношу траур не по наследнику Ибры, а по наследнику Шалиона! Принц Тейдес скоропостижно скончался около недели назад от

заражения крови.

— Ох! — испуганно пробормотал секретарь. — Ох. — Он выдохнул и взял себя в руки. — Мои глубочайшие соболезнования Дому Шалиона в связи со столь тяжёлой утратой. — Он замялся. — Письма от принцессы Исель, вы сказали?

— Да, — и Кэсерил многозначительно добавил: — Рей Орико тяжко болен и не занимается делами. По крайней мере так было, когда мы покидали Кардегосс.

Рот секретаря открылся, потом закрылся. Он проговорил:

— Пройдите, пожалуйста, со мной.

И провёл посетителей в более уютную комнату с горевшим камином в углу.

— Я узнаю, что можно сделать.

Кэсерил опустился в мягкое кресло у огня, Фойкс уселся на скамью, а Ферда принялся расхаживать взад-вперёд, нахмурившись и рассеянно глядя на развешанные по стенам украшения.

— Нас примут, сэр? — спросил он. — Проделать такой путь, чтобы топтаться под дверью, словно лавочникам каким…

— О да. Нас примут. — Кэсерил усмехнулся, когда вошёл запыхавшийся слуга и предложил гостям вино и маленькие пряники с печатью

Ибры, которыми так славился Загосур.

— Почему у этой собаки нет лап? — поинтересовался Фойкс, бросив взгляд на пряник, прежде чем впиться в него зубами.

— Это морская собака, тюлень. У него ласты вместо лап, он охотится на рыб. У них колонии на побережье, отсюда и до Дартаки.

Кэсерил разрешил слуге налить ему глоток вина. Всего глоток — отчасти из сдержанности, отчасти чтобы добро не пропало зря, — ибо, как он и предполагал, едва он успел смочить в вине губы, как показался секретарь и сказал:

— Пожалуйте за мной, милорд, господа.

Ферда отставил свой бокал с тёмным ибранским вином, Фойкс стряхнул с белого плаща крошки, и они поспешили вслед за Кэсерилом и секретарём, который повёл их по лестницам и через каменный мостик к более новой части крепости. Свернув ещё несколько раз, они оказались перед двойными дверями с вырезанными на них фигурами морских животных в рокнарском стиле.

Двери распахнулись, явив взглядам путешественников изысканно одетого лорда, которого вёл под руку другой придворный. Лорд возмущался:

— Но я пять дней ждал этой аудиенции! Что за шутки?

— Вам просто придётся подождать ещё немного, милорд, — отвечал придворный, придерживая его за локоть твёрдой рукой.

Секретарь провёл Кэсерила и братьев ди Гьюра внутрь и огласил их имена и титулы.

Это оказался не тронный зал, а кабинет, менее официальный и предназначенный не для церемоний, а для совещаний. Стол, достаточно большой, чтобы раскладывать на нём карты и документы, занимал дальнюю часть комнаты. На всём протяжении длинной стены были прорублены застеклённые двери, выходившие на балкон с видом на море — бухту и гавань, сердце загосурской силы, власти и богатства. Сквозь огромные стёкла в комнату падал отражённый морем серебристый свет, рассеянный и бледный, от этого пламя свечей в настенных светильниках казалось тусклым и плоским.

Среди полудюжины мужчин, находившихся в кабинете, Кэсерил без труда узнал Лиса и его сына. Семидесятилетний рей Ибры был худощав и плешив; его рыжая в юности шевелюра превратилась в пушистую белую бахрому вокруг макушки. Тем не менее он выглядел сильным,

настороженным и энергичным. У высокого юноши, стоявшего рядом с ним, были прямые тёмные волосы, как у его покойной матери-дартаканки, отливавшие при дневном свете рыжиной.

«По крайней мере он казался здоровым. Хорошо…»

Плащ цвета морской волны на принце был усеян сотнями жемчужин, составлявших причудливый узор, которые мягко блеснули, когда он повернулся к вновь прибывшим.

Судя по массивной цепи на груди, мужчина, стоявший по другую сторону от рея, был его канцлером. Нашивки ещё одного из присутствующих выдавали в нём моряка высокого ранга — адмирала ибранского флота.

Кэсерил приблизился, опустился перед Лисом на колено, довольно изящно, несмотря на боль и усталость, и склонил голову.

— Милорд, я привёз из Ибры печальную весть о смерти принца Тейдеса и срочные письма от его сестры, принцессы Исель. — Он протянул верительную грамоту.

Лис вскрыл печать и быстро пробежал глазами ровные строчки. Его брови вскинулись, и он пристально посмотрел на Кэсерила.

— Весьма любопытно. Встаньте, милорд по-

сол, — пробормотал он.

Кэсерил задержал дыхание, и ему удалось подняться на ноги, даже не оттолкнувшись рукой от пола и — это было бы ужасно! — не ухватившись за кресло рея. Он посмотрел на принца Бергона и увидел, что тот нахмурился и не сводит с него глаз. Кэсерил приветствовал принца сердечным кивком и улыбкой. Бергон был хорошо сложенным юношей, даже красивым, когда не хмурился. Не косой, не губошлёп. Немного коренастый, но не толстый, а мускулистый. И не сорокалетний. Юный, с гладкой кожей, но с пробивающимися на щеках и подбородке тенями, что говорило о его зрелости. Кэсерил подумал, что Исель будет довольна.

Пристальный взгляд Бергона стал просто непереносимым.

— Скажите что-нибудь ещё! — выпалил он.

— Прошу прощения, милорд? — Кэсерил испуганно отступил, когда принц шагнул вперёд и обошёл его кругом, разглядывая сверху донизу. Дыхание Бергона участилось.

— Снимите рубашку! — вдруг приказал он.

— Что?

— Снимите рубашку, снимите рубашку!

— Милорд… принц Бергон… — В памяти Кэсе-

рила немедленно всплыла омерзительная сцена, подстроенная ди Джироналом, чтобы оклеветать его перед Орико. Только здесь не было священных воронов Фонсы, чтобы выручить его. Он понизил голос. — Я прошу вас, милорд, не позорьте меня перед всеми.

— Пожалуйста, сэр, скажите — не вы ли более года назад, осенью, были освобождены с рокнарских галер на побережье Ибры?

— Ох. Да…

— Снимите рубашку! — Принц почти пританцовывал, вновь обходя Кэсерила по кругу. Кэсерил почувствовал головокружение. Он посмотрел на Лиса, который выглядел таким же обескураженным, как и все остальные, но рей в любопытстве сделал знак рукой, уступая настойчивому и более чем странному требованию своего сына. Смущённый и испуганный, Кэсерил повиновался. Сняв плащ и тунику, он повесил их на согнутую руку и стиснул зубы, пытаясь держаться с достоинством, чтобы снести любые последующие унижения.

— Вы Кэс! Вы Кэс! — закричал Бергон. Хмурость на его лице сменилась безумным оскалом, и он засмеялся. О боги! Принц сумасшедший! После всех этих скачек по горам и равнинам… он не подходит Исель.

— Да, мои друзья зовут меня так… — Кэсерил оборвал фразу, ибо принц раскинул руки и обнял его, чуть не оторвав от земли.

— Отец, — радостно закричал Бергон, — это он! Это тот человек!

— Что… — начал Кэсерил, потом вгляделся в его лицо попристальнее, прислушался к голосу… и губы его тоже раздвинулись в неудержимой улыбке. «Мальчик вырос!» Представить его годом младше, ниже на четыре дюйма, без тени пробивающейся бороды, с бритой головой, неловким подростком, обгоревшим на солнце… — Пятеро богов, — выдохнул он. — Денни? Денни!

Принц схватил Кэсерила за руки и поцеловал их.

— Куда ты делся? Когда я добрался до дома, то неделю пролежал больной, а когда наконец смог послать за тобой человека, ты уже исчез. Я нашёл почти всех с корабля, но никто не знал, где ты.

— Я тоже лежал больной в приюте Матери в Загосуре. А потом я… э-э… пошёл домой, в Шалион.

— Здесь! Ты был здесь всё это время! Ах, чтоб меня разорвало! О-о! Но я посылал людей в госпитали и приюты — как же они не нашли тебя? Я решил, что ты, наверное, умер от ран — они были ужасны.

— Я был уверен, что он мёртв, — медленно проговорил Лис, наблюдавший за ними, — раз он не пришёл за наградой, коей обязан ему с тех пор мой Дом.

— Я не знал, что это принц Бергон…

Седые брови Лиса недоверчиво вскинулись.

— Правда?

— Да, отец, — подтвердил принц. — Когда головорезы моего покойного брата похитили меня, они не сказали рокнарскому капитану, кто я. Должно быть, хотели, чтобы я попросту умер на галере.

— Хранить этот секрет глупо, принц, — упрекнул Кэсерил. — Рокнарцы не тронули бы вас в надежде на выкуп.

— Да, несомненно, в надежде на огромный выкуп и политические уступки со стороны моего отца, если бы я позволил себе стать заложником своего имени. — Челюсти Бергона сжались. — Нет. Я не собирался помогать им играть в эти игры.

— Так, значит, — сказал Лис странным голосом, внимательно глядя на Кэсерила, — значит, вы прикрыли собой не принца Ибры, спасая его от осквернения, а просто какого-то случайного мальчишку.

— Мальчишку-раба, милорд. — Губы Кэсерила скривились, когда он понял, что Лис гадает — был его поступок геройством или глупостью.

— Я сомневаюсь в вашем рассудке.

— Я и сам уверен, что был тогда наполовину безумен, — любезно согласился Кэсерил. — Я находился на галерах с тех самых пор, как меня после падения Готоргета продали в рабство.

Глаза Лиса прищурились.

— О, так вы тот самый Кэсерил?

Кэсерил утвердительно кивнул, мысленно интересуясь, что именно знает Лис о той неудачной кампании, затем развернул тунику. Бергон поспешил помочь ему одеться. Кэсерил чувствовал на себе неотступные взгляды всех находившихся в кабинете, включая Ферду и Фойкса. Он улыбнулся, сдерживая рвущийся наружу смех, хотя в глубине души его уже зарождался новый страх, природы которого он ещё не понимал.

«Как долго я шёл по этому пути?»

Он вытащил из пакета последнее письмо и отвесил глубокий поклон принцу Бергону.

— Как говорится в документе, переданном мною вашему уважаемому отцу, я представляю здесь благородную прекрасную леди и прибыл не только к нему, но и к вам. Наследница Шалиона

просит вашей руки. — Он протянул ошеломлённому Бергону запечатанное послание. — Теперь я предоставляю принцессе Исель возможность самой говорить от своего имени, ибо она превосходно справится с этим благодаря своему ясному уму, естественному праву и священной цели. Потом я должен буду о многом побеседовать с вами, принц.

— Я страстно желаю выслушать вас, лорд Кэсерил, — и Бергон, окинув взглядом кабинет, пристроился у застеклённой двери, где вскрыл письмо и прочитал его, удивлённо улыбаясь.

Изумление читалось и на лице старого Лиса, хотя улыбки на нём не было. Кэсерил был уверен, что заставил скакать мысли рея галопом. Для своих же мыслей он сейчас молился о крыльях.

Кэсерил и его спутники были приглашены к рею на обед в большой зал. Ближе к закату Кэсерил и Бергон вышли пройтись вдоль берега у подножия крепости. Здесь можно было говорить без лишних ушей, как Кэсерил и желал. Он сделал ди Гьюра знак следовать за ними на расстоянии, с которого братья не могли ничего услышать. Рокот прибоя заглушал звуки голосов. Несколько белых чаек над морем хлопали крыльями и кричали так же громко и пронзительно, как вороны.

Кэсерил вспомнил, что в Ибре Бастарду были посвящены именно эти златоглавые птицы.

Бергон тоже велел своим вооружённым до зубов охранникам отойти подальше, но не отпустил их. Молчаливая предосторожность эта ещё раз напомнила Кэсерилу, что гражданская война только-только завершилась, а Бергону уже довелось быть и шахматной фигурой, и игроком в этой жестокой игре. А в итоге, похоже, шахматной фигурой, которая играла сама по себе.

— Никогда не забуду тот момент, когда я впервые увидел тебя, — сказал Бергон, — когда меня швырнули рядом с тобой на скамью галеры. Поначалу я испугался тебя больше, чем рокнарцев.

Кэсерил ухмыльнулся.

— Потому что я был грязный, покрытый язвами, обгоревший на солнце, обросший и вонючий?

Бергон оскалился в ответ.

— Примерно так, — и тихо добавил: — Но ты улыбнулся мне и сказал: «Добрый вечер, юный сэр» — таким голосом, словно приглашал меня разделить с тобой стол в таверне, а не скамью у весла.

— Ну, ты же был новичок, таких у нас было немного.

— Я много думал об этом позже. Уверен, тогда я

плохо соображал…

— Конечно. Тебя доставили изрядно избитым.

— Это верно. Похищенный, испуганный, впервые в жизни по-настоящему избитый… и ты помог мне. Научил, что делать, чего ждать, как выжить. Дважды отдавал мне свою воду…

— Э, только тогда, когда она была тебе действительно необходима. Я-то к тому времени уже привык к жаре и высох настолько, насколько возможно. Человек со временем ко всему привыкает, и то, что ещё недавно доводило его до лихорадки и обморока, начинает казаться лишь лёгким неудобством. Самым главным было — не терять сознание за работой.

— Ты был добр ко мне.

Кэсерил пожал плечами.

— Почему нет? Чего мне это стоило?

Бергон покачал головой.

— Любой может быть добрым, когда у него всё хорошо. Я потому и считал всегда доброту естественной добродетелью. Но когда были мы голодны, мучимы жаждой, больны, испуганы, а смерть в этом царстве страха заглядывала нам через плечо, ты оставался таким же вежливым, как джентльмен в удобном кресле перед камином.

— События могут быть ужасными и неизбежны-

ми. Люди же всегда могут сделать выбор — если нет, как бы они всё это выносили?

— Да, но… я не знал этого до тех пор, пока не столкнулся сам. Я начал верить в возможность остаться в живых. И я имею в виду не только моё тело.

Кэсерил кисло улыбнулся.

— Я был тогда почти мёртв.

Бергон снова покачал головой и на ходу пнул ногой серебристый песок. Заходящее солнце высветило лисью рыжину в его тёмных дартаканских волосах.

Покойная мать Бергона считалась в Шалионе суровой решительной женщиной, пытавшейся использовать борьбу между своим мужем и наследником в интересах сына. Но Бергон, похоже, очень любил её и помнил; ребёнком он пережил с ней две осады, когда они были отрезаны от армии отца во время непрекращающейся войны с его сводным братом. Он был очень привязан к этой умной женщине с твёрдым характером и с правом голоса на мужских советах. Когда они с Кэсерилом делили весло на галере, он часто говорил о своей покойной матери, желая приободриться, хотя и не называл её имени. Не о своём живом отце. Зрелый разум и самообладание Бергона,

выказанные им на галере, не были целиком и полностью наследием Лиса, решил Кэсерил.

Улыбка Кэсерила стала шире.

— Ну так позволь рассказать тебе, — начал он, — всё о принцессе Исель ди Шалион…

Бергон ловил каждое слово Кэсерила, когда тот принялся описывать Исель — её вьющиеся янтарные волосы, блестящие серые глаза, пухлые улыбчивые губы, её мастерство наездницы и образованность. Её хладнокровие и крепкие нервы, умение быстро и собранно действовать в момент опасности. В общем, продать Исель Бергону было столь же трудно, как продать еду умирающему от голода, воду — изнывающему от жажды, одежду — голому в снежную бурю; а ведь он ещё даже не упомянул, что принцесса унаследует трон Шалиона! Юноша был уже наполовину влюблён. Лис представлял собой большую угрозу — он бы заподозрил подвох. У Кэсерила не было намерений сообщать рею об этом подвохе. Бергон — другое дело.

«Ему — только правду».

— Есть кое-что, что заставило Исель поторопиться со своей просьбой, — продолжил Кэсерил, когда они добрались до конца пляжа и повернули обратно. — Это величайший секрет, и она

просит тебя, как её будущего мужа, сохранить его в тайне. Это только для твоих ушей. — Он набрал в грудь морского воздуха и собрал всю свою решительность. — Всё началось с войны между Фонсой Мудрым и Золотым Генералом…

Они ещё дважды прошли по песку туда и обратно, ступая по своим собственным следам, прежде чем Кэсерил закончил рассказ. Солнце превратилось в красный шар и уже почти касалось плоского морского горизонта, а бившиеся о берег волны потемнели и всё дальше накатывались на берег. Кэсерил был откровенен с Бергоном, так же как с Истой, и ничего не утаил, кроме разве что исповеди несчастной рейны. Рассказал он также и о Дондо, обитавшем ныне у него в животе. Лицо принца, красноватое от закатного солнца, было задумчивым.

— Лорд Кэсерил, если бы мне рассказал это кто-нибудь другой, я бы не поверил. Я бы решил, что этот человек безумен.

— Безумие могло бы быть вполне естественным следствием подобных переживаний, принц, но только не их причиной. Всё это правда. Я видел это сам и убедился. Я почти уверен, что тону в этом. — Неудачное слово вкупе с шумящими морскими волнами рядом заставили Кэсерила

вздрогнуть. Интересно, заметил ли Бергон, что всё это время Кэсерил старался идти так, чтобы его собеседник оставался между ним и морем?

— Ты пытаешься представить меня героем детских сказок, избавляющим принцессу от злых чар поцелуем.

Кэсерил прокашлялся.

— Ну, одним поцелуем тут не обойтись, полагаю. Брак должен быть осуществлён, чтобы считаться заключённым законно. Заключённым с теологической точки зрения, я бы сказал.

Принц бросил на него непроницаемый взгляд. Через несколько шагов он сказал:

— Я видел твою честность в действии. Это… расширило мой мир. Меня вырастил отец, который всегда был осторожным, предусмотрительным человеком, вечно докапывающимся до тайных мотивов людей. Никто не может обмануть его. Но я видел, как он обманул сам себя. Если ты понимаешь, о чём я.

— Да.

— Было очень глупо с твоей стороны набрасываться на того рокнарского надсмотрщика.

— Да.

— Однако я уверен, случись такое снова, ты поступил бы так же.

— Зная то, что знаю сейчас… это было бы сложнее. Но надеюсь… молюсь, чтобы боги оставили мою глупость при мне.

— Что же это за изумительная глупость, которая сияет ярче золота моего отца? Ты можешь научить меня ей, Кэс?

— Ох, — выдохнул Кэсерил, — не сомневаюсь.

Кэсерил встретился с Лисом на следующее утро. Его снова проводили в высокую светлую комнату с видом на море, но на этот раз встреча протекала в значительно более узком кругу: он, рей и секретарь. Секретарь сидел за столом перед стопкой бумаг, связкой новых перьев и солидным запасом чернил. Рей расположился у другой стороны стола, где стояли искусно вырезанные из коралла и жадеита шахматы, сама же доска была сделана из полированного малахита, оникса и белого мрамора. Кэсерил поклонился, и рей пригласил его сесть напротив.

— Играете? — поинтересовался Лис.

— Нет, милорд, — огорчённо ответил Кэсерил, — очень плохо.

— Ах, какая жалость! — Лис отодвинул доску в сторону. — Бергон очень воодушевлён вашим описанием шалионского бриллианта. Вы хорошо поработали, посол.

— Всем сердцем надеюсь на это.

Рей коснулся верительной грамоты Исель, лежавшей на блестящей столешнице.

— Необычный документ. Вы знаете, что он обязывает принцессу исполнить всё, что вы подпишете от её имени?

— Да, сир.

— Её полномочия в данном вопросе довольно спорны, знаете ли. Дело в её возрасте.

— Ну что ж, сир, если вы не признаете за ней права самой заниматься своим браком, полагаю, мне ничего больше не остаётся, кроме как седлать коня и возвращаться в Шалион.

— Нет-нет, я же не сказал, что оспариваю её права! — В голосе старого короля промелькнуло лёгкое беспокойство. Кэсерил подавил улыбку.

— Конечно, сир, иметь дело с нами означает публично признать её власть и права.

— Хм… верно. Конечно. Молодые так доверчивы. Вот почему блюсти их интересы должны мы, старики. — Он взял в руки список, полученный от Кэсерила накануне. — Я изучил предложенные вами пункты брачного договора. Нам нужно многое обсудить.

— Прошу прощения, сир, это не предложения, это — требования. Если вы хотите дополнить их

своими, я внимательно выслушаю вас.

Брови рея изогнулись дугой.

— Конечно, нет. Возьмём, к примеру, это — о порядке наследования в случае несовершеннолетия наследника, если боги благословят их детьми. Несчастный случай во время поездки верхом — и рейна Шалиона становится регентшей Ибры! Это неприемлемо. Бергон подвергается риску на поле боя в отличие от своей жены.

— Ну, это мы надеемся, что она не будет ему подвергаться. Или я малосведущ в истории Ибры, милорд. Мне кажется, что мать принца перенесла две осады?

Лис откашлялся.

— В любом случае, — продолжил Кэсерил, — это риск обоюдный, и таким же должен быть и пункт договора. Исель подвергается риску тяжёлых родов, что, естественно, не угрожает Бергону. Одни неудачные роды — и Бергон становится регентом Шалиона. Сколько ваших жён пережило вас, сэр?

Лис вздохнул, помолчал и сказал:

— Ну тогда вот этот пункт, об именах.

Несколько минут умеренного спора закончились решением, что Бергон ди Ибра-Шалион звучит ничуть не хуже, чем Бергон ди Шалион-

Ибра, и данному пункту тоже было позволено остаться.

Лис прикусил губу и задумчиво нахмурился.

— Как я понимаю, лорд Кэсерил, у вас нет земли. Почему же принцесса не наградит вас в соответствии с вашим званием?

— Она награждает меня в соответствии со своим. Исель не рейна Шалиона — пока.

— Уф. С другой стороны, я — рей Ибры и имею возможность высоко оценить ваши заслуги.

Кэсерил только улыбнулся.

Ободрённый Лис заговорил о красивом поместье с видом на море и снял с доски между ними коралловую ладью. Заинтересовавшись, как далеко это может зайти, Кэсерил бросил, что море его мало привлекает. Тогда Лис завёл речь о породистых лошадях и о земле под выгоны, а также о том, каким неподобающим ему видится пункт номер три. На стол встало ещё несколько пешек. Кэсерил равнодушно хмыкнул. Лис деликатно вздохнул и упомянул о деньгах, на которые человек может одеваться в соответствии с ибранским титулом, более высоким, чем кастиллар, и о том, как выгодно может быть переписан пункт номер шесть. К растущей кучке фигур присоединилась жадеитовая ладья. Секретарь продолжал

делать пометки. Каждый раз хмыканье Кэсерила вызывало в глазах Лиса выражение уважения и презрения одновременно; кучка фигур всё увеличивалась. Вскоре рей с горечью в голосе заметил:

— Вы играете лучше, чем я ожидал, кастиллар.

В конце концов Лис выпрямился в кресле и повёл рукой в сторону выставленных на стол символов его возможных даров.

— Что вас не устраивает, Кэсерил? Что такого может дать вам эта девочка, чего не могу дать я?

Ухмылка Кэсерила превратилась в весёлую улыбку.

— Ну как же! Уверен, что она сможет предоставить мне недвижимость в Шалионе, которая меня вполне устроит: два шага в длину и шаг в ширину, и это будет моим навечно, — и мягко, чтобы не обидеть, отодвинул фигуры обратно к Лису. — Вероятно, я должен объясниться. У меня в животе опухоль, которая, как я полагаю, скоро убьёт меня. Все эти награды — для живых, как мне кажется. Не для умирающих.

Губы Лиса шевельнулись, на его лице мелькнули изумление, испуг и смущение, каковое было быстро подавлено. У рея вырвался смешок.

— Ха! Пятеро богов! У девчонки достаточно мозгов и жестокости, чтобы преподать мне урок в

моём же ремесле! Неудивительно, что она предоставила вам такие полномочия. Демоны Бастарда, она отправила ко мне неподкупного посла!

Три мысли одновременно возникли в голове Кэсерила: первая — у Исель не было столь продуманного плана, вторая — если бы ей указали на это, она сказала бы «Хм!» и запомнила на будущее и третья — Лису не следует знать о первой мысли.

Лис посерьёзнел и более внимательно посмотрел на Кэсерила.

— Мне очень жаль, что вы так больны, кастиллар. Это не повод для смеха. Мать Бергона тоже умерла от опухоли в груди, умерла совсем молодой — в тридцать шесть лет. Все тяготы замужества не укротили и не сломили её, но под конец… ах, впрочем, ладно.

— Мне тридцать шесть, — не мог не заметить печально Кэсерил.

Лис заморгал.

— Тогда вы плохо выглядите.

— Это так, — согласился Кэсерил. Он взял в руки список. — Что ж, вернёмся к брачному договору…

В конечном итоге из списка не было вычеркнуто ни единого пункта, и все они были одобрены.

Затем Лис предложил несколько полезных дополнений, с которыми Кэсерил легко согласился. Лис для виду немного посетовал, намекнул, что недурно бы жене повиноваться мужу, — Кэсерил дипломатично промолчал относительно недавних событий ибранской истории, в которых таковое повиновение также не имело места, — и прошёлся насчёт упрямства некоторых женщин, которые слишком много на себя берут.

— Держитесь, сир, — утешил его Кэсерил. — Нынче вам не судьба завоевать для сына королевство. Ваша судьба — завоевать для внука империю.

Лис просветлел. Даже его секретарь улыбнулся.

В конце беседы рей предложил Кэсерилу взять шахматы на память.

— Для себя я их, пожалуй, не возьму, — отклонил его предложение Кэсерил, с сожалением глядя на точёные фигурки, — но если их упакуют должным образом, я с удовольствием отвезу их в Шалион в качестве вашего личного свадебного подарка будущей невестке.

Лис засмеялся и покачал головой.

— Хотел бы я иметь придворного, который был бы так же верен мне за столь ничтожное возна-

граждение! Вы и правда ничего не хотите для себя, Кэсерил?

— Только времени.

Лис с сожалением хмыкнул.

— Как и все мы. Но об этом нужно просить богов, а не рея Ибры.

Кэсерил промолчал, хотя губы его дрогнули.

— Я хотел бы увидеть при жизни, как Исель благополучно выйдет замуж. Такой подарок вы и впрямь можете мне сделать, сир, не откладывая дела надолго, — и добавил: — И это действительно срочно — Бергон должен стать принцем-консортом Шалиона прежде, чем Мартоу ди Джиронал станет регентом Шалиона.

Даже Лис был вынужден согласно кивнуть.

Вечером, после обычного банкета у рея и после того, как ему удалось наконец проститься с Бергоном, который, раз уж его друг отклонил все предложенные почести и награды, решил нафаршировать его едой, Кэсерил зашёл в храм. Его высокие круглые залы были пусты и тихи в этот час, служителей тоже почти не было, хотя светильники на стенах горели, как и огонь в центре. Двое священников совершали обход; Кэсерил сердечно поздоровался с ними и прошёл через выложенную плиткой арку во двор Дочери.

Красивые коврики для моления, сплетённые высокородными дамами Ибры, как благотворительный дар храму, оберегали колени и тела молящихся от холода мраморного пола. Кэсерил подумал, что если этот обычай переедет с Бергоном в Шалион, продолжительность зимних служб заметно увеличится. Алтарь леди окружали коврики всех цветов, форм и размеров. Кэсерил выбрал толстый и широкий, подбитый шерстью, с вышитыми весенними цветами, и расположился на нём. Целью его было помолиться, а не забыться пьяным сном, напомнил он себе…

По дороге в Ибру, пока Ферда занимался лошадьми, он использовал каждую возможность попасть в дом Дочери — даже самый маленький, деревенский — и помолиться: за Орико, за Исель и Бетрис, за Исту. Кроме того, побаиваясь репутации Лиса, он просил об удачном исходе миссии. На эту молитву он, судя по всему, получил ответ авансом. Насколько авансом? Раскинув руки, он поглаживал нити коврика, прошедшие петля за петлёй через спокойные, терпеливые женские руки. А может, эта женщина и не была терпеливой. Может, она была усталой, или раздражённой, рассеянной, или голодной, или сердитой. Может, она умирала. Но руки её всё двигались и двигались…

«Как долго я шёл по этому пути?»

Иногда ему казалось, что он ступил на путь леди в тот момент, когда она одарила его монетой, выпавшей из рук солдата в грязь Баосии. Теперь он совершенно не был в этом уверен, как не был уверен и в том, что хочет получить новый ответ на свои молитвы.

Ужас галер был задолго до монеты в грязи. Были ли его боль, страх, мучения запланированы богами с самого начала? Неужели он был всего лишь марионеткой на ниточке? Или мулом в поводу, упрямым и сопротивляющимся, так что приходилось стегать его, чтобы двигался? Он не мог понять, чувствует удивление или ярость по этому поводу. И вспомнил, как Умегат настаивал на том, что боги не могут подчинить себе волю человека, они могут только ждать, когда она будет им предложена. В какой же миг своей жизни он согласился на *это?*

Ох.

Он вдруг вспомнил.

Однажды холодной, голодной, полной отчаяния ночью в Готоргете он обходил посты. На самой высокой башне он отпустил измученного мальчика, чтобы тот немного отдохнул, и остался вместо него. Он вглядывался в лагерь неприяте-

ля; костры горели в разорённой деревне в долине. Враги сидели там в тепле, болтали, готовили еду и делали всё то, чего его гвардейцы были лишены внутри этих стен. И он думал о том, что делать дальше, как выиграть время, убедить своих людей верить, и молился. Молился. До тех пор, пока молитвы не кончились.

В юности Кэсерил, следуя проторенным путём большинства благородных молодых людей, вступил в орден Брата, обещавший военную карьеру и приключения. Он возносил свои молитвы этому богу, соответствовавшему его полу, возрасту и рангу. И в башне той ночью ему показалось, что следование по этому пути привело его шаг за шагом в западню, в которой он и его люди оказались покинутыми и основной армией, и богом.

Он носил медальон Брата на внутренней стороне рубашки с момента посвящения — с тринадцати лет. Сразу после посвящения Кэсерил отбыл на службу к старому провинкару. Той ночью в башне по его лицу текли слёзы усталости и отчаяния — и ярости. Он сорвал медальон и вышвырнул его, бросил через крепостную стену, отрекаясь от бога, который отрёкся от него. Вращающийся золотой диск беззвучно исчез в темноте. А он бросился на камни и молился лёжа,

как лежал и сейчас, и принёс клятву, что любой бог сможет воспользоваться им, если освободит его людей из западни. А что касается его — с ним всё кончено. Кончено.

Конечно, ничего не произошло.

Разве что неожиданно пошёл дождь.

Чуть погодя он встал, пристыженный своей выходкой, радуясь, что никто не видел его в таком состоянии. Пришла смена, и Кэсерил молча спустился вниз. Ещё несколько недель ничего не происходило, а потом прискакал упитанный курьер с известием, что всё было напрасно, что вся их кровь и жертвы были проданы за золото, пролившееся в сундуки ди Джиронала.

И его люди были освобождены.

А его ноги в одиночестве зашагали по другой дороге…

Что там сказала Иста? «Самые страшные проклятия богов приходят к нам в ответ на наши молитвы. Молитвы — опасное дело».

Итак, решив отдать свою волю богам, достаточно ли сделать это однажды — всё равно как подписаться на военную службу, принеся присягу? Или этот выбор следует делать снова и снова, каждый день? Или и то и другое? Может ли он взять да сойти с этого пути, сесть на лошадь и

уехать, скажем, в Дартаку, взять новое имя и начать новую жизнь? Так говорил Умегат о сотне других Кэсерилов, которые не взялись за это дело. Уехать, оставив, конечно, тех, кто ему доверился: Исель, Исту и провинкару, Палли и Бетрис…

Но, увы, не Дондо.

Он поёрзал на коврике, ощущая неудобство в животе и пытаясь убедить себя, что причиной тому всего лишь банкет у Лиса, а не рост его ужасной опухоли. Не Дондо, выжидающий, когда рука леди вдруг ослабеет. Может, боги научились чему-то на ошибке Исты, когда у ди Льютеса не выдержали нервы? Может, они решили увериться, что их мул не сбежит с полдороги, как ди Льютес в своё время?..

Ну разве что умрёт. Эта дверь всегда распахнута настежь. А что ждёт по ту сторону? Ад Бастарда? Призрачное исчезновение? Мир и покой?

Ха.

По другую сторону храмовой площади, в доме Дочери, его ждала чудесная мягкая постель. То, что он всё-таки вспомнил о ней, невзирая на безумную пляску мыслей в голове, было верным знаком, что ему пора пойти и лечь в неё. Молитва в любом случае не удалась, получился лишь спор с богами.

А молитва, как он начал подозревать, встав на ноги и повернувшись к выходу, — это переставлять ноги одну за другой, раз и ещё раз.

Глава 23

В последний момент — когда все основные пункты были согласованы, было сделано секретарём множество копий с договора, и подписано обеими сторонами и свидетелями, и скреплено печатями — при переходе к практическому осуществлению всё чуть не застопорилось. Лис упёрся, и не без причины, по мнению Кэсерила, не желая посылать своего сына в Шалион со столь малыми гарантиями его личной безопасности. Но у рея в его истощённом войной государстве не было ни людей, ни денег, чтобы собрать достаточно многочисленную и надёжную гвардию для охраны Бергона; Кэсерил же боялся того эффекта, который может произвести в Шалионе переход через границу целой армии, даже с такими мирными намерениями. Споры становились всё горячее; Лис, пристыженный напоминанием, что он обязан Кэсерилу самой жизнью Бергона, принялся избегать посла, чем напомнил ему Орико.

Кэсерил получил первое шифрованное письмо от Исель, оно пришло с курьером ордена Дочери. Письмо было написано всего через четыре дня

после отъезда Кэсерила из Кардегосса и было коротким — сообщение о том, что церемония прощания с Тейдесом прошла без эксцессов и что Исель покинет столицу тем же вечером с траурным кортежем. Она с видимым облегчением отмечала, что «наши молитвы были услышаны — священные животные подтвердили, что душу Тейдеса принял Сын Осени. Надеюсь и уповаю, что ему будет хорошо в руках бога». Ещё добавила: «Мой старший брат жив, зрение на один глаз к нему вернулось, но отёчность пока не прошла. Он так и лежит в постели». А также сообщила: «Наш враг устроил двух своих племянниц ко мне фрейлинами. Я не смогу часто писать. Пусть леди поможет вам поскорее завершить дело».

Он просмотрел послание в поисках приписки от Бетрис и чуть было не пропустил её. Она оказалась на другой стороне листа. Несколько цифр, выведенных её характерным почерком, попали под воск печати. Он соскрёб воск ногтем. Цифры отослали его к странице почти в самом конце книги, к одной из самых известных молитв Ордолла — страстной мольбе о спасении любимого от опасностей в дальней дороге. Сколько лет — десятилетий — прошло с тех пор, как кто-то вдали молился за него? Кэсерил не был уверен,

предназначено это для его глаз или только для глаз богов, но приложил маленькую зашифрованную строчку к пяти священным точкам на теле, немного задержав её на губах; потом вышел из комнаты и отправился на поиски Бергона.

Он поделился с принцем содержимым одной стороны листа. Тот пришёл в восторг и от системы шифра, и от самого письма. Кэсерил составил короткий ответ, сообщая об успехе своей миссии, а Бергон, от усердия высовывая между зубами кончик языка, старательно зашифровал собственное письмо своей невесте.

Кэсерил мысленно подсчитал дни. У ди Джиронала наверняка были шпионы при дворе Ибры, значит, рано или поздно канцлер узнает о появлении там Кэсерила. Как скоро это станет известно? Догадается ли ди Джиронал, что переговоры прошли с таким головокружительным успехом? Схватит ли он принцессу? Сможет ли рассчитать следующие шаги Кэсерила? Попытается ли перехватить Бергона в Шалионе?

После нескольких дней топтания на месте Кэсерила внезапно осенило, что надо послать Бергона к отцу, чтобы он сам вступил в дебаты по делу, которое затрагивало его столь непосредственно. Это был посланец, от которого Лис не

мог укрыться даже в личных покоях. Бергон был молод и энергичен, а Лис — стар и утомлён. Кроме того — это было благоприятным моментом для политики Кэсерила, но не являлось таковым для рея — в одном из городов Южной Ибры, ранее поддерживавшем покойного наследника, вспыхнул мятеж, и Лис был вынужден отправить туда войска. Зашедший в тупик с этими свалившимися на него проблемами и разрывающийся между великой надеждой и леденящим душу страхом за своего единственного оставшегося в живых сына, Лис переложил принятие решения на Бергона и его приближённых.

Решительности, как понял Кэсерил, у Бергона было предостаточно. Принц сразу предложил путешествовать налегке и по возможности тайно пересечь вражеские территории, пролегающие между ибранской границей и Валендой. В качестве сопровождения, кроме Кэсерила и ди Гьюра, он выбрал только трёх близких друзей: двух молодых ибранских лордов — ди Тажиля и ди Сембюра — и марча ди Соулда, чуть постарше возрастом.

Воодушевлённый ди Тажиль предложил ехать под видом ибранских торговцев, направляющихся в Кардегосс. Кэсерил настаивал на том,

что все, кто войдёт в их отряд — и благородные, и простолюдины, — должны хорошо владеть оружием. Отряд должен был собраться в день, назначенный Бергоном — Кэсерил молился, чтобы день этот удалось сохранить в тайне, — в одном из поместий ди Тажиля. Как выяснилось, компания оказалась не столь уж маленькой — со слугами получилось около дюжины верховых да ещё с полдюжины навьюченных поклажей мулов. В дополнение всего слуги вели в поводу четверых ибранских белоснежных горных пони — дар невесте Бергона.

Они выехали в приподнятом расположении духа, спутники принца воспринимали предстоящий поход как благородное приключение. Бергон был более серьёзен и задумчив; Кэсерила это радовало — глядя на остальных, ему казалось, что он ведёт группу детей на пикник. Хотя бы Бергон представлял, что их ожидает. Это значительно лучше того, что боги предложили ему самому, мрачно подумал Кэсерил. А может, проклятие пыталось обмануть его, вовлекая в войну, вместо того чтобы дать возможность её избежать? Могло ли оно обвести его вокруг пальца? Ведь и ди Джиронал в начале своей карьеры не был столь продажным, каким стал сейчас.

Поскольку скорость передвижения отряда диктовалась шагом самого медленного мула, обратное путешествие было не таким мучительным для Кэсерила, как бешеная скачка в Загосур. Путь от побережья до Зубов Бастарда занял целых четыре дня. Там их настигло второе письмо от Исель, написанное спустя четырнадцать дней с момента отъезда Кэсерила из Кардегосса. Она сообщала, что Тейдес с должными почестями похоронен в Валенде и что ей удалось остаться там, продлив свой визит к матери и бабушке. Ди Джироналу пришлось спешно отбыть в столицу, так как он получил известие об ухудшении состояния Орико. К сожалению, вместо себя он оставил не только фрейлин-шпионок, но и несколько отрядов солдат — охранять наследницу Шалиона. «Я теперь думаю, что с ними делать», — писала Исель. От этой фразы волосы на затылке Кэсерила встали дыбом. Исель приложила письмо к Бергону, которое Кэсерил передал ему нераспечатанным. Бергон не поделился его содержанием, но пока расшифровывал послание и листал Ордолла, то и дело улыбался.

Провинкара тоже написала несколько строк, сообщая, что Исель получила обещание поддержки её брака с ибранским наследником не только

от своего дяди, провинкара Баосии, но и ещё от трёх провинкаров. У Бергона по прибытии в Шалион будут защитники.

Когда Кэсерил показал принцу эту записку, тот решительно кивнул.

— Отлично. Дело движется.

Они отдыхали на постоялом дворе, когда туда вернулись другие путники с печальной вестью о том, что дорога завалена снегом. Сверившись с картой и со своей памятью, Кэсерил повёл отряд по другой, более крутой и редко используемой дороге, где снега было меньше. До перевала они добрались, но две лошади повредили во время подъёма сухожилия, а марча ди Соулда, который признался, что чувствует себя увереннее на палубе корабля, чем на спине лошади, тошнило всю дорогу и наконец вырвало.

Отряд сбился в кучу, все тяжело дышали. Кэсерил, Бергон и Ферда совещались, в то время как обычно рассудительный ди Соулд смущённо бормотал извинения и протестовал против остановки.

— Может, нам следует сделать привал, развести огонь и попытаться согреть его? — обеспокоенно спросил принц, оглядывая пустынные склоны.

Кэсерил, сам еле державшийся на ногах, от-

ветил:

— Он только выглядит, как будто у него лихорадка, но жара на самом деле нет. Он родом с побережья. Думаю, это не болезнь, а простое недомогание, которое часто случается с людьми, непривычными к высокогорью. И ему полегчает, когда мы спустимся из этого забытого богами скалистого ада.

Ферда, искоса взглянув на него, поинтересовался:

— А как вы себя чувствуете, милорд? Что с вами?

Бергон тоже нахмурился и вопросительно посмотрел на Кэсерила.

— Ничего такого, в чём мне помог бы привал и сидение в этих горах, так что давайте двигаться дальше.

Они снова сели на лошадей и тронулись в путь. Когда позволяла ширина тропы, Бергон держался рядом с ди Соулдом. Измученный моряк вцепился в луку седла с мрачной решимостью. Через полчаса Фойкс тихо охнул и указал на груду камней, отмечавших границу между Иброй и Шалионом. Все повеселели и остановились ненадолго, чтобы добавить туда и своих камней.

Они начали спуск, ещё более медленный и

осторожный, чем подъём. Ди Соулду не становилось хуже, что убедило Кэсерила в правильности его диагноза. Самому Кэсерилу не становилось лучше, но он этого и не ждал.

После полудня пересекли долину и очутились в густом сосновом лесу. Воздух здесь казался душистым, пусть даже и пахло всего лишь соснами. Хвойная подстилка под ногами смягчала поступь лошадей. Деревья защищали путников от вездесущего ветра. Через некоторое время уши Кэсерила уловили приглушённый топот копыт впереди — первый человек, встретившийся им на тропе за день. Судя по звуку, он был один и, следовательно, не представлял собой опасности для их отряда.

Всадник оказался седым мужчиной с густыми мохнатыми бровями и растрёпанной бородой, в заляпанном грязью кожаном костюме. Он подскакал к ним и, к удивлению Кэсерила, остановил лошадь, перегородив тропу.

— Я — управляющий замком кастиллара ди Завара. Мы увидели вас, когда вы спускались в долину, — ветер как раз разогнал облака. Мой господин послал меня предупредить вас, что надвигается буря. Он приглашает вас укрыться в его замке, пока погода не улучшится.

Ди Тажиль с удовольствием поблагодарил его за гостеприимство. Бергон подъехал к Кэсерилу и шёпотом спросил:

— Как думаешь, Кэс, нам стоит принять приглашение?

— Я не уверен… — Тот пытался вспомнить, слышал ли он что-нибудь о кастилларе ди Заваре.

Бергон покосился на ди Соулда, согнувшегося над лукой седла.

— Я бы многое отдал, чтобы он отдохнул под крышей. Нас много, и мы вооружены.

Кэсерил согласился:

— В буран мы далеко не уедем, да ещё и можем сбиться с пути.

Седой управляющий подал голос:

— Смотрите сами, господа. Поскольку мне по весне приходится, кроме всего прочего, подбирать из канав тела замёрзших путников, я бы лично был признателен вам, если б вы приняли приглашение. Думаю, буран кончится только к утру.

— Ну что ж, я рад, что мы по крайней мере успели спуститься до его начала. Да, — решил Бергон. И повысил голос: — Мы крайне признательны вам, сэр, и принимаем щедрое предложение вашего господина.

Управляющий поклонился и, развернув лошадь, поехал впереди, указывая дорогу. Примерно через милю он свернул налево и провёл отряд Кэсерила по узкой тропе между высокими густыми соснами. Сначала тропка вела вниз, а потом пошла в гору. Кэсерил слышал вдалеке звуки хлопающих крыльев и карканье ворон, и это будило в нём приятные воспоминания.

В сером свете дня перед ними предстала вскоре довольно маленькая обветшавшая крепость, сложенная из местного камня. Над трубами вился приветливый дымок.

Отряд въехал под каменную арку во внутренний двор, выложенный каменными плитами. Прямо напротив въезда располагались конюшни, рядом виднелась дверь, ведущая в дом. Двор был заставлен хозяйственной утварью, бочками и прочими полезными вещами. Стены конюшни были обиты оленьими шкурами. Несколько человек — слуги, грумы или стражники, а может, и все сразу — двинулись помочь гостям и принять их лошадей и мулов. Вдруг у Кэсерила расширились глаза и перехватило дыхание — он увидел с полдюжины свеженьких призраков, беспокойно круживших над двором.

То, что призраки эти образовались совсем

недавно, явствовало из наличия у них чётких серых очертаний, повторявших форму утраченных тел: Кэсерил разглядел трёх мужчин, женщину и плачущего мальчика. Призрак женщины указал на седого управляющего, белое пламя вырвалось из его рта молчаливым криком.

Кэсерил придержал коня и, оказавшись рядом с Бергоном, наклонился и прошептал:

— Это ловушка. Приготовь оружие. Передай дальше.

Бергон обернулся к подъехавшему ди Тажилю, который, в свою очередь, наклонился и передал предостережение двум своим грумам. Кэсерил притворно улыбался и, словно случайно, очутился рядом с Фойксом; он поднёс ладонь ко рту, будто стараясь скрыть зевок, и тихо предупредил юношу. Силы были примерно равны. Глаза Кэсерила обежали присутствующих. Здоровенный детина, прислонившийся к стене у ворот, словно невзначай покачивал в руке арбалет. Всё бы ничего, но арбалет был взведён. Кэсерил снова повернулся к Бергону, встав так, чтобы оказаться между ним и воротами.

— Берегись лучника, — выдохнул он. — Наклонись.

Призраки метались по двору, указывая на скры-

вавшихся за бочками и телегами, прятавшихся в конюшне и ожидавших сразу за дверью в дом людей. Седой сделал знак одному из слуг, и ворота захлопнулись. Кэсерил повернулся в седле и сунул руку в седельную сумку. Сначала пальцы его нащупали шёлк, затем — холодные, гладкие жемчужины. Он не заложил подарок Дондо, будучи в Загосуре, — жемчуг вблизи от своей колыбели стоил очень дёшево. И теперь, вытащив длинное блестящее ожерелье, он набросил его на шею и что есть силы рванул нить. Жемчужины посыпались на плиты двора и, подскакивая, покатились в разные стороны. Окружавшие их слуги вздрогнули, рассмеялись и бросились ловить сверкающие горошинки. Кэсерил взмахнул рукой и крикнул:

— Давай!

Седой командир, который, похоже, собирался издать такой же клич, несколько опоздал. Люди Кэсерила первыми обнажили клинки и бросились на растерявшихся врагов. Кэсерил чуть не вывалился из седла, спрыгивая на землю, но в последний момент уклонился от вонзившейся в луку стрелы. Его лошадь встала на дыбы и помчалась прочь, а он выхватил меч из ножен, ожидая нападения.

Фойкс, да благословят боги мальчишку, ухитрился достать свой арбалет и спокойно, не обращая внимания на кричавших вокруг людей и мечущихся коней, разрядить его в парня, собиравшегося стрелять. Один из призраков-мужчин промчался перед внутренним взором Кэсерила и указал на тёмную тень другого лучника, крадущегося вдоль крыши галереи. Кэсерил хлопнул Фойкса по плечу и крикнул:

— Наверху!

Фойкс повернулся и выстрелил как раз в тот момент, когда второй лучник высунул голову. Кэсерил готов был побиться об заклад, что призрак пытается руководить схваткой. Фойкс нагнулся и перезарядил арбалет.

Кэсерил обернулся в поисках врага и увидел, что враг сам ищет его. В дверях, ведущих в дом, показалась до боли знакомая фигура — сьер ди Джоал, прихвостень ди Джиронала; в последний раз Кэсерил видел его в Кардегоссе. Кэсерил поднял меч как раз вовремя, чтобы отразить первый яростный удар. Живот скрутило мучительным спазмом; казалось, внутренности завязываются в узел. Противники двинулись по кругу, не отрывая глаз друг от друга.

Невыносимая боль вытягивала все силы из

руки Кэсерила, ему хотелось сложиться вдвое; следующий удар он отбил с трудом и ответный нанёс едва ли не механически. Рядом женщина-призрак свилась в клубочек. Она — или это была жемчужина? Или и то и другое? — каким-то образом нырнула под сапог ди Джоала. Ди Джоал поскользнулся и, стремясь удержать равновесие, откинулся назад, затем резко наклонился вперёд. Кончик меча Кэсерила вошёл ему в горло, коротко хрустнули шейные позвонки.

От меча по руке словно прокатилась волна ужаса. Теперь не только живот, но и всё тело его сводило нечеловеческой болью, зрение затуманилось и померкло. Дондо внутри завопил от радости. Демон смерти встрепенулся — Кэсерилу показалось, что под веками заполыхал белый огонь, жадный и безжалостный. Кэсерил зашатался, его вырвало. Меч выскользнул из рук и упал на землю; ди Джоал рухнул к его ногам, в тёмную лужу густой горячей крови.

Кэсерил не помнил, как сам упал на колени; он скорчился, упираясь руками в обжигающе холодные каменные плиты.

Тело била неудержимая дрожь, не давая подняться. В наполненном слюной рту он чувствовал горечь. На кончике лежавшего на камнях меча

дымилась, постепенно чернея, кровь ди Джоала. Приступы тошноты сводили вздувшийся, пульсирующий живот. Дондо, завыв и застонав в бессильной ярости разочарования, начал затихать. Демон тоже успокоился, снова устроился на своём месте, словно подстерегающий добычу кот. Кэсерил сжал и снова разжал руку, чтобы убедиться, что ещё владеет своим телом.

Вот так, значит. Демону смерти всё равно, чьи именно души заполнят его вёдра, главное, чтобы их было две. Душа Кэсерила и душа Дондо или душа Кэсерила и какого-то другого убийцы (или жертвы — Кэсерил не был уверен, да и вряд ли это имело какое-то значение в данной ситуации). Дондо же явно надеется занять тело своего врага, предоставив демону душу одного Кэсерила. Желает остаться, так сказать, во плоти. Таким образом, цели Дондо несколько расходятся с целями демона. Демон будет рад, если Кэсерил просто умрёт. Дондо жаждет убийства.

Лёжа на камнях совершенно без сил, Кэсерил чувствовал, как под веками собираются слёзы. Он услышал, что шум вокруг затихает. Чья-то рука дотронулась до его локтя. Встревоженный голос Фойкса спросил:

— Милорд? Милорд, вы ранены?

— Нет… не оружием, — выдавил Кэсерил. Подняв голову, он моргнул и потянулся за мечом, но тут же отдёрнул руку и изумлённо уставился на обожжённые пальцы. Сталь была горячей. С другой стороны подошёл Ферда, и братья вдвоём помогли ему подняться на ноги. Кэсерил стоял, всё ещё сотрясаясь от дрожи.

— Вы уверены, что всё в порядке? — недоверчиво спросил Ферда. — Та темноволосая леди в Кардегоссе обещала, что принцесса отрежет нам уши, если мы не привезём вас обратно живым.

— Да, — поддакнул Фойкс, — а *она* заберёт себе наши оставшиеся шкуры и натянет на барабан.

— Ваши шкуры пока в безопасности. — Кэсерил потёр слезящиеся глаза и, кое-как выпрямившись, огляделся по сторонам. Грум с сержантской выправкой прохаживался с обнажённым мечом около полудюжины лежавших на земле лицом вниз врагов. Ещё три бандита, стонущие в крови, сидели, прислонясь спинами к стене конюшни. Другой сержант подтаскивал к ним тело мёртвого лучника.

Кэсерил посмотрел на ди Джоала. Они не обменялись ни единым словом за эту короткую встречу. Кэсерил очень жалел, что его меч пронзил лживое горло головореза. Его присутствие

здесь говорило о многом, но ничего не подтверждало. Был ли он посланцем ди Джиронала или действовал сам по себе?

— Где главарь? Я хочу его допросить.

— Вон там, милорд, — показал Фойкс, — но, боюсь, он ничего не скажет.

Бергон отъехал от неподвижного тела — увы, это был седой управляющий.

Ферда смущённо пробормотал виноватым голосом:

— Он неистово дрался и не собирался сдаваться. Он ранил двух наших грумов, и Фойкс был вынужден уложить его из арбалета.

— Вы думаете, это был настоящий управляющий, милорд? — добавил Фойкс.

— Нет.

Бергон, держа меч в руке, подошёл к Кэсерилу и озабоченно спросил:

— Что нам теперь делать, Кэс?

Призрак женщины, немного успокоившийся, теперь настойчиво звал Кэсерила к воротам. Один из призраков-мужчин с той же настойчивостью указывал на дверь в дом.

— Я… я сейчас.

— Что? — переспросил Бергон.

Кэсерил отвёл глаза от того, что видел только

он один.

— Заприте их, — он кивнул на уцелевших противников, — в стойле и поставьте охрану. Всех вместе, раненых тоже. Мы займёмся ими потом, сначала нужно перевязать наших. Затем послать кого-нибудь всё здесь осмотреть. Может, здесь что-то спрятано. Или… или кто-то. Или… ну, не знаю. — Он снова посмотрел в сторону ворот, где его ждала женщина-призрак. — Фойкс, возьми оружие и следуй за мной.

— Может, нам взять ещё людей, милорд?

— Нет, не думаю…

Оставив Бергона и Ферду обыскивать крепость, Кэсерил наконец пошёл к воротам. Фойкс последовал за ним, удивлённо глядя, как его лорд, не колеблясь, свернул на тропинку, ведущую в сосновую рощу. Карканье ворон становилось всё громче. Кэсерил обхватил себя за плечи. Тропинка вывела к краю оврага.

— Ад Бастарда, — потрясённо прошептал Фойкс. Он опустил арбалет и осенил себя священным знаком.

Они нашли тела.

Трупы лежали внизу, в овраге, на куче скопившихся за годы кухонных отбросов и навоза из конюшен — один молодой мужчина, двое

постарше. В этом удалённом от городов местечке было невозможно отличить слугу от господина по одежде, так как почти все носили кожаные и шерстяные вещи. Женщина средних лет, обнажённая, мальчик лет пяти — оба изуродованные и, возможно, изнасилованные. Тела сбросили в овраг примерно день назад, решил Кэсерил, судя по тому, что успели сделать с ними вороны. Призрак женщины беззвучно всхлипывал, призрак-ребёнок прижался к ней и плакал. Они не были отвержены богами, просто растерялись, ещё не осознали своей смерти и не могли найти путь без соответствующей церемонии.

Кэсерил встал на колени и прошептал:

— Леди. Если я жив и нахожусь здесь, то и ты тоже. Дай упокоение этим бедным душам.

Выражение лиц призраков резко изменилось, из печального сделавшись удивлённым; бестелесные формы засияли, как солнечные лучи в высоких перистых облаках, затем исчезли.

Простояв так с минуту, Кэсерил сказал:

— Помоги мне встать, пожалуйста.

Сбитый с толку Фойкс поднял его, поддерживая под локоть. Кэсерил повернулся и пошёл обратно.

— Милорд, может, поищем вокруг? Вдруг ещё

кто остался?

— Нет, это всё.

Фойкс молча последовал за ним.

Во дворе они увидели выходивших из главных дверей здания Ферду и вооружённого грума.

— Нашли кого-нибудь ещё? — спросил Кэсерил.

— Нет, милорд.

Рядом с дверью всё ещё летал призрак молодого мужчины, хотя его светящееся тело, казалось, вот-вот исчезнет, словно унесённый ветром дымок. Он дрожал, будто в агонии, призывая Кэсерила войти. Что за дело не давало ему броситься в распахнутые объятия богини и удерживало в этом мире?

— Да-да, я иду, — сказал ему Кэсерил.

Призрак скользнул внутрь, Кэсерил махнул рукой Фойксу и Ферде, непонимающе таращившимся на него, чтобы шли за ним. Пройдя через холл по коридору, затем через кухню и вниз по тёмной деревянной лестнице, они обнаружили каменную стену кладовки.

— Вы здесь смотрели? — спросил Кэсерил, обернувшись.

— Да, милорд, — ответил Ферда.

— Дайте больше света. — Он внимательно

посмотрел на призрак, который теперь возбуждённо кружил по комнате по всё сужающейся спирали. — Отодвиньте бочки.

Фойкс откатил бочки в сторону. Ферда вернулся из кухни с подсвечником, в котором ярким пламенем горели несколько толстых свечей. Под бочками на полу они обнаружили крышку люка с массивным железным кольцом посередине. Кэсерил снова сделал знак Фойксу; юноша ухватился за кольцо и, потянув, сдвинул крышку в сторону — под ней уходили вниз узкие ступеньки. Из темноты донёсся слабый крик.

Призрак наклонился к Кэсерилу, словно целуя его лоб, ладони и ноги, затем устремился в вечность. Голубое сияние ещё мгновение сохранялось перед внутренним взором и исчезло. Ферда с подсвечником в одной руке и мечом в другой начал осторожно спускаться по лесенке.

В подвале послышались шум и голоса. Вскоре Ферда высунулся из люка и помог выбраться растрёпанному толстому старику с лицом, покрытым синяками и кровоподтёками. За ним один за другим, плача от радости, выбралась ещё дюжина избитых людей.

Освобождённые узники тут же принялись засыпать Ферду и Фойкса вопросами и рассказами о

происшедших событиях. Кэсерил скромно стоял в сторонке, прислонившись к бочке, и мысленно складывал воедино все детали головоломки. Толстый старик оказался настоящим кастилларом ди Заваром, обезумевшая от перенесённых переживаний пожилая женщина — его женой, а двое подростков — сыном и дочерью (как подумал Кэсерил, девочка была невероятно худой). Остальные были слуги и приживалы.

Ди Джоал и его отряд прибыли к ним вчера и поначалу казались обычными путниками, хотя и вели себя довольно грубо и невежливо. Когда они стали приставать к кухарке кастиллара, её муж вместе с настоящим управляющим пришли женщине на помощь и попытались выпроводить беспокойных гостей, тогда те обнажили оружие. В обычаях этого дома было давать кров припоздневшимся или попавшим в непогоду путникам. Никто здесь никогда раньше не видел ни ди Джоала, ни кого-нибудь из его людей.

Старый кастиллар ухватил Ферду за плащ.

— Мой старший сын… он жив? Вы видели его? Он бросился на помощь управляющему…

— Это был молодой человек, примерно такого же возраста, как они, — Кэсерил указал на братьев ди Гьюра, — одетый в такие же кожаные и

шерстяные одежды, как на вас?

— Да… — Лицо старика побледнело от недоброго предчувствия.

— О нём сейчас заботятся боги, ему там хорошо, — искренне сказал Кэсерил.

Известие было встречено горестными воплями. Кэсерил устало поднялся по ступенькам на кухню; освобождённые пленники рассыпались по дому и двору, начали перевязывать своих раненых и наводить порядок.

— Милорд, — шепнул Ферда Кэсерилу, когда тот задержался на минутку погреться у кухонного очага, — вам уже доводилось бывать здесь?

— Нет.

— А как же вы… я ничего не слышал, когда мы спустились сюда. И эти бедняги остались бы умирать от голода и жажды, сходя с ума в темноте. Что же здесь произошло на самом деле?

— Думаю, люди ди Джоала во всём сознаются ещё до утра. — Кэсерил мрачно усмехнулся. — Мне и самому интересно кое-что у них выяснить.

Кэсерил с радостью избавился от пленных, передав их в руки хозяев. Головорезы очень быстро рассказали свою часть истории. Они были из случайно собравшейся шайки, в которую входили

несколько разжалованных солдат, подчинявшихся покойному седому, и местные наёмники. Ди Джоал приехал к ибранской границе один и подобрал их в городке неподалёку, где они промышляли то охраной путешественников, то грабежом. Наёмники и привели отряд в Завар.

Бандиты знали только, что ди Джоал приехал в поисках человека, который будет возвращаться из Ибры через перевал. Они не ведали, кем на самом деле был их наниматель, хотя о манерах его и придворной одежде отзывались презрительно. Кэсерил понял, что ди Джоал не имел власти над столь поспешно нанятыми им людьми. Когда приставания к кухарке обернулись кровавой стычкой, у него не хватило ни сил, ни твёрдости остановить своих подчинённых и призвать их к порядку.

Смущённый Бергон отвёл Кэсерила в сторону от места, где шёл допрос.

— Кэс, эти ни в чём не повинные люди пострадали из-за меня?

— Нет, принц, я совершенно уверен, что ди Джоал ожидал встретить только меня — посланца Исель. Канцлер уже давно пытается уволить меня со службы у принцессы, и если не подвернётся лучший способ сделать это, он меня попросту

тайно прикончит. Как жаль, что я убил этого глупца! Я многое бы отдал, чтобы узнать, что именно уже известно ди Джироналу.

— А вы уверены, что это канцлер устроил западню?

Кэсерил поколебался.

— У ди Джоала со мной были свои счёты, но… во дворце знали только, что я отбыл в Валенду. О моём истинном маршруте ди Джоалу мог сообщить только ди Джиронал. Наверняка канцлер получил донесения от своих шпионов в Ибре, ему кое-что известно о наших намерениях, но надеюсь, немногое. Ди Джоала отправили остановить меня. И наверняка не его одного. За ним следует кто-то ещё.

— Как скоро мы с ними столкнёмся?

— Не знаю. Ди Джиронал командует орденом Сына; он может послать войска, как только придумает для этого достаточно вескую причину.

Бергон задумался, постукивая ножнами меча по сапогу и хмуро глядя в прояснившееся небо. На западе, на фоне зеленоватого сияния темнела горная гряда, над головой показались первые звёзды. Слова седого о том, что будет буран, не подтвердились, на эту выдумку его, видимо, сподвиг слабый дневной снегопад.

— Луна почти полная и взойдёт к полуночи. Если мы будем скакать день и ночь, то сможем пересечь эти беспокойные края до того, как ди Джироналу удастся прислать сюда кого-нибудь ещё.

Кэсерил кивнул.

— И пусть его люди стерегут границу, которую мы уже пересекли. Отличная мысль.

Бергон с сомнением посмотрел на друга.

— Но… ты сможешь скакать, Кэс?

— Я лучше буду скакать, чем драться.

Бергон согласно вздохнул.

— Да.

* * *

Горюющий, но благодарный кастиллар ди Завар сделал всё, чтобы помочь Кэсерилу и его людям. Бергон решил оставить мулов, раненых грумов и пострадавших лошадей здесь, чтобы ехать далее налегке. Ферда отобрал самых быстрых и сильных лошадей и проследил, чтобы они хорошо отдохнули перед дорогой и были вычищены, накормлены и напоены. Марч ди Соулд после нескольких часов отдыха вполне оправился и настаивал на том, что будет сопровождать принца. Ди Сембюр сломал руку во время схват-

ки, несколько его ран кровоточили — он решил остаться с багажом и грумами и помогать ди Завару, пока раненые не будут готовы двинуться дальше.

Судить пленных Кэсерил с облегчением предоставил их жертвам. Выехав в полночь, можно было избежать присутствия при повешении разбойников на рассвете. Кэсерил оставил часть жемчуга Дондо кастиллару ди Завару и сложил оставшийся обратно в седельную сумку.

И, как только луна поднялась из-за холмов впереди, залив заснеженную долину жидким желтоватым светом, отряд принца снова выехал на дорогу. Теперь им предстояло ехать не сворачивая до самой Валенды.

Глава 24

Они возвращались по тому же пути, по которому Кэсерил ехал в Ибру — через западный Шалион, — меняя лошадей на маленьких сельских постах ордена Дочери. На каждой остановке он с тревогой спрашивал, нет ли новых шифрованных посланий от Исель или каких-нибудь новостей из Валенды, что помогло бы им прояснить ситуацию и избрать на подступах к цели верную тактику. Но писем не было, и беспокойство Кэсерила всё возрастало. Согласно прежнему плану, предполагалось, что Исель будет ожидать их в доме своей бабушки и матери, под защитой баосийской гвардии дяди. Кэсерил боялся, что этот план рухнул.

Они остановились ранним вечером в деревушке Пальма, за двадцать пять миль от Валенды. Местность вокруг славилась своими пастбищами; здешний пост Дочери занимался разведением и обучением лошадей для храма. Кэсерил был уверен, что здесь они без труда обменяют своих уставших коней на свежих. И молился о каких-нибудь известиях.

Он сполз с лошади на землю кулём, словно его тело было вырублено из единого куска дерева. Ферда и Фойкс вдвоём поддерживали его, пока Кэсерил, неуклюже переставляя ноги, ковылял по двору поста. Братья привели его в скромную комнату с ярко пылавшим в каменном очаге огнём. Простой сосновый стол был наспех освобождён от чьей-то партии в карты. Дедикат, комендант поста — старший представитель Дочери здесь, — заторопился к ним навстречу; похоже, их ждали. Дедикат неуверенно глянул на ди Тажиля и ди Соулда, затем повернулся к Бергону — все они от самой границы в целях безопасности путешествовали в одежде грумов. Комендант смутился и рассыпался в извинениях, когда ему представили принца, и отправил лейтенанта за едой и питьём для высоких гостей.

Кэсерил сидел за столом в мягком кресле — великое блаженство после седла! — а комната безостановочно вращалась вокруг него. Он начинал чувствовать такое же отвращение к лошадям, как и к кораблям. Голова у него была как будто набита ватой, а тело, казалось, не могло и пошевельнуться. Он перебил обмен любезностями, хрипло прокаркав:

— Есть что-нибудь из Валенды? Какие-то ново-

сти об Исель?

Ферда вложил в его руку стакан с разбавленным вином, и Кэсерил выпил одним глотком сразу половину.

Комендант понимающе закивал, поджал губы.

— Канцлер ди Джиронал на прошлой неделе прислал в город ещё тысячу человек. Другая тысяча разбила лагерь у реки. Они патрулируют окрестности, разыскивая вас. Дважды заезжали сюда. Валенда — в руках ди Джиронала.

— Здесь нет никого из людей провинкара ди Баосия?

— Есть два отряда, но силы канцлера во много раз превосходят их по численности. Во время похорон принца Тейдеса никто не стал бы ввязываться в бой, и после они уже не осмелились.

— Вы получали известия от марча ди Паллиара?

— Обычно он привозил письма, но вот уже пять дней, как у нас нет никаких сведений о принцессе. Ходят слухи, что она очень больна и никого не принимает.

Глаза Бергона тревожно расширились. Кэсерил потёр ноющие виски.

— Больна? Исель? Ну… может быть… А может, этот слух распускают нарочно…

Неужто его письма попали в чужие руки? Он опасался, что им придётся либо похитить Исель из Валенды, либо освободить силой оружия. Желательно первое. Он не продумал, что делать, если Исель будет настолько больна, что не сможет, к примеру, ехать верхом, когда это понадобится.

В его затуманенную голову пришла безумная мысль — может, Бергон как-нибудь проберётся к ней по крышам и балконам, подобно романтическому любовнику. Но нет. Ночь тайной любви может разрушить проклятие, отправить его из этого мира обратно к богам, но вот какое чудо избавит от двух тысяч очень даже реальных солдат?

— Орико жив? — спросил он наконец.

— Да, насколько нам известно.

— Сегодня мы уже ничего не сделаем. — Он не стал бы доверять ни единому плану из тех, которые мог сейчас придумать его измученный мозг. — Завтра Фойкс, Ферда и я отправимся в Валенду пешком, под видом бродяг. Если по дороге мы столкнёмся с какими-то трудностями, повернём в Тарион, к провинкару ди Баосия, и вместе придумаем новый план.

— Вы сможете идти, милорд? — спросил Фойкс

с сомнением в голосе.

В данный момент Кэсерил не был уверен, что сможет даже стоять. Он беспомощно взглянул на Фойкса, усталого, но жизнерадостного, даже скорее розового, чем серого, после многих дней в седле. Молодость. Да…

— К завтрашнему дню смогу. — Он потёр лицо. — Люди ди Джиронала понимают, что они не телохранители, а тюремщики? Что их фактически толкают на государственную измену, покушаясь на права законной наследницы?

Дедикат откинулся на спинку стула и развёл руками.

— Слухи разрастаются как снежный ком. Все говорят, что принцесса отправила посланца в Ибру договориться о браке с новым наследником. — Он поклонился Бергону, принося свои извинения.

Вот такая секретная миссия. Кэсерил прикинул возможные политические партии и альянсы в Шалионе: Исель и Орико против ди Джиронала — чудесно, Исель против ди Джиронала и Орико… крайне опасно.

— Эту новость принимают по-разному, — продолжал комендант. — Леди одобряют, им мерещится романтическая история, поскольку говорят, что принц Бергон отважен и красив.

Более пессимистично настроенные головы опасаются, что Исель может продать Шалион Лису, так как она… э-э… юна и неопытна.

«Другими словами, глупа и легкомысленна. Пессимистам предстоит ещё многое узнать».

Губы Кэсерила растянулись в холодной усмешке.

— Нет, — пробормотал он. — Этого мы не сделали.

Он вдруг понял, что обращается к своим коленям, лоб как-то незаметно для него уткнулся в стол. Примерно через минуту голос Бергона тихо прошептал Кэсерилу на ухо:

— Кэс? Ты не спишь?

— М-м…

— Не хотите ли лечь в постель, милорд? — после ещё одной паузы спросил дедикат.

— М-м…

Он слабо застонал, когда сильные руки подхватили его и поставили на ноги. Ферда и Фойкс… ведут куда-то. О, какая жестокость. Стол был такой мягкий… Кэсерил не помнил, как очутился в постели.

Кто-то тряс его за плечо.

Омерзительно радостный голос орал в ухо:

— Вставай! Пора в путь, Капитан Солнце!

Он вздрогнул и вцепился в одеяло. Хотел было сесть, но передумал. С трудом расклеив тяжёлые веки, Кэсерил моргал, пока глаза не привыкли к свету свечи. И наконец узнал голос.

— Палли! Ты жив! — попытался радостно крикнуть Кэсерил. Что ж, кажется, его даже можно было услышать. — Сколько времени? — Он снова решил сесть и упёрся в постель локтем. Похоже, Кэсерил находился в спальне коменданта — скромной, просто обставленной комнате.

— До рассвета ещё примерно час. Мы скакали всю ночь. Исель послала меня разыскать тебя. — Палли поднял руку со свечой повыше; из-за его плеча выглядывали встревоженные Бергон и Фойкс. — Демоны Бастарда, Кэс, на кого ты похож? Краше в гроб кладут!

— Это я уже слышал.

Кэсерил снова лёг. Палли здесь… Палли здесь, и всё хорошо. Он может спихнуть на него Бергона и всё своё бремя, лежать и не вставать. Умереть в мире, покое и одиночестве, забрав с собой из этого мира Дондо.

— Возьми принца Бергона и его людей и отвези их к Исель. Оставь меня…

— Чтобы тебя нашли патрули ди Джиронала? Ещё не хватало… я дорожу своим будущим по-

ложением при дворе. Исель хочет видеть тебя живым и невредимым в Тарионе!

— В Тарионе? Не в Валенде? — Он заморгал. — В безопасности? — Теперь он действительно собрался с силами и сел, потом встал на ноги и, тяжело осев на край кровати, потерял сознание.

Когда тьма рассеялась, Кэсерил увидел Бергона с округлившимися глазами, который поддерживал его за плечи.

— Опусти голову вниз и посиди, — посоветовал Палли.

Кэсерил послушно согнулся над своим терзаемым болью животом. Если Дондо навещал его прошлой ночью, то не застал дома. Призрак пинал его во сне несколько раз — по крайней мере так ему показалось. Пинал изнутри.

Бергон тихо сказал:

— Вчера, когда мы приехали, он ничего не ел. Он просто падал, и мы перенесли его в постель.

— Правильно. — Палли жестом что-то приказал Фойксу, тот кивнул и выскользнул за дверь.

— Тарион? — пробубнил Кэсерил себе в колени.

— Ага. Она улизнула от двухтысячной армии ди Джиронала. Улизнула! Ну, сначала её дядя, ди Баосия, вывел своих людей и отправился домой.

Эти идиоты дали ему уйти! После этого Исель пять дней кряду выезжала верхом покататься — каждый раз в сопровождении эскорта из всадников канцлера — и гоняла их так, что они были едва живы. Люди канцлера были совершенно уверены, что Исель попытается бежать с одной такой верховой прогулки. Так что когда она и леди Бетрис на шестой день отправились гулять пешком в сопровождении пожилой леди ди Хьюлтер, охранники позволили им пойти одним. Я ждал с двумя осёдланными лошадьми и двумя женщинами наготове, которые обменялись плащами с Исель и Бетрис и вернулись вместо них с леди ди Хьюлтер. Мы скакали так быстро… Старая провинкара взялась покрывать побег внучки и заявила, что Исель больна и находится в покоях матери. Держу пари, принцесса была уже в безопасности в Тарионе, прежде чем в Валенде стало известно о её побеге. Но, пятеро богов, как скачут эти девушки! Шестьдесят миль по бездорожью, от заката до рассвета, при полной луне! И только один раз сменив лошадей!

— Девушки? — переспросил Кэсерил. — Леди Бетрис тоже в Тарионе?

— О да. Они обе щебетали как птички, когда я уезжал. Я даже почувствовал себя стариком.

Кэсерил стрельнул глазами в Палли, который был на пять лет моложе его, и не ответил на эту фразу.

— А сьер ди Феррей… провинкара, леди Иста?

Палли посерьёзнел.

— Остаются заложниками в Валенде. Знаешь, они все убеждали девушек ехать.

— Да.

Фойкс принёс на подносе миску с бобовой похлёбкой, горячей и ароматной, а Бергон собственноручно поправил подушки и помог Кэсерилу устроиться поудобнее. Кэсерил думал, что голоден как волк, но нашёл в себе силы проглотить только несколько ложек. Палли мудро рассудил, что ехать лучше в темноте, пока не взошло солнце, чтобы в сумерках не могли рассмотреть, сколько их скачет. Кэсерил посопротивлялся для порядка, но потом позволил Фойксу помочь ему одеться. Его страшила перспектива снова оказаться в седле.

Во дворе их ожидал эскорт — дюжина людей из ордена Дочери, приехавших с Палли из Тариона. Между сёдлами двух лошадей были прикреплены носилки. Кэсерил поначалу возмутился и с негодованием отверг предложение взгромоздиться на них и ехать лёжа, но затем поддался на уговоры

и убедительные доводы Бергона. Кавалькада тронулась в путь в серой предрассветной дымке. На разбитых окольных дорогах и узких петляющих тропках носилки немилосердно трясло и качало. Через полчаса Кэсерил запросил пощады, решив всё-таки пересесть на лошадь. Кто-то догадался захватить с собой для этой цели спокойного, с лёгкой поступью иноходца; Кэсерил вцепился в луку седла, решительно настроившись выдержать весь этот убийственный путь в обход Валенды с войсками ди Джиронала и далее дорогу на Тарион, которая обещала быть получше.

Днём они спустились с поросшего лесом склона холма на открытое место, и Палли поехал рядом с другом, время от времени бросая на него любопытные изучающие взгляды. Наконец он спросил:

— Говорят, ты творил какие-то чудеса с мулами?

— Не я — богиня. — Кэсерил скривил губы в ухмылке. — Похоже, она поступила как хотела.

— Ещё мне рассказали, как ты расправился с разбойниками.

— Нас было куда больше, и мы были хорошо вооружены. Если бы не приказ ди Джоала, они не осмелились бы напасть на нас.

— Ди Джоал был одним из лучших клинков ди Джиронала. Фойкс говорит, ты уложил его в считанные секунды.

— Это вышло по ошибке. Я не хотел его убивать. Кроме того, он поскользнулся.

Теперь ухмыльнулся Палли.

— Знаешь, тебе не обязательно трубить об этом направо и налево. — Он посмотрел вперёд и после небольшой паузы добавил: — Так, значит, тот ибранский мальчик на галере, за которого ты заступился, был сам Бергон.

— Да. Как выяснилось, это был именно он, похищенный людьми своего сводного брата. Теперь мне понятно, почему ибранский флот так отчаянно преследовал нас.

— Неужели ты даже не догадывался, кто он такой, — ни тогда, ни потом?

— Нет. У него… такая выдержка, я и представить не мог. Одно это уже делает его достойным уважения и говорит о том, каким сильным реем он может стать в своё время.

Палли посмотрел туда, где рядом с ди Соулдом скакал Бергон, и осенил себя священным кинтарианским знаком.

— Боги на нашей стороне, я уверен. Мы можем проиграть?

Кэсерил горько усмехнулся.

— Да. — Он подумал об Исте, Умегате, безъязыком груме. Об игре со смертью, в которую он оказался втянутым. — И когда мы проиграем, боги проиграют вместе с нами.

По крайней мере Исель была в безопасности, под защитой своего дяди; как наследница, она могла привлечь на свою сторону немало честолюбивых людей. У Исель будет достаточно сторонников, не считая самого Бергона, чтобы защитить её от врагов… хотя в будущем ей не помешали бы и мудрые советники, чтобы защитить и от друзей… А что может избавить от грядущих опасностей Бетрис?

— У тебя была возможность по дороге в Валенду, да и потом поближе познакомиться с леди Бетрис? — обратился он к Палли.

— О да.

— Замечательная девушка, правда? Ты разговаривал с её отцом, сьером ди Ферреем?

— Да, честнейший человек.

— Это точно.

— Она очень беспокоится о нём сейчас, — добавил Палли.

— Да, могу себе представить. Как и он о ней… они оба заботятся друг о друге. Если… если всё

пойдёт хорошо, она станет фавориткой будущей рейны. Такое политическое влияние стоит большего, чем обычное приданое, даже и очень богатое. Умный, проницательный мужчина это поймёт.

— Несомненно.

— Она умна, энергична…

— Отлично ездит верхом. — Тон Палли стал странно сухим.

Кэсерил проглотил комок в горле и, пытаясь заставить свой голос звучать непринуждённо, выдавил:

— А ты не видишь её будущей марчессой ди Паллиар?

Палли печально скривил рот.

— Боюсь, что эти виды безнадёжны. По-моему, она положила глаз на другого мужчину. Судя по всем тем вопросам, которые она о нём задавала.

— Да? Кто он? — Кэсерил безуспешно старался убедить себя, что Бетрис влюблена в… ну, скажем, ди Ринала или кого-то ещё из придворных Кардегосса. Гм… Большинство из них так легкомысленны… мало кто обладает влиянием или состоянием, а о мозгах и говорить не приходится. Кэсерил пришёл к выводу, что никто из них не годится для Бетрис.

— Это секрет. Но я считаю, что тебе следует спросить её об этом по прибытии в Тарион. — Палли улыбнулся и послал коня вперёд.

Кэсерил задумался над словами и улыбкой друга, потом вспомнил и о белой меховой шапке, бережно хранимой им в седельной сумке.

«Женщина, которую ты любишь, любит тебя?»

А разве он когда-нибудь по-настоящему сомневался в этом? Но, увы, слишком много горьких обстоятельств, кои обращают сладость этих подозрений в тоску и печаль.

«Слишком поздно, слишком поздно, слишком поздно».

В обмен на её верность он может дать ей только горе; его гроб будет слишком узким и тесным, чтобы предложить его в качестве брачного ложа. И всё-таки эта мысль была единственным светлым пятном среди зловещей тени смерти — всё равно что найти уцелевшего после кораблекрушения человека или цветок, разворачивающий лепестки на пепелище. Однако… однако ей нужно пересилить своё пагубное влечение к нему. А он должен помочь ей в этом. Он должен проявить величайшую выдержку, чтобы не поощрять её чувств. Интересно, удастся ли сблизить её с Палли, если выдать это за последнюю волю уми-

рающего?

В пятнадцати милях от Тариона их встретил большой отряд баосийцев. У них были ручные носилки и достаточно людей для смены носильщиков. Слишком измученный, чтобы чувствовать что-либо, кроме благодарности, Кэсерил без протестов позволил себя уложить. Завернувшись в пуховое одеяло, упокоив больную голову на мягких подушках, он даже проспал два часа под мерное покачивание. Время от времени он просыпался и видел, как темнеющие зимние пейзажи проплывают мимо, подобно сну.

Значит, вот что это такое — умирать. Что ж, лёжа совсем неплохо.

«Но, пожалуйста, позвольте мне дожить до того момента, когда будет снято проклятие с Исель. Я так хочу это увидеть!»

Любой сказал бы, окинув взором пройденный путь, что работа была проделана огромная.

«Это была моя жизнь, и я успел достаточно».

Он не просил ничего, только бы увидеть завершение того, что начал: свадьбу Исель и надёжное убежище для Бетрис. Если боги даруют ему исполнение этих двух желаний, он может уйти спокойно.

«Я устал».

Они вошли в ворота Тариона — столицы провинции Баосия — через час после заката. Любопытные горожане выглядывали из окон посмотреть на процессию, торопились на балконы, чтобы получше рассмотреть гостей, многие шли рядом, освещая путь факелами. Женщины бросали цветы, которые ибранские спутники Бергона после первоначального замешательства стали ловить на ходу, чему немало способствовала меткость бросавших. Юные лорды посылали в ответ воздушные поцелуи, вызывавшие среди горожанок перешёптывание и хихиканье, особенно на балконах. Неподалёку от центра города Бергон и его друзья, сопровождаемые Палли, свернули к дворцу богатого и влиятельного марча ди Уэста — одного из главных советников и соратников провинкара и, что не было простым совпадением, его шурина. А баосийские гвардейцы пронесли носилки Кэсерила в ворота нового, недавно выстроенного дворца провинкара, расположенного вблизи от крепости, которую разрушило время. Прижимая к себе бесценные седельные сумки, содержавшие будущее двух государств, Кэсерил прошёл за управляющим в тёплую спальню с весело пляшущим в камине огнём. Горело множество светильников, гостя поджидали двое

слуг, готовая ванна, обилие горячей воды, мыло, ножницы и полотенца. Третий слуга принёс на подносе мягкий белый сыр, фруктовые пирожные и горячий травяной чай. Кто-то, явно не понадеявшись на гардероб Кэсерила, положил на кровать смену одежды — траурный костюм, бельё, серебряный, украшенный аметистами пояс. Превращение измученного дорогой странника в элегантного придворного заняло не более двадцати минут.

Из потёртой сумки Кэсерил достал завёрнутый в шёлк, а сверху для надёжности в промасленную ткань пакет и проверил, не испачкан ли тот в крови и грязи. Затем освободил пакет от грубой верхней обёртки и, убедившись, что шёлк тоже чист, зажал документы под мышкой. Управляющий провёл Кэсерила через двор, где при свете факелов рабочие укладывали последние каменные плиты, в соседнее здание. Они прошли через анфиладу комнат и оказались наконец в просторном зале с украшенными гобеленами стенами. Железные канделябры искусной работы высотой в человеческий рост, с пятью светильниками каждый, излучали тёплое сияние. Исель сидела в большом резном кресле у дальней стены, рядом с Бетрис и провинкаром — все в траурных одеждах.

Когда Кэсерил вошёл, они посмотрели на него — женщины с жадным нетерпением, провинкар со смешанным выражением спокойствия и настороженности на лице.

Дядя Исель, будучи скорее плотным, чем худым, среднего роста, только слегка напоминал свою младшую сестру Исту. Общим у них был тусклый цвет уже изрядно поседевших волос. Рядом с ди Баосия Кэсерил увидел тучного мужчину — вероятно, секретаря — и пожилого настоятеля храма Тариона в пятицветной мантии. Кэсерил с надеждой взглянул на него, пытаясь увидеть свет или искры ауры, но это был обычный священник.

Тёмное облако обволакивало Исель всё таким же плотным одеялом, но движение в нём было теперь более вялым.

«Милостью леди, недолго тебе осталось клубиться!»

— Добро пожаловать домой, кастиллар, — сказала Исель. Официальное обращение весьма смягчали нежность в её голосе и забота в глазах.

Кэсерил осенил себя кинтарианским священным знаком.

— Пятеро богов, принцесса, всё хорошо.

— Договор при вас? — спросил ди Баосия, не отводя глаз от пакета при Кэсериле, и нетерпели-

во протянул руку. — На советах было множество споров и волнений по поводу этих соглашений.

Кэсерил улыбнулся и, пройдя мимо провинкара, опустился на одно колено перед Исель, стараясь не застонать от боли и не упасть. Он коснулся губами её ладоней и вложил в руки принцессы — в её собственные руки — пакет с документами.

— Всё как вы приказали.

Во взгляде её засветилась признательность.

— Я благодарю вас, Кэсерил. — Она стрельнула глазами в секретаря дяди. — Принесите, пожалуйста, кресло для моего посла. Он проделал долгий и трудный путь, — и начала разворачивать шёлк.

Секретарь принёс мягкое кресло с шерстяной обивкой. Кэсерил выдавил из себя благодарную улыбку, не зная, как теперь подняться с колена. К его смущению, с одной стороны к нему подошла Бетрис, а с другой, замешкавшись на мгновение, поспешил настоятель. Поддерживая под руки, они подняли его и усадили в кресло. Чёрные глаза Бетрис изучающе взглянули на него, ненадолго задержались со страхом на животе, где таилась опухоль, но сейчас она могла только ободряюще улыбнуться ему.

Исель внимательно читала брачный договор

и не видела, как Кэсерил садился в кресло. Он смотрел на неё и ждал. Прочитав одну страницу, принцесса передавала исписанный ровным каллиграфическим почерком и заверенный печатью лист дальше, своему дяде, нетерпеливо переминавшемуся с ноги на ногу, который, в свою очередь, отдавал его по прочтении настоятелю, а тот уже — секретарю. Секретарь, пробежав текст глазами, складывал листы в нужном порядке.

Ди Баосия, сложив ладони, ждал, когда настоятель дочитает последний лист.

— Ну? — спросил провинкар.

— Она не продала Шалион. — Настоятель осенил себя священным знаком и поднял руки ладонями вверх, благодаря богов. — Она купила Ибру! Мои поздравления, принцесса… вам и вашему послу!

— И всем нам, — вставил ди Баосия. Все трое мужчин изрядно повеселели и приободрились.

Кэсерил откашлялся.

— Конечно. Однако, надеюсь, вы воздержитесь от подобных комментариев перед лицом принца Бергона. Кроме того, договор потенциально выгоден для обеих сторон. — Он взглянул на секретаря. — Возможно, нам следует успокоить народ, вывесив списки договора возле ворот

дворца, чтобы с ними могли ознакомиться все желающие.

Ди Баосия неуверенно нахмурился, но настоятель согласно кивнул и сказал:

— Очень мудрая мысль, кастиллар.

— Я буду очень признательна. — Исель посмотрела на дядю. — Прошу вас взять на себя это дело.

Тут в комнату вбежал запыхавшийся паж и, остановившись перед провинкаром, выпалил:

— Ваша леди просила передать, что принц Бергон и его свита приближаются к воротам и вам следует присоединиться к ней, чтобы встретить гостей.

— Уже иду. — Провинкар набрал в грудь воздуха и улыбнулся племяннице. — Ну, скоро мы приведём к тебе твоего суженого. Помни, что ты должна потребовать от него полного поцелуя подчинения — лоб, ладони и ноги. Чтобы все видели, что Шалион правит Иброй. Береги гордость и честь твоего Дома. Мы не можем позволить ему взять над тобой верх, иначе он быстро подчинит тебя себе. Ты должна начать так, как думаешь продолжать жить дальше.

Исель прищурилась. Тень вокруг неё потемнела, словно сжимая свои объятия.

Кэсерил выпрямился и, покачав головой, послал ей тревожный взгляд.

— У принца Бергона тоже есть гордость и честь, ничуть не ниже, чем ваши собственные, принцесса. И его тоже будут видеть его собственные подданные.

Она ненадолго заколебалась, затем решительно произнесла:

— Я должна начать так, как собираюсь продолжать.

В её голосе послышалась сталь. Исель показала на договор.

— Наше равенство скреплено здесь печатью, дядя. Моей гордости не нужно больших доказательств. Мы обменяемся приветственными поцелуями — только в ладони.

Темнота немного развеялась, и Кэсерил ощутил непонятную дрожь. Как будто над его головой проплыла некая хищная тень, угрожая расстроить все их планы.

— Весьма благоразумно, — с облегчением расслабился Кэсерил.

Паж, пританцовывая от нетерпения, придержал для провинкара двери и юркнул вслед за ним.

— Лорд Кэсерил, как прошло ваше путеше-

ствие? — использовала паузу Бетрис. — Вы выглядите таким… измученным.

— Это просто усталость — мне пришлось много скакать верхом, но всё было хорошо. — Он поёрзал в кресле и улыбнулся.

Её чёрные брови изогнулись.

— Вот как? Что ж, полагаю, Ферда и Фойкс расскажут нам больше. Наверняка всё было не так гладко и скучно.

— Ну да, у нас была небольшая схватка с разбойниками в предгорьях. Дело рук ди Джиронала, я уверен. Бергон проявил себя наилучшим образом. С Лисом… всё оказалось проще, чем я ожидал, по причинам, которых я как раз не ожидал, — он наклонился вперёд и понизил голос так, чтобы его слышали только девушки. — Вы помните, я рассказывал об ибранском мальчике из благородной семьи, Денни с галеры?

Бетрис кивнула, а Исель проговорила:

— Такое вряд ли можно забыть.

— Я даже не догадывался, насколько благородна его семья. Под именем Денни скрывал от рокнарцев своё подлинное имя Бергон. Похоже, его похищение было организовано покойным наследником Ибры. И Бергон узнал меня, когда я предстал перед ибранским двором.

Губы Исель изумлённо приоткрылись. После минутного молчания она выдохнула:

— Вас послала мне богиня. Я уверена.

— Да, — неохотно признал Кэсерил, — я тоже пришёл к этому выводу.

Её глаза обратились в сторону двери. Руки нервно перебирали складки юбок.

— Как я узнаю его? Он… он красивый?

— Я не знаю, что вкладывают дамы в это понятие…

Тут двери настежь распахнулись, и в зал вошла целая толпа людей: пажи, ди Баосия и его жена, фрейлины, Бергон, ди Тажиль и ди Соулд. Замыкал шествие Палли. Ибранцы успели принять ванну и переодеться в лучшие наряды, которые они, оставляя обоз в Заваре, всё же уложили впопыхах в свои сумки и теперь дополнили — в чём Кэсерил был абсолютно уверен — некоторыми заимствованными деталями. Глаза Бергона с весёлым испугом перебежали несколько раз с Бетрис на Исель и обратно и наконец остановились на Исель. Исель тоже переводила взгляд с одного на другого ибранца. Высокий Палли, стоявший позади Бергона, кивнул на принца и одними губами сказал: «Этот». Серые глаза Исель заблестели, бледные щёки окрасились румянцем.

Она протянула вперёд руки для приветственного поцелуя.

— Милорд Бергон ди Ибра, — произнесла она немного звенящим от волнения голосом, — добро пожаловать в Шалион.

— Миледи Исель ди Шалион, — так же взволнованно ответил Бергон и приблизился к Исель, — ди Ибра благодарит вас! — Он опустился на одно колено и поцеловал её ладони. Она наклонилась к нему и, поднеся его руки к губам, ответила на поцелуй.

Бергон поднялся с колен и представил своих сопровождающих, которые почтительно поклонились. Провинкар и настоятель собственными руками придвинули принцу кресло, поставив его рядом с креслами Исель и Кэсерила. Из кожаной шкатулки, которую держал в руках ди Тажиль, Бергон достал подарок — изумрудное колье его покойной матери, одну из немногих драгоценностей, не заложенных Лисом за время войны для покупки оружия. Белые горные пони, к сожалению, были ещё в пути. Бергон сначала собирался подарить ибранский жемчуг, но, по настоянию Кэсерила, заменил его на изумруды.

Ди Баосия произнёс короткую приветственную речь, которая могла бы оказаться значительно

длиннее, если бы взгляд племянницы не призвал его пригласить гостей в следующую комнату, дабы отдохнуть и перекусить. Жених и невеста остались наедине. Они сблизили головы и принялись что-то обсуждать, так тихо, что никто из любопытствующих, проходя мимо открытых дверей, не мог уловить ни звука.

Кэсерил не принадлежал к числу этих любопытствующих; он сидел, непрерывно глядя на дверь, и разрывался перед выбором — то ли нервно грызть маленькие пирожные, то ли в волнении кусать собственные кулаки. Голоса принца и принцессы звучали то громче, то тише; Бергон жестикулировал, Исель дважды рассмеялась и три раза охнула, расширив глаза и прижав пальцы к губам. Затем Исель что-то горячо зашептала, Бергон наклонил голову к плечу и внимательно слушал, не отводя взгляда от её лица, разве что пару раз поднял глаза на Кэсерила. Потом они зашептались ещё тише.

Леди Бетрис принесла ему стакан разбавленного вина, кивнула в ответ на слова благодарности. Кэсерил подумал, что, кажется, догадывается, чьими заботами его поджидали ванна, горячая вода, слуги и одежда. Её нежная кожа — молодая и гладкая — отливала в отблесках свечей золо-

том, а строгое платье и убранные назад волосы подчёркивали её неожиданно зрелую элегантность. Бьющая ключом энергия, перешедшая в силу и мудрость…

— Что происходит сейчас в Валенде, как вы думаете? — спросил у неё Кэсерил.

Её лицо посерьёзнело.

— Думаю, что обстановка весьма напряжённая. Но мы надеемся, что поскольку Исель там уже нет, скоро всё успокоится. Ведь ди Джиронал не осмелится применить силу к вдове, да ещё и тёще рея Иаса?

— М-м… не сразу по крайней мере. В отчаянном положении всё становится возможным.

— Это верно. Во всяком случае, уже меньше задумываешься, что возможно, а что нет.

Кэсерил вспомнил об отчаянной ночной скачке двух девушек, которая так внезапно изменила их общее положение к лучшему.

— Как вам удалось сбежать?

— Ну, ди Джиронал, похоже, ожидал, что мы будем плакать и стенать в замке, напуганные мощью его войска. Но вы же знаете, как смотрит на всё это провинкара. Его шпионки следили за Исель, а не за мной. Я брала Нан ди Врит, и мы спускались в город, делали покупки, выпол-

няли мелкие поручения и наблюдали. Солдаты ди Джиронала готовились отразить нападение спешащих к нам на выручку мятежников, и мы знали все их сторожевые посты. Никто не мог также запретить нам ходить в храм — где находился лорд ди Паллиар — и молиться за выздоровление Орико. — На щеках заиграли милые ямочки. — Одно время мы были такими набожными! — Ямочки пропали. — Тогда провинкара получила известие, уж не знаю, из какого источника, что канцлер отправил к нам своего младшего сына и ещё тысячу человек, чтобы срочно увезти Исель в Зангр, поскольку Орико при смерти. Может, это и правда, но лучше было не попадать в руки ди Джироналу. Таким образом, наш побег стал срочной необходимостью и он состоялся.

Палли подошёл поближе, ди Баосия тоже направился к ним. Кэсерил кивнул провинкару.

— Ваша мать писала мне, что некоторые провинкары обещают поддержку. Есть ли у вас ещё какие-нибудь новости на этот счёт?

Ди Баосия достал список имён тех, кому написал и кто ему ответил. Он оказался не таким длинным, как хотелось бы Кэсерилу.

— Ладно, это слова. А как насчёт войск?

Ди Баосия пожал плечами.

— Два моих соседа обещали военную поддержку Исель, если это потребуется. Они не очень-то обрадованы тем, что личное войско канцлера заняло мой город. Мне кажется, что это беспокоит их даже больше, чем меня. А третий… третий женат на одной из дочерей ди Джиронала. Он сейчас чувствует себя крайне неуютно и почти ни с кем не общается.

— Ещё бы. А кому-нибудь известно, где сейчас ди Джиронал?

— Мы думаем, что в Кардегоссе, — сказал Палли. — Военный орден Дочери всё ещё остаётся без генерала. Ди Джиронал боится оставить Орико, чтобы ди Джеррин не убедил его подписать назначение. Как мне тайно сообщили, жизнь Орико висит на волоске. Он болен, но далеко не безумен; мне кажется, рей использует свою болезнь, чтобы избежать принятия ответственных решений, которые могли бы кого-нибудь обидеть.

— Очень похоже на него. — Кэсерил потёр подбородок и посмотрел на ди Баосия. — Кстати о солдатах храма — насколько велик гарнизон Сына в Тарионе?

— Небольшой отряд, человек двести, — ответил провинкар, — это не то что в Гуариде и в других

провинциях, граничащих с Рокнаром.

«Значит, в стенах Тариона двести человек», — подумал Кэсерил. Ди Баосия понял его взгляд.

— Настоятель нынче вечером поговорит с командирами. Полагаю, что брачный договор убедил его в преданности новой наследницы… э-э… Шалиону.

— Но они давали присягу, — прошептал Палли, — нельзя доводить дело до того, чтобы им пришлось её нарушить.

Кэсерил прикинул время и расстояние.

— Весть о побеге Исель из Валенды уже наверняка достигла Кардегосса. Новость о приезде Бергона последует за ней. Ди Джиронал почувствует, что регентство, на которое он так рассчитывал, ускользает из его рук.

Ди Баосия радостно улыбнулся.

— Да, всё происходит быстрее, чем он — да и любой другой — мог предположить, — и он бросил на Кэсерила исполненный уважения взгляд.

— Лучше было бы предотвратить те его действия, которые мы потом не сможем исправить, — сказал Кэсерил. Если две стороны, обе несущие на себе проклятие, столкнутся в гражданской войне, могут проиграть обе. И это будет кульминацией посмертного дара Золотого Гене-

рала всему Шалиону; страна погибнет. Победа подразумевает тонкую борьбу, без кровопролития. Пусть Бергон спасёт Исель от проклятия, но оно всё равно останется над бедным Орико, и ди Джиронал разделит судьбу своего номинального господина…

«А что будет с Истой?»

— На самом деле всё зависит от того, когда умрёт рей. Он может протянуть ещё какое-то время, — продолжил Кэсерил, думая о том, что проклятие наверняка предопределит Орико самую тяжёлую судьбу. Для того оно и существует, чтобы притягивать все мыслимые беды и катастрофы. Зверинец Умегата защищал рея от куда более страшных вещей, чем болезнь. — Нужно подумать, что мы можем предложить ди Джироналу в качестве отступных — как до вступления Исель на трон, так и после.

— Не думаю, что ди Джиронал согласится на какие-то отступные, — возразил Палли. — Он был реем Шалиона во всём, кроме титула, в течение десяти лет.

— Ну, тогда он, вероятно, устал, — вздохнул Кэсерил. — Несколько хороших должностей для его сыновей смягчат его сердце. Его слабое место — верность семье.

Только вот проклятие извратило эту добродетель, превратив в прямую противоположность.

— Дайте ему уйти, но выкажите расположение его клану… выдерните у него зубы медленно и нежно, и дело будет сделано.

Кэсерил посмотрел на Бетрис, которая внимательно слушала разговор. Да, она наверняка потом поделится всем услышанным с Исель.

Бергон и Исель в другой комнате встали. Она положила ладонь на его протянутую к ней руку; они бросили друг на друга застенчивые взгляды, не оставшиеся незамеченными ими обоими, и направились к ожидавшей их компании. Принц и принцесса выглядели настолько довольными, как Кэсерилу даже не мечталось.

— Наследница Шалиона, — произнесла Исель и сделала паузу.

— И наследник Ибры, — добавил Бергон.

— Рады всем сообщить, что мы обменяемся брачными клятвами, — торжественно продолжила Исель, — перед богами и перед нашими благородными ибранскими гостями и горожанами…

— В храме Тариона, послезавтра в полдень, — закончил Бергон.

Слушатели разразились радостными криками

и поздравлениями. И — Кэсерил не сомневался — подсчётами, успеет ли враг прибыть сюда до послезавтра. Не успеет! Теперь следовало перейти к тщательной подготовке. Как только Исель окажется освобождённой от проклятия, время будет работать на неё. С каждым днём число её сторонников будет расти. С чувством огромного облегчения Кэсерил откинулся на спинку кресла и поморщился от боли, когда живот стиснул очередной спазм.

Глава 25

На следующий день, среди суеты совершенно обезумевших в предсвадебной горячке дворцовых слуг, Кэсерилу казалось, что он единственный человек, которому нечего делать. Исель прибыла в Тарион только с теми вещами, которые были на ней надеты; вся корреспонденция и бухгалтерские книги остались в Кардегоссе. Когда же он пошёл к ней, чтобы узнать, будут ли какие-нибудь распоряжения, то обнаружил в её покоях целую толпу близких к истерике камеристок под руководством тёти-провинкары. Все сновали туда-сюда, принося и унося свёртки тканей, нитки, иголки и прочие необходимые предметы.

Исель высунула голову из вороха шёлковых складок и оборок и, задыхаясь, простонала:

— Вы только что вернулись, проскакав ради меня более восьмисот миль. Идите отдыхать, Кэсерил.

Она послушно вытянула руку, чтобы одна из женщин могла примерить рукав.

— Нет, лучше составьте два письма с объявлением о моей свадьбе, чтобы в канцелярии моего

дяди с них сняли копии. Одно письмо для всех провинкаров Шалиона, другое — для старших настоятелей всех храмов. Что-нибудь такое, что они могли бы прочесть своим людям. Это замечательное, спокойное занятие. Когда у вас на руках будут все семнадцать, нет — шестнадцать…

— Семнадцать, — поправила её тётя откуда-то из-за шёлковых волн. — Твой дядя захочет одно для архива канцелярии. Стой ровно.

— Когда все они будут готовы, отложите их. Мы с Бергоном подпишем все завтра после церемонии, и вы тогда проследите, чтобы они были разосланы по назначению, — и она решительно кивнула, вызвав недовольство другой женщины, подгонявшей вырез горловины.

Кэсерил удалился из покоев Исель, прежде чем раздражённые камеристки начали втыкать в него иголки, и ненадолго задержался на галерее, опершись на перила. День был чудесный, ясный, уже дышавший весной. Небо было чистое, бледно-голубого цвета. Мягкий солнечный свет заливал выложенный новенькими плитами двор, на котором вокруг только что заработавшего фонтана садовники устанавливали кадки с цветущими апельсиновыми деревьями. Кэсерил остановил проходившего мимо слугу и попросил поставить

письменный стол прямо во дворе, на солнышке. А ещё — уютное кресло с толстой подушкой, потому что, хотя в голове Кэсерила впечатления и воспоминания о проделанных восьмистах милях уже начинали стираться, задница его, похоже, отлично помнила каждую из них. Он откинулся на спинку, подставил лицо солнечным лучам и, закрыв глаза, начал мысленно составлять письма. Затем Кэсерил быстро написал их и передал результаты своего труда клерку канцелярии, чтобы тот сделал нужное количество копий куда более удобочитаемым почерком, чем его собственный. Завершив сие мирное и спокойное дело, Кэсерил снова откинулся в кресле и закрыл глаза.

Он услышал приближающиеся шаги и вздрогнул, когда о стол брякнул поднос. Слуга принялся выставлять перед ним разные лакомства: блюдо с сушёными фруктами, хлеб с мёдом и орехами, чай и кувшинчик молока. Затем Бетрис отпустила слугу, сама налила ему чая, сунула в руку ломоть хлеба и примостилась рядом, на бортике фонтана, глядя, как он ест.

— У вас так похудело лицо! Вы наверняка почти ничего не ели всю дорогу, — строго сказала она.

— Даже не знаю. Что за чудный день сегодня! Надеюсь, погода продержится до завтра.

— Леди ди Баосия считает, что да, хотя, по её словам, в День Дочери будет лить дождь.

Запах цветов апельсина заполнял двор, смешиваясь со вкусом мёда на губах. Он сделал глоток чая и удивлённо заметил:

— Через три дня будет ровно год, как я пришёл в замок Валенды. Я хотел просить места на кухне.

На щеках Бетрис заиграли ямочки.

— Я помню. Мы впервые увиделись накануне Дня Дочери за столом провинкары.

— О, я увидел вас раньше. Вы въехали во двор вместе с Исель и… и Тейдесом.

«И беднягой ди Сандой».

Она выглядела изумлённой.

— Правда? А где вы были? Я вас не видела.

— Сидел на скамейке у стены. Вы были слишком заняты, получая нагоняй от отца за скачки по холмам, чтобы заметить меня.

— Ох. — Она вздохнула и опустила руку в воду маленького бассейна, но тут же выдернула её и, нахмурившись, стряхнула капли с пальцев. Хотя в воздухе нынче и веяло дыханием леди Весны, но вода была ещё во власти Отца Зимы. — Мне кажется, это было сто лет назад, а не всего-навсего один год.

— Для меня время промелькнуло в мгновение

ока. — Затем Кэсерил сменил тему: — Исель говорила дяде о проклятии, которое мы попытаемся завтра уничтожить?

— Конечно, нет! — и в ответ на его недоумённо вскинувшиеся брови она пояснила: — Исель — дочь Исты. Она не может говорить о проклятии, иначе её тоже сочтут сумасшедшей. И используют это, чтобы захватить… всё. Ди Джиронал уже подумал об этом. На похоронах Тейдеса он распускал разные слухи. Не упускал ни одной возможности с кем-нибудь пошептаться. Если Исель плакала — он интересовался, не истерика ли это; если смеялась — спрашивал, как можно смеяться на похоронах брата; когда она разговаривала — опасался за её рассудок; когда молчала — пугался, отчего она так мрачно молчит? Вы бы видели, как смотрели на неё люди после таких разговоров. К концу своего визита в Валенду ди Джиронал говорил всё это прямо в её присутствии, надеясь, что она возмутится и её гнев можно будет приписать неуправляемости и раздражительности. Он плёл вокруг неё целую паутину. Но я, Нан и провинкара раскусили его хитрость и предупредили Исель, так что она сохраняла при нём полное хладнокровие.

— Умница!

Бетрис кивнула.

— Но когда мы услышали, что едут люди канцлера, чтобы забрать Исель в Кардегосс, она была в панике, не зная, как покинуть Валенду. Ведь если бы она попала к нему в руки, она оказалась бы полностью в его власти, и он легко мог в любой момент объявить её безумной. И кто бы опровергнул его слова? Он заставил бы провинкаров утвердить его регентство над бедной свихнувшейся девочкой, даже не прибегая к мечу. — Она перевела дыхание. — Поэтому Исель не решается рассказывать о проклятии.

— Да, конечно. Она очень умна и потому осторожна. Ну, волею богов, скоро всё кончится.

— Волею богов и кастиллара ди Кэсерила.

Он смущённо отпил ещё глоток чая.

— Когда ди Джиронал узнал, что я отправился в Ибру?

— Не думаю, что он догадывался о чём-то, пока траурный кортеж не добрался до Валенды и вас здесь не оказалось. Старая провинкара сказала, что он получил ещё несколько донесений от своих шпионов в Ибре. Полагаю, он не вернулся бы в Кардегосс, если бы ему не нужно было огородить Орико от ди Джеррина. Он дождался бы прибытия всех своих войск, чтобы утвердиться в Валенде.

— Ди Джиронал послал к границе убийц, чтобы избавиться от меня. Наверное, рассчитывал, что я вернусь один и что переговоры продолжатся позже. Вряд ли он ожидал принца Бергона так скоро.

— Никто не ожидал. Кроме Исель. — Она выводила пальцем узоры на тонкой чёрной шерсти лежавшего на колене плаща, потом подняла глаза и посмотрела на Кэсерила долгим взглядом. — Пока вы истощали свои силы, пытаясь спасти Исель… вы не узнали, как спасти себя самого?

После короткой паузы Кэсерил просто ответил:

— Нет.

— Это… это неправильно. — Бетрис свела брови.

Он рассеянно обвёл глазами залитый солнцем двор, не желая встречаться взглядом со своей собеседницей.

— Мне очень нравится это новое здание. Вы знаете, что в нём нет ни одного призрака?

— Вы меняете тему. — Морщинка между её бровями стала глубже. — Вы всегда так делаете, когда не хотите о чём-то говорить. Это я уже поняла.

— Бетрис… — тяжело вздохнув, мягко сказал Кэсерил, — наши пути разошлись в ту ночь, когда я вызвал для Дондо демона смерти. Я не могу

вернуться. Ты будешь жить, а я нет. Мы не можем быть вместе, даже если… просто не можем.

— Ты не знаешь, сколько времени тебе осталось. Это могут быть недели. Месяцы. Но даже если боги дадут нам всего час, остальное не имеет значения.

— Дело не во времени, — он поёжился от омерзения, — дело в слишком большой компании. Подумай о нас наедине — ты, я, Дондо, демон смерти… разве это не страшно, разве я не внушаю тебе ужас? — Его голос звучал почти умоляюще. — Поверь, что я сам в ужасе от себя!

Она посмотрела на его живот, затем отвела взгляд. Её подбородок упрямо вздёрнулся.

— Я не верю, что нет выхода, я не верю, что демон и призрак внутри тебя — навсегда. Ты считаешь меня трусихой?

— Ни в коем случае, — прошептал Кэсерил.

Она простонала, опустив глаза:

— Ради тебя я взяла бы штурмом замок богов, если бы знала, где он.

— Ну вот! Ты разве не читала Ордолла, когда помогала Исель зашифровывать письма? Так вот он утверждает, что мы и боги — здесь, все вместе, разделённые только тенью. Между нашими мирами нет расстояний, которые необходимо

преодолеть, чтобы достигнуть их. — «На самом деле я вижу тот мир прямо отсюда, не сходя с места». Ордолл был абсолютно прав.

— Но ты никогда не сможешь силой заставить богов сделать что-то. Это справедливо. Они тоже не могут заставить нас.

— Ну вот, опять!

Снова сменил тему.

— Что вы собираетесь завтра надеть? Что-нибудь обворожительное? Вы знаете, что вам не положено затмевать невесту?

Бетрис свирепо посмотрела на него.

Наверху на галерее показалась леди ди Баосия, вышедшая из покоев Исель, и позвала Бетрис разрешить запутанный вопрос о каких-то тканях. Бетрис неохотно поднялась на ноги и пошла к лестнице. На ходу она внезапно обернулась и сказала:

— Ладно, пусть так, пусть вы обречены, коль вам угодно, но если я завтра упаду с лошади и сломаю себе шею, надеюсь, вы почувствуете себя полным идиотом!

— Даже больше, чем идиотом, — пробормотал он вслед её сердито шелестевшим юбкам. Ярко освещённый солнцем двор затуманился в его непослушных глазах, и он вытер их коротким,

резким взмахом руки.

Утро следующего дня выдалось ясным, как и ожидалось. Окутанный запахом апельсиновых цветов двор был до отказа заполнен людьми, когда Исель в сопровождении своей тёти и Бетрис появилась на галерее и начала спускаться по лестнице. Кэсерил посмотрел на них и счастливо улыбнулся. Камеристки продемонстрировали поистине героические усилия в борьбе с шёлком и атласом, задрапировав Исель во все оттенки голубого цвета, подобающего невесте. Синий плащ её был усыпан таким количеством ибранских жемчужин, складывающихся в стилизованное изображение леопарда, какое только смогли сыскать в Тарионе за столь ограниченное время. Раздался взрыв аплодисментов. Невеста улыбалась, её волосы переливались и сверкали на солнце, словно река драгоценностей. Две кузины Исель под строгим надзором матери несли шлейф её платья. Даже облако проклятия, казалось, обвивало её как изящное одеяние.

«Осталось недолго…»

Кэсерил занял своё место рядом с провинкаром ди Баосия и оказался во главе процессии, двинувшейся по извилистым улочкам к стоявшему неподалёку храму Тариона.

Благодаря удивительной слаженности процессия жениха, следовавшая из дворца ди Уэста, прибыла к храму одновременно с процессией невесты. Принц был в красном и оранжевом — цвета, соответствующие его возрасту и полу, — а на лице его были написаны такие решительность и отвага, которые сделали бы честь любому храбрецу, в одиночку штурмующему бастион. Палли, Ферда, Фойкс и дюжина солдат ордена в парадных мундирах сопровождали принца и его скромную ибранскую свиту, чтобы они не чувствовали себя слишком малочисленными. Несмотря на краткий срок, прошедший со дня объявления до дня свадьбы, прибыло множество гостей. Кэсерил насчитал более тысячи дворян, столпившихся на центральном круглом дворе храма. На улицах же, пролегавших между дворцами провинкара и ди Уэста и храмом, собрался, казалось, весь Тарион. Город явно охватила праздничная лихорадка.

Обе процессии слились в одну и вошли в храм. Тарион всегда славился своими храмовыми певцами — от их звонких голосов дрожали священные стены. Молодая чета, следуя за старшим настоятелем, входила в каждое крыло по очереди, принося дары и на коленях произнося молитвы перед алтарями всех богов Семейства, чтобы

получить их благословение. Дочь и Сына благодарили за защиту своей жизни до сегодняшнего дня; Мать и Отца просили направить их по верному пути в будущем.

Согласно традиции и теологии, Бастард не участвовал в церемонии бракосочетания, однако предусмотрительные пары обязательно приносили дары и ему. Сегодня священными посланцами были назначены Кэсерил и ди Тажиль. Получив подношения от Исель и Бергона, они, провожаемые поющими детьми, прошли вокруг основного здания к башне Бастарда. Настоятель Бастарда стоял улыбающийся, в белых одеждах, готовый провести их к алтарю.

Молодая чета в день своей свадьбы вынуждена была одалживать одежду, деньги, пищу и крышу над головой, но Бергон не обошёл бога подношением. Ди Тажиль выложил на алтарь тяжёлый кошелёк с ибранским золотом и прочитал молитву. Исель послала Бастарду обещание починить крышу его башни в Кардегоссе, когда она станет рейной. Кэсерил добавил подарок и от себя — испачканную кровью нитку жемчуга, всё, что осталось от порванного ожерелья Дондо после схватки с разбойниками. Эта драгоценность была столь тяжёлой и проклятой, что ею могли владеть

только боги. Кэсерил вздохнул с облегчением, когда она наконец попала по назначению.

Выходя из башни Бастарда во двор, Кэсерил взглянул на толпу и обмер — он увидел среди зрителей пожилого мужчину, окутанного светло-серым, как зимний день, сиянием. Кэсерил посмотрел на него своим обычным зрением и разглядел серо-чёрные одежды, украшенные на плечах красной тесьмой. Служащий муниципального суда Тариона… возможно, это был обычный судья. И обычный святой Отца, как Клара — святая Матери в Кардегоссе?..

Человек этот уставился на Кэсерила открыв рот, с непередаваемым изумлением в глазах; его лицо побледнело. У них не было возможности перекинуться словом, поскольку Кэсерил должен был войти внутрь храма для продолжения церемонии, но он решил при первом же удобном случае расспросить об этом человеке настоятеля.

Молодожёны произнесли по короткой речи у центрального огня, после чего настоятель, Кэсерил и все остальные потянулись обратно по украшенным флагами улицам к новому дворцу ди Баосия, где их ждал большой пир. Блюда подавались столь вкусные и в таком изобилии, что было совершенно непонятно, как удалось всё это

организовать за какие-то два дня. Кэсерил подозревал, что в ход пошли запасы, отложенные на празднование приближавшегося Дня Дочери, но он не думал, что богиня обидится. Как почётных гостей, Кэсерила и старшего настоятеля посадили на заранее приготовленные для них места, так что у них не было возможности для приватной беседы до самых танцев по окончании обеда, когда музыка выманила молодёжь во двор. Тогда те два человека, с которыми так хотел поговорить Кэсерил, сами подошли к нему.

Судья стоял чуть позади настоятеля и явно нервничал. Они с Кэсерилом обменялись долгими взглядами, пока настоятель коротко представлял их друг другу.

— Милорд ди Кэсерил, позвольте представить вам достопочтенного Паджинина. Он служит в муниципалитете Тариона… — настоятель понизил голос, — и утверждает, что вы осенены богом. Это правда?

— Увы, да, — вздохнул Кэсерил. Паджинин кивнул, всем своим видом выражая: «Я так и знал». Кэсерил огляделся и отвёл своих собеседников в сторону; было довольно сложно найти уединённое место, но наконец они устроились в небольшом внутреннем дворике возле одного из

боковых входов во дворец. Начинало смеркаться. Издалека доносились звуки музыки и весёлый смех. Слуга зажёг факелы на стенах дворика и вернулся в здание. Над головой быстро бежали высокие облака, то и дело закрывая первые вечерние звёзды.

— Ваш коллега, старший настоятель Кардегосса, знает обо мне всё, — сказал Кэсерил настоятелю Тариона.

— Ох. — Настоятель заморгал, и в глазах его отразилось заметное облегчение. Кэсерил не считал необходимым рассказывать ему свою историю, но и отсылать настоятеля тоже не следовало. — Менденаль — замечательный человек.

— Отец Зимы, как я вижу, сделал вам подарок, — обратился Кэсерил к судье. — Что это за дар?

Паджинин взволнованно кивнул.

— Иногда… не всё время… Он позволяет мне знать, кто из свидетельствующих в судебной палате *лжёт*, а кто говорит правду. — Паджинин заколебался. — Это не всегда так хорошо, как может показаться.

Кэсерил коротко хмыкнул.

Паджинин заметно просветлел — заметно и для внутреннего, и для обычного зрения Кэсерила

— и сухо улыбнулся.

— А-а, вы понимаете.

— О да.

— Но вы, сэр… — Паджинин озабоченно повернулся к настоятелю. — Я сказал «осенён богом», но это не совсем так, неверное описание для того, что я вижу. Это… на него почти больно смотреть. Только три раза с тех пор, как мне дано это зрение, я встречал людей, тоже имевших дело с богами, но такого я не видел никогда.

— Святой Умегат в Кардегоссе говорил, что я выгляжу как пылающий город, — согласился Кэсерил.

— Да… — искоса взглянул на него Паджинин, — это описание довольно верное.

— Он был учёный человек.

«Когда-то».

— Что подарили вам боги?

— Э-э… я думаю, что на самом деле я сам — *дар.* Принцессе Исель.

Настоятель прижал пальцы к губам и быстро осенил себя священным знаком.

— В таком случае это объясняет ходящие о вас слухи.

— Что за слухи? — беспокойно спросил Кэсерил.

— Но, лорд Кэсерил, — перебил его судья, — что за ужасная тень нависает над принцессой Исель? Это не дар богов! Вы ведь тоже видите это?

— Я… этим я и занят. Пытаюсь избавить её от тени. Это и есть моё предназначение. Мне кажется, я уже почти достиг цели.

— Ох, какое облегчение. — Паджинин повеселел.

Кэсерил понял, что очень хочет уединиться с Паджинином и поговорить без свидетелей.

«Как ты справляешься с этим?»

Настоятель мог быть благочестивым и набожным, возможно, хорошим управляющим и даже весьма сведущим в вопросах теологии, но Кэсерил подозревал, что он никогда не поймёт всех неудобств жизни и деяний святого. Горькая улыбка Паджинина сказала ему самому всё. Кэсерилу хотелось выпить с ним, выслушать его рассказ и поделиться своими заботами.

К великому смущению Кэсерила, настоятель низко поклонился ему и сказал благоговейным шёпотом:

— Благословенный, могу ли я что-нибудь сделать для вас?

Вопрос Бетрис эхом раздался в его голове: «Вы не узнали, как спасти себя самого?» Может быть,

невозможно спасти себя самому. Может быть, должно спасать друга по очереди…

— Сегодня — нет. Завтра… или позже, на неделе, я хотел бы встретиться с вами и обсудить одно личное дело. Можно?

— Конечно, благословенный. Я в вашем распоряжении.

Они вернулись к столу. Кэсерил чувствовал себя измученным до предела и страстно хотел только одного — упасть в постель и спать, спать. Но двор под окнами его спальни был полон шумных, веселящихся гостей. Запыхавшаяся Бетрис пригласила его на танец, он извинился и сказал, улыбаясь, что не готов сейчас к подобным упражнениям. Она не испытывала недостатка в партнёрах. Её взгляд часто останавливался на нём, пока он сидел у стены и наблюдал за танцами, потягивая разбавленное вино. Он тоже не испытывал недостатка в собеседниках — к нему подсаживались и мужчины, и женщины, надеясь обеспечить себе тёплое местечко при дворе будущей рейны. Кэсерил с неизменной вежливостью и непреклонностью отвечал всем, что этот вопрос пока не обсуждается.

Ибранские лорды притягивали женщин, как мёд притягивает пчёл, и выглядели очень до-

вольными. Примерно в середине вечера прибыл лорд ди Сембюр, присоединился к пирующим и вызвал очередной всплеск восторгов. Ибранцы обменялись рассказами о своих приключениях под восхищённые вздохи знатных шалионок. К удовольствию Кэсерила, Бергон представал в глазах слушательниц романтическим героем, а Исель — после её побега из Валенды — героиней. Эта очаровательная история будет противостоять грязной клевете ди Джиронала о безумии бедняжки Исель, подумал Кэсерил.

«А ведь наша история — правда!»

Наконец подошло время, которого с таким нетерпением дожидался Кэсерил, — молодожёнов проводили в их покои. Никто из них, порадовался Кэсерил, не выпил столько, чтобы быть пьяным в этот ответственный момент. А вот вино, которое пил Кэсерил, отчего-то постепенно становилось всё менее и менее разбавленным в течение вечера, и язык у него несколько заплетался, когда принц и принцесса подозвали его к лестнице, чтобы обменяться церемониальными поцелуями благодарности. Он осенил себя кинтарианским знаком и призвал благословение на их головы. Торжественная благодарность, которую он прочёл в их глазах, его даже смутила.

Леди ди Баосия пригласила небольшой хор, который пел молитвы, пока молодожёны поднимались по лестнице; звонкие голоса заглушали шум царившего вокруг веселья. Исель сияла от радости, её глаза горели как звёзды, когда она, стоя под руку с Бергоном, улыбнулась всем и бросила вниз цветы.

Новобрачные исчезли в дверях спальни. Два офицера встали в разных концах галереи, чтобы им никто не мешал.

Через некоторое время камеристки и Бетрис вернулись, и танцы продолжились. Гости не угомонились бы до рассвета, но пошёл холодный дождь и прогнал танцоров со двора под крышу соседнего здания. Медленно, опираясь рукой на перила, Кэсерил взобрался по лестнице и ушёл к себе.

«Моё задание выполнено. Что теперь?»

Он не знал. Великий страх, терзавший его, оставил его душу. Теперь он мог жить или умереть — на выбор.

«Я отказываюсь сожалеть. Я не буду оглядываться назад».

Момент равновесия. Встреча прошлого и будущего. Он даже подумал, что может встретиться завтра с судьёй. Его компания рассеет одино-

чество.

«На самом деле, не так уж я и одинок», — решил он чуть позже, когда омерзительные, непристойные вопли Дондо зазвучали в обычное время в его, и только его, ушах. Заблудившийся дух был сегодня ещё злее и безумнее, нежели во все предыдущие дни. Последние следы его разума и здравомыслия растворились под напором безумной ярости. Кэсерил прекрасно понимал почему и улыбался сквозь слёзы, то катаясь по постели в приступах нестерпимой боли, то сворачиваясь клубочком, чтобы прижать пульсирующий живот.

Кэсерил чуть не потерял сознание и после этого заставил себя встать, ужаснувшись, что восставший Дондо может захватить его ещё живое тело и использовать его для покушения на Исель и Бергона. Содрогаясь в конвульсиях, он старался не кричать, не выпускать рвущиеся наружу слова, ибо не сомневался в том, чьи слова это будут.

Когда атака завершилась, он упал, задыхаясь, на холодный пол, запутавшись в собственной ночной рубашке, с обломанными, кровоточащими ногтями. Его вырвало, и он так и лежал в этой луже, не в силах шевельнуться. Кэсерил коснулся своей мокрой бороды — вокруг рта были хлопья

пены. Его живот стал прежнего размера — или ему приснилось в кошмарном сне, что тот превращался в огромное, раздутое брюхо? — хотя вся брюшная стенка болела и дрожала, мышцы сводило, как после непомерных усилий.

«Я не могу так больше».

Что-то должно уступить — его тело, его рассудок, его дыхание. Его вера. Что-нибудь.

Он встал, вымыл пол и вымылся в умывальнике сам, затем переоделся в чистую длинную рубаху, расправил пропитавшиеся потом сбитые простыни, зажёг в комнате все свечи и заполз в постель. И лежал, широко раскрыв глаза, пожирая ими свет.

Вскоре послышалось приглушённые голоса слуг и тихие шаги на галерее за дверью. Дворец просыпался. Кэсерил, должно быть, задремал, так как свечи догорели, а он не помнил, когда именно они погасли. Серый свет проникал в щель под дверью и между ставнями.

Сейчас должны были начаться утренние молитвы. Утренние молитвы — это замечательно, хотя сама мысль, что нужно подняться, чтобы присоединиться к молящимся, вызывала головокружение. Кэсерил встал. Медленно. Ну что ж, похмелье будет сегодня не у него одного в Тари-

оне. Даже если он не был пьян. Придворные по случаю свадьбы сняли траур, и Кэсерил выбрал среди предоставленной ему одежды скромный, но, как ему показалось, жизнерадостный наряд.

Затем он спустился во двор ждать восхода солнца и появления молодожёнов. Солнца, кажется, не ожидалось — дождь хотя и перестал, но небо было затянуто тёмными холодными тучами. Кэсерил вытер каменный бортик бассейна носовым платком и уселся. Он обменялся улыбкой и пожеланием доброго утра с пожилой служанкой, прошедшей мимо со стопкой белья в руках. В дальней части двора в поисках обронённых вчера кусочков еды прогуливался ворон. Кэсерил обменялся с ним взглядами, но птица, похоже, не испытывала к нему никаких особенных чувств и продолжала поиски завтрака. Подумав, он решил, что должен чувствовать облегчение от подобного безразличия.

Наконец выходившая в галерею дверь спальни принца и принцессы распахнулась. Сонные стражи на своих постах вытянулись в струнку. Зазвучали женские голоса и один мужской — тихие и радостные. Появились Исель и Бергон, одетые к утренней молитве, её рука нежно сжимала его руку. Они повернули к лестнице и, выйдя из тени

галереи, начали спускаться вниз.

Нет… тень следовала за ними.

Кэсерил протёр глаза, закрыл и снова открыл их. И дыхание у него остановилось. Зловещее облако, раньше обнимавшее Исель, теперь обнимало и Бергона.

Исель улыбалась мужу, Бергон отвечал ей такой же улыбкой. Вчера вечером они выглядели усталыми, возбуждёнными и немного смущёнными. Сегодня же утром они выглядели влюблёнными. С клубящейся вокруг, словно дым от горящего корабля, тьмой.

Когда они подошли поближе, Исель весело пропела:

— Доброе утро, лорд Кэс!

Бергон ухмыльнулся и спросил:

— Вы присоединитесь к нам, сэр? Мы должны поблагодарить вас за это прекрасное утро, не правда ли?

Губы Кэсерила попытались изобразить улыбку.

— Я… я… чуть позже. Я кое-что оставил у себя в комнате.

Он вскочил и бросился вверх по лестнице. Повернулся и увидел с галереи, как они идут через двор. И как тень следует за ними.

Он захлопнул за собой дверь и прислонился к ней спиной, хватая ртом воздух, почти плача.

«Боги. Боги. Что я наделал?»

«Я не освободил Исель. Я навлёк проклятие на Бергона».

Глава 26

Совершенно убитый, Кэсерил просидел в своей комнате всё утро. После полудня к нему в дверь постучал паж с пугающим известием, что принц и принцесса желают видеть его в своих покоях. Кэсерил хотел было сослаться на болезнь, которую ему, впрочем, даже не надо было изображать. Но тогда Исель тотчас прислала бы к нему врачей, а встреча с Роджерасом была ещё слишком свежа в его памяти. Кэсерил содрогнулся. С огромной неохотой он расправил одежду, привёл себя в порядок и, выйдя, зашагал по галерее к комнатам молодой четы.

Высокие окна гостиной были открыты прохладному весеннему свету. Исель и Бергон в праздничных нарядах, только что вернувшиеся с полуденного банкета во дворце ди Уэста, ожидали его с нетерпением. Они сидели на углу стола перед стопкой бумаги, перьями, чернильницей и прочими необходимыми для письма предметами. С другой стороны был приглашающе придвинут третий стул. Их головы, янтарная и каштановая, были наклонены друг к другу в тихом разговоре.

Тень всё клубилась над ними, вязкая, как горячая смола. Услышав шаги Кэсерила, оба посмотрели на него и заулыбались. Он облизнул пересохшие губы и поклонился с застывшим лицом. Исель указала на бумаги.

— Наша следующая неотложная задача — составить письмо моему брату Орико, сообщить ему о предпринятых нами шагах и уверить в нашей лояльности и подчинении. Я думаю, чтобы помочь Орико принять случившееся, нам следует включить выдержки из всех пунктов договора, показывающих, какие преимущества получил Шалион от нашего брака. Как вам кажется?

Кэсерил откашлялся и проглотил комок в горле.

Брови Бергона непонимающе поднялись.

— Кэс, ты выглядишь бледным, как… э-э… с тобой всё в порядке? Пожалуйста, сядь!

Кэсерил покачал головой. Ему снова хотелось броситься в объятия спасительной лжи — или, на данный момент, полуправды, поскольку он действительно чувствовал себя плохо.

— Всё не в порядке, — прошептал он и упал перед принцем на одно колено. — Я совершил ужасную ошибку. Мне так жаль. Очень жаль.

Озабоченное лицо Исель плыло у него перед

глазами, словно в тумане.

— Лорд Кэс?..

— Ваш брак… — он проглотил комок и с трудом заставил шевелиться онемевшие губы, — не снял проклятия с Исель, как я надеялся. Наоборот, оно теперь лежит на вас обоих.

— Что? — выдохнул Бергон.

В голосе Кэсерила зазвучали слёзы.

— И теперь я не знаю, что делать…

— Откуда вы это знаете? — спросила Исель.

— Я вижу его. Я вижу его на вас обоих. Ещё темнее и гуще. Плотнее.

Губы Бергона приоткрылись в испуге.

— Я… мы сделали что-то не так? Каким образом?..

— Нет-нет! И Сара, и Иста вышли замуж и получили проклятие Дома Шалиона. Я думал, что проклятие передаётся только по мужской линии наследников Фонсы вместе с именем.

— Но я тоже наследница Фонсы, — медленно проговорила Исель. — А плоть и кровь — это больше, чем просто имя. Когда двое женятся, это не означает, что остаётся один, а другой исчезает. Мы соединены, а не подчинены. Ох, неужели ничего нельзя сделать? Должен быть выход!

— Иста сказала… — начал Кэсерил и остановил-

ся. Он совсем не был уверен, что хочет рассказать этим двум решительным людям, что именно ему сказала Иста. Исель может задуматься снова…

«Невежество — это не глупость, но очень на неё похоже», — кричала тогда Исель. Было слишком поздно ограждать её от этого знания теперь. Волею богов она будет следующей рейной Шалиона. С правом управлять придёт и обязанность защищать — привилегия получать защиту останется среди прочих детских игрушек. Даже защиту от горьких знаний. Особенно от горьких знаний.

Кэсерил вздохнул и откашлялся.

— Иста сказала, есть другой способ.

Он поднялся с колена, ухватившись рукой за кресло, и тяжело сел. Срывающимся голосом, фразами таким простыми, что они казались почти жестокими, Кэсерил повторил то, что Иста поведала ему о лорде ди Льютесе, рее Иасе и о том, как ей являлась богиня. О двух непроглядных адских ночах в подземелье Зангра со связанным мужчиной и огромной бочкой ледяной воды. Когда он закончил, оба его слушателя выглядели испуганными и бледными.

— Я думаю… я боюсь, что могу быть подходящим человеком, — сказал Кэсерил, — из-за той ночи, когда я пытался обменять мою жизнь на

смерть Дондо. Я был в ужасе, что могу оказаться подходящим человеком. «Вы — ди Льютес Исель», — сказала мне Иста. Клянусь всеми богами, если б я был уверен, что это поможет, мы прямо сейчас пошли бы во двор и утопили меня в фонтане. Дважды. Но я сейчас не гожусь для жертвоприношения; моя первая — на самом деле уже вторая — смерть будет последней, так как демон улетит с нашими душами — моей и Дондо, и я не представляю, как мне вернуться в тело, чтобы умереть ещё раз. — Он вытер влажные глаза тыльной стороной ладони.

Бергон пожирал глазами свою молодую жену, потом хрипло произнёс:

— А если я?

— Что? — не поняла Исель.

— Я приехал сюда спасти тебя от проклятия. Требуется другой способ, посложнее, только и всего. Я не боюсь воды. Давайте утопим меня.

Одновременные протесты Кэсерила и Исель заглушили друг друга; Кэсерил коротким жестом уступил слово принцессе. Исель повторила:

— Однажды это уже пробовали, и ничего не получилось. Я не собираюсь топить никого из вас, уж увольте! Не собираюсь ни вешать, ни творить прочие кошмарные вещи, которые могут

втемяшиться вам в голову… нет, нет и нет!

— Кроме того, — подхватил Кэсерил, — богиня говорила, что человек должен по доброй воле трижды отдать жизнь во имя Дома Шалиона. Во имя Дома Шалиона, а не с именем Дома Шалиона!

Согласно словам рейны Исты. А дословно ли она привела слова богини? Или вкралась маленькая, но страшная ошибка? Не важно, во всяком случае, Бергон по этой теории не годится на роль жертвы.

— Я думаю, что проклятие не может быть разрушено изнутри — будь то Иас или ди Льютес. И, пятеро богов, прости меня, Бергон, но ты теперь тоже внутри.

— Что-то здесь не так. — Исель сощурилась. — Не сходится. А что сказал святой Умегат, когда вы спросили его, что вам делать? Насчёт ежедневных дел?

— Он сказал, что я должен вести себя как обычно — заниматься ежедневными делами.

— Ну вот. Я уверена, что боги нас не оставят. — Она побарабанила пальцами по столу. — Мне пришло в голову… может быть, не отдавать, а давать? Моя мать дважды дала жизнь во имя Дома Шалиона — мне и бедняге Тейдесу. Третьей возможности у неё не было. Но это, несомненно,

долг, возложенный на нас богами.

Кэсерил содрогнулся, представив себе разрушение, которое проклятие может произвести в жизни правящего дома, объединясь с опасностями беременности и родов, как раньше оно объединялось с рискованными случайностями войн, что вели Иас и Орико. Бесплодие, как у Сары, было, пожалуй, наименьшей из возможных бед.

— Пятеро богов, Исель, мне кажется, что лучше утопить меня в бочке.

— А кроме того, Кэс, богиня сказала — «человек». Она же сказала — «человек», да? Мужчина?

— Э-э… согласно словам леди Исты, да.

— Настоятели говорят, что когда боги учат людей благочестию, они имеют в виду и женщин тоже, — проворчала Исель. — Так что можно понять и так и эдак. В любом случае я жила с этим проклятием шестнадцать лет даже не подозревая о нём, и как-то выжила.

«Но теперь оно стало хуже. Сильнее».

Смерть Тейдеса была для Кэсерила наглядным примером действия зловещей тени — все силы, таланты и добродетели, которыми обладал мальчик, извратились и привели к несчастью. Исель и Бергон вместе обладали значительно большим количеством добродетелей и талантов, так что

поле действия проклятия становилось просто огромным.

Молодожёны взялись за руки. Исель потёрла переносицу свободной рукой и тяжело вздохнула.

— Проклятие или нет, — сказала она, — а нам нужно написать письмо Орико. И немедленно. А не то ди Джиронал объявит меня мятежницей. Если я была рядом с Орико, я бы убедила его в пользе нашего брака для Шалиона!

— Орико очень легко убедить, — сухо заметил Кэсерил. — Трудно сделать так, чтобы он остался при своём убеждении.

— Да, я помню, что ди Джиронал сейчас рядом с ним в Кардегоссе. Я больше всего боюсь, что канцлер убедит моего брата снова переписать условия завещания.

— Привлеките побольше провинкаров на свою сторону, принцесса, чтобы впредь они помогали вам бороться с его происками.

Исель нахмурилась.

— Я хотела бы поехать в Кардегосс. Мне следует быть рядом с Орико, если он при смерти. Нам надо в столицу.

После короткой паузы Кэсерил заметил:

— Это сложно. Вы не должны попасть в лапы

ди Джиронала.

— Я не собираюсь ехать без сопровождения. — Её улыбка странно блеснула, словно лунный свет на лезвии ножа. — Но мы должны пользоваться каждой законной лазейкой, как и любыми тактическими преимуществами. Неплохо было бы, к примеру, напомнить лордам Шалиона, что вся законная власть канцлера даётся ему реем. Только реем.

Бергон встревоженно вставил:

— Вы, конечно, знаете ди Джиронала лучше меня. Думаете, он будет спокойно сидеть на месте, узнав такую новость?

— Чем дольше он будет вынужден так просидеть, тем лучше. С каждым днём у нас всё больше поддержки.

— У вас есть какие-нибудь свежие известия о нём? — спросил Кэсерил.

— Пока нет, — ответил Бергон.

«Увы, время работает как на нас, так и против нас».

— Сообщите мне, как только что-нибудь узнаете. — Кэсерил сделал глубокий вдох, вытащил чистый лист бумаги и взял перо. — Ну что ж. Так что вы хотели написать?..

Проблема доставки этого бесценного с по-

литической точки зрения письма довольно деликатна, рассуждал Кэсерил, пересекая двор с подписанным и запечатанным документом в руке. Совершенно невозможно просто сунуть его в курьерскую сумку и отправить галопом в канцелярию Зангра. Требуется делегация высокопоставленных особ, не только для того чтобы доставить послание, но и чтобы увериться, что оно попало в руки Орико, а не ди Джиронала. Доверенный человек должен прочесть послание незрячему правителю и ответить на возможные вопросы. Лорды или настоятели, а лучше — и те и другие, решил Кэсерил. Дядя Исель вполне мог предложить людей, подходящих для этой цели и способных выехать сегодня же вечером. И скакать быстро. Кэсерил ускорил шаг, оглядываясь в поисках пажа или слуги, чтобы узнать, где сейчас ди Баосия.

В воротах он столкнулся с Палли и самим провинкаром — они спешили обратно во дворец, видимо, возвращаясь с банкета у ди Уэста, так как на них ещё были надеты праздничные наряды.

— Кэс! — окликнул его Палли. — Где ты был во время обеда?

— Отдыхал. Я… я плохо спал ночью.

— Да ну, бьюсь об заклад, ты был одним из

немногих, кто лёг в постель трезвым.

Кэсерил оставил реплику без ответа. Он спросил:

— Что это?

У Палли в руках была пачка распечатанных писем.

— Новости от ди Джеррина из Кардегосса, срочно доставленные курьером храма. Я решил, что принцу и принцессе необходимо немедленно ознакомиться с ними. Ди Джиронал выехал из Кардегосса вчера утром, и никто не знает куда.

— Он взял солдат?.. Нет, расскажешь всё наверху. Пошли. — Кэсерил развернулся, и они поднялись на галерею к покоям принца и принцессы. Их встретил один из слуг и удалился, чтобы вызвать молодую чету в гостиную. Ожидая супругов, Кэсерил показал Палли и ди Баосия письмо к Орико и рассказал о его содержании. Провинкар задумчиво кивнул и назвал несколько лордов, которые могли доставить документ в Кардегосс.

Вошли Исель и Бергон; Исель поправляла выбившиеся из-под ленты волосы. Трое мужчин поклонились им. Принц Бергон, насторожившись и посерьёзнев, принял бумаги из рук Палли и предложил всем сесть за стол.

Палли повторил новости о ди Джиронале.

— Канцлер взял с собой только небольшой кавалерийский отряд из своего дворца. Ди Джеррин считает, что он либо поехал куда-то недалеко, либо собирается скакать очень быстро.

— Что нового о моём брате Орико? — поинтересовалась Исель.

— Вот… — Палли протянул ей письмо. — Как только ди Джиронал уехал, ди Джеррин тут же попытался встретиться с реем, но рейна Сара сказала, что он уснул, и отказалась его беспокоить. А поскольку она относится к ди Джеррину куда лучше, чем к ди Джироналу, он боится, что рею просто стало хуже.

— А там что за письмо? — спросил Бергон.

— Это уже устаревшие новости, но всё равно довольно интересные. — Палли повернулся к Кэсерилу. — Кэс, что, демон тебя забери, рассказывает о тебе старый настоятель? Командир отряда ордена Сына в Тарионе прибежал ко мне с выпученными глазами, трясясь всем телом, — он считает, что ты осенён богами, и не осмеливается к тебе приближаться. Он хотел поговорить с кем-нибудь, кто, как и он, приносил присягу храму, и показал мне копию приказа из канцелярии Кардегосса. Тебя велено арестовать ни больше ни меньше как по обвинению в государственной

измене. Тебя оклеветали…

— Опять? — пробормотал Кэсерил, взяв в руки письмо.

— И обвинили в том, что ты тайно отправился в Ибру с целью продать Шалион Лису. Ну а поскольку сейчас все знают действительное положение вещей, эта бумага ничего не стоит.

Кэсерил просмотрел приказ.

— Да, вижу. Это был его следующий шаг, на случай, если меня не удастся убить. Боюсь, он немного опоздал. Ты прав, это уже не имеет значения.

— Да, но есть продолжение. Этот послушный долгу дурак-командир послал ди Джироналу письмо, в котором сообщил, что видел тебя, но не арестовал. Он заявил, что приказ отдан на ошибочном основании, что ты действовал по приказу принцессы Исель и принёс Шалиону величайшую пользу, а не вред, так что никакой измены тут нет; и что свадьбе этой были чрезвычайно рады все жители Тариона. Принцесса прекрасна, она показала себя мудрой и доброй, и это внушает народу великие надежды после всех бед, случившихся в царствование Орико.

Ди Баосия хмыкнул.

— Что прозвучало, поскольку беды эти случи-

лись одновременно в царствование ди Джиронала, как непреднамеренное оскорбление. Только вот вправду ли оно было непреднамеренным?

— Я полагаю, что да. Это человек весьма… э-э… простодушный. Он сказал, что хотел убедить канцлера встать на сторону принцессы.

— И это вызвало обратный эффект, — медленно проговорил Кэсерил. — Письмо убедило ди Джиронала в том, что его влияние быстро убывает и ему необходимо действовать без промедления, чтобы вернуть всё на свои места. Когда он получил этот глубокомысленный совет от своего подчинённого?

— Вчера, рано утром, — ответил Палли.

— Так… похоже, у него вполне могла быть информация и из другого источника. — Кэсерил передал приказ Бергону.

— Значит, ди Джиронал выехал из Кардегосса, — задумчиво сказала Исель.

— Да, только вот куда? — Палли откинулся на спинку стула.

Ди Баосия подёргал себя за губу.

— Если он выехал с таким небольшим количеством людей, то он едет туда, где сосредоточены его силы. Куда-то рядом с Тарионом. Значит, либо к своему зятю, провинкару Тистана, к востоку от

нас, либо в Валенду, на северо-запад от Тариона.

— Тистан к нам ближе, — заметил Кэсерил.

— Но в Валенде он держит в заложниках мою мать и сестру, — мрачно возразил ди Баосия.

— Как прежде — меня, — сказала Исель, её голос дрогнул от сдерживаемого волнения. — Они просили меня уехать, дядя…

Бергон внимательно слушал. Ибранский принц вырос среди постоянных гражданских войн, вспомнил Кэсерил, и даже если он и был взволнован, то признаков страха или паники не выказывал.

— Думаю, нам нужно ехать прямо в Кардегосс, пока там нет ди Джиронала, и взять всё в свои руки, — предложила Исель.

— Если мы будем вынуждены действовать таким образом, то сначала мы должны скакать в Валенду и, во-первых, освободить нашу семью, во-вторых — обеспечить себе тыл. Однако если ди Джиронал собирает войско, чтобы атаковать Тарион, я не могу и не хочу оставить своих подданных без защиты.

Исель нетерпеливо взмахнула рукой.

— Но когда мы с Бергоном уедем из Тариона, у ди Джиронала не будет повода для нападения. То же самое и с Валендой. Он именно меня хочет

— вернее, должен — иметь в своих руках.

— Мне не слишком нравится мысль, что ди Джиронал нападёт на ваш отряд в пути, где вы будете открыты и уязвимы, — покачал головой Кэсерил.

— Дядя, сколько людей вы можете прямо сейчас предоставить для сопровождения нас в Кардегосс? — спросила Исель. — Верховых? Пехотинцы пусть поспешают за нами как только могут. И как скоро их всех можно будет собрать?

— Я могу подготовить пять сотен всадников к завтрашнему вечеру и тысячу пехотинцев ещё через день, — неохотно ответил провинкар. — Два моих соседа могут выслать столько же, но чуть позже.

Кэсерил подумал, что ди Баосия мог бы достать, как фокусник из шляпы, вдвое большую армию, если бы не пытался страховаться от возможных неприятностей. Когда всё поставлено на карту, чрезмерная осторожность может оказаться столь же гибельной, как и чрезмерное безрассудство.

Исель сложила руки на коленях и сурово свела брови.

— Так пусть они готовятся. Мы будем присутствовать на утренней молитве в День Дочери, затем примем участие в процессии, как и пла-

нировалось. Дядя, лорд ди Паллиар… прошу вас выслать как можно больше разведчиков во всех направлениях — нам нужны данные о передвижениях ди Джиронала. Посмотрим, что нам будет известно к завтрашнему вечеру, тогда и примем окончательное решение.

Двое мужчин поклонились и поспешили из комнаты; Кэсерила Исель попросила задержаться.

— Я не хотела спорить с моим дядей, — сказала она с сомнением в голосе, — но я считаю, что ехать в Валенду — это терять время. Как вы думаете, Кэсерил?

— С точки зрения рея и рейны Шалиона-Ибры… Валенда не является стратегически важным объектом как географический пункт. Ею может владеть кто угодно.

— Тогда пусть там застрянут не наши войска, а войска ди Джиронала. Но я подозреваю, что мой дядя не согласится с этим.

Бергон прокашлялся.

— Дороги на Валенду и Кардегосс расходятся не сразу. Сначала это одна дорога. Мы можем сказать, что едем в Валенду, а на развилке свернуть в Кардегосс.

— Сказать кому?

— Да всем. Смотрите, как замечательно получится — все шпионы канцлера, которые здесь есть, поспешат направить его по ложному пути.

Да, это действительно сын Лиса Ибры… Кэсерил одобрительно кивнул.

Исель поразмыслила над предложением, затем снова нахмурилась.

— Это получится, только если люди моего дяди пойдут за нами.

— Если мы их поведём, мне кажется, у них просто не будет другого выбора.

— Я надеялась избежать войны, а не начинать её, — вздохнула Исель.

— Ну, тогда имеет смысл *не* идти в город, набитый войсками канцлера. Что ты на это скажешь? — предложил Бергон.

Исель загадочно улыбнулась, наклонилась и чмокнула его в щёку; Бергон дотронулся до щеки и тоже улыбнулся.

— Мы *оба* должны принять решение до завтра, — объявила она. — Кэсерил, отправляйте письмо моему брату, как будто мы и не собираемся никуда двигаться из Тариона. При случае мы нагоним его в пути и доставим сами.

Благодаря помощи ди Баосия и старшего настоятеля Кэсерил не испытывал недостатка в добро-

вольцах — ни в городе, ни в храме, — жаждавших доставить письмо принцессы в Кардегосс. Тех, кто был на стороне молодой пары, становилось всё больше. Не успевшие приехать на свадьбу стекались в город к празднованию Дня Дочери. Молодость и красота притягивают сердца людей, как могущественный талисман; близившийся сезон леди Весны, сезон обновления, стал символизировать для всех начало правления Исель.

И Кэсерил знал, что никто из пребывавших ныне в Тарионе не забудет это время надежд; память о нём будет светиться в их глазах и тогда, когда они будут смотреть на уже умудрённых зрелостью Исель и Бергона.

Поздним вечером, когда большинство горожан укладывались в уютные постели, дюжина избранных посланцев садились в сёдла. Кэсерил провожал их. Он вручил документы настоятелю, который ехал с ними — сдержанному господину, достигшему в ордене Отца этого высокого духовного чина, — и улыбнулся марчу ди Соулду, включённому в отряд в качестве свидетеля со стороны Бергона. Наконец посланцы принца и принцессы тронулись в путь. Палли проводил Кэсерила до дворца ди Баосия и пожелал ему спокойной ночи.

Когда Кэсерил поднимался по лестнице на галерею, в голове его лёгкой тенью промелькнула мысль, от которой шаги его стали тяжелее. Проклятие ложилось тяжким грузом на самые светлые надежды. Лет десять назад молодой Орико начинал своё правление, будучи таким же энергичным и волевым, как Исель. Он словно верил, что чёрное облако можно победить, если вложить в борьбу достаточно усилий, доброй воли, благородных порывов. Но всё пошло не так…

Есть судьба и похуже, чем стать ди Льютесом Исель, подумал Кэсерил, он может стать её ди Джироналом. Сколько разочарований и разрушительных ударов проклятия сумеет вынести преданный человек, прежде чем начнёт терять рассудок, наблюдая, как молодость и надежды превращаются в дряхлость и отчаяние? И каким бы ни был Орико, он держался очень долго, позволяя следующему поколению выиграть время, поймать удачу. Словно упрямый маленький герой, он затыкал своим телом дыру в плотине, не давая напирающим тёмным водам проклятия затопить тех, кто мог спастись. Пока не захлебнётся и не утонет сам…

Кэсерил приготовился ко сну и к ночной атаке, но Дондо был нынче странно тих. Устал? Соби-

рается с силами? Ждёт… Несмотря на сознание его зловещего присутствия, Кэсерил, ожидая, незаметно уснул.

Слуга разбудил его за час до рассвета и провёл в один из внутренних двориков, где маленькая свита принца и принцессы ожидала начала службы. Воздух был холодный и влажный, но прямо над головой виднелось несколько звёздочек, обещая скорый и ясный рассвет. Вокруг центрального фонтана, по ибранскому обычаю, были разложены коврики, на которые молящиеся могли вставать на колени или при желании ложиться распростершись. Исель и Бергон стояли на коленях бок о бок. Леди Бетрис встала между принцессой и Кэсерилом. Ди Тажиль и ди Сембюр, позёвывая, поспешили присоединиться к ним вместе с ещё дюжиной дворян рангом пониже и заняли внешнее кольцо ковриков. Настоятель из храма прочёл молитву вслух, затем предложил всем собравшимся помолиться про себя, дабы сезон Дочери осенил их благословением. По всему Тариону гасли огни Зимы. Наконец задули и последнюю свечу. Воцарились глубокая темнота и молчание.

Кэсерил лёг на свой коврик, раскинул руки. Он прочёл две известные ему молитвы Весны по

три раза каждую, потом сдался, поняв тщетность своих попыток вытеснить священными текстами беспокойные мысли. Если позволить мыслям течь своим чередом, может, поток их иссякнет и в наступившей тишине он услышит… что?

Он сменил тему, как недавно заметила Бетрис, чтобы избежать ответа на неудобный, слишком трудный для него вопрос. Он пытался проделать это с богами, но, похоже, они не попались на его удочку.

Исте была дана возможность разрушить проклятие, но она упустила её, а с нею удачу упустило и всё её поколение. Если теперь проиграет он, ему не будет позволено вернуться обратно и попробовать ещё раз. И тогда Исель, или Бергон, или оба сразу займут место Орико и будут держать плотину, пока не захлебнутся, в надежде, что следующее поколение успеет обнаружить новую возможность спасения.

«Им страшно не повезёт с детьми».

Он внезапно понял это с холодной, очетливой ясностью. Все их грандиозные планы и мечты о мире и порядке строятся на появлении сильного, могущественного наследника, который объединит их государства. Они потратят все свои силы и самих себя на детей, которые будут рождаться

мёртвыми, безумными, слабыми…

«Ради тебя я взяла бы штурмом замок богов, если б знала, где он».

Он знал, где этот замок. По другую сторону души каждого живого человека. Такой же близкий, как другая сторона монеты, другая сторона двери. Каждая душа — это потенциальная дверь для богов.

«Интересно, а что произойдёт, если все двери вдруг откроются?»

Хлынут ли в наш мир чудеса, опустошив небесные чертоги? Ему внезапно пришла в голову следующая картина: святые — это ирригационные системы богов, каналы, как вокруг Загосура; продуманная, бережная система открывания и закрывания шлюзов, чтобы доставить каждой маленькой душе-ферме её порцию благословения. Если не считать того, что и здесь тоже может прорвать плотину.

Призраки были изгнанниками; они находились не в том мире, словно люди, вывернутые наизнанку. Не может ли случиться обратное? Каково это было бы — стать антипризраком, существовать во плоти в мире духов? Большинство духов тоже не замечало бы его, невидимого, бессильного и бесправного, как призраки в мире

людей, которых почти никто не видит?

«И если я могу видеть души, утратившие свои тела, почему я не могу их видеть, пока они ещё на месте?»

А разве он пробовал? Сколько людей находится рядом с ним прямо сейчас? Внезапно разволновавшись, он закрыл глаза и попробовал взглянуть на них внутренним зрением. Где-то за спиной кто-то захрапел на своём коврике; сосед разбудил его безжалостным тычком, испуганно ворча. Если бы получилось, наверное, это было бы всё равно что смотреть на небо сквозь оконное стекло.

Если боги видят только людские души, а не тела — как раз обратное по сравнению с людьми, которые видят тела, но не души, — это объясняет их беспечность и невнимание к таким вещам, как внешность или телесные функции и ощущения. Боль, к примеру. Является ли боль, с точки зрения богов, иллюзией? Может быть, замок богов, рай — это не место, а всего лишь другой угол зрения, другая перспектива?

«А в момент смерти мы ускользаем. Теряем наш материальный якорь, находя… что?»

Смерть проделывает дыру между мирами.

Если одна смерть проделывает маленькую, быстро затягивающуюся щёлку, что же тогда

может вспороть миры, пробив… нет, не потайной ход, через который можно пробраться ползком, а огромную прореху, брешь в стене, куда могли бы хлынуть священные армии?

«А если умирает бог, какой проход возникает между небом и землёй?»

И что же представляло собой благословение-проклятие Золотого Генерала, эта изгнанная оттуда сущность? Какую дверь открыл в себе рокнарский гений, каким *каналом* он был?..

Раздутый живот Кэсерила сжали тиски боли, он повернулся немного на бок, чтобы не давить на него.

«Сейчас самое непонятное место пересечения миров — это я».

Плоть, заключающая в себе два существа, изгнанных из мира духов. Демона, вовсе не принадлежащего этому миру, и Дондо, который должен был уйти, но оказался скованным неискуплёнными грехами. Дондо не хочет к богам. Превратился в сгусток упрямства, впился в тело Кэсерила свинцовой тяжестью абордажного крюка. Если б не Дондо, он мог бы убежать.

«Мог бы?»

Он представил себе, как этот якорь смерти вдруг внезапно и — ха! — чудесным образом ис-

чезает. Он может убежать… но тогда он так и не узнает, как всё могло бы получиться.

«Ах этот Кэсерил… Продержись он хотя бы ещё один день, ещё одну милю, он мог бы спасти мир. Но он ушёл всего на час раньше, чем надо было…»

И проклятие, по сравнению с которым потерянные души кажутся всего лишь необычным, забавным пустячком, осталось позади. Новая жизнь — вечность? — для того, чтобы снова и снова познавать себя.

Но единственный способ узнать, что же в действительности его ждёт, — это пройти до конца весь путь к смерти.

«Пятеро богов, я и впрямь спятил. Я доковылял бы до самого ада Бастарда только из-за собственного неуёмного любопытства».

Вокруг слышалось дыхание соседей, иногда — шорох одежды. Слабо шумел фонтан. Звуки убаюкивали. Он чувствовал себя одиноким, но по крайней мере в хорошей компании.

«Добро пожаловать в святость, Кэсерил! Благословением богов ты добрался до целого сонма чудес! Беда в том, что тебе не дано из них выбирать…»

У Бетрис всё получилось наоборот. Нужно не

штурмовать замок богов, а позволить им штурмовать себя. Может ли старый вояка, комендант осаждённой крепости, научиться открывать свои ворота?

«В ваши руки, о Лорды Света, я вручаю свою душу. Делайте то, что вам нужно, чтобы улучшить этот мир. Я в вашем распоряжении».

Небо просветлело, сменив серые краски Отца Зимы на синеву Дочери. В сумерках двора Кэсерил увидел, что тела его соседей начали отбрасывать тени и обретать дар света — цвет. Аромат апельсиновых деревьев тяжело висел во влажном утреннем воздухе, но и он не мог помешать Кэсерилу чувствовать нежный запах волос Бетрис. Совсем закоченев, Кэсерил поднялся на колени.

Откуда-то из дворца донёсся мужской крик и внезапно оборвался. Пронзительно завизжала женщина.

Глава 27

Кэсерил оттолкнулся руками от каменных плит двора, вскочил на ноги и, откинув полу плаща, освободил рукоять меча. Окружающие тоже поднялись и тревожно озирались по сторонам.

— Ди Тажиль, — Бергон взмахнул рукой, — проверьте.

Ди Тажиль кивнул и убежал. Ди Сембюр — его правая рука была ещё на перевязи — сжал и разжал пальцы левой руки и, отправившись вслед за ди Тажилем, неловко попытался дотянуться до меча.

— Нужно запереть ворота, — бросил он на ходу.

Кэсерил быстро окинул взглядом маленький дворик и арку ворот. Их изящные, обитые железом створки ди Тажиль оставил широко распахнутыми. Есть ли здесь ещё одни вход?

— Принцесса, принц, Бетрис — вы не должны оказаться здесь в ловушке. — Он побежал за ди Сембюром. Сердце так и выпрыгивало у него из груди. Если ему удастся выпустить их, прежде чем…

Едва ди Сембюр оказался у арки ворот, внутрь влетел перепуганный паж.

— Милорды, на помощь! Во дворец ворвались вооружённые люди! — и обернулся с испуганным лицом.

«А вот и они».

Двое мужчин с мечами наголо бежали за пажом. Ди Сембюр, пытавшийся запереть ворота левой рукой, одновременно держа в ней меч, еле уклонился от первого удара. Кэсерил поспешил ему на помощь. Его первый выпад был яростным, но противник парировал удар, и лязг металла эхом отразился от стен.

— Уходите! — крикнул он через плечо. — По крышам, если придётся!

Сможет ли Исель взобраться на крышу в дворцовых нарядах? Он уже не видел, послушались ли они его приказа, так как противник бросился в атаку. Разбойники или солдаты — кто бы они ни были — носили обычную одежду, как у горожан, без всяких опознавательных знаков; они наводнили город, пробравшись в него небольшими отрядами и смешавшись с праздновавшим народом.

Ди Сембюр с плеча рубанул своего противника. Тот начал валиться на землю, но его тяжёлый от-

ветный удар пришёлся по правой руке ибранца. Ди Сембюр побледнел и со сдавленным стоном упал на спину. Из-за угла появился другой солдат и побежал к воротам; на нём были баосийские чёрный и зелёный цвета. Поначалу сердце Кэсерила дрогнуло в надежде, но он тут же узнал бывшего капитана охраны Тейдеса — похоже, тот вполне овладел наукой предательства.

Губы капитана при виде старого врага злобно скривились, он, мрачно скалясь, крепче сжал меч и поспешил присоединиться к противнику Кэсерила. У Кэсерила не оставалось ни мгновения между ударами, чтобы свободной рукой попытаться прикрыть ворота, да и умирающий противник ди Сембюра упал как раз между створками. Единственное — и, вероятно, самое лучшее на сегодняшний день — преимущество заключалось в том, что в узком пространстве ворот его противники могли атаковать только по очереди. Рука Кэсерила всё больше немела от ударов, отдававшихся через клинок в рукоять, живот сводили болезненные спазмы. Но каждый его судорожный вдох и выдох давал возможность Исель, Бергону и Бетрис сделать ещё один шаг к спасению. Один шаг, два, три… Где ди Тажиль? Девять шагов, одиннадцать, пятнадцать… Сколько

ещё людей подоспеет сюда следом за этими? Его клинок рубанул по подбородку первого противника, тот с воем отшатнулся и схватился руками за окровавленное лицо, но капитан только выиграл, получив больший простор для атаки. На руке его до сих пор было кольцо с зелёным камнем, доставшееся ему от Дондо. Оно сверкало, когда его меч отбивал удары Кэсерила и наносил свои. Сорок шагов. Пятьдесят…

Мир сузился; Кэсерил уже хотел выиграть не день, и не эту схватку, и не свою жизнь, а всего лишь ещё один шаг. Каждый шаг — маленькая победа. Шестьдесят… он сбился со счета. Начать сначала.

«Раз. Два. Три…»

«Наверное, я сейчас умру. Всего лишь во второй раз». Он плакал в глубине души оттого, что всё было зря, что этой смерти будет недостаточно. Рука дрожала от усталости. Здесь нужен был воин, мастер меча, а не секретарь, но на утренней службе принца и принцессы присутствовали всего несколько дворян. И никто не придёт к нему на помощь? Наверняка даже старый слуга мог бы взять что-нибудь в руки и швырнуть во врага… двадцать два…

Может, ему удастся отступить через двор к лест-

нице? Успели ли уже Бергон и дамы уйти наверх? Он бросил короткий взгляд назад и сразу понял, что это было ошибкой — он сбился с ритма; меч капитана с противным лязгом выбил клинок из его онемевшей руки. Сталь зазвенела, ударившись о камни, упавший меч завертелся. Баосиец бросился в проём ворот и сбил Кэсерила с ног. Ещё полдюжины атакующих ворвалось следом за ним и бросились через двор; самые осторожные и опытных пинали Кэсерила, пробегая мимо, чтобы не дать ему встать. Он так и не понял, кто они, но не сомневался в том, кому они служат.

Кашляя, он повернулся на бок, как раз вовремя, чтобы увидеть ди Джиронала, который, изрыгая проклятия, быстрым шагом входил в ворота в сопровождении ещё полудюжины людей. Ди Сембюр скорчившись лежал на земле, страдальчески скрипя зубами. Спаслись ли Исель и Бергон? Через чёрную лестницу? Или по крыше? Кэсерил молил богов, чтобы они не заперлись с перепугу в своих покоях. Ди Джиронал направился к лестнице на галерею, где его поджидал небольшой отряд его людей.

— Мартоу! — взревел Кэсерил, поднимаясь на колени.

Ди Джиронал резко обернулся.

— Ты!

Повинуясь его жесту, баосийский капитан вместе с другим солдатом схватили Кэсерила под руки и подтащили к ногам ди Джиронала.

— Ты опоздал! Она замужем и уже побывала на брачном ложе! Ты ничего не можешь сделать! Шалион приобрёл Ибру за самую лучшую цену, и вся страна празднует эту удачу. Она — Дитя Весны и радость богов. Ты не можешь победить её. Сдавайся! Спасай свою жизнь и жизнь своих людей.

— Замужем? — прорычал ди Джиронал. — Овдовеет, если надо. Она сумасшедшая предательница, она продалась Ибре, и на ней проклятие, а на мне — нет!

Он снова двинулся к лестнице.

— Это ты продаёшь всех, Мартоу! Ты продал Готоргет за рокнарские деньги, от которых я отказался. А потом ты продал меня в рабство на галеры, чтобы заставить меня замолчать! — Кэсерил окинул свирепым взглядом заколебавшихся солдат. «Пятьдесят пять, пятьдесят шесть, пятьдесят семь…» — Этот лжец продаёт своих собственных людей. Следуйте за ним, и вы рискуете тоже оказаться преданными, как только он почует прибыль!

Ди Джиронал снова обернулся и вытащил меч.

— Я заткну твою пасть, ты, жалкий дурак! Поднимите его.

«Подожди, нет…»

Двое солдат, державших Кэсерила, дёрнулись, подались в сторону, глаза их расширились, когда ди Джиронал, шагнув вперёд, ухватил обеими руками меч и взмахнул им.

— Милорд, это убийство! — нерешительно пробормотал тот, что был слева от Кэсерила. Нанести удар, который снёс бы Кэсерилу голову, ди Джиронал не мог — мешали собственные люди, державшие жертву; канцлер отказался от первоначального намерения и решил нанести удар в живот. Он послал меч вперёд, вложив в удар всю мощь своей ярости. Сталь, пронзив шёлк туники и мышцы, вошла в живот, силой удара чуть не отбросив Кэсерила назад.

Звуки стихли. Меч скользил внутрь так медленно, как жемчужина, тонущая в меду… и совершенно безболезненно. Красное лицо ди Джиронала застыло в гримасе бешенства. Солдаты выпустили руки Кэсерила и отпрянули в стороны, разинув рты, но так и не издав испуганного крика.

Только Кэсерил услышал радостный, триумфальный вопль демона смерти, который, остав-

ляя за собой на металле раскалённый докрасна след, метнулся вверх по лезвию меча к руке ди Джиронала. С криком боли вслед за демоном из живота вытекла чёрная жижа — Дондо. Вокруг державшей меч руки канцлера засверкали бело-синие искры, обвивая её, словно плющом, а затем охватили всё его тело. Очень медленно голова ди Джиронала откинулась назад, и из открытого рта вылетело белое пламя — его душа была вынута из тела. Волосы Мартоу встали дыбом, глаза расширились и выпучились. Меч под тяжестью своего падающего хозяина всё ещё входил внутрь живота Кэсерила, и обожжённая плоть страшно шипела. Белое, чёрное и красное свились в клубок, переплелись и устремились в никуда. Душа Кэсерила, тоже оказавшись затянутой в этот смерч, поднималась из его тела, словно столб дыма. Три смерти и демон, сплетённые вместе. Они уплывали в сине-голубое Присутствие…

Сознание Кэсерила взорвалось.

Оно раскрывалось всё шире, всё глубже, всё дальше, пока весь мир не раскинулся под ним, видимый словно с вершины высокой горы. Но это было не царство материи. Это был мир духов; краски его, которые не имели названия и сверкали, как бриллианты, вызвали у Кэсерила

восхитительное волнение. Он слышал шёпот всех сознаний в мире, похожий на вздохи ветра в лесу — когда шелест каждого отдельного листочка звучит и сам по себе, и в общем хоре, сохраняя свою индивидуальность. Он слышал крики боли и плач всех живых существ мира. Чувствовал их стыд и радость. Надежду, отчаяние и страстное желание… Тысяча тысяч мгновений тысячи тысяч жизней протекали сквозь его развернувшуюся во всю ширь душу.

С переливавшейся бликами поверхности где-то внизу отрывались и всплывали вверх пузырьки тех же неописуемых, мерцающих цветов мира душ. Они один за другим поднимались, кружась, словно в танце, — сотни, тысячи огромных капель дождя, падающих в небо…

«Вот она, смерть… души, прибывающие через разрывы тени между этим миром и миром материи».

Души, выношенные и вызревшие в телах того мира, проходили сквозь смерть в новое странное рождение.

«Их так много, так много, так много…»

Его разум не мог вместить всех, и видение растаяло, словно вода пролилась из сложенных ладоней через неплотно сжатые пальцы.

Когда-то, в смутных юношеских представлениях, леди Весны виделась ему милой, нежной девушкой. Богословы и Ордолл едва ли продвинулись дальше, описывая её как прелестную, бессмертную и вечно молодую леди. Она — это всеобъемлющее Сознание — воспринимала одновременно каждый крик и каждую песню мира. Она с наслаждением и радостью смотрела на стремящиеся вверх во всей их непостижимой красоте души, словно садовник, любующийся своими цветами и вдыхающий их аромат. Теперь это Сознание обратило всё своё внимание на Кэсерила.

Кэсерил растворился, расплавился и каплей упал в её ладони. Ему показалось, что она выпила его, высвободив из неистовых объятий демона и братьев ди Джиронал, которые отправились куда-то в иное место. Затем она сдула его со своих губ — обратно, вниз, по всё более суживающейся спирали, через отверстие между мирами — через его смерть — снова в тело. Лезвие меча ди Джиронала прошло насквозь и вышло из спины. Кровь вокруг раны алела, словно распускающаяся роза.

«А теперь за дело, — прошептала леди. — Откройся мне, милый Кэсерил».

«Можно мне посмотреть?» — взволнованно

спросил он.

«Ты можешь видеть всё, что способен вынести».

И он вернулся на своё привычное место, а богиня проплыла через него в мир. Губы Кэсерила изогнулись в улыбке — или только начали изгибаться; тело было таким же неповоротливым и двигалось так же медленно, как и у всех окружавших его людей. Кажется, он опускался на колени. Труп ди Джиронала ещё падал на плиты двора, хотя меч его сведённые судорогой пальцы уже выпустили. Ди Сембюр поднимался, опираясь на здоровую руку, его рот был открыт — он собирался крикнуть: «Кэсерил!» Кто-то падал ниц, а кто-то, повернувшись, начал бежать прочь.

Богиня собирала проклятие Шалиона в руки, словно густую чёрную шерсть. Где-то на улицах Тариона она сняла его с Исель и Бергона; затем — с Исты в Валенде, с Сары в Кардегоссе. Со всей земли Шалиона — с гор, равнин и рек. Кэсерил не почувствовал только Орико в этом тёмном тумане. Леди отослала собранную тьму обратно, в другой мир; тьма, закружившись и свившись в спираль, прошла сквозь Кэсерила на ту сторону, где сразу потеряла свой чёрный цвет. Он не мог понять, стала она нитью, или потоком сверкаю-

щей чистой воды, или вина, или чем-то ещё более удивительным и прекрасным.

Там ожидало иное Присутствие — торжественное и серое, — принявшее это нечто к себе. И в себя… затем Оно вздохнуло с облегчением… как будто обретя завершённость… или равновесие…

«Я думаю, это была кровь бога».

Пролитая, смешавшаяся с грязью, вновь собранная и очищенная. И наконец возвращённая обратно…

«Я не понимаю. Иста ошиблась? Или я сбился, считая свои смерти?»

Богиня рассмеялась.

«Подумай сам…»

Затем необъятное синее Присутствие вылилось через него из мира плоти стремительным потоком, словно река, летящая водопадом с горы. От пронзительной красоты зазвучавшей в его душе музыки сжалось сердце — он знал, что не сможет вспомнить этих звуков, пока не попадёт снова в её царство. Огромная рана в тени между мирами была закрыта. Залечена. Заперта.

И тут всё исчезло.

Он упал на колени, и твёрдость каменных плит под ними была первым, что он почувствовал, вернувшись. Изо всех сил стараясь держаться прямо,

чтобы меч не рассёк его пополам, Кэсерил осел на пятки. В результате жестокого удара снизу вверх рукоять и не вошедшая в тело часть лезвия смотрели вниз. Меч вошёл в живот чуть ниже и левее пупка, а вышел правее позвоночника и выше. Теперь пришла боль. Когда он сделал первый судорожный вдох, лезвие задрожало. Вонь опалённой плоти ударила в ноздри, заглушив небесный аромат весенних цветов. Кэсерила заколотило. Но он пытался держаться очень прямо и неподвижно.

Ему мучительно хотелось захихикать. Но будет больно. Ещё больнее…

Запах палёного шёл не только от него. Перед Кэсерилом лежал ди Джиронал. Кэсерилу доводилось видеть обгоревшие трупы, но все они горели снаружи, этот же сгорел изнутри. Волосы канцлера и его одежда слегка дымились, но потом перестали.

Внимание Кэсерила привлёк маленький камешек у колена. Он был такой *плотный.* Такой *постоянный.* Боги не способны были поднять даже пёрышко, а он, обычный человек, мог запросто взять этот древний, неизменный предмет и положить его куда угодно — хоть себе в карман. Интересно, почему он раньше не относился с

должным почтением к упрямой верности материи? Сухой лист чуть поодаль заворожил его своей сложностью ещё сильнее. Материя имела великое множество *форм,* являя собою неизъяснимую красоту, а сознания и души исходили из неё словно музыка из инструмента… материя для богов была поразительной и непостижимой. Кэсерил не мог понять, почему он не замечал этого раньше. Его собственная дрожащая рука была чудом, как и дивной работы металлический меч в его животе, как были чудом апельсиновые деревья в кадках — одно опрокинули, но, даже сломанное, оно казалось потрясающе красивым, — и сами кадки, и первые песни птиц, и вода — о пятеро богов, вода! — в фонтане, и лучи утреннего солнца, озарившие небо…

— Лорд Кэсерил! — раздался в стороне слабый голос. Он опустил глаза и увидел подползшего к нему ди Сембюра.

— Что это было? — Ди Сембюр чуть не плакал.

— Чудеса. — Слишком много сразу и в одном месте. Он был переполнен чудесами. Они бросались в глаза, куда бы он ни посмотрел.

Разговаривать было ошибкой — от напряжения боль в животе усилилась. Но он мог говорить. Похоже, лёгкие меч не задел. Ему страшно хотелось

откашляться и сплюнуть кровь, но он представлял, как это будет больно.

«Так, значит, досталось моим кишкам. Я снова умру через три дня».

До него доносился слабый запах кала, примешивавшийся к запаху горелого мяса и аромату богини. И всхлипывания… нет, погодите, пахнет не от него. Рядом свернулся калачиком баосийский капитан. Он, обхватив голову руками, плакал и раскачивался. Непохоже, чтобы был ранен. Ну конечно же — он ведь ближайший живой свидетель, богиня, должно быть, коснулась его, проходя через Кэсерила.

Кэсерил рискнул сделать ещё одно усилие.

— Что ты видел? — спросил он ди Сембюра.

— Этот человек… это был ди Джиронал?

Кэсерил осторожно кивнул.

— Когда он ударил вас, раздался страшный треск, и он вспыхнул синим пламенем. Он… его… это боги покарали его?

— Не совсем. Это… несколько сложнее…

Во дворе было до странности тихо. Кэсерил отважился повернуть голову. Примерно половина головорезов и несколько слуг Исель лежали, распростершись, на земле. Некоторые шёпотом бормотали молитвы, другие плакали, как баосий-

ский капитан. Остальные исчезли.

Кэсерил подумал, что теперь ему понятно, почему человек должен был отдать жизнь три раза, чтобы снять проклятие. Первые две смерти необходимы были в качестве подготовки. И самая первая его смерть — чтобы научить его принимать смерть тела — случилась, когда его секли на галере. Он не обсчитался — та смерть ещё не была во имя Дома Шалиона, но стала ею после свадьбы Бергона и Исель; объединившись в единое целое, они разделили и проклятие, и принесённую жертву. Тайное приданое Бергона, не иначе. Кэсерил надеялся, что успеет перед смертью рассказать ему об этом. Принц будет доволен. Вторая смерть — в башне Фонсы, в окружении воронов — была смертью души. И потому, когда дело дошло до третьего испытания, он уже мог быть спокойным и надёжным помощником для богини… на ум ему опять пришло сравнение с обученным мулом.

Послышались торопливые шаги. Кэсерил поднял глаза и увидел бегущего ди Тажиля, растрёпанного и пошатывающегося. Меч его был в ножнах. Он вбежал во двор и резко остановился.

— Ад Бастарда! — мельком взглянул на своего ибранского приятеля. — Ты в порядке, ди Сем-

бюр?

— Эти сукины дети снова сломали мне руку. Вот с ним — ужас что такое. Что там снаружи?

— Ди Баосия поднял людей и выставил всех, кто ворвался во дворец. Сейчас царит полная неразбериха, но уцелевшие солдаты ринулись к храму.

— Штурмовать его? — встревоженно спросил ди Сембюр и попытался подняться на ноги.

— Нет. Сдаться вооружённым людям, которые не разорвут их в клочья. Похоже, все жители Тариона высыпали на улицы, чтобы разобраться с ними. А женщины особенно беспощадны. Ад Бастарда, — повторил он, разглядывая дымящееся тело ди Джиронала, — кто-то из шалионцев кричал, что видел, как канцлера поразила молния прямо с ясного неба, за то, что он устроил побоище в День Дочери. Я не поверил.

— Я сам это видел, — подтвердил ди Сембюр. — Раздался такой жуткий звук, он даже не успел вскрикнуть.

Ди Тажиль оттащил труп канцлера в сторону и, присев на корточки перед Кэсерилом, испуганно уставился на меч в животе. Потом заглянул Кэсерилу в лицо.

— Лорд Кэсерил, необходимо попробовать вы-

тащить меч. Лучше сделать это прямо сейчас.

— Нет… погодите… — Кэсерил видел однажды человека, который прожил со стрелой в груди около получаса и умер, истекая кровью, как только стрелу вытащили. — Сначала я хочу увидеть леди Бетрис.

— Милорд, не можете же вы сидеть так!

— Ну, — рассудительно сказал Кэсерил, — чего я точно не могу, так это шевелиться…

Он начал задыхаться, едва заговорил. Плохо. От холода его била дрожь. Но боль была не такой сильной, как он ожидал, может, потому, что он сидел неподвижно. И пока он сидел совсем неподвижно, ему всяко было не хуже, чем когда в него впивались когти Дондо.

Двор наполнялся людьми. Голоса, восклицания, стоны раненых, рассказы, повторяющиеся снова и снова… Кэсерил не обращал на них внимания, вернувшись к созерцанию камешка. Скала? Гора? Откуда? Сколько ему лет? Кэсерил был поглощён этими мыслями всецело. И если поглотить его внимание так полно мог маленький камешек, что же говорить о большой горе? А боги уделяют внимание горам и всему остальному — всему сразу. Такое же внимание, какое он уделяет чему-то одному. Он видел это глазами богини. Продлись

это чуть дольше, чем тот бесконечный миг, его душа, наверное, разорвалась бы. Возможно, поэтому он чувствовал себя таким странно тесным. Был ли тот миг подарком или неосторожной случайностью?

— Кэсерил!

Дрожащий голос — голос, которого он так ждал. Он поднял глаза. Если камешек был удивительным, то лицо Бетрис — поразительным. Он часами мог бы рассматривать только линии её носа. И ради этого куда более увлекательного процесса тут же оставил камень. Но в её карих глазах блестели слёзы, а лицо было бледным. Это было неправильно. А хуже всего — исчезли ямочки на щеках.

— Это ты, — радостно сказал он. Голос прозвучал глухим карканьем. — Поцелуй меня.

Она проглотила слёзы и, встав рядом с ним на колени, потянулась к его лицу. Её губы были тёплыми. Их аромат был ароматом не богини, а женщины — такой чудесный! Кэсерил прижался к ним своими холодеющими губами, словно пытаясь позаимствовать немного тепла и молодости. Да. Он купался в чудесах каждый день своей жизни и даже не подозревал об этом.

Он отклонил голову назад.

— Хорошо. — Он не добавил: «Этого достаточно», потому что это было не так. — Теперь можно вытащить меч.

Его окружили люди, в основном незнакомые, с озабоченными лицами. Бетрис вытерла слёзы, расстегнула на нём камзол, поднялась на ноги и встала рядом. Кто-то взял его за плечи. Паж протянул сложенную тряпку, чтобы заткнуть рану, ещё кто-то держал наготове длинные полоски ткани, чтобы сразу перевязать её.

Кэсерил оглянулся. Бетрис здесь, следовательно, Исель должна быть… должна быть…

— Исель, Бергон?

— Я здесь, лорд Кэс, — раздался голос Исель. Она встала перед ним, запыхавшаяся, бледная, испуганная. Принцесса сбросила на ходу свою верхнюю тяжёлую мантию. Тёмное облако проклятия тоже было сброшено… или нет? Да, решил он. Внутреннее зрение его постепенно угасало, но он точно знал, что проклятия больше нет.

— Бергон с моим дядей, — продолжала она, — помогает очистить город от оставшихся людей ди Джиронала. — Её голос был твёрд, несмотря на потоком бегущие по лицу слёзы.

— Чёрная тень снята, — сказал он, — и с вас, и с Бергона. Со всех.

— Как?

— Я расскажу об этом, если останусь в живых.

— Кэсерил!

Он коротко улыбнулся, услышав знакомую возмущённую интонацию, с которой она произнесла его имя.

— Тогда живите! — Её голос задрожал. — Я… я приказываю вам!

Ди Тажиль опустился на колени перед Кэсерилом. Тот коротко кивнул.

— Тяните.

— Очень ровно и осторожно, лорд ди Тажиль, — настойчиво указала Исель, — чтобы не поранить его ещё больше.

— Да, миледи. — Ди Тажиль облизнул пересохшие губы и взялся за рукоять.

— Осторожно, — задохнулся Кэсерил, — но не так медленно, пожалуйста…

Лезвие вышло из его тела; из раны хлынула тёплая струя. Кэсерил надеялся, что потеряет сознание, но только напрягся всем телом, когда к животу его прижали тряпку. Он посмотрел вниз, ожидая увидеть лужу крови, но не увидел ничего, хотя бы отдалённо напоминавшего кровь, — это была прозрачная бледно-розовая жидкость.

«Меч, наверное, проткнул опухоль».

Которая, как выяснилось, не была вместилищем демонического зародыша, о которых рассказывал Роджерас и которые являлись Кэсерилу по ночам в кошмарах.

«В любом случае уже не была».

По толпе прокатился ропот изумления, когда в воздухе от этой жидкости разлился лёгкий аромат небесных цветов.

Тогда Кэсерил, враз обессилев и размякнув, упал на руки своих помощников. Ему удалось прихватить с собой камешек, прежде чем эти руки подняли его и внесли по лестнице в спальню. Друзья были возбуждены и испуганы, а он восхитительно расслаблен и спокоен. Чудесно спокоен. И когда его уложили в постель и Бетрис взяла его за руку, он сжал её руки, не желая отпускать.

Глава 28

Из дрёмы Кэсерила выдернули тихие, приглушённые голоса у дверей. В комнате царила темнота. Одинокая свеча, разгонявшая этот мрак, подсказала ему, что уже наступила ночь.

Он услышал, как шепчет врач:

— Он спит, принц… рейна…

— Нет, не сплю, — нетерпеливо отозвался Кэсерил, — входите, — напрягся было, чтобы сесть, но передумал. — Зажгите свечи. Побольше. Я хочу вас видеть.

В спальню его ввалилась целая толпа, посетители старались вести себя тихо и чинно, словно внезапно смутившиеся гуляки. Исель и Бергон вместе с Бетрис и Палли, а также старший настоятель Тариона и судья Отца окружили его ложе. Они заполнили всю комнату. Кэсерил ласково улыбался им всем из своего горизонтального рая чистых простыней и покоя, пока в спальне одну за другой зажигали свечи.

Бергон встревоженно посмотрел на него и хрипло прошептал врачу:

— Ну, как он?

— В моче ещё было немного крови, но уже значительно меньше, чем вчера. Жара тоже уже нет. Я не осмеливаюсь давать ему больше нескольких глотков чая, пока мы не узнаем, как заживает рана. Даже не представляю, какую боль он терпит.

Кэсерил решил, что предпочёл бы говорить о себе сам:

— Я ранен, и в этом нет сомнений.

Он сделал попытку приподняться и поморщился.

— Хотелось бы сесть немного повыше. Не могу разговаривать, ничего не видя, кроме ваших носов.

Палли и Бергон бросились помогать ему. Бережно приподняли и подложили под спину взбитые подушки.

— Спасибо, — сказала Исель врачу, который поклонился и, правильно поняв намёк, отошёл от кровати.

Кэсерил устроился поудобнее и, вздохнув, спросил:

— Ну, что нового? Тарион ещё атакуют? И хватит трагически шипеть, говорите нормально.

Стоявшая в изножье его кровати Исель загадочно улыбнулась.

— Новостей довольно много, — сказала она

своим обычным твёрдым голосом. — Ди Джиронал отправил приказ своим войскам в Валенде и Тистане как можно скорее идти в Тарион, чтобы помочь засланным им людям похитить меня во время праздника. Прошлой ночью отряд из Валенды столкнулся с нашими посланцами, которые везли письмо Орико в Кардегосс, и захватил их.

— Живыми? — взволнованно спросил Кэсерил.

— Была небольшая стычка, но, слава богам, никто не убит. После чего в их лагере начались долгие споры.

Что ж, он, кажется, и впрямь выбрал самых благоразумных людей из всех достойных кандидатур, предложенных городом Тарионом.

— После полудня мы пошли с ними на переговоры. Отправили, помимо парламентёров, и несколько солдат ди Джиронала, которые были свидетелями его гибели, чтобы они… чтобы они подтвердили, что его убил синий огонь… чем бы этот огонь ни был. Они плакали и несли бог весть что, но не поверить им было невозможно. Кэсерил, что же на самом деле… ох… говорят, что Орико умер.

Кэсерил вздохнул.

«Я так и знал».

— Когда?

Старший настоятель Тариона ответил:

— Это не совсем ясно. Сегодня днём к нам прискакал курьер храма, привёз мне письмо от старшего настоятеля Менденаля с сообщением, что смерть наступила ночью после свадьбы принцессы… то есть рейны. Но люди ди Джиронала утверждают, что Орико умер ночью накануне свадьбы, сделав таким образом канцлера полноправным регентом Шалиона. Мне кажется, это ложь. Но, полагаю, сейчас это не важно.

«Но это было бы важно, если бы события развивались по-другому…»

Кэсерил задумчиво нахмурился.

— В любом случае, — вставил Бергон, — узнав о вселяющей страх кончине ди Джиронала и о поражении его людей в Тарионе, а также поняв, что они выступают против своей полноправной рейны, войска сдались. Солдаты возвращаются домой. Я только что наблюдал за их уходом. — Он и в самом деле был весь в грязи, и в глазах его светилось радостное возбуждение и облегчение.

— Думаете, теперь настанет мир? Ди Джиронал держал в руках концы сетей немалой власти, и многие, имевшие к этому отношение, ещё могут захотеть рискнуть.

Палли фыркнул и покачал головой.

— У них больше нет поддержки ордена Сына — тот остался без генерала, и, что ещё хуже, из их рук уплыл контроль над этим орденом. Клану ди Джиронала придётся научиться смирению и осторожности.

— Провинкар Тистана уже прислал мне письмо с заверениями в своей лояльности, — сказала Исель. — Похоже, оно было составлено в большой спешке. Мы думаем подождать ещё день, чтобы убедиться, что на дорогах всё спокойно, и возблагодарить богов в храме Тариона. Затем мы с Бергоном отбудем в Кардегосс в сопровождении конницы моего дяди, на похороны Орико и мою коронацию. — Уголки её губ опустились. — Я боюсь, вам придётся ненадолго остаться здесь, лорд Кэс.

Он встретился взглядом с Бетрис, её глаза потемнели от огорчения. Куда бы ни ехала Исель, Бетрис, её первая фрейлина, должна следовать за ней.

Исель продолжала:

— Не говорите, если это причиняет вам боль, Кэсерил, но… что произошло во дворе? Дочь на самом деле убила ди Джиронала своим огнём?

— Его тело так и выглядело, — сказал Бергон, —

хорошо пропечённым. Я никогда не видел ничего подобного.

— Это очень интересная история, — медленно произнёс Кэсерил. — Вам следует знать правду, но… полагаю, правда эта не должна выйти за пределы этих стен, не так ли?

Исель вежливо попросила врача оставить их, затем посмотрела на судью.

— А кто этот господин, Кэсерил?

— Это достопочтенный Паджинин. Он… в некотором роде мой коллега. И ему, и настоятелю будет полезно послушать.

Все окружили Кэсерила и затаили дыхание. Ни Паджинин, ни настоятель, ни Палли не знали о Дондо и демоне, так что Кэсерилу пришлось повести свой рассказ с самого начала. Он постарался как можно короче поведать о том, как пытался убить Дондо смертельной магией, и о том, что из этого вышло. И очень надеялся, что рассказ его звучит связно и не походит на лепет безумца.

— Старший настоятель Кардегосса знает об этом, — заверил он поражённых, даже шокированных тарионцев. Лицо Палли выражало нечто среднее между изумлением и отвращением; Кэсерил виновато избегал его взгляда. — Но когда ди Джиронал приказал своим людям держать меня,

безоружного, и ударил мечом… когда он убил меня… демон смерти схватил нас всех: спутанный клубок жертв и убийц. Точнее, демон забрал ди Джироналов, но я каким-то образом оказался к ним привязанным. А потом… потом я увидел… богиню… — Голос у него сел. — Я не знаю, какими словами описать тот мир. Это невозможно. Будь в моём распоряжении все слова всех языков, которые когда-либо существовали или будут существовать, и говори я хоть до конца времён, это всё равно осталось бы невозможным… — Он задрожал, глаза затуманились слезами.

— Но ты же на самом деле не умер? — беспокойно спросил Палли.

— О, я умер. Только ненадолго… хотя, если взглянуть на дело с другой стороны… гм… Если бы я не умер, мне не удалось бы открыть проход между мирами и богиня не смогла бы войти в наш мир и забрать проклятие. Насколько я понял, оно оказалось каплей крови Отца, хотя как вышло, что Золотой Генерал получил её в дар, я не знаю. Впрочем, это скорее метафора. Прошу прощения. У меня… у меня не хватает слов рассказать о том, что я видел. Это всё равно что взять тень от ведра и пытаться нести в ней воду.

«А наши души так иссушены».

— Леди Весны позволила мне смотреть её глазами, и хотя моё второе зрение покинуло меня, мне кажется, мои глаза видят всё по-прежнему не совсем так, как раньше…

Настоятель осенил себя священным знаком. Паджинин откашлялся и робко проговорил:

— И правда, милорд, вы больше не излучаете этот болезненный для глаз неописуемый свет.

— Нет? Как хорошо. Но ведь чёрное облако над Исель и Бергоном тоже исчезло?

— Да, милорд. Принц, рейна, с вашего позволения… Тени над вами больше нет.

— Значит, всё в порядке. Боги, демоны, призраки — все ушли. Во мне не осталось ничего сверхъестественного, — счастливо улыбаясь, подвёл итог Кэсерил.

На лице Паджинина мелькнуло то ли сомнение, то ли усмешка.

— Я бы не сказал… — пробормотал он.

Настоятель резко толкнул судью локтём в бок и тихо прошептал:

— Но он же говорит правду? Это звучит так дико…

— О да, ваше преосвященство. В этом нет сомнений. — В мягком взгляде, которым Паджинин окинул Кэсерила, было куда больше понимания,

чем в изумлённом, исполненном благоговейного страха взгляде настоятеля.

— Завтра утром, — объявила Исель, — Бергон и я отправимся в храм с благодарственной процессией. Мы пойдём туда босиком, чтобы выразить богам нашу признательность.

— Ох. Будьте очень осторожны. Не наступите на битое стекло или ржавые гвозди!

— Мы всю дорогу будем смотреть под ноги, — пообещал Кэсерилу Бергон.

Кэсерил посмотрел на Бетрис; рука его, лежавшая поверх одеяла, медленно двинулась в сторону её руки. Он тихо сказал ей:

— Знаете, меня больше не преследуют призраки. Никакие. Великий груз снят с души. Освободиться от такого — это… это…

Голос у него звучал от усталости всё тише. Бетрис перевернула свою руку, прикрытую его ладонью, и незаметно сжала его пальцы.

— А теперь мы уйдём, чтобы вы смогли как следует отдохнуть, — сказала Исель, снова беспокойно сведя брови. — Вам что-нибудь нужно, Кэсерил? Вы чего-нибудь хотите? Хоть чего-нибудь?

Он чуть не сказал: «Нет, ничего», но передумал и пробормотал:

— О да. Я хочу музыки.

— Музыки?

— Наверно, спокойной такой, — предположила Бетрис, — чтобы убаюкала его.

Бергон улыбнулся.

— Если вы не против, займитесь этим, леди Бетрис.

Посетители на цыпочках — но всё равно шумно — потянулись к выходу. Вернулся врач. Он дал Кэсерилу чай, чтобы потом тот помочился в баночку. Взяв в руки добытое сокровище, врач долго с подозрением разглядывал при свете свечей содержимое, бормоча что-то себе под нос.

Наконец вернулась Бетрис и привела молодого и довольно нервного лютниста, которого, похоже, выдернула из объятий сладкого сна. Он размял пальцы, настроил лютню и сыграл семь коротких пьес. Ни одна из них не была той, которую так жаждал услышать Кэсерил; ни одна не напоминала о леди и о её душах-цветах, пока лютнист не заиграл восьмую. Эта пьеса носила на себе лёгкий след мира богов. Кэсерил заставил музыканта повторить её ещё два раза и немного всплакнул. Бетрис поэтому решила, что он слишком устал и должен отдохнуть. И увела музыканта.

Кэсерил так и не успел рассказать ей, какое

чудо — её нос. Попытался было поведать об этом врачу, но тот в ответ влил в него большущую ложку макового сиропа, после чего они не беспокоили друг друга до самого утра.

Через три дня раны Кэсерила перестали источать пахнувшую цветами жидкость и начали заживать. Врач разрешил ему немного жидкой овсянки на завтрак. Это оживило Кэсерила настолько, что он настоял, чтобы ему позволили посидеть во дворе на весеннем солнышке. Выяснилось, что для подобной экспедиции требуется огромное количество слуг и помощников, но наконец Кэсерил был благополучно усажен в кресло среди бессчётного множества шерстяных и пуховых подушек, а его ноги уложили на другое мягкое кресло. Он разогнал своих помощников и отдался восхитительному безделью. Тихо журчал фонтан, на апельсиновых деревьях распустилось ещё больше душистых цветов. Парочка чёрно-оранжевых птичек деловито сновала туда-сюда с сухими травинками и веточками в клювах — они строили гнездо на одной из колонн галереи. Внушительная пачка бумаг и связка перьев лежали, забытые, на столике у локтя Кэсерила, а он неотрывно смотрел на маленьких неутомимых строителей.

С тех пор как царственные гости и их лорды и леди покинули Тарион, во дворце ди Баосия было очень тихо.

Кэсерил с ленивой радостью улыбнулся, когда со скрипом распахнулись обитые железом ворота и появился Палли. Новой рейной на марча была возложена скучная задача присматривать за её выздоравливающим секретарём, в то время как все остальные отбыли в столицу. Кэсерилу это казалось крайне несправедливым — разве это достойная награда за верную службу? Палли ухаживал за ним так искренне и трогательно, что Кэсерил, который хотел бы, чтобы Исель оставила вместо него леди Бетрис, чувствовал угрызения совести.

Палли, ухмыльнувшись, шутливо отсалютовал и уселся на бортик фонтана.

— Что ж, кастиллар! Ты выглядишь значительно лучше. Очень даже вертикально. А это что? — Он кивнул на бумаги. — Работа? Вчера перед отъездом твои дамы велели, чтобы я не разрешал тебе заниматься целой кучей вещей, большинство из которых я — тебе на радость — забыл, но я совершенно уверен, что работа в этом списке наверняка была на первом месте.

— Да нет, — отмахнулся Кэсерил, — я собирался

написать кое-что в манере Бихара, но потом увидел этих птиц… вон, полетела. — Он замолчал, показывая Палли на чёрно-оранжевую птичку. — Люди восхваляют птиц за их строительное мастерство, но эти, клянусь богами, — полные неумёхи. Может, они молоды, и это их первая попытка. Впрочем, они довольно упорны. С другой стороны, если бы мне пришлось строить хижину, пользуясь только ртом, я бы выглядел не лучше. Я просто должен написать поэму во славу птиц. Если то, что мы можем встать и пойти, является чудом, то насколько более чудесно — встать и полететь!

Палли ошеломлённо уставился на друга.

— Это поэзия или жар, Кэс?

— О, это жар стиха, лихорадка гимна. Знаешь, боги обожают поэтов. Песни и стихи состоят из того же материала, что и души; они проникают из мира в мир почти беспрепятственно. А резчики по камню… боги восхищаются ими тоже. — Он прищурился на солнце и ухмыльнулся, глядя на Палли.

— Тем не менее, — сухо проговорил тот, — кое-кто считает, что твоя вчерашняя ода носу леди Бетрис была тактической ошибкой.

— Но я же не смеялся над ней! — запротестовал

Кэсерил. — Она очень сердилась на меня, когда уезжала?

— Нет-нет, она не сердилась! Она просто решила, что у тебя был жар, и очень беспокоилась из-за этого. На твоём месте я бы всё свалил на лихорадку.

— Но я не мог посвятить поэму ей всей, целиком! Я пытался. Это так сложно!

— Ладно-ладно, только если тебе так не терпится восхвалять в стихах части её тела, займись губами. Губы куда более романтичны, чем носы.

— Почему? — удивился Кэсерил. — Разве восхищения достоин не каждый дюйм её тела?

— Безусловно. Но мы целуем губы. Мы не целуем носы. Обычно. Мужчины посвящают поэмы тому, что их больше соблазняет, чего они желают в большей степени.

— Как практично. Но в таком случае мужчины должны посвящать поэмы самым пикантным уголкам женского тела.

— Тогда женщины просто разорвали бы нас. Губы — безопасный компромисс, они — как первый шаг, мостик к чудесным тайнам.

— Ага. Так или иначе, я хочу её всю. И нос, и губы, и ноги, и всё, что посередине, и её душу, без которой тело будет неподвижным и холодным, и

начнёт разлагаться, и перестанет быть объектом желания вообще.

— Уф-ф. Друг мой, да ты совсем не понимаешь, что такое романтика.

— Уверяю тебя, я вообще больше ничего не понимаю. Я чудеснейшим образом безумен! — Он откинулся на подушки и тихо рассмеялся.

Палли хмыкнул и, наклонившись, взял из пачки верхний лист, единственный, на котором было что-то написано. Он посмотрел на строчки и вскинул брови.

— Что это? Это не о носах леди. — Его лицо посерьёзнело, глаза ещё раз пробежали по странице сверху вниз. — На самом деле я совсем не понимаю, о чём это. Хотя мурашки бегут по телу…

— Ах это. Так, боюсь, ничего особенного. Я пытался, но… — Кэсерил беспомощно развёл руками. — Это не то, что я видел, — и добавил, пытаясь объяснить: — Я думал, в поэзии слова имеют больший смысл, что они могут существовать по обе стороны, в обоих мирах, так же как и люди. А в итоге просто испортил бумагу, которая теперь годится только на растопку.

— Хм… — Палли сложил лист и спрятал его во внутренний карман камзола.

— Я попытаюсь ещё, — вздохнул Кэсерил. —

Может, однажды я найду верные слова. И ещё я должен написать несколько гимнов материи. Птицам. Камням. Это понравится леди, я уверен.

Палли заморгал.

— Чтобы приманить её поближе?

— Может быть.

— Опасное дело эта поэзия, да и молитвы тоже. Я, пожалуй, посвящу себя действию.

Кэсерил усмехнулся.

— Осторожнее, милорд дедикат! Действие тоже может оказаться молитвой!

В дальнем конце галереи послышалось перешёптывание и приглушённое хихиканье. Кэсерил поднял голову и увидел нескольких женщин и детей из прислуги, которые исподтишка разглядывали его, притаившись за резными перилами. Одна девочка отважно высунулась из-за колонны и помахала ему рукой. Кэсерил добродушно помахал в ответ. Хихиканье стало громче, потом зрители поспешили прочь. Палли почесал ухо и вопросительно посмотрел на Кэсерила.

Тот объяснил:

— Люди всё утро пытались пробраться украдкой и взглянуть на то место, где беднягу ди Джиронала поразила молния. Если лорд ди Баосия не поостережётся, он потеряет свой чудесный новый

дворик — это станет местом паломничества.

Палли откашлялся.

— На самом деле, Кэс, они пытаются хоть краешком глаза увидеть тебя. Двое дворцовых слуг проводят сюда любопытных, потом выводят их из дворца. Не знаю, может, стоит прекратить это. Если они беспокоят тебя, так я… — Он подобрал под себя ноги, словно собираясь встать.

— О нет, не нужно никого прогонять. Прислуге дворца и так приходится из-за меня работать лишнее, так пусть хоть извлекут из этого какую-то прибыль.

Палли фыркнул, но пожал плечами, уступая.

— А у тебя так и не было жара?

— Поначалу я был не совсем уверен, но нет, не было. Врач наконец разрешил мне есть, правда, слишком мало. Думаю, я уже пошёл на поправку.

— Это уже само по себе чудо, за которое не жалко заплатить вайду, чтобы увидеть.

— Да уж. Не знаю, было ли моё возвращение в мир прощальным подарком леди или она просто сохранила для себя по эту сторону дверь, которой всегда может воспользоваться. Ордолл был прав, сказав, что боги — великие скряги. Впрочем, я не жалуюсь — ведь тогда мы наверняка когда-нибудь встретимся. — Кэсерил откинулся на

подушки и устремил взгляд в небо голубого цвета леди. Губы его невольно растянулись в улыбке.

— Ты был самым серьёзным парнем из всех, кого я знал, а сейчас ты то и дело скалишься, Кэс. Ты уверен, что после всех этих приключений она не ошиблась и запихала в тебя твою душу?

Кэсерил расхохотался.

— Может, и нет! Ты же знаешь, как бывает в дороге — упакуешь вещи в седельные сумки, а к концу пути возникает ощущение, что вещей этих стало в два раза больше. Торчат отовсюду, сумки раздуваются до невозможности. При этом ты можешь поклясться, что ничего в них не добавлял… — Он похлопал себя по бедру. — Наверное, меня просто упаковали в этот старый сундук не так аккуратно, как было раньше.

Палли покачал головой.

— Так, значит, теперь тебя распирает поэзия… Хм…

Ещё десять дней лечения и вынужденное безделье вовсе не утомили бы Кэсерила, если бы он не скучал по тем, кого с ним сейчас не было. Наконец тоска по ним пересилила отвращение, которое нападало на него при мысли вновь сесть на лошадь, и он стал теребить Палли, чтобы тот готовился к путешествию. Палли вяло, исключи-

тельно для приличия, упирался и протестовал, говоря, что Кэсерилу ещё рано ездить верхом, но уломать себя позволил довольно быстро, поскольку и сам горел нетерпением поскорее попасть в Кардегосс.

Кэсерил и его эскорт, включавший неизменных Ферду и Фойкса, не торопясь ехали по дороге, наслаждаясь чудесной тёплой погодой. Путешествие совершенно не походило на их отчаянную зимнюю скачку. Каждый вечер, слезая с лошади, Кэсерил клялся и божился, что завтра они поедут медленнее, но каждое утро всё с большим нетерпением подстёгивал коня. Наконец вдалеке снова показались очертания Зангра. На фоне белых пушистых облаков, голубого неба и зелёных полей крепость казалась украшением пейзажа.

Когда до Кардегосса оставалось несколько миль, они встретили на дороге двигавшийся навстречу небольшой обоз. Люди в ливреях провинкара Лабрана сопровождали три повозки, целую вереницу слуг и нагруженных мулов. Две повозки были набиты багажом, полог на бортах третьей был поднят, открывая свету весеннего дня сидевших в ней леди. Повозка с дамами свернула на обочину, оттуда выглянула служанка и подозвала одного из всадников. Лабранский сер-

жант, наклонившись к ней и выслушав приказ, поскакал к Палли и Кэсерилу и отсалютовал.

— С вашего позволения, милорды, если один из вас кастиллар ди Кэсерил, миледи вдовствующая рейна Сара повелевает… просит, — тут же поправился он, — вас посетить её.

Нынешний провинкар Лабрана, вспомнил Кэсерил, был племянником рейны Сары. Судя по всему, ему довелось стать свидетелем её возвращения в родовое поместье. Кэсерил ответил на приветствие.

— Я полностью в распоряжении рейны.

Фойкс помог ему спешиться. Леди и их горничные спустились из повозки по лесенке и вместе двинулись в сторону соседнего луга любоваться весенними цветами. Сара осталась сидеть, поджидая Кэсерила.

— Благодарю вас, кастиллар, — тихо сказала она. — Я рада, что нам выпала возможность встретиться ещё раз. Можете уделить мне минутку?

— Почту за честь, леди. — Он пригнулся, забираясь в повозку, и сел на мягкую скамейку напротив рейны. Мимо по дороге проходили нагруженные мулы. Мирную картину дополняли отдалённые звуки голосов, птичье чириканье, позвякивание упряжи, топот копыт и доносившийся изредка

смех горничных.

Сара был одета в простое платье и плащ чёрно-лиловых тонов — траур по несчастному Орико.

— Мои соболезнования, — Кэсерил понимающе кивнул на её наряд, — прошу меня простить, что не смог присутствовать на похоронах рея. Я был ещё недостаточно здоров для путешествия.

Она махнула рукой.

— Судя по тому, что рассказали мне Исель, Бергон и леди Бетрис, вы чудом остались в живых.

— Да… именно.

Она одарила его странным, понимающим взглядом.

— Ведь Орико был благополучно принят богами? — спросил Кэсерил.

— Да, Бастардом. Так же отвергнутый всеми остальными богами, как и при жизни. Увы, это породило слухи о его происхождении.

— О леди, он безусловно сын Иаса. Кроме того, я думаю, Бастард особо опекал его Дом со времён Фонсы. Так что в данном случае он выбирал первым, а не последним.

Она повела худыми плечами.

— Далеко не самое удачное опекунство. За день до смерти Орико сказал мне, что хотел бы родиться сыном дровосека, а не сыном рея Шалиона. Из

всех эпитафий самой подходящей мне кажется его собственная. — Она помолчала. — Говорят, Мартоу ди Джиронал был принят Отцом.

— Да, я тоже слышал. Тело было отправлено к его дочери в Тистан. Что ж, он тоже сыграл свою роль и получил от этого не слишком много радости. — Он добавил после короткой паузы: — Могу вас лично заверить, что его брат Дондо был отправлен в ад Бастарда.

Мрачная усмешка скривила её губы.

— Может, там улучшат его манеры.

Похоже, говорить больше было не о чем. Кэ-серил вспомнил, о чём давно хотел узнать. Он откашлялся.

— Орико… когда он умер, леди?

Рейна изумлённо посмотрела на него, подняв брови. И задержалась с ответом не более чем на секунду.

— Как это когда? На следующий день после свадьбы Исель.

— А не накануне? Значит, Мартоу ди Джироналу сообщили неверно. Не говоря уже о преждевременности некоторых его действий. Но… мне это кажется такой насмешкой судьбы — не дождаться одного дня, чтобы получить избавление от проклятия.

— Я, старший настоятель Менденаль и врач Орико — мы все были там в это время и можем поклясться, что Орико был жив и разговаривал с нами в тот вечер, а испустил дух только на следующее утро. — Она твёрдо выдержала его взгляд. — Так что свадьба Исель и Бергона абсолютно законна.

Стало быть, недовольные лорды из клана ди Джиронала лишились основания для опротестования этого брака и вынуждены были признать новую рейну. Кэсерил представил себе, как Сара целый день скрывала от всех смерть Орико. Какие мысли приходили ей в голову? О чём она думала тогда, долгие часы сидя в его запертой комнате? Тем не менее из этого кошмара она сотворила ценный подарок Исель и Бергону, всему Дому Шалиона, который теперь покидала. Кэсерил вдруг представил себе, как Сара, бывшая хозяйка дома, в последний раз подметает свои комнаты и оставляет на камине вазу с цветами для новой владелицы.

— Я… мне кажется, я понимаю.

— Я думаю, да. Вы всегда схватывали всё на лету, кастиллар. — Она немного помолчала. — И всегда были очень тактичны.

— Это необходимые условия для моей работы,

рейна.

— Вы прекрасно поработали для Дома Шалиона. Возможно, лучше, чем он того заслуживает.

— Но и вполовину меньше, чем ему было необходимо.

Она согласно вздохнула.

Он ещё вежливо расспросил её о планах на будущее; она действительно возвращалась в родную провинцию, где собиралась поселиться в одном из замков, который целиком и полностью будет в её распоряжении. Казалось, ей не терпится сбежать из Кардегосса и оставить его следующему поколению. Кэсерил, поднявшись, от всего сердца пожелал ей доброго пути и поцеловал её ладони; она ответила ему тем же и коротким движением коснулась пальцами его лба.

Он проводил взглядом удалявшуюся повозку и сочувственно вздохнул, глядя, как она подскакивает и трясётся на ухабах. Дороги Шалиона явно нуждаются в улучшении, решил Кэсерил. Он проскакал по ним немало, чтобы это утверждать. Он видел дороги архипелага — широкие и гладкие. Может, Исель и Бергону следует привлечь рокнарских каменщиков? Хорошие дороги, очищенные от разбойников… что может быть лучше для Шалиона? Для Шалиона-Ибры, поправился

он и улыбнулся, когда Фойкс подсаживал его в седло.

Глава 29

Пока Кэсерил беседовал с рейной Сарой, Палли отправил Ферду вперёд, оповестить Зангр об их прибытии. В результате, когда путешественники въехали в ворота крепости, их уже встречали управляющий и толпа слуг. Управляющий поклонился, Кэсерил, слезая с коня при помощи грумов, нетерпеливо спросил:

— Рейна Исель и принц Бергон у себя?

— Нет, милорд. Они недавно отправились в храм на церемонию посвящения лорда ди Джеррина и принца Бергона.

Новая рейна, как и предполагалось, избрала генералом ордена Дочери ди Джеррина. Назначение же Бергона на пост генерала ордена Сына, с точки зрения Кэсерила, было блестящим шагом, передававшим управление основными войсками царственной чете. Кроме всего прочего, это убирало яблоко раздора со стола могущественных лордов. Идея назначить Бергона генералом Сына принадлежала Исель, они обсуждали её на совете перед отъездом из Тариона. Кэсерил подчеркнул, что сейчас не стоит лишать верного ди Джеррина

поста, который он так страстно желал получить; кроме того, ди Джеррин уже немолод, и через некоторое время управление войсками ордена Дочери тоже будет передано Зангру.

— О! — вскричал Палли. — Так это сегодня? А церемония ещё не кончилась?

— Полагаю, нет, марч.

— Если я потороплюсь, возможно, успею к концу. Кэсерил, можно я оставлю тебя заботам этого милого господина? Милорд управляющий, присмотрите, чтобы он отдохнул. Он совсем не настолько оправился от последней раны, как будет пытаться вас убедить.

Палли развернул лошадь и весело отсалютовал Кэсерилу.

— Вернусь и обо всём тебе расскажу!

В сопровождении братьев ди Гьюра он поскакал обратно к воротам.

Грумы и слуги занялись багажом и лошадьми. Кэсерил, как ему показалось, с достоинством отказался опереться на руку управляющего — во всяком случае, пока они не дошли до лестницы — и направился к жилому зданию.

— Ваша комната по приказу рейны теперь в башне Иаса, — остановил его управляющий, — чтобы вы находились поближе к ней и принцу.

— О! — Он был рад это слышать. Кэсерил повернулся и зашагал к башне. На третьем этаже находилась резиденция Бергона и его ибранской свиты. Судя по всему, принц сознательно отказался от покоев Орико в качестве официальной спальни. Кэсерилу дали понять, что Бергон не ночует в своей комнате. Исель заняла покои Сары этажом выше. Комната Кэсерила оказалась рядом с покоями принца. Кто-то заботливо перенёс сюда все его вещи из старой спальни, а также разложил на кровати новую одежду для вечернего банкета. Кэсерил подождал, пока слуги принесут воду для умывания, затем выпроводил всех и послушно улёгся отдыхать.

Он выдержал десять минут и встал, проковылял по лестнице наверх осмотреть свой новый кабинет. Узнавший его слуга посторонился и пропустил его внутрь. В комнате, которую Сара отводила своему секретарю, теперь, как и ожидалось, всё было завалено бумагами Кэсерила: бухгалтерскими книгами и счетами по прежнему хозяйству Исель, к которым добавилось несметное количество новых. Что было неожиданностью, так это опрятный темноволосый мужчина лет тридцати в серой мантии Отца, сидевший за его новым столом. Он что-то выводил

в одной из хозяйственных книг Кэсерила. Распечатанная корреспонденция лежала от него по левую руку, большая стопка написанных писем — по правую.

Он поднял глаза и вежливо, но прохладно спросил:

— Чем могу вам помочь, сэр?

— Я… извините, я не думал, что здесь кто-нибудь есть. Вы кто?

— Я — служитель Боннерет, личный секретарь рейны Исель.

Рот Кэсерила открылся, потом закрылся.

«Но это же я личный секретарь рейны Исель!»

— Временное назначение, да?

Брови Боннерета взлетели вверх.

— Я полагаю, постоянное.

— А как вы получили эту должность?

— Меня рекомендовал рейне старший настоятель Менденаль.

— Недавно?

— Прошу прощения?

— Вас назначили недавно?

— Две недели назад, сэр. — Боннерет с лёгким раздражением нахмурился. — О… у вас, видимо, есть преимущество передо мной?

«Увы, всё наоборот».

— Рейна… не сообщила мне, — выдавил Кэсерил.

Так он уволен, смещён со своей должности? С другой стороны, пока он медленно выздоравливал, не могла же Исель обходиться без секретаря, кто-то должен был делать эту работу. Да и почерк у Боннерета, как заметил Кэсерил, был замечательный. Морщина между бровями нового секретаря углубилась. Кэсерил добавил:

— Меня зовут Кэсерил.

С Боннерета в одни миг слетела вся суровость, сменившись благоговейной улыбкой, которая встревожила Кэсерила ещё больше. Он выронил перо, разбрызгав чернила, и вскочил на ноги.

— О милорд ди Кэсерил! Я польщён! — Он низко поклонился. — Что я могу сделать для вас, милорд? — Теперь в его вопросе звучали совсем другие интонации.

Такое обращение смущало Кэсерила сильнее, чем давешняя холодность. Он пробормотал несколько невнятных извинений за вторжение, сослался на усталость с дороги и спустился к себе.

Некоторое время он занимался перебиранием вещей и перекладыванием с места на место тех нескольких книг, которые у него были, приводя в

порядок свою комнату. Затем послонялся из угла в угол и подошёл к окну, выходившему на город. Он широко распахнул створки окна и высунул голову, но ни один из священных воронов ни прилетел к нему на подоконник. Гнездились ли они ещё на крыше башни Фонсы после исчезновения проклятия и закрытия зверинца? Он посмотрел в сторону храма и решил при первой же возможности навестить Умегата. Затем в замешательстве сел. Он чувствовал себя совершенно сбитым с толку, потерянным.

Кэсерила била дрожь — отчасти от усталости. Его силы ещё не восстановились, и уставал он быстро. Заживавшая рана в животе болела после утренней скачки, хотя и не столь сильно, как тогда, когда его терзал Дондо. Кэсерил был восхитительно свободен от призраков, в нём больше не жил никакой заблудившийся дух — одного этого было достаточно, чтобы он чувствовал себя невероятно счастливым. Однако сегодня это не помогало. Он так спешил, горел нетерпением, и чем это закончилось? Всего лишь столь необходимым ему, по всеобщему мнению, отдыхом. Кэсерил чувствовал себя разочарованным.

Настроение окончательно упало. Может быть, для него уже не было места в этом новом Шали-

оне-Ибре. Исель, чтобы вести дела в её ставших огромными владениях, нужен более образованный, гибкий человек, а не потрёпанный жизнью и — да что скрывать! — странный бывший солдат со склонностью к поэзии. Что ещё хуже — будучи отстранённым от службы у Исель, он лишался ежедневного лицезрения Бетрис. Никто не придёт зажечь ему свечи для чтения, когда стемнеет, никто не заставит надеть тёплую немыслимую шапку, и не заметит, что ему нехорошо, и не приведёт этих ужасных врачей, и не будет молиться о его спасении, когда он путешествует далеко от дома…

Кэсерил услышал во дворе звуки, возвещавшие о возвращении Исель и Бергона с церемонии в храме. Ему следовало бы выбежать им навстречу.

«Нет. Я отдыхаю».

Он и сам почувствовал в этих словах раздражение, обиду и ослиное упрямство.

«Не будь дураком».

Но страшная усталость приковала его к креслу.

Прежде чем Кэсерилу удалось превозмочь нахлынувшую на него меланхолию, к нему в комнату ввалился Бергон, и пребывать в унынии стало просто физически невозможным.

На принце ещё были коричневые, оранжевые и жёлтые цвета генерала Священного ордена Сына и широкая, украшенная символами осени перевязь — всё это смотрелось на нём куда уместнее, чем на седом старом ди Джиронале. Если уж Бергон не в состоянии порадовать глаз бога, значит, его глаз невозможно порадовать вообще. Кэсерил встал, и Бергон порывисто обнял его, забрасывая вопросами о поездке, о здоровье, и тут же, не дожидаясь ответа, попытался рассказать ему десять разных историй одновременно, а потом рассмеялся сам над собой.

— Скоро у нас будет достаточно времени на разговоры, а сейчас я пришёл по поручению моей жены, рейны Шалиона. Только сначала скажи мне откровенно, лорд Кэс, — ты любишь Бетрис?

Кэсерил заморгал от неожиданности.

— Я… она… очень, принц.

— Отлично. То есть я знал это, но Исель настояла, чтобы я сначала спросил. А теперь ещё один вопрос — это очень важно. Ты не хочешь побриться?

— Я… что? — Рука Кэсерила потянулась к бороде. Она давно уже перестала быть колючей щетиной, как раньше. Отросла, сделалась густой и — как ему казалось — красивой, к тому же он

регулярно её подравнивал. — Вы спрашиваете меня об этом с какой-то целью? Не то чтобы это было так важно… Ведь если что, и заново отрастить несложно…

— Но ведь ты не питаешь к ней болезненной привязанности или чего-нибудь в этом роде, не так ли?

— Болезненной? Нет. Просто после галер у меня долго дрожали руки, и я не брился, потому что боялся изрезаться в кровь, а брадобрей был мне не по карману. А потом привык.

— Отлично, — повторил Бергон и, выглянув за дверь, махнул рукой. — Заходите.

И в комнату вошли брадобрей и слуга с горячей водой. Брадобрей усадил Кэсерила в кресло и набросил на него простыню. Прежде чем Кэсерил успел вымолвить хоть слово, его щёки и подбородок оказались покрытыми густой мыльной пеной. Слуга держал тазик у груди жертвы, а брадобрей, мурлыча себе под нос, принялся орудовать лезвием. Кэсерил, скосив глаза к носу, наблюдал, как падают в оловянный тазик клочья мыльных серых и чёрных волос. Брадобрей несколько раз что-то недовольно пробурчал, но в конце концов удовлетворённо улыбнулся и великодушным жестом отпустил слугу.

— Ну вот, милорд, — завершающими штрихами его артистических усилий были несколько манипуляций с горячим полотенцем и обрызгивание щёк лавандовой настойкой.

Принц уронил монетку в ладонь брадобрея, после чего тот низко поклонился, попятился к выходу и исчез за дверью.

Из коридора донеслось хихиканье и громкий шёпот:

— Видишь, Исель! У него есть подбородок. Я же тебе говорила!

— Да, ты была права. И очень даже симпатичный.

С этими словами Исель вошла в комнату; она выпрямила спину, пытаясь выглядеть внушительной и как можно более царственной в своём изысканном наряде, в котором только что присутствовала на церемонии, но не выдержала и рассмеялась. Почти столь же элегантно и нарядно одетая Бетрис представляла собой одни сплошные ямочки на щеках. Глаза её сверкали, волосы были уложены в сложную причёску из множества чёрных завитушек, обрамлявших лицо и очень соблазнительно покачивавшихся на ходу. Кэсерил встал и низко поклонился. Исель прижала пальцы к губам.

— Пятеро богов, Кэсерил! Когда вас лишили этих серых зарослей, я вижу, что вы совсем не такой уж и старый!

— Совсем не старый! — строго поправила Бетрис.

Предмет их обсуждения невольно поднёс руку к непривычно голому и холодному подбородку. Никто не удосужился предложить ему зеркало, чтобы он сам увидел, что именно вызвало у женщин такой восторг.

— Всё готово, — таинственно сообщил Бергон.

Улыбающаяся Исель взяла за руку Бетрис, Бергон сжал руку Кэсерила. Рейна выпрямилась и объявила голосом, вполне уместным для торжественных речей в тронном зале:

— Моя наилюбимейшая и наивернейшая леди Бетрис ди Феррей обратилась ко мне с просьбой, которую я исполняю с величайшей радостью моего сердца. Лорд Кэсерил, поскольку в настоящее время у вас нет отца, Бергон и я, как ваши сеньоры, должны выступить от его имени. Леди Бетрис ди Феррей просила вашей руки. И поскольку нам доставляет крайнее удовольствие сознание того факта, что двое самых любимых наших слуг также любят друг друга — с нашего высочайшего благословения с этого мгновения вы обручены.

Бергон и Исель соединили руки Бетрис и Кэсерила и, радостно улыбаясь, отступили назад.

— Но… но… — от такого поворота событий Кэсерил начал заикаться, — но так же нельзя, Исель, Бергон… нельзя, это отвратительно — приносить эту девушку в жертву моим сединам, как награду! — однако руку Бетрис он не выпустил.

— От ваших седин мы только что избавились, — возразила Исель и оценивающе посмотрела на него. — Должна признаться, кардинальное улучшение.

— Кроме того, непохоже, чтобы девушка умирала от отвращения, — заметил Бергон.

Кэсерил никогда ещё не видел, чтобы ямочки на щеках Бетрис были так глубоки; её глаза счастливо блестели, полуприкрытые в притворной застенчивости густыми чёрными ресницами.

— Но… но…

— И вообще, — продолжала Исель, — это не её я приношу вам в жертву в награду за вашу верность. Я награждаю её вами за её верность. Вот так.

— О… О, хорошо, тогда другое дело… — Кэсерил прикрыл глаза, пытаясь прийти в себя и собраться с мыслями. — Но… ведь есть лучшие кандидатуры, более высокие лорды… богаче,

моложе, красивее… достойнее…

— Да, но она просила себе не их, она просила вас. Какой странный вкус, не правда ли? — Глаза Бергона сияли.

— В Шалионе нет более достойного лорда, чем вы, — почти неслышно произнесла Бетрис и сильнее сжала его руку.

— Подождите. — Кэсерилу казалось, что он всё быстрее и быстрее скользит вниз по снежному склону. По тёплому, мягкому снегу. — Но у меня нет земли, нет денег. Как я буду содержать жену?

— Я собираюсь сделать должность канцлера оплачиваемой, — сказала Исель.

— Как Лис у себя в Ибре? Очень мудро, рейна; верность вашего первого слуги будет принадлежать вам, а не разрывать его на части между короной и семьёй, как в случае ди Джиронала. Кстати, кого вы собираетесь назначить на его место? У меня есть кое-какие идеи…

— Кэсерил! — Он услышал в её голосе знакомое негодование. — Конечно же, вас! Кого ещё я могу назначить, по вашему мнению? Тут и говорить не о чем! Это место должно быть вашим!

Кэсерил тяжело плюхнулся обратно в кресло, всё так же крепко держа руку Бетрис в своей.

— Прямо сейчас? — слабым голосом пробор-

мотал он.

Исель взмахнула рукой.

— Нет, конечно, что вы! Сегодня вечером мы будем праздновать. Завтра.

— Если ты будешь в силах к тому моменту, — поспешно добавил Бергон.

— Это ответственнейший пост!

Желая всего лишь кусок хлеба, оказаться приглашённым на пир… Кэсерил решил, что из тех, кто опекал бы его, и тех, кто без задней мысли безжалостно принёс бы в жертву своим целям его спокойствие, он однозначно предпочёл бы последних.

«Канцлер ди Кэсерил. Милорд канцлер».

Он пошевелил губами, пробуя на вкус название своей новой должности, и улыбнулся.

— Мы публично объявим о вашем назначении сегодня после обеда, — сказала Исель, — так что оденьтесь соответственно, Кэсерил. Мы с Бергоном наденем на вас цепь канцлера перед всем двором. Бетрис, зайди ко мне, — её губы изогнулись в хитрой улыбке, — чуть попозже.

Она взяла Бергона под руку и вышла с ним из комнаты. Дверь захлопнулась.

Кэсерил обвил руками талию Бетрис и бережно, но отнюдь не застенчиво, привлёк к себе на

колени. Она пискнула от неожиданности.

— Так, значит, губы? — пробормотал он, не сводя с них глаз, и поймал их своими.

Немного позже, прервавшись, чтобы отдышаться, она откинула голову и счастливо потёрла ладонью сначала свой подбородок, потом его.

— Теперь ты не щекочешь меня, когда целуешь!

Только поздним утром на следующий день Кэсерил смог наконец выбраться навестить Умегата в Доме Бастарда. Исполненный почтения служитель проводил его в покои на третьем этаже. Кэсерил постучал в дверь, ему открыл безъязыкий грум, Дарис. Новоиспечённый канцлер ничуть не удивился, увидев на Дарисе одежды дедиката ордена — белые и опрятные. Дарис потёр свой подбородок и, улыбаясь, указал на чисто выбритое лицо Кэсерила. Затем он провёл гостя через обставленную как гостиная комнату на маленький деревянный балкон, выходивший на храмовую площадь, увитый виноградными лозами и уставленный горшками с геранью.

Там за столом в прохладной тени сидел также облачённый в белое Умегат. Кэсерил вздрогнул, увидев перед ним бумагу, чернила и перо. Дарис, опережая просьбу Умегата, поспешно принёс ещё

одно кресло, чтобы Кэсерил мог сесть напротив. Затем Дарис что-то промычал, помогая себе руками, и Умегат пояснил его жесты Кэсерилу. Тот ответил согласием на предложение выпить чаю, и бывший грум заторопился принести угощение.

— Что это? — Кэсерил с интересом показал на бумагу. — К вам вернулась способность писать?

Умегат поморщился.

— Куда там. Мне как будто снова пять лет. — Он поднял лист, показывая результат — коряво выведенные буквы. — Я запихиваю их в голову, а они с той же скоростью выпадают обратно. Рука забыла, как держать перо, хотя я могу играть на лютне… так же плохо, как и раньше. Врач утверждает, что улучшения налицо, и я склонен с ним согласиться — всё же теперь я умею гораздо больше, чем месяц назад. Слова расползаются по страницам, словно крабы, но частенько у меня что-то получается. — Он поднял глаза и отложил лист. — Но вы-то! Натворили дел в Тарионе? Менденаль сказал, что вас проткнули мечом.

— Да, насквозь, — подтвердил Кэсерил. — Зато вырезали из меня Дондо и демона, так что дело того стоило. А потом леди избавила меня от смертельной лихорадки.

— Тогда вы легко отделались.

— Да, чудеснейшим образом.

Умегат слегка подался вперёд, упёршись локтями в стол, и пристально посмотрел ему в лицо.

— Хм… Хм… Похоже, вы побывали в высоком обществе.

— К вам вернулось второе зрение? — вздрогнув, спросил Кэсерил.

— Нет. Просто этот взгляд… Он вполне узнаваем.

И в самом деле. У Умегата взгляд был такой же. Видимо, когда человека осеняли боги, это оставляло в его глазах какой-то загадочный след.

— Вы тоже видели своего бога.

В этом не было сомнений.

— Да, пару раз, — подтвердил Умегат.

— Как долго после этого приходят в себя?

— Я уже не помню. — Умегат задумчиво пощипал пальцами губу, изучающе глядя на Кэсерила. — Расскажите мне… если можете, что вы видели?

Вопрос был задан не только из научного интереса — Кэсерил заметил в серых глазах рокнарца бездонную тоску, голод по богу.

«Я тоже так выгляжу, когда говорю о ней? Неудивительно, что люди странно поглядывают на меня».

Кэсерил начал рассказ со своего стремительного отъезда из Кардегосса по поручению принцессы. Прежде чем он закончил, они успели выпить по чашке принесённого Дарисом чая и налить ещё по одной. Немой дедикат тоже с интересом слушал, пристроившись у дверей, — Кэсерил решил, что нет причины хранить это от него в тайне. Когда дело дошло до описания того мгновения, когда леди позволила Кэсерилу взглянуть на мир её глазами, он вновь почувствовал себя косноязычным и неспособным передать свои ощущения словами.

— Поэзия… это подвластно только поэзии, — сказал он. — Мне нужны слова, которые значат больше, чем значат, слова, обладающие не только шириной и высотой, но ещё и глубиной, и такими измерениями, названий которых я не знаю.

— Хм… — ответил Умегат, — как-то после моего первого… опыта я пытался пленить бога музыкой. Увы, у меня не было дара.

Кэсерил кивнул, затем неуверенно спросил:

— Может, я могу чем-нибудь помочь? Вам что-нибудь нужно? Вчера Исель назначила меня канцлером Шалиона, так что, думаю, у меня довольно большие возможности.

Умегат вскинул брови и, не вставая, поздравил

Кэсерила лёгким поклоном.

— Отличное решение со стороны молодой рейны.

Кэсерил скривился.

— По правде говоря, мне до сих пор не даёт покоя мысль о сапогах мертвеца.

Умегат ухмыльнулся.

— Да уж, наследство ещё то. Что же касается нас, то храм довольно хорошо заботится о бывших святых и снабжает всем необходимым. Мне нравятся эти комнаты, этот город, весенний воздух, окружающие меня люди. Надеюсь, бог ещё дарует мне одно-два интересных дела, пока я жив. Желательно не связанных с животными. И с короной.

Кэсерил сочувственно кивнул.

— Полагаю, вы знали беднягу Орико как никто другой, кроме разве что Сары.

— Я виделся с ним ежедневно на протяжении шести лет, и он был откровенен со мной до самого конца. Надеюсь, я служил для него утешением.

Кэсерил заколебался:

— Я пришёл к выводу, что Орико был в некотором смысле героем.

— Да, я тоже об этом думал, — согласился Умегат и вздохнул. — Он был жертвой…

Дарис подошёл собрать со стола пустые чашки.

— Спасибо, Дарис, — сказал Умегат и похлопал его по руке. Дарис составил чашки и блюдца на поднос и удалился. Кэсерил с любопытством посмотрел ему вслед.

— Вы давно знакомы?

— Лет двадцать.

— Значит, он был не просто помощником в зверинце… — Кэсерил перешёл на шёпот. — Он уже тогда был таким?

— Нет… когда мы впервые встретились — ещё нет.

— Ох.

Умегат улыбнулся.

— Не нужно печалиться, лорд Кэсерил. Всё в порядке. То было вчера. А это — сегодня. Я спрошу у него позволения рассказать вам как-нибудь его историю.

— Я буду польщён подобным доверием.

— Всё хорошо, а если нет, то всё равно каждый день приближает нас к встрече с нашими богами.

— Я почувствовал это. Первые несколько дней… после того как я увидел богиню, мне было не по себе. Время и пространство — как и отношение к ним — каким-то образом изменились.

Раздался тихий стук в дверь. Дарис впустил в покои девушку-дедиката в белых одеждах и книгой в руке.

— А-а, — просветлел Умегат, — это моя чтица. Поклонитесь лорду канцлеру, дедикат, — и пояснил Кэсерилу: — Каждый день ко мне присылают провинившихся дедикатов, чтобы они читали мне в течение часа — наказание за лёгкие нарушения правил Дома. Ну, вы уже решили, какое правило нарушите завтра?

Девушка застенчиво улыбнулась.

— Ещё думаю, просвещённый Умегат.

— Если ваше воображение иссякнет, я покопаюсь в воспоминаниях юности — вдруг вспомню что-нибудь ещё.

Девушка показала Кэсерилу книгу.

— Я думала, что придётся читать нудную теологию, а мне велели принести вот эти истории.

Кэсерил с интересом посмотрел на книгу. Судя по марке печатника, издание было ибранское.

— Занимательная книга, — сказал Умегат. — Автор путешествует с группой паломников, которые по очереди рассказывают свои истории. Очень… э-э… поучительно.

— На самом деле, милорд, — прошептала девушка-дедикат, — некоторые из них совершенно

непристойные.

— Я чувствую необходимость стряхнуть пыль с проповеди Ордолла, посвящённой урокам плоти. И пообещал дедикату походатайствовать перед Бастардом о снятии с неё епитимьи в качестве компенсации за её стыдливый румянец. Боюсь, она верит, что моё ходатайство будет успешным. — Умегат улыбался во весь рот.

— Я… гм… был бы крайне признателен, если б вы дали мне почитать эту книгу, когда закончите её изучение, — с надеждой в голосе произнёс Кэсерил.

— Я пришлю её вам, милорд.

Кэсерил попрощался и вышел. Он пересёк храмовую площадь и направился вверх по холму. Однако, не доходя до Зангра, он свернул к городскому дворцу провинкара Баосии. Здание, сложенное из больших серых камней, немного походило на дворец Джироналов, но отличалось чуть меньшим размером и отсутствием окон на первом этаже. Окна второго этажа были защищены железными решётками. Дворец снова был открыт — приехали хозяева, и у них гостили сейчас старая провинкара и леди Иста, прибывшие из Валенды. Гулкая пустота комнат заполнилась шумом и суматохой. Кэсерил

представился, и его немедленно препроводили внутрь. Привратник провёл его в солнечную комнату на верхнем этаже в задней части дома. Там, на маленьком балконе с витыми железными перилами, выходившем на зелёный сад, он обнаружил вдовствующую рейну Исту. Она отпустила свою компаньонку и предложила Кэсерилу освободившееся кресло. Сегодня тусклые волосы Исты были аккуратно заплетены в косы и убраны наверх. Лицо её заметно посвежело, и даже платье, казалось, сидело на ней лучше обычного.

— Здесь очень мило, — заметил Кэсерил, устраиваясь в кресле.

— Да, мне тоже нравится эта комната. Я жила здесь ещё девочкой, когда мой отец брал нас с собой в столицу. Правда, это случалось нечасто. А больше всего мне нравится, что отсюда не видно Зангра. — Она посмотрела на раскинувшийся внизу пышный сад.

— Вы были вчера на ужине во дворце. — Вчера он успел только обменяться с ней формальными любезностями; Иста поздравила его с новым назначением и обручением и покинула Зангр очень рано. — Должен сказать, вы отлично выглядели. Исель была рада.

Она наклонила голову.

— Я там ела, чтобы доставить ей удовольствие, но спать там я не могу.

— Думаю, призраки по нему ещё бродят, но, к моему глубочайшему облегчению, я их больше не вижу.

— Я тоже не вижу, ни глазами, ни внутренним зрением, но чувствую их, как холод, исходящий от стен. А может, мою душу холодят воспоминания. — Она обхватила руками плечи, словно пытаясь согреться. — Зангр мне отвратителен.

— Теперь я понимаю несчастных призраков гораздо лучше, чем в те дни, когда они внушали мне страх, — нерешительно признался Кэсерил. — Тогда я думал, что их неприкаянность и постепенное разрушение вследствие отверженности богами — это проклятие, а теперь мне кажется, что это — милосердие. Когда боги забирают души в свой мир, те помнят себя… разум воспринимает прошлую жизнь всю сразу, одновременно, подобно тому как воспринимают мир боги, с почти ужасающей ясностью и чёткостью воспоминаний. Для некоторых… такой рай невыносим, едва ли не хуже ада. Поэтому боги даруют им забвение.

— Забвение. Теперь оно кажется мне настоящим раем. Думаю, я буду молиться, чтоб боги

сделали меня призраком.

«Боюсь, в этой милости вам будет отказано».

Кэсерил откашлялся.

— Вы знаете, что проклятие с Исель, Бергона и всего Шалиона уже снято?

— Да, Исель рассказала мне об этом, но я и сама почувствовала, как оно отпустило меня. Мои фрейлины в этот миг помогали мне одеться к утренней молитве Дня Дочери. Не произошло ничего такого, что можно было бы увидеть или услышать, но с моего разума словно спала пелена тумана. Я не понимала, насколько глубоко была погружена в это чёрное облако, пока не освободилась от его тяжести. Мне тогда стало очень грустно, потому что я решила, что вы умерли.

— Я действительно умер, но леди вернула меня в мир. Точнее, в моё тело; мой друг Палли утверждает, что она при этом расположила мою душу вверх ногами. — На его лице мелькнула улыбка.

Иста отвела взгляд.

— Исчезновение проклятия обострило мою боль, но сделало её какой-то далёкой. Это очень странное чувство.

Кэсерил снова откашлялся.

— Леди Иста, вы были правы в отношении пророчества. Три смерти. Я ошибся, решив, что

замужество спасёт Исель от проклятия. Кроме того, я боялся. Ваш способ казался мне очень жестоким. Но, несмотря ни на что, милостью леди он оказался правильным.

Она кивнула.

— Я бы сделала это сама, если бы могла. Но моя жертва не была бы принята. — В её голосе послышалась горечь.

— Нет, те давние события — ещё не причина принять вашу жертву, — запротестовал Кэсерил. — То есть они важны, безусловно, но не в данном случае. Вы смогли бы сделать это, используя только оболочку души, а не её содержание. Вам нужно было стать чашей, чтобы позволить наполнить себя. А вы — меч. Вы всегда были мечом. Как ваша мать и ваша дочь — сталь передаётся женщинам вашего рода от одной к другой. Я понял, почему раньше я никогда не замечал святых. Мир не разбивается об их волю, словно волны о скалы, и не обтекает их, рассечённый, как вода кораблём. Наоборот — они податливы и мягки, и это позволяет им тихо проплывать сквозь миры, подобно рыбам.

Она подняла брови то ли в знак согласия, то ли несогласия — Кэсерил не понял, — то ли вовсе с лёгкой насмешкой.

— Что вы теперь собираетесь делать? — спросил он. — Сейчас вам значительно лучше.

Она пожала плечами.

— Моя мать слабеет. Думаю, нам пора поменяться местами — теперь моя очередь ухаживать за ней в замке Валенды, как раньше она ухаживала за мной. Я предпочла бы уехать куда-нибудь, где никогда не была раньше, и не хочу ни в Валенду, ни в Кардегосс. Хочу туда, где нет воспоминаний.

С этим Кэсерил спорить не мог. Он вспомнил Умегата, который не то чтобы был сильнее её духовно, но так привык нести потери и терпеть горе, что они превратились для него едва ли не в обыденность. У Исты ещё было впереди лет двадцать жизни, чтобы достичь подобного равновесия. Умегат в её возрасте, когда ему пришлось врачевать изуродованного пытками друга, должно быть, тоже отгораживался от мира, как она, плакал, и стенал, и впадал в отчаяние от молчаливого бездействия богов.

— Я хочу познакомить вас с моим другом Умегатом, — сказал он Исте. — Он был святым, призванным охранять Орико. Сейчас он бывший святой, как вы и я. Думаю… вам будет о чём поговорить.

Она только повела рукой, не вдохновлённая

этим предложением, но и не отвергая его. Кэсерил решил обязательно устроить им встречу.

Пытаясь вернуться к более радостным темам, он стал расспрашивать о коронации Исель, ради которой Иста и гордая провинкара и приехали в Кардегосс. Кэсерил уже выслушал рассказы о ней от четырёх или пяти человек, но ему ещё не надоело узнавать подробности. Иста немного повеселела, радость за дочь осветила её лицо и заблестела в глазах. О смерти Тейдеса они по обоюдному молчаливому согласию не упоминали. Не стоило касаться свежих ран, ибо они ещё кровоточили. О потерянном мальчике можно поговорить и потом, когда пройдёт достаточно времени и раны заживут. Наконец Кэсерил поклонился и пожелал Исте хорошего дня. И тогда леди, вдруг встрепенувшись, поспешно наклонилась к нему и впервые коснулась его руки.

— Кэсерил, благословите меня перед уходом.

Он растерялся.

— Леди, я теперь не более святой, чем вы, и уж точно не бог, чтобы благословлять по собственному желанию…

Хотя… он ведь и принцессой не был, когда подписывал в Ибре договор от её имени.

«Леди Весны, если мне удалось послужить тебе,

верни мне свой долг сейчас».

Он облизнул губы.

— Но я попробую.

Он наклонился к Исте и положил ладонь на её белый лоб. Он не знал, откуда взялись слова, которые полились из его уст словно сами собой:

— Это истинное пророчество, такое же истинное, какое получили когда-то вы. Когда души возродятся в сиянии, ваша не будет ни отвергнута, ни потеряна — она станет украшением божественных садов. Там будут цениться даже ваши грехи, а ваша боль станет священной.

Слова иссякли; он умолк и выпрямился. Его пробила дрожь.

«Это хорошо или плохо? Может, я глупец?»

Глаза Исты наполнились слезами. Руки на коленях оставались неподвижными. Неловко, как ребёнок, который только учится двигаться, она кивнула, принимая благословение. И сказала дрожащим голосом:

— Для человека, считающего себя дилетантом, у вас получается весьма неплохо.

Кэсерил кивнул в ответ, улыбнулся, попрощался и вышел. Оказавшись на улице, он повернул к холму и широким шагом стал подниматься по склону. Его дамы уже заждались.